(P. O. rel.)
352 4
y. (2

Tolstoj

P. o. rel.
3527 $\frac{y}{-}$ (2

СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ.

МОСКВА.
Типо-литографія И. Н. Кушнерева и К°, Пименов. ул., д. Кушнеревой.
1887.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

УТРО ПОМѢЩИКА.

ПОВѢСТЬ

(1852 года).

BIBLIOTHECA REGIA MONACENSIS

УТРО ПОМѢЩИКА.

(Отрывокъ изъ неоконченнаго романа „Русскій помѣщикъ". 1852 г.)

I.

Князю Нехлюдову было девятнадцать лѣтъ, когда онъ съ 3-го курса университета пріѣхалъ на лѣтнія вакаціи въ свою деревню и одинъ пробылъ въ ней все лѣто. Осенью онъ, неустановившеюся, ребяческою рукой, написалъ къ своей теткѣ, графинѣ Бѣлорѣцкой, которая, по его понятіямъ, была его лучшій другъ и самая геніальная женщина въ мірѣ, слѣдующее (переведенное здѣсь) французское письмо:

„Милая тетушка!

„Я принялъ рѣшеніе, отъ котораго должна зависѣть участь всей моей жизни. Я выхожу изъ университета, чтобы посвятить себя жизни въ деревнѣ, потому что чувствую, что рожденъ для нея. Ради Бога, милая тетушка, не смѣйтесь надо мной. Вы скажете, что я молодъ; можетъ-быть, точно, я еще ребенокъ, но это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать мое призваніе, желать добра и любить его.

„Какъ я вамъ писалъ уже, я нашелъ дѣла въ неописанномъ

разстройствѣ. Желая ихъ привести въ порядокъ и вникнувъ въ нихъ, я открылъ, что главное зло заключается въ самомъ жалкомъ, бѣдственномъ положеніи мужиковъ, и зло такое, которое можно исправить только трудомъ и терпѣніемъ. Еслибы вы только могли видѣть двухъ моихъ мужиковъ, Давыда и Ивана, и жизнь, которую они ведутъ съ своими семействами,— я увѣренъ, что одинъ видъ этихъ двухъ несчастныхъ убѣдилъ бы васъ больше, чѣмъ все то, что̀ я могу сказать вамъ, чтобъ объяснить мое намѣреніе. Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться о счастіи этихъ семисотъ человѣкъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣчать Богу? Не грѣхъ ли покидать ихъ на произволъ грубыхъ старостъ и управляющихъ, изъ-за плановъ наслажденія или честолюбія?

„И зачѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ и дѣлать добро, когда мнѣ открывается такая благородная, блестящая и ближайшая обязанность? Я чувствую себя способнымъ быть хорошимъ хозяиномъ; а для того, чтобы быть имъ, какъ я разумѣю это слово, не нужно ни кандидатскаго диплома, ни чиновъ, которыхъ вы такъ желаете для меня. Милая тетушка, не дѣлайте за меня честолюбивыхъ плановъ, привыкните къ мысли, что я пошелъ по совершенно особенной дорогѣ, но которая хороша и, я чувствую, приведетъ меня къ счастью. Я много и много передумалъ о своей будущей обязанности, написалъ себѣ правила дѣйствій, и, если только Богъ дастъ мнѣ жизни и силъ, я успѣю въ своемъ предпріятіи.

„Не показывайте письма этого брату Васѣ: я боюсь его насмѣшекъ; онъ привыкъ первенствовать надо мной, а я привыкъ подчиняться ему. Ваня если и не одобритъ мое намѣреніе, то пойметъ его“.

Графиня отвѣчала ему слѣдующимъ письмомъ, тоже переведеннымъ здѣсь съ французскаго:

„Твое письмо, милый Дмитрій, ничего мнѣ не доказало, кромѣ того, что у тебя прекрасное сердце, въ чемъ я никогда и не сомнѣвалась. Но, милый другъ, наши добрыя качества больше вредятъ намъ въ жизни, чѣмъ дурныя. Не стану говорить тебѣ, что ты дѣлаешь глупость, что поведеніе твое огорчаетъ меня, но постараюсь подѣйствовать на тебя однимъ убѣжденіемъ. Будемъ разсуждать, мой другъ. Ты говоришь, что чувствуешь призваніе къ деревенской жизни, что хочешь сдѣлать счастіе своихъ крестьянъ и что надѣешься быть добрымъ хозяиномъ. 1) Я должна сказать тебѣ, что мы чувствуемъ свое призваніе только тогда, когда уже разъ ошибемся въ немъ, 2) что легче сдѣлать собственное счастіе, чѣмъ счастіе другихъ, и 3) что для того, чтобы быть добрымъ хозяиномъ, нужно быть холоднымъ и строгимъ человѣкомъ, чѣмъ ты едва ли когда-нибудь будешь, хотя и стараешься притворяться такимъ.

„Ты считаешь свои разсужденія непреложными и даже принимаешь ихъ за правила въ жизни. Но въ мои лѣта, мой другъ, не вѣрятъ въ разсужденія и въ правила, а вѣрятъ только въ опытъ; а опытъ говоритъ мнѣ, что твои планы— ребячество. Мнѣ уже подъ пятьдесятъ лѣтъ и я много знавала достойныхъ людей, но никогда не слыхивала, чтобы молодой человѣкъ съ именемъ и способностями, подъ предлогомъ дѣлать добро, зарылся въ деревнѣ. Ты всегда хотѣлъ казаться оригиналомъ, а твоя оригинальность не что иное какъ излишнее самолюбіе. И, мой другъ! выбирай лучше торныя дорожки; онѣ ближе ведутъ къ успѣху, а успѣхъ если ужъ не нуженъ для тебя, какъ успѣхъ, то необходимъ

для того, чтобъ имѣть возможность дѣлать добро, которое ты любишь.

„Нищета нѣсколькихъ крестьянъ — зло необходимое, или такое зло, которому можно помочь, не забывая всѣхъ своихъ обязанностей къ обществу, къ своимъ роднымъ и къ самому себѣ. Съ твоимъ умомъ, съ твоимъ сердцемъ и любовью къ добродѣтели нѣтъ карьеры, въ которой бы ты не имѣлъ успѣха, но выбирай, по крайней мѣрѣ, такую, которая бы тебя стоила и сдѣлала бы тебѣ честь.

„Я вѣрю въ твою искренность, когда ты говоришь, что у тебя нѣтъ честолюбія; но ты самъ обманываешь себя. Честолюбіе — добродѣтель въ твои лѣта и съ твоими средствами; но она дѣлается недостаткомъ и пошлостью, когда человѣкъ уже не въ состояніи удовлетворить этой страсти. И ты испытаешь это, если не измѣнишь своему намѣренію. Прощай, милый Митя! Мнѣ кажется, что я тебя люблю еще больше за твой нелѣпый, но благородный и великодушный планъ. Дѣлай, какъ знаешь, но, признаюсь, не могу согласиться съ тобой“.

Молодой человѣкъ, получивъ это письмо, долго думалъ надъ нимъ и, наконецъ, рѣшивъ, что и геніальная женщина можетъ ошибаться, подалъ прошеніе объ увольненіи изъ университета и навсегда остался въ деревнѣ.

II.

У молодаго помѣщика, какъ онъ писалъ своей теткѣ, были составлены правила дѣйствій по своему хозяйству, и вся жизнь и занятія его были распредѣлены по часамъ, днямъ, мѣсяцамъ. Воскресенье было назначено для пріема просителей,

дворовыхъ и мужиковъ, для обхода хозяйства бѣдныхъ крестьянъ и для поданія имъ помощи съ согласія міра, который собирался вечеромъ каждое воскресенье и долженъ былъ рѣшать, кому и какую помощь нужно было оказывать. Въ такихъ занятіяхъ прошло болѣе года, и молодой человѣкъ былъ уже не совсѣмъ новичокъ ни въ практическомъ, ни въ теоретическомъ знаніи хозяйства.

Было ясное іюньское воскресенье, когда Нехлюдовъ, напившись кофе и пробѣжавъ главу „Maison Rustique", съ записною книжкой и пачкой ассигнацій въ карманѣ своего легонькаго пальто, вышелъ изъ большаго, съ колоннадами и террасами, деревенскаго дома, въ которомъ занималъ внизу одну маленькую комнатку, и по нечищеннымъ, заросшимъ дорожкамъ стараго англійскаго сада направился къ селу, расположенному по обѣимъ сторонамъ большой дороги. Нехлюдовъ былъ высокій, стройный молодой человѣкъ, съ большими, густыми, вьющимися темно-русыми волосами, съ свѣтлымъ блескомъ въ черныхъ глазахъ, свѣжими щеками и румяными губами, надъ которыми только показывался первый пушокъ юности. Во всѣхъ движеніяхъ его и походкѣ замѣтны были сила, энергія и добродушное самодовольство молодости. Крестьянскій народъ пестрыми толпами возвращался изъ церкви; старики, дѣвки, дѣти, бабы съ грудными младенцами, въ праздничныхъ одеждахъ, расходились по своимъ избамъ, низко кланяясь барину и обходя его. Войдя въ улицу, Нехлюдовъ остановился, вынулъ изъ кармана записную книжку и на послѣдней, исписанной дѣтскимъ почеркомъ, страницѣ прочелъ нѣсколько крестьянскихъ именъ съ отмѣтками. *Иванъ Чурисенокъ — просилъ сошекъ*, прочелъ онъ и, войдя на улицу, подошелъ къ воротамъ второй избы справа.

Жилище Чурисенка составляли: полусгнившій, подопрѣлый съ угловъ срубъ, погнувшійся на бокъ и вросшій въ землю такъ, что надъ самою навозною завалиной виднѣлись одно разбитое, красное, волоковое оконце, съ полуоторваннымъ ставнемъ, и другое, волчье, заткнутое хлопкомъ. Рубленныя сѣни, съ выгнившимъ порогомъ и низкою дверью, другой маленькій срубецъ, еще древнѣе и еще ниже сѣней, ворота и плетеная клѣть лѣпились около главной избы. Все это было когда-то покрыто подъ одну неровную крышу; теперь же только на застрѣхѣ густо нависла черная, гніющая солома; наверху же мѣстами видны были рѣшетникъ и стропила. Передъ дворомъ былъ колодезь съ развалившимся срубикомъ, остаткомъ столба и колеса и съ грязной, истоптанной скотиною лужей, въ которой полоскались утки. Около колодца стояли двѣ старыя, треснувшія и надломленныя ракиты, съ рѣдкими, блѣдно-зелеными вѣтвями. Подъ одной изъ этихъ ракитъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что кто-то и когда-то заботился объ украшеніи этого мѣста, сидѣла восьмилѣтняя бѣлокурая дѣвочка и заставляла ползать вокругъ себя другую, двухлѣтнюю, дѣвчонку. Дворной щенокъ, вилявшій около нихъ, увидавъ барина, опрометью бросился подъ ворота и залился оттуда испуганнымъ, дребезжащимъ лаемъ.

— Дома ли Иванъ?—спросилъ Нехлюдовъ.

Старшая дѣвочка какъ будто остолбенѣла при этомъ вопросѣ и начала все болѣе и болѣе открывать глаза, ничего не отвѣчая; меньшая же открыла ротъ и собиралась плакать. Небольшая старушонка, въ изорванной клѣтчатой паневѣ, низко подпоясанной старенькимъ, красноватымъ кушакомъ, выглядывала изъ-за двери и тоже ничего не отвѣчала. Нехлюдовъ подошелъ къ сѣнямъ и повторилъ вопросъ.

— Дома, кормилецъ,—проговорила дребезжащимъ голосомъ старушонка, низко кланяясь и вся приходя въ какое-то испуганное волненіе.

Когда Нехлюдовъ, поздоровавшись съ ней, прошелъ черезъ сѣни на тѣсный дворъ, старуха подперлась ладонью, подошла къ двери и, не спуская глазъ съ барина, тихо стала покачивать головой. На дворѣ бѣдно; кое-гдѣ лежалъ старый несвоженный, почернѣвшій навозъ; на навозѣ безпорядочно валялись: прѣлая колода, вилы и двѣ бороны. Навѣсы вокругъ двора, подъ которыми, съ одной стороны, стояли соха, телѣга безъ колеса и лежала куча, сваленныхъ другъ на друга, пустыхъ, негодныхъ пчелиныхъ колодокъ,—были почти всѣ раскрыты и одна сторона ихъ обрушилась, такъ что спереди перемёты лежали уже не на сохахъ, а на навозѣ. Чурисенокъ топоромъ и обухомъ выламывалъ плетень, который придавила крыша. Иванъ Чурисъ былъ мужикъ лѣтъ пятидесяти, ниже обыкновеннаго роста. Черты его загорѣлаго, продолговатаго лица, окруженнаго темно-русою, съ просѣдью, бородой и такими же густыми волосами, были красивы и выразительны. Его темно-голубые полузакрытые глаза глядѣли умно и добродушно-беззаботно. Небольшой, правильный ротъ, рѣзко обозначавшійся изъ-подъ русыхъ рѣдкихъ усовъ, когда онъ улыбался, выражалъ спокойную увѣренность въ себѣ и нѣсколько насмѣшливое равнодушіе ко всему окружающему. По грубости кожи, глубокимъ морщинамъ, рѣзко обозначеннымъ жиламъ на шеѣ, лицѣ и рукахъ, по неестественной сутуловатости и кривому, дугообразному положенію ногъ видно было, что вся жизнь его прошла въ непосильной, слишкомъ тяжелой работѣ. Одежда его состояла изъ бѣлыхъ посконныхъ портокъ, съ синими заплатками на

колѣняхъ, и такой же грязной, расползавшейся на спинѣ и рукахъ, рубахи. Рубаха низко подпоясывалась тесемкой съ висѣвшимъ на ней мѣднымъ ключикомъ.

— Богъ помощь!—сказалъ баринъ, входя на дворъ.

Чурисенокъ оглянулся и снова принялся за свое дѣло. Сдѣлавъ энергическое усиліе, онъ выпросталъ плетень изъ-подъ навѣса и тогда только воткнулъ топоръ въ колоду и, оправляя поясокъ, вышелъ на средину двора.

— Съ праздникомъ, ваше сіятельство!—сказалъ онъ, низко кланяясь и встряхивая волосами.

— Спасибо, любезный. Вотъ пришелъ твое хозяйство провѣдать,—съ дѣтскимъ дружелюбіемъ и застѣнчивостью сказалъ Нехлюдовъ, оглядывая одежду мужика. — Покажи-ка мнѣ, на что тебѣ сохи, которыя ты просилъ у меня на сходкѣ?

— Сошки-то?... Извѣстно, на что сошки, батюшка, ваше сіятельство. Хоть мало-мальски подпереть хотѣлось,—сами изволите видѣть. Вотъ анадысь уголъ завалился,—еще помиловалъ Богъ, что скотины въ ту пору не было. Все-то еле-еле виситъ,—говорилъ Чурисъ, презрительно осматривая свои раскрытые, кривые и обрушенные сараи. — Теперь и стропила, и откосы, и перемтёы только тронь,—глядишь, дерева дѣльнаго не выйдетъ. А лѣсу гдѣ нынче возьмешь, сами изволите знать.

— Такъ на что-жъ тебѣ пять сошекъ, когда одинъ сарай уже завалился, а другіе скоро завалятся? Тебѣ нужны не сошки, а стропила, перемёты, столбы,—все новое нужно,— сказалъ баринъ, видимо щеголяя своимъ знаніемъ дѣла.

Чурисенокъ молчалъ.

— Тебѣ, стало-быть, нужно лѣсу, а не сошекъ; такъ и говорить надо было.

— Вѣстимо нужно, да взять-то негдѣ: не все же на барскій дворъ ходить! Коли нашему брату повадку дать къ вашему сіятельству за всякимъ добромъ на барскій дворъ кланяться, какіе мы крестьяне будемъ? А коли милость ваша на то будетъ насчетъ дубовыхъ макушекъ, что̀ на господскомъ гумнѣ такъ безъ дѣла лежатъ,—сказалъ онъ, кланяясь и переминаясь съ ноги на ногу,—такъ, може, я которыя подмѣню, которыя поурѣжу, и изъ стараго какъ-нибудь сооружую.

— Какъ же изъ стараго? Вѣдь ты самъ говоришь, что все у тебя старо и гнило: нынче этотъ уголъ обвалился, завтра тотъ, послѣ-завтра третій; такъ ужъ ежели дѣлать, такъ дѣлать все заново, чтобы не даромъ работа пропадала. Ты скажи мнѣ, какъ ты думаешь, можетъ твой дворъ простоять нынче зиму, или нѣтъ?

— А кто ее знаетъ!

— Нѣтъ, ты какъ думаешь: завалится онъ или нѣтъ?

Чурисъ на минуту задумался.

— Должонъ весь завалиться,—сказалъ онъ вдругъ.

— Ну, вотъ видишь ли, ты бы лучше такъ и на сходкѣ говорилъ, что тебѣ надо весь дворъ перестроить, а не однѣхъ сошекъ. Вѣдь я радъ помочь тебѣ...

— Много довольны вашей милостью!—недовѣрчиво и не глядя на барина, отвѣчалъ Чурисенокъ. — Мнѣ хоть бы бревна четыре, да сошекъ пожаловали, такъ я, можетъ, самъ управлюсь; а который негодный лѣсъ выберется, такъ въ избу на подпорки пойдетъ.

— А развѣ у тебя и изба плоха?

— Того и ждемъ съ бабой, что вотъ-вотъ раздавитъ кого-нибудь,—равнодушно сказалъ Чурисъ.—Намедни и то накатина съ потолка мою бабу убила!

— Какъ убила?

— Да такъ убила, ваше сіятельство: по спинѣ какъ полыхнетъ ее, такъ она до ночи замертво пролежала.

— Что-жъ, прошло?

— Прошло-то прошло, да все хвораетъ. Она, точно, и отъ-роду хворая.

— Что, ты больна?—спросилъ Нехлюдовъ у бабы, продолжавшей стоять въ дверяхъ и тотчасъ же начавшей охать, какъ только мужъ сталъ говорить про нее.

— Все вотъ тутъ не пущаетъ меня, да и шабашъ,—отвѣчала она, указывая на свою грязную, тощую грудь.

— Опять!—съ досадой сказалъ молодой баринъ, пожимая плечами.—Отчего же ты больна, а не приходила сказаться въ больницу? Вѣдь для этого и больница заведена. Развѣ васъ не повѣщали?

— Повѣщали, кормилецъ, да недосугъ все: и на барщину, и дома, и ребятишки—все одна! Дѣло наше одинокое...

III.

Нехлюдовъ вошелъ въ избу. Неровныя, закопченыя стѣны въ черномъ углу были увѣшаны разнымъ тряпьемъ и платьемъ, а въ красномъ буквально покрыты красноватыми тараканами, собравшимися около образовъ и лавки. Въ серединѣ этой черной, смрадной, шести-аршинной избёнки, въ потолкѣ, была большая щель и, несмотря на то, что въ двухъ мѣстахъ стояли подпорки, потолокъ такъ погнулся, что, казалось, съ минуты на минуту угрожалъ разрушеніемъ.

— Да, изба очень плоха,—сказалъ баринъ, всматриваясь въ лицо Чурисенка, который, казалось, не хотѣлъ начинать говорить объ этомъ предметѣ.

— Задавитъ насъ, и ребятишекъ задавитъ,—начала слезливымъ голосомъ приговаривать баба, прислонившись къ печи подъ полатями.

— Ты не говори!—строго сказалъ Чурисъ и съ тонкою, чуть замѣтною улыбкой, обозначившеюся подъ его пошевелившимися усами, обратился къ барину:—И ума не приложу, что съ ней дѣлать, ваше сіятельство, съ избой-то: и подпорки, и подкладки клалъ,—ничего нельзя исдѣлать.

— Какъ тутъ зиму зимовать? Охъ-охъ-о!—сказала баба.

— Оно, коли еще подпорки поставить, новый накатникъ настлать,—перебилъ ее мужъ со спокойнымъ, дѣловымъ выраженіемъ,—да одинъ перемётъ перемѣнить, такъ, можетъ, какъ-нибудь пробьемся зиму-то. Прожить можно, только избу всю подпорками загородишь — вотъ что; а тронь ее, такъ щепки живой не будетъ; только поколи стоитъ, держится,—заключилъ онъ, видимо весьма довольный тѣмъ, что онъ сообразилъ это обстоятельство.

Нехлюдову было досадно и больно, что Чурисъ довелъ себя до такого положенія и не обратился прежде къ нему, тогда какъ онъ, съ самаго своего пріѣзда, ни разу не отказывалъ мужикамъ и только того добивался, чтобы всѣ прямо приходили къ нему за своими нуждами. Онъ почувствовалъ даже нѣкоторую злобу на мужика, сердито пожалъ плечами и нахмурился; но видъ нищеты, окружавшей его, и среди этой нищеты спокойная и самодовольная наружность Чуриса превратили его досаду въ какое-то грустное, безнадежное чувство.

— Ну, какъ же ты, Иванъ, прежде не сказалъ мнѣ?—съ упрекомъ замѣтилъ онъ, садясь на грязную, кривую лавку.

— Не посмѣлъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Чурисъ съ

тою же, чуть замѣтною, улыбкой, переминаясь своими черными, босыми ногами по неровному земляному полу; но онъ сказалъ это такъ смѣло и спокойно, что трудно было вѣрить, чтобъ онъ не посмѣлъ придти къ барину.

— Наше дѣло мужицкое: какъ мы смѣемъ!...—начала было, всхлипывая, баба.

— Не гуторь!—снова обратился къ ней Чурисъ.

— Въ этой избѣ тебѣ жить нельзя; это вздоръ!—сказалъ Нехлюдовъ, помолчавъ нѣсколько времени.—А вотъ что мы сдѣлаемъ, братецъ...

— Слушаю-съ,—отозвался Чурисъ.

— Видѣлъ ты каменныя герардовскія избы, что̀ я построилъ на новомъ хуторѣ, что̀ съ пустыми стѣнами?

— Какъ не видать-съ!—отвѣчалъ Чурисъ, открывая улыбкой свои еще цѣлые бѣлые зубы:—еще не мало дивились, какъ клали-то ихъ,—мудреныя избы! Ребята смѣялись, что не магазеи ли будутъ, отъ крысъ въ стѣны засыпать... Избы важныя!—заключилъ онъ, съ выраженіемъ насмѣшливаго недоумѣнія покачавъ головой,—остроги словно...

— Да, избы славныя, сухія и теплыя, и отъ пожара не такъ опасны,—возразилъ баринъ, нахмуривъ свое молодое лицо, видимо недовольный насмѣшкой мужика.

— Неспорно, ваше сіятельство, избы важныя.

— Ну, такъ вотъ, одна изба ужъ совсѣмъ готова. Она десяти-аршинная, съ сѣнями, съ клѣтью и совсѣмъ ужъ готова. Я ее, пожалуй, тебѣ отдамъ въ долгъ за свою цѣну: ты когда-нибудь отдашь,—сказалъ баринъ съ самодовольною улыбкой, которую онъ не могъ удержать при мысли о томъ, что дѣлаетъ благодѣяніе.—Ты свою старую сломаешь, продолжалъ онъ:—она на амбаръ пойдетъ; дворъ тоже перене-

семъ. Вода тамъ славная, огороды вырѣжу изъ новины, земли тебѣ во всѣхъ трехъ клинахъ тоже тамъ, подъ бокомъ, вырѣжу. Отлично заживешь! Что-жъ, развѣ это тебѣ не нравится?—спросилъ Нехлюдовъ, замѣтивъ, что, какъ только онъ заговорилъ о переселеніи, Чурисъ погрузился въ совершенную неподвижность и, уже не улыбаясь, смотрѣлъ въ землю.

— Воля вашего сіятельства,—отвѣчалъ онъ, не поднимая глазъ.

Старушка выдвинулась впередъ, какъ будто задѣтая за̀живо, и готовилась сказать что-то, но мужъ предупредилъ ее:

— Воля вашего сіятельства,—повторилъ онъ рѣшительно и вмѣстѣ съ тѣмъ покорно, взглядывая на барина и встряхивая волосами,—а на новомъ хуторѣ намъ жить не приходится.

— Отчего?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, коли насъ туда переселите, мы и здѣсь-то плохи, а тамъ вамъ навѣкъ мужиками не будемъ. Какіе мы тамъ мужики будемъ? Да тамъ и жить-то нельзя, воля ваша!

— Да отчего-жъ?

— Изъ послѣдняго разоримся, ваше сіятельство.

— Отчего-жъ тамъ жить нельзя?

— Какая же тамъ жизнь? Ты посуди: мѣсто не жилое, вода неизвѣстная, выгона нѣту-ти. Коноплянники у насъ здѣсь искони навозные, а тамъ что̀? Да и что̀ тамъ?—голь! Ни плетней, ни овиновъ, ни сараевъ,—ничего нѣту-ти. Разоримся мы, ваше сіятельство, коли насъ туда погонишь, въ конецъ разоримся! Мѣсто новое, неизвѣстное...—повторилъ онъ задумчиво, но рѣшительно покачивая головой.

Нехлюдовъ сталъ было доказывать мужику, что переселеніе, напротивъ, очень выгодно для него, что плетни и сараи

тамъ построятъ, что вода тамъ хорошая и т. д., но тупое молчаніе Чуриса смущало его, и онъ почему-то чувствовалъ, что говоритъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Чурисенокъ не возражалъ ему; но когда баринъ замолчалъ, онъ, слегка улыбнувшись, замѣтилъ, что лучше бы всего было поселить на этомъ хуторѣ стариковъ дворовыхъ и Алёшу-дурачка, чтобъ они тамъ хлѣбъ караулили.

— Вотъ бы важно-то было!—замѣтилъ онъ и снова усмѣхнулся.—Пустое это дѣло, ваше сіятельство!

— Да что-жъ, что мѣсто не жилое?—терпѣливо настаивалъ Нехлюдовъ:—вѣдь и здѣсь когда-то мѣсто было не жилое, а вотъ живутъ же люди. И тамъ, вотъ, ты только первый поселись съ легкой руки... Ты непремѣнно поселись...

— И, батюшка, ваше сіятельство, какъ можно сличить!—съ живостью отвѣчалъ Чурисъ, какъ будто испугавшись, чтобы баринъ не принялъ окончательнаго рѣшенія:—здѣсь на міру мѣсто, мѣсто веселое, обычное: и дорога, и прудъ тебѣ, бѣлье что ли бабѣ стирать, скотину ли поить—и все наше заведеніе мужицкое, тутъ искони заведенное: и гумно, и огородишка, и ветлы—вотъ чтó мои родители садили; и дѣдъ, и батюшка наши здѣсь Богу душу отдали; и мнѣ только бы вѣкъ тутъ свой кончить, ваше сіятельство, больше ничего не прошу. Буде милость твоя избу поправить, много довольны вашею милостью останемся; а нѣтъ, такъ и въ старенькой своей вѣкъ какъ-нибудь доживемъ. Заставь вѣкъ Бога молить,—продолжалъ онъ, низко кланяясь:—не сгоняй ты насъ съ гнѣзда нашего, батюшка!...

Въ то время, какъ Чурисъ говорилъ, подъ полатями, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла его жена, слышны были все усиливавшіяся и усиливавшіяся всхлипыванья, и когда мужъ ска-

залъ: „батюшка“, жена его неожиданно выскочила впередъ и, въ слезахъ, ударилась въ ноги барину:

— Не погуби, кормилецъ! Ты нашъ отецъ, ты наша мать! Куда намъ селиться? Мы люди старые, одинокіе. Какъ Богъ, такъ и ты...—завопила она.

Нехлюдовъ вскочилъ съ лавки и хотѣлъ поднять старуху, но она съ какимъ-то сладострастіемъ отчаянія билась головой о земляной полъ и отталкивала руку барина.

— Что́ ты! встань, пожалуйста! Коли не хотите, такъ не надо; я принуждать не стану,—говорилъ онъ, махая руками и отступая къ двери.

Когда Нехлюдовъ сѣлъ опять на лавку и въ избѣ водворилось молчаніе, прерываемое только хныканьемъ бабы, снова удалившейся подъ полати и утиравшей тамъ слезы рукавомъ рубахи, молодой помѣщикъ понялъ, что̀ значила для Чуриса и его жены разваливающаяся избёнка, обвалившійся колодезь съ грязною лужей, гніющіе хлѣвушки, сарайчики и треснувшія ветлы, виднѣвшіяся передъ кривымъ оконцемъ, и ему стало что-то тяжело, грустно и чего-то совѣстно.

— Какъ же ты, Иванъ, не сказалъ при мірѣ, прошлое воскресенье, что тебѣ нужна изба? Я теперь не знаю, какъ помочь тебѣ. Я говорилъ вамъ всѣмъ на первой сходкѣ, что я поселился въ деревнѣ и посвятилъ свою жизнь для васъ; что я готовъ самъ лишить себя всего, лишь бы вы были довольны и счастливы, и я предъ Богомъ клянусь, что сдержу свое слово,—говорилъ юный помѣщикъ, не зная того, что такого рода изліянія неспособны возбуждать довѣрія ни въ какомъ, и въ особенности въ русскомъ человѣкѣ, любящемъ не слова, а дѣло, и неохотникѣ до выраженія чувствъ какихъ бы то ни было прекрасныхъ.

Но простодушный молодой человѣкъ былъ такъ счастливъ тѣмъ чувствомъ, которое испытывалъ, что не могъ не излить его.

Чурисъ погнулъ голову на сторону и, медленно моргая, съ принужденнымъ вниманіемъ слушалъ своего барина, какъ человѣка, котораго нельзя не слушать, хотя онъ и говоритъ вещи не совсѣмъ хорошія и совершенно до насъ не касающіяся.

— Но вѣдь я не могу всѣмъ давать все, что̀ у меня просятъ. Еслибъ я никому не отказывалъ, кто у меня проситъ лѣса, у меня самого скоро бы ничего не осталось, и я не могъ бы дать тому, кто истинно нуждается. Затѣмъ-то я и отдѣлилъ заказъ, опредѣлилъ его для исправленія крестьянскаго строенія и совсѣмъ отдалъ міру. Лѣсъ этотъ теперь уже не мой, а вашъ, крестьянскій, и уже я имъ не могу распоряжаться, а распоряжается міръ, какъ знаетъ. Ты приходи нынче на сходку,—я міру поговорю о твоей просьбѣ: коли онъ присудитъ тебѣ избу дать, такъ и хорошо, а у меня ужъ теперь лѣсу нѣтъ. Я отъ всей души желаю тебѣ помочь; но коли ты не хочешь переселиться, то дѣло уже не мое, а мірское. Ты понимаешь меня?

— Много довольны вашею милостью,—отвѣчалъ смущенный Чурисъ.—Коли на дворъ лѣску ублаготворите, такъ мы и такъ поправимся... Что̀ міръ?—Дѣло извѣстное...

— Нѣтъ, ты приходи.

— Слушаю. Я приду. Отчего не придти? Только ужъ я у міра просить не стану.

IV.

Молодому помѣщику видно хотѣлось еще спросить что-то у хозяевъ,—онъ не вставалъ съ лавки и нерѣшительно поглядывалъ то на Чуриса, то въ пустую, нетоплёную печь.

— Что̀, вы ужъ обѣдали?—наконецъ спросилъ онъ.

Подъ усами Чуриса обозначилась насмѣшливая улыбка, какъ будто ему смѣшно было, что баринъ дѣлаетъ такіе глупые вопросы; онъ ничего не отвѣтилъ.

— Какой обѣдъ, кормилецъ!—тяжело вздыхая, проговорила баба. — Хлѣбушка поснѣдали — вотъ и обѣдъ нашъ. За сныткой нынче ходить неколи было, такъ и щецъ сварить не изъ чего, а что квасу было, такъ ребятамъ дала.

— Нынче постъ голодный, ваше сіятельство,—вмѣшался Чурисъ, поясняя слова бабы:—хлѣбъ да лукъ—вотъ и пища наша мужицкая. Еще, слава-ти Господи, хлѣбушка-то у меня, по милости вашей, по сю пору хватило, а то сплошь у нашихъ мужиковъ и хлѣба-то нѣтъ. Луку нынѣ вездѣ незародъ. У Михайла-огородника, анадысь посылали, за пучокъ по грошу беретъ, а покупать нашему брату не откуда. Съ Пасхи почитай-что и въ церкву Божью не ходимъ, и свѣчку Миколѣ купить не на что.

Нехлюдовъ уже давно зналъ,—не по слухамъ, не на вѣру къ словамъ другихъ, а на дѣлѣ,—всю ту крайнюю степень бѣдности, въ которой находились его крестьяне; но вся дѣйствительность эта была такъ несообразна со всѣмъ воспитаніемъ его, складомъ ума и образомъ жизни, что онъ противъ воли забывалъ истину, и всякій разъ, когда ему, какъ теперь, живо, осязательно напоминали ее, у него на сердцѣ становилось невыносимо тяжело и грустно, какъ будто воспоминаніе о какомъ-то совершенномъ, неискупленномъ преступленіи мучило его.

— Отчего вы такъ бѣдны?—сказалъ онъ, невольно высказывая свою мысль.

— Да какимъ же намъ и быть, батюшка ваше сіятельство,

какъ не бѣднымъ? Земля наша какая, вы сами изволите знать: глина, бугры, да и то,—видно прогнѣвили мы Бога,—вотъ ужъ съ холеры, почитай, хлѣба не родитъ. Луговъ и угодьевъ опять меньше стало: которые позаказали въ экономію, которые тоже въ барскія поля попридрали. Дѣло мое одинокое, старое: гдѣ и радъ бы похлопоталъ,—силъ моихъ нѣту. Старуха моя больная, что ни годъ, то дѣвчонокъ рожаетъ: вѣдь всѣхъ кормить надо. Вотъ одинъ маюсь, а семь душъ дома. Грѣшенъ Господу Богу, часто думаю себѣ, хоть бы прибралъ которыхъ Богъ поскорѣе: и мнѣ бы легче было, да и имъ-то лучше, чѣмъ здѣсь горе мыкать...

— О-охъ!—громко вздохнула баба, какъ бы въ подтвержденіе словъ мужа.

— Вотъ моя подмога вся тутъ,—продолжалъ Чурисъ, указывая на бѣлоголоваго, шаршаваго мальчика лѣтъ семи, съ огромнымъ животомъ, который въ это время, робко, тихо скрипнувъ дверью, вошелъ въ избу и, уставивъ изъ подлобья удивленные глаза на барина, обѣими ручонками держался за рубаху Чуриса.—Вотъ и подсобка моя вся тутъ!—продолжалъ звучнымъ голосомъ Чурисъ, проводя своею шаршавою рукой по бѣлымъ волосамъ ребенка.—Когда его дождешься? А мнѣ ужъ работа не въ мочь. Старость бы еще ничего, да грыжа меня одолѣла. Въ ненастье хоть крикомъ кричи, а вѣдь ужъ мнѣ давно съ тягла, въ старики пора. Вонъ Ермиловъ, Демкинъ, Зябревъ—всѣ моложе меня—давно земли посложили. Ну, мнѣ сложить не на кого — вотъ бѣда моя. Кормиться надо: вотъ и бьюсь, ваше сіятельство.

— Я бы радъ тебѣ облегчить, точно. Какъ же быть?—сказалъ молодой баринъ съ участіемъ, глядя на крестьянина.

— Да какъ облегчить? Извѣстное дѣло: коли землей вла-

дать, то и барщину править надо,—ужъ порядки извѣстные. Какъ-нибудь малаго дождусь. Только будетъ милость ваша, насчетъ училища его увольте; а то намедни земскій приходилъ, тоже говоритъ, и его ваше сіятельство требуетъ въ училищу. Ужъ его-то увольте: вѣдь какой у него разумъ, ваше сіятельство? Онъ еще младъ, ничего не смыслитъ.

— Нѣтъ, ужъ это, братъ, какъ хочешь, сказалъ баринъ:— мальчикъ твой уже можетъ понимать,—ему учиться пора. Вѣдь я для твоего же добра говорю. Ты самъ посуди, какъ онъ у тебя подростетъ, хозяиномъ станетъ, да будетъ грамотѣ знать и читать будетъ умѣть, и въ церкви читать,— вѣдь все у тебя дома съ Божьей помощью пойдетъ,—говорилъ Нехлюдовъ, стараясь выражаться какъ можно понятнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, почему-то краснѣя и заминаясь.

— Неспорно, ваше сіятельство, вы намъ худа не желаете, да дома-то побыть некому: мы съ бабой на барщинѣ,—ну, а онъ хоть и маленекъ, а все подсобляетъ: и скотину загнать, и лошадей напоить. Какой ни есть, а все мужикъ,—и Чурисенокъ съ улыбкой взялъ своими толстыми пальцами за носъ мальчика и высморкалъ его.

— Все-таки ты присылай его, когда самъ дома и когда ему время,—слышишь?—непремѣнно.

Чурисенокъ тяжело вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

V.

— Да, я еще хотѣлъ сказать тебѣ,—сказалъ Нехлюдовъ:— отчего у тебя навозъ не вывезенъ?

— Какой у меня навозъ, батюшка ваше сіятельство! И возить-то нечего! Скотина моя какая?—кобыленка одна, да

жеребенокъ, а телушку осенью изъ телятъ дворнику отдалъ,—вотъ и скотина моя вся.

— Такъ какъ же: у тебя скотины мало, а ты еще телку изъ телятъ отдалъ?—съ удивленіемъ спросилъ баринъ.

— А чѣмъ кормить станешь?

— Развѣ у тебя соломы-то не достанетъ, чтобы корову прокормить? У другихъ достаетъ же?

— У другихъ земли навозныя, а моя земля—глина одна, ничего не сдѣлаешь.

— Такъ вотъ и навозь ее, чтобы не было глины; а земля хлѣбъ родитъ, и будетъ чѣмъ скотину кормить.

— Да и скотины-то нѣту, такъ какой навозъ будетъ?

„Это странный cercle vicieux", подумалъ Нехлюдовъ, но рѣшительно не могъ придумать, что̀ посовѣтовать мужику.

— Опять и то сказать, ваше сіятельство, не навозъ хлѣбъ родитъ, а все Богъ,—продолжалъ Чурисъ.—Вотъ у меня лѣтось на прѣсномъ осминникѣ шесть копенъ стало, а съ навозной и крестца не собрали. Никто какъ Богъ!—прибавилъ онъ со вздохомъ.—Да и скотина ко двору нейдетъ къ нашему. Вотъ шестой годъ не живетъ. Лѣтось одна телка издохла, другую продалъ,—кормиться нечѣмъ было,—а въ запрошлый годъ важная корова пала: пригнали изъ стада, ничего не было, да вдругъ зашаталась, зашаталась, и паръ вонъ. Все мое несчастье!

— Ну, братецъ, чтобы ты не говорилъ, что у тебя скотины нѣтъ оттого, что корму нѣтъ, а корму нѣтъ оттого, что скотины нѣтъ, вотъ тебѣ на корову!—сказалъ Нехлюдовъ, краснѣя и доставая изъ кармана шараваръ скомканную пачку ассигнацій и разбирая ее:—купи себѣ на мое счастье корову,

а кормъ бери съ гумна,—я прикажу. Смотри же, чтобы къ будущему воскресенью у тебя была корова,—я зайду.

Чурисъ такъ долго, съ улыбкой переминаясь, не подвигалъ руку за деньгами, что Нехлюдовъ положилъ ихъ на конецъ стола и покраснѣлъ еще больше.

— Много довольны вашею милостью,—сказалъ Чурисъ съ своей обыкновенною, немного насмѣшливою улыбкой.

Старуха нѣсколько разъ тяжело вздохнула подъ полатями и какъ будто читала молитву.

Молодому барину стало неловко; онъ торопливо всталъ съ лавки, вышелъ въ сѣни и позвалъ за собой Чуриса. Видъ человѣка, которому онъ сдѣлалъ добро, былъ такъ пріятенъ, что ему не хотѣлось скоро разстаться съ нимъ.

— Я радъ тебѣ помогать,—сказалъ онъ, останавливаясь у колодца:—тебѣ помогать можно, потому что, я знаю, ты не лѣнишься. Будешь трудиться—и я буду помогать: съ Божьей помощью и поправишься.

— Ужъ не то, что поправиться, ваше сіятельство!—сказалъ Чурисъ, принимая вдругъ серьезное, даже строгое выраженіе лица, какъ будто весьма недовольный предположеніемъ барина, что онъ можетъ поправиться.—Жили при бачкѣ съ братьями, ни въ чемъ нужды не видали; а вотъ какъ померъ онъ, да какъ разошлись, такъ все хуже да хуже пошло. Все одиночество!

— Зачѣмъ же вы разошлись?

— Все изъ-за бабъ вышло, ваше сіятельство. Тогда уже дѣдушки вашего не было, а то при немъ бы не посмѣли: тогда настоящіе порядки были. Онъ такъ же, какъ и вы, до всего самъ доходилъ,—и думать бы не смѣли расходиться. Не любилъ покойникъ мужикамъ повадку давать; а нами

послѣ вашего дѣдушки завѣдывалъ Андрей Ильичъ,—не тѣмъ будь помянутъ!—человѣкъ былъ пьяный, необстоятельный. Пришли къ нему проситься разъ, другой: нѣтъ, молъ, житья отъ бабъ, позволь разойтись,—ну, подралъ, подралъ, а наконецъ, тому дѣло вышло, все-таки поставили бабы на своемъ, врозь стали жить. А ужъ одинокій мужикъ извѣстно какой! Ну, да и порядковъ-то никакихъ не было: орудовалъ нами Андрей Ильичъ, какъ хотѣлъ. „Чтобъ было у тебя все", а изъ чего мужику взять, того не спрашивалъ. Тутъ подушныя прибавили, столовый запасъ тоже сбирать больше стали, а земель меньше стало, и хлѣбъ рожать пересталъ. Ну, а какъ межовка пришла, да какъ онъ у насъ наши навозныя земли на господскій клинъ отрѣзалъ, злодѣй, и порѣшилъ насъ совсѣмъ, хоть помирай! Батюшка вашъ,—царство небесное!—баринъ добрый былъ, да мы его и не видали почитай: все въ Москвѣ жилъ; ну, извѣстно, и подводы туда чаще гонять стали. Другой разъ распутица, кормовъ нѣтъ, а вези! Нельзя же и барину безъ того. Мы этимъ обижаться не смѣемъ; да порядковъ не было. Какъ теперь ваша милость до своего лица всякаго мужичка допускаете, такъ и мы другіе стали, и прикащикъ-то другой человѣкъ сталъ. Мы теперь знаемъ хоша, что у насъ баринъ есть. И ужъ и сказать нельзя, какъ мужички твоей милости благодарны! А то, въ опеку, настоящаго барина не было; всякій баринъ былъ: и опекунъ баринъ былъ, и Ильичъ баринъ, и жена его барыня, и писарь изъ стану тотъ же баринъ. Тутъ-то много,—ухъ, много горя приняли мужички!

Опять Нехлюдовъ испыталъ чувство похожее на стыдъ или угрызеніе совѣсти. Онъ приподнялъ шляпу и пошелъ дальше.

VI.

„Юхванка-Мудреный хочетъ лошадь продать“, прочелъ Нехлюдовъ въ записной книжечкѣ и перешелъ черезъ улицу, ко двору Юхванки-Мудренаго. Юхванкина изба была тщательно покрыта соломой съ барскаго гумна и срублена изъ свѣжаго, свѣтло-сѣраго осиноваго лѣса (тоже изъ барскаго заказа), съ двумя выкрашенными красными ставнями у оконъ, и крылечкомъ съ навѣсомъ, и съ затѣйливыми, вырѣзанными изъ тесинъ, перильцами. Сѣнцы и холодная изба были тоже исправныя; но общій видъ довольства и достатка, который имѣла эта связь, нарушался нѣсколько пригороженною къ воротищамъ клѣтью съ недоплетёнымъ заборомъ и раскрытымъ навѣсомъ, виднѣвшимся изъ-за нея. Въ то самое время, какъ Нехлюдовъ подходилъ съ одной стороны къ крыльцу, съ другой подходили двѣ крестьянскія женщины съ полнымъ ушатомъ. Одна изъ нихъ была жена, другая—мать Юхванки-Мудренаго. Первая была плотная, румяная баба, съ необыкновенно развитою грудью и широкими, мясистыми скулами. На ней была чистая, шитая на рукавахъ и воротникѣ, рубаха, такая же занавѣска, новая панева, коты, бусы и, вышитая красною бумагой и блестками, четвероугольная щегольская кичка.

Конецъ водоноса не покачивался, а плотно лежалъ на ея широкомъ и твердомъ плечѣ. Легкое напряженіе, замѣтное въ красномъ лицѣ ея, въ изгибѣ спины и мѣрномъ движеніи рукъ и ногъ, выказывало въ ней необыкновенное здоровье и мужскую силу. Юхванкина мать, несшая другой конецъ водоноса, была, напротивъ, одна изъ тѣхъ старухъ, кото-

рыя кажутся дошедшими до послѣдняго предѣла старости и разрушенія въ живомъ человѣкѣ. Костлявый остовъ ея, на которомъ надѣта была черная, изорванная рубаха и безцвѣтная панева, былъ согнутъ, такъ что водоносъ лежалъ больше на спинѣ, чѣмъ на плечѣ ея. Обѣ руки ея, съ искривленными пальцами, которыми она, какъ будто ухватившись, держалась за водоносъ, были какого-то темно-бураго цвѣта и, казалось, не могли уже разгибаться; понурая голова, обвязанная какимъ-то тряпьемъ, носила на себѣ самые уродливые слѣды нищеты и глубокой старости. Изъ-подъ узкаго лба, изрытаго по всѣмъ направленіямъ глубокими морщинами, тускло смотрѣли въ землю два красные глаза, лишенные рѣсницъ. Одинъ желтый зубъ выказывался изъ-подъ верхней, впалой губы и, безпрестанно шевелясь, сходился иногда съ острымъ подбородкомъ. Морщины на нижней части лица и горла похожи были на какіе-то мѣшки, качавшіеся при каждомъ движеніи. Она тяжело и хрипло дышала; но босыя, искривленныя ноги, хотя, казалось, черезъ-силу волочились по землѣ, мѣрно двигались одна за другою.

VII.

Почти столкнувшись съ бариномъ, молодая баба бойко составила ушатъ, потупилась, поклонилась, потомъ блестящими глазами изъ подлобья взглянула на барина, и, стараясь рукавомъ вышитой рубашки скрыть легкую улыбку, постукивая котами, взбѣжала на сходцы.

— Ты, матушка, водоносъ-то теткѣ Настасьѣ отнеси,—сказала она, останавливаясь въ двери и обращаясь къ старухѣ.

Скромный молодой помѣщикъ строго, но внимательно по-

смотрѣлъ на румяную бабу, нахмурился и обратился къ старухѣ, которая, выпроставъ корявыми пальцами водоносъ, взвалила его на плечи и покорно направилась было къ сосѣдней избѣ.

— Дома сынъ твой?—спросилъ баринъ.

Старуха, согнувъ еще болѣе свой согнутый станъ, поклонилась и хотѣла сказать что-то, но, приложивъ руки ко рту, такъ закашлялась, что Нехлюдовъ, не дождавшись, вошелъ въ избу. Юхванка, сидѣвшій въ красномъ углу на лавкѣ, увидѣвъ барина, бросился къ печи, какъ будто хотѣлъ спрятаться отъ него, поспѣшно сунулъ на полати какую-то вещь и, подергивая ртомъ и глазами, прижался около стѣны, какъ будто давая дорогу барину. Юхванка былъ русый парень, лѣтъ тридцати, худощавый, стройный, съ молодою, остренькою бородкой, довольно красивый, еслибы не бѣгающіе карія глазки, непріятно выглядывавшіе изъ-подъ сморщенныхъ бровей, и не недостатокъ двухъ переднихъ зубовъ, который тотчасъ бросался въ глаза, потому что губы его были коротки и безпрестанно шевелились. На немъ была праздничная рубаха съ ярко-красными ластовиками, полосатые набойчатые портки и тяжелые сапоги со сморщенными голенищами. Внутренность избы Юхванки не была такъ тѣсна и мрачна, какъ внутренность избы Чуриса, хотя въ ней такъ же было душно, пахло дымомъ и тулупомъ, и такъ же безпорядочно было раскинуто мужицкое платье и утварь. Двѣ вещи здѣсь какъ-то странно останавливали вниманіе: небольшой погнутый самоваръ, стоявшій на полкѣ, и черная рамка съ остаткомъ грязнаго стекла и портретомъ какого-то генерала въ красномъ мундирѣ, висѣвшая около иконъ. Нехлюдовъ, недружелюбно посмотрѣвъ на самоваръ, на портретъ генерала

и на полати, на которыхъ торчалъ изъ-подъ какой-то ветошки конецъ трубки въ мѣдной оправѣ, обратился къ мужику:

— Здравствуй, Епифанъ, — сказалъ онъ, глядя ему въ глаза.

Епифанъ поклонился, проборможавъ: „здравія желаемъ, васясо", особенно нѣжно выговаривая послѣднее слово, и глаза его мгновенно обѣжали всю фигуру барина, избу, полъ и потолокъ, не останавливаясь ни на чемъ; потомъ онъ торопливо подошелъ къ полатямъ, стащилъ оттуда зипунъ и сталъ надѣвать его.

— Зачѣмъ ты одѣваешься?—сказалъ Нехлюдовъ, садясь на лавку и видимо стараясь какъ можно строже смотрѣть на Епифана.

— Какъ же, помилуйте, васясо, развѣ можно? Мы, кажется, можемъ понимать...

— Я зашелъ къ тебѣ узнать, зачѣмъ тебѣ нужно продать лошадь, и много ли у тебя лошадей, и какую ты лошадь продать хочешь?—сухо сказалъ баринъ, видимо повторяя приготовленные вопросы.

— Мы много довольны вашему сіясу, что не побрезгали зайти ко мнѣ, къ мужику,—отвѣчалъ Юхванка, бросая быстрые взгляды на портретъ генерала, на печку, на сапоги барина и на всѣ предметы, исключая лица Нехлюдова: — мы всегда за вашего сяса Богу молимъ...

— Зачѣмъ тебѣ лошадь продать?—повторилъ Нехлюдовъ, возвышая голосъ и прокашливаясь.

Юхванка вздохнулъ, встряхнулъ волосами (взглядъ его опять обѣжалъ избу) и, замѣтивъ кошку, которая спокойно мурлыкала, лежа на лавкѣ, крикнулъ на нее: „брысь, подлая!"—и торопливо оборотился къ барину:

— Лошадь, которая, васясо, негодная... Коли бы животина добрая была, я бы продавать не сталъ, васясо.

— А сколько у тебя всѣхъ лошадей?

— Три лошади, васясо.

— А жеребятъ нѣтъ?

— Какъ можно-съ, васясо! И жеребенокъ есть.

VIII.

— Пойдемъ, покажи мнѣ своихъ лошадей; онѣ у тебя на дворѣ?

— Такъ точно-съ, васясо; какъ мнѣ приказано, такъ и сдѣлано, васясо. Развѣ мы можемъ ослушаться вашего сіяса? Мнѣ приказалъ Яковъ Ильичъ, чтобъ, молъ, лошадей завтра въ поле не пущать: князь смотрѣть будутъ,—мы и не пущали. Ужъ мы не смѣемъ ослушаться вашего сіяса.

Покуда Нехлюдовъ выходилъ въ двери, Юхванка досталъ трубку съ полатей и закинулъ ее за печку; губы его все такъ же безпокойно передергивались и въ то время, какъ баринъ не смотрѣлъ на него.

Худая сивая кобыленка перебирала подъ навѣсомъ прѣлую солому; двухмѣсячный длинноногій жеребенокъ какого-то неопредѣленнаго цвѣта, съ голубоватыми ногами и мордой, не отходилъ отъ ея тощаго, засореннаго рѣпьями хвоста. По серединѣ двора, зажмурившись и задумчиво опустивъ голову, стоялъ утробистый гнѣдой меренокъ, съ виду хорошая мужицкая лошадка.

— Такъ тутъ всѣ твои лошади?

— Никакъ нѣтъ-съ, васясо: вотъ еще кобылка, да вотъ жеребеночекъ,—отвѣчалъ Юхванка, указывая на лошадей, которыхъ баринъ не могъ не видѣть.

— Я вижу. Такъ какую же ты хочешь продать?

— А вотъ евту-съ, васясо,—отвѣчалъ онъ, махая полой зипуна на задремавшаго меренка и безпрестанно мигая и передергивая губами. Меренокъ открылъ глаза и лѣниво повернулся къ нему хвостомъ.

— Онъ не старый на видъ, и собой лошадка плотная,—сказалъ Нехлюдовъ.—Поймай-ка его да покажи мнѣ зубы. Я узнаю, стара ли она.

— Никакъ не можно поймать-съ одному, васясо. Вся скотина гроша не стоитъ, а норовистая — и зубомъ, и передомъ, васясо,—отвѣчалъ Юхванка, улыбаясь очень весело и пуская глаза въ разныя стороны.

— Что за вздоръ! Поймай, тебѣ говорятъ.

Юхванка долго улыбался, переминался и только тогда, когда Нехлюдовъ сердито крикнулъ: „ну, что-жъ ты?"—бросился подъ навѣсъ, принесъ обротъ и сталъ гоняться за лошадью, пугая ее и подходя сзади, а не спереди.

Молодому барину видимо надоѣло смотрѣть на это, да и хотѣлось, можетъ-быть, показать свою ловкость.

— Дай сюда обротъ!—сказалъ онъ.

— Помилуйте, какъ можно васясу? Не извольте...

Но Нехлюдовъ прямо съ головы подошелъ къ лошади и, вдругъ ухвативъ ее за уши, пригнулъ къ землѣ съ такою силой, что меренокъ, который, какъ оказывалось, была очень смирная мужицкая лошадка, зашатался и захрипѣлъ, стараясь вырваться. Когда Нехлюдовъ замѣтилъ, что совершенно напрасно было употреблять такія усилія, и взглянулъ на Юхванку, который не переставалъ улыбаться, ему пришла въ голову самая обидная въ его лѣта мысль, что Юхванка смѣется надъ нимъ и мысленно считаетъ его ребенкомъ. Онъ покрас-

нѣлъ, выпустилъ уши лошади и, безъ помощи оброти открывъ ей ротъ, посмотрѣлъ въ зубы: клыки были цѣлы, чашки полныя, что̀ все уже успѣлъ выучить молодой хозяинъ,— стало-быть, лошадь молодая.

Юхванка въ это время отошелъ къ навѣсу и, замѣтивъ, что борона лежала не на мѣстѣ, поднялъ ее и, прислонивъ къ плетню, поставилъ стоймя.

— Поди сюда!—крикнулъ баринъ съ дѣтски-раздосадованнымъ выраженіемъ въ лицѣ и чуть не со слезами досады и злобы въ голосѣ.—Что, эта лошадь старая?

— Помилуйте, васясо, очень стара, годовъ двадцать будетъ!... Которая лошадь...

— Молчать! Ты лгунъ и негодяй, потому что честный мужикъ не станетъ лгать: ему незачѣмъ!—сказалъ Нехлюдовъ, задыхаясь отъ гнѣвныхъ слезъ, которыя подступали ему къ горлу. Онъ замолчалъ, чтобы не осрамиться, расплакавшись при мужикѣ. Юхванка тоже молчалъ и съ видомъ человѣка, который сейчасъ заплачетъ, посапывалъ носомъ и слегка подергивалъ головой.—Ну, на чемъ же ты выѣдешь пахать, когда продашь эту лошадь?—продолжалъ Нехлюдовъ, успокоившись достаточно, чтобы говорить обыкновеннымъ голосомъ:—тебя нарочно посылаютъ на пѣшія работы, чтобы ты поправлялся лошадьми къ пахотѣ, а ты послѣднюю хочешь продавать? А главное, зачѣмъ ты лжешь?

Какъ только баринъ успокоился, и Юхванка успокоился. Онъ стоялъ прямо и, все такъ же передергивая губами, перебѣгалъ глазами отъ одного предмета къ другому.

— Мы вашему сіясу,—отвѣчалъ онъ,—не хуже другихъ на работу выѣдемъ.

— Да на чемъ же ты выѣдешь?

— Ужъ будьте покойны, вашего сіяса работу справимъ!— отвѣчалъ онъ, нукая на мерина и отгоняя его. — Коли бы не нужны деньги, то сталъ бы развѣ продавать?

— Зачѣмъ тебѣ нужны деньги?

— Хлѣба нѣту-ти ничего, васясо, да и долги отдать мужичкамъ надо-ти, васясо.

— Какъ, хлѣба нѣту? Отчего же у другихъ, у семейныхъ, еще есть, а у тебя, безсемейнаго, нѣту? Куда-жъ онъ дѣвался?

— Ѣли, ваше сіясо, а теперь ни крохи нѣтъ. Лошадь я къ осени куплю, васясо.

— Лошадь продавать и думать не смѣй!

— Что-жъ, васясо, коли такъ, то какая же наша жизнь будетъ?—и хлѣба нѣту, и продавать ничего не смѣй...—отвѣчалъ онъ совсѣмъ на сторону, передергивая губы и кидая вдругъ дерзкій взглядъ прямо на лицо барина: — значитъ, съ голоду помирать надо?

— Смотри, братъ!—закричалъ Нехлюдовъ, блѣднѣя и испытывая злобное чувство личности противъ мужика:—такихъ мужиковъ, какъ ты, я держать не стану. Тебѣ дурно будетъ.

— На то воля вашего сіяса,—отвѣчалъ онъ, закрывая глаза съ притворно-покорнымъ выраженіемъ,—коли я вамъ не заслужилъ. А, кажется, за мной никакого пороку не замѣчено. Извѣстно, ужъ коли я вашему сіясу не полюбился, то все въ волѣ вашей состоитъ; только не знаю, за что я страдать долженъ.

— А вотъ за что: что у тебя дворъ раскрытъ, навозъ не запаханъ, плетни поломаны, а ты сидишь дома да трубку куришь, не работаешь,—за то, что ты своей матери, которая тебѣ все хозяйство отдала, куска хлѣба не даешь, по-

зволяешь ее своей женѣ бить и доводишь до того, что она ко мнѣ жаловаться приходила.

— Помилуйте, ваше сіясо, я и не знаю, какія это трубки бываютъ!—отвѣчалъ смущенно Юхванка, котораго, видно, преимущественно оскорбило обвиненіе въ куреніи трубки.— Про человѣка все сказать можно...

— Вотъ ты опять лжешь! Я самъ видѣлъ...

— Какъ я смѣю лгать вашему сіясу?!

Нехлюдовъ молчалъ и, кусая губу, сталъ ходить взадъ и впередъ по двору. Юхванка, стоя на одномъ мѣстѣ, не поднимая глазъ, слѣдилъ за ногами барина.

— Послушай, Епифанъ,—сказалъ Нехлюдовъ дѣтски-кроткимъ голосомъ, останавливаясь передъ мужикомъ и стараясь скрыть свое волненіе:—этакъ жить нельзя, и ты себя погубишь. Подумай хорошенько... Если ты мужикомъ хорошимъ хочешь быть, такъ ты свою жизнь перемѣни, оставь свои привычки дурныя, не лги, не пьянствуй, уважай свою мать. Вѣдь я про тебя все знаю. Занимайся хозяйствомъ, а не тѣмъ, чтобы казенный лѣсъ воровать да въ кабакъ ходить. Подумай, что̀ тутъ хорошаго! Коли тебѣ въ чемъ-нибудь нужда, то приди ко мнѣ, попроси прямо, что̀ нужно и зачѣмъ,—и не лги, а всю правду скажи,—и тогда я тебѣ не откажу ни въ чемъ, что̀ только могу сдѣлать.

— Помилуйте, васясо, мы, кажется, можемъ понимать вашего сіяса!—отвѣчалъ Юхванка, улыбаясь, какъ будто вполнѣ понимая всю прелесть шутки барина.

Эта улыбка и отвѣтъ совершенно разочаровали Нехлюдова въ надеждѣ тронуть мужика и увѣщаніями обратить на путь истинный. Притомъ ему все казалось, что неприлично ему, имѣющему власть, усовѣщевать своего мужика, и что все,

что̀ онъ говорилъ, совсѣмъ не то, что̀ слѣдуетъ говорить. Онъ грустно опустилъ голову и вышелъ въ сѣни. На порогѣ сидѣла старуха и громко стонала, какъ казалось, въ знакъ сочувствія словамъ барина, которыя она слышала.

— Вотъ вамъ на хлѣбъ,—сказалъ ей на ухо Нехлюдовъ, кладя въ руку ассигнацію:—только сама покупай, а не давай Юхванкѣ, а то онъ пропьетъ.

Старуха костлявою рукой ухватилась за притолку, чтобы встать, и собралась благодарить барина; голова ея закачалась, но Нехлюдовъ былъ уже на другой сторонѣ улицы, когда она встала.

IX.

„Давыдка Бѣлый просилъ хлѣба и кольевъ“, значилось въ записной книжкѣ послѣ Юхванки.

Пройдя нѣсколько дворовъ, Нехлюдовъ, при поворотѣ въ переулокъ, встрѣтился съ своимъ прикащикомъ, Яковомъ Алпатычемъ, который, издалека увидѣвъ барина, снялъ клеенчатую фуражку и, доставъ фуляровый платокъ, сталъ обтирать толстое, красное лицо.

— Надѣнь, Яковъ! Яковъ, надѣнь же, я тебѣ говорю...

— Гдѣ изволили быть, ваше сіятельство?—спросилъ Яковъ, защищаясь фуражкой отъ солнца, но не надѣвая ея.

— Былъ у Мудренаго. Скажи пожалуйста, отчего онъ такой сдѣлался?—сказалъ баринъ, продолжая идти впередъ по улицѣ.

— А что̀, ваше сіятельство?—отозвался управляющій, который въ почтительномъ разстояніи слѣдовалъ за бариномъ и, надѣвъ фуражку, расправлялъ усы.

— Какъ что̀?—Онъ совершенный негодяй, лѣнтяй, воръ,

лгунъ, мать свою мучитъ и, какъ видно, такой закоренѣлый негодяй, что никогда не исправится.

— Не знаю, ваше сіятельство, что онъ вамъ такъ не понравился...

— И жена его,—перебилъ баринъ управляющаго,—кажется, прегадкая женщина. Старуха хуже всякой нищей одѣта, ѣсть нечего, а она — разряженная, и онъ тоже. Что съ нимъ дѣлать, я рѣшительно не знаю.

Яковъ замѣтно смутился, когда Нехлюдовъ заговорилъ про жену Юхванки.

— Что-жъ, коли онъ такъ себя попустилъ, ваше сіятельство,—началъ онъ,—то надо мѣры изыскать. Онъ, точно, въ бѣдности, какъ и всѣ одинокіе мужики, но онъ все-таки себя сколько-нибудь наблюдаетъ, не такъ, какъ другіе. Онъ мужикъ умный, грамотный и, ничего, честный, кажется, мужикъ. При сборѣ подушныхъ онъ всегда ходитъ. И старостой при моемъ ужъ управленіи три года ходилъ, тоже ничѣмъ не замѣченъ. Въ третьемъ годѣ опекуну угодно было его ссадить, такъ онъ и на тяглѣ исправенъ былъ. Нешто какъ въ городу на почтѣ живалъ, то хмѣлемъ немного позашибется, такъ надо мѣры изыскать. Бывало зашалитъ, постращаешь — онъ опять въ свой разумъ приходитъ: и ему хорошо, и въ семействѣ ладъ; а какъ вамъ не угодно, значитъ, эти мѣры употреблять, то ужъ я и не знаю, что̀ съ нимъ будемъ дѣлать. Онъ точно себя очень попустилъ. Въ солдаты опять не годится, потому, какъ изволили замѣтить, двухъ зубовъ нѣтъ. Да и не онъ одинъ, осмѣлюсь вамъ доложить, что совершенно страху не имѣютъ...

— Ужъ это оставь, Яковъ!—отвѣчалъ Нехлюдовъ, слегка улыбаясь:—про это мы съ тобой говорили и переговорили.

Ты знаешь, какъ я объ этомъ думаю, и, что̀ ты мнѣ ни говори, я все такъ же буду думать.

— Конечно, ваше сіятельство, вамъ это все извѣстно,— сказалъ Яковъ, пожимая плечами и глядя сзади на барина такъ, какъ будто то, что онъ видѣлъ, не обѣщало ничего хорошаго.—А что насчетъ старухи вы изволите безпокоиться, то это напрасно,—продолжалъ онъ:—оно, конечно, что она сиротъ воспитала, вскормила и женила Юхвана, и все такое; но вѣдь это вообще въ крестьянствѣ, когда мать или отецъ сыну хозяйство передали, то ужъ хозяинъ—сынъ и сноха, а старуха ужъ должна свой хлѣбъ зарабатывать по силѣ по̀ мочи. Они, конечно, тѣхъ чувствъ нѣжныхъ не имѣютъ, но ужъ въ крестьянствѣ вообще такъ ведется. То и осмѣлюсь вамъ доложить, что напрасно старуха васъ трудила. Она старуха умная и хозяйка,—да что-жъ господина изъ-за всего безпокоить? Ну, поссорилась со снохой, та, можетъ-быть, ее и толкнула—бабье дѣло!—и помирились бы опять, чѣмъ васъ безпокоить. Ужъ вы и такъ слишкомъ все изволите къ сердцу принимать,—говорилъ управляющій, съ нѣкоторою нѣжностью и снисходительностью глядя на барина, который молча, большими шагами шелъ передъ нимъ вверхъ по улицѣ.

— Домой изволите?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, къ Давыдкѣ Бѣлому, или Козлу... какъ онъ прозывается.

— Вотъ тоже лядъ-то, доложу вамъ!... Ужъ эта вся порода Козловъ такая! Чего-чего съ нимъ ни дѣлалъ,—ничто не беретъ. Вчера по полю крестьянскому проѣхалъ, а у него и гречиха не посѣяна; что прикажете дѣлать съ такимъ народцемъ? Хоть бы старикъ-то сына училъ, а то такой же лядъ: ни на себя, ни на барщину,—все какъ черезъ пень-

колоду валитъ... Ужъ что-что съ нимъ ни дѣлали и опекунъ, и я: и въ станъ посылали, и дома наказывали—вотъ что вы не изволите любить...

— Кого,—неужели старика?

— Старика-съ. Опекунъ сколько разъ и при всей сходкѣ наказывалъ, такъ вѣрите ли, ваше сіятельство, хоть бы те что́: встряхнется, пойдетъ и все то же. И вѣдь Давыдка, доложу вамъ, мужикъ смирный, и неглупый мужикъ, и не куритъ,—не пьетъ, то-есть,—объяснялъ Яковъ:—а вотъ хуже пьянаго другаго. Одно, что въ солдаты, коли выйдетъ, или на поселенье,—больше дѣлать нечего. Эта вся ужъ порода Козловъ такая: и Матрюшка, что въ черной живетъ,—тоже ихней семьи,—такой же лядъ проклятый. Такъ я вамъ не нуженъ, ваше сіятельство?—прибавилъ управляющій, замѣчая, что баринъ не слушаетъ его.

— Нѣтъ, ступай,—разсѣянно отвѣчалъ Нехлюдовъ и направился къ Давыдкѣ Бѣлому.

Давыдкина изба криво и одиноко стояла на краю деревни. Около нея не было ни двора, ни овина, ни амбара; только какіе-то грязные хлѣвушки для скотины лѣпились съ одной стороны; съ другой стороны кучею навалены были приготовленные для двора хворостъ и бревна. Высокій, зеленый бурьянъ росъ на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то былъ дворъ. Никого, кромѣ свиньи, которая, лежа въ грязи, визжала у порога, не было около избы.

Нехлюдовъ постучалъ въ разбитое окно; но такъ какъ никто не отзывался ему, онъ подошелъ къ сѣнямъ и крикнулъ: „хозяева!“ И на это никто не откликнулся. Онъ прошелъ сѣни, заглянулъ въ пустые хлѣвушки и вошелъ въ отворенную избу. Старый, красный пѣтухъ и двѣ курицы, по-

дергивая ожерельями и постукивая ногтями, расхаживали по полу и лавкамъ. Увидѣвъ человѣка, они съ отчаяннымъ кудахтаньемъ, распустивъ крылья, забились по стѣнамъ, и одна изъ нихъ вскочила на печку. Шестиаршинную избёнку всю занимали печь съ разломанною трубой, ткацкій станъ, который, несмотря на лѣтнее время, не былъ вынесенъ, и почернѣвшій столъ съ выгнутою, треснувшею доской.

Хотя на дворѣ было сухо, однако у порога стояла грязная лужа, образовавшаяся въ прежній дождь отъ течи въ потолкѣ и крышѣ. Полатей не было. Трудно было подумать, чтобы мѣсто это было жилое,—такой рѣшительный видъ запустѣнія и безпорядка носила на себѣ какъ наружность, такъ и внутренность избы,—однако, въ этой избѣ жилъ Давыдка Бѣлый со всѣмъ своимъ семействомъ. Въ настоящую минуту, несмотря на жаръ іюньскаго дня, Давыдка, свернувшись съ головой въ полушубокъ, крѣпко спалъ, забившись въ уголъ печи. Испуганная курица, вскочившая на печь и еще не успокоившаяся отъ волненія, расхаживая по спинѣ Давыдки, не разбудила его.

Не видя никого въ избѣ, Нехлюдовъ хотѣлъ уже выдти, какъ протяжный, влажный вздохъ изобличилъ хозяина.

— Эй, кто тутъ?—крикнулъ баринъ.

Съ печки послышался другой протяжный вздохъ.

— Кто тамъ? Поди сюда!

Еще вздохъ, мычанье и громкій зѣвокъ отозвались на крикъ барина.

— Ну, что-жъ ты?

На печи медленно зашевелилось; показалась пола истертаго тулупа; спустилась одна большая нога въ изорванномъ лаптѣ, потомъ другая и, наконецъ, показалась вся фигура

Давыдки Бѣлаго, сидѣвшаго на печи и лѣниво и недовольно большимъ кулакомъ протиравшаго глаза. Медленно нагнувъ голову, онъ, зѣвая, взглянулъ въ избу и, увидѣвъ барина, сталъ поворачиваться немного скорѣе, чѣмъ прежде, но все еще такъ тихо, что Нехлюдовъ успѣлъ раза три пройти отъ лужи къ тацкому стану и обратно, а Давыдка все еще слѣзалъ съ печи. Давыдка Бѣлый былъ дѣйствительно бѣлый: и волоса, и тѣло, и лицо его—все было чрезвычайно бѣло. Онъ былъ высокъ ростомъ и очень толстъ, но толстъ—какъ бываютъ мужики, то-есть не животомъ, а тѣломъ. Толщина его, однако, была какая-то мягкая, нездоровая. Довольно красивое лицо его, съ свѣтло-голубыми, спокойными глазами и съ широкой окладистою бородой, носило на себѣ отпечатокъ болѣзненности. На немъ не было замѣтно ни загара, ни румянца; оно все было какого-то блѣднаго, желтоватаго цвѣта, съ легкимъ лиловымъ оттѣнкомъ около глазъ, и какъ будто все заплыло жиромъ или распухло. Руки его были пухлы, желтоваты, какъ руки людей больныхъ водянкою, и покрыты тонкими бѣлыми волосами. Онъ такъ разоспался, что никакъ не могъ совсѣмъ открыть глаза и стоять не пошатываясь и не зѣвая.

— Ну, какъ же тебѣ не совѣстно,—началъ Нехлюдовъ:—середь бѣлаго дня спать, когда тебѣ дворъ строить надо, когда у тебя хлѣба нѣтъ?...

Какъ только Давыдка опомнился отъ сна и сталъ понимать, что передъ нимъ стоитъ баринъ, онъ сложилъ руки подъ животъ, опустилъ голову, склонивъ ее немного на бокъ, и не двигался ни однимъ членомъ. Онъ молчалъ; но выраженіе лица его и положеніе всего тѣла говорило: „Знаю, знаю,—ужъ мнѣ не первый разъ это слышать. Ну, бейте же, коли

такъ надо, я снесу". Онъ, казалось, желалъ, чтобы баринъ пересталъ говорить, а поскорѣе прибилъ его,—даже больно прибилъ по пухлымъ щекамъ,—но оставилъ поскорѣе въ покоѣ. Замѣчая, что Давыдка не понимаетъ его, Нехлюдовъ разными вопросами старался вывести мужика изъ его покорно-терпѣливаго молчанія.

— Для чего же ты просилъ у меня лѣсу, когда онъ у тебя вотъ уже цѣлый мѣсяцъ лежитъ, и самое свободное время такъ лежитъ, а?

Давыдка упорно молчалъ и не двигался.

— Ну, отвѣчай же.

Давыдка промычалъ что-то и моргнулъ своими бѣлыми рѣсницами.

— Вѣдь надо работать, братецъ. Безъ работы что̀ же будетъ? Вотъ теперь у тебя хлѣба нѣтъ, а все это отчего?—Оттого, что у тебя земля дурно вспахана, да не передвоена, да не во̀ время засѣяна,—все отъ лѣни. Ты просишь у меня хлѣба: ну, положимъ, я тебѣ дамъ, потому что нельзя тебѣ съ голоду умирать, да вѣдь этакъ дѣлать не годится. Чей хлѣбъ я тебѣ дамъ, какъ ты думаешь, чей? Ну, отвѣчай: чей хлѣбъ я тебѣ дамъ?—упорно допрашивалъ Нехлюдовъ.

— Господскій,—пробормоталъ Дывыдка, робко и вопросительно поднимая глаза.

— А господскій-то откуда? Разсуди-ка самъ, кто подъ него вспахалъ, заскородилъ,—кто его посѣялъ, убралъ?... Мужички, такъ? Такъ вотъ видишь ли: ужъ если раздавать хлѣбъ господскій мужикамъ, такъ надо раздавать больше тѣмъ, которые больше за нимъ работали, а ты меньше всѣхъ,—на тебя и на барщинѣ жалуются,—меньше всѣхъ работалъ, а больше всѣхъ господскаго хлѣба просишь. За что же тебѣ давать,

а другимъ нѣтъ? Вѣдь коли бы всѣ, какъ ты, на боку лежали, такъ мы давно бы всѣ на свѣтѣ съ голоду умерли. Надо, братецъ, трудиться, а это дурно,—слышишь, Давыдъ?

— Слушаю-съ,—медленно пропустилъ онъ сквозь зубы.

X.

Въ это время мимо окна мелькнула голова крестьянской женщины, несшей полотна на коромыслѣ, и чрезъ минуту въ избу вошла Давыдкина мать, высокая женщина лѣтъ пятидесяти, весьма свѣжая и живая. Изрытое рябинами и морщинами лицо ея было некрасиво, но прямой, твердый носъ, сжатыя тонкія губы и быстрые сѣрые глаза выражали умъ и энергію. Угловатость плечъ, плоскость груди, сухость рукъ и развитіе мышцъ на черныхъ, босыхъ ногахъ ея свидѣтельствовали о томъ, что она уже давно перестала быть женщиной и была только работникомъ. Она бойко вошла въ избу, притворила дверь, обдернула паневу и сердито взглянула на сына. Нехлюдовъ что-то хотѣлъ сказать ей, но она отвернулась отъ него и начала креститься на выглядывавшую изъ-за ткацкаго стана черную деревянную икону. Окончивъ это дѣло, она оправила грязный клѣтчатый платокъ, которымъ была повязана голова ея, и низко поклонилась барину.

— Съ праздникомъ Христовымъ, ваше сіятельство,—сказала она.—Спаси тебя Богъ, отецъ ты нашъ...

Увидавъ мать, Давыдка замѣтно смутился, согнулъ нѣсколько спину и еще ниже опустилъ шею.

— Спасибо, Арина,—отвѣчалъ Нехлюдовъ.—Вотъ я сейчасъ съ твоимъ сыномъ говорилъ о вашемъ хозяйствѣ.

Арина, или какъ ее прозвали мужики еще въ дѣвкахъ,

Аришка-Бурлакъ, подперла подбородокъ кулакомъ правой руки, которая опиралась на ладонь лѣвой, и, не дослушавъ барина, начала говорить такъ рѣзко и звонко, что вся изба наполнилась звукомъ ея голоса и со двора могло показаться, что вдругъ говорятъ нѣсколько бабьихъ голосовъ.

— Чего, отецъ ты мой, чего съ нимъ говорить! Вѣдь онъ и говорить-то не можетъ, какъ человѣкъ. Вотъ онъ стоитъ, олухъ,—продолжала она, презрительно указывая головой на жалкую, массивную фигуру Давыдки.—Какое *мое* хозяйство, батюшка, ваше сіятельство? Мы—голь; хуже насъ во всей слободѣ у тебя нѣтъ: ни на себя, ни на барщину,—срамъ! А все онъ довелъ. Родили, кормили, поили, не чаяли дождаться парня. Вотъ и дождались: хлѣбъ лопаетъ, а работы отъ него—какъ отъ прѣлой, вотъ той, колоды. Только знаетъ на печи лежать, либо вотъ стоитъ, башку свою дурацкую скребетъ,—сказала она, передразнивая его.—Хоть бы его ты, отецъ, постращалъ бы, что ли. Ужъ я сама прошу: накажи ты его ради Господа Бога, въ солдаты ли—одинъ конецъ. Мочи моей съ нимъ не стало—вотъ что!

— Ну, какъ тебѣ не грѣшно, Давыдка, доводить до этого свою мать?—сказалъ Нехлюдовъ, съ укоризной обращаясь къ мужику.

Давыдка не двигался.

— Вѣдь добро бы мужикъ хворый былъ,—съ тою же живостью и тѣми же жестами, продолжала Арина:—а то вѣдь только смотрѣть на него, вѣдь словно боровъ съ мельницы раздулся. Есть, кажись, чему бы работать, гладухъ какой! Нѣтъ, вотъ пропадаетъ на печи лодыремъ. Возьмется за что, такъ не глядѣли бы мои глаза: коли поднимется, коли передвинется, коли что,—говорила она, растягивая слова и не-

уклюже поворачивая съ боку на бокъ своими угловатыми плечами.—Вѣдь вотъ нынче старикъ самъ за хворостомъ въ лѣсъ уѣхалъ, а ему наказалъ ямы копать: такъ нѣтъ вотъ, и лопаты въ руки не бралъ... (На минуту она замолчала.)... Загубилъ онъ меня, сироту!—взвизгнула она вдругъ, размахнувъ руками и съ угрожающимъ жестомъ подходя къ сыну.— Гладкая твоя морда лядащая, прости Господи!... (Она презрительно и вмѣстѣ отчаянно отвернулась отъ него, плюнула и снова обратилась къ барину съ тѣмъ же одушевленіемъ и со слезами на глазахъ, продолжая размахивать руками.) Вѣдь все одна, кормилецъ! Старикъ-отъ мой хворый, старый, да и тоже проку въ немъ нѣтъ, а я все одна да одна. Камень и тотъ треснетъ. Хоть бы помереть, такъ легче было-бъ,— одинъ конецъ. Заморилъ онъ меня, подлецъ!... Отецъ ты нашъ, мочи моей ужъ нѣтъ! Невѣстка съ работы извелась— и мнѣ то же будетъ.

XI.

— Какъ извелась?—недовѣрчиво спросилъ Нехлюдовъ.

— Съ натуги, кормилецъ, какъ Богъ святъ, извелась. Взяли мы ее запрошлый годъ изъ Бабурина,—продолжала она, вдругъ перемѣняя свое злобное выраженіе на слезливое и печальное:—ну, баба была молодая, свѣжая, смирная, родной. Дома-то у отца, въ дѣвкахъ, въ холѣ жила, нужды не видала, и какъ къ намъ поступила, какъ нашу работу узнала—и на барщину, и дома, и вездѣ... Она да я—только и было. Мнѣ что?—я баба привычная, она же въ тяжести была, отецъ ты мой, да горе стала терпѣть; а все черезъ силу работала,—ну, и надорвалась, сердечная. Лѣтось, Петровками, еще на бѣду мальчишку родила, а хлѣбушка не было; кой-

что, кой-что ѣли, отецъ ты мой, работа же спѣшная подошла,—у ней груди и пересохни. Дѣтенокъ первенькій былъ, коровенки нѣту-ти, да и дѣло наше мужицкое: гдѣ ужъ рожкомъ выкормить; ну, извѣстно, бабья глупость, она этимъ пуще убиваться стала. А какъ дѣтенокъ померъ, ужъ она съ той кручины выла-выла, голосила-голосила, да нужда, да работа, все хуже да хуже: такъ извелась въ лѣто, сердечная, что къ Покрову и сама кончилась. Онъ ее порѣшилъ, бестія!—снова съ отчаянною злобой обратилась она къ сыну... Что я тебя просить хотѣла, ваше сіятельство,—продолжала она послѣ небольшаго молчанія, понижая голосъ и кланяясь.

— Что?—разсѣянно спросилъ Нехлюдовъ, еще взволнованный ея разсказомъ.

— Вѣдь онъ мужикъ еще молодой. Отъ меня ужъ какой работы ждать: нынче жива, а завтра помру. Какъ ему безъ жены быть? Вѣдь онъ тебѣ не мужикъ будетъ... Обдумай ты насъ какъ-нибудь, отецъ ты нашъ.

— То-есть ты женить его хочешь? Что-жъ, это дѣло!

— Сдѣлай Божескую милость; вы—наши отцы-матери.

И сдѣлавъ знакъ своему сыну, она съ нимъ вмѣстѣ грохнулась въ ноги барину.

— Зачѣмъ ты въ землю кланяешься?—говорилъ Нехлюдовъ, съ досадой поднимая ее за плечи.—Развѣ нельзя такъ сказать? Ты знаешь, что я этого не люблю. Жени сына, пожалуй, я очень радъ, коли у тебя есть невѣста на примѣтѣ.

Старуха поднялась и стала рукавомъ утирать сухіе глаза. Давыдка послѣдовалъ ея примѣру и, потеревъ глаза пухлымъ кулакомъ, въ томъ же терпѣливо-покорномъ положеніи продолжалъ стоять и слушать, что̀ говорила Арина.

— Невѣсты-то есть, какъ не быть! Вотъ Васютка, Михейкина, дѣвка ничего, да вѣдь безъ твоей воли не пойдетъ.

— Развѣ она не согласна?

— Нѣтъ, кормилецъ. Коли по согласію пойдетъ!

— Ну, такъ что-жъ дѣлать? Я принуждать не могу; поищите другую: не у себя, такъ у чужихъ; я выкуплю, только бы шла по своей охотѣ, а насильно выдать замужъ нельзя. И закона такого нѣтъ, да и грѣхъ это большой.

— Э-э-эхъ, кормилецъ! Да статочное ли дѣло, глядя на нашу жизнь, да на нашу нищету, чтобъ охотой пошла? Солдатка самая—и та такой нужды на себя принять не захочетъ. Какой мужикъ дѣвку къ намъ во дворъ отдастъ? Отчаянный не отдастъ. Вѣдь мы—голь, нищета. Одну, скажутъ, почитай-что съ голоду заморили, такъ и моей то же будетъ. Кто отдастъ?—прибавила она, недовѣрчиво качая головой:—разсуди, ваше сіятельство.

— Такъ что-жъ я могу сдѣлать?

— Обдумай ты насъ какъ-нибудь, родимый,—повторила убѣдительно Арина:—что-жъ намъ дѣлать?

— Да что-жъ я могу обдумать? Я тоже ничего не могу сдѣлать для васъ въ этомъ случаѣ.

— Кто-жъ насъ обдумаетъ, коли не ты?—сказала Арина, опустивъ голову и съ выраженіемъ печальнаго недоумѣнія разводя руками.

— Вотъ хлѣба вы просили, такъ я прикажу вамъ отпустить,—сказалъ баринъ послѣ небольшаго молчанія, во время котораго Арина вздыхала и Давыдка вторилъ ей.—А больше я ничего не могу сдѣлать.

Нехлюдовъ вышелъ въ сѣни. Мать и сынъ, кланяясь, вышли за бариномъ.

XII.

— О-охъ сиротство мое!—сказала Арина, тяжело вздыхая.

Она остановилась и сердито взглянула на сына. Давыдка тотчасъ повернулся и, тяжело переваливъ черезъ порогъ свою толстую ногу въ огромномъ, грязномъ лаптѣ, скрылся въ противоположной двери.

— Что я съ нимъ буду дѣлать, отецъ?—продолжала Арина, обращаясь къ барину.—Вѣдь самъ видишь, какой онъ! Онъ вѣдь мужикъ не плохой, не пьяный и смирный мужикъ,—ребенка малаго не обидитъ,—грѣхъ напрасно сказать; худаго за нимъ ничего нѣту, а ужъ и Богъ знаетъ, чтó такое съ нимъ попритчилось, что онъ самъ себѣ злодѣй сталъ. Вѣдь онъ и самъ тому не радъ. Вѣришь ли, батюшка, сердце кровью обливается на него глядя, какую онъ муку принимаетъ. Вѣдь какой ни есть, а моя утроба носила; жалѣю его,—ужъ какъ жалѣю!... Вѣдь онъ не то, чтобы супротивъ меня, али отца, али начальства чтò бы дѣлалъ,—онъ мужикъ боязливый, сказать—что дитя малое. Какъ ему вдовцомъ быть? Обдумай ты насъ, кормилецъ!—повторила она, видимо желая изгладить дурное впечатлѣніе, которое ея брань могла произвести на барина.—Я, батюшка, ваше сіятельство,—продолжала она довѣрчивымъ шепотомъ:—и такъ клала, и этакъ прикидывала,—ума не приложу, отчего онъ такой. Не иначе, какъ испортили его злые люди.

Она помолчала немного.

— Коли найти человѣка, его излѣчить можно.

— Какой вздоръ ты говоришь, Арина! Какъ можно испортить?

— И, отецъ ты мой, такъ испортятъ, что и на вѣкъ не человѣкомъ сдѣлаютъ! Мало ли дурныхъ людей на свѣтѣ! По злобѣ вынетъ горсть земли изъ-подъ слѣду... или что тамъ... и навѣкъ не человѣкомъ сдѣлаетъ; долго ли до грѣха? Я такъ себѣ думаю, не сходить ли мнѣ къ Дундуку старику, что въ Воробьевкѣ живетъ: онъ знаетъ всякія слова, и травы знаетъ, и порчу снимаетъ, и съ креста воду спущаетъ,—такъ не пособитъ ли онъ?—говорила баба:—може онъ его излѣчитъ.

„Вотъ она, нищета-то и невѣжество!"—думалъ молодой баринъ, грустно наклонивъ голову и шагая большими шагами внизъ по деревнѣ.—„Что мнѣ дѣлать съ нимъ? Оставить его въ этомъ положеніи невозможно,—и для себя, и для примѣра другихъ, и для него самого невозможно,— говорилъ онъ себѣ, высчитывая на пальцахъ эти причины.—Я не могу видѣть его въ этомъ положеніи, а чѣмъ вывести его? Онъ уничтожаетъ всѣ мои лучшіе планы въ хозяйствѣ. Если останутся такіе мужики, мечты мои никогда не сбудутся,—подумалъ онъ, испытывая досаду и злобу на мужика за разрушеніе его плановъ.—Сослать на поселенье, какъ говоритъ Яковъ, коли онъ самъ не хочетъ, чтобъ ему было хорошо, или въ солдаты? Точно, по крайней мѣрѣ и отъ него избавлюсь, и еще замѣню хорошаго мужика",—разсуждалъ онъ.

Онъ думалъ объ этомъ съ удовольствіемъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое-то неясное сознаніе говорило ему, что онъ думаетъ только одною стороной ума, и что то не хорошо. Онъ остановился. „Постой, о чемъ я думаю,—сказалъ онъ самъ себѣ:—да, въ солдаты, на поселенье... За что? Онъ хорошій человѣкъ, лучше многихъ, да и почемъ я знаю... Отпустить на волю?—подумалъ онъ, разсматривая вопросъ не одною стороной ума, какъ прежде,—несправедливо, да и невоз-

можно“. Но вдругъ ему пришла мысль, которая очень обрадовала его, и онъ улыбнулся съ выраженіемъ человѣка, разрѣшившаго себѣ трудную задачу. „Взять во дворъ,—сказалъ онъ самъ себѣ:—самому наблюдать за нимъ, и кротостью, и увѣщаніями, выборомъ занятій пріучать къ работѣ и исправлять его“.

XIII.

„Такъ и сдѣлаю“, съ радостнымъ самодовольствомъ сказалъ самъ себѣ Нехлюдовъ, и вспомнивъ, что ему надо было еще зайти къ богатому мужику Дутлову, онъ направился къ высокой и просторной связи, съ двумя трубами, стоявшей посрединѣ деревни. Подходя къ ней, онъ столкнулся у сосѣдней избы съ высокою, ненарядною бабой, лѣтъ сорока, шедшей ему настрѣчу.

— Съ праздникомъ, батюшка!—сказала ему, нисколько не робѣя, баба, останавливаясь подлѣ него и радушно улыбаясь и кланяясь.

— Здравствуй, кормилица,—отвѣчалъ онъ:—какъ поживаешь? Вотъ иду къ твоему сосѣду.

— Такъ-съ, батюшка, ваше сіятельство, хорошее дѣло. А что, къ намъ не пожалуете? Ужъ какъ бы мой старикъ радъ былъ!

— Что-жъ, зайду, потолкуемъ съ тобой, кормилица. Это твоя изба?

— Эта самая, батюшка.

И кормилица побѣжала впередъ. Войдя вслѣдъ за нею въ сѣни, Нехлюдовъ сѣлъ на кадушку, досталъ и закурилъ папиросу.

— Тамъ жарко; лучше здѣсь посидимъ, потолкуемъ,—от-

вѣчалъ онъ на приглашеніе кормилицы войти въ избу. Кормилица была еще свѣжая и красивая женщина. Въ чертахъ лица ея и особенно въ большихъ черныхъ глазахъ было большое сходство съ лицомъ барина. Она сложила руки подъ занавѣской и, смѣло глядя на барина и безпрестанно виляя головой, начала говорить съ нимъ:

— Что-жъ это, батюшка, зачѣмъ изволите къ Дутлову жаловать?

— Да хочу, чтобъ онъ у меня землю нанялъ десятинъ тридцать и свое бы хозяйство завелъ, да еще, чтобы лѣсъ онъ купилъ со мной вмѣстѣ. Вѣдь деньги у него есть, такъ что-жъ имъ такъ даромъ лежать? Какъ ты объ этомъ думаешь, кормилица?

— Да что-жъ? Извѣстно, батюшка, Дутловы—люди сильные; во всей вотчинѣ, почитай, первый мужикъ,—отвѣчала кормилица, поматывая головой.—Лѣтось другую связь изъ своего лѣса поставили, господъ не трудили. Лошадей у нихъ, окромя жеребятъ да подростковъ, троекъ шесть соберется, а скотины, коровъ да овецъ, какъ съ поля гонятъ да бабы выйдутъ на улицу загонять, такъ въ воротахъ ихъ то сопрется, что бѣда; да и пчелъ-то колодокъ сотни двѣ, не то больше, живетъ. Мужикъ оченно сильный, и деньги должны быть.

— А какъ ты думаешь, много у него денегъ?—спросилъ баринъ.

— Люди говорятъ,—извѣстно, по злобѣ, можетъ,—что у старика деньги не малыя; ну, да про то онъ сказывать не станетъ и сыновьямъ не открываетъ, а должны быть. Отчего ему рощей не заняться? Нѣшто побоится славу про деньги пустить? Онъ тоже, годовъ пять тому, лугами было со Шкаликомъ дворникомъ въ долѣ по малости сталъ займаться, да

обманулъ, что ли, его Шкаликъ-то,—такъ, рублевъ триста пропало у старика,—съ тѣхъ поръ и бросилъ. Да какъ имъ исправнымъ не быть, батюшка, ваше сіятельство!—продолжала кормилица:—при трехъ земляхъ живутъ, семья большая, все работники, да и старикъ-отъ—что̀ же худо говорить?—сказать, что хозяинъ настоящій. Во всемъ-то ему задача, что дивится народъ даже: и на хлѣбъ, и на лошадей, и на скотину, и на пчелъ, и на ребятъ-то счастье. Теперь всѣхъ поженилъ. То бралъ дѣвокъ у своихъ, а теперь Илюшку на вольной женилъ, самъ откупилъ. И тоже баба хорошая вышла.

— Что-жъ, они ладно живутъ?—спросилъ баринъ.

— Какъ въ дому настоящая голова есть, то и ладъ будетъ. Хоть бы Дутловы,—извѣстно, бабье дѣло: невѣстки за печкой полаются, полаются, а все подъ старикомъ-то и сыновья ладно живутъ.

Кормилица помолчала немного.

— Теперь старикъ большаго сына, Карпа, слыхать, хочетъ хозяиномъ въ дому поставить. Старъ, молъ, ужъ сталъ; мое дѣло около пчелъ. Ну, Карпъ-то и хорошій мужикъ, мужикъ аккуратный, а все далеко противъ старика хозяиномъ не выйдетъ. Ужъ того разуму нѣту!

— Такъ вотъ Карпъ захочетъ, можетъ-быть, заняться и землей, и рощами, какъ ты думаешь?—сказалъ баринъ, желавшій отъ кормилицы выпытать все, что она знала про своихъ сосѣдей.

— Врядъ ли, батюшка,—продолжала кормилица:—старикъ сыну денегъ не открывалъ. Пока самъ живъ, да деньги у него въ домѣ,—значитъ, все стариковъ разумъ оруду-етъ; да и они больше извозомъ займаются.

— А старикъ не согласится?

— Побоится.

— Чего-жъ онъ побоится?

— Да какъ же можно, батюшка, мужику господскому свои деньги объявить? Неравенъ случай, и всѣхъ денегъ рѣшится! Вотъ съ дворникомъ въ дѣла вошелъ, да и ошибся. Гдѣ-жъ ему съ нимъ судиться! Такъ и пропали деньги; а съ помѣщикомъ-то вовсе квитъ какъ разъ будетъ.

— Да, отъ этого...—сказалъ Нехлюдовъ, краснѣя.—Прощай, кормилица.

— Прощайте, батюшка, ваше сiятельство. Покорно благодаримъ.

XIV.

„Не идти ли домой?"—подумалъ Нехлюдовъ, подходя къ воротамъ Дутловыхъ и чувствуя какую-то неопредѣленную грусть и моральную усталость.

Но въ это время новыя тесовыя ворота со скрипомъ отворились передъ нимъ, и красивый, румяный, бѣлокурый парень, лѣтъ восемнадцати, въ ямской одеждѣ, показался въ воротахъ, ведя за собою тройку крѣпконогихъ, еще потныхъ, косматыхъ лошадей, и, бойко встряхнувъ бѣлыми волосами, поклонился барину.

— Что, отецъ дома, Илья?—спросилъ Нехлюдовъ.

— На осикѣ, за дворомъ,—отвѣчалъ парень, проводя, одну за другою, лошадей въ полуотворенныя ворота.

„Нѣтъ, выдержу характеръ, предложу ему, сдѣлаю, что отъ меня зависитъ", подумалъ Нехлюдовъ и, пропустивъ лошадей, вошелъ на просторный дворъ Дутлова. Видно было, что со двора недавно былъ вывезенъ навозъ: земля была еще

черная, потная, и мѣстами, особенно въ воротищахъ, валялись красные волокнистые клочья. На дворѣ и подъ высокими навѣсами въ порядкѣ стояло много телѣгъ, сохъ, саней, колодокъ, кадокъ и всякаго крестьянскаго добра; голуби перепархивали и ворковали въ тѣни подъ широкими, прочными стропилами; пахло навозомъ и дегтемъ. Въ одномъ углу Карпъ и Игнатъ прилаживали новую подушку подъ большую троичную окованную телѣгу. Всѣ три сына Дутлова были почти на одно лицо. Меньшой, Илья, встрѣтившійся Нехлюдову въ воротахъ, былъ безъ бороды, поменьше ростомъ, румянѣе и наряднѣе старшихъ; второй, Игнатъ, былъ повыше ростомъ, почернѣе, имѣлъ бородку клиномъ, и хотя былъ тоже въ сапогахъ, ямской рубахѣ и поярковой шляпѣ, не имѣлъ того праздничнаго беззаботнаго вида, какъ меньшой братъ. Старшій, Карпъ, былъ еще выше ростомъ, носилъ лапти, сѣрый кафтанъ и рубаху безъ ластовиковъ, имѣлъ окладистую рыжую бороду и видъ не только серьезный, но почти мрачный.

— Прикажете батюшку послать, ваше сіятельство?—сказалъ онъ, подходя къ барину и слегка и неловко кланяясь.

— Нѣтъ, я самъ пройду къ нему на осикъ, посмотрю его устройство тамъ... А мнѣ съ тобой поговорить нужно,—сказалъ Нехлюдовъ, отходя въ другую сторону двора съ тѣмъ, чтобъ Игнатъ не могъ слышать того, что онъ намѣренъ былъ говорить съ Карпомъ.

Самоувѣренность и нѣкоторая гордость, замѣтная во всѣхъ пріемахъ этихъ двухъ мужиковъ, и то, что сказала ему кормилица, такъ смущали молодаго барина, что ему трудно было рѣшиться говорить съ ними о предполагаемомъ дѣлѣ. Онъ чувствовалъ себя какъ будто виноватымъ, и ему казалось

легче говорить съ однимъ братомъ—такъ, чтобы другой не слышалъ. Карпъ какъ будто удивился, зачѣмъ баринъ отводитъ его въ сторону, но послѣдовалъ за нимъ.

— Вотъ что̀,—началъ Нехлюдовъ, заминаясь:—я хотѣлъ тебя спросить, много у васъ лошадей?

— Троекъ пять наберется, жеребятки есть тоже,—развязно отвѣчалъ Карпъ, почесывая спину.

— Что, братья твои на почтѣ ѣздятъ?

— Гоняемъ почту на трехъ тройкахъ, а то Илюшка въ извозъ ходилъ; вотъ только вернулся.

— Что-жъ, это вамъ выгодно? Сколько вы этимъ зарабатываете?

— Да какая выгода, ваше сіятельство? По крайности кормимся съ лошадьми—и то слава Богу.

— Такъ зачѣмъ же вы другимъ чѣмъ-нибудь не займетесь? Вѣдь можно бы вамъ лѣса покупать, или землю нанимать.

— Оно, конечно, ваше сіятельство, землю нанять можно, когда бы гдѣ сподручная была.

— Я вотъ что хочу вамъ предложить. Чѣмъ вамъ извозомъ заниматься, чтобы только кормиться, наймите вы лучше землю десятинъ тридцать у меня. Весь клинъ, что за Сапо-вымъ, я вамъ отдамъ, да заведите свое хозяйство большое.

И Нехлюдовъ, увлеченный своимъ планомъ о крестьянской фермѣ, который онъ не разъ самъ съ собою повторялъ и передумывалъ, уже не запинаясь, сталъ объяснять мужику свое предположеніе о мужицкой фермѣ. Карпъ слушалъ очень внимательно слова барина.

— Мы много довольны вашею милостью,—сказалъ онъ, когда Нехлюдовъ, замолчавъ, посмотрѣлъ на него, ожидая отвѣта.—Извѣстно, тутъ худаго ничего нѣтъ. Землей зани-

маться мужику лучше, чѣмъ съ кнутикомъ ѣздить. По чужимъ людямъ ходитъ, всякаго народа видитъ, балуется нашъ братъ. Самое хорошее дѣло, что землей мужику заниматься.

— Такъ какъ ты думаешь?

— Поколи батюшка живъ, такъ я что-жъ думать могу, ваше сіятельство? На то воля его.

— Проведи-ка меня на осикъ; я поговорю съ нимъ.

— Сюда пожалуйте,—сказалъ Карпъ, медленно направляясь къ заднему сараю. Онъ отворилъ низенькую калитку, ведущую на осикъ, и, пропустивъ въ нее барина и затворивъ ее, подошелъ къ Игнату и молча принялся за прерванную работу.

XV.

Нехлюдовъ, нагнувшись, прошелъ чрезъ низенькую калитку, изъ-подъ тѣнистаго навѣса, на находившійся за дворомъ осикъ. Небольшое пространство, окруженное соломой и просвѣчивающими плетнями, въ которомъ симметрично стояли покрытые обрѣзками досокъ ульи, съ шумно-вьющеюся около нихъ золотистою пчелой, было все залито горячими, блестящими лучами іюньскаго солнца. Отъ калитки протоптанная тропинка вела на середину, къ деревянному голубцу со стоявшимъ на немъ фольговымъ образкомъ, ярко блестѣвшимъ на солнцѣ. Нѣсколько молодыхъ липъ, стройно подымавшихъ выше соломенной крыши сосѣдняго двора свои кудрявыя макушки, вмѣстѣ съ звукомъ жужжанія пчелъ, чуть слышно колыхались своею темно-зеленою, свѣжею листвой. Всѣ тѣни—отъ крытаго забора, отъ липъ и отъ ульевъ, покрытыхъ досками—черно и коротко падали на мелкую, кур-

чавую траву, пробивавшуюся между ульями. Согнутая, небольшая фигурка старика, съ блестящею на солнцѣ, открытою сѣдою головой и плѣшью, виднѣлась около двери рубленнаго, крытаго свѣжею соломой мшеника, стоявшаго между липами. Услышавъ скрипъ калитки, старикъ оглянулся и, отирая полой рубахи свое потное, загорѣлое лицо, и кротко, радостно улыбаясь, пошелъ на встрѣчу барину.

Во пчельникѣ было такъ уютно, радостно, тихо, прозрачно; фигура сѣдаго старичка съ лучеобразными, частыми морщинками около глазъ, въ какихъ-то широкихъ башмакахъ, надѣтыхъ на босую ногу, который, переваливаясь и добродушно, самодовольно улыбаясь, привѣтствовалъ барина въ своихъ исключительныхъ владѣніяхъ, была такъ простодушно ласкова, что Нехлюдовъ мгновенно забылъ тяжелыя впечатлѣнія нынѣшняго утра, и его любимая мечта живо представилась ему. Онъ видѣлъ уже всѣхъ своихъ крестьянъ такими же богатыми, добродушными, какъ старикъ Дутловъ, и всѣ ласково и радостно улыбались ему, потому что ему одному были обязаны своимъ богатствомъ и счастіемъ.

— Не прикажете ли сѣтку, ваше сіятельство? Теперь пчела злая, кусаетъ,—сказалъ старикъ, снимая съ забора, пахнущій медомъ, грязный холстинный мѣшокъ, пришитый къ лубку, и предлагая его барину.—Меня пчела знаетъ, не кусаетъ,— прибавилъ онъ съ кроткою улыбкой, которая почти не сходила съ его красиваго, загорѣлаго лица.

— Такъ и мнѣ не нужно. Что, роится ужъ?—спросилъ Нехлюдовъ, самъ не зная чему тоже улыбаясь.

— Коли роиться, батюшка Митрій Миколаевичъ!—отвѣчалъ старикъ, выражая какую-то особенную ласку въ этомъ названіи барина по имени и отчеству:—вотъ только, только-что

брать зачала какъ слѣдъ. Нынче весна холодная была, изволите знать.

— А вотъ я читалъ въ книжкѣ,—началъ Нехлюдовъ, отмахиваясь отъ пчелы, которая, забившись ему въ волоса, жужжала подъ самымъ ухомъ:—что коли вощина прямо стоитъ по жердочкамъ, то пчела раньше роится. Для этого дѣлаютъ такія ульи изъ досокъ... съ перекладин...

— Вы не извольте махать: она хуже,—сказалъ старичокъ.— А то сѣтку не прикажете ли подать?

Нехлюдову было больно; но, по какому-то дѣтскому самолюбію, ему не хотѣлось признаться въ этомъ, и онъ, еще разъ отказавшись отъ сѣтки, продолжалъ разсказывать старичку о томъ устройствѣ ульевъ, про которое онъ читалъ въ „Maison Rustique“ и при которомъ, по его мнѣнію, должно было въ два раза больше роиться; но пчела ужалила его въ шею, и онъ сбился и замялся въ срединѣ разсужденія.

— Оно точно, батюшка Митрій Николаевичъ,—сказалъ старикъ, съ отеческимъ покровительствомъ глядя на барина:—точно въ книжкѣ пишутъ. Да, можетъ, это такъ дурно писано, что вотъ молъ онъ сдѣлаетъ, какъ мы пишемъ, а мы посмѣемся потомъ. И это бываетъ! Какъ можно пчелу учить, куда ей вощину крѣпить? Она сама по колодкѣ наровитъ, другой разъ поперекъ, а то прямо. Вотъ извольте посмотрѣть,— прибавилъ онъ, оттыкая одну изъ ближайшихъ колодокъ и заглядывая въ отверстіе, покрытое шумящею и ползающею пчелой по кривымъ вощинамъ.—Вотъ эта молодая,—оно видать, въ головѣ у ней матка сидитъ,—а вощину она и прямо, и въ бокъ ведетъ, какъ ей по колодкѣ лучше,—говорилъ старикъ, видимо увлекаясь своимъ любимымъ предметомъ и не замѣчая положенія барина.—Вотъ нынче она съ калошкой

идетъ; нынче день теплый, все видать,—прибавилъ онъ, затыкая опять улей и прижимая тряпкой ползающую пчелу и потомъ огребая грубою ладонью нѣсколько пчелъ съ морщинистаго затылка. Пчелы не кусали его; но за то Нехлюдовъ ужъ едва могъ удерживаться отъ желанія выбѣжать изъ пчельника,—пчелы мѣстахъ въ трехъ ужалили его и жужжали со всѣхъ сторонъ около его головы и шеи.

— А много у тебя колодокъ?—спросилъ онъ, отступая къ калиткѣ.

— Чтó Богъ далъ,—отвѣчалъ Дутловъ посмѣиваясь.—Считать не надо, батюшка,—пчела не любитъ. Вотъ, ваше сіятельство, я просить вашу милость хотѣлъ,—продолжалъ онъ, указывая на тоненькія колодки, стоящія у забора, — объ Осипѣ, кормилицыномъ мужѣ: хоть бы вы ему заказали: въ своей деревнѣ такъ дурно дѣлать по сосѣдству, нехорошо.

— Какъ дурно дѣлать?... Ахъ, однако, онѣ кусаютъ!—отвѣчалъ баринъ, уже взявшись за ручку калитки.

— Да вотъ, что ни годъ, свою пчелу на моихъ молодыхъ напущаетъ. Имъ бы поправляться, а чужая пчела у нихъ вощину повытаскаетъ да и подсѣкаетъ,—говорилъ старикъ, не замѣчая ужимокъ барина.

— Хорошо, послѣ, сейчасъ...—проговорилъ Нехлюдовъ и, не въ силахъ уже болѣе терпѣть, отмахиваясь обѣими руками, рысью выбѣжалъ въ калитку.

— Землей потереть, оно ничего,—сказалъ старикъ, выходя на дворъ вслѣдъ за бариномъ. Баринъ потеръ землею то мѣсто, гдѣ былъ ужаленъ; краснѣя, быстро оглянулся на Карпа и Игната, которые не смотрѣли на него, и сердито нахмурился.

XVI.

— Что̀ я насчетъ ребятъ хотѣлъ просить ваше сіятельство,—сказалъ старикъ, какъ будто, или дѣйствительно, не замѣчая грознаго вида барина.

— Что̀?

— Да вотъ лошадками, слава-те Господи, мы исправны, и батракъ есть, такъ барщина за нами не постоитъ.

— Такъ что же?

— Коли бы милость ваша была ребятъ на оброкъ отпустить, такъ Илюшка съ Игнатомъ въ извозъ бы на трехъ тройкахъ пошли на все лѣто: може, что̀ бы и заработали.

— Куда-жъ они пойдутъ?

— Да какъ придется,—вмѣшался Илюшка, который въ это время, привязавъ лошадей подъ навѣсъ, подошелъ къ отцу.— Кадминскіе ребята на восьми тройкахъ въ Роменъ ѣздили, такъ, говорятъ, прокормились, да десятка по три на тройку домой привезли; а то и въ Одестъ,—говорятъ, кормы дешевые.

— Вотъ объ этомъ-то я и хотѣлъ поговорить съ тобой,— сказалъ баринъ, обращаясь къ старику и желая половчѣе навести его на разговоръ о фермѣ. — Скажи, пожалуйста, развѣ выгоднѣе ѣздить въ извозъ, чѣмъ дома хлѣбопашествомъ заниматься?

— Когда не выгоднѣе, ваше сіятельство!—опять вмѣшался Илья, бойко встряхивая волосами: — дома-то лошадей кормить нечѣмъ.

— Ну, а сколько ты въ лѣто выработаешь?

— Да вотъ съ весны,—на что корма дорогіе были,—мы въ Кіевъ съ товаромъ ѣздили, въ Курскомъ опять до Москвы

крупу наложили, такъ и сами прокормились, и лошади сыты были, да и пятнадцать рублевъ денегъ привезъ.

— Оно не бѣда заниматься честнымъ промысломъ, какимъ бы то ни было,—сказалъ баринъ, снова обращаясь къ старику, — но мнѣ кажется, что можно бы другое занятіе найти; да и работа эта такая, что ѣздитъ молодой малый вездѣ, всякій народъ видитъ, избаловаться можетъ,—прибавилъ онъ, повторяя слова Карпа.

— Чѣмъ же нашему брату, мужику, заниматься, какъ не извозомъ?—возразилъ старикъ съ своею кроткою улыбкой.— Съѣздишь хорошо—и самъ сытъ, и лошади сыты; а что насчетъ баловства, такъ они у меня, слава-те Господи, не первый годъ ѣздятъ, да и самъ я ѣзжалъ, и дурнаго ни отъ кого не видалъ, кромѣ добраго.

— Мало ли чѣмъ другимъ вы бы могли заняться дома: и землей, и лугами...

— Какъ можно, ваше сіятельство!—подхватилъ Илюшка съ одушевленіемъ:—ужъ мы съ этимъ родились, всѣ эти порядки намъ извѣстны, способное для насъ дѣло, самое любезное дѣло, ваше сіятельство, какъ нашему брату съ рядой ѣздить!

— А что, ваше сіятельство, просимъ чести, въ избу не пожалуете ли? На новосельи еще не изволили быть,—сказалъ старикъ, низко кланяясь и мигая сыну. Илюшка рысью побѣжалъ въ избу, а вслѣдъ за нимъ, вмѣстѣ со старикомъ, вошелъ и Нехлюдовъ.

XVII.

Войдя въ избу, старикъ еще разъ поклонился, смахнулъ полой зипуна съ лавки передняго угла и, улыбаясь, спросилъ:

— Чѣмъ васъ просить, ваше сіятельство?

Изба была бѣлая (съ трубой), просторная, съ полатями и нарами. Свѣжія осиновыя бревна, между которыми виднѣлся недавно завядшій мохъ, еще не почернѣли; новыя лавки и полати не огладились и полъ еще не убился. Одна молодая, худощавая, съ продолговатымъ задумчивымъ лицомъ, крестьянская женщина, жена Ильи, сидѣла на нарахъ и качала ногой зыбку, на длинномъ шестѣ привѣшенную къ потолку. Въ зыбкѣ, чуть замѣтно дыша и закрывъ глазенки, раскинувшись, дремалъ грудной ребенокъ; другая, плотная, краснощекая баба, хозяйка Карпа, засучивъ выше локтя сильныя, загорѣлыя выше кисти руки, передъ печью крошила лукъ въ деревянной чашкѣ. Рябая, беременная баба, закрываясь рукавомъ, стояла около печи. Въ избѣ, кромѣ солнечнаго жара, было жарко отъ печи и сильно пахло только-что испеченнымъ хлѣбомъ. Съ полатей съ любопытствомъ поглядывали внизъ, на барина, бѣлокурыя головки двухъ парнишекъ и дѣвочки, забравшихся туда въ ожиданіи обѣда.

Нехлюдову было радостно видѣть это довольство и вмѣстѣ съ тѣмъ было почему-то совѣстно передъ бабами и дѣтьми, которыя всѣ смотрѣли на него. Онъ, краснѣя, сѣлъ на лавку.

— Дай мнѣ горячаго хлѣба кусочекъ, я его люблю,—сказалъ онъ и покраснѣлъ еще больше.

Карпова хозяйка отрѣзала большой кусокъ хлѣба и на тарелкѣ подала его барину. Нехлюдовъ молчалъ, не зная что̀ сказать; бабы тоже молчали; старикъ кротко улыбался.

„Однако, чего-жъ я стыжусь, точно я виноватъ въ чемъ-нибудь? — подумалъ Нехлюдовъ.—Отчего-жъ мнѣ не сдѣлать предложеніе о фермѣ? Какая глупость!“ Однако онъ все молчалъ.

— Что-жъ, батюшка, Митрій Миколаевичъ, какъ насчетъ ребятъ-то прикажете?—сказалъ старикъ.

— Да я бы тебѣ совѣтовалъ вовсе не отпускать ихъ, а найти здѣсь имъ работу,—вдругъ собравшись съ духомъ, выговорилъ Нехлюдовъ. — Я, знаешь, что̀ тебѣ придумалъ: купи ты со мной пополамъ рощу въ казенномъ лѣсу, да еще землю...

— Какъ же, ваше сіятельство, на какія же деньги покупать будемъ?—перебилъ онъ барина.

— Да вѣдь небольшую рощу, рублей въ двѣсти,—замѣтилъ Нехлюдовъ.

Старикъ сердито усмѣхнулся.

— Хорошо, кабы были, отчего бы не купить,—сказалъ онъ.

— Развѣ у тебя ужъ этихъ денегъ нѣтъ?—съ упрекомъ сказалъ баринъ.

— Охъ, батюшка, ваше сіятельство!—отвѣчалъ съ грустью въ голосѣ старикъ, оглядываясь къ двери:—только бы семью прокормить, а ужъ намъ не рощи покупать.

— Да вѣдь есть у тебя деньги, что-жъ имъ лежать?—настаивалъ Нехлюдовъ.

Старикъ вдругъ пришелъ въ сильное волненіе; глаза его засверкали, плечи стало подергивать.

— Може злые люди про меня сказали,—заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ,—такъ, вѣрьте Богу,—говорилъ онъ, одушевляясь все болѣе и болѣе и обращая глаза къ иконѣ:— что вотъ лопни мои глаза, провались я на семъ мѣстѣ, коли у меня что есть окромя пятнадцати цѣлковыхъ, что Илюшка привезъ, и то подушныя платить надо. Вы сами изволите знать: избу поставили...

— Ну, хорошо, хорошо!—сказалъ баринъ, вставая съ лавки.—Прощайте, хозяева.

XVIII.

„Боже мой, Боже мой!—думалъ Нехлюдовъ, большими шагами направляясь къ дому по тѣнистымъ аллеямъ заросшаго сада и разсѣянно обрывая листья и вѣтви, попадавшіеся ему на дорогѣ:—неужели вздоръ были всѣ мои мечты о цѣли и обязанностяхъ моей жизни? Отчего мнѣ тяжело, грустно, какъ будто я недоволенъ собой, тогда какъ я воображалъ, что, разъ найдя эту дорогу, я постоянно буду испытывать ту полноту нравственно удовлетвореннаго чувства, которую испыталъ въ то время, когда мнѣ въ первый разъ пришли эти мысли?"—И онъ съ необыкновенною живостью и ясностью перенесся воображеніемъ за годъ тому назадъ, къ этой счастливой минутѣ.

Рано-рано утромъ онъ всталъ прежде всѣхъ въ домѣ и, мучительно волнуемый какими-то затаенными, невыраженными порывами юности, безъ цѣли вышелъ въ садъ, оттуда въ лѣсъ, и среди іюньской, сильной, сочной, но спокойной природы долго бродилъ одинъ, безъ всякихъ мыслей, страдая избыткомъ какого-то чувства и не находя выраженія ему. То, со всею прелестью неизвѣстнаго, юное воображеніе его представляло ему сладострастный образъ женщины, и ему казалось, что вотъ оно—не выраженное желаніе. Но какое-то другое, высшее чувство говорило: *не то*—и заставляло его искать чего-то другаго. То неопытный, пылкій умъ его, возносясь все выше и выше, въ сферу отвлеченія, открывалъ, какъ казалось ему, законы бытія, и онъ съ гордымъ наслажденіемъ останавливался на этихъ мысляхъ. Но снова высшее чувство говорило: *не то*—и снова заставляло его искать

и волноваться. Безъ мыслей и желаній, какъ это всегда бываетъ послѣ усиленной дѣятельности, онъ легъ на спину подъ деревомъ и сталъ смотрѣть на прозрачныя утреннія облака, пробѣгавшія надъ нимъ по глубокому, безконечному небу. Вдругъ, безъ всякой причины, на глаза его навернулись слезы и, Богъ знаетъ какимъ путемъ, ему пришла ясная мысль, наполнившая всю его душу, за которую онъ ухватился съ наслажденіемъ,—мысль, что любовь и добро есть истина и счастіе, и одна истина и одно возможное счастіе въ мірѣ. Высшее чувство не говорило: *не то*; онъ приподнялся и сталъ повѣрять эту мысль. „Оно, оно, такъ!"—говорилъ онъ себѣ съ восторгомъ, мѣряя всѣ прежнія убѣжденія, всѣ явленія жизни на вновь-открытую, ему казалось, совершенно новую истину. „Какая глупость все то, что я зналъ, чему вѣрилъ и что любилъ", говорилъ онъ самъ себѣ: „любовь, самоотверженіе—вотъ одно истинное, независимое отъ случая, счастіе!" твердилъ онъ, улыбаясь и размахивая руками. Со всѣхъ сторонъ прикладывая эту мысль къ жизни и находя ей подтвержденіе и въ жизни, и въ томъ внутреннемъ голосѣ, говорившемъ ему, что это—*то*, онъ испытывалъ новое для него чувство радостнаго волненія и восторга. „Итакъ, я долженъ дѣлать добро, чтобъ быть счастливымъ", думалъ онъ, и вся будущность его уже не отвлеченно, а въ образахъ, въ формѣ помѣщичьей жизни живо рисовалась передъ нимъ.

Онъ видѣлъ предъ собой огромное поприще для цѣлой жизни, которую онъ посвятитъ на добро, и въ которой, слѣдовательно, будетъ счастливъ. Ему не надо искать сферы дѣятельности,—она готова; у него есть прямая обязанность,—у него есть крестьяне... И какой отрадный и благодарный

трудъ представляется ему: „дѣйствовать на этотъ простой, воспріимчивый, неиспорченный классъ народа, избавить его отъ бѣдности, дать довольство, передать крестьянамъ образованіе, которымъ,по счастію, я пользуюсь, исправить ихъ пороки, порожденные невѣжествомъ и суевѣріемъ, развить ихъ нравственность, заставить полюбить добро... Какая блестящая, счастливая будущность! И за все это я, который буду дѣлать это для собственнаго счастія,—я буду наслаждаться благодарностью ихъ, буду видѣть, какъ съ каждымъ днемъ я дальше и дальше иду къ предположенной цѣли. Чудная будущность! Какъ я могъ прежде не видать этого?“

„И кромѣ этого,—въ то же время думалъ онъ,—кто мнѣ мѣшаетъ самому быть счастливымъ въ любви къ женщинѣ, въ счастіи семейной жизни?“ И юное воображеніе рисовало ему еще болѣе обворожительную будущность. „Я и жена, которую я люблю такъ, какъ никто никогда никого не любилъ на свѣтѣ,—мы всегда живемъ среди этой спокойной, поэтической деревенской природы, съ дѣтьми, можетъ-быть со старухой теткой; у насъ есть наша взаимная любовь, любовь къ дѣтямъ, и мы оба знаемъ, что наше назначеніе—добро. Мы помогаемъ другъ другу идти къ этой цѣли. Я дѣлаю общія распоряженія, даю общія, справедливыя пособія, завожу ферму, сберегательныя кассы, мастерскія; а она, съ своею хорошенькою головкой, въ простомъ бѣломъ платьѣ, поднимая его надъ стройною ножкой, идетъ по грязи въ крестьянскую школу, въ лазаретъ, къ несчастному мужику, по справедливости не заслуживающему помощи, и вездѣ утѣшаетъ, помогаетъ... Дѣти, старики, бабы обожаютъ ее и смотрятъ на нее какъ на какого-то ангела, на провидѣніе. Потомъ она возвращается и скрываетъ отъ меня, что ходила

къ несчастному мужику и дала ему денегъ, но я все знаю и крѣпко обнимаю ее, и крѣпко и нѣжно цѣлую ея прелестные глаза, стыдливо краснѣющія щеки и улыбающіяся румяныя губы“. .

. .

XIX.

„Гдѣ эти мечты?“ думалъ теперь юноша, послѣ своихъ посѣщеній подходя къ дому: „вотъ ужъ больше года, что я ищу счастія на этой дорогѣ, и что-жъ я нашелъ? Правда, иногда я чувствую, что могу быть довольнымъ собою; но это какое-то сухое, разумное довольство. Да и нѣтъ, я просто недоволенъ собой! Я недоволенъ, потому что я здѣсь не знаю счастія, а желаю, страстно желаю счастія. Я не испыталъ наслажденій, уже отрѣзалъ отъ себя все, что̀ даетъ ихъ. Зачѣмъ, за что? Кому отъ этого стало легче? Правду писала тётка, что легче самому найти счастіе, чѣмъ дать его другимъ. Развѣ богаче стали мои мужики? Образовались или развились нравственно?—Нисколько. Имъ стало не лучше, а мнѣ съ каждымъ днемъ становится тяжеле. Еслибъ я видѣлъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи, еслибъ я видѣлъ благодарность... но нѣтъ, я вижу ложную рутину, порокъ, недовѣріе, безпомощность. Я даромъ трачу лучшіе годы жизни“, подумалъ онъ, и ему почему-то вспомнилось, что сосѣди, какъ онъ слышалъ отъ няни, называли его недорослемъ; что денегъ у него въ конторѣ ничего уже не оставалось; что выдуманная имъ новая молотильная машина, къ общему смѣху мужиковъ, только свистѣла, а ничего не молотила, когда ее въ первый разъ, при многочисленной публикѣ, пу-

стили въ ходъ въ молотильномъ сараѣ; что со дня на день надо было ожидать пріѣзда земскаго суда для описи имѣнія, которое онъ просрочилъ, увлекшись различными новыми хозяйственными предпріятіями. И вдругъ, такъ же живо, какъ и прежде, представилась ему деревенская прогулка по лѣсу и мечта о помѣщичьей жизни, такъ же живо представилась ему его московская студенческая комнатка, въ которой онъ поздно ночью сидитъ, при одной свѣчкѣ, съ своимъ товарищемъ и обожаемымъ шестнадцатилѣтнимъ другомъ. Они часовъ пять сряду читали и повторяли какія-то скучныя записки гражданскаго права и, окончивъ ихъ, послали за ужиномъ, сложились на бутылку шампанскаго и разговорились о будущности, которая ожидаетъ ихъ. Какъ совсѣмъ иначе представлялась будущность молодому студенту! Тогда будущность была полна наслажденій, разнообразной дѣятельности, блеска, успѣховъ, и несомнѣнно вела ихъ обоихъ къ лучшему, какъ тогда казалось, благу въ мірѣ—къ славѣ.

„Онъ ужъ идетъ, и быстро идетъ, по этой дорогѣ,—подумалъ Нехлюдовъ про своего друга,—а я...“

Но въ это время онъ уже подходилъ къ крыльцу дома, около котораго стояло человѣкъ десять мужиковъ и дворовыхъ, съ различными просьбами дожидавшихся барина, и отъ мечтаній онъ долженъ былъ обратиться къ дѣйствительности.

Тутъ была и оборванная, растрепанная и окровавленная крестьянская женщина, которая съ плачемъ жаловалась на свекра, будто бы хотѣвшаго убить ее; тутъ были два брата, ужъ второй годъ дѣлившіе между собой свое крестьянское хозяйство и съ отчаянною злобой смотрѣвшіе другъ на друга; тутъ былъ и небритый сѣдой дворовый, съ дрожащими отъ пьянства руками, котораго сынъ его, садовникъ, привелъ къ

барину, жалуясь на его безпутное поведеніе; тутъ былъ мужикъ, выгнавшій свою бабу изъ дому за то, что она цѣлую весну не работала; тутъ была и эта больная баба, его жена, которая, всхлипывая и ничего не говоря, сидѣла на травѣ у крыльца и выказывала свою воспаленную, небрежно обвязанную какимъ-то грязнымъ тряпьемъ, распухшую ногу...

Нехлюдовъ выслушалъ всѣ просьбы и жалобы и, посовѣтовавъ однимъ, разобравъ другихъ и обѣщавъ третьимъ, испытывая какое-то смѣшанное чувство усталости, стыда, безсилія и раскаянія, прошелъ въ свою комнату.

XX.

Въ небольшой комнатѣ, которую занималъ Нехлюдовъ, стоялъ старый кожаный диванъ, обитый мѣдными гвоздиками; нѣсколько такихъ же креселъ; раскинутый старинный бостонный столъ съ инкрустаціями, углубленіями и мѣдною оправой, на которомъ лежали бумаги, и старинный, желтенькій, открытый англійскій рояль съ истертыми, погнувшимися узенькими клавишами. Между окнами висѣло большое зеркало въ старой, позолоченной рѣзной рамѣ. На полу, около стола, лежали кипы бумагъ, книгъ и счетовъ. Вообще вся комната имѣла безхарактерный и безпорядочный видъ; и этотъ живой безпорядокъ составлялъ рѣзкую противоположность съ чопорнымъ старинно-барскимъ убранствомъ другихъ комнатъ большаго дома. Войдя въ комнату, Нехлюдовъ сердито бросилъ шляпу на столъ и сѣлъ на стулъ, стоявшій передъ роялемъ, положивъ ногу на ногу и опустивъ голову.

— Что, завтракать будете, ваше сіятельство?—сказала вошедшая въ это время высокая, худая, сморщенная старуха, въ чепцѣ, большомъ платкѣ и ситцевомъ платьѣ.

Нехлюдовъ оглянулся на нее и помолчалъ немного, какъ будто опоминаясь.

— Нѣтъ, не хочется, няня,—сказалъ онъ и снова задумался.

Няня сердито покачала на него головой и вздохнула:

— Эхъ, батюшка Дмитрій Николаевичъ, что скучаете? И не такое горе бываетъ,—все пройдетъ, ей-богу...

— Да я и не скучаю. Съ чего ты взяла, матушка Маланья Ѳипогеновна?—отвѣчалъ Нехлюдовъ, стараясь улыбнуться.

— Да какъ не скучать, развѣ я не вижу?—съ жаромъ начала говорить няня:—день-деньской одинъ одинёшенекъ. И все-то вы къ сердцу принимаете, до всего сами доходите; ужъ и кушать почти ничего не стали. Развѣ это резонъ? Хоть бы въ городъ поѣхали, или къ сосѣдямъ, а то виданное ли дѣло? Ваши года молодые, такъ обо всемъ сокрушаться! Ты меня извини, батюшка, я сяду,—продолжала няня, садясь около двери:—вѣдь такую повадку дали, что ужъ никто не боится. Развѣ такъ господа дѣлаютъ? Ничего тутъ хорошаго нѣтъ,—только себя губишь, да и народъ-то бáлуется. Вѣдь нашъ народъ какой: онъ этого не чувствуетъ, право. Хоть бы къ тётенькѣ поѣхалъ: она правду писала...—усовѣщевала его няня.

Нехлюдову все становилось грустнѣе и грустнѣе. Правая рука его, опиравшаяся на колѣно, вяло дотронулась до клавишей. Вышелъ какой-то аккордъ, другой, третій... Нехлюдовъ подвинулся ближе, вынулъ изъ кармана другую руку и сталъ играть. Аккорды, которые онъ бралъ, были иногда не подготовлены, даже несовсѣмъ правильны, часто были обыкновенны до пошлости и не показывали въ немъ никакого музыкальнаго таланта, но ему доставляло это занятіе какое-то неопредѣленное, грустное наслажденіе. При всякомъ из-

мѣненіи гармоніи, онъ съ замираніемъ сердца ожидалъ, что изъ него выйдетъ, и когда выходило что-то, онъ смутно дополнялъ воображеніемъ то, чего недоставало. Ему казалось, что онъ слышитъ сотни мелодій: и хоръ, и оркестръ, сообразный съ его гармоніей. Главное же наслажденіе доставляла ему усиленная дѣятельность воображенія, безсвязно и отрывисто, но съ поразительною ясностью представлявшаго ему въ это время самые разнообразные, перемѣшанные и нелѣпые образы и картины изъ прошедшаго и будущаго. То представляется ему пухлая фигура Давыдки-Бѣлаго, испуганно мигающаго бѣлыми рѣсницами при видѣ чернаго, жилистаго кулака своей матери, его круглая спина и огромныя руки, покрытыя бѣлыми волосами, однимъ терпѣніемъ и преданностью судьбѣ отвѣчающаго на истязанія и лишенія. То онъ видитъ бойкую, осмѣлившуюся на дворнѣ кормилицу, почему-то воображаетъ, какъ она ходитъ по деревнямъ и проповѣдуетъ мужикамъ, что отъ помѣщиковъ деньги прятать нужно, и онъ безсознательно повторяетъ самъ себѣ: „да, отъ помѣщиковъ деньги прятать нужно". То вдругъ ему представляется русая головка его будущей жены, почему-то въ слезахъ и въ глубокомъ горѣ склоняющаяся къ нему на плечо. То онъ видитъ добрые голубые глаза Чуриса, съ нѣжностью глядящіе на единственнаго пузатаго сынишку. Да, онъ въ немъ, кромѣ сына, видитъ помощника и спасителя. „Вотъ это любовь!" шепчетъ онъ. Потомъ вспоминаетъ онъ о матери Юхванки, вспоминаетъ о выраженіи терпѣнія и всепрощенія, которыя, несмотря на торчащій зубъ и уродливыя черты, онъ замѣтилъ на старческомъ лицѣ ея. „Должно-быть, въ семьдесятъ лѣтъ ея жизни я первый замѣтилъ это", думаетъ онъ и шепчетъ: „странно!" продолжая безсознательно перебирать кла-

виши и вслушиваться въ звуки. Потомъ онъ живо вспоминаетъ свое бѣгство съ пчельника и выраженіе лицъ Игната и Карпа, которымъ видимо хочется смѣяться, но которые какъ будто не смотрятъ на него. Онъ краснѣетъ и невольно оглядывается на пяню, которая продолжаетъ сидѣть около двери и молча, пристально глядѣть на него, изрѣдка покачивая сѣдою головой. Вотъ вдругъ ему представляется тройка потныхъ лошадей и красивая, сильная фигура Илюшки, съ свѣтлыми кудрями, весело-блестящими, узкими голубыми глазами, свѣжимъ румянцемъ и свѣтлымъ пухомъ, только-что начинающимъ покрывать его губу и подбородокъ. Онъ вспоминаетъ, какъ боялся Илюшка, чтобъ его не пустили въ извозъ, и какъ горячо заступался за это, любезное для него, дѣло; и онъ видитъ сѣрое, раннее туманное утро, подсклизлую шоссейную дорогу и длинный рядъ высоко-нагруженныхъ и покрытыхъ рогожами троичныхъ возовъ съ большими черными буквами. Толстоногіе, сытые кони, погромыхивая бубенчиками, выгибая спину и натягивая постромки, дружно тянутъ въ гору, напряженно цѣпляя длинными шипами за склизкую дорогу. На встрѣчу обоза, подъ гору, шибко бѣжитъ почта, звеня колокольчиками, которые отзываются далеко по крупному лѣсу, тянущемуся съ обѣихъ сторонъ дороги.

— А-а-ай! — громко, ребяческимъ голосомъ кричитъ передовой ямщикъ съ бляхой на поярковой шляпѣ, подымая кнутъ надъ головой.

У передняго колеса перваго воза тяжело шагаетъ въ огромныхъ сапогахъ Карпъ съ своею рыжею бородой и угрюмымъ взглядомъ. На второмъ возу высовывается красивая голова Илюшки, который, подъ рогожей передка, словно пригрѣлся на зорькѣ. Три тройки, нагруженныя чемоданами,

съ грохотомъ колесъ, звономъ колокольчиковъ и крикомъ, пронеслись мимо; Илюшка снова прячетъ свою красивую голову подъ рогожу и засыпаетъ. Вотъ и ясный теплый вечеръ. Передъ усталыми, столпившимися у постоялаго двора тройками скрипятъ тесовыя ворота, и одинъ за другимъ, подпрыгивая по доскѣ, лежащей въ воротахъ, скрываются высокіе рогожные возы подъ просторными навѣсами. Илюшка весело здоровается съ бѣлолицею, широкогрудою хозяйкой, которая спрашиваетъ: „Издалече ли, и много ли ужинать будутъ?“, съ удовольствіемъ поглядывая на красиваго парня своими блестящими, сладкими глазами. Вотъ онъ, убравъ коней, идетъ въ жаркую, набитую народомъ, избу, крестится, садится за полную деревянную чашку, ведя веселую рѣчь съ хозяйкой и товарищами. А вотъ и ночлегъ его подъ открытымъ звѣзднымъ небомъ, видпѣющимся изъ-подъ навѣса, на пахучемъ сѣнѣ, около лошадей, которыя, переминаясь и похрапывая, перебираютъ кормъ въ деревянныхъ ясляхъ. Онъ подошелъ къ сѣну, повернулся на востокъ и, разъ тридцать сряду перекрестивъ свою широкую, сильную грудь и встряхнувъ свѣтлыми кудрями, прочелъ „Отче“ и разъ двадцать „Господи помилуй“, и, увернувшись съ головой въ армякъ, засыпаетъ здоровымъ, беззаботнымъ сномъ сильнаго, свѣжаго человѣка. И вотъ видитъ онъ во снѣ города: Кіевъ съ угодниками и толпами богомольцевъ, Роменъ съ купцами и товарами,—видитъ Одестъ и далекое синее море съ бѣлыми парусами, и городъ Царьградъ съ золотыми домами и бѣлогрудыми, чернобровыми турчанками, куда онъ летитъ, поднявшись на какихъ-то невидимыхъ крыльяхъ. Онъ свободно и легко летитъ все дальше и дальше, и видитъ внизу золотые города, облитые яркимъ сіяніемъ, и синее небо съ чистыми

звѣздами, и синее море съ бѣлыми парусами—и ему сладко и весело летѣть все дальше и дальше...

„Славно!“—шепчетъ себѣ Нехлюдовъ, и мысль: зачѣмъ онъ не Илюшка,—тоже приходитъ ему.

ЗАПИСКИ МАРКЁРА.

ПОВѢСТЬ

(1856 года).

ЗАПИСКИ МАРКЁРА.

ПОВѢСТЬ.

Такъ, часу въ третьемъ, было дѣло. Играли господа: гость большой (такъ его наши прозвали), князь былъ (чтó съ нимъ все ѣздитъ), усатый баринъ тоже былъ, гусаръ маленькій, Оливеръ, что въ актерахъ былъ, *Панъ* былъ. Народу было порядочно.

Гость большой съ княземъ играли. Только вотъ я себѣ съ машинкой кругъ билліарда похаживаю, считаю: десять и сорокъ-восемь, двѣнадцать и сорокъ-восемь. Извѣстно, наше дѣло маркёлское: у тебя еще во рту куска не было, и не спалъ-то ты двѣ ночи, а все знай покрикивай, да шары вынимай. Считаю себѣ, смотрю: новый баринъ какой-то въ дверь вошелъ, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, да и сѣлъ на диванчикъ. Хорошо.

Кто, молъ, это такой будетъ, изъ какихъ то-есть?—думаю про себя.

Одѣтъ чисто,—ужъ такъ чисто, что какъ съ иголочки все

платье на немъ: брюки триковыя клѣтчатыя, сюртучокъ модный, коротенькій, жилетъ плюшевый и цѣпь золотая, а на ней всякія штучки висятъ.

Одѣтъ чисто, а ужъ изъ себя еще того чище: тонкій, высокій, волоса завиты напередъ, по-модному, и съ лица бѣлый, румяный,—ну, сказать, молодецъ.

Оно извѣстно, наше дѣло такое, что народу всякаго видимъ: и самаго что ни есть важнаго, и дряни-то много бываетъ; такъ все, хотя и маркёлъ, а къ людямъ принаровишься, то-есть въ томъ разѣ, что въ политикѣ-то кое-что смыслишь.

Посмотрѣлъ я на барина, вижу: сидитъ тихо, ни съ кѣмъ не знакомъ, и платье-то на немъ новёховько; думаю себѣ: али изъ иностранцевъ, англичанинъ будетъ, али изъ графовъ какихъ пріѣзжихъ. И даромъ что молодой,—видъ имѣетъ въ себѣ. Подлѣ него Оливеръ сидѣлъ, такъ посторонился даже.

Кончили партію; большой проигралъ. Кричитъ на меня:

— Ты, говоритъ, все врешь, не такъ считаешь, по сторонамъ смотришь!

Бранится, кій шваркнулъ и ушелъ. Вотъ поди ты! По вечерамъ съ княземъ по пятидесяти цѣлковыхъ партію играютъ, а тутъ бутылку *макону* проигралъ—и самъ не въ себѣ. Ужъ такой характеръ! Другой разъ до двухъ часовъ играютъ съ княземъ; денегъ въ лузу не кладутъ, и ужъ знаю, денегъ нѣтъ ни у того, ни у другаго, а все форсятъ.

— Идетъ, говоритъ, отъ двадцати-пяти уголъ?

— Идетъ!

Зѣвни только, али шаръ не такъ поставь,—вѣдь не каменный человѣкъ!—такъ только послушай:

— Не на щепки, говоритъ, играютъ, а на деньги!

Ужъ этотъ пуще всѣхъ меня донимаетъ.

Ну, хорошо. Только князь и говоритъ новому барину-то, какъ большой ушелъ:

— Не угодно ли, говоритъ, со мной сыграть?

— Съ удовольствіемъ,—говоритъ.

Сидѣлъ онъ, такъ такимъ фофономъ смотритъ, что ну!—куражный то-есть изъ себя,—ну, а какъ всталъ, подошелъ къ билліарду—и не то, заробѣлъ. Заробѣлъ, не заробѣлъ, а видно, что ужъ не въ своемъ духѣ. Въ платьѣ, что ли, въ новомъ неловко, али боится, что смотрятъ всѣ на него, только ужъ форцу того нѣтъ. Ходитъ бокомъ какъ-то, карманомъ за лузы цѣпляетъ; станетъ кій мѣлить,—мѣлъ уронитъ. Гдѣ бы и сдѣлалъ шара, такъ все оглядывается, да краснѣетъ. Не то, что князь,—тотъ ужъ привыкъ: намѣлитъ, намѣлитъ себѣ руку, рукава засучитъ, да какъ пойдетъ садить, такъ лузы трещатъ, даромъ что маленькій.

Сыграли двѣ или три партіи,—ужъ не помню,—князь кій положилъ и говоритъ:

— Позвольте узнать, какъ ваша фамилія?

— Нехлюдовъ!—говоритъ.

— Вашъ, говоритъ, батюшка корпусомъ командовалъ?

— Да,—говоритъ.

Тутъ по-французски что-то часто заговорили; ужъ я не понялъ. Должно, все родство вспоминали.

— А ревуаръ,—говоритъ князь:—очень радъ съ вами познакомиться.

Вымылъ руки и ушелъ кушать; а тотъ стоитъ съ кіемъ у билліарда и шарики поталкиваетъ.

Наше дѣло, извѣстно, съ новымъ человѣкомъ—что грубѣй быть, то лучше: я взялъ шары, да и собираю. Онъ покраснѣлъ, говоритъ:

— Можно еще сыграть?

— Извѣстно, говорю, на то билліардъ стоитъ, чтобъ играть. А самъ на него не смотрю, кіи уставляю.

— Хочешь со мной играть?

— Извѣстно, говорю, сударь.

Шары поставилъ.

— На пролазъ угодно?

— Что такое значитъ, говоритъ, на пролазъ?

— Да такъ, я говорю: вы мнѣ полтинничекъ, а я подъ билліардъ пролѣзу.

Извѣстно, ничего не видамши, чудно ему показалось, смѣется.

— Давай,—говоритъ.

— Хорошо. Я говорю: мнѣ впередъ сколько пожалуете?

— Развѣ, говоритъ, ты хуже меня играешь?

— Какъ можно,—я говорю,—у насъ противъ васъ и игроковъ мало!

Стали играть. Ужъ онъ и точно думаетъ, что мастеръ: стучитъ такъ, что бѣда; а *Панъ* сидитъ да все приговариваетъ:

— Вотъ такъ шаръ! Вотъ такъ ударъ!

А какой!... ударишка точно былъ, да разсчету ничего не знаетъ. Ну, какъ водится, проигралъ я первую партію: полѣзъ, кряхчу. Тутъ Оливеръ, Панъ съ мѣстовъ пососкочили, кіями стучатъ.

— Славно! Еще,—говорятъ,—еще!

А ужъ чего „еще!“—особенно Панъ-то: за полтинникъ радъ бы не то подъ билліардъ, подъ Синій мостъ пролѣзть. А то туда же кричитъ:

— Славно!—говоритъ.—Пыль не всю еще вытеръ...

Петрушка маркёлъ, я, чай, всѣмъ извѣстенъ. Тюрикъ былъ, да Павлушка маркёлъ.

Только игры, извѣстно, не открылъ: проигралъ другую.

— Мнѣ, говорю, съ вами, сударь, такъ и такъ, не сыграть.

Смѣется. Потомъ какъ выигралъ я три партіи: у нихъ сорокъ-девять было, у меня никого,—я положилъ кій на билліардъ, говорю:

— Угодно, баринъ, на всю?

— Какъ на всю?—говоритъ.

— Либо три рубля за вами, либо ничего,—говорю.

— Какъ? говоритъ:—развѣ я съ тобой на деньги играю? Дуракъ!

Покраснѣлъ даже.

Хорошо. Проигралъ онъ партію.

— Довольно!—говоритъ.

Досталъ бумажникъ, новенькій такой, въ аглицкомъ магазинѣ купленъ, открылъ,—ужъ я вижу, пофорсить хотѣлъ. Полнёхонекъ денегъ, да все сторублевыя.

— Нѣтъ, говоритъ, тутъ мелочи, нѣтъ.

Досталъ изъ кошелька три рубля.

— Тебѣ, говоритъ, два, да за партіи, а остальное возьми на водку.

— Благодарю, молъ, покорно.

Вижу—баринъ славный! Для такого можно полазить. Одно жаль, на деньги не хочетъ играть; а то, думаю, ужъ я бы изловчился: глядишь, рублей двадцать, а то и сорокъ потянулъ бы.

Какъ Панъ увидѣлъ деньги у молодаго барина:—Не угодно ли, говоритъ, со мной партійку? Вы такъ отлично играете.—Такой лисой подъѣхалъ.

— Нѣтъ, говоритъ, извините, мнѣ некогда.—И ушелъ.

И не знаю, кто онъ такой былъ, Панъ этотъ. Прозвалъ

его кто-то *паномъ*, такъ и пошло. День-деньской, бывало, сидитъ въ билліардной, все смотритъ. Ужъ его и въ игру ни въ какую не принимали, все сидитъ себѣ, принесетъ трубку и куритъ. Да ужъ и игралъ чисто.

Хорошо. Пришелъ Нехлюдовъ въ другой разъ, въ третій: сталъ часто ходить. И утромъ, и вечеромъ бывало ходитъ. Въ три шара, алагеръ, пирамидку—все узналъ. Смѣлѣй сталъ, познакомился со всѣми и играть сталъ порядочно. Извѣстно, человѣкъ молодой, большой фамиліи, съ деньгами, такъ и уважалъ каждый. Только съ однимъ съ гостемъ съ большимъ разъ какъ-то повздорилъ.

И изъ-за пустяковъ дѣло вышло.

Играли алагеръ: князь, гость большой, Нехлюдовъ, Оливеръ и еще кто-то. Нехлюдовъ стоитъ около печки, говоритъ съ кѣмъ-то, а большому играть. Только шаръ его и придись какъ разъ противъ самой печки: тѣсненько тамъ, да и любитъ онъ размахнуться.

Вотъ онъ,—не видалъ, что ли, Нехлюдова, или нарочито,—какъ размахнется въ шара, да Нехлюдова въ грудь турникомъ ка-акъ стукнетъ! Охнулъ даже сердечный. Такъ что-жъ? Нѣтъ того, чтобъ извиниться—грубый такой!—пошелъ себѣ дальше, на него и не посмотрѣлъ, да еще бормочетъ:

— Чего, говоритъ, тутъ суются? Отъ этого шара не сдѣлалъ! Развѣ нѣтъ мѣста?

Тотъ подошелъ къ нему, поблѣднѣлъ весь, а говоритъ какъ ни въ чемъ не былъ, учтиво такъ:

— Вы бы прежде, сударь, должны извиниться: вы меня толкнули,—говоритъ.

— Не до извиненій мнѣ теперь; я бы, говоритъ, долженъ выиграть, а теперь, говоритъ, вотъ моего шара сдѣлаютъ.

Тотъ ему опять говоритъ:

— Вы должны, говоритъ, извиниться.

— Убирайтесь вы!—говоритъ.—Вотъ присталъ!

А самъ все на своего шара смотритъ.

Нехлюдовъ подошелъ къ нему еще ближе, да за руку его.

— Вы невѣжа, говоритъ, милостивый государь!

Даромъ что тоненькій, молоденькій, какъ дѣвушка красная, а какой задорный: глазенки горятъ, вотъ такъ съѣсть его хочетъ. Большой-то гость—мужчина здоровый, высокій, куда Нехлюдову!

— Что-о?—говоритъ:—я невѣжа?

Да какъ закричитъ, да какъ замахнется на него. Тутъ подскочили, кто былъ, за руки ихъ поймали обоихъ, растащили.

Тары да бары, Нехлюдовъ говоритъ:

— Пусть онъ мнѣ удовлетворенье дастъ,—онъ меня оскорбилъ, дескать.

— Никакого, говоритъ, удовлетворенія знать не хочу! Онъ—мальчишка, больше ничего. Я его за уши выдеру.

— Ежели вы, говоритъ, не хотите дать мнѣ удовлетворенье, такъ вы не благородный человѣкъ.

А самъ чуть не плачетъ.

— А ты, говоритъ, мальчишка, я отъ тебя ничѣмъ не обижусь.

Ну, развели ихъ, какъ водится, по разнымъ комнатамъ. Нехлюдовъ съ княземъ дружны были.

— Поди, говоритъ, ради Бога, уговори его...

Пошелъ князь. Большой говоритъ:

— Я, говоритъ, ничего не боюсь. Не стану, говоритъ, съ мальчишкой объясняться. Не хочу, да и шабашъ.

— Что-жъ! поговорили, поговорили, да и замолчали; только гость большой пересталъ къ намъ ѣздить.

Насчетъ этого, то-есть конфузу, какой пѣтушокъ былъ: амбиціонный былъ... то-есть Нехлюдовъ-то... а ужъ что касается чего другаго-прочаго, такъ вовсе не смыслилъ. Помню разъ:

— Кто у тебя здѣсь есть?—говоритъ князь Нехлюдову-то.

— Никого,—говоритъ.

— Какже, говоритъ, никого?

— Зачѣмъ?—говоритъ.

— Какъ зачѣмъ?

— Я, говоритъ, до сихъ поръ такъ жилъ, такъ отчего же нельзя?

— Какъ: такъ жилъ? Не можетъ быть!

И заливается-хохочетъ, и усатый баринъ тоже хохочетъ. Совсѣмъ на смѣхъ подняли.

— Такъ никогда?—говорятъ.

— Никогда.

Помираютъ со смѣху. Я, извѣстно, сейчасъ понялъ, что они такъ надъ нимъ смѣются. Смотрю: что, молъ, будетъ изъ него?

— Поѣдемъ,—говоритъ князь,—сейчасъ.

— Нѣтъ, ни за что!—говоритъ.

— Ну, полно; это смѣшно, говоритъ. Поѣдемъ.

Поѣхали.

Пріѣхали часу въ первомъ. Сѣли ужинать, и собралось ихъ много, что ни есть самые лучшіе господа: Атановъ, князь Разинъ, графъ Шустахъ, Мирцовъ. И всѣ Нехлюдова поздравляютъ, смѣются. Меня позвали; вижу—веселы порядочно.

— Поздравляй, говоритъ, барина!

— Съ чѣмъ?—говорю.

Какъ бишь онъ сказалъ?—*съ посвященіемъ ли*, *съ просвѣщеніемъ ли*, не помню ужъ хорошенько.

— Честь имѣю, говорю, поздравить.

А онъ красный сидитъ, улыбается только. То-то смѣху-то было.

Хорошо. Приходятъ потомъ въ билліардную, веселы всѣ, а онъ подошелъ къ билліарду, облокотился, да и говоритъ:

— Вамъ, говоритъ, смѣшно, а мнѣ грустно. Зачѣмъ, говоритъ, я это сдѣлалъ? И тебѣ, говоритъ, князь, и себѣ въ жизнь свою этого не прощу.

Да какъ зальется, заплачетъ. Извѣстно, самъ не знаетъ, что говоритъ. Подошелъ къ нему князь, улыбается самъ.

— Полно, говоритъ, пустяки!... Поѣдемъ домой, Анатолій.

— Никуда, говоритъ, не поѣду. Зачѣмъ я это сдѣлалъ?— А самъ-то заливается. Нейдетъ отъ билліарда, да и шабашъ. Что значитъ человѣкъ молодой, непривычный...

Такимъ-то родомъ ѣзжалъ онъ къ намъ часто. Пріѣзжаютъ разъ съ княземъ и съ усатымъ господиномъ, который все съ княземъ ходилъ. Ѳедоткой его все господа звали. Скуластый, дурной такой, а ходилъ чисто и въ каретѣ ѣзжалъ. За что его господа такъ любили, ужъ, право, не вѣдаю. *Ѳедотка*, *Ѳедотка*, а глядишь—его и кормятъ, и поятъ, и деньги за него платятъ. Да ужъ и продувной же былъ: проиграетъ,—не платитъ; а выиграетъ, такъ не бойсь! Ужъ чего ему не доставалось, а все съ княземъ подъ ручку ходитъ.

— Ты, говоритъ, пропадешь безъ меня. Я—Ѳедотъ, говоритъ, да не тотъ.

Шутникъ такой! Ну, ладно. Пріѣхали. Говорятъ:

— Давай алагеръ втроемъ составимъ.

— Давай,—говоритъ.

Стали играть по три рубля ставку. Нехлюдовъ съ княземъ тары да бары.

— Ты, говоритъ, посмотри, какая у нея ножка. Нѣтъ, говоритъ, что ножка?—у нея коса, говоритъ, хороша.

Извѣстно, на игру не смотрятъ: только все промежъ себя разговариваютъ. А *Ѳедотка* свое дѣло помнитъ, знай съ накатцемъ сыграетъ, а тѣ—промахъ, али вовсе на себя. И зашибъ по шести рублей съ брата. Съ княземъ-то у нихъ Богъ знаетъ какіе счеты были, никогда другъ другу денегъ не платили, а Нехлюдовъ досталъ двѣ зелененькихъ, подаетъ ему.

— Нѣтъ, говоритъ, я не хочу съ тебя денегъ брать. Давай простую сыграемъ: китудубль, то-есть либо вдвое, либо ничья.

Поставилъ я шаровъ. *Ѳедотка* впередъ взялъ и стали играть. Нехлюдовъ-то бьетъ, чтобы пофорсить; другой разъ на партіи стоитъ,—нѣтъ, говоритъ, не хочу, легко, молъ, слишкомъ; а Ѳедотка свое дѣло не забываетъ, знай себѣ подбираетъ. Извѣстно, игру скрылъ, да какъ будто невзначай и выиграй партію.

— Давай, говоритъ, еще на всѣ.

— Давай.

Опять выигралъ.

— Съ пустяковъ, говоритъ, началось; я не хочу у тебя много выигрывать. Идетъ на всѣ?

— Идетъ.

Оно, какъ бы ни было, пятидесяти-то рублей жалко; ужъ Нехлюдовъ проситъ: „давай на всю“. Пошла да пошла, дальше да больше, двѣсти-восемьдесятъ рублей на него и

набилъ. Ѳедотка снаровку знаетъ: простую проиграетъ, а уголъ выиграетъ. А князь сидитъ, видитъ, что дѣло въ сурьёзъ пошло.

— *Асе*, говоритъ, *асе*!

Какой!... все кушъ прибавляютъ.

Наконецъ тому дѣло вышло, за Нехлюдовымъ пятьсотъ съ чѣмъ-то рублей. Ѳедотка кій положилъ, говоритъ:

— Не довольно ли? Я усталъ,—говоритъ.

А самъ до зари готовъ играть, только бы денежки были: политика, извѣстно. Тому еще пуще хочется: давай да давай.

— Нѣтъ, говоритъ, ей-Богу усталъ.... Пойдемъ, говоритъ, наверхъ: тамъ реваншъ возьмешь.

А наверху у насъ въ карты играли господа.

Вотъ съ того самаго числа такъ его *Ѳедотка* окрутилъ, что началъ онъ къ намъ каждый день ѣздить. Сыграетъ партію-другую, да и наверхъ, да и наверхъ.

Ужъ что̀ тамъ у нихъ бывало, Богъ ихъ знаетъ, только что совсѣмъ другой человѣкъ сталъ, и съ *Ѳедоткой* все пошло за-одно. Прежде, бывало, модный, чистенькій, завитой, а нынче только съ утра еще въ настоящемъ видѣ; а какъ наверху побывалъ, придетъ—на себя не похожъ!

Разъ этакимъ манеромъ приходитъ оттуда съ княземъ, блѣдный, губы трясутся и споритъ что-то.

— Я, молъ, не позволю *ему* говорить мнѣ (какъ бишь онъ сказалъ?)... что я не *великатенъ*, что ли, и что *онъ* не будетъ со мной играть. Я, говоритъ, *ему* десять тысячъ заплатилъ, такъ *онъ* могъ бы при другихъ-то быть осторожнѣе!

— Ну, полно,—говоритъ князь:—сто̀итъ ли на Ѳедотку сердиться.

— Нѣтъ, говоритъ, я этого такъ не оставлю.

— Перестань, говоритъ:—какъ можно до того унижаться, чтобы съ *Ѳедоткой* имѣть исторію?

— Да вѣдь тутъ были посторонніе.

— Что-жъ, говоритъ, посторонніе? Ну, хочешь я его сейчасъ заставлю у тебя прощенья просить?

— Нѣтъ,—говоритъ.

И забормотали что-то по-французски, ужъ я не понялъ. Что-жъ?—тотъ же вечеръ съ *Ѳедоткой* вмѣстѣ ужинали, и опять дружба пошла.

Хорошо. Придетъ другой разъ одинъ.

— Что, говоритъ, хорошо я играю?

Наше дѣло, извѣстно, потрафлять каждому надо, скажешь: хорошо. А какой хорошо: стучитъ дуромъ, а расчету ничего нѣтъ. И съ того самаго время, какъ съ Ѳедоткой связался, все на деньги играть сталъ. Прежде не любилъ ни на что,— ни на кушанье, ни на шампанское. Бывало, князь скажетъ:

— Давай на бутылку шампанскаго.

— Нѣтъ, говоритъ, я лучше такъ велю принести. Гей! дай бутылку.

А нынче все на интересъ сталъ играть. Ходитъ, бывало, день-деньской у насъ: или съ кѣмъ въ билліардъ играетъ, или на верхъ пойдетъ. Я себѣ и думаю: что же другимъ, а не мнѣ все будетъ доставаться?

— Что, говорю, государь, со мной давно не играли?

Вотъ и стали играть.

Какъ набилъ я на него полтинниковъ десять:—На квитъ, говорю, хотите, сударь?

Молчитъ. Не то что прежде *дурака* сказалъ. Вотъ и стали играть на квитъ, да на квитъ; я на него рублей восемьдесятъ и набилъ. Такъ что-жъ? Каждый день со мной играть сталъ.

Того и ждетъ бывало, чтобы не было никого, а то, извѣстно, при другихъ стыдно ему съ *маркёломъ* играть. Разъ какъ-то погорячился онъ, а рублей ужъ за нимъ съ шестьдесятъ было.

— Хочешь, говоритъ, на всѣ?

— Идетъ,—говорю.

Выигралъ я.

— Сто-двадцать на сто-двадцать?

— Идетъ,—говорю.

Опять выигралъ.

— Двѣсти-сорокъ на двѣсти на сорокъ?

— Не много ли будетъ?—говорю.

Молчитъ. Стали играть: опять моя партія.

— Четыреста-восемьдесятъ на четыреста на восемьдесятъ?

Я говорю:

— Что-жъ, сударь, мнѣ васъ обижать. Сто-то рубликовъ пожалуйте; а то пусть такъ будетъ.

Такъ онъ какъ крикнетъ! А вѣдь какой тихій былъ.

— Играй, или не играй!

Ну, вижу дѣлать нечего.

— Триста-восемьдесятъ, говорю, извольте.

Извѣстно, хотѣлъ проиграть.

Далъ я сорокъ впередъ. У него пятьдесятъ-два было, у меня тридцать-шесть. Сталъ онъ желтаго рѣзать, да и положи на себя восемнадцать очковъ, а мой—на перекатѣ стоялъ.

Ударилъ я такъ, чтобъ выскочилъ шаръ. Не тутъ-то было, онъ дублетомъ и упади. Опять моя партія.

— Послушай, говоритъ, *Петръ* (Петрушкой не назвалъ), я тебѣ сейчасъ не могу отдать всѣхъ; а черезъ два мѣсяца хоть три тысячи могу заплатить.

А самъ весь кра-асный сталъ, дрожитъ ажно голосъ у него.

— Хорошо, говорю, сударь.

Да и поставилъ кій. Онъ походилъ, походилъ, потъ такъ съ него и льетъ.

— Петръ, говоритъ, давай на всѣ.

А самъ чуть не плачетъ.

Я говорю:

— Что, сударь, играть...

— Ну, давай пожалуйста!

И самъ кій мнѣ подаетъ. Я взялъ кій, да шары на билліардъ такъ шваркнулъ, что на полъ полетѣли,—извѣстно, нельзя не пофорсить,—говорю:

— *Давай, сударь*.

А ужъ онъ такъ заторопилъ, что самъ шаръ поднялъ. Думаю себѣ: „не получить мнѣ семисотъ рублей; все равно проиграю". Сталъ нарочно играть. Такъ что же?

— Зачѣмъ, говоритъ, нарочно дурно играешь?

А у самого руки дрожатъ; а какъ шаръ къ лузѣ бѣжитъ, такъ пальцы растаращитъ, ротъ скривитъ, да все къ лузѣ и головой-то и руками тянетъ. Ужъ я говорю:

— Этимъ не поможешь, сударь.

Хорошо. Какъ выигралъ онъ эту партію, я говорю:

— Сто-восемьдесятъ рубликовъ за вами будетъ, да полтораста партій; а я, молъ, ужинать пойду.

Поставилъ кій и ушелъ.

Сѣлъ я себѣ за столикъ противъ двери, а самъ смотрю: что, молъ, изъ него будетъ. Такъ что-жъ? — походитъ-походитъ,—чай думаетъ: никто на него не глядитъ,—да за волосы себя какъ дернетъ!—и опять ходитъ, бормочетъ все что-то, да опять какъ дернетъ!

Послѣ того дней съ восемь не видать его было. Пришелъ въ столовую разъ, угрюмый такой, и въ билліардную не зашелъ.

Увидалъ его князь:

— Пойдемъ, говоритъ, сыграемъ.

— Нѣтъ, говоритъ, я больше играть не буду.

— Да полно, пойдемъ.

— Нѣтъ, говоритъ, не пойду. Тебѣ, говоритъ, добра не сдѣлаетъ, что я пойду, а мнѣ дурно отъ этого будетъ.

Такъ и не ходилъ дней съ десять еще. А потомъ на праздникахъ какъ-то заѣхалъ, во фракѣ,—видно въ гостяхъ былъ,—и цѣлый день пробылъ, все игралъ. На другой день пріѣхалъ, на третій... Пошло по-старому. Хотѣлъ, я было, съ нимъ еще поиграть.

— Такъ нѣтъ, говоритъ, съ тобой играть не стану; а сто-восемьдесятъ рублей, что я тебѣ долженъ,—приди ко мнѣ черезъ мѣсяцъ,—получишь.

Хорошо. Пришелъ къ нему черезъ мѣсяцъ.

— Ей-Богу, говоритъ, нѣтъ, а въ четвергъ приди.

Пришелъ я въ четвергъ; славную такую квартерку занималъ.

— Что, говорю, дома?

— Почиваетъ,—говорятъ.

Хорошо, подожду.

Камердинъ у него изъ своихъ былъ; старичокъ такой сѣденькій, простой, ничего политики не зналъ. Вотъ и поразговорилось мы съ нимъ.

— Чтó, говоритъ, мы тутъ живемъ съ бариномъ? Совсѣмъ замотались и никакой намъ ни чести, ни пользы нѣтъ отъ Петербургу отъ этого. Изъ деревни ѣхали, думали: будемъ, какъ при покойникѣ баринѣ—царство небесное!—по князь-

ямъ, по графамъ, да по генераламъ ѣздить; думали: возьмемъ себѣ какую изъ графинь кралю, съ приданымъ, да и заживемъ по-дворянски; а выходитъ на повѣрку, что мы только по трахтирамъ бѣгаемъ,—совсѣмъ плохо! Княгиня-то Ртищева вѣдь намъ тетка родная, а князь Боротынцевъ тятенька хрёсный. Что-жъ?—только на Рождество былъ разъ, да и носу не кажетъ. Ужъ ихніе люди и то смѣются мнѣ: что́, молъ, вашъ баринъ-то, видно, не въ папеньку пошелъ? Я разъ и говорю ему:

— „Что, сударь, къ тетенькѣ не изволите ѣздить? Онѣ скучаютъ, что васъ давно не видали.

— „Скучно, говоритъ, тамъ, Демьянычъ".

— Поди ты, только и веселья нашелъ, что въ трахтирѣ. Хоть бы служилъ бы, что ли, а то нѣтъ: занялся картами да прочимъ; а ужъ евти дѣла никогда къ добру не поведутъ... Э-эхъ, пропадаемъ мы, такъ ни за грошъ пропадаемъ!... У насъ отъ барыни покойницы—царство небесное!—богатѣйшее имѣніе осталось: тысяча душъ слишкомъ, тысячъ на триста лѣсу было. Все заложилъ теперь, лѣсъ продалъ, имѣніе разорилъ, и все нѣтъ ничего. Безъ господина, извѣстно, управляющій самъ больше господина. Ему что?—набить бы только карманъ, а тамъ хоть все пропадай. Намедни пришли два мужичка, жалобы принесли отъ всей вотчины.

— „Разорилъ, говорятъ, въ конецъ имѣніе".

— Что-жъ?—прочиталъ жалобы, далъ по десяти рублей мужичкамъ.

— „Я, говоритъ, самъ скоро буду. Получу деньги, говоритъ, расплачусь, тогда уѣду".

— А гдѣ расплатиться, когда мы все долги дѣлаемъ? Вѣдь много ли, мало ли, тутъ зиму прожили, тысячъ восемьдесятъ спустили; а теперь въ домѣ рубля серебромъ нѣту. А все

отъ добродѣтели своей. Ужъ такой простой баринъ, что и сказать нельзя. Отъ этого самаго и пропадаетъ, такъ вотъ ни зà что пропадаетъ!

И самъ чуть не плачетъ старикъ-то.

Проснулся часу въ одиннадцатомъ, позвалъ меня.

— Не прислали мнѣ, говоритъ, денегъ, только я не виноватъ. Затвори, говоритъ, дверь.

Я затворилъ.

— Вотъ, говоритъ, возьми часы или булавку брилліантовую и заложи ихъ. Тебѣ, говоритъ, за нихъ больше ста восьмидесяти рублей дадутъ, а когда я получу деньги, то выкуплю,—говоритъ.

— Что-жъ, я говорю, сударь, коли денегъ у васъ нѣтъ, нечего дѣлать, пожалуйте хоть часы. Я для васъ могу уважить.

А самъ вижу, что часы рублей триста стоятъ.

Хорошо. Заложилъ я часы за сто рублей, а записку ему принесъ.

— Восемьдесятъ, говорю, рублей за вами будутъ; а часы сами извольте выкупить.

Такъ и по сіе время восемьдесятъ рублей моихъ денегъ за нимъ осталось.

Такимъ-то родомъ сталъ онъ къ намъ опять каждый день ходить. Ужь не знаю, какіе у нихъ промежь себя расчеты были, только все вмѣстѣ съ княземъ ѣзжали. Или съ Ѳедоткой на верхъ пойдутъ играть, и тоже какіе-то у нихъ втроемъ мудреные счеты были: тотъ тому даетъ, тотъ тому даетъ; а кто кому долженъ, не разберешь никакъ.

И бывалъ онъ такимъ манеромъ у насъ два года почитай-что каждый день. Только видъ ужъ свой потерялъ: бойкій сталъ, и другой разъ до того доходилъ, что у меня

по цѣлковому занималъ извощику отдать; а по сту рублей съ княземъ партію играли.

Скучный, худой, желтый сталъ. Пріѣдетъ, бывало, абсинту сейчасъ рюмочку велитъ подать, *канапе* закуситъ, да портвейномъ запьетъ,—ну, и повеселѣй какъ будто.

Пріѣзжаетъ разъ передъ обѣдомъ,—на масляницѣ дѣло было,—и сталъ съ какимъ-то гусаромъ играть.

— Хотите, говоритъ, заинтересовать партію?

— Извольте, говоритъ. На что?

— Бутылку Клодвужò хотите?

— Идетъ.

Хорошо. Гусаръ выигралъ и пошли кушать. Сѣли за столъ; только Нехлюдовъ и говоритъ:

— Simon! бутылку Клодвужò; да, смотри, согрѣть хорошенько.

Simon ушелъ, приноситъ кушанье, бутылки нѣтъ.

— Что-жъ, говоритъ, вино?

Simon побѣжалъ, приноситъ жаркое.

— Подавай же вино!—говоритъ.

Simon молчитъ.

— Что, ты съ ума сошелъ? Мы ужъ кончаемъ обѣдать, а вина нѣтъ. Кто-жъ его пьетъ съ десертомъ?

Побѣжалъ Simon.

— Хозяинъ, говоритъ, васъ проситъ.

Покраснѣлъ весь, выскочилъ изъ-за стола.

— Что, говоритъ, ему надо?

А хозяинъ стоитъ у двери.

— Я, говоритъ, не могу вамъ больше вѣрить, коли вы мнѣ по счету не заплатите.

— Да я, говоритъ, вамъ сказалъ, что я въ первыхъ числахъ отдамъ.

— Какъ вамъ угодно, говоритъ, будетъ, а я въ долгъ не могу безпрестанно давать и ничего не получать. У меня и такъ, говоритъ, десятки тысячъ въ долгахъ пропадаютъ.

— Ну, полно, *моншеръ*, говоритъ; ужъ мнѣ-то можно повѣрить. Пришлите бутылку, а я постараюсь вамъ поскорѣе отдать.

И убѣжалъ самъ.

— Что это, васъ зачѣмъ вызывали?—гусаръ говоритъ.

— Тамъ, говоритъ, просилъ меня объ одной вещи.

— А славно бы,—говоритъ гусаръ,—теперь винца тепленькаго стаканъ выпить.

— Simon, что же?!

Побѣжалъ мой Simon. Опять нѣтъ ни вина, ничего. Плохо. Вышелъ изъ-за стола, прибѣжалъ ко мнѣ.

— Ради Бога, говоритъ, Петруша, дай мнѣ шесть цѣлковыхъ.

А на самомъ лица нѣтъ.

— Нѣту, говорю, сударь, ей-Богу, да ужъ и такъ за вами моихъ много.

— Я тебѣ, говоритъ, сорокъ цѣлковыхъ за шесть черезъ недѣлю отдамъ.

— Коли бы были, говорю, я бы не смѣлъ отказать, а то ей-ей нѣту.

Такъ что же?—выскочилъ, зубы стиснулъ, кулаки сжалъ, какъ шальной по корридору бѣгаетъ, да по лбу себя какъ треснетъ.

— Ахъ, говоритъ, Господи! Что это?

Даже не зашелъ въ столовую, вскочилъ въ карету и ускакалъ.

То-то смѣху было. Гусаръ говоритъ:

— Гдѣ, молъ, баринъ, что со мной обѣдалъ?

— Уѣхалъ,—говорятъ.

— Какъ уѣхалъ? Что-жъ онъ сказать велѣлъ?

— Ничего, говорятъ, не велѣли сказывать: сѣли, да и уѣхали.

— Хорошъ, говоритъ, гусь!

Ну, думаю себѣ, теперь долго ѣздить не будетъ послѣ, то-есть, сраму такого. Такъ нѣтъ. На другой день къ вечеру пріѣзжаетъ. Пришелъ въ билліардную и ящикъ какой-то съ собой принесъ. Снялъ пальто.

— Давай играть,—говоритъ.

Глядитъ изъ подлобья, сердитый такой.

Сыграли партійку.

— Довольно! говоритъ. Поди принеси мнѣ перо и бумаги,—письмо нужно написать.

Я, ничего не думамши, не гадамши, принесъ бумаги, положилъ на столъ въ маленькую комнату.

— Готово, говорю, сударь.

Хорошо. Сѣлъ за столъ. Ужъ онъ писалъ, писалъ, бормоталъ все что-то; вскочилъ, потомъ, нахмуренный такой.

— Поди, говоритъ, посмотри, пріѣхала ли моя карета?

Дѣло въ пятницу на масляной было, такъ никого изъ гостей не было: всѣ по баламъ.

Я пошелъ было узнать объ каретѣ, только за дверь вышелъ:

— Петрушка! Петрушка!—кричитъ, точно испужался чего.

Я вернулся. Смотрю: онъ—бѣлый, вотъ какъ полотно, стоитъ, на меня смотритъ.

— Звать, говорю, изволили, сударь?

Молчитъ.

— Чтó, говорю, вамъ угодно?

Молчитъ.

— Ахъ, да! давай еще играть,—говоритъ.

Хорошо. Выигралъ онъ партію.

— Чтó, говоритъ, хорошо я научился играть?

— Да,—я говорю.

— То-то. Поди, говоритъ, теперь узнай, что карета?

А самъ по комнатѣ ходитъ.

Я себѣ, ничего не думая, вышелъ на крыльцо: вижу—кареты никакой нѣтъ, иду назадъ.

Только иду назадъ, слышу кіемъ ровно стукнулъ кто-то. Вхожу въ билліардную: пахнетъ что-то чудно.

Глядь: а онъ на полу лежитъ, ве-есь въ крови, и пистоль подлѣ брошена. Такъ я до того испужался, что слова сказать не могъ.

А онъ дрыгнетъ, дрыгнетъ ногой, да и потянется. Захрапѣлъ потомъ, да и растянулся вотъ этакимъ родомъ.

И отчего такой съ нимъ грѣхъ случился, что душу свою загубилъ то-есть, Богъ его знаетъ; только, что бумагу эту оставилъ, да и то я никакъ не соображу.

Подлинно, ужъ чего не дѣлается на свѣтѣ!

„Богъ далъ мнѣ все, чего можетъ желать человѣкъ: богатство, имя, умъ, благородныя стремленія. Я хотѣлъ наслаждаться и затопталъ въ грязь все, чтó было во мнѣ хорошаго.

„Я не обезчестенъ, не несчастенъ, не сдѣлалъ никакого преступленія; но я сдѣлалъ хуже: я убилъ свои чувства, свой умъ, свою молодость.

„Я опутанъ грязною сѣтью, изъ которой не могу выпутаться

BIBLIOTHECA REGIA MONACENSIS

и къ которой не могу привыкнуть. Я безпрестанно падаю, падаю, чувствую свое паденіе и не могу остановиться.

—.—

....„И что погубило меня? Была ли во мнѣ какая-нибудь сильная страсть, которая бы извинила меня?—Нѣтъ.

.... „Хороши мои воспоминанія!

„Одна ужасная минута забвенія, о которой я никогда не забуду, заставила меня опомниться. Я ужаснулся, когда увидѣлъ, какая неизмѣримая пропасть отдѣляла меня отъ того, чѣмъ я хотѣлъ и могъ быть. Въ моемъ воображеніи возникли надежды, мечты и думы моей юности.

„Гдѣ тѣ свѣтлыя мысли о жизни, о вѣчности, о Богѣ, которыя съ такою ясностью и силой наполняли мою душу? Гдѣ безпредметная сила любви, отрадною теплотой согрѣвавшая мое сердце?

—.—

.... „А какъ бы я могъ быть хорошъ и счастливъ, ежели бы шелъ по той дорогѣ, которую, вступая въ жизнь, открылъ мой свѣжій умъ и дѣтское, истинное чувство! Не разъ пробовалъ я выдти изъ колеи, по которой шла моя жизнь, на эту свѣтлую дорогу. Я говорилъ себѣ: употреблю все, что есть у меня воли,—и не могъ. Когда я оставался одинъ, мнѣ становилось неловко и страшно съ самимъ собой. Когда я былъ съ другими, я уже вовсе не слыхалъ внутренняго голоса и падалъ все ниже и ниже.

„Наконецъ, я дошелъ до страшнаго убѣжденія, что не могу подняться, пересталъ думать объ этомъ и хотѣлъ забыться; но безнадежное раскаяніе еще сильнѣе тревожило меня. Тогда мнѣ въ первый разъ пришла мысль о самоубійствѣ.

—.—

„Я думалъ прежде, что близость смерти возвыситъ мою душу. Я ошибался. Черезъ четверть часа меня не будетъ, а взглядъ мой нисколько не измѣнился. Я такъ же вижу, такъ же слышу, такъ же думаю; та же странная непослѣдовательность, шаткость и легкость въ мысляхъ“.

—.—

„Я думалъ прежде, что близость смерти возвыситъ мою душу. Я ошибался. Черезъ четверть часа меня не будетъ, а взглядъ мой нисколько не измѣнился. Я такъ же вижу, такъ же слышу, такъ же думаю; та же странная непослѣдовательность, шаткость и легкость въ мысляхъ".

—

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

КНЯЗЯ Д. НЕХЛЮДОВА.

ЛЮЦЕРНЪ.

(1857 г.)

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

КНЯЗЯ Д. НЕХЛЮДОВА.

ЛЮЦЕРНЪ.

8 іюля.

Вчера вечеромъ я пріѣхалъ въ Люцернъ и остановился въ лучшей здѣшней гостиницѣ Швейцергофѣ.

„Люцернъ, старинный кантональный городъ, лежащій на берегу озера Четырехъ Кантоновъ,—говоритъ Murray,—одно изъ самыхъ романтическихъ мѣстоположеній въ Швейцаріи; въ немъ скрещиваются три главныя дороги и только на часъ ѣзды на пароходѣ находится гора Риги, съ которой открывается одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ видовъ въ мірѣ“.

Справедливо или нѣтъ, другіе *гиды* говорятъ то же, и потому путешественниковъ всѣхъ націй, и въ особенности англичанъ, въ Люцернѣ—бездна.

Великолѣпный пятиэтажный домъ Швейцергофа построенъ недавно на набережной, надъ самымъ озеромъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ встарину былъ деревянный, крытый, извилистый мостъ, съ часовнями на углахъ и образами на стропилахъ. Теперь, благодаря огромному наѣзду англичанъ, ихъ потребностямъ, ихъ вкусу и ихъ деньгамъ, старый мостъ

сломали и на его мѣстѣ сдѣлали цокольную, прямую, какъ палка, набережную; на набережной построили прямые четыреугольные пятиэтажные дома, передъ домами въ два ряда посадили липки, поставили подпорки, а между липками, какъ водится, зеленыя лавочки. Это — гулянье; и тутъ взадъ и впередъ ходятъ англичанки въ швейцарскихъ соломенныхъ шляпахъ и англичане въ прочныхъ и удобныхъ одеждахъ, и радуются своему произведенію. Можетъ быть, что эти набережныя, и дома, и липки, и англичане — очень хороши гдѣ-нибудь, но только не здѣсь, среди этой странно-величавой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невыразимо-гармонической и мягкой природы.

Когда я вошелъ на верхъ, въ свою комнату, и отворилъ окно на озеро, красота этой воды, этихъ горъ и этого неба въ первое мгновеніе буквально ослѣпила и потрясла меня. Я почувствовалъ внутреннее безпокойство и потребность выразить какъ-нибудь избытокъ чего-то, вдругъ переполнившаго мою душу. Мнѣ захотѣлось въ эту минуту обнять когонибудь, крѣпко обнять, защекотать, ущипнуть его, вообще сдѣлать съ нимъ и съ собой что-нибудь необыкновенное.

Былъ седьмой часъ вечера. Цѣлый день шелъ дождь и теперь разгуливалось. Голубое, какъ горящая сѣра, озеро, съ точками лодокъ и ихъ пропадающими слѣдами, неподвижно, гладко, какъ будто выпукло, разстилалось передъ окнами между разнообразными зелеными берегами, уходило впередъ, сжимаясь между двумя громадными уступами, и, темнѣя, упиралось и исчезало въ нагроможденныхъ другъ на другѣ горахъ, облакахъ и льдинахъ. На первомъ планѣ — мокрые, свѣтло-зеленые, разбѣгающіеся берега съ тростникомъ, лугами, садами и дачами; далѣе—темно-зеленые по-

росшіе уступы съ развалинами зàмковъ; на днѣ—скомканная, бѣлолиловая горная даль съ причудливыми скалистыми и бѣло-матовыми снѣговыми вершинами; и все — залитое нѣжною, прозрачною лазурью воздуха и освѣщенное прорвавшимися съ разорваннаго неба жаркими лучами заката. Ни на озерѣ, ни на горахъ, ни на небѣ—ни одной цѣльной линіи, ни одного цѣльнаго цвѣта, ни одного одинаковаго момента; вездѣ—движеніе, несимметричность, причудливость, безконечная смѣсь и разнообразіе тѣней и линій, и во всемъ—спокойствіе, мягкость, единство и необходимость прекраснаго. И тутъ, среди неопредѣленной, запутанной, свободной красоты, передъ самымъ моимъ окномъ, глупо, фокусно торчала бѣлая палка набережной, липки съ подпорками и зеленыя лавочки—бѣдныя, пошлыя людскія произведенія, не утонувшія такъ, какъ дальнія дачи и развалины, въ общей гармоніи красоты, а, напротивъ, грубо противорѣчащія ей. Безпрестанно, невольно, мой взглядъ сталкивался съ этой ужасно прямою линіей набережной, и мысленно хотѣлъ оттолкнуть, уничтожить ее, какъ черное пятно, которое сидитъ на носу подъ глазомъ; но набережная съ гуляющими англичанами оставалась на мѣстѣ, и я невольно старался найти точку зрѣнія, съ которой бы мнѣ ея было не видно. Я выучился смотрѣть такъ и, до обѣда, одинъ, самъ съ собою наслаждался тѣмъ не полнымъ, но тѣмъ слаще томительнымъ чувствомъ, которое испытываешь при одинокомъ созерцаніи красоты природы.

Въ половинѣ восьмаго меня позвали обѣдать. Въ большой, великолѣпно убранной комнатѣ, въ нижнемъ этажѣ, были накрыты два длинные стола, по крайней мѣрѣ, человѣкъ на сто. Минуты три продолжалось молчаливое движеніе сбора гостей: шуршанье женскихъ платьевъ, легкіе шаги, тихіе

переговоры съ учтивѣйшими и изящнѣйшими кельнерами; и всѣ приборы были заняты мужчинами и дамами, весьма красиво, даже богато и вообще необыкновенно чистоплотно одѣтыми. Какъ вообще въ Швейцаріи, бо́льшая часть гостей— англичане, и потому главныя черты общаго стола—строгое, закономъ признанное приличіе, несообщительность, основанная не на гордости, но на отсутствіи потребности сближенія, и одинокое довольство въ удобномъ и пріятномъ удовлетвореніи своихъ потребностей. Со всѣхъ сторонъ блестятъ бѣлѣйшія кружева, бѣлѣйшіе воротнички, бѣлѣйшіе настоящіе и вставные зубы, бѣлѣйшія лица и руки. Но лица, изъ которыхъ многія очень красивы, выражаютъ только сознаніе собственнаго благосостоянія и совершенное отсутствіе вниманія ко всему окружающему, что̀ не прямо относится къ собственной особѣ, и бѣлѣйшія руки съ перстнями и въ митенахъ движутся только для поправленія воротничковъ, разрѣзыванія говядины и наливанія вина въ стаканы: никакое душевное волненіе не отражается въ ихъ движеніяхъ. Семейства изрѣдка тихимъ голосомъ перекидываются словами о пріятномъ вкусѣ такого то кушанья или вина и красивомъ видѣ съ горы Риги. Одинокіе путешественники и путешественницы одиноко, молча сидятъ рядомъ, даже не глядя другъ на друга. Если изрѣдка, изъ этихъ ста человѣкъ, двое разговариваютъ между собою, то навѣрно о погодѣ и восхожденіи на гору Риги. Ножи и вилки чуть слышно двигаются по тарелкамъ, кушаньевъ берется понемногу, горошекъ и овощи ѣдятся непремѣнно вилкой; кельнеры, невольно подчиняясь общей молчаливости, шепотомъ спрашиваютъ о томъ, какого вина прикажете? На такихъ обѣдахъ мнѣ всегда становится тяжело, непріятно и подъ конецъ грустно. Мнѣ все

кажется, что я виноватъ въ чемъ-нибудь, что я наказанъ, какъ въ дѣтствѣ, когда за шалость меня сажали на стулъ и иронически говорили: „отдохни, мой любезный!“—въ то время, какъ въ жилкахъ бьется молодая кровь, а въ другой комнатѣ слышны веселые крики братьевъ. Я прежде старался взбунтоваться противъ этого чувства задавленности, которое испытывалъ на такихъ обѣдахъ, но тщетно: всѣ эти мертвыя лица имѣютъ на меня неотразимое вліяніе, и я становлюсь такимъ же мертвымъ. Я ничего не хочу, не думаю, даже не наблюдаю. Сначала я пробовалъ заговаривать съ сосѣдями; но, кромѣ фразъ, которыя очевидно повторялись въ сто-тысячный разъ на томъ же мѣстѣ и въ сто-тысячный разъ тѣмъ же лицомъ, я не получалъ другихъ отвѣтовъ. И вѣдь всѣ эти люди не глупые же и не безчувственные, и, навѣрное, у многихъ изъ этихъ замерзшихъ людей происходитъ такая же внутренняя жизнь, какъ и во мнѣ, у многихъ и гораздо сложнѣе, и интереснѣе. Такъ зачѣмъ же они лишаютъ себя одного изъ лучшихъ удовольствій жизни—наслажденія другъ съ другомъ, наслажденія человѣкомъ?

То ли дѣло бывало въ нашемъ парижскомъ пансіонѣ, гдѣ мы, двадцать человѣкъ самыхъ разнообразныхъ націй, профессій и характеровъ, подъ вліяніемъ французской общительности, сходились къ общему столу, какъ на забаву! Тамъ сейчасъ, съ одного конца стола на другой, разговоръ, пересыпанный шуточками и каламбурами, хотя часто и на ломаномъ языкѣ, становился общимъ. Тамъ всякій, не заботясь о томъ, какъ выйдетъ, болталъ, что приходило въ голову; тамъ у насъ были: свой философъ, свой спорщикъ, свой bel esprit, свой пластронъ,—все было общее. Тамъ, тотчасъ послѣ обѣда, мы отодвигали столъ и, въ тактъ ли, не въ тактъ ли,

принимались по пыльному ковру танцовать la polka до самаго вечера. Тамъ мы были хоть и кокетливые, но очень умные и почтенные люди, но мы были люди. И испанская графиня съ романтическими приключеніями, и итальянскій аббатъ, декламировавшій „Божественную Комедію“ послѣ обѣда, и американскій докторъ, имѣвшій входъ въ Тюльери, и юный драматургъ съ длинными волосами, и піанистка, сочинившая, по собственнымъ словамъ, лучшую польку въ мірѣ, и несчастная красавица-вдова съ тремя перстнями на каждомъ пальцѣ,—мы всѣ по-человѣчески, хотя поверхностно, но пріязненно, относились другъ къ другу и унесли другъ отъ друга кто легкія, а кто искреннія, сердечныя воспоминанія. За англійскими же table d'hôte'ами я часто думаю, глядя на всѣ эти кружева, ленты, перстни, помаженные волосы и шелковыя платья: сколько бы живыхъ женщинъ были счастливы и сдѣлали бы другихъ счастливыми этими нарядами! Странно подумать, сколько тутъ друзей и любовниковъ,—самыхъ счастливыхъ друзей и любовниковъ,—сидятъ рядомъ, можетъ-быть, не зная этого. И, Богъ знаетъ отчего, никогда не узнаютъ этого и никогда не дадутъ другъ другу того счастія, которое такъ легко могутъ дать и котораго имъ такъ хочется.

Мнѣ сдѣлалось грустно, какъ всегда послѣ такихъ обѣдовъ, и, не доѣвъ десерта, въ самомъ невеселомъ расположеніи духа, я пошелъ шляться по городу. Узенькія, грязныя улицы, безъ освѣщенія, запираемыя лавки, встрѣчи съ пьяными работниками и женщинами, идущими за водой, или въ шляпкахъ, постоянно оглядываясь, шмыгающими по переулкамъ, не только не разогнали, но еще усилили мое грустное расположеніе духа. Въ улицахъ ужъ было совсѣмъ темно,

когда я, не оглядываясь кругомъ себя, безъ всякой мысли въ головѣ, пошелъ къ дому, надѣясь сномъ избавиться отъ мрачнаго настроенія духа. Мнѣ становилось ужасно душевно-холодно, одиноко и тяжко, какъ это случается, иногда безъ видимой причины, при переѣздахъ на новое мѣсто.

Я глядя только себѣ подъ ноги, шелъ по набережной къ Швейцергофу, какъ вдругъ меня поразили звуки странной, но чрезвычайно пріятной и милой музыки. Эти звуки мгновенно живительно подѣйствовали на меня. Какъ будто яркій, веселый свѣтъ проникъ въ мою душу. Мнѣ стало хорошо, весело. Заснувшее вниманіе мое снова устремилось на всѣ окружающіе предметы. И красота ночи и озера, къ которымъ я прежде былъ равнодушенъ, вдругъ, какъ новость, отрадно поразили меня. Я невольно, въ одно мгновеніе успѣлъ замѣтить и пасмурное, сѣрыми кусками на темной синевѣ, небо, освѣщенное поднимающимся мѣсяцемъ, и темнозеленое гладкое озеро, съ отражающимися въ немъ огоньками, и вдали мглистыя горы, и крики лягушекъ изъ Фрешенбурга, и росистый свѣжій свистъ перепеловъ съ того берега. Прямо же передо мной, съ того мѣста, съ котораго слышались звуки и на которое преимущественно было устремлено мое вниманіе, я увидалъ въ полумракѣ, на срединѣ улицы, полукругомъ стѣснившуюся толпу народа, а передъ толпой, въ нѣкоторомъ разстояніи, крошечнаго человѣчка въ черной одеждѣ. Сзади толпы и человѣчка, на темномъ, сѣромъ и синемъ разорванномъ небѣ, стройно отдѣлялось нѣсколько черныхъ раинъ сада и величаво возвышались по обѣимъ сторонамъ стариннаго собора два строгіе шпица башенъ.

Я подходилъ ближе, звуки становились яснѣе. Я разбиралъ ясно дальніе, сладко колеблющіеся въ вечернемъ воз-

духѣ, полные аккорды гитары и нѣсколько голосовъ, которые, перебивая другъ друга, не пѣли тему, а кое-гдѣ выпѣвая самыя выступающія мѣста, давали ее чувствовать. Тема была что-то въ родѣ милой и граціозной мазурки. Голоса казались то близки, то далеки; то слышался теноръ, то басъ, то горловая фистула съ воркующими тирольскими переливами. Это была не пѣсня, а легкій мастерской эскизъ пѣсни. Я не могъ понять, что̀ это такое; но это было прекрасно. Эти сладострастные, слабые аккорды гитары, эта милая, легкая мелодія и эта одинокая фигурка чернаго человѣчка, среди фантастической обстановки темнаго озера, просвѣчивающей луны и молчаливо возвышающихся двухъ громадныхъ шпицовъ башенъ и черныхъ райнъ сада, — все было странно но невыразимо прекрасно или показалось мнѣ такимъ.

Всѣ спутанныя, невольныя впечатлѣнія жизни вдругъ получили для меня значеніе и прелесть. Въ душѣ моей какъ будто распустился свѣжій, благоухающій цвѣтокъ. Вмѣсто усталости, разсѣянья, равнодушія ко всему на свѣтѣ, которыя я испытывалъ за минуту передъ этимъ, я вдругъ почувствовалъ потребность любви, полноту надежды и безпричинную радость жизни. Чего хотѣть, чего желать?—сказалось мнѣ невольно. Вотъ она, со всѣхъ сторонъ обступаетъ тебя, красота и поэзія. Вдыхай ее въ себя широкими, полными глотками, на сколько у тебя есть силы, наслаждайся,—чего тебѣ еще надо? Все твое, все благо...

Я подошелъ ближе. Маленькій человѣчекъ былъ, какъ казалось, странствующій тиролецъ. Онъ стоялъ передъ окнами гостиницы, выставивъ ножку, закинувъ кверху голову, и, бренча на гитарѣ, пѣлъ на разные голоса свою граціозную пѣсню. Я тотчасъ же почувствовалъ нѣжность къ этому че-

ловѣчку и благодарность за тотъ переворотъ, который онъ произвелъ во мнѣ. Пѣвецъ, сколько я могъ разсмотрѣть, былъ одѣтъ въ старенькій черный сюртукъ; волоса у него были черные, короткіе, и на головѣ была самая мѣщанская, простая, старенькая фуражка. Въ одеждѣ его ничего не было артистическаго, но лихая, дѣтски-веселая поза и движенія, съ его крошечнымъ ростомъ, составляли трогательное и вмѣстѣ забавное зрѣлище. Въ подъѣздѣ, окнахъ и балконахъ великолѣпно освѣщенной гостиницы стояли блестящія нарядами, широкоюбочныя барыни, господа съ бѣлѣйшими воротничками, швейцаръ и лакеи въ золотошитыхъ ливреяхъ; на улицѣ, въ полукругѣ толпы и дальше по бульвару, между липками, собрались и остановились изящно одѣтые кельнеры, повара въ бѣлѣйшихъ колпакахъ и курткахъ, обнявшіяся дѣвицы и гуляющіе. Всѣ, казалось, испытывали то же самое чувство, которое испытывалъ и я. Всѣ молча стояли вокругъ пѣвца и внимательно слушали. Все было тихо, только въ промежуткахъ пѣсни, гдѣ-то вдалекѣ, равномѣрно по водѣ, долеталъ звукъ молота, и изъ Фрешенбурга разсыпчатою трелью неслись голоса лягушекъ, перебиваемые влажнымъ, однозвучнымъ свистомъ перепеловъ.

Маленькій человѣчекъ въ темнотѣ, среди улицы, заливался какъ соловей, куплетъ за куплетомъ и пѣсня за пѣсней. Несмотря на то, что я подошелъ вплоть къ нему, его пѣніе продолжало доставлять мнѣ большое удовольствіе. Небольшой голосъ его былъ чрезвычайно пріятенъ, нѣжность же, вкусъ и чувство мѣры, съ которыми онъ владѣлъ этимъ голосомъ, были необыкновенны и показывали въ немъ огромное природное дарованіе. Припѣвъ каждаго куплета онъ всякій разъ

пѣлъ различно, и видно было, что всѣ эти граціозныя измѣненія свободно, мгновенно приходили ему.

Въ толпѣ — и наверху въ Швейцергофѣ, и внизу на бульварѣ —слышался часто одобрительный шепотъ, и царствовало почтительное молчаніе. На балконахъ и въ окнахъ все болѣе и болѣе прибавлялось нарядныхъ, живописно, въ свѣтѣ огней дома, облокотившихся, мужчинъ и женщинъ. Гуляющіе останавливались, и въ тѣни на набережной повсюду кучками около липокъ стояли мужчины и женщины. Около меня, куря сигары, стояли, нѣсколько отдѣлившись отъ всей толпы, аристократическіе лакей и поваръ. Поваръ сильно чувствовалъ прелесть музыки и при каждой высокой фистульной нотѣ восторженно, недоумѣвающе подмигивалъ всею головой лакею и толкалъ его локтемъ, съ выраженіемъ, говорившимъ: каково поетъ, а? Лакей, по распустившейся улыбкѣ котораго я замѣчалъ все имъ испытываемое удовольствіе, на толчки повара отвѣчалъ пожиманіемъ плечъ показывавшимъ, что его удивить довольно трудно и что онъ слыхалъ много получше этого.

Въ промежуткѣ пѣсни, когда пѣвецъ прокашливался, я спросилъ у лакея, кто онъ такой, и часто ли сюда приходитъ.

— Да въ лѣто раза два приходитъ,—отвѣчалъ лакей.— Онъ изъ Арговіи. Такъ, нищенствуетъ.

— А что, много ихъ такихъ ходитъ?—спросилъ я.

— Да, да,—отвѣчалъ лакей, не понявъ сразу того, о чемъ я спрашивалъ, но, разобравъ уже потомъ мой вопросъ, прибавилъ:—О, нѣтъ! Здѣсь я только одного его видаю. Больше нѣту.

Въ это время маленькій человѣчекъ кончилъ первую пѣсню, бойко перевернулъ гитару и сказалъ что-то про себя на сво-

емъ нѣмецкомъ patois, чего я не могъ понять, но что произвело хохотъ въ окружающей толпѣ.

— Что это онъ говоритъ?—спросилъ я.

— Говоритъ, что горло пересохло, выпилъ бы вина,—перевелъ мнѣ лакей, стоявшій подлѣ меня.

— А что, онъ вѣрно любитъ пить?

— Да это всѣ люди такіе,—отвѣчалъ лакей, улыбнувшись и махнувъ на него рукою.

Пѣвецъ снялъ фуражку и, размахнувъ гитарой, приблизился къ дому. Закинувъ голову, онъ обратился къ господамъ, стоявшимъ у оконъ и на балконахъ: „Messieurs et mesdames,—сказалъ онъ полуитальянскимъ, полунѣмецкимъ акцентомъ и съ тѣми интонаціями, съ которыми фокусники обращаются къ публикѣ:—Si vous croyez, que je gagne quelque chose, vous vous trompez; je ne suis qu'un pauvre tiaple". Онъ остановился, помолчалъ немного; но такъ какъ никто ему ничего не далъ, онъ снова вскинулъ гитару и сказалъ: „A présent, messieurs et mesdames, je vous chanterai l'air du Righi". Наверху публика молчала, но продолжала стоять въ ожиданіи слѣдующей пѣсни; внизу въ толпѣ засмѣялись должно-быть тому, что онъ такъ странно выражался, и тому, что ему ничего не дали. Я далъ ему нѣсколько сантимовъ, онъ ловко перекинулъ ихъ изъ руки въ руку, засунулъ въ карманъ жилета и, надѣвъ фуражку, снова началъ пѣть граціозную, милую тирольскую пѣсенку, которую онъ называлъ l'air du Righi. Эта пѣсня, которую онъ оставлялъ для заключенія, была еще лучше всѣхъ прежнихъ, и со всѣхъ сторонъ въ увеличившейся толпѣ слышались звуки одобренія. Онъ кончилъ. Снова онъ размахнулъ гитарой, снялъ фуражку, выставилъ ее впередъ себя, на два шага приблизился къ ок-

намъ и снова сказалъ свою непонятную фразу: „Messieurs et mesdames, si vous croyez, que je gagne quelque chose“,— которую онъ видимо считалъ очень ловкою и остроумною, но въ голосѣ и въ движеніяхъ его я замѣтилъ теперь нѣкоторую нерѣшительность и дѣтскую робость, которыя были особенно поразительны съ его маленькимъ ростомъ. Элегантная публика все такъ же живописно, въ свѣтѣ огней, стояла на балконахъ и въ окнахъ, блестя богатыми одеждами; нѣкоторые умѣренно, приличнымъ голосомъ, разговаривали между собой, очевидно про пѣвца, который съ вытянутою рукой стоялъ передъ ними; другіе внимательно, съ любопытствомъ смотрѣли внизъ на эту маленькую черную фигурку; на одномъ балконѣ послышался звучный и веселый смѣхъ молодой дѣвушки. Въ толпѣ внизу громче и громче слышался говоръ и посмѣиваніе. Пѣвецъ въ третій разъ повторилъ свою фразу, но еще слабѣйшимъ голосомъ, и даже не докончилъ ея, и снова вытянулъ руку съ фуражкой, но тотчасъ же и опустилъ ее. И во второй разъ изъ этихъ сотенъ блестяще одѣтыхъ людей, столпившихся слушать его, ни одинъ не бросилъ ему копѣйки. Толпа безжалостно захохотала. Маленькій пѣвецъ, какъ мнѣ показалось, сдѣлался еще меньше, взялъ въ другую руку гитару, поднялъ надъ головой фуражку и сказалъ: „Messieurs et mesdames, je vous remercie et je vous souhaite une bonne nuit“, и надѣлъ фуражку. Толпа загоготала отъ радостнаго смѣха. Съ балконовъ стали понемногу скрываться красивые мужчины и дамы, спокойно разговаривая между собою. На бульварѣ снова возобновилось гулянье. Молчаливая во время пѣнія улица снова оживилась; нѣсколько человѣкъ только, не подходя къ нему, смотрѣли издалека на пѣвца и смѣялись. Я слышалъ, какъ маленькій

человѣчекъ что-то проговорилъ себѣ подъ носъ, повернулся и, какъ будто слѣлавшись еще меньше, скорыми шагами пошелъ къ городу. Веселые гуляки, смотрѣвшіе на него, все такъ же, въ нѣкоторомъ разстояніи, слѣдовали за нимъ и смѣялись...

Я совсѣмъ растерялся, не понималъ, что̀ все это значитъ, и, стоя на одномъ мѣстѣ, безсмысленно смотрѣлъ въ темноту, на удалявшагося крошечнаго человѣчка, который, растягивая большіе шаги, быстро шелъ къ городу, и на смѣющихся гулякъ, которые слѣдовали за нимъ. Мнѣ сдѣлалось больно, горько и, главное, стыдно за маленькаго человѣчка, за толпу, за себя, какъ будто бы я просилъ денегъ, мнѣ ничего не дали и надо мной смѣялись. Я, тоже не оглядываясь, съ защемленнымъ сердцемъ, скорыми шагами пошелъ къ себѣ домой на крыльцо Швейцергофа. Я не отдавалъ еще себѣ отчета въ томъ, что̀ испыталъ; только что-то тяжелое, неразрѣшившееся, наполняло мнѣ душу и давило меня.

На великолѣпномъ освѣщенномъ подъѣздѣ мнѣ встрѣтился учтиво сторонившійся швейцаръ и англійское семейство. Плотный, красивый и высокій мужчина, съ черными англійскими бакенбардами, въ черной шляпѣ и съ пледомъ на рукѣ, въ которой онъ держалъ богатую трость, лѣниво, самоувѣренно шелъ подъ руку съ дамой, въ дикомъ шелковомъ платьѣ, въ чепцѣ съ блестящими лентами и въ прелестнѣйшихъ кружевахъ. Рядомъ съ ними шла хорошенькая, свѣженькая барышня, въ граціозной швейцарской шляпѣ съ перомъ, à la mousquetaire, изъ-подъ которой, вокругъ ея бѣленькаго личика, падали мягкія, длинныя, свѣтлорусыя букли. Впереди подпрыгивала десятилѣтняя румяная дѣвочка, съ полными бѣлыми колѣнками, виднѣвшимися изъ-подъ тончайшихъ кружевъ.

— Прелестная ночь, — сказала дама сладкимъ, счастливымъ голосомъ въ то время, какъ я проходилъ.

— Ohe! — промычалъ лѣниво англичанинъ, которому видимо было такъ хорошо жить на свѣтѣ, что и говорить не хотѣлось. И всѣмъ имъ, казалось, такъ было спокойно, удобно, чисто и легко жить на свѣтѣ, такое въ ихъ движеніяхъ и лицахъ выражалось равнодушіе ко всякой чужой жизни и такая увѣренность въ томъ, что швейцаръ имъ посторонится и поклонится и что, воротясь, они найдутъ чистую, покойную постель и комнаты, и что все это должно быть, и что на все это они имѣютъ право, — что я вдругъ невольно противопоставилъ имъ странствующаго пѣвца, который — усталый, можетъ-быть голодный, со стыдомъ убѣгалъ теперь отъ смѣющейся толпы, — понялъ, чтó такимъ тяжелымъ камнемъ давило мнѣ сердце, и почувствовалъ невыразимую злобу на этихъ людей. Я два раза прошелъ туда и назадъ мимо англичанина, съ невыразимымъ наслажденіемъ оба раза, не сторонясь ему, толкнувъ его локтемъ и, спустившись съ подъѣзда, побѣжалъ, въ темнотѣ, по направленію къ городу, куда скрылся маленькій человѣчекъ.

Догнавъ трехъ человѣкъ, шедшихъ вмѣстѣ, я спросилъ у нихъ, гдѣ пѣвецъ: они, смѣясь, указали мнѣ его впереди. Онъ шелъ одинъ скорыми шагами. Никто не приближался къ нему, — онъ все что-то, какъ мнѣ показалось, сердито бормоталъ себѣ подъ носъ. Я поровнялся съ нимъ и предложилъ ему пойти куда-нибудь вмѣстѣ выпить бутылку вина. Онъ шелъ все такъ же скоро и недовольно оглянулся на меня; но, разобравъ въ чемъ дѣло, остановился.

— Что жъ, я не откажусь, ежели вы такъ добры, — сказалъ онъ. — Вотъ тутъ есть маленькое кафе; тутъ зайти можно, —

простенькое,—прибавилъ онъ, указывая на распивочную лавочку, которая была еще отворена.

Его слово: „простенькое"—невольно навело меня на мысль не идти въ простенькое кафе, а идти въ Швейцергофъ, туда, гдѣ были тѣ, которые его слушали. Несмотря на то, что онъ съ робкимъ волненіемъ нѣсколько разъ отказывался отъ Швейцергофа, говоря, что тамъ слишкомъ нарядно,—я настоялъ на своемъ, и онъ, притворяясь уже, что нисколько не смущенъ, весело размахивая гитарой, пошелъ со мной назадъ по набережной. Нѣсколько праздныхъ гулякъ, какъ только я подошелъ къ пѣвцу, пододвинулись, прислушались къ тому, что̀ я говорилъ, и теперь, разсуждая между собой, пошли за нами до самаго подъѣзда, ожидая вѣрно отъ тирольца еще какого-нибудь представленія.

Я спросилъ бутылку вина у кельнера, который встрѣтился мнѣ въ сѣняхъ. Кельнеръ, улыбаясь, посмотрѣлъ на насъ и, ничего не отвѣтивъ, пробѣжалъ мимо. Старшій кельнеръ, къ которому я обратился съ тою же просьбой, серьезно выслушавъ меня и оглядѣвъ съ ногъ до головы робкую, маленькую фигуру пѣвца, строго сказалъ швейцару, чтобы насъ провели въ залу налѣво. Зала налѣво была распивочная комната для простаго народа. Въ углу этой комнаты горбатая служанка мыла посуду, и вся мебель состояла изъ деревянныхъ голыхъ столовъ и лавокъ. Кельнеръ, который пришелъ служить намъ, поглядывая на насъ съ кроткою, насмѣшливою улыбкой и засунувъ руки въ карманы, переговаривался о чемъ-то съ горбатою судомойкой. Онъ видимо старался дать намъ замѣтить, что, чувствуя себя по общественному положенію и по достоинствамъ неизмѣримо выше пѣвца, ему не только не обидно, но истинно забавно служить намъ.

— Простаго вина прикажете?—сказалъ онъ, съ знающимъ видомъ подмигивая мнѣ на моего собесѣдника и изъ руки въ руку перекидывая салфетку.

— Шампанскаго, и самаго лучшаго!—сказалъ я, стараясь принять самый гордый и величественный видъ. Но ни шампанское, ни мой будто бы гордый и величественный видъ не подѣйствовали на лакея: онъ усмѣхнулся, постоялъ немножко, глядя на насъ, не торопясь посмотрѣлъ на золотые часы и тихими шагами, какъ бы прогуливаясь, вышелъ изъ комнаты. Скоро онъ возвратился съ виномъ и еще двумя лакеями. Два изъ нихъ сѣли около судомойки и, съ веселою внимательностью и кроткою улыбкой на лицахъ, любовались на насъ, какъ любуются родители на милыхъ дѣтей, когда они мило играютъ. Одна только горбатая судомойка, казалось, не насмѣшливо, а съ участіемъ смотрѣла на насъ. Хотя мнѣ было и очень тяжело и неловко подъ огнемъ этихъ лакейскихъ глазъ бесѣдовать съ пѣвцомъ и угощать его, я старался дѣлать свое дѣло сколь возможно независимо. При огнѣ я его разсмотрѣлъ лучше. Это былъ крошечный, пропорціонально сложенный, жилистый человѣкъ, почти карликъ, съ щетинистыми черными волосами, всегда плачущими большими черными глазами, лишенными рѣсницъ, и чрезвычайно пріятнымъ, умильно сложеннымъ ротикомъ. У него были маленькіе бакенбарды, волоса были недлинны, одежда была самая простая и бѣдная. Онъ былъ нечистъ, оборванъ, загорѣлъ и вообще имѣлъ видъ трудоваго человѣка. Онъ скорѣе былъ похожъ на бѣднаго торговца, чѣмъ на артиста. Только въ постоянно влажныхъ, блестящихъ глазахъ и собранномъ ротикѣ было что - то оригинальное и трогательное. На видъ ему можно было дать отъ двадцати-

пяти до сорока лѣтъ; дѣйствительно же ему было тридцать восемь.

Вотъ что́ онъ, съ добродушною готовностью и очевидною искренностью, разсказалъ про свою жизнь. Онъ изъ Арговіи. Въ дѣтствѣ еще онъ потерялъ отца и мать; другихъ родныхъ у него нѣтъ. Состоянія онъ никогда не имѣлъ никакого. Онъ обучался столярному мастерству; но двадцать два года тому назадъ у него сдѣлался костоѣдъ въ рукѣ, лишившій его возможности работать. Онъ съ дѣтства имѣлъ охоту къ пѣнію и сталъ пѣть. Иностранцы давали ему изрѣдка деньги. Онъ сдѣлалъ изъ этого профессію, купилъ гитару, и вотъ восемнадцатый годъ странствуетъ по Швейцаріи и Италіи, распѣвая передъ гостиницами. Весь его багажъ— гитара и кошелекъ, въ которомъ у него теперь было только полтора франка, которые онъ долженъ проспать и проѣсть нынче же вечеромъ. Онъ каждый годъ, уже восемнадцать разъ, проходитъ всѣ лучшія, наиболѣе посѣщаемыя мѣста Швейцаріи: Цюрихъ, Люцернъ, Интерлакенъ, Шамуни и т. д.; черезъ St.-Bernard проходитъ въ Италію и возвращается черезъ St.-Gotard, или черезъ Савойю. Теперь ему тяжело становится ходить, потому что отъ простуды онъ чувствуетъ, что боль въ ногахъ, которую онъ называетъ глидерзухтъ, съ каждымъ годомъ усиливается, и что глаза и голосъ его становятся слабѣе. Несмотря на это, онъ теперь отправляется въ Интерлакенъ, Aix les-Bains и, черезъ малый St.-Bernard, въ Италію, которую онъ особенно любитъ; вообще, какъ кажется, онъ очень доволенъ своею жизнью. Когда я спросилъ у него, зачѣмъ онъ возвращается домой, есть ли у него тамъ родные, или домъ и земля,—ротикъ его, какъ будто на сборкахъ, собрался въ веселую улыбочку, и онъ отвѣчалъ мнѣ;

— Oui, le sucre est bon, il est doux pour les enfants!—и подмигнулъ на лакеевъ.

Я ничего не понялъ, но въ лакейской группѣ засмѣялись.

— Ничего нѣтъ; а то развѣ я сталъ бы ходить такъ?—объяснилъ онъ мнѣ.—А прихожу домой потому, что все-таки какъ-то тянетъ къ себѣ на родину.

И онъ еще разъ съ хитро-самодовольною улыбкой повторилъ фразу: „Oui, le sucre est bon", —и добродушно разсмѣялся. Лакеи очень были довольны и хохотали; одна горбатая судомойка большими, добрыми глазами серьезно смотрѣла на маленькаго человѣчка и подняла ему шапку, которую онъ, во время разговора, уронилъ съ лавки. Я замѣчалъ, что странствующіе пѣвцы, акробаты, даже фокусники, любятъ называть себя артистами, и потому нѣсколько разъ намекалъ своему собесѣднику на то, что онъ—артистъ, но онъ вовсе не признавалъ за собой этого качества, а весьма просто, какъ на средство къ жизни, смотрѣлъ на свое дѣло. Когда я спросилъ его, не самъ ли онъ сочиняетъ пѣсни, которыя поетъ, онъ удивился такому странному вопросу и отвѣчалъ, что—куда ему?—это все старинныя тирольскія пѣсни.

— А какъ же пѣсня Риги, я думаю, не старинная?—сказалъ я.

— Да, это лѣтъ пятнадцать тому назадъ сочинена. Былъ одинъ нѣмецъ въ Базелѣ,—умнѣйшій былъ человѣкъ!—это онъ сочинилъ ее. Отличная пѣсня! Это, видите, онъ для путешественниковъ сочинилъ.

И онъ началъ мнѣ, переводя по-французски, разсказывать слова пѣсни Риги, которая ему очень нравилась:

Коли хочешь идти на Риги,
До Вегиса не нужно башмаковъ

(Потому что на пароходѣ ѣдутъ),
А отъ Вегиса возьми большую палку,
Да еще подъ руку возьми дѣвицу,
Да зайди выпить стаканчикъ вина.
Только пей не слишкомъ много,
Потому что тотъ, кто хочетъ пить,
Долженъ заслужить прежде...

— О, отличная пѣсня!—заключилъ онъ.

Лакеи находили, вѣроятно, эту пѣсню весьма хорошею, потому что приблизились къ намъ.

— Ну, а музыку кто же сочинилъ?—спросилъ я.

— Да никто; это такъ, знаете, чтобы пѣть для иностранцевъ, надо что-нибудь новенькое.

Когда намъ принесли льду и я налилъ моему собесѣднику стаканъ шампанскаго, ему, видимо, стало неловко, и онъ, оглядываясь на лакеевъ, поворачивался на своей лавкѣ. Мы чокнулись за здоровье артистовъ; онъ отпилъ полстакана и нашелъ нужнымъ задуматься и глубокомысленно повести бровями.

— Давно я не пилъ такого вина, je ne vous dis que ça. Въ Италіи вино d'Asti хорошо, но это еще лучше. Ахъ, Италія!... Славно тамъ быть!—прибавилъ онъ.

— Да, тамъ умѣютъ цѣнить музыку и артистовъ,—сказалъ я, желая навести его на вечернюю неудачу передъ Швейцергофомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—тамъ насчетъ музыки я никому не могу удовольствія доставить. Итальянцы сами музыканты, какихъ нѣтъ на свѣтѣ; но я только насчетъ тирольскихъ пѣсенъ. Это имъ все-таки новость.

— Что-жъ, тамъ щедрѣе господа?—продолжалъ я, желая его заставить раздѣлить мою злобу на обитателей Швейцер-

гофа.—Тамъ не случается такъ, какъ здѣсь, чтобъ изъ огромнаго отеля, гдѣ живутъ богачи, сто человѣкъ бы слушали артиста и ничего бы ему не дали?

Мой вопросъ подѣйствовалъ совсѣмъ не такъ, какъ я ожидалъ. Онъ и не думалъ негодовать на нихъ; напротивъ, въ моемъ замѣчаніи онъ видѣлъ упрекъ своему таланту, который не вызвалъ награды, и старался оправдаться передо мной.

— Не всякій разъ много получишь,— отвѣчалъ онъ.—Иногда и голосъ пропадетъ, устанешь,—вѣдь я нынче девять часовъ прошелъ и пѣлъ цѣлый день почти. Оно трудно. А важные господа аристократы... имъ иногда и не хочется слушать тирольскія пѣсни.

— Все-таки, какъ же ничего не дать?—повторилъ я.

Онъ не понялъ моего замѣчанія.

— Не то,—сказалъ онъ: — а здѣсь главное on est très serré pour la police, вотъ что. Здѣсь, по этимъ республиканскимъ законамъ, вамъ не позволяютъ пѣть, а въ Италіи вы можете пѣть, сколько хотите, никто вамъ слова не скажетъ. Здѣсь ежели захотятъ вамъ позволить, то позволятъ, а не захотятъ, то васъ въ тюрьму посадить могутъ.

— Какъ, неужели?

— Да. Ежели вамъ разъ замѣтятъ, а вы будете еще пѣть, васъ могутъ въ тюрьму посадить. Я ужъ просидѣлъ три мѣсяца,—сказалъ онъ, улыбаясь, какъ будто это было одно изъ самыхъ пріятныхъ его воспоминаній.

— Ахъ, это ужасно!—сказалъ я.—За что же?

— Это такъ у нихъ по новымъ законамъ республики,—продолжалъ онъ, одушевляясь.—Они этого не хотятъ разсудить, что надо, чтобъ и бѣднякъ жилъ какъ-нибудь. Ежели бы я былъ не калѣка, я бы работалъ. А что я пою, такъ развѣ

я кому-нибудь вредъ этимъ дѣлаю? Что-жъ это такое? Богатымъ жить можно, какъ хотятъ, un pauvre tiaple, какъ я, ужъ и жить не можетъ? Что-жъ это за законы республики? Коли такъ, то мы не хотимъ республики, не такъ ли, милостивый государь? Мы не хотимъ республики, а мы хотимъ... мы хотимъ просто... мы хотимъ...—онъ замялся немного:—мы хотимъ натуральные законы.

Я подлилъ ему еще въ стаканъ.

— Вы не пьете,—сказалъ я ему.

Онъ взялъ въ руку стаканъ и поклонился мнѣ.

— Я знаю, что̀ вы хотите, сказалъ онъ, прищуривая глазъ и грозя мнѣ пальцемъ: — вы хотите подпоить меня, посмотрѣть, что̀ изъ меня будетъ; но, нѣтъ, это вамъ не удастся.

— Зачѣмъ же мнѣ васъ напоить?—сказалъ я.—Я только желалъ бы вамъ сдѣлать удовольствіе.

Ему вѣрно жалко стало, что онъ обидѣлъ меня, дурно объяснивъ мое намѣреніе,—онъ смутился, привсталъ и пожалъ меня за локоть.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ онъ, съ умоляющимъ выраженіемъ глядя на меня своими влажными глазами:—я такъ только, шучу.

И вслѣдъ за этимъ онъ произнесъ какую-то ужасно запутанную, хитрую фразу, долженствовавшую означать, что я все-таки добрый малый.

— Je ne vous dis que ça!—заключилъ онъ.

Такимъ образомъ мы продолжали пить и бесѣдовать съ пѣвцомъ, а лакеи продолжали, не стѣсняясь, любоваться нами и, кажется, подтрунивать. Несмотря на интересъ моего разговора, я не могъ не замѣчать ихъ и, признаюсь, сердился все больше и больше. Одинъ изъ нихъ привсталъ,

подошелъ къ маленькому человѣчку и, глядя ему въ маковку, сталъ улыбаться. У меня ужъ былъ готовый запасъ злобы на обитателей Швейцергофа, который я не успѣлъ еще сорвать ни на комъ, и теперь, признаюсь, эта лакейская публика такъ и подмывала меня. Швейцаръ, не снимая фуражки, вошелъ въ комнату и, облокотившись на столъ, сѣлъ подлѣ меня. Это послѣднее обстоятельство, задѣвъ мое самолюбіе или тщеславіе, окончательно взорвало меня и дало исходъ той давившей злобѣ, которая весь вечеръ собиралась во мнѣ. Зачѣмъ у подъѣзда, когда я одинъ, онъ мнѣ униженно кланяется, а теперь, потому что я сижу съ странствующимъ пѣвцомъ, онъ грубо разсаживается рядомъ со мной? Я совсѣмъ озлился тою кипящею злобой негодованія, которую я люблю въ себѣ, возбуждаю даже, когда на меня находитъ, потому что она успокоительно дѣйствуетъ на меня и даетъ мнѣ хоть на короткое время какую-то необыкновенную гибкость, энергію и силу всѣхъ физическихъ и моральныхъ способностей.

Я вскочилъ съ мѣста.

— Чему вы смѣетесь?—закричалъ я на лакея, чувствуя, какъ лицо мое блѣднѣетъ и губы невольно подергиваются.

— Я не смѣюсь, я такъ,—отвѣчалъ лакей, отступая отъ меня.

— Нѣтъ, вы смѣетесь надъ этимъ господиномъ. И какое право вы имѣете тутъ быть и сидѣть здѣсь, когда тутъ гости? Не смѣть сидѣть!—закричалъ я.

Швейцаръ, ворча что-то, всталъ и отодвинулся къ двери.

— Какое вы имѣете право смѣяться надъ этимъ господиномъ и сидѣть съ нимъ рядомъ, когда онъ—гость, а вы — лакей? Отчего вы не смѣялись надо мной нынче за обѣдомъ и не садились со мной рядомъ? Отъ того, что онъ бѣдно

одѣтъ и поетъ на улицѣ,—отъ этого,—а на мнѣ хорошее платье? Онъ бѣденъ, но въ тысячу разъ лучше васъ, въ этомъ я увѣренъ, потому что онъ никого не оскорбилъ, а вы оскорбляете его.

— Да я ничего, что вы!—робко отвѣчалъ мой врагъ-лакей.—Развѣ я мѣшаю ему сидѣть?

Лакей не понималъ меня, и моя нѣмецкая рѣчь пропадала даромъ. Грубый швейцаръ вступился было за лакея, но я напалъ на него такъ стремительно, что швейцаръ притворился, что тоже не понимаетъ меня, и махнулъ рукой. Горбатая судомойка, замѣтивъ ли мое разгоряченное состоянiе и боясь скандала, или раздѣляя мое мнѣнiе, приняла мою сторону и, стараясь стать между мной и швейцаромъ, уговаривала его молчать, говоря, что я правъ, а меня просила успокоиться. „Der Herr hat Recht; Sie haben Recht", твердила она. Пѣвецъ представлялъ самое жалкое, испуганное лицо, и, видимо не понимая, изъ чего я горячусь и чего я хочу, просилъ меня уйти поскорѣе отсюда. Но во мнѣ все больше и больше разгоралась злобная словоохотливость. Я все припомнилъ: и толпу, которая смѣялась надъ нимъ, и слушателей, ничего не давшихъ ему, и ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ успокоиться. Я думаю, что еслибы кельнеры и швейцаръ не были такъ уклончивы, я бы съ наслажденiемъ подрался съ ними, или палкой по головѣ прибилъ бы беззащитную англiйскую барышню. Еслибы въ эту минуту я былъ въ Севастополѣ, я бы съ наслажденiемъ бросился колоть и рубить въ англiйскую траншею.

— И отчего вы провели меня съ этимъ господиномъ въ эту, а не въ ту залу, а?—допрашивалъ я швейцара, ухвативъ его за руку съ тѣмъ, чтобъ онъ не ушелъ отъ меня.—Ка-

кое вы имѣли право по виду рѣшать, что этотъ господинъ долженъ быть въ этой, а не въ той залѣ? Развѣ, кто платитъ, не всѣ равны въ гостиницахъ—не только въ республикѣ, но во всемъ мірѣ? Паршивая ваша республика!... Вотъ оно—равенство! Англичанъ вы бы не смѣли провести въ эту комнату,—тѣхъ самыхъ англичанъ, которые даромъ слушали этого господина, то-есть украли у него каждый по нѣскольку сантимовъ, которые должны были дать ему. Какъ вы смѣли указать эту залу?

— Та зала заперта,—отвѣчалъ швейцаръ.

— Нѣтъ,—закричалъ я,—неправда, не заперта зала!

— Такъ вы лучше знаете.

— Знаю, знаю, что вы лжете!

Швейцаръ повернулся плечомъ прочь отъ меня.

— Э, что говорить!—проворчалъ онъ.

— Нѣтъ, не „что̀ говорить", —закричалъ я, — а ведите меня сію минуту въ залу.

Несмотря на увѣщанья горбуньи и просьбы пѣвца идти лучше по домамъ, я потребовалъ оберъ-кельнера и пошелъ въ залу вмѣстѣ съ моимъ собесѣдникомъ. Оберъ-кельнеръ, услыхавъ мой озлобленный голосъ и увидавъ мое взволнованное лицо, не сталъ спорить и съ презрительною учтивостью сказалъ, что я могу идти, куда мнѣ угодно. Я не могъ доказать швейцару его лжи, потому что онъ скрылся еще прежде, чѣмъ я вошелъ въ залу.

Зала была дѣйствительно отперта, освѣщена, и за однимъ изъ столовъ сидѣли, ужиная, англичанинъ съ дамой. Несмотря на то, что намъ указывали особый столъ, я съ грязнымъ пѣвцомъ подсѣлъ къ самому англичанину и велѣлъ сюда подать намъ неоконченную бутылку.

Англичане сначала удивленно, потомъ озлобленно посмотрѣли на маленькаго человѣчка, который ни живъ, ни мертвъ сидѣлъ подлѣ меня; они что-то сказали между собой, она оттолкнула тарелку, зашумѣла шелковымъ платьемъ и оба скрылись. За стеклянными дверьми я видѣлъ, какъ англичанинъ что-то озлобленно говорилъ кельнеру, безпрестанно указывая рукой по нашему направленію. Кельнеръ высунулся въ дверь и взглянулъ на насъ. Я съ радостью ожидалъ, что придутъ выводить насъ и можно будетъ наконецъ вылить на нихъ все свое негодованіе. Но, къ счастью, хотя это тогда мнѣ было непріятно, насъ оставили въ покоѣ.

Пѣвецъ, прежде отказывавшійся отъ вина, теперь торопливо допилъ все, что оставалось въ бутылкѣ, съ тѣмъ, чтобы только поскорѣй выбраться отсюда. Однако онъ съ чувствомъ, какъ мнѣ показалось, отблагодарилъ меня за угощеніе. Плачущіе глаза его сдѣлались еще болѣе плачущими и блестящими, и онъ сказалъ мнѣ самую странную, запутанную фразу благодарности. Но все-таки эта фраза, въ которой онъ говорилъ, что ежели бы всѣ такъ уважали артистовъ, какъ я, то ему было бы хорошо, и что онъ желаетъ мнѣ всякаго счастія,—была мнѣ очень пріятна. Мы вмѣстѣ съ нимъ вышли въ сѣни. Тутъ стояли лакеи и мой врагъ швейцаръ, кажется, жаловавшійся имъ на меня. Всѣ они, кажется, смотрѣли на меня какъ на умалишеннаго. Я далъ маленькому человѣчку поровняться со всей этою публикой и тутъ со всею почтительностью, которую только въ состояніи выразить въ своей особѣ, я снялъ шляпу и пожалъ ему руку съ закостенѣлымъ, отсохшимъ пальцемъ. Лакеи сдѣлали видъ, будто не обращаютъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Только одинъ изъ нихъ засмѣялся сардоническимъ смѣхомъ.

Когда пѣвецъ, раскланиваясь, скрылся въ темнотѣ, я пошелъ къ себѣ на верхъ, желая заспать всѣ эти впечатлѣнія и глупую дѣтскую злобу, которая такъ неожиданно нашла на меня. Но, чувствуя себя слишкомъ взволнованнымъ для сна, я опять пошелъ на улицу съ тѣмъ, чтобы ходить до тѣхъ поръ, пока успокоюсь, и, признаюсь, кромѣ того, въ смутной надеждѣ, что найдется случай сцѣпиться съ швейцаромъ, лакеемъ, или англичаниномъ и доказать имъ всю ихъ жестокость и, главное, несправедливость. Но кромѣ швейцара, который, увидавъ меня, повернулся ко мнѣ спиной, я никого не встрѣтилъ, и одинъ-одинёшенекъ сталъ взадъ и впередъ ходить по набережной.

Вотъ она, странная судьба поэзіи!—разсуждалъ я, успокоившись немного.—Всѣ любятъ, ищутъ ее, одну ее желаютъ и ищутъ въ жизни, и никто не признаетъ ея силы, никто не цѣнитъ этого лучшаго блага міра, не цѣнитъ и не благодаритъ тѣхъ, которые даютъ его людямъ. Спросите у кого хотите, у всѣхъ этихъ обитателей Швейцергофа, чтó лучшее благо въ мірѣ,—и всѣ, или девяносто девять на сто, принявъ сардоническое выраженіе, скажутъ вамъ, что лучшее благо міра—деньги. „Можетъ-быть мысль эта вамъ не нравится и не сходится съ вашими возвышенными идеями, — скажетъ онъ,—но что-жъ дѣлать, если жизнь человѣческая такъ устроена, что однѣ деньги составляютъ счастіе человѣка? Я не могъ не позволить моему уму видѣть свѣтъ, какъ онъ есть,—прибавитъ онъ,—то-есть видѣть правду“. Жалкій твой умъ, жалкое то счастіе, котораго ты желаешь, и несчастное ты созданіе, само не знающее чего тебѣ надобно!... Зачѣмъ вы всѣ покинули свое отечество, родныхъ, занятія и денежныя дѣла и столпились въ маленькомъ швейцарскомъ городкѣ Люцернѣ?

Зачѣмъ вы всѣ нынче вечеромъ высыпали на балконы и въ почтительномъ молчаніи слушали пѣсню маленькаго нищаго? И ежели бы онъ захотѣлъ пѣть еще, еще бы молчали и слушали. Что, за деньги, хоть за милліоны, васъ можно было бы всѣхъ выгнать изъ отечества и собрать въ маленькомъ уголкѣ Люцернѣ? За деньги васъ можно бы было всѣхъ собрать на балконахъ и въ продолженіе получаса заставить стоять молчаливо и неподвижно?—Нѣтъ! А заставляетъ васъ дѣйствовать одно, и вѣчно будетъ двигать сильнѣе всѣхъ другихъ двигателей жизни—потребность поэзіи, которую не сознаете, но чувствуете, и вѣкъ будете чувствовать, пока въ васъ останется что-нибудь человѣческое. Слово „поэзія" вамъ смѣшно,—вы употребляете его въ видѣ насмѣшливаго упрека, вы допускаете любовь къ поэтическому нешто въ дѣтяхъ и глупыхъ барышняхъ, и то вы надъ ними смѣетесь; для васъ же нужно положительное. Да дѣти-то здраво смотрятъ на жизнь; они любятъ и знаютъ то, что̀ долженъ любить человѣкъ, и то, что̀ даетъ счастіе,—а васъ жизнь до того запутала и развратила, что вы смѣетесь надъ тѣмъ, что̀ одно любите, и ищете одного того, что̀ ненавидите и что̀ дѣлаетъ ваше несчастіе. Вы такъ запутались, что не понимаете того обязательства, которое вы имѣете передъ бѣднымъ тирольцемъ, доставившимъ вамъ чистое наслажденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ считаете себя обязанными даромъ, безъ пользы и удовольствія, унижаться передъ лордомъ и зачѣмъ-то жертвовать ему своимъ спокойствіемъ и удобствомъ. Что за вздоръ, что за неразрѣшимая безсмыслица! Но не это сильнѣе всего поразило меня нынче вечеромъ. Это невѣдѣніе того, что даетъ счастіе, эту безсознательность поэтическихъ наслажденій я почти понимаю, или привыкъ къ ней, встрѣчавши ее часто

въ жизни; грубая, безсознательная жестокость толпы тоже была для меня не новость; что̀ бы ни говорили защитники народнаго смысла, толпа есть соединеніе хотя бы и хорошихъ людей, но соприкасающихся только животными, гнусными сторонами, и выражающая только слабость и жестокость человѣческой природы. Но какъ вы, дѣти свободнаго, человѣчнаго народа,—вы, христіане,—вы, просто люди,—на чистое наслажденіе, которое вамъ доставилъ несчастный просящій человѣкъ, отвѣтили холодностью и насмѣшкой? Но нѣтъ, въ вашемъ отечествѣ есть пріюты для нищихъ.— Нищихъ нѣтъ, ихъ не должно быть, и не должно быть чувства состраданія, на которомъ основано нищенство.— Но онъ трудился, онъ радовалъ васъ, онъ умолялъ васъ дать ему что-нибудь отъ вашего излишка за свой трудъ, которымъ вы воспользовались, — а вы съ холодною улыбкой наблюдали его, какъ рѣдкость, изъ своихъ высокихъ блестящихъ палатъ, и изъ сотни васъ, счастливыхъ, богатыхъ, не нашлось ни одного, ни одной, которая бы бросила ему что-нибудь! Пристыженный, онъ пошелъ прочь отъ васъ, и безсмысленная толпа, смѣясь, преслѣдовала и оскорбляла не васъ, а его, за то, что вы холодны, жестоки и безчестны,— за то, что вы украли у него наслажденіе, которое онъ вамъ доставилъ,—за это *его* оскорбляли.

„*Седьмаго іюля 1857 года, въ Люцернѣ, передъ отелемъ Швейцергофомъ, въ которомъ останавливаются самые богатые люди, странствующій нищій-пѣвецъ въ продолженіе получаса пѣлъ пѣсни и игралъ на гитарѣ. Около ста человѣкъ слушали его. Пѣвецъ три раза просилъ всѣхъ дать ему что-нибудь. Ни одинъ человѣкъ не далъ ему ничего и многіе смѣялись надъ нимъ*“.

Это—не выдумка, а фактъ положительный, который могутъ изслѣдовать тѣ, которые хотятъ, у постоянныхъ жителей Швейцергофа, справившись по газетамъ, кто были иностранцы, занимавшіе Швейцергофъ 7 іюля.

Вотъ событіе, которое историки нашего времени должны записать огненными неизгладимыми буквами. Это событіе значительнѣе, серьёзнѣе и имѣетъ глубочайшій смыслъ, чѣмъ факты, записываемые въ газетахъ и исторіяхъ. Что англичане убили еще тысячу китайцевъ за то, что китайцы ничего не покупаютъ на деньги, а ихъ край поглощаетъ звонкую монету; что французы убили еще тысячу кабиловъ за то, что хлѣбъ хорошо родится въ Африкѣ и что постоянная война полезна для формированія войскъ; что турецкій посланникъ въ Неаполѣ не можетъ быть жидъ и что императоръ Наполеонъ гуляетъ пѣшкомъ въ Plombières и печатно увѣряетъ народъ, что онъ царствуетъ только по волѣ всего народа: это — все слова, скрывающія или показывающія давно извѣстное; но событіе, происшедшее въ Люцернѣ 7-го іюля, мнѣ кажется совершенно ново, странно, и относится не къ вѣчнымъ дурнымъ сторонамъ человѣческой природы, но къ извѣстной эпохѣ развитія общества. Это фактъ не для исторіи дѣяній людскихъ, но для исторіи прогресса и цивилизаціи.

Отчего этотъ безчеловѣчный фактъ, невозможный ни въ какой деревнѣ нѣмецкой, французской или итальянской, возможенъ здѣсь, гдѣ цивилизація, свобода и равенство доведены до высшей степени, гдѣ собираются путешествующіе самые цивилизованные люди самыхъ цивилизованныхъ націй? Отчего эти развитые, гуманные люди, способные въ общемъ на всякое честное, гуманное дѣло, не имѣютъ человѣческаго

сердечнаго чувства на личное доброе дѣло? Отчего эти люди, въ своихъ палатахъ, митингахъ и обществахъ горячо заботящіеся о состояніи безбрачныхъ китайцевъ въ Индіи, о распространеніи христіанства и образованія въ Африкѣ, о составленіи обществъ исправленія всего человѣчества,—не находятъ въ душѣ своей простаго, первобытнаго чувства человѣка къ человѣку? Неужели нѣтъ этого чувства и мѣсто его заняли тщеславіе, честолюбіе и корысть, руководящія этихъ людей въ ихъ палатахъ, митингахъ и обществахъ? Неужели распространеніе разумной, себялюбивой ассоціаціи людей, которую называютъ цивилизаціей, уничтожаетъ и противорѣчитъ потребности инстинктивной и любовной ассоціаціи? И неужели это то равенство, за которое пролито было столько невинной крови и столько совершено преступленій? Неужели народы, какъ дѣти, могутъ быть счастливы однимъ звукомъ слова „равенство"?

Равенство передъ закономъ?... Да развѣ вся жизнь людей происходитъ въ сферѣ закона? Только одна тысячная доля ея подлежитъ закону, остальная часть происходитъ внѣ его, въ сферѣ нравовъ и воззрѣній общества. А въ обществѣ лакей одѣтъ лучше пѣвца и безнаказанно оскорбляетъ его. Я лучше одѣтъ лакея и безнаказанно оскорбляю лакея. Швейцаръ считаетъ меня выше, а пѣвца ниже себя; когда я соединился съ пѣвцомъ, онъ счелъ себя равнымъ съ нами и сталъ грубъ. Я сталъ нагдъ со швейцаромъ, и швейцаръ призналъ себя ниже меня. Лакей сталъ наглъ съ пѣвцомъ, и пѣвецъ призналъ себя ниже его. И неужели это свободное,—то, что̀ люди называютъ положительно свободное,—государство,—то, въ которомъ есть хоть одинъ гражданинъ, котораго сажаютъ въ тюрьму за то, что онъ, никому не вредя,

никому не мѣшая, дѣлаетъ одно, что̀ можетъ, для того, чтобы не умереть съ голода?

Несчастное, жалкое созданіе—человѣкъ съ своею потребностью положительныхъ рѣшеній, брошенный въ этотъ вѣчно движущійся, безконечный океанъ добра и зла, фактовъ, соображеній и противорѣчій! Вѣками бьются и трудятся люди, чтобъ отодвинуть къ одной сторонѣ благо, къ другой—неблаго. Проходятъ вѣка, и гдѣ бы что̀ бы ни прикинулъ безпристрастный умъ на вѣсы добраго и злаго, вѣсы не колеблятся и на каждой сторонѣ—столько же блага, сколько и неблага. Ежели бы только человѣкъ выучился не судить и не мыслить рѣзко и положительно, и не давать отвѣтовъ на вопросы, данные ему только для того, чтобъ они вѣчно оставались вопросами! Ежели бы только онъ понялъ, что всякая мысль и ложна, и справедлива: ложна—односторонностью, по невозможности человѣка обнять всей истины, и справедлива—по выраженію одной стороны человѣческихъ стремленій. Сдѣлали себѣ подраздѣленія въ этомъ вѣчно-движущемся безконечномъ, безконечно-перемѣшанномъ хаосѣ добра и зла, провели воображаемыя черты по этому морю и ждутъ, что море такъ и раздѣлится. Точно нѣтъ милліоновъ другихъ подраздѣленій совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, въ другой плоскости! Правда, вырабатываются эти новыя подраздѣленія вѣками, но и вѣковъ прошли и пройдутъ милліоны. Цивилизація—благо, варварство—зло; свобода—благо, неволя—зло. Вотъ это-то воображаемое знаніе уничтожаетъ инстинктивныя, блаженнѣйшія первобытныя потребности добра въ человѣческой натурѣ. И кто опредѣлитъ мнѣ, что̀ свобода, что̀ деспотизмъ,—что̀ цивилизація, что̀ варварство? И гдѣ границы одного или другаго? У кого въ душѣ такъ непоколебимо это

мѣрило добра и зла, чтобъ онъ могъ мѣрить имъ бѣгущіе, запутанные факты? У кого такъ великъ умъ, чтобы хотя въ неподвижномъ прошедшемъ обнять всѣ факты и свѣсить ихъ? И кто видѣлъ такое состояніе, въ которомъ бы не было добра и зла вмѣстѣ? И почему я знаю, что вижу больше одного, чѣмъ другаго, — не оттого что стою не на настоящемъ мѣстѣ? И кто въ состояніи такъ совершенно оторваться умомъ хоть на мгновеніе отъ жизни, чтобы независимо, сверху, взглянуть на нее?... Одинъ, только одинъ есть у насъ непогрѣшимый руководитель, Всемірный Духъ, проникающій насъ всѣхъ вмѣстѣ и каждаго какъ единицу, влагающій въ каждаго стремленіе къ тому, что̀ должно,—тотъ самый Духъ, который въ деревѣ велитъ ему расти къ солнцу, въ цвѣткѣ велитъ ему бросить сѣмя къ осени и въ насъ велитъ намъ безсознательно жаться другъ къ другу.

И этотъ-то одинъ непогрѣшимый, блаженный голосъ заглушаетъ шумное, торопливое развитіе цивилизаціи. Кто больше человѣкъ и кто больше варваръ: тотъ ли лордъ, который, увидавъ затасканное платье пѣвца, со злобой убѣжалъ изъ-за стола, за его труды не далъ ему милліонной доли своего состоянія, и теперь, сытый, сидя въ свѣтлой, покойной комнатѣ, спокойно судитъ о дѣлахъ Китая, находя справедливыми совершаемыя тамъ убійства,—или маленькій пѣвецъ, который, рискуя тюрьмой, съ франкомъ въ карманѣ, двадцать лѣтъ, никому не дѣлая вреда, ходитъ по горамъ и доламъ, утѣшая людей своимъ пѣніемъ, котораго оскорбили, чуть не вытолкали нынче, и который—усталый, голодный, пристыженный—пошелъ спать куда-нибудь на гніющей соломѣ?

Въ это время изъ города, въ мертвой тишинѣ ночи, я

далеко, далеко, услыхалъ гитару маленькаго человѣчка и его голосъ.

Нѣтъ, сказалось мнѣ невольно, ты не имѣешь права жалѣть о немъ и негодовать на благосостояніе лорда. Кто свѣсилъ внутреннее счастіе, которое лежитъ въ душѣ каждаго изъ этихъ людей? Вонъ онъ сидитъ теперь гдѣ-нибудь на грязномъ порогѣ, смотритъ въ блестящее лунное небо и радостно поетъ среди тихой, благоуханной ночи; въ душѣ его нѣтъ ни упрека, ни злобы, ни раскаянія. А кто знаетъ, что дѣлается теперь въ душѣ всѣхъ этихъ людей, за этими богатыми высокими стѣнами? Кто знаетъ, есть ли у нихъ всѣхъ столько беззаботной, кроткой радости жизни и согласія съ міромъ, сколько ея живетъ въ душѣ этого маленькаго человѣка? Безконечна благость и премудрость Того, Кто позволилъ и велѣлъ существовать всѣмъ этимъ противорѣчіямъ. Только тебѣ, ничтожному червяку, дерзко, беззаконно пытающемуся проникнуть Его законы, Его намѣренія,—только тебѣ кажутся противорѣчія. Онъ кротко смотритъ съ своей свѣтлой, неизмѣримой высоты и радуется на безконечную гармонію, въ которой вы всѣ противорѣчиво, безконечно движетесь. Въ своей гордости ты думалъ вырваться изъ законовъ общаго. Нѣтъ, и ты съ своимъ маленькимъ, пошленькимъ негодованьицемъ на лакеевъ,—и ты тоже отвѣтилъ на гармоническую потребность вѣчнаго и безконечнаго...

АЛЬБЕРТЪ.

РАЗСКАЗЪ

(1857 г.).

АЛЬБЕРТЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Пять человѣкъ богатыхъ и молодыхъ людей пріѣхали въ третьемъ часу ночи веселиться на петербургскій баликъ.

Шампанскаго было выпито много, большая часть господъ были очень молоды, дѣвицы были красивы, фортепіано и скрипка неутомимо играли одну польку за другою, танцы и шумъ не переставали; но было какъ-то скучно, неловко, каждому казалось почему-то (какъ это часто случается), что все это не то и не нужно.

Нѣсколько разъ они усиливались поднять веселье, но притворное веселье было еще хуже скуки.

Одинъ изъ пяти молодыхъ людей, болѣе другихъ недовольный и собой, и другими, и всѣмъ вечеромъ, съ чувствомъ отвращенія всталъ, отыскалъ шляпу и вышелъ съ намѣреніемъ потихоньку уѣхать.

Въ передней никого не было, но въ сосѣдней комнатѣ, за дверью, онъ услыхалъ два голоса, спорившіе между собою. Молодой человѣкъ пріостановился и сталъ слушать.

— Нельзя, тамъ гости,—говорилъ женскій голосъ.

— Пустите пожалуйста, я ничего,—умолялъ слабый мужской голосъ.

— Да ужъ не пущу безъ позволенія мадамы,—говорила женщина.—Куда вы? Ахъ какой!...

Дверь распахнулась, и на порогѣ показалась странная мужская фигура. Увидавъ гостя, служанка перестала удерживать, а странная фигура, робко поклонившись, шатаясь на согнутыхъ ногахъ, вошла въ комнату. Это былъ средняго роста мужчина, съ узкою согнутою спиной и длинными всклокоченными волосами. На немъ были короткое пальто и прорванныя узкія панталоны надъ шершавыми нечищенными сапогами. Скрутившійся веревкой галстукъ повязывалъ длинную бѣлую шею. Грязная рубаха высовывалась изъ рукавовъ надъ худыми руками. Но, несмотря на чрезвычайную худобу тѣла, лицо его было нѣжно, бѣло и даже свѣжій румянецъ игралъ на щекахъ, надъ черною рѣдкою бородой и бакенбардами. Нечесанные волосы, закинутые кверху, открывали невысокій и чрезвычайно чистый лобъ. Темные усталые глаза смотрѣли впередъ мягко, искательно и вмѣстѣ важно. Выраженіе ихъ плѣнительно сливалось съ выраженіемъ свѣжихъ, изогнутыхъ въ углахъ губъ, виднѣвшихся изъ-за рѣдкихъ усовъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ пріостановился, повернулся къ молодому человѣку и улыбнулся. Онъ улыбнулся какъ будто съ трудомъ; но когда улыбка озарила его лицо, молодой человѣкъ, самъ не зная чему, улыбнулся тоже.

— Кто это такой?—спросилъ онъ шепотомъ у служанки, когда странная фигура прошла въ комнату, изъ которой слышались танцы.

— Помѣшанный музыкантъ изъ театра,—отвѣчала служанка.—Онъ иногда приходитъ къ хозяйкѣ.

— Куда ты ушелъ, Делесовъ?—кричали въ это время изъ залы.

Молодой человѣкъ, котораго звали Делесовымъ, вернулся въ залу.

Музыкантъ стоялъ у двери и, глядя на танцующихъ, улыбкой, взглядомъ и притопываніемъ ногъ выказывалъ удовольствіе, доставляемое ему этимъ зрѣлищемъ.

— Что же, идите и вы танцовать,—сказалъ ему одинъ изъ гостей.

Музыкантъ поклонился и вопросительно взглянулъ на хозяйку.

— Идите, идите,—что-жъ, когда васъ господа приглашаютъ,—вмѣшалась хозяйка.

Худые, слабые члены музыканта вдругъ пришли въ усиленное движеніе, и онъ, подмигивая, улыбаясь и подергиваясь, тяжело, неловко пошелъ прыгать по залѣ. Въ серединѣ кадрили, веселый офицеръ, танцовавшій очень красиво и одушевленно, нечаянно толкнулъ спиной музыканта. Слабыя, усталыя ноги не удержали равновѣсія, и музыкантъ, сдѣлавъ нѣсколько подкашивающихъ шаговъ въ сторону, со всего росту упалъ на полъ. Несмотря на рѣзкій, сухой звукъ, произведенный паденіемъ, почти всѣ засмѣялись въ первую минуту.

Но музыкантъ не вставалъ. Гости замолчали, даже фортепіано перестало играть, и Делесовъ съ хозяйкой первые подбѣжали къ упавшему. Онъ лежалъ на локтѣ и тускло смотрѣлъ въ землю. Когда его подняли и посадили на стулъ, онъ откинулъ быстрымъ движеніемъ костлявой руки волосы со лба и сталъ улыбаться, ничего не отвѣчая на вопросы.

— Господинъ Альбертъ, господинъ Альбертъ!—говорила хозяйка:—что, ушиблись... гдѣ? Вотъ я говорила, что не надо

было танцовать... Онъ такой слабый!—продолжала она, обращаясь къ гостямъ,—насилу ходитъ, гдѣ ему!

— Кто онъ такой?—спрашивали хозяйку.

— Бѣдный человѣкъ, артистъ. Очень хорошій малый, только жалкій, какъ видите.

Она говорила это, не стѣсняясь присутствіемъ музыканта. Музыкантъ очнулся и, какъ будто испугавшись чего-то, съежился и оттолкнулъ окружавшихъ его.

— Это все ничего!—вдругъ сказалъ онъ, съ видимымъ усиліемъ привставая со стула.

И чтобы доказать, что ему нисколько не больно, вышелъ на середину комнаты и хотѣлъ припрыгнуть, но пошатнулся и опять бы упалъ, ежели бы его не поддержали.

Всѣмъ сдѣлалось неловко; глядя на него, всѣ молчали.

Взглядъ музыканта снова потухъ, и онъ, видимо забывъ о всѣхъ, потиралъ рукою колѣно. Вдругъ онъ поднялъ голову, выставилъ впередъ дрожащую ногу, тѣмъ же, какъ и прежде, пошлымъ жестомъ откинулъ волосы и, подойдя къ скрипачу, взялъ у него скрипку.

— Все ничего!—повторилъ онъ еще разъ, взмахнувъ скрипкой.—Господа, будемъ музицировать.

— Что за странное лицо!—говорили между собой гости.

— Можетъ-быть большой талантъ погибаетъ въ этомъ несчастномъ существѣ,—сказалъ одинъ изъ гостей.

— Да, жалкій, жалкій,—говорилъ другой.

— Какое лицо прекрасное!... Въ немъ есть что-то необыкновенное,—говорилъ Делесовъ.—Вотъ посмотримъ...

II.

Альбертъ въ это время, не обращая ни на кого вниманія, прижавъ скрипку къ плечу, медленно ходилъ вдоль фортепіано и настраивалъ ее. Губы его сложились въ безстрастное выраженіе, глазъ не было видно; но узкая, костлявая спина, длинная бѣлая шея, кривыя ноги и косматая черная голова представляли чудное, но почему-то вовсе не смѣшное зрѣлище. Настроивъ скрипку, онъ бойко взялъ аккордъ и, вскинувъ голову, обратился къ піанисту, приготовившемуся аккомпанировать.

— *Mélancolie G-dur!*—сказалъ онъ, съ повелительнымъ жестомъ обращаясь къ піанисту.

И вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы прося прощенія за повелительный жестъ, кротко улыбнулся и съ этою улыбкой оглянулъ публику. Вскинувъ волосы рукой, которою онъ держалъ смычокъ, Альбертъ остановился передъ угломъ фортепіано и плавнымъ движеніемъ смычка провелъ по струнамъ. Въ комнатѣ пронесся чистый, стройный звукъ, и сдѣлалось совершенное молчаніе.

Звуки темы свободно, изящно полились вслѣдъ за первымъ, какимъ-то неожиданно-яснымъ и успокоительнымъ свѣтомъ вдругъ озаряя внутренній міръ каждаго слушателя. Ни одинъ ложный или неумѣренный звукъ не нарушилъ покорности внимающихъ; всѣ звуки были ясны, изящны и значительны. Всѣ молча, съ трепетомъ надежды, слѣдили за развитіемъ ихъ. Изъ состоянія скуки, шумнаго разсѣянія и душевнаго сна, въ которомъ находились эти люди, они вдругъ незамѣтно перенесены были въ совершенно другой,

забытый ими, міръ. То въ душѣ ихъ возникало чувство тихаго созерцанія прошедшаго, то страстнаго воспоминанія чего-то счастливаго, то безграничной потребности власти и блеска, то чувства покорности, неудовлетворенной любви и грусти. То грустно-нѣжные, то порывисто-отчаянные звуки, свободно перемѣшиваясь между собой, лились и лились другъ за другомъ такъ изящно, такъ сильно и такъ безсознательно, что не звуки слышны были, а самъ собой лился въ душу каждаго какой-то прекрасный потокъ, давно знакомой, но въ первый разъ высказанной поэзіи. Альбертъ съ каждою нотой выросталъ выше и выше. Онъ далеко не былъ уродливъ или страненъ. Прижавъ подбородкомъ скрипку и съ выраженіемъ страстнаго вниманія прислушиваясь къ своимъ звукамъ, онъ судорожно передвигалъ ногами. То онъ выпрямлялся во весь ростъ, то старательно сгибалъ спину. Лѣвая, напряженно-согнутая рука, казалось, замерла въ своемъ положеніи и только судорожно перебирала костлявыми пальцами; правая двигалась плавно, изящно, незамѣтно. Лицо сіяло непрерывною, восторженною радостью; глаза горѣли свѣтлымъ, сухимъ блескомъ, ноздри раздувались, красныя губы раскрывались отъ наслажденія.

Иногда голова ближе наклонялась къ скрипкѣ, глаза закрывались и полузакрытое волосами лицо освѣщалось улыбкой кроткаго блаженства. Иногда онъ быстро выпрямлялся, выставлялъ ногу, и чистый лобъ, и блестящій взглядъ, которымъ онъ окидывалъ комнату, сіяли гордостью, величіемъ, сознаніемъ власти. Одинъ разъ піанистъ ошибся и взялъ невѣрный аккордъ. Физическое страданіе выразилось во всей фигурѣ и лицѣ музыканта. Онъ остановился на секунду и, съ выраженіемъ дѣтской злобы, топая ногой, закричалъ:

„*moll, ce moll*“. Піанистъ поправился. Альбертъ закрылъ глаза, улыбнулся и, снова забывъ себя, другихъ и весь міръ, съ блаженствомъ отдался своему долгу.

Всѣ находившіеся въ комнатѣ во время игры Альберта хранили покорное молчаніе и, казалось, жили и дышали только его звуками.

Веселый офицеръ неподвижно сидѣлъ на стулѣ у окна, устремивъ на полъ безжизненный взглядъ, и тяжело и рѣдко переводилъ дыханіе. Дѣвицы въ совершенномъ молчаніи сидѣли по стѣнамъ, и только изрѣдка съ одобреніемъ, доходящимъ до недоумѣнія, переглядывались между собою. Толстое, улыбающееся лицо хозяйки расплывалось отъ наслажденія. Піанистъ впивался глазами въ лицо Альберта и со страхомъ ошибиться, выражавшимся во всей его вытягивавшейся фигурѣ, старался слѣдить за нимъ. Одинъ изъ гостей, выпившій больше другихъ, ничкомъ лежалъ на диванѣ и старался не двигаться, чтобы не выдать своего волненія. Делесовъ испытывалъ непривычное чувство. Какой-то холодный кругъ, то съуживаясь, то расширяясь, сжималъ его голову. Корни волосъ становились чувствительны; морозъ пробѣгалъ вверхъ по спинѣ; что-то, все выше и выше подступая къ горлу, какъ тоненькими иголками, кололо въ носу, нёбѣ, и слезы незамѣтно мочили ему щеки. Онъ встряхивался, старался незамѣтно втягивать ихъ назадъ и отирать, но новыя выступали опять и текли по его лицу. По какому-то странному сцѣпленію впечатлѣній, первые звуки скрипки Альберта перенесли Делесова къ его первой молодости. Онъ—не молодой, усталый отъ жизни, изнуренный человѣкъ—вдругъ почувствовалъ себя семнадцатилѣтнимъ, самодовольно-красивымъ, блаженно-глупымъ и безсознательно-счастливымъ су-

ществомъ. Ему вспоминалась первая любовь къ кузинѣ, въ розовомъ платьицѣ, вспоминалось первое признаніе въ липовой аллеѣ, вспомнился жаръ и непонятная прелесть случайнаго поцѣлуя, вспомнилось волшебство и неразгаданная таинственность тогда окружавшей природы. Въ его возвратившемся назадъ воображеніи блистала *она* въ туманѣ неопредѣленныхъ надеждъ, непонятныхъ желаній и несомнѣнной вѣры въ возможность невозможнаго счастія. Всѣ неоцѣненныя минуты того времени, одна за другою, возставали передъ нимъ, но не какъ незначащія мгновенія бѣгущаго настоящаго, а какъ остановившіеся, разрастающіеся, укоряющіе образы прошедшаго. Онъ съ наслажденіемъ созерцалъ ихъ и плакалъ,—плакалъ не оттого, что прошло то время, которое онъ могъ употребить лучше (ежели бы ему дали назадъ это время, онъ не брался употребить его лучше), но онъ плакалъ оттого только, что прошло это время и никогда не воротится. Воспоминанія возникали сами собой, а скрипка Альберта говорила одно и одно. Она говорила: „прошло для тебя, навсегда прошло время силы, любви и счастія, прошло — и никогда не воротится. Плачь о немъ, выплачь всѣ слезы, умри въ слезахъ объ этомъ времени,—это одно лучшее счастіе, которое осталось у тебя“.

Къ концу послѣдней варіаціи лицо Альберта сдѣлалось красно, глаза горѣли, не потухая, крупныя капли пота струились по щекамъ. На лбу надулись жилы, все тѣло больше и больше приходило въ движеніе, поблѣднѣвшія губы уже не закрывались, и вся фигура выражала восторженную жадность наслажденія.

Отчаянно размахнувшись всѣмъ тѣломъ и встряхнувъ волосами, онъ опустилъ скрипку и съ улыбкой гордаго величія и

счастія оглянулъ присутствующихъ. Потомъ спина его согнулась, голова опустилась, губы сложились, глаза потухли, и онъ, какъ бы стыдясь себя, робко оглядываясь и путаясь ногами, прошелъ въ другую комнату.

III.

Что-то странное произошло со всѣми присутствующими, и что-то странное чувствовалось въ мертвомъ молчаніи, послѣдовавшемъ за игрой Альберта. Какъ будто каждый хотѣлъ и не умѣлъ высказать того, чт̀о все это значило. Что такое значитъ свѣтлая и жаркая комната, блестящія женщины, заря въ окнахъ, взволнованная кровь и чистое впечатлѣніе пролетѣвшихъ звуковъ? Но никто и не попытался сказать того, чт̀о это значитъ; напротивъ, почти всѣ, чувствуя себя не въ силахъ перейти вполнѣ на сторону того, чт̀о открыло имъ новое впечатлѣніе, возмутились противъ него.

— А вѣдь онъ точно хорошо играетъ,—сказалъ офицеръ.

— Удивительно! — отвѣчалъ, украдкой рукавомъ отирая щеки, Делесовъ.

— Однако, пора ѣхать, господа,—сказалъ, оправившись нѣсколько, тотъ, который лежалъ на диванѣ. Надо будетъ дать ему что-нибудь, господа. Давайте складчину...

Альбертъ сидѣлъ въ это время одинъ, въ другой комнатѣ, на диванѣ. Облокотившись локтями на костлявыя колѣни, онъ потными, грязными руками гладилъ себѣ лицо, взбивалъ волосы и самъ съ собою счастливо улыбался.

Складчину сдѣлали богатую, и Делесовъ взялся передать ее.

Кромѣ того, Делесову, на котораго музыка произвела такое сильное и непривычное впечатлѣніе, пришла мысль сдѣ-

лать добро этому человѣку. Ему пришло въ голову взять его къ себѣ, одѣть, пристроить къ какому нибудь мѣсту,—вообще, вырвать изъ этого грязнаго положенія.

— Что, вы устали?—спросилъ Делесовъ, подходя къ нему.

Альбертъ улыбался.

— У васъ дѣйствительный талантъ; вамъ надо бы серьёзно заниматься музыкой, играть въ публикѣ.

— Я бы выпилъ чего-нибудь, — сказалъ Альбертъ, какъ будто проснувшись.

Делесовъ принесъ вина, и музыкантъ съ жадностью выпилъ два стакана.

— Какое славное вино!—сказалъ онъ.

— „Меланхолія“ какая прелестная вещь!—сказалъ Делесовъ.

— О, да, да!—отвѣчалъ улыбаясь Альбертъ.—Но извините меня, я не знаю съ кѣмъ имѣю честь говорить; можетъ-быть вы графъ или князь: не можете ли вы мнѣ ссудить немного денегъ?—Онъ помолчалъ немного.—Я ничего не имѣю, я—бѣдный человѣкъ. Я не могу отдать вамъ.

Делесовъ покраснѣлъ,—ему неловко стало,—и онъ торопливо передалъ музыканту собранныя деньги.

— Очень благодарю васъ!—сказалъ Альбертъ, схвативъ деньги.—Теперь давайте музицировать; я, сколько хотите, буду играть вамъ. Только выпить чего-нибудь, выпить,—прибавилъ онъ, вставая.

Делесовъ принесъ еще вина и попросилъ сѣсть подлѣ себя.

— Извините меня, ежели я буду откровененъ съ вами,—сказалъ Делесовъ:—вашъ талантъ такъ заинтересовалъ меня. Мнѣ кажется, что вы въ нехорошемъ положеніи?

Альбертъ поглядывалъ то на Делесова, то на хозяйку, которая вошла въ комнату.

— Позвольте мнѣ вамъ предложить свои услуги,—продолжалъ Делесовъ:—ежели вы въ чемъ-нибудь нуждаетесь, то я бы очень радъ былъ, ежели бы вы на время поселились у меня. Я живу одинъ и, можетъ-быть, я былъ бы вамъ полезенъ.

Альбертъ улыбнулся и ничего не отвѣчалъ.

— Что же вы не благодарите?—сказала хозяйка.—Разумѣется, для васъ это благодѣяніе. Только я бы вамъ не совѣтовала,—продолжала она, обращаясь къ Делесову и отрицательно качая головой.

— Очень вамъ благодаренъ!—сказалъ Альбертъ, мокрыми руками пожимая руку Делесова.—Только теперь давайте музицировать, пожалуйста!

Но остальные гости уже собрались ѣхать и, какъ ихъ ни уговаривалъ Альбертъ, вышли въ переднюю.

Альбертъ простился съ хозяйкой и, надѣвъ истертую шляпу съ широкими полями и лѣтнюю старую альмавиву, составлявшія всю его зимнюю одежду, вмѣстѣ съ Делесовымъ вышелъ на крыльцо.

Когда Делесовъ сѣлъ съ своимъ новымъ знакомцемъ въ карету и почувствовалъ тотъ непріятный запахъ пьяницы и нечистоты, которымъ былъ пропитанъ музыкантъ, онъ сталъ раскаиваться въ своемъ поступкѣ и обвинять себя въ ребяческой мягкости сердца и неразсудительности. Притомъ все, что̀ говорилъ Альбертъ, было такъ глупо и пошло и онъ такъ вдругъ грязно опьянѣлъ на воздухѣ, что Делесову сдѣлалось гадко. „Что̀ я съ нимъ буду дѣлать?"—подумалъ онъ.

Проѣхавъ съ четверть часа, Альбертъ замолкъ, шляпа съ него свалилась въ ноги, онъ самъ повалился въ уголъ кареты и захрапѣлъ. Колеса равномѣрно скрипѣли по мороз-

ному снѣгу; слабый свѣтъ зари едва проникалъ сквозь замерзшія окна.

Делесовъ оглянулся на своего сосѣда. Длинное тѣло, прикрытое плащомъ, безжизненно лежало подлѣ него. Делесову казалось, что длинная голова съ большимъ темнымъ носомъ качалась на этомъ туловищѣ; но, вглядѣвшись ближе, онъ увидѣлъ, что то, чтó онъ принималъ за носъ и лицо, были волоса, а что настоящее лицо было ниже. Онъ нагнулся и разобралъ черты лица Альберта. Тогда красота лба и спокойно сложеннаго рта снова поразила его.

Подъ вліяніемъ усталости нервовъ, раздражающаго безсоннаго часа утра и слышанной музыки, Делесовъ, глядя на это лицо, снова перенесся въ тотъ блаженный міръ, въ который онъ заглянулъ нынче ночью; снова ему вспомнилось счастливое и *великодушное* время молодости, и онъ пересталъ раскаиваться въ своемъ поступкѣ. Онъ въ эту минуту искренно, горячо любилъ Альберта и твердо рѣшился сдѣлать ему добро.

IV.

На другой день утромъ, когда его разбудили, чтобъ идти на службу, Делесовъ съ непріятнымъ удивленіемъ увидалъ вокругъ себя свои старыя ширмы, своего стараго человѣка и часы на столикѣ. „Такъ что же бы я хотѣлъ видѣть, какъ не то, чтò всегда окружаетъ меня?“—спросилъ онъ самъ себя. Тутъ ему вспомнились черные глаза и счастливая улыбка музыканта; мотивъ „Меланхоліи“ и вся странная вчерашняя ночь пронеслись въ его воображеніи.

Ему некогда было, однако, размышлять о томъ, хорошо или дурно онъ поступилъ, взявъ къ себѣ музыканта. Одѣваясь,

онъ мысленно распредѣлилъ свой день; взялъ бумаги, отдалъ необходимыя приказанія дома и торопясь надѣлъ шинель и калоши. Проходя мимо столовой, онъ заглянулъ въ дверь. Альбертъ уткнулъ лицо въ подушку и раскидавшись, въ грязной, изорванной рубахѣ, мертвымъ сномъ спалъ на сафьянномъ диванѣ, куда его, безчувственнаго, положили вчера вечеромъ. „Что то нехорошо", невольно казалось Делесову.

— Сходи, пожалуйста, отъ меня къ Борюзовскому, попроси скрипку дня на два для нихъ,—сказалъ онъ своему человѣку.—Да когда они проснутся, напой ихъ кофеемъ и дай надѣть изъ моего бѣлья и стараго платья что-нибудь. Вообще удовлетвори его хорошенько. Пожалуйста!

Возвратившись домой поздно вечеромъ, Делесовъ, къ удивленію своему, не нашелъ Альберта.

— Гдѣ же онъ?—спросилъ онъ у человѣка.

— Тотчасъ послѣ обѣда ушли,—отвѣчалъ слуга:—взяли скрипку и ушли. Обѣщались придти черезъ часъ, да вотъ до сей поры нѣту.

— Та! та! досадно,—проговорилъ Делесовъ.—Какъ же ты его пустилъ, Захаръ?

Захаръ былъ петербургскій лакей, уже восемь лѣтъ служившій у Делесова. Делесовъ, *какъ одинокій холостякъ*, невольно повѣрялъ ему свои намѣренія и любилъ знать его мнѣніе насчетъ каждаго изъ своихъ предпріятій.

— Какъ же я смѣлъ его не пустить?—отвѣчалъ Захаръ, играя печаткой своихъ часовъ.— Ежели бы вы мнѣ сказали, Дмитрій Ивановичъ, чтобъ его удерживать, я бы дома могъ занять. Но вы только насчетъ платья сказали.

— Та! досадно! Ну, а что онъ тутъ дѣлалъ безъ меня?

Захаръ усмѣхнулся.

— Ужъ точно, можно назвать артистомъ, Дмитрій Ивановичъ. Какъ проснулись, такъ попросили мадеры, потомъ съ кухаркой и съ сосѣдскимъ человѣкомъ все занимались. Смѣшные такіе... Однако характера очень хорошаго. Я имъ чаю далъ, обѣдать принесъ,—ничего не хотѣли одни ѣсть, все меня приглашали. А ужъ на скрипкѣ какъ играютъ, такъ это точно, что такихъ артистовъ и у Излера мало. Такого человѣка можно держать. Какъ онъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ" намъ сыгралъ, такъ точно какъ человѣкъ плачетъ. Слишкомъ хорошо! Даже со всѣхъ этажей пришли люди къ намъ въ сѣни слушать.

— Ну, а одѣлъ ты его?—перебилъ баринъ.

— Какже-съ: я ему вашу ночную рубашку далъ и свое пальто ему надѣлъ. Этакому человѣку можно помогать,—точно, милый человѣкъ.—Захаръ улыбнулся.—Все спрашивали меня, какого вы чина, имѣете ли знакомства значительныя и сколько у васъ душъ крестьянъ!

— Ну, хорошо, только надо будетъ его найти теперь и впередъ ему ничего не давать пить, а то ему еще хуже сдѣлаешь.

— Это правда,—перебилъ Захаръ:—онъ, видно, слабъ здоровьемъ. У насъ такой же у барина былъ прикащикъ...

Делесовъ, уже давно знавшій исторію пившаго запоемъ прикащика, не далъ ее докончить Захару и, велѣвъ приготовить себѣ все для ночи, послалъ его отыскать и привести Альберта.

Онъ легъ въ постель, потушилъ свѣчу, но долго не могъ заснуть,—все думалъ объ Альбертѣ. „Хоть это все страннымъ можетъ показаться многимъ изъ моихъ знакомыхъ,—думалъ Делесовъ,—но вѣдь такъ рѣдко дѣлаешь что-нибудь не для

себя, что надо благодарить Бога, когда представляется такой случай; и я не упущу его. Все сдѣлаю,—рѣшительно все сдѣлаю, что̀ могу,—чтобы помочь ему. Можетъ-быть онъ и вовсе не сумасшедшій, а только спился. Стоитъ это мнѣ будетъ совсѣмъ не дорого: гдѣ одинъ, тамъ и двое сыты будутъ. Пускай поживетъ сначала у меня, потомъ устроимъ ему мѣсто или концертъ, стащимъ его съ мели, а тамъ видно будетъ".

Пріятное чувство самодовольствія овладѣло имъ послѣ такого разсужденія.

„Право, я не совсѣмъ дурной человѣкъ, даже совсѣмъ недурной человѣкъ,—подумалъ онъ.—Даже очень хорошій человѣкъ, какъ сравню себя съ другими..."

Онъ уже засыпалъ, когда звуки отворяемыхъ дверей и шаговъ въ передней развлекли его.

„Ну, обращусь съ нимъ построже,—подумалъ онъ:—это лучше; и я долженъ это сдѣлать".

Онъ позвонилъ.

— Что, привелъ?—спросилъ онъ у вошедшаго Захара.

— Жалкій человѣкъ, Дмитрій Ивановичъ,—сказалъ Захаръ, значительно покачавъ головой и закрывъ глаза.

— Что, пьянъ?

— Очень слабъ.

— А скрипка съ нимъ?

— Принесъ,—хозяйка отдала.

— Ну, пожалуйста, не пускай его теперь ко мнѣ, уложи спать и завтра отнюдь не выпускай изъ дома.

Но еще Захаръ не успѣлъ выдти, какъ въ комнату вошелъ Альбертъ.

V.

— Вы ужъ спать хотите?—сказалъ Альбертъ улыбаясь.— А я былъ тамъ, у Анны Ивановны. Очень пріятно провелъ вечеръ: музицировали, смѣялись, пріятное общество было. Позвольте мнѣ выпить стаканъ чего-нибудь,—прибавилъ онъ, взявшись за графинъ съ водой, стоявшій на столикѣ:— только не воды.

Альбертъ былъ такой же, какъ и вчера: та же красивая улыбка глазъ и губъ, тотъ же свѣтлый, вдохновенный лобъ и слабые члены. Пальто Захара пришлось ему какъ разъ впору, и чистый, длинный не крахмаленный воротникъ ночной рубашки живописно откидывался вокругъ его тонкой бѣлой шеи, придавая ему что-то особенно дѣтское и невинное. Онъ присѣлъ на постель Делесова и молча, радостно и благодарно улыбаясь, посмотрѣлъ на него. Делесовъ посмотрѣлъ въ глаза Альберта и вдругъ снова почувствовалъ себя во власти его улыбки. Ему перестало хотѣться спать, онъ забылъ о своей обязанности быть строгимъ, ему захотѣлось, напротивъ, веселиться, слушать музыку и хоть до утра дружески болтать съ Альбертомъ. Делесовъ велѣлъ Захару принести бутылку вина, папиросъ и скрипку.

— Вотъ это отлично!—сказалъ Альбертъ.—Еще рано, будемъ музицировать; я вамъ буду играть сколько хотите.

Захаръ съ видимымъ удовольствіемъ принесъ бутылку лафиту, два стакана, слабыхъ папиросъ, которыя курилъ Альбертъ, и скрипку. Но вмѣсто того, чтобы ложиться спать, какъ ему приказалъ баринъ, самъ, закуривъ сигару, сѣлъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Поговоримте лучше, — сказалъ Делесовъ музыканту, взявшемуся было за скрипку.

Альбертъ покорно сѣлъ на постель и снова радостно улыбнулся.

— Ахъ, да! — сказалъ онъ, вдругъ стукнувъ себя рукой по лбу и принявъ озабоченно-любопытное выраженіе. (Выраженіе лица его всегда предшествовало тому, что̀ онъ хотѣлъ говорить.) Позвольте спросить... — онъ пріостановился немного: — этотъ господинъ, который былъ съ вами тамъ, вчера вечеромъ... вы его называли N, онъ не сынъ знаменитаго N?

— Родной сынъ, — отвѣчалъ Делесовъ, никакъ не понимая, почему это могло быть интересно Альберту.

— То-то, — самодовольно улыбаясь, сказалъ онъ: — я сейчасъ замѣтилъ въ его манерахъ что-то особенно аристократическое. Я люблю аристократовъ: что-то прекрасное, изящное видно въ аристократѣ. А этотъ офицеръ, который такъ прекрасно танцуетъ, — спросилъ онъ, — онъ мнѣ тоже очень понравился: такой веселый и благородный, — онъ адъютантъ NN, кажется?

— Который? — спросилъ Делесовъ.

— Тотъ, который столкнулся со мной, когда мы танцовали. Онъ славный долженъ быть человѣкъ.

— Нѣтъ, онъ пустой малый, — отвѣчалъ Делесовъ.

— Ахъ, нѣтъ! — горячо заступился Альбертъ: — въ немъ что-то есть очень, очень пріятное. И онъ славный музыкантъ, — прибавилъ Альбертъ: — онъ игралъ тамъ изъ оперы что-то. Давно мнѣ никто такъ не нравился.

— Да, онъ хорошо играетъ, но я не люблю его игры, — сказалъ Делесовъ, желая навести своего собесѣдника на разговоръ о музыкѣ: — онъ классической музыки не понимаетъ;

а вѣдь Доницетти и Беллини—вѣдь это не музыка. Вы вѣрно этого же мнѣнія?

— О нѣтъ, нѣтъ, извините меня!—заговорилъ Альбертъ, съ мягкимъ заступническимъ выраженіемъ:—старая музыка—музыка, и новая музыка—музыка. И въ новой есть красоты необыкновенныя. А Сомнамбула?! А финалъ Лючіи?! А Chopin?! А Робертъ?! Я часто думаю...—онъ пріостановился, видимо собирая мысли:—что ежели бы Бетховенъ былъ живъ, вѣдь онъ бы плакалъ отъ радости слушая Сомнамбулу. Вездѣ есть прекрасное. Я слышалъ въ первый разъ Сомнамбулу, когда здѣсь были Віардо и Рубини: это было вотъ что̀,—сказалъ онъ, блистая глазами и дѣлая жестъ обѣими руками, какъ будто вырывая что-то изъ своей груди.—Еще бы немного, то это невозможно бы было вынести.

— Ну, а теперь какъ вы находите оперу?—спросилъ Делесовъ.

— Бозіо хороша, очень хороша,—отвѣчалъ онъ:—изящна необыкновенно, но тутъ не трогаетъ,—сказалъ онъ, указывая на ввалившуюся грудь.—Для пѣвицы нужна страсть, а у нея нѣтъ. Она радуетъ, но не мучаетъ.

— Ну, а Лаблашъ?

— Я его слышалъ еще въ Парижѣ въ „Севильскомъ Цирюльникѣ"; тогда онъ былъ единственъ, а теперь онъ старъ,—онъ не можетъ быть артистомъ, онъ старъ.

— Что-жъ, что старъ? Все-таки хорошъ въ *morceaux d'ensemble*,—сказалъ Делесовъ, всегда говорившій это о Лаблашѣ.

— Какъ, что же что старъ?—возразилъ Альбертъ строго.—Онъ не долженъ быть старъ. Художникъ не долженъ быть старъ. Много нужно для искусства, но главное—огонь!—сказалъ онъ, блистая глазами и поднимая обѣ руки кверху.

И дѣйствительно, страшный внутренній огонь горѣлъ во всей его фигурѣ.

— Ахъ, Боже мой,—сказалъ онъ вдругъ:—вы не знаете Петрова, художника?

— Нѣтъ, не знаю,—улыбаясь отвѣчалъ Делесовъ.

— Какъ бы я желалъ, чтобы вы съ нимъ познакомились! Вы бы нашли удовольствіе говорить съ нимъ. Какъ онъ тоже понимаетъ искусство! Мы съ нимъ встрѣчались прежде часто у Анны Ивановны, но она теперь за что-то разсердилась на него. А я очень желалъ бы, чтобы вы съ нимъ познакомились. Онъ—большой, большой талантъ.

— Что-жъ, онъ картины пишетъ?—спросилъ Делесовъ.

— Не знаю... Нѣтъ, кажется; но онъ былъ художникъ академіи. Какія у него мысли! Когда онъ иногда говоритъ, то это удивительно. О, Петровъ—большой талантъ, только онъ ведетъ жизнь очень веселую... Вотъ жалко!—улыбаясь прибавилъ Альбертъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ всталъ съ постели, взялъ скрипку и началъ строить.

— Что, вы давно не были въ оперѣ?—спросилъ его Делесовъ.

Альбертъ оглянулся и вздохнулъ.

— Ахъ, я ужъ не могу!—сказалъ онъ, схватившись за голову. Онъ снова подсѣлъ къ Делесову.—Я вамъ скажу,—проговорилъ онъ почти шепотомъ:—я не могу туда ходить, я не могу тамъ играть, у меня ничего нѣтъ,—ничего! Платья нѣтъ, квартиры нѣтъ, скрипки нѣтъ. Скверная жизнь, скверная жизнь!—повторилъ онъ нѣсколько разъ.—Да и зачѣмъ мнѣ туда ходить, зачѣмъ это? Не надо!—сказалъ онъ улыбаясь.—Ахъ, „Донъ-Жуанъ“...

И онъ ударилъ себя по головѣ.

— Такъ поѣдемъ когда-нибудь вмѣстѣ,—сказалъ Делесовъ.

Альбертъ не отвѣчая вскочилъ, схватилъ скрипку и началъ играть финалъ перваго акта „Донъ-Жуана", своими словами разсказывая содержаніе оперы.

У Делесова зашевелились волосы на головѣ, когда Альбертъ игралъ голосъ умирающаго командора.

— Нѣтъ, не могу играть нынче,—сказалъ онъ, кладя скрипку:—я много пилъ.

Но вслѣдъ затѣмъ онъ подошелъ къ столу, налилъ себѣ полный стаканъ вина, залпомъ выпилъ и сѣлъ опять на кровать къ Делесову.

Делесовъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на Альберта; Альбертъ изрѣдка улыбался и Делесовъ улыбался тоже. Они оба молчали; но между ними, взглядомъ и улыбкой, ближе и ближе устанавливались любовныя отношенія. Делесовъ чувствовалъ, что онъ все больше и больше любитъ этого человѣка, и испытывалъ непонятную радость.

— Вы были влюблены?—вдругъ спросилъ онъ.

Альбертъ задумался на нѣсколько секундъ, потомъ лицо его озарилось грустною улыбкой. Онъ нагнулся къ Делесову и внимательно посмотрѣлъ ему въ самые глаза.

— Зачѣмъ вы это спросили у меня?—проговорилъ онъ шепотомъ.—Но я вамъ все разскажу, вы мнѣ понравились,—продолжалъ онъ, посмотрѣвъ немного и оглянувшись.—Я не буду васъ обманывать, я вамъ все разскажу, какъ было, съ начала.—Онъ остановился и глаза его странно, дико остановились.—Вы знаете, что я слабъ разсудкомъ?—сказалъ онъ вдругъ.—Да, да,—продолжалъ онъ:—Анна Ивановна вамъ, вѣрно, разсказывала. Она всѣмъ говоритъ, что я сумасшедшій! Это неправда, она изъ шутки говоритъ это, она—доб-

рая женщина, а я, точно, не совершенно здоровъ сталъ съ нѣкотораго времени.—Альбертъ опять замолчалъ и остановившимися, широко открытыми глазами смотрѣлъ въ темную дверь.—Вы спрашивали, былъ ли я влюбленъ?... Да, я былъ влюбленъ,—прошепталъ онъ, поднимая брови.—Это случилось давно, еще въ то время, когда я былъ при мѣстѣ въ театрѣ. Я ходилъ играть вторую скрипку въ оперѣ, а она ѣздила въ литерный бенуаръ съ лѣвой стороны.

Альбертъ всталъ и перегнулся на ухо Делесову.

— Нѣтъ, зачѣмъ называть ее,—сказалъ онъ.—Вы вѣрно знаете ее,—всѣ знаютъ ее... Я молчалъ и только смотрѣлъ на нее: я зналъ, что я—бѣдный артистъ, а она—аристократическая дама. Я очень зналъ это. Я только смотрѣлъ на нее и ничего не думалъ.

Альбертъ задумался, припоминая.

— Какъ это случилось, я не помню; но меня позвали одинъ разъ аккомпанировать ей на скрипкѣ... Ну, что я?—бѣдный артистъ! — сказалъ онъ, покачивая головой и улыбаясь.—Но нѣтъ, я не умѣю разсказывать, не умѣю...—прибавилъ онъ, схватившись за голову.—Какъ я былъ счастливъ!

— Что же, вы часто бывали у нея?—спросилъ Делесовъ.

— Одинъ разъ, одинъ разъ только... Но я самъ виноватъ былъ,—я съ ума сошелъ. Я—бѣдный артистъ, а она—аристократическая дама. Я не долженъ былъ ничего говорить ей. Но я сошелъ съ ума, я сдѣлалъ глупости. Съ тѣхъ поръ для меня все кончилось. Петровъ правду сказалъ мнѣ: лучше бы было видѣть ее только въ театрѣ...

— Чтò же вы сдѣлали?—спросилъ Делесовъ.

— Ахъ, постойте, постойте, я не могу разсказывать этого!

И, закрывъ лицо руками, онъ помолчалъ нѣсколько времени.

— Я пришелъ въ оркестръ поздно. Мы пили съ Петровымъ этотъ вечеръ и я былъ разстроенъ. Она сидѣла въ своей ложѣ и говорила съ генераломъ. Я не знаю, кто былъ этотъ генералъ. Она сидѣла у самаго края, положила руку на рампу; на ней было бѣлое платье и перлы на шеѣ. Она говорила съ нимъ и смотрѣла на меня. Два раза она посмотрѣла на меня. Прическа у нея была вотъ этакъ; я не игралъ, а стоялъ подлѣ баса и смотрѣлъ. Тутъ въ первый разъ со мной сдѣлалось странно. Она улыбнулась генералу и посмотрѣла на меня. Я чувствовалъ, что она говоритъ обо мнѣ, и вдругъ я увидѣлъ, что я не въ оркестрѣ, а въ ложѣ стою съ ней и держу ее за руку, за это мѣсто. Чтò это такое?— спросилъ Альбертъ помолчавъ.

— Это живость воображенія,—сказалъ Делесовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Да я не умѣю разсказывать,—сморщившись отвѣчалъ Альбертъ. — Я уже и тогда былъ бѣденъ, квартиры у меня не было, и когда ходилъ въ театръ, иногда оставался ночевать тамъ.

— Какъ, въ театрѣ?... Въ темной, пустой залѣ?

— Ахъ, я не боюсь этихъ глупостей! Ахъ, постойте... Какъ только всѣ уходили, я шелъ къ тому бенуару, гдѣ она сидѣла, и спалъ. Это была одна моя радость. Какія ночи я проводилъ тамъ! Только одинъ разъ опять началось со мной. Мнѣ ночью стало представляться много, но я не могу разсказать вамъ много.—Альбертъ, опустивъ зрачки, смотрѣлъ на Делесова.—Что это такое?—спросилъ онъ.

— Странно!—сказалъ Делесовъ.

— Нѣтъ, постойте, постойте! — Онъ на ухо, шепотомъ, продолжалъ:—Я цѣловалъ ея руку, плакалъ тутъ подлѣ нея, я много говорилъ съ ней. Я слышалъ запахъ ея духовъ,

слышалъ ея голосъ. Она много сказала мнѣ въ одну ночь. Потомъ я взялъ скрипку и потихоньку сталъ играть. И я отлично игралъ. Но мнѣ стало страшно. Я не боюсь этихъ глупостей и не вѣрю; но мнѣ стало страшно за свою голову,—сказалъ онъ, любезно улыбаясь и дотрогиваясь рукою до лба,—за свой бѣдный умъ мнѣ стало страшно: мнѣ казалось, что что-то сдѣлалось у меня въ головѣ. Можетъ-быть это и ничего, какъ вы думаете?

Оба помолчали нѣсколько минутъ.

Und wenn die Wolken sie verhüllen
Die Sonne bleibt doch ewig klar.

Пропѣлъ Альбертъ, тихо улыбаясь.

— Не правда ли?—прибавилъ онъ.

Ich auch habe gelebt und genossen.

— Ахъ, старикъ Петровъ какъ бы все это растолковалъ вамъ!

Делесовъ, молча, съ ужасомъ, смотрѣлъ на взволнованное и поблѣднѣвшее лицо своего собесѣдника.

— Вы знаете „Юристенъ-вальцеръ?“ — вдругъ вскричалъ Альбертъ и, не дождавшись отвѣта, вскочилъ, схватилъ скрипку и началъ играть веселый вальсъ.

Совершенно забывшись и видимо полагая, что цѣлый оркестръ играетъ за нимъ, Альбертъ улыбался, раскачивался, передвигалъ ногами и игралъ превосходно.

— Э, будетъ веселиться!—сказалъ онъ, кончивъ и размахнувъ скрипкой. — Я пойду, — сказалъ онъ, молча посидѣвъ немного;—а вы не пойдете?

— Куда?—съ удивленіемъ спросилъ Делесовъ.

— Пойдемъ опять къ Аннѣ Ивановнѣ,—тамъ весело: шумъ, народъ, музыка.

Делесовъ въ первую минуту чуть-было не согласился. Однако, опомнившись, онъ сталъ уговаривать Альберта не ходить нынче.

— Я бы на минуту.

— Право, не ходите.

Альбертъ вздохнулъ и положилъ скрипку.

— Такъ остаться?

Онъ посмотрѣлъ еще на столъ (вина не было) и, пожелавъ покойной ночи, вышелъ.

Делесовъ позвонилъ.

— Смотри, не выпускай никуда господина Альберта безъ моего спроса,—сказалъ онъ Захару.

VI.

На другой день былъ праздникъ. Делесовъ, проснувшись, сидѣлъ у себя въ гостиной за кофеемъ и читалъ книгу. Альбертъ въ сосѣдней комнатѣ еще не шевелился.

Захаръ осторожно отворилъ дверь и посмотрѣлъ въ столовую.

— Вѣрите ль, Дмитрій Ивановичъ, такъ на голомъ диванѣ и спитъ! Ничего не хотѣлъ подослать, ей-Богу. Какъ дитя малое. Право, артистъ!

Въ двѣнадцатомъ часу за дверью послышалось кряхтеніе и кашель.

Захаръ снова пришелъ въ столовую, и баринъ слышалъ ласковый голосъ Захара и слабый, просящій голосъ Альберта.

— Ну, что?—спросилъ баринъ у Захара, когда онъ вошелъ.

— Скучаетъ, Дмитрій Ивановичъ, умываться не хочетъ, пасмурный такой. Все проситъ выпить.

— Нѣтъ, ужъ если взялся, надо выдержать характеръ,— сказалъ себѣ Делесовъ.

И, не приказавъ давать вина, снова принялся за свою книгу, невольно, однако, прислушиваясь къ тому, что̀ происходило въ столовой. Тамъ ничего не двигалось, только изрѣдка слышался грудной тяжелый кашель и плеванье. Прошло часа два. Делесовъ, одѣвшись, передъ тѣмъ, какъ выдти со двора, рѣшился заглянуть къ своему сожителю. Альбертъ неподвижно сидѣлъ у окна, опустивъ голову на руки. Онъ оглянулся. Лицо его было желто, сморщено и не только грустно, но глубоко несчастно. Онъ попробовалъ улыбнуться въ видѣ привѣтствія, но лицо его приняло еще болѣе грустное выраженіе. Казалось, онъ готовъ былъ... заплакать. Онъ съ трудомъ всталъ и поклонился.

— Еслибы можно рюмочку простой водки...—сказалъ онъ съ просящимъ выраженіемъ:—я такъ слабъ, пожалуйста!

— Кофей васъ лучше подкрѣпитъ. Я бы вамъ совѣтовалъ.

Лицо Альберта вдругъ потеряло дѣтское выраженіе; онъ холодно, тускло посмотрѣлъ въ окно и слабо опустился на стулъ.

— Или позавтракать не хотите ли?

— Нѣтъ, благодарю,—не имѣю аппетита.

— Если вамъ захочется играть на скрипкѣ, то вы мнѣ не будете мѣшать,—сказалъ Делесовъ, кладя скрипку на столъ.

Альбертъ съ презрительной улыбкой посмотрѣлъ на скрипку.

— Нѣтъ, я слишкомъ слабъ, я не могу играть,—сказалъ онъ и отодвинулъ отъ себя инструментъ.

Послѣ этого, что̀ ни говорилъ Делесовъ, предлагая ему

и пройтись, и вечеромъ ѣхать въ театръ, онъ только покорно кланялся и упорно молчалъ. Делесовъ уѣхалъ со двора, сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, обѣдалъ въ гостяхъ и передъ театромъ заѣхалъ домой переодѣться и узнать, что дѣлаетъ музыкантъ. Альбертъ сидѣлъ въ темной передней и, облокотивъ голову на руки, смотрѣлъ на топившуюся печь. Онъ былъ одѣтъ опрятно, вымытъ и причесанъ; но глаза его были тусклы, мертвы, и во всей фигурѣ выражались слабость и изнуреніе, еще бо́льшія, чѣмъ утромъ.

— Что, вы обѣдали, господинъ Альбертъ?—спросилъ Делесовъ.

Альбертъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головой и, взглянувъ въ лицо Делесова, испуганно опустилъ глаза. Делесову сдѣлалось неловко.

— Я говорилъ нынче о васъ директору, — сказалъ онъ, тоже опуская глаза: — онъ очень радъ принять васъ, если вы позволите себя послушать.

— Благодарю, я не могу играть,—проговорилъ себѣ подъ носъ Альбертъ и прошелъ въ свою комнату, особенно тихо затворивъ за собою дверь.

Черезъ нѣсколько минутъ, замочная ручка такъ же тихо повернулась и онъ вышелъ изъ своей комнаты со скрипкой. Злобно и бѣгло взглянувъ на Делесова, онъ положилъ скрипку на стулъ и снова скрылся.

Делесовъ пожалъ плечами и улыбнулся.

„Что же мнѣ еще дѣлать? Въ чемъ я виноватъ?“—подумалъ онъ.

— Ну, что музыкантъ?—былъ первый вопросъ его, когда поздно воротился домой.

— Плохъ!—кротко и звучно отвѣчалъ Захаръ.—Все взды-

хаетъ, кашляетъ и ничего не говоритъ, только разъ пять принимался просить водки. Ужъ я ему далъ одну. А то какъ бы намъ его не загубить такъ, Дмитрій Ивановичъ. Такъ-то прикащикъ...

— А на скрипкѣ не играетъ?

— Не дотрогивается даже. Я тоже къ нему ее приносилъ раза два: такъ возметъ ее потихоньку и вынесетъ, — отвѣчалъ Захаръ съ улыбкой.—Такъ пить не прикажете давать?

— Нѣтъ, еще подождемъ день, посмотримъ, что́ будетъ. А теперь онъ что?

— Заперся въ гостиной.

Делесовъ прошелъ въ кабинетъ, отобралъ нѣсколько французскихъ книгъ и нѣмецкое Евангеліе.

— Положи эти книги завтра ему въ комнату, да смотри, не выпускай, — сказалъ онъ Захару.

На другое утро Захаръ донесъ барину, что музыкантъ не спалъ цѣлую ночь: все ходилъ по комнатамъ и приходилъ въ буфетъ, пытаясь отворить шкафъ и дверь, но что все, по его старанію, было заперто. Захаръ разсказывалъ, что, притворившись спящимъ, онъ слышалъ, какъ Альбертъ въ темнотѣ самъ съ собою бормоталъ что-то и размахивалъ руками.

Альбертъ съ каждымъ днемъ становился мрачнѣе и молчаливѣе. Делесова онъ, казалось, боялся, и въ лицѣ его выражался болѣзненный испугъ, когда глаза ихъ встрѣчались. Онъ не бралъ въ руки ни книгъ, ни скрипки, и не отвѣчалъ на вопросы, которые ему дѣлали.

На третій день пребыванія у него музыканта, Делесовъ пріѣхалъ домой поздно вечеромъ, усталый и разстроенный. Онъ цѣлый день ѣздилъ, хлопоталъ по дѣлу, казавшемуся очень простымъ и легкимъ, и, какъ это часто бываетъ, рѣ-

шительно ни шагу не сдѣлалъ впередъ, несмотря на усиленное стараніе. Кромѣ того, заѣхавъ въ клубъ, онъ проигралъ въ вистъ. Онъ былъ не въ духѣ.

— Ну, Богъ съ нимъ совсѣмъ!—отвѣчалъ онъ Захару, который объяснилъ ему печальное положеніе Альберта.—Завтра добьюсь отъ него рѣшительно: хочетъ ли онъ, или нѣтъ, оставаться у меня и слѣдовать моимъ совѣтамъ? Нѣтъ?—такъ и не надо. Кажется, что я сдѣлалъ все, что могъ.

„Вотъ дѣлай добро людямъ!—думалъ онъ самъ съ собой:—я для него стѣсняюсь, держу у себя въ домѣ это грязное существо, такъ что утромъ принять не могу незнакомаго человѣка, хлопочу, бѣгаю, а онъ на меня смотритъ какъ на какого-то злодѣя, который изъ своего удовольствія заперъ его въ клѣтку. А главное, самъ для себя шагу не хочетъ сдѣлать. Такъ они и всѣ (это „всѣ“ относилось вообще къ людямъ, и особенно къ тѣмъ, до которыхъ у него нынче было дѣло). И что съ нимъ дѣлается теперь? О чемъ онъ думаетъ и груститъ?... Груститъ о развратѣ, изъ котораго я его вырвалъ? Объ униженіи, въ которомъ онъ былъ? О нищетѣ, отъ которой я его спасъ? Видно ужъ онъ такъ упалъ, что тяжело ему смотрѣть на честную жизнь...

„Нѣтъ, это былъ дѣтскій поступокъ, — рѣшилъ самъ съ собою Делесовъ.—Куда мнѣ браться другихъ исправлять, когда только дай Богъ съ самимъ собою сладить!“ Онъ хотѣлъ было сейчасъ отпустить его, но, подумавъ немного, отложилъ до завтра.

Ночью Делесова разбудилъ стукъ упавшаго стола въ передней и звукъ голосовъ и топота. Онъ зажегъ свѣчу и съ удивленіемъ сталъ прислушиваться...

— Погодите, я Дмитрію Ивановичу скажу,—говорилъ За-

харъ. Голосъ Альберта бормоталъ что-то горячо и несвязно. Делесовъ вскочилъ и со свѣчой выбѣжалъ въ переднюю. Захаръ въ ночномъ костюмѣ стоялъ противъ двери; Альбертъ въ шляпѣ и альмавивѣ отталкивалъ его отъ двери и слезливымъ голосомъ кричалъ на него.

— Вы не можете не пустить меня! У меня паспортъ, я ничего не унесъ у васъ. Можете обыскать меня. Я къ полицеймейстеру пойду.

— Позвольте, Дмитрій Ивановичъ!—обратился Захаръ къ барину, продолжая спиной защищать дверь. — Они ночью встали, нашли ключъ въ моемъ пальто и выпили цѣлый графинъ сладкой водки. Это развѣ хорошо? А теперь уйти хотятъ. Вы не приказали, потому я и не могу пустить ихъ.

Альбертъ, увидавъ Делесова, еще горячѣе сталъ приступать къ Захару.

— Не можетъ меня никто держать, не имѣетъ права!— кричалъ онъ, все больше и больше возвышая голосъ.

— Отойди, Захаръ,—сказалъ Делесовъ.—Я васъ держать не хочу и не могу, но я совѣтовалъ бы вамъ остаться до завтра,—обратился онъ къ Альберту.

— Никто меня держать не можетъ! Я къ полицеймейстеру пойду!—все сильнѣе и сильнѣе кричалъ Альбертъ, обращаясь только къ Захару и не глядя на Делесова.—Караулъ!—вдругъ завопилъ онъ неистовымъ голосомъ.

— Да что же вы кричите такъ-то? Вѣдь васъ не держатъ,—сказалъ Захаръ, отворяя дверь.

Альбертъ пересталъ кричать. „Не удалось? Хотѣли уморить меня? Нѣтъ!“—бормоталъ онъ про себя, надѣвая калоши. Не простившись и продолжая говорить что-то непонятное, онъ вышелъ въ дверь. Захаръ посвѣтилъ ему до воротъ и вернулся.

— И слава Богу, Дмитрій Ивановичъ, а то долго ли до грѣха,—сказалъ онъ барину.—И теперь серебро повѣрить надо...

Делесовъ только покачалъ головой и ничего не отвѣчалъ. Ему живо вспомнились теперь два первые вечера, которые онъ провелъ съ музыкантомъ, вспомнились послѣдніе печальные дни, которые, по его винѣ, провелъ здѣсь Альбертъ, и, главное, онъ вспомнилъ то сладкое смѣшанное чувство удивленія, любви и состраданія, которое возбудилъ въ немъ съ перваго взгляда этотъ странный человѣкъ, и ему стало жалко его.—„И что-то съ нимъ будетъ теперь?—подумалъ онъ. Безъ денегъ, безъ теплаго платья, одинъ посреди ночи...“ Онъ хотѣлъ было уже послать за нимъ Захара, но было поздно.

— А холодно на дворѣ?—спросилъ Делесовъ.

— Морозъ здоровый, Дмитрій Ивановичъ,—отвѣчалъ Захаръ.—Я забылъ вамъ доложить, до весны еще дровъ купить придется.

— А какъ же ты говорилъ, что останутся?

VII.

На дворѣ дѣйствительно было холодно, но Альбертъ не чувствовалъ холода,—такъ онъ былъ разгоряченъ выпитымъ виномъ и споромъ.

Выйдя на улицу, онъ оглянулся и радостно потеръ руки. На улицѣ было пусто, но длинный рядъ фонарей еще свѣтилъ красными огнями, на небѣ было ясно и звѣздно. „Что?“—сказалъ онъ, обращаясь къ свѣтившемуся окну въ квартирѣ Делесова, и, засунувъ руки подъ пальто въ карманы панталонъ и перегнувшись впередъ, Альбертъ тяжелыми, невѣр-

ными шагами пошелъ направо по улицѣ. Онъ чувствовалъ въ ногахъ и желудкѣ чрезвычайную тяжесть, въ головѣ его что-то шумѣло, какая-то невидимая сила бросала его изъ стороны въ сторону, но онъ все шелъ впередъ по направленію къ квартирѣ Анны Ивановны. Въ головѣ его бродили странныя, несвязныя мысли. То онъ вспоминалъ послѣдній споръ съ Захаромъ, то почему-то море и первый свой пріѣздъ на пароходѣ въ Россію, то счастливую ночь, проведенную съ другомъ въ лавочкѣ, мимо которой онъ проходилъ; то вдругъ знакомый мотивъ начиналъ пѣть въ его воображеніи, и онъ вспоминалъ предметъ своей страсти и страшную ночь въ театрѣ. Но, несмотря на несвязность, всѣ эти воспоминанія съ такою яркостью представлялись его воображенію, что, закрывъ глаза, онъ не зналъ, что̀ было больше дѣйствительность: то, что̀ онъ дѣлалъ, или то, что̀ онъ думалъ. Онъ не помнилъ и не чувствовалъ, какъ переставлялись его ноги, какъ, шатаясь, онъ толкался о стѣну, какъ онъ смотрѣлъ вокругъ себя и какъ переходилъ съ улицы на улицу. Онъ помнилъ и чувствовалъ только то, что̀, причудливо смѣняясь и перепутываясь, представлялось ему.

Проходя по Малой Морской, Альбертъ споткнулся и упалъ. Очнувшись на мгновеніе, онъ увидалъ передъ собой какое-то громадное, великолѣпное зданіе и пошелъ дальше. На небѣ не было видно ни звѣздъ, ни зари, ни мѣсяца, фонарей тоже не было, но всѣ предметы обозначались ясно. Въ окнахъ зданія, возвышающагося въ концѣ улицы, свѣтились огни, но огни эти колебались, какъ отраженіе. Зданіе все ближе и ближе, яснѣе и яснѣе выростало передъ Альбертомъ. Но огни исчезли, какъ только Альбертъ вошелъ въ широкія двери. Внутри было темно. Одинокіе шаги звучно раздава-

лись подъ сводами и какія-то тѣни, скользя, убѣгали при его приближеніи. „Зачѣмъ я пошелъ сюда?“—подумалъ Альбертъ; но какая-то непреодолимая сила тянула его впередъ къ углубленію огромной залы... Тамъ стояло какое-то возвышеніе и вокругъ его молча стояли какіе-то маленькіе люди. „Кто это будетъ говорить?“—спросилъ Альбертъ. Никто не отвѣтилъ, только одинъ указалъ ему на возвышеніе. На возвышеніи уже стоялъ высокій, худой человѣкъ, со щетинистыми волосами и въ пестромъ халатѣ. Альбертъ тотчасъ узналъ своего друга Петрова. „Какъ странно, что онъ здѣсь!“ подумалъ Альбертъ.—„Нѣтъ, братья! — говорилъ Петровъ, указывая на кого-то.—Вы не поняли человѣка, жившаго между вами; вы не поняли его! Онъ не продажный артистъ, не механическій исполнитель, не сумасшедшій, не потерянный человѣкъ: онъ—геній, великій музыкальный геній, погибшій среди васъ незамѣченнымъ и неоцѣненнымъ“. Альбертъ тотчасъ же понялъ, о комъ говорилъ его другъ; но, не желая стѣснять его, изъ скромности опустилъ голову.

— „Онъ, какъ соломинка, сгорѣлъ весь отъ того священнаго огня, которому мы всѣ служимъ,—продолжалъ голосъ,— но онъ исполнилъ все то, что было вложено въ него Богомъ; за то онъ и долженъ назваться великимъ человѣкомъ. Вы могли презирать его, мучить, унижать,—продолжалъ голосъ громче и громче, — а онъ былъ, есть и будетъ неизмѣримо выше всѣхъ васъ. Онъ счастливъ, онъ добръ. Онъ всѣхъ одинаково любитъ или презираетъ, чтò все равно; а служитъ только тому, чтò вложено въ него свыше. Онъ любитъ одно—красоту, единственное несомнѣнное благо въ мірѣ. Да, вотъ кто онъ такой! Ницъ падайте всѣ передъ нимъ! На колѣни!“—закричалъ онъ громко.

Но другой голосъ тихо заговорилъ изъ противоположнаго угла залы:—„Я не хочу падать передъ нимъ на колѣни,—говорилъ голосъ, въ которомъ Альбертъ тотчасъ узналъ голосъ Делесова.—Чѣмъ же онъ великъ? И зачѣмъ намъ кланяться передъ нимъ? Развѣ онъ велъ себя честно и справедливо? Развѣ онъ принесъ пользу обществу? Развѣ мы не знаемъ, какъ онъ бралъ взаймы деньги и не отдавалъ ихъ,—какъ онъ унесъ скрипку у своего товарища-артиста и заложилъ ее?... (Боже мой, какъ онъ это все знаетъ!—подумалъ Албертъ, еще ниже опуская голову.) Развѣ мы не знаемъ, какъ онъ льстилъ самымъ ничтожнымъ людямъ, льстилъ изъ-за денегъ?—продолжалъ Делесовъ.—Не знаемъ, какъ его выгнали изъ театра? Какъ Анна Ивановна хотѣла въ полицію послать его?“ (Боже мой, это все правда, но заступись за меня!—проговорилъ Альбертъ.—Ты одинъ знаешь, почему я это дѣлалъ.)

— „Перестаньте, стыдитесь,—заговорилъ опять голосъ Петрова:—какое право имѣете вы обвинять его? Развѣ вы жили его жизнью? Испытывали его восторги? (Правда, правда!—шепталъ Альбертъ.) Искусство есть высочайшее проявленіе могущества въ человѣкѣ. Оно дается рѣдкимъ избраннымъ и поднимаетъ избранника на такую высоту, на которой голова кружится и трудно удержаться здравымъ. Въ искусствѣ, какъ во всякой борьбѣ, есть герои, отдавшіеся всѣ своему служенію и гибнувшіе, не достигнувъ цѣли“.

Петровъ замолчалъ, а Альбертъ поднялъ голову и громко закричалъ:—„Правда! правда!“ Но голосъ его замеръ безъ звука.

— „Не до васъ это дѣло!—строго обратился къ нему художникъ Петровъ.—Да, унижайте, презирайте его,—про-

должалъ онъ, — а изъ всѣхъ насъ онъ лучшій и счастливѣйшій!“

Альбертъ, съ блаженствомъ въ душѣ слушавшій эти слова, не выдержалъ, подошелъ къ другу и хотѣлъ поцѣловать его.

— „Убирайся, я тебя не знаю!—отвѣчалъ Петровъ.—Проходи своею дорогой, а то не дойдешь“...

— Вишь тебя разобрало: не дойдешь!—прокричалъ будочникъ на перекресткѣ.

Альбертъ пріостановился, собралъ всѣ силы и, стараясь не шататься, повернулъ въ переулокъ.

До Анны Ивановны оставалось нѣсколько шаговъ. Изъ сѣней ея дома падалъ свѣтъ на снѣгъ двора и у калитки стояли сани и кареты.

Хватаясь охолодѣвшими руками за перила, онъ взбѣжалъ на лѣстницу и позвонилъ.

Заспанное лицо служанки высунулось въ отверстіе двери и сердито взглянуло на Альберта. „Нельзя! — прокричала она:—не велѣно пускать“, и захлопнула отверстіе. На лѣстницу доходили звуки музыки и женскихъ голосовъ. Альбертъ сѣлъ на полъ, прислонился головой къ стѣнѣ и закрылъ глаза. Въ то же мгновеніе толпы несвязныхъ, но родственныхъ видѣній съ новою силой обступили его, приняли въ свои волны и понесли куда-то туда, въ свободную и прекрасную область мечтаній. Да, онъ лучшій и счастливѣйшій!— невольно повторялось въ его воображеніи. Изъ двери слышались звуки польки. Эти звуки говорили тоже, что онъ лучшій и счастливѣйшій. Въ ближайшей церкви слышался благовѣстъ; и благовѣстъ этотъ говорилъ: да, онъ лучшій и счастливѣйшій. „Но пойду опять въ залу, — подумалъ Альбертъ.—Петровъ еще много долженъ сказать мнѣ“. Въ залѣ

уже никого не было и, вмѣсто художника Петрова, на возвышеніи стоялъ самъ Альбертъ и самъ игралъ на скрипкѣ все то, что̀ прежде говорилъ голосъ. Но скрипка была страннаго устройства: она вся была сдѣлана изъ стекла. И ее надо было обнимать обѣими руками и медленно прижимать къ груди для того, чтобъ она издавала звуки. Звуки были такіе нѣжные и прелестные, какихъ никогда не слыхалъ Альбертъ. Чѣмъ крѣпче прижималъ онъ къ груди скрипку, тѣмъ отраднѣе и слаще ему становилось. Чѣмъ громче становились звуки, тѣмъ шибче разбѣгались тѣни и больше освѣщались стѣны залы прозрачнымъ свѣтомъ. Но надо было очень осторожно играть на скрипкѣ, чтобы не раздавить ея. Альбертъ игралъ на стеклянномъ инструментѣ очень осторожно и хорошо. Онъ игралъ такія вещи, которыхъ,—онъ чувствовалъ,—никто никогда больше не услышитъ. Онъ начиналъ уже уставать, когда другой—дальній, глухой—звукъ развлекъ его. Это былъ звукъ колокола, но звукъ этотъ произносилъ слово: „Да,– говорилъ колоколъ, далеко и высоко гудя гдѣ-то,—онъ вамъ жалокъ кажется, вы его презираете, а онъ лучшій и счастливѣйшій! Никто никогда больше не будетъ играть на этомъ инструментѣ“.

Эти знакомыя слова показались внезапно такъ умны, такъ новы и справедливы Альберту, что онъ пересталъ играть и, стараясь не двигаться, поднялъ руки и глаза къ небу. Онъ чувствовалъ себя прекраснымъ и счастливымъ. Несмотря на то, что въ залѣ никого не было, Альбертъ выпрямилъ грудь и, гордо поднявъ голову, стоялъ на возвышеніи такъ, чтобы всѣ могли его видѣть. Вдругъ чья-то рука слегка дотронулась до его плеча; онъ обернулся и въ полусвѣтѣ увидалъ женщину. Она печально смотрѣла на него и отрицательно

покачивала головой. Онъ тотчасъ же понялъ, что то, что̀ онъ дѣлалъ, было дурно, и ему стало стыдно за себя. „Куда же?"— спросилъ онъ ее. Она еще разъ долго, пристально посмотрѣла на него и печально наклонила голову. Она была та, совершенно та, которую онъ любилъ, и одежда ея была та же; на полной, бѣлой шеѣ была нитка жемчуга и прелестныя руки были обнажены выше локтя. Она взяла его за руку и повела вонъ изъ залы. „Выходъ съ той стороны",—сказалъ Альбертъ, но она, не отвѣчая, улыбнулась и вывела его изъ залы. На порогѣ залы Альбертъ увидалъ луну и воду. Но вода не была внизу, какъ обыкновенно бываетъ, и луна не была наверху,— бѣлый кругъ въ одномъ мѣстѣ,—какъ обыкновенно бываетъ: луна и вода были вмѣстѣ и вездѣ—и наверху, и внизу, и сбоку, и вокругъ ихъ обоихъ. Альбертъ вмѣстѣ съ нею бросился въ луну и воду и понялъ, что теперь можно ему обнять ту, которую онъ любилъ больше всего на свѣтѣ; онъ обнялъ ее и почувствовалъ невыносимое счастіе. „Ужъ не во снѣ ли это?"—спросилъ онъ себя, но нѣтъ, это была дѣйствительность; это было больше, чѣмъ дѣйствительность,—это было дѣйствительность и воспоминаніе. Онъ чувствовалъ, что то невыразимое счастіе, которымъ онъ наслаждался въ настоящую минуту, прошло и никогда на воротится. „О чемъ же я плачу?"—спросилъ онъ у нея. Она молча, печально посмотрѣла на него. Альбертъ понялъ, что она хотѣла сказать этимъ. „Да какже, когда я живъ?"—проговорилъ онъ. Она, не отвѣчая, неподвижно смотрѣла впередъ. „Это ужасно! Какъ растолковать ей, что я живъ?—съ ужасомъ подумалъ онъ.— Боже мой, да я живъ, поймите меня!"—шепталъ онъ.

— „Онъ лучшій и счастливѣйшій",—говорилъ голосъ. Но что-то все сильнѣе и сильнѣе давило Альберта. Было ли то

луна и вода, ея объятія, или слезы,—онъ не зналъ, но чувствовалъ, что не выскажетъ всего, что̀ надо, и что скоро все кончится.

Двое гостей, выходившіе отъ Анны Ивановны, наткнулись на растянувшагося на порогѣ Альберта. Одинъ изъ нихъ вернулся и вызвалъ хозяйку.

— Вѣдь это безбожно!—сказалъ онъ:—вы могли этакъ заморозить человѣка.

— Ахъ, ужъ этотъ мнѣ Альбертъ: вотъ гдѣ сидитъ!—отвѣчала хозяйка. — Аннушка! положите его гдѣ-нибудь въ комнатѣ,—обратилась она къ служанкѣ.

— Да я живъ, зачѣмъ же хоронить меня? — бормоталъ Альбертъ въ то время, какъ его, безчувственнаго, вносили въ комнаты.

ДВА ГУСАРА.

ПОВѢСТЬ

(1856 года).

ДВА ГУСАРА.

ПОВѢСТЬ.

...Жомини да Жомини,
А объ водкѣ ни полслова.
Д. Давыдовъ.

Въ 1800-хъ годахъ, въ тѣ времена, когда не было еще ни желѣзныхъ, ни шоссейныхъ дорогъ, ни газоваго, ни стеариноваго свѣта, ни пружинныхъ низкихъ дивановъ, ни мебели безъ лаку, ни разочарованныхъ юношей со стеклышками, ни либеральныхъ философовъ-женщинъ, ни милыхъ дамъ-камелій, которыхъ такъ много развелось въ наше время,—въ тѣ наивныя времена, когда изъ Москвы, выѣзжая въ Петербургъ, въ повозкѣ или каретѣ, брали съ собой цѣлую кухню домашняго приготовленія, ѣхали восемь сутокъ по мягкой, пыльной или грязной дорогѣ и вѣрили въ пожарскія котлеты, въ валдайскіе колокольчики и бублики,—когда въ длинные, осенніе вечера нагарали сальныя свѣчи, освѣщая семейные кружки изъ двадцати и тридцати человѣкъ, на балахъ въ канделябры вставлялись восковыя и спермацетовыя свѣчи, когда мебель ставили симметрично,—когда наши отцы были еще молоды не однимъ отсутствіемъ морщинъ и

сѣдыхъ волосъ, а стрѣлялись за женщинъ и съ другаго угла комнаты бросались поднимать нечаянно и не-нечаянно уроненные платочки, наши матери носили коротенькія таліи и огромные рукава и рѣшали семейныя дѣла выниманіемъ билетиковъ,—когда прелестныя дамы-камеліи прятались отъ дневнаго свѣта,—въ наивныя времена масонскихъ ложъ, мартинистовъ, тугендбунда, во времена Милорадовичей, Давыдовыхъ, Пушкиныхъ,—въ губернскомъ городѣ К. былъ съѣздъ помѣщиковъ и кончались дворянскіе выборы.

I.

— Ну, все равно, хоть въ залу,—говорилъ молодой офицеръ, въ шубѣ и гусарской фуражкѣ, только-что изъ дорожныхъ саней, входя въ лучшую гостиницу города К.

— Съѣздъ такой, батюшка ваше сіятельство, огромный,—говорилъ корридорный, успѣвшій уже отъ деньщика узнать, что фамилія гусара была графъ Турбинъ, и поэтому величавшій его: „ваше сіятельство". —Афремовская помѣщица съ дочерьми обѣщались къ вечеру выѣхать: такъ вотъ и извольте занять, какъ опростается, одиннадцатый нумеръ,—говорилъ онъ, мягко ступая впереди графа по корридору и безпрестанно оглядываясь.

Въ общей залѣ, передъ маленькимъ столомъ, подлѣ почернѣвшаго, во весь ростъ, портрета императора Александра, сидѣли за шампанскимъ нѣсколько человѣкъ *здѣшнихъ* дворянъ, должно-быть, и въ сторонкѣ какіе-то купцы, проѣзжающіе, въ синихъ шубахъ.

Войдя въ комнату и зазвавъ туда *Блюхера*, огромную сѣрую меделянскую собаку, пріѣхавшую съ нимъ, графъ сбро-

силъ заиндевѣвшую еще на воротникѣ шинель, спросилъ водки и, оставшись въ атласномъ синемъ архалукѣ, подсѣлъ къ столу и вступилъ въ разговоръ съ господами, сидѣвшими тутъ, которые, сейчасъ же расположенные въ пользу пріѣзжаго его прекрасною и открытою наружностью, предложили ему бокалъ шампанскаго. Графъ выпилъ сначала стаканчикъ водки, а потомъ тоже спросилъ бутылку, чтобъ угостить новыхъ знакомыхъ. Вошелъ ямщикъ просить на водку.

— Сашка!—крикнулъ графъ,—дай ему.

Ямщикъ вышелъ съ Сашкой и снова вернулся, держа въ рукѣ деньги.

— Что-жь, батюшка васясо, какъ, кажется, старался твоей милости! Полтинникъ обѣщалъ, а они четвертакъ пожаловали.

— Сашка, давай ему цѣлковый!

Сашка, потупясь, посмотрѣлъ на ноги ямщика.

— Будетъ съ него!—сказалъ онъ басомъ.—Да у меня и денегъ нѣтъ больше.

Графъ досталъ изъ бумажника единственныя двѣ синенькія, которыя были въ немъ, и далъ одну ямщику, который поцѣловалъ его въ ручку и вышелъ,

— Вотъ пригналъ!—сказалъ графъ:—послѣдніе пять рублей.

— По-гусарски, графъ, —улыбаясь, сказалъ одинъ изъ дворянъ, по усамъ, голосу и какой-то энергической развязности въ ногахъ, очевидно, отставной кавалеристъ. — Вы здѣсь долго намѣрены пробыть, графъ?

— Денегъ достать нужно, а то бы я не остался. Да и нумеровъ нѣтъ, чортъ ихъ дери, въ этомъ кабакѣ проклятомъ...

— Позвольте, графъ,—возразилъ кавалеристъ:—да не угод-

но ли ко мнѣ? Я вотъ здѣсь въ седьмомъ нумерѣ... Коль не побрезгаете покамѣстъ переночевать. А вы пробудьте у насъ денька три. Нынче же балъ у предводителя. Какъ бы онъ радъ былъ!

— Право, графъ, погостите,—подхватилъ другой изъ собесѣдниковъ, красивый молодой человѣкъ:—куда вамъ торопиться! А вѣдь это въ три года разъ бываетъ—выборы. Посмотрѣли бы хоть на нашихъ барышенъ, графъ!

— Сашка! давай бѣлье: поѣду въ баню,—сказалъ графъ, вставая.—А оттуда, посмотримъ, можетъ и въ самомъ дѣлѣ къ предводителю дернуть.

Потомъ онъ позвалъ половаго поговорить о чемъ-то съ нимъ, на что половой, усмѣхнувшись, отвѣтилъ: „что все дѣло рукъ человѣческихъ", и вышелъ.

— Такъ я, батюшка, къ вамъ въ нумеръ велю перенести чемоданъ,—крикнулъ графъ изъ-за двери.

— Сдѣлайте одолженіе, осчастливите,—отвѣчалъ кавалеристъ, подбѣгая къ двери.—Седьмой нумеръ не забудьте!

Когда шаги его уже перестали быть слышны, кавалеристъ вернулся на свое мѣсто и, подсѣвъ ближе къ чиновнику и взглянувъ ему прямо улыбающимися глазами въ лицо,—сказалъ:

— А вѣдь это тотъ самый.

— Ну?

— Ужь я тебѣ говорю, что тотъ самый дуэлистъ-гусаръ,—ну, Турбинъ, извѣстный. Онъ меня узналъ,—пари держу, что узналъ. Какже, мы въ Лебедяни съ нимъ кутили вмѣстѣ три недѣли безъ просыпу, когда я за ремонтомъ былъ. Тамъ одна штука была,—мы вмѣстѣ сотворили... А молодчина, а?

— Молодецъ. И какой онъ пріятный въ обращеніи! Ничего такого не замѣтно,—отвѣчалъ красивый молодой чело-

вѣкъ.—Какъ мы скоро сошлись... Что, ему лѣтъ двадцать·пять, не больше?

— Нѣтъ, онъ такъ кажется; только ему больше. Да вѣдь надо знать, кто это. Мигунову кто увезъ?—онъ. Саблина онъ убилъ, Матнева онъ изъ окошка за ноги спустилъ, князя Нестерова онъ обыгралъ на триста тысячъ. Вѣдь это какая отчаянная башка, надо знать. Картежникъ, дуэлистъ, соблазнитель; но гусаръ—душа, ужь истинно душа. Вѣдь только на насъ слава, а коли бы понималъ кто-нибудь, что̀ такое значитъ гусаръ истинный... Ахъ, времячко было!

И кавалеристъ разсказалъ своему собесѣднику такой лебедянскій кутежъ съ графомъ, котораго не только никогда не было, но и не могло быть. Не могло быть, во-первыхъ, потому, что графа онъ никогда прежде не видалъ и вышелъ въ отставку двумя годами раньше, чѣмъ графъ поступилъ на службу, а во-вторыхъ потому, что кавалеристъ никогда даже не служилъ въ кавалеріи, а четыре года служилъ самымъ скромнымъ юнкеромъ въ Бѣлевскомъ полку и, какъ только былъ произведенъ въ прапорщики, вышелъ въ отставку. Но десять лѣтъ тому назадъ, получивъ наслѣдство, онъ ѣздилъ, дѣйствительно, въ Лебедянь, прокутилъ тамъ съ ремонтерами семьсотъ рублей и сшилъ себѣ уже было уланскій мундиръ съ оранжевыми отворотами, съ тѣмъ, чтобы поступить въ уланы. Желаніе поступить въ кавалерію и три недѣли, проведенныя съ ремонтёрами въ Лебедяни, остались самымъ свѣтлымъ, счастливымъ періодомъ въ его жизни, такъ что желаніе это сначала онъ перенесъ въ дѣйствительность, потомъ въ воспоминаніе и самъ уже сталъ твердо вѣрить въ свое кавалерійское прошедшее, что̀ не мѣшало ему быть, по мягкосердечію и честности, истинно достойнѣйшимъ человѣкомъ.

— Да, кто не служилъ въ кавалеріи, тотъ никогда не пойметъ нашего брата.—Онъ сѣлъ верхомъ на стулъ и, выставивъ нижнюю челюсть, заговорилъ басомъ:—Ѣдешь, бывало, передъ эскадрономъ; подъ тобой чортъ, а не лошадь, въ лансадахъ вся; сидишь, бывало, этакъ чортомъ. Подъѣдетъ эскадронный командиръ на смотру. „Поручикъ,—говоритъ,—пожалуйста,—безъ васъ ничего не будетъ,—проведите эскадронъ церемоніаломъ“. Хорошо молъ, а ужъ тутъ есть, оглянешься, крикнешь, бывало, на усачей на своихъ... Ахъ, чортъ возми, времячко было!

Вернулся графъ, весь красный и съ мокрыми волосами, изъ бани и вошелъ прямо въ седьмой нумеръ, въ которомъ уже сидѣлъ кавалеристъ въ халатѣ, съ трубкой, съ наслажденіемъ и нѣкоторымъ страхомъ размышлявшій о томъ счастіи, которое ему выпало на долю—жить въ одной комнатѣ съ извѣстнымъ Турбинымъ. „Ну, что,—приходило ему въ голову,—какъ вдругъ возметъ да раздѣнетъ меня, голаго вывезетъ за заставу да посадитъ въ снѣгъ, или... дегтемъ вымажетъ, или просто... Нѣтъ, по-товарищески не сдѣлаетъ!“—утѣшалъ онъ себя.

— Блюхера накормить, Сашка!—крикнулъ графъ.

Явился Сашка, съ дороги выпившій стаканъ водки и захмѣлѣвшій порядочно.

— Ты ужъ не утерпѣлъ: напился, канальн!... Накормить Блюхера!

— И такъ не издохнетъ: вишь, какой гладкій!—отвѣчалъ Сашка, поглаживая собаку.

— Ну, не разговаривать!... Пошелъ, накорми!

— Вамъ только бы собака сыта была, а человѣкъ выпилъ рюмку, такъ и попрекаете.

— Эй, прибью!—крикнулъ графъ такимъ голосомъ, что стекла задрожали въ окнахъ и кавалеристу даже стало немного страшно.

— Вы бы спросили, ѣлъ ли еще нынче Сашка-то что-нибудь? Что-жъ, бейте, коли вамъ собака дороже человѣка,—проговорилъ Сашка. Но тутъ же получилъ такой страшный ударъ кулакомъ въ лицо, что упалъ, стукнулся головой о перегородку и, схватясь рукой за носъ, выскочилъ въ дверь и повалился на ларь въ корридорѣ.

— Онъ мнѣ зубы разбилъ,—ворчалъ Сашка, вытирая одною рукой окровавленный носъ, а другою почесывая спину облизывавшагося Блюхера:—онъ мнѣ зубы разбилъ, Блюшка, а все онъ—мой графъ, и я за него могу пойти въ огонь, вотъ что̀! Потому онъ—мой графъ, понимаешь, Блюшка?... А ѣсть хочешь?

Полежавъ немного, онъ всталъ, накормилъ собаку и почти трезвый пошелъ прислуживать и предлагать чаю своему графу.

— Вы меня просто обидите,—говорилъ робко кавалеристъ, стоя передъ графомъ, который, задравъ ноги на перегородку, лежалъ на его постели,—я вѣдь тоже старый военный и товарищъ, могу сказать: чѣмъ вамъ у кого-нибудь занимать, я вамъ съ радостію готовъ служить рублей двѣсти. У меня теперь нѣтъ ихъ, а только сто; но я нынче же достану. Вы меня просто обидите, графъ!

— Спасибо, батюшка,—сказалъ графъ, сразу угадавъ тотъ родъ отношеній, который долженъ былъ установиться между ними, трепля по плечу кавалериста,—спасибо! Ну, такъ и на балъ поѣдемъ, коли такъ. А теперь что̀ будемъ дѣлать? Разсказывай, что̀ у васъ въ городѣ есть: хорошенькія кто? кутитъ кто? въ карты кто играетъ?

Кавалеристъ объяснилъ, что хорошенькихъ пропасть на балѣ будетъ, что кутитъ больше всѣхъ исправникъ Колковъ, вновь выбранный, только что удали нѣтъ въ немъ настоящей гусарской, а такъ только... малый добрый; что Илюшкинъ хоръ цыганъ здѣсь съ начала выборовъ поетъ, Стешка запѣваетъ, и что нынче къ нимъ *всѣ* отъ предводителя собираются. И игра есть порядочная,—разсказывалъ онъ:—Лухновъ, пріѣзжій, играетъ, съ деньгами, и Ильинъ, что въ восьмомъ нумерѣ стоитъ, уланскій корнетъ, тоже много проигрываетъ. У него уже началось. Каждый вечеръ играютъ. И какой малый чудесный, я вамъ скажу, графъ, Ильинъ этотъ: вотъ ужъ не скупой,—послѣднюю рубашку отдастъ.

— Такъ пойдемъ къ нему. Посмотримъ, что за народъ такой,—сказалъ графъ.

— Пойдемте, пойдемте! Они ужасно рады будутъ.

II.

Уланскій корнетъ Ильинъ недавно проснулся. Наканунѣ онъ сѣлъ за игру въ восемь часовъ вечера и проигралъ пятнадцать часовъ сряду, до одиннадцати утра. Онъ проигралъ что-то много, но сколько именно—онъ не зналъ, потому что у него было тысячи три своихъ денегъ и пятнадцать тысячъ казенныхъ, которыя онъ давно смѣшалъ вмѣстѣ съ своими и боялся считать, чтобы не убѣдиться въ томъ, что онъ предчувствовалъ, что ужъ и казенныхъ не доставало сколько-то. Онъ заснулъ почти въ полдень и спалъ тѣмъ тяжелымъ сномъ безъ сновидѣній, которымъ спится только очень молодому человѣку и послѣ очень большаго проигрыша. Проснувшись въ шесть часовъ вечера, въ то самое время, какъ графъ Турбинъ пріѣхалъ въ гостиницу, и увидавъ вокругъ

себя на полу карты, мѣлъ и испачканные столы посреди комнаты, онъ съ ужасомъ вспомнилъ вчерашнюю игру и послѣднюю карту, валета, которую ему убили на пятьсотъ рублей, но, не вѣря еще хорошенько дѣйствительности, досталъ изъ-подъ подушки деньги и сталъ считать. Онъ узналъ нѣкоторыя ассигнаціи, которыя углами и транспортами нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки, и вспомнилъ весь ходъ игры. Своихъ трехъ тысячъ уже не было и изъ казенныхъ не доставало уже двухъ съ половиною тысячъ.

Уланъ игралъ четыре ночи сряду.

Онъ ѣхалъ изъ Москвы, гдѣ получилъ казенныя деньги. Въ К. его задержалъ смотритель, подъ предлогомъ неимѣнія лошадей, но въ сущности по уговору, который онъ сдѣлалъ давно съ содержателемъ гостиницы — задерживать на день всѣхъ проѣзжающихъ. Уланъ, молоденькій, веселый мальчикъ, только-что получившій въ Москвѣ отъ родителей три тысячи на обзаведеніе въ полку, былъ радъ пробыть во время выборовъ нѣсколько дней въ городѣ К. и надѣялся тутъ на славу повеселиться. Одинъ помѣщикъ семейный былъ ему знакомъ и онъ сбирался поѣхать къ нему, поволочиться за его дочерьми, когда кавалеристъ явился знакомиться къ улану и въ тотъ же вечеръ, безъ всякой дурной мысли, свелъ его съ своими знакомыми, Лухновымъ и другими игроками, въ общей залѣ. Съ того же вечера уланъ сѣлъ за игру и не только не ѣздилъ къ знакомому помѣщику, но не спрашивалъ больше про лошадей и не выходилъ четыре дня изъ комнаты.

Одѣвшись и напившись чаю, онъ подошелъ къ окну. Ему захотѣлось пройтись, чтобы прогнать неотвязчивыя игорныя воспоминанія. Онъ надѣлъ шинель и вышелъ на улицу. Солнце уже спряталось за бѣлые дома съ красными крышами; насту-

пали уже сумерки. Было тепло. На грязныя улицы тихо падалъ хлопьями влажный снѣгъ. Ему вдругъ стало невыносимо грустно отъ мысли, что онъ проспалъ весь этотъ день, который уже кончался.

„Ужь этого дня, который прошелъ, никогда не воротишь",—подумалъ онъ.

„Погубилъ я свою молодость!"—сказалъ онъ вдругъ самъ себѣ, не потому, чтобъ онъ дѣйствительно думалъ, что онъ погубилъ свою молодость,—онъ даже вовсе и не думалъ объ этомъ,—но такъ ему пришла въ голову эта фраза.

„Что теперь я буду дѣлать?—разсуждалъ онъ:—занять у кого-нибудь и уѣхать". Какая-то барыня прошла по тротуару. „Вотъ такъ глупая барыня!"—подумалъ онъ отчего-то. „Занять-то не у кого... Погубилъ я свою молодость!" Онъ подошелъ къ рядамъ. Купецъ въ лисьей шубѣ стоялъ у дверей лавки и зазывалъ къ себѣ. „Коли бы восьмерку я не снялъ, я бы отыгрался". Нищая старуха хныкала, слѣдуя за нимъ. „Занять-то не у кого". Какой-то господинъ въ медвѣжьей шубѣ проѣхалъ, булочникъ стоитъ. „Чтò бы сдѣлать такое необыкновенное? Выстрѣлить въ нихъ? Нѣтъ, скучно. Погубилъ я свою молодость... Ахъ, хомуты славные съ наборомъ висятъ! Вотъ бы на тройку сѣсть. Эхъ вы, голубчики! Пойду домой. Лухновъ скоро придетъ, играть станемъ". Онъ вернулся домой и еще разъ счелъ деньги. Нѣтъ, онъ не ошибся въ первый разъ: опять изъ казенныхъ не доставало 2.500 рублей. „Поставлю первую 25, вторую—уголъ... на семь кушей, на 15, на 30, на 60...=3.000. Куплю хомуты и уѣду. Не дастъ, злодѣй! Погубилъ я свою молодость". Вотъ что происходило въ головѣ улана въ то время, какъ Лухновъ, дѣйствительно, вошелъ къ нему.

— Что, давно встали, Михайло Васильевичъ?— спросилъ Лухновъ, медлительно снимая съ сухаго носа золотыя очки и старательно вытирая ихъ краснымъ шелковымъ платкомъ.

— Нѣтъ, сейчасъ только. Отлично спалъ.

— Какой-то гусаръ пріѣхалъ, остановился у Завальшевскаго... не слыхали?

— Нѣтъ, не слыхалъ. А что же еще никого нѣтъ?

— Зашли, кажется, къ Пряхину. Сейчасъ придутъ.

Дѣйствительно, скоро вошли въ нумеръ: гарнизонный офицеръ, всегда сопутствовавшій Лухнову; купецъ какой-то изъ грековъ, съ огромнымъ горбатымъ носомъ коричневаго цвѣта и впалыми черными глазами; толстый, пухлый помѣщикъ, винокуренный заводчикъ, игравшій, по цѣлымъ ночамъ, всегда семпелями по полтиннику. Всѣмъ хотѣлось начать игру поскорѣе; но главные игроки ничего не говорили объ этомъ предметѣ, особенно Лухновъ, чрезвычайно спокойно разсказывавшій о мошенничествѣ въ Москвѣ.

— Надо вообразить,—говорилъ онъ:—Москва—первопрестольный градъ, столица—и по ночамъ ходятъ съ крюками, въ чертей наряжены, глупую чернь пугаютъ, грабятъ проѣзжихъ — и конецъ. Что полиція смотритъ, вотъ что мудрено!

Уланъ слушалъ внимательно разсказъ о мошенникахъ, но въ концѣ его всталъ и велѣлъ потихоньку подать карты. Толстый помѣщикъ первый высказался.

— Что-жъ, господа, золотое-то времячко терять! За дѣло, такъ за дѣло.

— Да, вы по полтинничкамъ натаскали вчера, такъ вамъ и нравится,—сказалъ грекъ.

— Точно, пора бы,—сказалъ гарнизонный офицеръ.

Ильинъ посмотрѣлъ на Лухнова. Лухновъ продолжалъ спокойно, глядя ему въ глаза, исторію о мошенникахъ, наряженныхъ въ чертей съ когтями.

— Будемъ метать? — спросилъ уланъ.

— Не рано ли?

— Бѣловъ! — крикнулъ уланъ, покраснѣвъ отчего-то: — принеси мнѣ обѣдать, — я еще не ѣлъ ничего, господа, — шампанскаго принеси и карты подай.

Въ это время въ нумеръ вошли графъ и Завальшевскій. Оказалось, что Турбинъ и Ильинъ были одной дивизіи. Они тотчасъ же сошлись, чокнувшись выпили шампанскаго и черезъ пять минутъ они уже были на *ты*. Казалось, Ильинъ очень понравился графу. Графъ все улыбался, глядя на него, и подтрунивалъ надъ его молодостью.

— Экой молодчина уланъ! — говорилъ онъ. — Усищи-то, усищи-то!

У Ильина и пушокъ на губѣ былъ совершенно бѣлый.

— Что, вы играть собираетесь, кажется? — сказалъ графъ. — Ну, желаю тебѣ выиграть, Ильинъ! Ты, я думаю, мастеръ? — прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Да вотъ собираются, — отвѣчалъ Лухновъ, раздирая дюжину картъ. — А вы, графъ, не изволите?

— Нѣтъ, нынче не буду. А то-бъ я васъ всѣхъ вздулъ. Я какъ пойду гнуть, такъ у меня всякій банкъ затрещитъ! Не на что. Проигрался подъ Волочкомъ на станціи. Попался мнѣ тамъ пѣхоташка какой-то, съ перстнями, — должно-быть шулеръ, — и облопошилъ дочиста.

— Развѣ ты долго сидѣлъ тамъ на станціи? — спросилъ Ильинъ.

— Двадцать-два часа просидѣлъ. Памятна эта станція, проклятая! Ну, да и смотритель не забудетъ...

— А что̀?

— Пріѣзжаю, знаешь, выскочилъ смотритель: мошенницкая рожа, плутовская. „Лошадей нѣтъ", говоритъ,—а у меня, надо тебѣ сказать, законъ: какъ лошадей нѣтъ, я не снимаю шубы и отправляюсь къ смотрителю въ комнату,—знаешь, не въ казенную, а къ смотрителю,—и приказываю отворить настежъ всѣ двери и форточки: угарно будто бы. Ну, и тутъ тоже. А морозы,—помнишь, какіе были въ прошломъ мѣсяцѣ?—градусовъ двадцать было. Смотритель разговаривать было сталъ, я его въ зубы. Тутъ старуха какая-то, дѣвчонки, бабы пискъ подняли, похватали горшки и бѣжать было на деревню... Я къ двери, говорю: давай лошадей, такъ уѣду,—а то не выпущу, всѣхъ заморожу!

— Вотъ такъ отличная манера! — сказалъ пухлый помѣщикъ, заливаясь хохотомъ: — это какъ тараканов вымораживаютъ.

— Только не укараулилъ я какъ-то, вышелъ,—и удралъ отъ меня смотритель со всѣми бабами. Одна старуха осталась у меня подъ залогъ, на печкѣ; она все чихала и Богу молилась. Потомъ мы ужъ переговоры вели: смотритель приходилъ и издалека все уговаривалъ, чтобъ отпустить старуху, а я его Блюхеромъ притравливалъ,—отлично беретъ смотрителей Блюхеръ! Такъ и не далъ мерзавецъ лошадей до другаго утра. Да тутъ подъѣхалъ этотъ пѣхоташка. Я ушелъ въ другую комнату и сталъ играть. Вы видѣли Блюхера?... Блюхеръ!... Фю!

Вбѣжалъ Блюхеръ. Игроки снисходительно занялись имъ, хотя видно было, что имъ хотѣлось заниматься совершенно другимъ дѣломъ.

— Однако, что же вы, господа, не играете? Пожалуйста, чтобъ я вамъ не мѣшалъ. Вѣдь я болтунъ, — сказалъ Турбинъ:—*любишь не любишь*—дѣло хорошее.

III.

Лухновъ придвинулъ къ себѣ двѣ свѣчи, досталъ огромный, наполненный деньгами, коричневый бумажникъ, медлительно, какъ бы совершая какое-то таинство, открылъ его на столѣ, вынулъ оттуда двѣ сторублевыя бумажки и положилъ ихъ подъ карты.

— Такъ же, какъ вчера, банку двѣсти, — сказалъ онъ, поправляя очки и распечатывая колоду.

— Хорошо,—сказалъ, не глядя на него, Ильинъ, между разговоромъ, который онъ велъ съ Турбинымъ.

Игра завязалась. Лухновъ металъ отчетливо, какъ машина, изрѣдка останавливаясь и неторопливо записывая или строго взглядывая сверхъ очковъ и слабымъ голосомъ говоря: „пришлите“. Толстый помѣщикъ говорилъ громче всѣхъ, дѣлая самъ съ собой вслухъ различныя соображенія, и мусолилъ пухлые пальцы, загибая карты. Гарнизонный офицеръ молча, красиво подписывалъ подъ картой и подъ столомъ загибалъ маленькіе уголки. Грекъ сидѣлъ сбоку банкомета и внимательно слѣдилъ своими впалыми, черными глазами за игрой, выжидая чего-то. Завальшевскій, стоя у стола, вдругъ весь приходилъ въ движеніе, доставалъ изъ кармана штановъ красненькую или синенькую, клалъ сверхъ нея карту, прихлопывая по ней ладонью, приговаривалъ: «вывези, семёрочка!“—закусывалъ усы, переминался съ ноги на ногу, краснѣлъ и приходилъ весь въ движеніе, продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока не выходила карта. Ильинъ ѣлъ телятину съ

огурцами, поставленную подлѣ него на волосяномъ диванѣ, и, быстро обтирая руки о сюртукъ, ставилъ одну карту за другою. Турбинъ, сидѣвшій сначала на диванѣ, тотчасъ же замѣтилъ, въ чемъ дѣло. Лухновъ не глядѣлъ вовсе на улана и ничего не говорилъ ему; только изрѣдка очки его на мгновеніе направлялись на руки улана, но большая часть его картъ проигрывала.

— Вотъ бы мнѣ эту карточку убить,—приговаривалъ Лухновъ про карту толстаго помѣщика, игравшаго по полтинѣ.

— Вы бейте у Ильина, а мнѣ-то чтò? — замѣтилъ помѣщикъ.

И, дѣйствительно, Ильина карты бились чаще другихъ. Онъ нервически раздиралъ подъ столомъ проигравшую карту и дрожащими руками выбиралъ другую. Турбинъ всталъ съ дивана и попросилъ грека пустить его сѣсть подлѣ банкомета. Грекъ пересѣлъ на другое мѣсто, а графъ, сѣвъ на его стулъ, не спуская глазъ, пристально началъ смотрѣть на руки Лухнова.

— Ильинъ!—сказалъ онъ вдругъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ, который, совершенно невольно для него, заглушалъ всѣ другіе: — зачѣмъ рутерокъ держишься? Ты не умѣешь играть.

— Ужъ какъ ни играй, все равно!

— Такъ ты навѣрно проиграешь. Дай я за тебя попонтирую.

— Нѣтъ, извини, пожалуйста,—ужъ я всегда самъ. Играй за себя, ежели хочешь.

— За себя, я сказалъ, не буду играть; я за тебя хочу. Мнѣ досадно, что ты проигрываешься.

— Ужъ, видно, судьба!

Графъ замолчалъ и, облокотясь, опять такъ же пристально сталъ смотрѣть на руки банкомета.

—Скверно!—вдругъ проговорилъ онъ громко и протяжно.

Лухновъ оглянулся на него.

— Скверно, скверно!—вдругъ проговорилъ онъ еще громче, глядя прямо въ глаза Лухнову.

Игра продолжалась.

— Не-хо-ро-шо! — опять сказалъ Турбинъ, только-что Лухновъ убилъ большую карту Ильина.

— Что это вамъ не нравится, графъ? — учтиво и равнодушно спросилъ банкометъ.

— А то, что вы Ильину семпеля даете, а углы бьете. Вотъ что̀ скверно.

Лухновъ сдѣлалъ плечами и бровями легкое движеніе, выражавшее совѣтъ во всемъ предаваться судьбѣ, и продолжалъ играть.

— Блюхеръ! фю!—крикнулъ графъ, вставая:—узи его,—прибавилъ онъ быстро.

Блюхеръ, стукнувшись спиной о диванъ и чуть не сбивъ съ ногъ гарнизоннаго офицера, выскочилъ оттуда, подбѣжалъ къ своему хозяину и зарычалъ, оглядываясь на всѣхъ и махая хвостомъ, какъ будто спрашивая: „кто тутъ грубитъ, а?

Лухновъ положилъ карты и со стуломъ отодвинулся въ сторону.

— Этакъ нельзя играть,—сказалъ онъ:—я ужасно собакъ не люблю. Что̀-жъ за игра, когда цѣлую псарню приведутъ!

— Особенно эти собаки: онѣ піявки называются, кажется,—поддакнулъ гарнизонный офицеръ.

— Что-жъ, будемъ играть, Михайло Васильичъ, или нѣтъ?—сказалъ Лухновъ хозяину.

— Не мѣшай намъ, пожалуйста, графъ!—обратился Ильинъ къ Турбину.

— Поди сюда на минутку,—сказалъ Турбинъ, взявъ Ильина за руку, и вышелъ съ нимъ за перегородку.

Оттуда были совершенно ясно слышны слова графа, говорившаго своимъ обыкновеннымъ голосомъ. А голосъ у него былъ такой, что его всегда было слышно за три комнаты.

— Что, ты ошалѣлъ, что ли? Развѣ не видишь, что этотъ господинъ въ очкахъ—шулеръ первой руки?

— Э, полно, что ты говоришь!

— Не полно, а брось, я тебѣ говорю. Мнѣ бы все равно. Въ другой бы разъ я бы самъ тебя обыгралъ, да такъ мнѣ что-то жалко, что ты продуешься. Еще нѣтъ ли у тебя казенныхъ денегъ?

— Нѣтъ... Да и съ чего ты выдумалъ?

— Я, братъ, самъ по этой дорожкѣ бѣгалъ, такъ всѣ шулерскіе пріемы знаю: я тебѣ говорю, что въ очкахъ—это шулеръ. Брось, пожалуйста! Я тебя прошу какъ товарища.

— Ну, вотъ я только одну талію и кончу.

— Знаю, какъ одну; ну, да посмотримъ.

Вернулись. Въ одну талію Ильинъ поставилъ столько картъ и столько ихъ ему убили, что онъ проигралъ много.

Турбинъ положилъ руки на середину стола.

— Ну, баста! Пойдемъ.

— Нѣтъ, ужъ я не могу. Оставь меня, пожалуйста!—сказалъ съ досадой Ильинъ, тасуя гнутыя карты и не глядя на Турбина.

— Ну, чортъ съ тобой! Проигрывай навѣрняка, коли тебѣ нравится, а мнѣ пора.

— Завальшевскій! поѣдемъ къ предводителю.

И они вышли. Всѣ молчали, и Лухновъ не металъ до тѣхъ поръ, пока стукъ ихъ шаговъ и когтей Блюхера не замеръ по корридору.

— Эка батюшка!—сказалъ помѣщикъ, смѣясь.

— Ну, теперь не будетъ мѣшать,—прибавилъ торопливо и еще шепотомъ гарнизонный офицеръ.

И игра продолжалась.

IV.

Музыканты, дворовые люди предводителя, стоя въ буфетѣ, очищенномъ на случай бала, уже заворотивъ рукава сюртуковъ, по данному знаку, заиграли старинный польскій „Александръ-Елисавета“ и, при яркомъ и мягкомъ освѣщеніи восковыхъ свѣчъ, по большой паркетной залѣ начинали плавно проходить: екатерининскій генералъ-губернаторъ, со звѣздой, подъ руку съ худощавою предводительшей, предводитель подъ руку съ губернаторшей и т. д. губернскія власти, въ различныхъ сочетаніяхъ и перемѣщеніяхъ,—когда Завальшевскій, въ синемъ фракѣ съ огромнымъ воротникомъ и буфами на плечахъ, въ чулкахъ и башмакахъ, распространяя вокругъ себя запахъ жасминныхъ духовъ, которыми были обильно спрыснуты его усы, лацкана и платокъ, вмѣстѣ съ красавцемъ-гусаромъ, въ голубыхъ обтянутыхъ рейтузахъ и шитомъ золотомъ красномъ ментикѣ, на которомъ висѣли Владимірскій крестъ и медаль двѣнадцатаго года, вошли въ залу. Графъ былъ не высокъ ростомъ, но отлично, красиво сложенъ. Ясно-голубые и чрезвычайно блестящіе глаза и довольно большіе, вьющіеся густыми кольцами, темнорусые волосы придавали его красотѣ замѣчательный характеръ. Пріѣздъ графа на балъ былъ ожидаемъ: красивый молодой че-

ловѣкъ, видѣвшій его въ гостиницѣ, повѣстилъ о томъ предводителя. Впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ, было различно, но вообще не совсѣмъ пріятно. „Еще на смѣхъ подыметъ этотъ мальчишка", было мнѣніе старухъ и мужчинъ. „Что, если онъ меня похититъ?" было болѣе или менѣе мнѣніе молодыхъ женщинъ и барышенъ.

Какъ только польскій кончился и пары взаимно раскланивались, снова отдѣляясь женщины къ женщинамъ, мужчины къ мужчинамъ, Завальшевскій, счастливый и гордый, подвелъ графа къ хозяйкѣ. Предводительша, испытывая нѣкоторый внутренній трепетъ, чтобы гусаръ этотъ не сдѣлалъ съ ней при всѣхъ какого-нибудь скандала, гордо и презрительно отворотясь, сказала: „очень рада-съ, надѣюсь, будете танцовать", и недовѣрчиво взглянула на него, съ выраженіемъ, говорившимъ; „ужъ ежели ты женщину обидишь, то ты совершенный подлецъ послѣ этого". Графъ, однако, скоро побѣдилъ это предубѣжденіе своею любезностью, внимательностью и прекрасною, веселою наружностью, такъ что чрезъ пять минутъ выраженіе лица предводительши уже говорило всѣмъ окружающимъ: „я знаю, какъ вести этихъ господъ: онъ сейчасъ понялъ, съ кѣмъ говоритъ. Вотъ и будетъ со мной весь вечеръ любезничать". Однако, тутъ же подошелъ къ графу губернаторъ, знавшій его отца, и весьма благосклонно отвелъ его въ сторону и поговорилъ съ нимъ, что̀ еще больше успокоило губернскую публику и возвысило въ ея мнѣніи графа. Потомъ Завальшевскій подвелъ его знакомить къ своей сестрѣ—молодой, полненькой вдовушкѣ, съ самаго пріѣзда графа впившейся въ него своими большими черными глазами. Графъ позвалъ вдовушку танцовать вальсъ, который заиграли въ это время музыканты, и уже оконча-

тельно своимъ искусствомъ танцовать побѣдилъ общее предубѣжденіе.

— А мастеръ танцовать!—сказала толстая помѣщица, слѣдя за ногами въ синихъ рейтузахъ, мелькавшими по залѣ, и мысленно считая: разъ, два, три; разъ, два, три,—мастеръ.

— Такъ и строчитъ, такъ и строчитъ,—сказала другая пріѣзжая, считавшаяся дурнаго тона въ губернскомъ обществѣ:—какъ онъ шпорами не задѣнетъ! Удивительно, очень ловокъ!

Графъ затмилъ своимъ искусствомъ танцовать трехъ лучшихъ танцоровъ въ губерніи: и высокаго бѣлобрысаго адъютанта губернаторскаго, отличавшагося своей быстротой въ танцахъ и тѣмъ, что онъ держалъ даму очень близко, и кавалериста, отличавшагося граціознымъ раскачиваніемъ во время вальса и частымъ, но легкимъ притопываніемъ каблучка, и еще другаго штатскаго, про котораго всѣ говорили, что онъ хотя и не далекъ по уму, но танцоръ превосходный и душа всѣхъ баловъ. Дѣйствительно, этотъ штатскій съ начала бала и до конца приглашалъ всѣхъ дамъ, по порядку, какъ онѣ сидѣли, не переставалъ танцовать ни на минуту, и только изрѣдка останавливался, чтобъ обтереть, сдѣлавшимся совершенно мокрымъ, батистовымъ платочкомъ изнуренное, но веселое лицо. Графъ затмилъ всѣхъ ихъ и танцовалъ съ тремя главными дамами: съ большою—богатою, красивою и глупою, съ среднею—худощавою, не слишкомъ красивою, но прекрасно одѣвающеюся, и съ маленькою—не красивою, но очень умною дамой. Онъ танцовалъ и съ другими, со всѣми хорошенькими, а хорошенькихъ было много. Но вдовушка, сестра Завальшевскаго, больше всѣхъ понравилась графу: съ нею онъ танцовалъ и кадриль,

и экосесъ, и мазурку. Онъ началъ съ того, когда они усѣлись въ кадрили, что наговорилъ ей много комплиментовъ, сравнивая ее съ Венерой и съ Діаной, и съ розаномъ, и еще съ какимъ-то цвѣткомъ. На всѣ эти любезности вдовушка только сгибала бѣлую шейку, опускала глазки, глядя на свое бѣлое, кисейное платьице, или изъ одной руки въ другую перекладывая опахало. Когда же она говорила: „полноте, графъ, вы шутите“ и т. п., голосъ ея, немного горловой, звучалъ такимъ наивнымъ простодушіемъ и смѣшною глупостью, что, глядя на нее, дѣйствительно приходило въ голову, что это не женщина, а цвѣтокъ, и не розанъ, а какой-то дикій, бѣлорозовый, пышный цвѣтокъ, безъ запаха, выросшій одинъ изъ дѣвственнаго снѣжнаго сугроба въ какой-нибудь очень далекой землѣ.

Такое странное впечатлѣніе производило на графа это соединеніе наивности и отсутствія всего условнаго съ свѣжею красотой, что нѣсколько разъ въ промежутки разговора, когда онъ молча смотрѣлъ ей въ глаза или на прекрасныя линіи рукъ и шеи, ему приходило въ голову съ такою силой желаніе вдругъ схватить ее на руки и расцѣловать, что онъ серьёзно долженъ былъ удерживаться. Вдовушка съ удовольствіемъ замѣчала впечатлѣніе, которое она производила; но что-то ее начинало тревожить и пугать въ обращеніи графа, несмотря на то, что молодой гусаръ былъ, вмѣстѣ съ заискивающею любезностью, почтителенъ, по теперешнимъ понятіямъ, до приторности. Онъ бѣгалъ ей за оршадомъ, подымалъ платокъ, вырвалъ стулъ изъ рукъ какого-то золотушнаго молодаго помѣщика, который хотѣлъ тоже прислужить ей, чтобы подать его скорѣе, и т. д.

Замѣтивъ, что свѣтская, тогдашняго времени, любезность

мало дѣйствовала на его даму, онъ попробовалъ смѣшить ее, разсказывая ей забавные анекдоты: увѣрялъ, что онъ, если она прикажетъ, готовъ сейчасъ стать на голову, закричать пѣтухомъ, выскочить въ окно или броситься въ прорубь. Это совершенно удалось: вдовушка развеселилась и какъ-то переливами смѣялась, показывая чудные бѣлые зубки, и была совершенно довольна своимъ кавалеромъ. Графу же она съ каждою минутой все болѣе и болѣе нравилась, такъ что, подъ конецъ кадрили, онъ былъ искренно влюбленъ въ нее.

Когда, послѣ кадрили, ко вдовушкѣ подошелъ ея давнишній восемнадцатилѣтній обожатель, неслужащій сынъ самаго богатаго помѣщика, золотушный молодой человѣкъ, тотъ самый, у котораго вырвалъ стулъ Турбинъ, она приняла его чрезвычайно холодно, и въ ней не было замѣтно и десятой доли того смущенія, которое она испытывала съ графомъ.

— Хороши вы!—сказала она ему, глядя въ это время на спину Турбина и безсознательно соображая, сколько аршинъ золотаго шнурка пошло на всю куртку,—хороши вы: обѣщали за мной заѣхать кататься и конфектъ мнѣ привезти.

— Да я вѣдь пріѣзжалъ, Анна Ѳедоровна, а васъ уже не было, и конфекты самыя лучшія оставилъ,—сказалъ молодой человѣкъ, несмотря на высокій ростъ, очень тоненькимъ голоскомъ.

— Вы найдете всегда отговорки!... Не нужно мнѣ вашихъ конфектъ. Пожалуйста не думайте...

— Я ужъ вижу, Анна Ѳедоровна, какъ вы ко мнѣ перемѣнились, и не знаю отчего. Только это не хорошо,—прибавилъ онъ, по видимо не докончилъ своей рѣчи отъ какого-то внутренняго сильнаго волненія, заставившаго весьма быстро и странно дрожать его губы.

Анна Өедоровна не слушала его и продолжала слѣдить глазами за Турбинымъ.

Предводитель, хозяинъ дома, величаво-толстый, беззубый старикъ, подошелъ къ графу и, взявъ его подъ руку, пригласилъ въ кабинетъ покурить и выпить, ежели угодно. Какъ только Турбинъ вышелъ, Анна Өедоровна почувствовала, что въ залѣ совершенно нечего дѣлать, и, взявъ подъ руку старую, сухую барышню, свою пріятельницу, вышла съ ней въ уборную.

— Ну, что, милъ?—спросила барышня.

— Только ужасно какъ пристаетъ,—отвѣчала Анна Өедоровна, подходя къ зеркалу и глядясь въ него.

Лицо ея просіяло, глаза засмѣялись, она покраснѣла даже, и вдругъ, подражая балетнымъ танцовщицамъ, которыхъ видѣла на этихъ выборахъ, перевернулась на одной ножкѣ, потомъ засмѣялась своимъ горловымъ, но милымъ смѣхомъ, и припрыгнула даже, поджавъ колѣни.

— Каковъ? онъ у меня сувениръ просилъ,—сказала она пріятельницѣ:—только ничего ему не бу-у-у-детъ, пропѣла она послѣднее слово и подняла одинъ палецъ въ лайковой, до локтя высокой, перчаткѣ...

Въ кабинетѣ, куда привелъ предводитель Турбина, стояли разныхъ сортовъ водки, наливки, закуски и шампанское. Въ табачномъ дыму сидѣли и ходили дворяне, разговаривая о выборахъ.

— Когда все благородное дворянство нашего уѣзда почтило его выборомъ,—говорилъ вновь выбранный исправникъ, уже значительно выпившій,—то онъ не долженъ былъ манкировать передъ всѣмъ обществомъ, никогда не долженъ былъ...

Приходъ графа прервалъ разговоръ. Всѣ стали съ нимъ знакомиться, и особенно исправникъ обѣими руками долго жалъ его руку и нѣсколько разъ просилъ, чтобъ онъ не отказался ѣхать съ ними въ компаніи послѣ бала въ новый трактиръ, гдѣ онъ угощаетъ дворянъ и гдѣ цыгане будутъ пѣть. Графъ обѣщалъ непремѣнно быть и выпилъ съ нимъ нѣсколько бокаловъ шампанскаго.

— Что-жъ вы не танцуете, господа?—спросилъ онъ передъ тѣмъ, какъ выходить изъ комнаты.

— Мы не танцоры,—отвѣчалъ исправникъ, смѣясь:—мы больше насчетъ вина, графъ... А впрочемъ, вѣдь это при мнѣ повыросло, всѣ эти барышни, графъ. Я этакъ иногда тоже въ экосесѣ пройдусь, графъ... могу, графъ...

— А пойдемъ теперь пройдемся,—сказалъ Турбинъ,—разгуляемся передъ цыганами.

— Что-жъ, пойдемте, господа, потѣшимъ хозяина!

И человѣка три дворянъ, съ самаго начала бала пившіе въ кабинетѣ, съ красными лицами, надѣли кто черныя, кто шелковыя вязаныя перчатки, и вмѣстѣ съ графомъ уже собрались идти въ залу, когда ихъ задержалъ золотушный молодой человѣкъ, весь блѣдный и едва удерживая слезы, подошедшій къ Турбину.

— Вы думаете, что вы—графъ, такъ можете толкаться, какъ на базарѣ?—говорилъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе.—Оттого, что это неучтиво...

Снова противъ его воли запрыгавшія губы остановили потокъ его рѣчи.

— Что?—крикнулъ Турбинъ, вдругъ нахмурившись.—Что?... Мальчишка!—крикнулъ онъ, схватилъ его за руки и сжавъ такъ, что у молодаго человѣка кровь въ голову бросилась

не столько отъ досады, сколько отъ страха.—Что, вы стрѣляться хотите?—такъ я къ вашимъ услугамъ!

Едва Турбинъ выпустилъ руки, которыя онъ сжалъ такъ крѣпко, какъ уже двое дворянъ подхватили подъ руки молодаго человѣка и потащили къ задней двери.

— Что вы, съ ума сошли? Вы напились вѣрно? Вотъ папенькѣ сказать! Что съ вами?—говорили они ему.

— Нѣтъ, не напился, а онъ толкается и не извиняется. Онъ—свинья, вотъ что!—пищалъ молодой человѣкъ, уже совершенно расплакавшись.

Однако его не послушали и увезли домой.

— Полноте, графъ!—увѣщевали, съ своей стороны, Турбина исправникъ и Завальшевскій:—вѣдь ребенокъ, его сѣкутъ еще, ему вѣдь шестнадцать лѣтъ... И что съ нимъ сдѣлалось, нельзя понять. Какая его муха укусила? И отецъ его почтенный такой человѣкъ, кандидатъ нашъ.

— Ну, чортъ съ нимъ, коли не хочетъ!...

И графъ вернулся въ залу и такъ же, какъ и прежде, весело танцовалъ экосесъ съ хорошенькою вдовушкой и отъ всей души хохоталъ, глядя на па, которыя выдѣлывали господа, вышедшіе съ нимъ изъ кабинета, и залился звонкимъ хохотомъ на всю залу, когда исправникъ поскользнулся и во весь ростъ шлепнулся по серединѣ танцующихъ.

V.

Анна Ѳедоровна, въ то время, какъ графъ ходилъ въ кабинетъ, подошла къ брату и, почему-то сообразивъ, что нужно притвориться весьма мало интересующеюся графомъ, стала распрашивать: „Что это за гусаръ такой, что со мной танцовалъ, скажите, братецъ?“ Кавалеристъ объяснилъ, сколь-

ко могъ, сестрицѣ, какой былъ великій человѣкъ этотъ гусаръ, и при этомъ разсказалъ, что графъ здѣсь остался потому только, что у него деньги дорогой украли и что онъ самъ далъ ему сто рублей взаймы, но этого мало, такъ не можетъ ли сестрица ссудить ему еще рублей двѣсти; но Завальшевскій просилъ про это никому, и особенно графу, отнюдь ничего не говорить. Анна Ѳедоровна обѣщала прислать нынче же и держать дѣло въ секретѣ, но почему-то, во время экосеса, ей ужасно захотѣлось предложить самой графу сколько онъ хочетъ денегъ. Она долго сбиралась, краснѣла и, наконецъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, такимъ образомъ приступила къ дѣлу:

— Мнѣ братецъ говорилъ, что у васъ, графъ, на дорогѣ несчастіе было и денегъ теперь нѣтъ. А если нужны вамъ, не хотите ли у меня взять?—я бы ужасно рада была.

Но выговоривъ это, Анна Ѳедоровна вдругъ чего-то испугалась и покраснѣла. Вся веселость мгновенно исчезла съ лица графа.

— Вашъ братецъ дуракъ!—сказалъ онъ рѣзко.—Вы знаете, что когда мужчина оскорбляетъ мужчину, тогда стрѣляются; а когда женщина оскорбляетъ мужчину, тогда что дѣлаютъ, знаете ли вы?

У бѣдной Анны Ѳедоровны покраснѣли шея и уши отъ смущенія. Она потупилась и не отвѣчала.

— Женщину цѣлуютъ при всѣхъ,—тихо сказалъ графъ, нагнувшись ей на ухо.—Мнѣ позвольте хоть вашу ручку поцѣловать,—потихоньку прибавилъ онъ послѣ долгаго молчанія, сжалившись надъ смущеніемъ своей дамы.

— Ахъ, только не сейчасъ!—проговорила Анна Ѳедоровна, тяжело вздыхая.

— Такъ когда же? Я завтра рано ѣду... А ужъ вы мнѣ это должны.

— Ну, такъ, стало-быть, нельзя,—сказала Анна Ѳедоровна, улыбаясь.

— Вы только позвольте мнѣ найти случай видѣть васъ нынче, чтобы поцѣловать вашу руку. Я ужъ найду его.

— Да какъ же вы найдете?

— Это не ваше дѣло. Чтобы видѣть васъ, для меня все возможно... Такъ хорошо?

— Хорошо.

Экосесъ кончился; протанцовали еще мазурку, въ которой графъ дѣлалъ чудеса, ловя платки, становясь на одно колѣно и прихлопывая шпорами какъ-то особенно, по-варшавски, такъ что всѣ старики вышли изъ-за бостона смотрѣть въ залу, и кавалеристъ, лучшій танцоръ, созналъ себя превзойденнымъ. Поужинали, протанцовали еще гросъ-фатеръ и стали разъѣзжаться. Графъ во все время не спускалъ глазъ со вдовушки. Онъ не притворялся, говоря, что для нея готовъ былъ броситься въ прорубь. Прихоть ли, любовь ли, упорство ли, но въ этотъ вечеръ всѣ его душевныя силы были сосредоточены на одномъ желаніи—видѣть и любить ее. Только-что онъ замѣтилъ, что Анна Ѳедоровна стала прощаться съ хозяйкой, онъ выбѣжалъ въ лакейскую, а оттуда, безъ шубы, на дворъ къ тому мѣсту, гдѣ стояли экипажи.

— Анны Ѳедоровны Зайцовой экипажъ!—закричалъ онъ. Высокая четвероместная карета съ фонарями сдвинулась съ мѣста и подъѣхала къ крыльцу.—Стой!—закричалъ онъ кучеру, по колѣно въ снѣгу подбѣгая къ каретѣ.

— Чего надо?—отозвался кучеръ.

— Въ карету надо сѣсть,—отвѣчалъ графъ, на ходу от-

воряя дверцы и стараясь влѣзть. — Стой же, чортъ! Дурень!

— Васька, стой!—крикнулъ кучеръ на форрейтора и остановилъ лошадей.—Что-жъ въ чужую карету лѣзете? Это барыни Анны Ѳедоровны карета, а не вашей милости карета.

-- Ну, молчи-жъ, болванъ! Нà тебѣ цѣлковый, да слѣзь, закрой дверцы, говорилъ графъ. Но такъ какъ кучеръ не шевелился, то онъ самъ подобралъ ступеньки и, открывъ окно, кое-какъ захлопнулъ дверцы. Въ каретѣ, какъ и во всѣхъ старыхъ каретахъ, въ особенности обитыхъ желтымъ басономъ, пахло какою-то гнилью и горѣлою щетиной. Ноги графа были по колѣно въ таломъ снѣгу и сильно зябли въ тонкихъ сапогахъ и рейтузахъ, да и все тѣло прохватывалъ зимній холодъ. Кучеръ ворчалъ на козлахъ и, кажется, сбирался слѣзть. Но графъ ничего не слыхалъ и не чувствовалъ. Лицо его горѣло, сердце его сильно стучало. Онъ напряженно схватился за желтый ремень, высунулся въ боковое окно, и вся жизнь его сосредоточилась въ одномъ ожиданіи. Ожиданіе это продолжалось недолго. На крыльцѣ закричали: „Зайцовой карету!“—кучеръ зашевелилъ возжами, кузовъ заколыхался на высокихъ рессорахъ, освѣщенныя окна дома побѣжали одно за другимъ мимо окна кареты.

— Смотри, ежели ты, шельма, скажешь лакею, что я здѣсь,—сказалъ графъ, высовываясь въ переднее окошко къ кучеру,—я тебя вздую, а не скажешь, еще десять рублей.

Едва онъ успѣлъ опустить окно, какъ кузовъ ужъ снова сильнѣе закачался, и карета остановилась. Онъ прижался къ углу, пересталъ дышать, даже зажмурился: такъ ему страшно было, что почему-нибудь не сбудется его страстное ожиданіе. Дверцы отворились, одна за другою съ шу-

момъ попадали ступеньки, зашумѣло женское платье, въ затхлую карету ворвался запахъ жасминныхъ духовъ, быстрыя ножки взбѣжали по ступенькамъ, и Анна Ѳедоровна, задѣвъ полой распахнувшагося салопа по ногѣ графа, молча, но тяжело дыша, опустилась на сидѣнье подлѣ него.

Видѣла ли она его или нѣтъ, этого никто бы не могъ рѣшить, даже сама Анна Ѳедоровна; но когда онъ взялъ ее за руку и сказалъ: „ну, ужъ теперь поцѣлую-таки вашу ручку", она очень мало изъявила испуга, ничего не отвѣчала, но отдала ему руку, которую онъ покрылъ поцѣлуями гораздо выше перчатки. Карета тронулась.

— Скажи-жъ что нибудь! Ты не сердишься?—говорилъ онъ ей.

Она молча прижалась въ свой уголъ, но вдругъ отчего-то заплакала и сама упала головой къ его груди.

VI.

Вновь выбранный исправникъ, съ своею компаніей, кавалеристъ и другіе дворяне уже давно слушали цыганъ и пили въ новомъ трактирѣ, когда графъ въ медвѣжьей, крытой синимъ сукномъ шубѣ, принадлежавшей покойному мужу Анны Ѳедоровны, присоединился къ ихъ компаніи.

— Батюшка, ваше сіятельство, ждали не дождались!—говорилъ косой черный цыганъ, показывая свои блестящіе зубы, встрѣтивъ его еще въ сѣняхъ и бросаясь снимать шубу.— Съ Лебедяни не видали... Стеша зачахла совсѣмъ по васъ...

Стеша, стройная, молоденькая цыганочка, съ кирпично-краснымъ румянцемъ на коричневомъ лицѣ, съ блестящими, глубокими черными глазами, осѣненными длинными рѣсницами, выбѣжала тоже на встрѣчу.

— А, графчикъ! голубчикъ! золотой! вотъ радость-то! — заговорила она сквозь зубы, съ веселою улыбкой.

Самъ Илюшка выбѣжалъ на встрѣчу, притворяясь, что очень радуется. Старухи, бабы, дѣвки повскакали съ мѣстъ и окружили гостя. Кто считался кумовствомъ, кто крестовымъ братствомъ.

Молодыхъ цыганокъ Турбинъ всѣхъ расцѣловалъ въ губы; старухи и мужчины цѣловали его въ плечико и въ ручку. Дворяне тоже были очень обрадованы пріѣздомъ гостя, тѣмъ болѣе, что гульба, дойдя до своего апогея, теперь уже остывала; каждый начиналъ испытывать пресыщеніе; вино, потерявъ возбудительное дѣйствіе на нервы, только тяготило желудокъ. Каждый уже выпустилъ весь свой зарядъ ухорства и приглядѣлся одинъ къ другому; всѣ пѣсни были пропѣты и перемѣшались въ головѣ каждаго, оставляя какое-то шумное, распущенное впечатлѣніе. Что̀ бы кто ни сдѣлалъ страннаго и лихаго, всѣмъ начинало приходить въ голову, что ничего тутъ нѣтъ любезнаго и смѣшнаго. Исправникъ, лежа въ безобразномъ видѣ на полу, у ногъ какой-то старухи, заболталъ ногами и закричалъ:

— Шампанскаго! — графъ пріѣхалъ!... шампанскаго! — пріѣхалъ!... ну, шампанскаго!... Ванну сдѣлаю изъ шампанскаго и буду купаться... Господа дворяне! люблю благородное дворянское общество... Стешка, пой „Дорожку“!

Кавалеристъ былъ тоже навеселѣ, но въ другомъ видѣ. Онъ сидѣлъ на диванѣ, въ уголкѣ, очень близко рядомъ съ высокою, красивою цыганкой Любашей и, чувствуя, какъ хмѣль туманилъ его глаза, хлопалъ ими, помахивалъ головой и, повторяя одни и тѣ же слова, шепотомъ уговаривалъ цыганку бѣжать съ нимъ куда-то. Любаша, улыбаясь, слушала

его такъ, какъ будто то, чтó онъ ей говорилъ, было очень весело, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько печально бросала изрѣдка взгляды на своего мужа, косаго Сашку, стоявшаго за стуломъ противъ нея, и, въ отвѣтъ на признаніе въ любви кавалериста, нагибалась ему на ухо и просила купить ей потихоньку, чтобъ другіе не видали, душковъ и ленту.

— Ура!—закричалъ кавалеристъ, когда вошелъ графъ.

Красивый молодой человѣкъ, съ озабоченнымъ видомъ, старательно твердыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и напѣвалъ мотивы изъ „Возстанія въ сералѣ“.

Старый отецъ семейства, увлеченный къ цыганкамъ неотвязными просьбами господъ дворянъ, которые говорили, что безъ него все разстроится, и лучше не ѣхать, лежалъ на диванѣ, куда онъ повалился тотчасъ, какъ пріѣхалъ, и никто на него не обращалъ вниманія. Какой-то чиновникъ, бывшій тутъ же, снявъ фракъ, съ ногами сидѣлъ на столѣ, ерошилъ свои волосы и тѣмъ самъ доказывалъ, что онъ очень кутитъ. Какъ только вошелъ графъ, онъ разстегнулъ воротъ рубашки и подсѣлъ еще выше на столъ. Вообще, съ пріѣздомъ графа кутежъ оживился.

Цыганки, разбредшіяся было по комнатѣ, опять сѣли кружкомъ. Графъ посадилъ Стешку, запѣвалу, себѣ на колѣни и велѣлъ еще подать шампанскаго.

Илюшка съ гитарой сталъ передъ запѣвалой, и началась *пляска*, то-есть цыганскія пѣсни: „Хожу-ль я по улицѣ“, „Эй вы, гусары...“, „Слышишь, разумѣешь...“ и т. д., въ извѣстномъ порядкѣ. Стешка славно пѣла. Ея гибкій, звучный, изъ самой груди выливавшійся контральто, ея улыбки во время пѣнія, смѣющіеся, страстные глазки и ножка, шевелившаяся невольно въ тактъ пѣсни, ея отчаянное вскрики-

ванье при началѣ хора—все это задѣвало за какую-то звонкую, но рѣдко задѣваемую струну. Видно было, что она вся жила только въ той пѣснѣ, которую пѣла. Илюшка, улыбкой, спиной, ногами, всѣмъ существомъ изображая сочувствіе пѣснѣ, аккомпанировалъ ей на гитарѣ и, впившись въ нее глазами, какъ будто въ первый разъ слушая пѣсню, внимательно, озабоченно, въ тактъ пѣсни наклонялъ и поднималъ голову. Потомъ онъ вдругъ выпрямлялся при послѣдней пѣвучей нотѣ и, какъ будто чувствуя себя выше всѣхъ въ мірѣ, гордо, рѣшительно вскидывалъ ногой гитару, перевертывалъ ее, притопывалъ, встряхивалъ волосами и, нахмурившись, оглядывался на хоръ. Все его тѣло, отъ шеи и до пятокъ, начинало плясать каждою жилкой... И двадцать энергическихъ, сильныхъ голосовъ, каждый изъ всѣхъ силъ стараясь страннѣе и необыкновеннѣе вторить одинъ другому, переливались въ воздухѣ. Старухи подпрыгивали на стульяхъ, помахивая платочками и оскаливая зубы, вскрикивали въ ладъ и въ тактъ, одна громче другой. Басы, склонивъ головы на бокъ и напруживъ шеи, гудѣли, стоя за стульями.

Когда Стеша выводила тонкія ноты, Илюшка подносилъ къ ней ближе гитару, какъ будто желая помочь ей, а красивый молодой человѣкъ въ восторгѣ вскрикивалъ, что теперь бемоли пошли.

Когда заиграли плясовую и, дрожа плечами и грудью, прошлась Дуняша и, развернувшись передъ графомъ, поплыла дальше, Турбинъ вскочилъ съ мѣста, скинулъ мундиръ и, оставшись въ одной красной рубахѣ, лихо прошелся съ нею въ самый разъ и тактъ, выдѣлывая ногами такія штуки, что цыгане, одобрительно улыбаясь, переглядывались другъ съ другомъ.

Исправникъ сѣлъ по-турецки, хлопнулъ себя кулакомъ по груди и закричалъ: „виватъ!“—а потомъ, ухвативъ графа за ногу, сталъ разсказывать, что у него было двѣ тысячи рублей, а теперь всего пятьсотъ осталось, и что онъ можетъ сдѣлать все, чтó захочетъ, ежели только графъ позволитъ. Старый отецъ семейства проснулся и хотѣлъ уѣхать; но его не пустили. Красивый молодой человѣкъ упрашивалъ цыганку протанцовать съ нимъ вальсъ. Кавалеристъ, желая похвастаться своею дружбой съ графомъ, всталъ изъ своего угла и обнялъ Турбина.

— Ахъ ты мой голубчикъ! — сказалъ онъ: — зачѣмъ ты только отъ насъ уѣхалъ, а?—Графъ молчалъ, видимо думая о другомъ. — Куда ѣздилъ? Ахъ ты плутъ, графъ, ужъ я знаю, куда ѣздилъ!

Турбину отчего-то не понравилось это панибратство. Онъ, не улыбаясь, молча посмотрѣлъ въ лицо кавалеристу и вдругъ пустилъ въ упоръ на него такое страшное и грубое ругательство, что кавалеристъ огорчился и долго не зналъ, какъ ему принять такую обиду,—въ шутку, или не въ шутку. Наконецъ, онъ рѣшилъ, что въ шутку, улыбнулся и пошелъ опять къ своей цыганкѣ, увѣряя ее, что онъ на ней непремѣнно женится послѣ Святой. Запѣли другую пѣсню, третью, еще разъ поплясали, провеличали, и всѣмъ продолжало казаться весело. Шампанское не кончалось. Графъ пилъ много. Глаза его какъ бы покрылись влагою; но онъ не шатался, плясалъ еще лучше, говорилъ твердо и даже самъ славно подпѣвалъ въ хорѣ и вторилъ Стешѣ, когда она пѣла „Дружбы нѣжное волненье“. Въ серединѣ пляски, купецъ, содержатель трактира, пришелъ просить гостей ѣхать по домамъ, потому что уже былъ третій часъ утра.

Графъ схватилъ купца за шиворотъ и велѣлъ ему плясать въ присядку. Купецъ отказывался. Графъ схватилъ бутылку шампанскаго и, повернувъ купца ногами кверху, велѣлъ его держать такъ и, къ общему хохоту, медленно вылилъ на него всю бутылку.

Уже разсвѣтало. Всѣ были блѣдны и изнурены, исключая графа.

— Однако, мнѣ пора въ Москву, — сказалъ онъ вдругъ, вставая.—Пойдемъ всѣ ко мнѣ, ребята! Проводите меня... и чаю напьемся.

Всѣ согласились, исключая заснувшаго помѣщика, который тутъ и остался, набились биткомъ въ трое саней, стоявшихъ у подъѣзда, и поѣхали въ гостиницу.

VII.

— Закладывать!—крикнулъ графъ, входя въ общую залу гостиницы со всѣми гостями и цыганами.—Сашка!—не цыганъ Сашка, а мой,—скажи смотрителю, что прибью, коли лошади плохи будутъ. Да чаю давай намъ! Завальшевскій, распоряжайся чаемъ, а я пройду къ Ильину—посмотрю, что́ онъ...—прибавилъ Турбинъ и, выйдя въ корридоръ, направился въ нумеръ улана.

Ильинъ только-что кончилъ игру и, проигравъ всѣ деньги до копѣйки, внизъ лицомъ лежалъ на диванѣ, изъ разорванной волосяной матеріи одинъ за другимъ выдергивая волосы, кладя ихъ въ ротъ, перекусывая и выплевывая. Двѣ сальныя свѣчи, изъ которыхъ одна уже догорѣла до бумажки, стоя на ломберномъ, заваленномъ картами, столѣ, слабо боролись со свѣтомъ утра, проникавшимъ въ окна. Мыслей въ

головѣ улана никакихъ не было: какой-то густой туманъ игорной страсти застилалъ всѣ его душевныя способности; даже раскаянія не было. Онъ попробовалъ разъ подумать о томъ, что̀ ему теперь дѣлать, какъ выѣхать безъ копѣйки денегъ, какъ заплатить пятнадцать тысячъ проигранныхъ казенныхъ денегъ, что̀ скажетъ полковой командиръ, что скажетъ его мать, что скажутъ товарищи,—и на него нашелъ такой страхъ и такое отвращеніе къ самому себѣ, что онъ, желая забыться чѣмъ-нибудь, всталъ, сталъ ходить по комнатѣ, стараясь только ступать на щели половицъ, и снова началъ припоминать себѣ всѣ мельчайшія обстоятельства происходившей игры. Онъ живо воображалъ, что уже отыгрывается и снимаетъ девятку, кладетъ короля пикъ на двѣ тысячи рублей: направо ложится дама, налѣво тузъ, направо король бубенъ—и все пропало; а ежели бы направо шестерка, а налѣво король бубенъ, тогда совсѣмъ бы отыгрался, поставилъ бы еще все на̀ пе и выигралъ бы тысячъ пятнадцать чистыхъ, купилъ бы себѣ тогда иноходца у полковаго командира, еще пару лошадей, фаэтонъ купилъ бы. Ну, что же еще потомъ? Да, ну и славная, славная бы штука была!

Онъ опять легъ на диванъ и сталъ грызть волосы.

— Зачѣмъ это поютъ пѣсни въ седьмомъ нумерѣ?—подумалъ онъ.—Это, вѣрно, у Турбина веселятся. Пойти нешто туда да выпить хорошенько?

Въ это время вошелъ графъ.

— Ну, что, продулся, братъ, а?—крикнулъ онъ.

„Притворюсь, что сплю,—подумалъ Ильинъ,—а то надо съ нимъ говорить, а мнѣ ужъ спать хочется“.

Однако, Турбинъ подошелъ къ нему и погладилъ его по головѣ.

— Ну, что, дружокъ любезный, продулся, проигрался?—говори.

Ильинъ не отвѣчалъ.

Графъ дернулъ его за руку.

— Проигралъ. Ну, что тебѣ?—пробормоталъ Ильинъ, сонным, равнодушно-недовольнымъ голосомъ, не перемѣняя положенія.

— Все?

— Ну, да. Что-жъ за бѣда?—Все. Тебѣ что?

— Послушай, говори правду, какъ товарищу,—сказалъ графъ, подъ вліяніемъ выпитаго вина расположенный къ нѣжности, продолжая гладить его по волосамъ.—Право, я тебя полюбилъ. Говори правду: ежели проигралъ казенныя, я тебя выручу; а то поздно будетъ... Казенныя деньги были?

Ильинъ вскочилъ съ дивана.

— Ужъ ежели ты хочешь, чтобъ я говорилъ, такъ не говори со мной, оттого что... и, пожалуйста, не говори со мной... Пулю въ лобъ—вотъ что мнѣ осталось одно!—проговорилъ онъ съ истиннымъ отчаяніемъ, упавъ головой на руки и заливаясь слеземи, несмотря на то, что за минуту передъ этимъ преспокойно думалъ объ иноходцахъ.

— Эхъ, ты, красная дѣвушка! Ну, съ кѣмъ этого не бывало! Не бѣда: еще авось поправимъ. Подожди-ка меня тутъ.

Графъ вышелъ изъ комнаты.

— Гдѣ стоитъ Лухновъ, помѣщикъ?--спросилъ онъ у коридорнаго.

Корридорный вызвался проводить графа. Графъ, несмотря на замѣчаніе лакея, что баринъ сейчасъ только пожаловали и раздѣваться изволятъ, вошелъ въ комнату. Лухновъ, въ халатѣ, сидѣлъ передъ столомъ, считая нѣсколько кипъ ас-

сигнацій, лежавшихъ передъ нимъ. На столѣ стояла бутылка рейнвейна, который онъ очень любилъ. Съ выигрыша онъ позволилъ себѣ это удовольствіе. Лухновъ холодно, строго, черезъ очки, какъ бы не узнавая, поглядѣлъ на графа.

— Вы, кажется, меня не узнаете?—сказалъ графъ, рѣшительными шагами подходя къ столу.

Лухновъ узналъ графа и спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ хочется поиграть съ вами,—сказалъ Турбинъ, садясь на диванъ.

— Теперь?

— Да.

— Въ другой разъ съ моимъ удовольствіемъ, графъ, а теперь я усталъ и соснуть сбираюсь. Не угодно ли винца?—доброе винцо.

— А я теперь хочу поиграть немножко.

— Не располагаю больше играть. Можетъ, кто изъ господъ станетъ, а я не буду, графъ! Вы ужъ, пожалуйста, меня извините.

— Такъ не будете?

Лухновъ сдѣлалъ плечами жестъ, выражающій сожалѣніе о невозможности исполнить желаніе графа.

— Ни за что не будете?

Опять тотъ же жестъ.

— А я васъ очень прошу... Что же, будете играть?...

Молчаніе.

— Будете играть?—второй разъ спросилъ графъ.—Смотрите!...

То же молчаніе и быстрый взглядъ сверхъ очковъ на начинавшее хмуриться лицо графа.

— Будете играть?—громкимъ голосомъ крикнулъ графъ, стукнувъ рукой по столу такъ, что бутылка рейнвейна упала и разлилась.—Вѣдь вы нечисто выиграли... Будете играть? третій разъ спрашиваю.

— Я сказалъ, что нѣтъ. Это, право, странно, графъ, и вовсе неприлично придти съ ножомъ къ горлу къ человѣку,— замѣтилъ Лухновъ, не поднимая глазъ.

Послѣдовало непродолжительное молчаніе, во время котораго лицо графа блѣднѣло больше и больше. Вдругъ страшный ударъ въ голову ошеломилъ Лухнова. Онъ упалъ на диванъ, стараясь захватить деньги, и закричалъ такимъ пронзительно-отчаяннымъ голосомъ, котораго нельзя было ожидать отъ его всегда спокойной и всегда представительной фигуры. Турбинъ собралъ лежащія на столѣ остальныя деньги, оттолкнулъ слугу, который вбѣжалъ-было на помощь барину, и скорыми шагами вышелъ изъ комнаты.

— Ежели вы хотите удовлетворенія, то я къ вашимъ услугамъ! Въ своемъ нумерѣ еще пробуду полчаса,—прибавилъ графъ, вернувшись къ двери Лухнова.

— Мошенникъ, грабитель!—послышалось оттуда.—Подъ уголовный подведу!...

Ильинъ все такъ же, не обративъ никакого вниманія на обѣщаніе графа выручить его, лежалъ у себя въ нумерѣ на диванѣ и слезы отчаянія давили его. Сознаніе дѣйствительности, которое сквозь странную путаницу чувствъ, мыслей и воспоминаній, наполнявшихъ его душу, вызвала ласка, участіе графа, не покидало его. Богатая надеждами молодость, честь, общественное уваженіе, мечты любви и дружбы— все было навѣки потеряно. Источникъ слезъ начиналъ высыхать, слишкомъ спокойное чувство безнадежности овладѣ-

вало имъ больше и больше и мысль о самоубійствѣ, уже не возбуждая отвращенія и ужаса, чаще и чаще останавливала его вниманіе. Въ это время послышались твердые шаги графа.

На лицѣ Турбина еще были видны слѣды гнѣва, руки его нѣсколько дрожали, но въ глазахъ сіяла добрая веселость и самодовольство.

— На̀, отыгрался!—сказалъ онъ, бросая на столъ нѣсколько кипъ ассигнацій.—Сочти, всѣ ли? Да приходи скорѣе въ общую залу,—я сейчасъ ѣду,—прибавилъ онъ, какъ будто не замѣчая страшнаго волненія радости и благодарности, выразившагося на лицѣ улана, и, насвистывая какую-то цыганскую пѣсню, вышелъ изъ комнаты.

VIII.

Сашка, перетянувшись кушакомъ, доложилъ, что лошади готовы, но требовалъ, чтобы сходить прежде взять графскую шинель, которая будто бы триста рублей съ воротникомъ сто̀итъ, и отдать поганую синюю шубу тому мерзавцу, который ее перемѣнилъ на шинель у предводителя; но Турбинъ сказалъ, что искать шинель не нужно, и пошелъ въ свой нумеръ переодѣваться.

Кавалеристъ безпрестанно икалъ, сидя молча подлѣ своей цыганки. Исправникъ потребовалъ водки, приглашалъ всѣхъ господъ ѣхать сейчасъ къ нему завтракать, обѣщая, что его жена сама непремѣнно пойдетъ плясать съ цыганками. Красивый молодой человѣкъ глубокомысленно растолковывалъ Илюшкѣ, что на фортепіано души больше, а на гитарѣ бемолей нельзя брать. Чиновникъ грустно пилъ чай въ уголку и, казалось, при дневномъ свѣтѣ стыдился своего разврата. Цыгане спорили между собой по-цыгански и настаивали на

томъ, чтобы повеличать еще господъ, чему Стеша противилась, говоря, что *барорай* (по-цыгански: графъ или князь, или, точнѣе, большой баринъ) прогнѣвается. Вообще уже догарала во всѣхъ послѣдняя искра разгула.

— Ну, на прощанье еще пѣсню и маршъ по домамъ!— сказалъ графъ, свѣжій, веселый, красивый болѣе чѣмъ когданибудь, входя въ залу въ дорожномъ платьѣ.

Цыгане снова расположились кружкомъ и только было собрались запѣть, какъ вошелъ Ильинъ съ пачкой ассигнацій въ рукѣ и отозвалъ въ сторону графа.

— У меня всего было пятнадцать-тысячъ казенныхъ, а ты мнѣ далъ шестнадцать-тысячъ-триста,—сказалъ онъ:— это твои стало-быть.

— Хорошее дѣло, давай!

Ильинъ отдалъ деньги, робко глядя на графа, открылъ было ротъ, желая сказать что-то, но только покраснѣлъ такъ, что даже слезы выступили на глаза, потомъ схватилъ руку графа и началъ жать ее.

— Убирайся!... Илюшка, слушай меня: нà, вотъ, тебѣ деньги; только провожать меня съ пѣснями до заставы!—И онъ бросилъ ему на гитару тысячу-триста рублей, которые принесъ Ильинъ. Но кавалеристу графъ такъ и забылъ отдать сто рублей, которые занялъ у него вчера.

Уже было десять часовъ утра. Солнышко поднялось выше крышъ, народъ сновалъ по улицамъ, купцы давно отворили лавки, дворяне и чиновники ѣздили по улицамъ, барыни ходили по гостиному двору, когда ватага цыганъ, исправникъ, кавалеристъ, красивый молодой человѣкъ, Ильинъ и графъ, въ синей медвѣжьей шубѣ, вышли на крыльцо гостиницы. Былъ солнечный день и оттепель. Три ямскія тройки, съ

коротко-подвязанными хвостами, шлепая ногами по жидкой грязи, подъѣхали къ крыльцу, и вся веселая компанія начала разсаживаться. Графъ, Ильинъ, Стеша, Илюшка и Сашка-деньщикъ сѣли въ первыя сани. Блюхеръ выходилъ изъ себя и, махая хвостомъ, лаялъ на коренную. Въ другія сани усѣлись другіе господа, тоже съ цыганками и цыганами. Отъ самой гостиницы сани выровнялись, и цыгане затянули хоровую пѣсню.

Тройки съ пѣснями и колокольчиками, сбивая на самые тротуары всѣхъ встрѣчавшихся проѣзжающихъ, проѣхали весь городъ до заставы.

Не мало дивились купцы и прохожіе, незнакомые и особенно знакомые, видя благородныхъ дворянъ, ѣдущихъ среди бѣлаго дня по улицамъ съ пѣснями, цыганками и пьяными цыганами.

Когда выѣхали за заставу, тройки остановились и всѣ стали прощаться съ графомъ.

Ильинъ, выпившій довольно много на прощаньи и все время правившій самъ лошадьми, вдругъ сдѣлался печаленъ, сталъ уговаривать графа остаться еще на денекъ; но когда убѣдился, что это было невозможно, совершенно неожиданно со слезами бросился цѣловать своего новаго друга и обѣщалъ, что, когда пріѣдетъ, будетъ просить о переводѣ въ гусары въ тотъ самый полкъ, въ которомъ служитъ Турбинъ. Графъ былъ особенно веселъ; кавалериста, который утромъ уже окончательно говорилъ ему ты, толкнулъ въ сугробъ, исправника травилъ Блюхеромъ, Стешку подхватилъ на руки и хотѣлъ увезти съ собой въ Москву, и наконецъ, вскочивъ въ сани, усадилъ рядомъ съ собой Блюхера, который все хотѣлъ стоять на серединѣ. Сашка, попросивъ еще разъ ка-

валериста отобрать-таки у *нихъ* графскую шинель и прислать ее, тоже вскочилъ на козлы. Графъ, крикнувъ: „пошелъ!“— снялъ фуражку, замахалъ ею надъ головой и по-ямски засвисталъ на лошадей. Тройки разъѣхались.

Далеко впереди виднѣлась однообразная, снѣжная равнина, по которой извивалась желтовато-грязная полоса дороги. Яркое солнце, играя, блестѣло на таломъ, прозрачною корой обледенѣвшемъ, снѣгу и пріятно пригрѣвало лицо и спину. Отъ потныхъ лошадей валилъ паръ. Колокольчикъ побрякивалъ. Какой-то мужикъ съ возомъ, на раскатывающихся санишкахъ, подергивая веревочными возжами, торопливо сторонился, бѣгомъ шлепая промокнувшими лаптишками по оттаявшей дорогѣ; толстая, красная крестьянская баба, съ ребенкомъ за овчинною пазухой, сидѣла на другомъ возу, погоняя концами возжей бѣлую шелохвостую клячонку. Графу вдругъ вспомнилась Анна Ѳедоровна.

— Назадъ!—крикнулъ онъ.

Ямщикъ не понялъ вдругъ.

— Поворачивай назадъ!... Пошелъ въ городъ, живо!

Тройка опять проѣхала заставу и бойко подкатила къ досчатому крыльцу дома госпожи Зайцовой. Графъ быстро вбѣжалъ на лѣстницу, прошелъ переднюю, гостиную и, заставъ вдовушку еще спящею, взялъ ее на руки, приподнялъ съ постели, поцѣловалъ въ заспанные глазки и живо выбѣжалъ назадъ. Анна Ѳедоровна съ просонокъ только облизывалась и спрашивала: что случилось? Графъ вскочилъ въ сани, крикнулъ на ямщика и, уже не останавливаясь и даже не вспоминая ни о Лухновѣ, ни о вдовушкѣ, ни о Стешкѣ, а только

думая о томъ, что̀ его ожидало въ Москвѣ, выѣхалъ навсегда изъ города К.

IX.

Прошло лѣтъ двадцать. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много людей умерло, много родилось, много выросло и состарѣлось, еще болѣе родилось и умерло мыслей; много прекраснаго и много дурнаго стараго погибло, много прекраснаго молодаго выросло, и еще болѣе недоросшаго, уродливаго, молодаго появилось на свѣтъ Божій.

Графъ Ѳедоръ Турбинъ уже давно былъ убитъ на дуэли съ какимъ-то иностранцемъ, котораго онъ высѣкъ арапникомъ на улицѣ. Сынъ, двѣ капли воды похожій на него, былъ уже двадцати-трехлѣтній прелестный юноша и служилъ въ кавалергардахъ. Молодой графъ Турбинъ морально вовсе не былъ похожъ на отца. Даже и тѣни въ немъ не было тѣхъ буйныхъ, страстныхъ и, говоря правду, развратныхъ наклонностей прошлаго вѣка. Вмѣстѣ съ умомъ, образованіемъ и наслѣдственною даровитостью натуры, любовь къ приличію и удобствамъ жизни, практическій взглядъ на людей и обстоятельства, благоразуміе и предусмотрительность были его отличительными качествами. По службѣ молодой графъ шелъ славно: двадцати-трехъ лѣтъ уже былъ поручикомъ... При открытіи военныхъ дѣйствій, онъ рѣшилъ, что выгоднѣе, для производства, перейти въ дѣйствующую армію, и перешелъ въ гусарскій полкъ ротмистромъ, гдѣ и получилъ скоро эскадронъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1848 года С. гусарскій полкъ проходилъ походомъ К. губернію, и тотъ самый эскадронъ, которымъ командовалъ молодой графъ Турбинъ, долженъ былъ ноче-

вать въ Морозовкѣ, деревнѣ Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна была жива, но уже такъ немолода, что сама не считала себя больше молодою, что̀ много значитъ для женщины. Она очень растолстѣла, что̀, говорятъ, молодитъ женщину; но и на этой бѣлой толщинѣ были замѣтны крупныя мягкія морщины. Она ужъ не ѣздила никогда въ городъ, съ трудомъ даже влѣзала въ экипажъ, но такъ же была добродушна и все такъ же глупенька, можно теперь сказать правду, когда она уже не подкупаетъ своею красотой. Съ ней вмѣстѣ жили—ея дочь Лиза, двадцати-трехлѣтняя русская деревенская красавица, и братецъ, намъ знакомый кавалеристъ, промотавшій, по добродушію, все свое имѣньице и старикомъ пріютившійся у Анны Ѳедоровны. Волоса на головѣ его были сѣдые совершенно; верхняя губа упала, но надъ нею усы тщательно были вычернены. Морщины покрывали не только его лобъ и щеки, но даже носъ и шею, спина согнулась; а все-таки въ слабыхъ, кривыхъ ногахъ видны были пріемы стараго кавалериста.

Въ небольшой гостиной стараго домика, съ открытыми балконною дверью и окнами на старинный звѣздообразный липовый садъ, сидѣло все семейство и домашніе Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна, съ сѣдою головой, въ лиловой кацавейкѣ, на диванѣ передъ круглымъ столомъ краснаго дерева, раскладывала карты. Старый братецъ, расположившись у окна, въ чистенькихъ бѣлыхъ панталончикахъ и синемъ сюртучкѣ, вязалъ на рогулькѣ снурочекъ изъ бѣлой бумаги,—занятіе, которому его научила племянница и которое онъ очень полюбилъ, такъ какъ дѣлать онъ ужъ ничего не могъ и для чтенія газеты, любимаго его занятія, глаза были уже слабы. Пимочка, воспитанница Анны Ѳедоровны,

подлѣ него твердила урокъ, подъ руководствомъ Лизы, вязавшей, вмѣстѣ съ тѣмъ, на деревянныхъ спицахъ чулки изъ козьяго пуха для дяди. Послѣдніе лучи заходящаго солнца, какъ и всегда въ эту пору, бросали сквозь липовую аллею раздробленные косые лучи на крайнее окно и этажерку, стоявшую около него. Въ саду и въ комнатѣ было такъ тихо, что слышалось, какъ за окномъ быстро прошумитъ крыльями ласточка, или въ комнатѣ тихо вздохнетъ Анна Ѳедоровна, или покряхтитъ старичокъ, перекладывая ногу на ногу.

— Какъ это кладется, Лизанька, покажи-ка? Я все забываю,—сказала Анна Ѳедоровна, остановясь въ раскладываніи пасьянса.

Лиза, не переставая работать, подошла къ матери и взглянула на карты:

— Ахъ, вы перепутали, голубушка мамаша!—сказала она, перекладывая карты: —вотъ такъ надо было. Все-таки сбудется, что̀ вы загадали,—прибавила она, незамѣтно снимая одну карту.

— Ну, ужъ ты всегда меня обманываешь,—говоришь, что вышло!

— Нѣтъ, право, значитъ, удастся. Вышло.

— Ну, хорошо, хорошо, баловница! Да не пора ли чаю?

— Я ужъ велѣла разогрѣвать самоваръ. Сейчасъ пойду. Вамъ сюда принести?... Ну, кончай, Пимочка, скорѣе урокъ и пойдемъ бѣгать.

И Лиза вышла изъ двери.

— Лизочка, Лизанька!—заговорилъ дядя, пристально вглядываясь въ свою рогульку:—опять, кажется, спустилъ петлю. Подними, голубчикъ!

— Сейчасъ, сейчасъ!... только сахаръ отдамъ наколоть.

И, дѣйствительно, она черезъ три минуты вбѣжала въ комнату, подошла къ дядѣ и взяла его за ухо.

— Вотъ вамъ, чтобы не спускали петлей!—сказала она, смѣясь:—урокъ и не довязали!

— Ну, полно, полно! Поправь же, какой-то узелочекъ былъ, видно.

Лиза взяла рогульку, вынула булавку у себя изъ косыночки, которую при этомъ распахнуло немного вѣтромъ изъ окна, и какъ-то булавочкой добыла петлю, протянула раза два и передала рогульку дядѣ.

— Ну, поцѣлуйте же меня за это,—сказала она, подставивъ ему румяную щечку и закалывая косынку.—Вамъ съ ромомъ нынче чаю? Нынче вѣдь пятница.

И она опять ушла въ чайную.

— Дяденька, идите смотрѣть: гусары идутъ къ намъ!—послышался оттуда звучный голосокъ.

Анна Ѳедоровна, вмѣстѣ съ братцемъ, вошли въ чайную комнату, изъ которой окна были на деревню, посмотрѣть гусаръ. Изъ окна очень мало было видно,—замѣтно было только сквозь пыль, что какая-то толпа двигается.

— А жаль, сестрица,—замѣтилъ дядя Аннѣ Ѳедоровнѣ:—жаль, что такъ тѣсно, и флигель не отстроенъ еще,—попросить бы къ намъ офицеровъ. Гусарскіе офицеры, вѣдь, это все такая молодежь славная, веселая; посмотрѣлъ бы хоть на нихъ.

— Что-жъ, я бы душой рада, да вѣдь вы сами знаете, братецъ, что негдѣ: моя спальня, Лизина горница, гостиная, да вотъ эта ваша комната—вотъ и все. Гдѣ же ихъ тутъ помѣстить, сами посудите? Имъ старостину избу очистилъ Михайло Матвѣевъ, говоритъ: чисто тоже.

— А мы бы тебѣ, Лизочка, изъ нихъ жениха пріискали, славнаго гусара!—сказалъ дядя.

— Нѣтъ, я не хочу гусара, я хочу улана: вѣдь вы въ уланахъ служили, дядя?... А я этихъ знать не хочу. Они всѣ отчаянные, говорятъ.

И Лиза покраснѣла немного, но снова засмѣялась своимъ звучнымъ смѣхомъ.

— Вотъ и Устюшка бѣжитъ; надо спросить ее, что̀ видѣла,—сказала она.

Анна Ѳедоровна велѣла позвать Устюшку.

— Нѣтъ того, чтобъ посидѣть за работой; какая надобность бѣгать на солдатъ смотрѣть?—сказала Анна Ѳедоровна.—Ну, что́, гдѣ помѣстились офицеры?

— У Еремкиныхъ, сударыня. Два ихъ, красавцы такіе, одинъ графъ, сказываютъ.

— А фамилія какъ?

— Казаровъ ли, Турбиновъ ли,—не запомнила, виновата-съ.

— Вотъ дура, ничего и разсказать не умѣетъ! Хоть бы узнала, какъ фамилія.

— Что-жъ, я сбѣгаю.

— Да ужъ я знаю, что ты на это мастерица... Нѣтъ, пускай Данило сходитъ. Скажите ему, братецъ, чтобъ онъ сходилъ, да спросилъ: не нужно ли чего-нибудь офицерамъ-то,—все учтивость надо сдѣлать,—что барыня *молъ* спросить велѣла.

Старики снова усѣлись въ чайную, а Лиза пошла въ дѣвичью положить въ ящикъ наколотый сахаръ. Устюша разсказывала тамъ про гусаръ.

— Барышня-голубушка, вотъ ужъ красавчикъ этотъ графъ-то!—говорила она:—просто херувимчикъ чернобровый. Вотъ бы вамъ такого жениха, такъ ужъ точно бы парочка была!

Другія горничныя одобрительно улыбнулись; старая няня, сидѣвшая у окна съ чулкомъ, вздохнула и прочитала, даже втягивая въ себя духъ, какую-то молитву.

— Такъ вотъ какъ тебѣ понравились гусары!—сказала Лиза:—да вѣдь ты мастерица разсказывать. Принеси, пожалуйста, морсу, Устюша,—кисленькимъ гусаровъ поить.

И Лиза, смѣясь, съ сахарницей вышла изъ комнаты.

„А хотѣлось бы посмотрѣть, что это за гусаръ такой,—думала она,—брюнетъ или блондинъ? И онъ вѣдь радъ бы былъ, я думаю, познакомиться съ нами. А пройдетъ, такъ и не узнаетъ, что я тутъ была и о немъ думала. И сколько ужъ этакихъ прошло мимо меня! Никто меня не видитъ, кромѣ дяденьки да Устюши. Какъ бы я ни зачесалась, какіе бы рукава ни надѣла, никто и не полюбуется,—подумала она, вздохнувъ, глядя на свою бѣлую, полную руку.—Онъ долженъ быть высокъ ростомъ, большіе глаза, вѣрно маленькіе черные усики. Нѣтъ, вотъ ужъ двадцать два года минуло, а никто въ меня не влюбится, кромѣ Иванъ Ипатыча рябаго; а четыре года тому назадъ я еще лучше была... И такъ, никому не на радость, прошла моя дѣвичья молодость... Ахъ, я несчастная, несчастная деревенская барышня!“

Голосъ матери, звавшій ее разливать чай, вызвалъ деревенскую барышню изъ этой минутной задумчивости. Она встряхнула головкой и пошла въ чайную.

Лучшія вещи всегда выходятъ нечаянно, а чѣмъ больше стараешься, тѣмъ выходитъ хуже. Въ деревняхъ рѣдко стараются давать воспитаніе, и потому нечаянно большею частію даютъ прекрасное. Такъ и случилось, въ особенности съ Лизой. Анна Ѳедоровна, по ограниченности ума и беззаботности нрава, не давала никакого воспитанія Лизѣ: не

учила ее ни музыкѣ, ни столь полезному французскому языку, а нечаянно родила отъ покойнаго мужа здоровенькое, хорошенькое дитя—дочку, отдала ее кормилицѣ и нянькѣ, кормила ее, одѣвала въ ситцевыя платьица и козловые башмачки, посылала гулять и сбирать грибы и ягоды, учила ее грамотѣ и ариѳметикѣ посредствомъ нанятаго семинариста, и нечаянно, черезъ шестнадцать лѣтъ, увидѣла въ Лизѣ подругу, и всегда веселую, добродушную душу, и дѣятельную хозяйку въ домѣ. У Анны Ѳедоровны, по добродушію ея, всегда бывали воспитанницы или изъ крѣпостныхъ, или изъ подкидышей. Лиза съ десяти лѣтъ уже стала заниматься ими: учить, одѣвать, водить въ церковь и останавливать, когда онѣ уже слишкомъ шалили. Потомъ явился дряхлый, добродушный дядя, за которымъ надо было ходить какъ за ребенкомъ. Потомъ дворовые и мужики, обращавшіеся къ молодой барышнѣ съ просьбами и съ недугами, которые она лѣчила бузиной, мятой и камфарнымъ спиртомъ. Потомъ домашнее хозяйство, перешедшее нечаянно все въ ея руки. Потомъ неудовлетворенная потребность любви, находившая выраженіе въ одной природѣ и религіи. И изъ Лизы нечаянно вышла дѣятельная, добродушно-веселая, самостоятельная, чистая и глубоко-религіозная женщина. Правда, были маленькія тщеславныя страданія при видѣ сосѣдокъ въ модныхъ шляпкахъ, привезенныхъ изъ К*, стоящихъ рядомъ съ ней въ церкви; были досады до слезъ на старую, ворчливую мать за ея капризы; были и любовныя мечты въ самыхъ нелѣпыхъ и иногда грубыхъ формахъ,—но полезная и сдѣлавшаяся необходимостью дѣятельность разгоняла ихъ, и въ двадцать-два года ни одного пятна, ни одного угрызенія не запало въ свѣтлую, спокойную душу полной физической и

моральной красоты развивавшейся дѣвушки. Лиза была средняго роста, скорѣе полная, чѣмъ худая; глаза у ней были каріе, небольшіе, съ легкимъ, темнымъ оттѣнкомъ на нижней вѣкѣ, длинная и русая коса. Походка у ней была широкая, съ развальцемъ,—уточкой, какъ говорится. Выраженіе лица ея, когда она была занята дѣломъ и ничто особенно не волновало ее, такъ и говорило всѣмъ, кто вглядывался въ него: хорошо и весело жить тому на свѣтѣ, у кого есть кого любить и совѣсть чиста. Даже въ минуты досады, смущенія, тревоги или печали, сквозь слезу, нахмуренную лѣвую бровку, сжатыя губки, такъ и свѣтилось, какъ на зло ея желанію, на ямкахъ щекъ, на краяхъ губъ и въ блестящихъ глазкахъ, привыкшихъ улыбаться и радоваться жизнью,—такъ и свѣтилось неиспорченное умомъ, доброе, прямое сердце.

X.

Было еще жарко въ воздухѣ, хотя солнце уже спускалось, когда эскадронъ вступалъ въ Морозовку. Впереди, по пыльной улицѣ деревни, рысцой, оглядываясь и съ мычаньемъ изрѣдка останавливаясь, бѣжала отбившаяся отъ стада пестрая корова, никакъ не догадываясь, что надо было просто своротить въ сторону. Крестьянскіе старики, бабы, дѣти и дворовые жадно смотрѣли на гусаръ, толпясь по обѣимъ сторонамъ улицы. Въ густомъ облакѣ пыли, на вороныхъ, замунштученныхъ, изрѣдка пофыркивающихъ коняхъ, топая, двигались гусары. Съ правой стороны эскадрона, распущенно сидя на красивыхъ вороныхъ лошадяхъ, ѣхали два офицера. Одинъ былъ командиръ, графъ Турбинъ, другой—очень молодой человѣкъ, недавно произведенный изъ юнкеровъ, Полозовъ.

Изъ лучшей избы вышелъ гусаръ въ бѣломъ кителѣ и, снявъ фуражку, подошелъ къ офицерамъ.

— Гдѣ квартира для насъ отведена? — спросилъ его графъ.

— Для вашего сіятельства?—отвѣчалъ квартиргеръ, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ:—здѣсь, у старосты, избу очистилъ. Требовалъ на барскомъ дворѣ, такъ говорятъ, нѣту-ти. Помѣщица такая злющая.

— Ну, хорошо,—сказалъ графъ, слѣзая и расправляя ноги у старостиной избы.—А что, коляска моя пріѣхала?

— Изволила прибыть, ваше сіятельство!—отвѣчалъ квартиргеръ, указывая фуражкой на кожаный кузовъ коляски, виднѣвшійся въ воротахъ, и бросаясь впередъ въ сѣни избы, набитой крестьянскимъ семействомъ, собравшимся посмотрѣть на офицера. Одну старушку онъ даже столкнулъ съ ногъ, бойко отворяя дверь въ очищенную избу и сторонясь передъ графомъ.

Изба была довольно большая и просторная, но не совсѣмъ чистая. Нѣмецъ-камердинеръ, одѣтый какъ баринъ, стоялъ въ избѣ и, уставивъ желѣзную кровать и постлавъ ее, разбиралъ бѣлье изъ чемодана.

— Фу, мерзость какая квартира!—сказалъ графъ съ досадой.—Дяденко! развѣ нельзя было лучше отвести у помѣщика гдѣ-нибудь?

— Коли ваше сіятельство прикажете, я пойду на барскій дворъ,—отвѣчалъ Дяденко:—да домишко-то некорыстный, не лучше избы показываетъ.

— Теперь ужъ не надо. Ступай.

И графъ легъ на постель, закинувъ за голову руки.

— Іоганнъ!—крикнулъ онъ на камердинера:—опять бу-

горъ по серединѣ сдѣлалъ. Какъ ты не умѣешь постелить хорошенько!

Іоганнъ хотѣлъ поправить.

— Нѣтъ, ужъ не надо теперь... А халатъ гдѣ?—продолжалъ онъ недовольнымъ голосомъ.

Слуга подалъ халатъ.

Графъ, прежде чѣмъ надѣвать его, посмотрѣлъ полу.

— Такъ и есть: не вывелъ пятна. То-есть можно ли хуже тебя служить!—прибавилъ онъ, вырывая у него изъ рукъ халатъ и надѣвая его.—Ты, скажи, это нарочно дѣлаешь?... Чай готовъ?...

— Я не могъ успѣвать,—отвѣчалъ Іоганнъ.

— Дуракъ!

Послѣ этого графъ взялъ приготовленный французскій романъ и довольно долго молча читалъ его; а Іоганнъ вышелъ въ сѣни раздувать самоваръ. Видно было, что графъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, должно - быть, подъ вліяніемъ усталости, пыльнаго лица, узкаго платья и голоднаго желудка.

— Іоганнъ!—крикнулъ онъ снова:—подай счетъ десяти рублей. Что̀ ты купилъ въ городѣ?

Графъ посмотрѣлъ поданный счетъ и сдѣлалъ недовольныя замѣчанія насчетъ дороговизны покупокъ.

— Къ чаю рому подай.

— Рому не покупалъ,—сказалъ Иванъ.

— Отлично!... Сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобъ былъ ромъ!

— Денегъ не доставало.

— Отчего же Полозовъ не купилъ? Ты бы у его человѣка взялъ.

— Корнетъ Полозовъ?—не знаю. Они купили чаю и сахару.

— Скотина!... Ступай!... Только ты одинъ умѣешь выводить меня изъ терпѣнія... знаешь, что я всегда пью чай въ походѣ съ ромомъ.

— Вотъ два письма изъ штаба къ вамъ,— сказалъ камердинеръ.

Графъ лежа распечаталъ письма и началъ читать. Вошелъ съ веселымъ лицомъ корнетъ, отводившій эскадронъ.

— Ну, что, Турбинъ? Тутъ, кажется, хорошо. А усталъ-таки я, признаюсь. Жарко было.

— Очень хорошо!... Поганая, вонючая изба и рому нѣтъ по твоей милости: твой болванъ не купилъ, и этотъ тоже. Ты бы хоть сказалъ!

И онъ продолжалъ читать. Дочитавъ до конца письмо, онъ смялъ его и бросилъ на полъ.

— Отчего же ты не купилъ рому?—спрашивалъ въ это время въ сѣняхъ корнетъ шепотомъ у своего деньщика:— вѣдь у тебя деньги были?

— Да что-жъ мы одни все покупать будемъ! И такъ все я расходъ держу; а ихній нѣмецъ только трубку куритъ, да и все.

Второе письмо было, видно, не непріятно, потому что графъ улыбаясь читалъ его.

— Отъ кого это?—спросилъ Полозовъ, возвратясь въ комнату и устраивая себѣ почлегъ на доскахъ подлѣ печки.

— Отъ Мины,—весело отвѣчалъ графъ, подавая ему письмо.— Хочешь прочесть? Что это за прелесть женщина!... Ну, право, лучше нашихъ барышень... Посмотри, сколько тутъ чувства и ума въ этомъ письмѣ! Одно нехорошо: денегъ проситъ.

— Да, это нехорошо,—замѣтилъ корнетъ.

— Я ей, правда, обѣщалъ, да тутъ походъ, да и... Впрочемъ, ежели прокомандую еще мѣсяца три эскадрономъ, я ей пошлю. Не жалко, право: что̀ за прелесть, а?—говорилъ онъ улыбаясь, слѣдя глазами за выраженіемъ лица Полозова, который читалъ письмо.

— Безграмотно ужасно, но мило, и кажется, что она точно тебя любитъ,—отвѣчалъ корнетъ.

— Гм... еще бы! Только эти женщины и любятъ истинно, когда ужъ любятъ.

— А то письмо отъ кого?—спросилъ корнетъ, передавая то, которое онъ читалъ.

— Такъ... это тамъ есть господинъ одинъ, дрянной очень, которому я долженъ по картамъ, и онъ уже третій разъ напоминаетъ... Не могу я отдать теперь... Глупое письмо!—отвѣчалъ графъ, видимо огорченный этимъ воспоминаніемъ.

Довольно долго послѣ этого разговора оба офицера молчали. Корнетъ, видимо находившійся подъ вліяніемъ графа, молча пилъ чай, изрѣдка поглядывая на красивую, отуманившуюся наружность Турбина, пристально глядѣвшаго въ окно, и не рѣшался начать разговора.

— А что̀, вѣдь можетъ отлично выдти,—вдругъ обернувшись къ Полозову и весело тряхнувъ головой, сказалъ графъ:—ежели у насъ, по линіи, будетъ въ нынѣшнемъ году производство, да еще въ дѣло попадемъ, я могу своихъ ротмистровъ гвардіи перегнать.

Разговоръ и за вторымъ стаканомъ чаю продолжался на эту тему, когда вошелъ старый Данило и передалъ приказаніе Анны Ѳедоровны.

— Да еще приказали спросить, не сынокъ ли изволите

быть графа Өедора Ивановича Турбина!—добавилъ отъ себя Данило, узнавшій фамилію офицера и помнившій еще пріѣздъ покойнаго графа въ городъ К*:—наша барыня, Анна Өедоровна, очень съ нимъ знакомы были.

— Это мой отецъ былъ. Да доложи барынѣ, что очень благодаренъ, ничего не нужно, только, молъ, приказали просить, ежели бы можно, комнатку почище гдѣ-нибудь,—въ домѣ, или гдѣ-нибудь.

— Ну, зачѣмъ вы это?—сказалъ Полозовъ, когда Данило вышелъ:—развѣ не все равно? Одна ночь здѣсь развѣ не все равно? А они будутъ стѣсняться...

— Вотъ еще! Кажется, довольно мы пошлялись по курнымъ избамъ!... Сейчасъ видно, что ты не практическій человѣкъ... Отчего же не воспользоваться, когда можно, хоть на одну ночь помѣститься какъ людямъ? А они, напротивъ, ужасно довольны будутъ... Одно только противно: ежели эта барыня точно знала отца,—продолжалъ графъ, открывая улыбкой свои бѣлые, блестящіе зубы,—какъ-то всегда совѣстно за *папашу* покойнаго: всегда какая-нибудь исторія скандальная или долгъ какой-нибудь. Отъ этого я терпѣть не могу встрѣчать этихъ отцовскихъ знакомыхъ. Впрочемъ, тогда вѣкъ такой былъ,—добавилъ онъ уже серьезно.

— А я тебѣ не разсказывалъ?—сказалъ Полозовъ:—я какъ-то встрѣтилъ уланской бригады командира Ильина. Онъ тебя очень хотѣлъ видѣть и безъ памяти любитъ твоего отца.

— Онъ, кажется, ужасная дрянь, этотъ Ильинъ. А главное, что всѣ эти господа, которые увѣряютъ, что знали моего отца, чтобы поддѣлаться ко мнѣ, и, какъ будто очень милыя вещи, разсказываютъ про отца такія штуки, что слушать

совѣстно. Оно, правда,—я не увлекаюсь и безпристрастно смотрю на вещи, — онъ былъ слишкомъ пылкій человѣкъ, иногда и не совсѣмъ хорошія штуки дѣлалъ. Впрочемъ, все дѣло времени. Въ нашъ вѣкъ онъ можетъ-быть вышелъ бы и очень дѣльный человѣкъ, потому что способности-то у него были огромныя, надо отдать справедливость.

Черезъ четверть часа вернулся слуга и передалъ просьбу помѣщицы пожаловать ночевать въ домѣ.

XI.

Узнавъ, что гусарскій офицеръ былъ сынъ графа Ѳедора Турбина, Анна Ѳедоровна захлопоталась.

— А, батюшки мои! голубчикъ онъ мой!... Данило, скорѣй бѣги, скажи, барыня къ себѣ проситъ,—заговорила она, вскакивая и скорыми шагами направляясь въ дѣвичью.—Лизанька! Устюшка!... Приготовить надо твою комнату, Лиза. Ты перейди къ дядѣ; а вы, братецъ... братецъ, вы въ гостиной ужъ ночуйте. Одну ночь ничего.

— Ничего, сестрица, я на полу лягу.

— Красавчикъ, я чай, коли на отца похожъ. Хоть погляжу на него, на голубчика... Вотъ ты посмотри, Лиза! А отецъ красавецъ былъ... Куда несешь столъ? Оставь тутъ!—суетилась Анна Ѳедоровна. — Да двѣ кровати принеси: одну у прикащика возьми,—да на этажеркѣ подсвѣчникъ хрустальный возми, что мнѣ братецъ въ именины подарилъ, и калетовскую свѣчу поставь.

Наконецъ все было готово. Лиза, несмотря на вмѣшательство матери, устроила по-своему свою комнатку для двухъ офицеровъ. Она достала чистое, надушенное резедой постельное бѣлье и приготовила постели; велѣла поставить гра-

финъ воды и свѣчи, подлѣ, на столикѣ; накурила бумажкой въ дѣвичьей и сама перебралась съ своею постелькой въ комнату дяди. Анна Ѳедоровна успокоилась немного, усѣлась опять на свое мѣсто, взяла было даже въ руки карты, но, не раскладывая ихъ, оперлась на пухлый локоть и задумалась. „Времячко-то, времячко какъ летитъ!—шепотомъ про себя твердила она.—Давно ли, кажется? Какъ теперь гляжу на него. Ахъ, шалунъ былъ!...—И у нея слезы выступили на глаза.—Теперь Лизанька... но все она не то, что я была въ ея годы-то: хороша дѣвочка, но нѣтъ, не то!...“

— Лизанька, ты бы платьице муслинъ-де-леневое надѣла къ вечеру.

— Да развѣ вы ихъ будете звать, мамаша? Лучше не надо,—отвѣчала Лиза, испытывая непреодолимое волненіе при мысли видѣть офицеровъ,—лучше не надо, мамаша!

Дѣйствительно, она не столько желала ихъ видѣть, сколько боялась какого-то волнующаго счастія, которое, какъ ей казалось, ожидало ее.

— Можетъ-быть сами захотятъ познакомиться, Лизочка!—сказала Анна Ѳедоровна, гладя ее по волосамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ думая: „нѣтъ, не тѣ волоса, какіе у меня были въ ея годы... Нѣтъ, Лизочка, какъ бы я желала тебѣ...“ И она точно чего-то очень желала для своей дочери, но женитьбы съ графомъ она не могла предполагать, тѣхъ отношеній, которыя были съ отцомъ его, она не могла желать,—но чего-то такого она очень, очень желала для своей дочери. Ей хотѣлось, можетъ-быть, пожить еще разъ въ душѣ дочери тою же жизнью, которою она жила съ покойникомъ.

Старичокъ-кавалеристъ тоже былъ нѣсколько взволнованъ пріѣздомъ графа. Онъ вышелъ въ свою комнату и заперся

въ ней. Черезъ четверть часа онъ явился оттуда въ венгеркѣ и голубыхъ панталонахъ и съ смущенно-довольнымъ выраженіемъ лица, съ которымъ дѣвушка въ первый разъ надѣваетъ бальное платье, пошелъ въ назначенную для гостей комнату.

— Посмотрю на нынѣшнихъ гусаровъ, сестрица! Покойникъ графъ, точно, истинный гусаръ былъ. Посмотрю, посмотрю.

Офицеры пришли уже съ задняго крыльца въ назначенную для нихъ комнату.

— Ну, вотъ, видишь ли,—сказалъ графъ, какъ былъ въ пыльныхъ сапогахъ, ложась на приготовленную постель:— развѣ тутъ не лучше, чѣмъ въ избѣ съ тараканами?

— Лучше-то лучше, да какъ-то обязываться хозяевамъ...

— Вотъ вздоръ! Надо во всемъ быть практическимъ человѣкомъ. Они ужасно довольны, навѣрно... Человѣкъ!—крикнулъ онъ,—спроси чего-нибудь завѣсить это окошко, а то ночью дуть будетъ.

Въ это время вошелъ старичокъ знакомиться съ офицерами. Онъ, хотя и краснѣя нѣсколько, разумѣется, не преминулъ разсказать о томъ, что былъ товарищемъ покойнаго графа, что пользовался его расположеніемъ, и даже сказалъ, что онъ не разъ былъ облагодѣтельствованъ покойникомъ. Разумѣлъ ли онъ подъ благодѣяніями покойнаго то, что тотъ такъ и не отдалъ ему занятыхъ ста рублей, или то, что бросилъ его въ сугробъ, или что ругалъ его, — старичокъ не объяснилъ нисколько. Графъ былъ весьма учтивъ со старичкомъ-кавалеристомъ и благодарилъ за помѣщеніе.

— Ужъ извините, что не роскошно, графъ (онъ чуть было не сказалъ: ваше сіятельство,—такъ ужъ отвыкъ отъ обращенія съ важными людьми), домикъ сестрицы маленькій.

А вотъ это сейчасъ завѣсимъ чѣмъ-нибудь, и будетъ хорошо!—прибавилъ старичокъ, и подъ предлогомъ занавѣски, но главное, чтобы разсказать поскорѣе про офицеровъ, шаркая, вышелъ изъ комнаты.

Хорошенькая Устюша съ барыниной шалью пришла завѣсить окно. Кромѣ того, барыня приказала ей спросить: не угодно ли господамъ чаю.

Хорошее помѣщеніе, повидимому, благопріятно подѣйствовало на расположеніе духа графа: онъ весело, улыбаясь, пошутилъ съ Устюшей, такъ что Устюша назвала его даже шалуномъ, распросилъ ее, хороша ли ихъ барышня, и на вопросъ ея: не угодно ли чаю, отвѣчалъ, что чаю, пожалуй, пусть принесутъ, а главное, что свой ужинъ еще не готовъ, такъ нельзя ли теперь водки, закусить чего-нибудь и хересу, ежели есть.

Дядюшка былъ въ восторгѣ отъ учтивости молодаго графа и превозносилъ до небесъ молодое поколѣніе офицеровъ, говоря, что нынѣшніе люди не въ примѣръ авантажнѣе прежнихъ.

Анна Ѳедоровна не соглашалась,—лучше графа Ѳедора Ивановича никто не былъ,—и, наконецъ, уже серьёзно разсердилась, сухо замѣчала только, что „для васъ, братецъ, кто послѣдній васъ обласкалъ, тотъ и лучше... Извѣстно, теперь, конечно, люди умнѣе стали, а что все-таки графъ Ѳедоръ Ивановичъ такъ танцовалъ экосесъ и такъ любезенъ былъ, что тогда всѣ, можно сказать, безъ ума отъ него были; только онъ ни съ кѣмъ, кромѣ меня, не занимался. Стало-быть, и встарину были хорошіе люди“.

Въ это время пришло извѣстіе о требованіи водки, закуски и хереса.

— Ну, вотъ, какъ же вы, братецъ? Вы всегда не то сдѣлаете. Надо было заказать ужинать,—заговорила Анна Ѳедоровна.—Лиза! распорядись, дружокъ.

Лиза побѣжала въ кладовую за грибками и свѣжимъ сливочнымъ масломъ, повару заказали битки.

— Только хересу какъ? У васъ осталось, братецъ?

— Нѣту, сестрица! У меня и не было.

— Какъ же нѣту? А вы что-то пьете такое съ чаемъ...

— Это—ромъ, Анна Ѳедоровна.

— Развѣ не все равно? Вы дайте этого, все равно—ромъ. Да ужъ не попросить ли ихъ лучше сюда, братецъ? Вы все знаете. Они, кажется, не обидятся?

Кавалеристъ объявилъ, что онъ ручается за то, что графъ, по добротѣ своей, не откажется, и что онъ приведетъ ихъ непремѣнно. Анна Ѳедоровна пошла надѣть для чего-то платье гро-гро и новый чепецъ, а Лиза такъ была занята, что и не успѣла снять розоваго холстинковаго платья, съ широкими рукавами, которое было на ней. Притомъ она была ужасно взволнована: ей казалось, что ждетъ ее что-то поразительное, точно низкая, черная туча нависла надъ ея душой. Этотъ графъ-гусаръ, красавецъ, казался ей какимъ-то совершенно новымъ, для нея непонятнымъ, но прекраснымъ существомъ. Его нравъ, его привычки, его рѣчи—все должно было быть такое необыкновенное, какого она никогда не встрѣчала. Все, что̀ онъ думаетъ и говоритъ, должно быть умно и правда; все, что̀ онъ дѣлаетъ, должно быть честно; вся его наружность должна быть прекрасна. Она не сомнѣвалась въ этомъ. Ежели бы онъ не только потребовалъ закуски и хересу, но ванну изъ шалфея съ духа-

ми, она бы не удивилась, не обвиняла бы его и была бы твердо увѣрена, что это такъ нужно и должно.

Графъ тотчасъ же согласился, когда кавалеристъ выразилъ ему желаніе сестрицы, причесалъ волосы, надѣлъ шинель и взялъ сигарочницу.

— Пойдемъ же,—сказалъ онъ Полозову.

— Право, лучше не ходить,—отвѣчалъ корнетъ:—ils feront des frais pour nous recevoir.

— Вздоръ! Это ихъ осчастливитъ. Да я ужъ и навелъ справки: тамъ дочка хорошенькая есть... Пойдемъ!—сказалъ графъ по-французски.

— Je vous en prie, messieurs!—сказалъ кавалеристъ, только для того, чтобы дать почувствовать, что и онъ знаетъ по-французски и понялъ то, что̀ сказали офицеры.

XII.

Лиза покраснѣла и, потупясь, будто бы занялась доливаніемъ чайника, боясь взглянуть на офицеровъ, когда они вошли въ комнату. Анна Ѳедоровна, напротивъ, торопливо вскочила, поклонилась и, не отрывая глазъ отъ лица графа, начала говорить ему, то находя необыкновенное сходство съ отцомъ, то рекомендуя свою дочь, то предлагая чаю, варенья или пастилы деревенской. На корнета, по его скромному виду, никто не обращалъ вниманія, чему онъ былъ очень радъ, потому что, сколько возможно было прилично, всматривался и до подробностей разбиралъ красоту Лизы, которая, какъ видно, неожиданно поразила его. Дядя, слушая разговоръ сестры съ графомъ, съ готовою рѣчью на устахъ, выжидалъ случая поразсказать свои кавалерійскія воспоминанія. Графъ за чаемъ, закуривъ свою крѣпкую си-

гару, отъ которой съ трудомъ сдерживала кашель Лиза, былъ очень разговорчивъ, любезенъ, сначала въ промежутки непрерывныхъ рѣчей Анны Ѳедоровны вставляя свои разсказы, а подъ конецъ одинъ овладѣвъ разговоромъ. Одно немного странно поражало его слушателей: въ разсказахъ своихъ онъ часто говорилъ слова, которыя, не считаясь предосудительными въ его обществѣ, здѣсь были нѣсколько смѣлы, причемъ Анна Ѳедоровна пугалась немного, а Лиза до ушей краснѣла; но графъ не замѣчалъ этого и былъ все такъ же спокойно простъ и любезенъ. Лиза молча наливала стаканы, не подавая въ руки гостямъ, ставила ихъ поближе къ нимъ и, еще не оправясь отъ волненія, жадно вслушивалась въ рѣчи графа. Его незамысловатые разсказы и запинки въ разговорѣ понемногу успокоивали ее. Она не слышала отъ него предполагаемыхъ ею очень умныхъ вещей, не видѣла той изящности во всемъ, которую она смутно ожидала найти въ немъ. Даже при третьемъ стаканѣ чаю, послѣ того, какъ робкіе глаза ея встрѣтились разъ съ его глазами и онъ не опустилъ ихъ, а какъ-то слишкомъ спокойно продолжалъ, чуть-чуть улыбаясь, глядѣть на нее, она почувствовала себя даже нѣсколько враждебно расположенною къ нему и скоро нашла, что не только ничего не было въ немъ особеннаго, но онъ нисколько не отличался отъ всѣхъ тѣхъ, кого она видѣла, что не стоило бояться его, что только ногти чистые, длинные, а даже и красоты особенной нѣтъ въ немъ. Лиза вдругъ, не безъ нѣкоторой внутренней тоски разставшись съ своею мечтой, успокоилась и только взглядъ молчаливаго корнета, который она чувствовала устремленнымъ на себя, безпокоилъ ее. „Можетъ-быть это не онъ, а онъ!“ думала она.

XIII.

Послѣ чаю старушка пригласила гостей въ другую комнату и снова усѣлась на свое мѣсто.

— Да вы отдохнуть не хотите ли, графъ? — спрашивала она.—Такъ чѣмъ бы васъ занять, дорогихъ гостей?—продолжала она послѣ отрицательнаго отвѣта:—вы играете въ карты, графъ? Вотъ бы вы, братецъ, заняли, партію бы составили во что-нибудь...

— Да вѣдь вы сами играете въ преферансъ, — отвѣчалъ кавалеристъ:—такъ ужъ вмѣстѣ давайте. Будете, графъ? И вы будете?

Офицеры изъявили согласіе дѣлать все то, что̀ угодно будетъ любезнымъ хозяевамъ.

Лиза принесла изъ своей комнаты свои старыя карты, въ которыя она гадала о томъ, скоро ли пройдетъ флюсъ у Анны Ѳедоровны, вернется ли нынче дядя изъ города, когда онъ уѣзжалъ, пріѣдетъ ли сегодня сосѣдка, и т. д. Карты эти, хотя служили уже мѣсяца два, были почище тѣхъ, въ которыя гадала Анна Ѳедоровна.

— Только вы не станете по маленькой играть можетъ-быть?—спросилъ дядя.—Мы играемъ съ Анной Ѳедоровной по полкопѣйкѣ... И то она насъ всѣхъ обыгрываетъ.

— Ахъ, почемъ прикажете, я очень радъ!—отвѣчалъ графъ.

— Ну, такъ по копѣйкѣ ассигнаціями ужъ для дорогихъ гостей идетъ! Пускай они меня обыграютъ, старуху,—сказала Анна Ѳедоровна, широко усаживаясь въ своемъ креслѣ и расправляя свою мантилію.

„А можетъ и выиграю у нихъ цѣлковый“,—подумала Анна

Өедоровна, получившая подъ старость маленькую страсть къ картамъ.

— Хотите, я васъ выучу съ табелькой играть,— сказалъ графъ,—и съ мизерами? Это очень весело.

Всѣмъ очень понравилась новая петербургская манера. Дядя увѣрялъ даже, что онъ ее зналъ,—и это то же, что въ бостонъ было, но забылъ только немного. Анна же Өедоровна ничего не поняла, и такъ долго не понимала, что нашлась вынужденною, улыбаясь и одобрительно кивая головой, утверждать, что теперь она пойметъ и все для нея ясно. Не мало было смѣху въ серединѣ игры, когда Анна Өедоровна съ тузомъ и королемъ бланкъ говорила мизеръ и оставалась съ шестью. Она даже начинала теряться, робко улыбаться и торопливо увѣрять, что не совсѣмъ еще привыкла по-новому. Однако на нее записывали, и много, тѣмъ болѣе, что графъ по привычкѣ играть въ большую коммерческую игру, игралъ сдержанно, подводилъ очень хорошо и никакъ не понималъ толчковъ подъ столомъ ногой корнета и грубыхъ его ошибокъ въ вистованьи.

Лиза принесла еще пастилы, трехъ сортовъ варенья и сохранившіяся особеннаго моченья опортовыя яблоки и остановилась за спиной матери, вглядываясь въ игру и изрѣдка поглядывая на офицеровъ, и въ особенности на бѣлыя, съ тонкими, розовыми, отдѣланными ногтями, руки графа, которыя такъ опытно, увѣренно и красиво бросали карты и брали взятки.

Опять Анна Өедоровна, съ нѣкоторымъ азартомъ перебивая у другихъ, докупившись до семи, обремизилась безъ трехъ и, по требованію братца, уродливо изобразивъ какую-то цифру, совершенно растерялась и заторопилась.

— Ничего, мамаша: еще отыграетесь!—улыбаясь сказала Лиза, желая вывести мать изъ смѣшнаго положенія. — Вы дяденьку обремизьте разъ, тогда онъ попадется.

— Хоть бы ты мнѣ помогла, Лизочка!—сказала Анна Ѳедоровна, испуганно глядя на дочь.—Я не знаю, какъ это...

— Да и я не знаю по этому играть,—отвѣчала Лиза, мысленно считая ремизы матери.—А вы этакъ много проиграете, мамаша, и Пимочкѣ на платье не останется,—прибавила она шутя.

— Да, этакъ легко можно рублей десять серебромъ проиграть,—сказалъ корнетъ, глядя на Лизу и желая вступить съ ней въ разговоръ.

— Развѣ мы не ассигнаціями играемъ?—оглядываясь на всѣхъ,—спросила Анна Ѳедоровна.

— Я не знаю какъ, только я не умѣю считать ассигнаціями,—сказалъ графъ.—Какъ это? То-есть что̀ это ассигнаціи?

— Да теперь ужъ никто ассигнаціями не считаетъ,—подхватилъ дядюшка, который игралъ кремешкомъ и былъ въ выигрышѣ.

Старушка велѣла подать шипучки, выпила сама два бокала, раскраснѣлась и, казалось, на все махнула рукой. Даже одна прядь сѣдыхъ волосъ выбилась у ней изъ-подъ чепца и она не поправляла ее. Ей, вѣрно, казалось, что она проиграла милліоны и что она совсѣмъ пропала. Корнетъ все чаще и чаще толкалъ ногой графа. Графъ списывалъ ремизы старушки. Наконецъ партія кончилась. Какъ ни старалась Анна Ѳедоровна, кривя душой, прибавлять свои записи и притворяться, что она ошибается въ счетѣ и не можетъ счесть, какъ ни приходила въ ужасъ отъ величины своего проигрыша, въ концѣ расчета оказалось, что она проиграла девятьсотъ

двадцать призовъ. „Это ассигнаціями выходитъ девять рублей?“ нѣсколько разъ спрашивала Анна Ѳедоровна и до тѣхъ поръ не поняла всей громадности своего проигрыша, пока братецъ, къ ужасу ея, не объяснилъ, что она проиграла тридцать два рубля съ полтиной ассигнаціями, и что ихъ нужно заплатить непремѣнно. Графъ даже не считалъ своего выигрыша, а тотчасъ, по окончаніи игры, всталъ и подошелъ къ окну, у котораго Лиза устанавливала закуску и выкладывала на тарелку грибки изъ банки къ ужину, и совершенно спокойно и просто сдѣлалъ то, чего весь вечеръ такъ желалъ и не могъ сдѣлать корнетъ,—вступилъ съ ней въ разговоръ о погодѣ.

Корнетъ же въ это время находился въ весьма непріятномъ положеніи. Анна Ѳедоровна, съ уходомъ графа и особенно Лизы, поддерживавшей ее въ веселомъ расположеніи духа, откровенно разсердилась.

— Однако, какъ досадно, что мы васъ такъ обыграли!— сказалъ Полозовъ, чтобы сказать что-нибудь.—Это, просто, безсовѣстно!

— Да еще бы выдумали какіе-то табели да мизеры! Я въ нихъ не умѣю... Какже ассигнаціями-то, сколько же выходитъ всего?—спрашивала она.

— Тридцать два рубля, тридцать два съ полтинкой,—твердилъ кавалеристъ, находясь, подъ вліяніемъ выигрыша, въ игривомъ расположеніи духа:—давайте-ка денежки, сестрица, давайте-ка!

— И дамъ вамъ всѣ, только ужъ больше не поймаете, нѣтъ!... Это я и въ жизнь не отыграюсь.

И Анна Ѳедоровна ушла къ себѣ, быстро раскачиваясь, вернулась назадъ и принесла девять рублей ассигнаціями.

Только по настоятельному требованію старичка она заплатила всѣ.

На Полозова нашелъ нѣкоторый страхъ, чтобъ Анна Ѳедоровна не выбранила его, ежели онъ заговоритъ съ ней. Онъ молча, потихоньку, отошелъ отъ нея и присоединился къ графу и Лизѣ, которые разговаривали у открытаго окна.

Въ комнатѣ, на накрытомъ для ужина столѣ, стояли двѣ сальныя свѣчи. Свѣтъ ихъ изрѣдка колыхался отъ свѣжаго, теплаго дуновенія майской ночи. Въ окнѣ, открытомъ въ садъ, было тоже свѣтло, но совершенно иначе, чѣмъ въ комнатѣ. Почти полный мѣсяцъ, уже теряя золотистый оттѣнокъ, всплывалъ надъ верхушками высокихъ липъ и больше и больше освѣщалъ бѣлыя, тонкія тучки, изрѣдка застилавшія его. На прудѣ, котораго поверхность, въ одномъ мѣстѣ посеребренная мѣсяцемъ, виднѣлась сквозь аллеи, заливались лягушки. Въ сиреневомъ, душистомъ кустѣ, подъ самымъ окномъ, изрѣдка медленно качавшемъ влажными цвѣтами, чуть-чуть перепрыгивали и встряхивались какія-то птички.

— Какая чудная погода!—сказалъ графъ, подходя къ Лизѣ и садясь на низкое окно.—Вы, я думаю, много гуляете?

— Да,—отвѣчала Лиза, не чувствуя почему-то уже ни малѣйшаго смущенія въ бесѣдѣ съ графомъ: — я, по утрамъ, часовъ въ семь, по хозяйству хожу, такъ и гуляю немножко съ Пимочкой, маменькиною воспитанницей.

— Пріятно въ деревнѣ жить! — сказалъ графъ, вставивъ въ глазъ стеклышко, глядя то на садъ, то на Лизу.—А по ночамъ, при лунномъ свѣтѣ, вы не ходите гулять?

— Нѣтъ. А вотъ въ третьемъ году мы съ дяденькой каждую ночь гуляли, когда луна была. На него странная, какая-то болѣзнь—безсонница—находила. Какъ полная луна

такъ онъ заснуть не могъ. Комнатка же его, вотъ эта, прямо на садъ, и окошко низенькое: луна прямо къ нему ударяла.

— Странно,—замѣтилъ графъ: —да вѣдь это ваша комнатка, кажется?

— Нѣтъ, я только нынче тутъ ночую. Мою комнату вы занимаете.

— Неужели?... Ахъ, Боже мой, вѣкъ себѣ не прощу этого безпокойства!—сказалъ графъ, въ знакъ искренности чувства выбрасывая стеклышко изъ глаза:—ежели бы я зналъ, что я васъ тревожу...

— Что̀ за безпокойство! Напротивъ, я очень рада: дяденькина комнатка такая чудесная, веселенькая, окошечко низенькое, я буду такъ себѣ сидѣть, пока не засну, или въ садъ перелѣзу, погуляю еще на ночь.

„Экая славная дѣвочка!“—подумалъ графъ, снова вставивъ стеклышко, глядя на нее и, какъ будто усаживаясь на окнѣ, стараясь ногой тронуть ея ножку.—„И какъ она хитро дала мнѣ почувствовать, что я могу увидѣть ее въ саду у окна, коли захочу!“ Лиза даже потеряла въ его глазахъ бо̀льшую часть прелести: такъ легка ему показалась побѣда надъ нею.

— А какое должно быть наслажденіе,—сказалъ онъ, задумчиво вглядываясь въ темныя аллеи,—провести такую ночь въ саду съ существомъ, которое любишь...

Лиза смутилась нѣсколько этими словами и повтореннымъ, какъ будто нечаяннымъ, прикосновеніемъ ноги. Она, прежде чѣмъ подумала, сказала что-то, для того только, чтобы смущеніе ея не было замѣтно. Она сказала: „Да, славно въ лунныя ночи гулять“. Ей становилось что-то непріятно. Она увязала банку, изъ которой выкладывала грибки, и собиралась уйти

отъ окна, когда къ нимъ подошелъ корнетъ, и ей захотѣлось узнать, что это за человѣкъ такой.

-- Какая прелестная ночь!- сказалъ онъ.

„Однако только про погоду и разговариваютъ", —подумала Лиза.

— Какой видъ чудесный!—продолжалъ корнетъ.—Только вамъ, я думаю, ужъ надоѣло,—прибавилъ онъ, по странной, свойственной ему склонности говорить вещи немного непріятныя людямъ, которые ему очень нравились.

— Отчего-жъ вы такъ думаете? Кушанье одно и то же, платье—надоѣстъ, а садъ хорошій не надоѣстъ, когда любишь гулять, особенно когда мѣсяцъ еще повыше поднимется. Изъ дяденькиной комнаты весь прудъ виденъ. Вотъ я нынче буду смотрѣть.

— А соловьевъ у васъ нѣтъ, кажется?—спросилъ графъ, весьма недовольный тѣмъ, что пришелъ Полозовъ и помѣшалъ ему узнать положительнѣе условія свиданія.

— Нѣтъ, у насъ всегда были, только въ прошломъ году охотники одного поймали, и нынче, на прошлой недѣлѣ, славно запѣлъ было, да становой пріѣхалъ съ колокольчикомъ и спугнулъ. Мы, бывало, въ третьемъ году, сядемъ съ дяденькой въ крытой аллеѣ и часа два слушаемъ.

— Что̀ эта болтушка вамъ разсказываетъ?—сказалъ дядя, подходя къ разговаривающимъ.—Закусить не угодно ли?

Послѣ ужина, во время котораго графъ похваливаніемъ кушаній и аппетитомъ успѣлъ какъ-то разсѣять нѣсколько дурное расположеніе духа хозяйки, офицеры распрощались и пошли въ свою комнату. Графъ пожалъ руку дядѣ, къ удивленію Анны Ѳедоровны, и ея руку, не цѣлуя, пожалъ только, пожалъ даже и руку Лизы, причемъ взглянулъ ей

прямо въ глаза и слегка улыбнулся своею пріятною улыбкой. Этотъ взглядъ снова смутилъ дѣвушку.

„А очень хорошъ,—подумала она,—только ужъ слишкомъ занимается собой“.

XIV.

— Ну, какъ тебѣ не стыдно?—сказалъ Полозовъ, когда офицеры вернулись въ свою комнату:—я старался нарочно проиграть, толкалъ тебя подъ столомъ. Ну, какъ тебѣ не совѣстно? Вѣдь старушка совсѣмъ огорчилась.

Графъ ужасно расхохотался.

— Уморительная госпожа!... Какъ она обидѣлась!...

И онъ опять принялся хохотать такъ весело, что даже Іоганнъ, стоявшій передъ нимъ, потупился и слегка улыбнулся въ сторону.

— Вотъ-те и сынъ друга семейства!... Ха-ха-ха!...—продолжалъ смѣяться графъ.

— Нѣтъ, право, это нехорошо. Мнѣ ее жалко даже стало,—сказалъ корнетъ.

— Вотъ вздоръ! Какъ ты еще молодъ! Что-жъ, ты хотѣлъ, чтобъ я проигралъ? Зачѣмъ же я бы проигралъ? И я проигрывалъ, когда не умѣлъ. Десять рублей, братецъ, пригодятся. Надо смотрѣть практически на жизнь, а то всегда въ дуракахъ будешь.

Полозовъ замолчалъ; притомъ ему хотѣлось одному думать о Лизѣ, которая казалась ему необыкновенно-чистымъ, прекраснымъ созданіемъ. Онъ раздѣлся и легъ въ мягкую и чистую постель, приготовленную для него.

„Что за вздоръ эти почести и слава военная!—думалъ онъ, глядя на завѣшанное шалью окно, сквозь которое прокра-

дывались блѣдные лучи мѣсяца.—Вотъ счастіе жить въ тихомъ уголкѣ съ милою, умною, простою женой—вотъ это прочное, истинное счастье!“

Но почему-то онъ не сообщилъ этихъ мечтаній своему другу и даже не упомянулъ о деревенской дѣвушкѣ, несмотря на то, что былъ увѣренъ, что и графъ о ней думалъ.

— Что-жъ ты не раздѣваешься?—спросилъ онъ графа, который ходилъ по комнатѣ.

— Не хочется еще спать что-то. Туши свѣчу, коли хочешь; я такъ лягу.

И онъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ.

— Не хочется еще спать что-то,—повторилъ Полозовъ, чувствуя себя, послѣ нынѣшняго вечера, больше чѣмъ когда-нибудь недовольнымъ вліяніемъ графа и расположеннымъ взбунтоваться противъ него. „Я воображаю,—разсуждалъ онъ мысленно, обращаясь къ Турбину,—какія въ твоей причесанной головѣ теперь мысли ходятъ: я видѣлъ, какъ тебѣ она понравилась. Но ты не въ состояніи понять это простое, честное существо: тебѣ Мину надобно, полковничьи эполеты. Право, спрошу его, какъ она ему понравилась“.

И Полозовъ было обернулся къ нему, но раздумалъ: онъ чувствовалъ, что не тольво не въ состояніи будетъ спорить съ нимъ, если взглядъ графа на Лизу тотъ, который онъ предполагалъ, но что даже не въ силахъ будетъ не согласиться съ нимъ,—такъ ужъ онъ привыкъ подчиняться вліянію, которое становилось для него съ каждымъ днемъ тяжелѣе и несправедливѣе.

— Куда ты?—спросилъ онъ, когда графъ надѣлъ фуражку и подошелъ къ двери.

— Пойду на конюшню, посмотрю, все ли въ порядкѣ.

„Странно!“—подумалъ корнетъ, но потушилъ свѣчу и, стараясь разогнать нелѣпо-ревнивыя и враждебныя къ прежнему своему другу мысли, лѣзшія ему въ голову, перевернулся на другой бокъ.

Анна Ѳедоровна этимъ временемъ, перекрестивъ и расцѣловавъ, по обыкновенію, нѣжно брата, дочь и воспитанницу, тоже удалилась въ свою комнату. Давно ужъ въ одинъ день не испытывала старушка столь сильныхъ впечатлѣній, такъ что и молиться она не могла спокойно: все грустно-живое воспоминаніе о покойномъ графѣ и о молодомъ франтикѣ, который такъ безбожно обыгралъ ее, не выходило у нея изъ головы. Однако же, по обыкновенію, раздѣвшись, выпивъ полстакана квасу, приготовленнаго у постели на столикѣ, она легла въ постель. Любимая ея кошка тихо вползла въ комнату. Анна Ѳедоровна подозвала ее и стала гладить, вслушиваясь въ ея мурлыканье, и все не засыпала.

„Это кошка мѣшаетъ“, подумала она и прогнала ее. Кошка мягко упала на полъ, медленно поворачивая пушистымъ хвостомъ, вскочила на лежанку, но тутъ дѣвка, спавшая на полу въ комнатѣ, принесла стлать свой войлокъ, тушить свѣчку и зажигать лампадку. Наконецъ и дѣвка захрапѣла; но сонъ все еще не приходилъ къ Аннѣ Ѳедоровнѣ и не успокоивалъ ея разстроеннаго воображенія. Лицо гусара такъ и представлялось ей, когда она закрывала глаза, и, казалось, являлось въ различныхъ странныхъ видахъ въ комнатѣ, когда она съ открытыми глазами, при слабомъ свѣтѣ лампадки, смотрѣла на комодъ, на столикъ, на висѣвшее бѣлое платье. То ей казалось жарко въ перинѣ, то несносно били часы на столикѣ и невыносимо носомъ храпѣла дѣвка. Она разбудила ее и велѣла перестать храпѣть. Опять мысли о дочери, о

старомъ и молодомъ графѣ, преферансѣ, странно перемѣшивались въ ея головѣ. То она видѣла себя въ вальсѣ съ старымъ графомъ, видѣла свои полныя, бѣлыя плечи, чувствовала на нихъ чьи-то поцѣлуи, и потомъ видѣла свою дочь въ объятіяхъ молодаго графа. Опять храпѣть начала Устюшка...

„Нѣтъ, что-то не то теперь, люди не тѣ. Тотъ въ огонь за меня готовъ былъ, да и было за что̀. А этотъ, небось, спитъ себѣ дуракъ дуракомъ, радъ, что выигралъ, нѣтъ того, чтобы поволочиться. Какъ тотъ, бывало, говоритъ на колѣняхъ: „что̀ ты хочешь, чтобъ я сдѣлалъ: убилъ бы себя сейчасъ, или что хочешь?“—и убилъ бы, коли-бъ я сказала.

Вдругъ чьи-то босые шаги раздались по корридору, и Лиза въ одномъ накинутомъ платкѣ, вся блѣдная и дрожащая, вбѣжала въ комнату и почти упала къ матери на постедь...

Простясь съ матерью, Лиза одна пошла въ бывшую дядину комнату. Надѣвъ бѣлую кофточку и спрятавъ въ платокъ свою густую длинную косу, она потушила свѣчу, подняла окно и съ ногами сѣла на стулъ, устремивъ задумчивые глаза на прудъ, теперь ужъ весь блестѣвшій серебрянымъ сіяніемъ.

Всѣ ея привычныя занятія и интересы вдругъ явились предъ ней совершенно въ новомъ свѣтѣ: старая капризная мать, не судящая любовь къ которой сдѣлалась частью ея души; дряхлый, но любезный дядя; дворовые, мужики, обожающіе барышню; дойныя коровы и телки,—вся эта, все та же столько разъ умиравшая и обновлявшаяся природа, среди которой, съ любовью къ другимъ и отъ другихъ, она выросла,—все, что давало ей такой легкій, пріятный душевный отдыхъ,—все это вдругъ показалось не *то*, все это показалось *скучно*, *ненужно*. Какъ будто кто-нибудь сказалъ ей:

„дурочка, дурочка! двадцать лѣтъ дѣлала вздоръ, служила кому-то, зачѣмъ-то и не знала, что такое жизнь и счастье!“ Она это думала теперь, вглядываясь въ глубину свѣтлаго, неподвижнаго сада, сильнѣе, гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде ей случалось это думать. И что навело ее на эти мысли?— нисколько не внезапная любовь къ графу, какъ бы это можно было предположить. Напротивъ, онъ ей не нравился. Корнетъ могъ бы скорѣе занимать ее: но онъ дуренъ, бѣдный, молчаливъ какъ-то. Она невольно забывала его, и съ злобой и съ досадой вызывала въ воображеніи образъ графа. „Нѣтъ, не то“,—говорила она сама себѣ. Идеалъ ея былъ такъ прелестенъ! Это былъ идеалъ, который среди этой ночи, этой природы, не нарушая ея красоты, могъ бы быть любимымъ,—идеалъ, ни разу не обрѣзанный для того, чтобы слить его съ какою-нибудь грубою дѣйствительностью.

Сначала уединеніе и отсутствіе людей, которые бы могли обратить ея вниманіе, сдѣлали то, что вся сила любви, которую въ душу каждаго изъ насъ одинаково вложило Провидѣніе, была еще цѣла и невозмутима въ ея сердцѣ; теперь же уже слишкомъ долго она жила грустнымъ счастіемъ чувствовать въ себѣ присутствіе этого чего-то и, изрѣдка открывая таинственный сердечный сосудъ, наслаждаться созерцаніемъ его богатствъ, чтобы необдуманно излить на кого-нибудь все то, что тамъ было. Дай Богъ, чтобъ она до гроба наслаждалась этимъ скупымъ счастіемъ. Кто знаетъ, не лучше ли и не сильнѣе ли оно, и не одно ли оно истинно и возможно?

„Господи Боже мой,—думала она,—неужели я даромъ потеряла счастіе и молодость, и уже не будетъ... никогда не будетъ? Неужели это правда?“—и она вглядывалась въ вы-

сокое, свѣтлое около мѣсяца небо, покрытое бѣлыми волнистыми тучами, которыя, застилая звѣздочки, подвигались къ мѣсяцу. „Если захватитъ мѣсяцъ это верхнее бѣлое облачко, значитъ правда“,—подумала она. Туманная дымчатая полоса пробѣжала по нижней половинѣ свѣтлаго круга, и понемногу свѣтъ сталъ слабѣть на травѣ, на верхушкахъ липъ, на прудѣ: черныя тѣни деревьевъ стали менѣе замѣтны. И какъ будто вторя мрачной тѣни, осѣнившей природу, легкій вѣтерокъ пронесся по листьямъ и донесъ до окна росистый запахъ листьевъ, влажной земли и цвѣтущей сирени.

„Нѣтъ, это не правда!—утѣшала она себя.—А вотъ если соловей запоетъ нынче ночью, то значитъ вздоръ все, что я думаю, и не надо отчаяваться“, подумала она. И долго еще сидѣла молча, дожидаясь кого-то, несмотря на то, что снова все освѣтилось и ожило, и снова нѣсколько разъ набѣгали на мѣсяцъ тучки, и все померкло. Она уже засыпала такъ, сидя у окна, когда соловей разбудилъ ее частою трелью, раздававшеюся звонко низомъ по пруду. Деревенская барышня открыла глаза. Опять съ новымъ наслажденіемъ вся душа ея обновилась этимъ таинственнымъ соединеніемъ съ природой, которая такъ спокойно и свѣтло раскинулась передъ ней. Она облокотилась на обѣ руки. Какое-то томительное сладкое чувство грусти сдавило ей грудь, и слезы чистой, широкой любви, жаждущей удовлетворенія,—хорошія, утѣшительныя слезы, налились въ глаза ея. Она сложила руки на подоконникъ и на нихъ положила голову. Любимая ея молитва какъ-то сама пришла ей въ душу, и она такъ и задремала съ мокрыми глазами.

Прикосновеніе чьей-то руки разбудило ее. Она проснулась. Но прикосновеніе это было легко и пріятно. Рука сжи-

мала крѣпче ея руку. Вдругъ она вспомнила дѣйствительность, вскрикнула, вскочила, и сама себя увѣряя, что не узнала графа, который стоялъ подъ окномъ, весь облитый луннымъ свѣтомъ,—выбѣжала изъ комнаты...

XV.

Дѣйствительно, это былъ графъ. Услышавъ крикъ дѣвушки и кряхтенье сторожа за заборомъ, отозвавшагося на этотъ крикъ, онъ опрометью, съ чувствомъ пойманнаго вора, бросился бѣжать по мокрой, росистой травѣ въ глубину сада. „Ахъ, я дуракъ!—твердилъ онъ безсознательно.—Я ее испугалъ. Надо было тише, словами разбудить. Ахъ, я скотина неловкая!“ Онъ остановился и прислушался: сторожъ черезъ калитку прошелъ въ садъ, волоча палку по песчаной дорожкѣ. Надо было спрятаться. Онъ спустился къ пруду. Лягушки торопливо, заставляя его вздрагивать, побултыкали изъ-подъ ногъ его въ воду. Здѣсь, несмотря на промоченныя ноги, онъ сѣлъ на корточки и сталъ припоминать все, чтò онъ дѣлалъ: какъ онъ перелѣзъ черезъ заборъ, искалъ ея окно и, наконецъ, увидѣлъ бѣлую тѣнь; какъ нѣсколько разъ, прислушиваясь къ малѣйшему шороху, онъ подходилъ и отходилъ отъ окна; какъ то ему казалось несомнѣнно, что она съ досадой на его медлительность ожидаетъ его, то казалось, что это невозможно, чтобъ она такъ легко рѣшилась на свиданіе; какъ, наконецъ, предполагая, что она только отъ конфузливости уѣздной барышни притворяется, что спитъ, онъ рѣшительно подошелъ и увидалъ ясно ея положеніе, но тутъ вдругъ почему-то убѣжалъ опрометью назадъ и, только сильно устыдивъ трусостью самого себя, подошелъ къ ней

смѣло и тронулъ ее за руку... Сторожъ снова крикнулъ и, скрипнувъ калиткой, вышелъ изъ сада. Окно барышниной комнаты захлопнулось и заставилось ставешкомъ изнутри. Графу это было ужасно досадно видѣть. Онъ бы дорого далъ, чтобы только можно было начать опять все съ начала,—ужъ теперь бы онъ не поступилъ такъ глупо... „А чудесная барышня, свѣженькая какая, просто прелесть,—и такъ прозѣвать... Глупая скотина я!“ Притомъ, спать уже ему не хотѣлось, и онъ рѣшительными шагами раздосадованнаго человѣка пошелъ наудачу впередъ по дорожкѣ крытой липовой аллеи.

И тутъ и для него эта ночь приносила свои миротворные дары какой-то успокоительной грусти и потребности любви, Глинистая, кое-гдѣ съ пробивающеюся травкой или сухою вѣткой, дорожка освѣщалась кружками, сквозь густую листву липъ, прямыми, блѣдными лучами мѣсяца. Какой-нибудь загнутый сукъ, какъ обросшій бѣлымъ мхомъ, освѣщался сбоку. Листья, серебрясь, шептались изрѣдка. Въ домѣ потухли огни, замолкли всѣ звуки; только соловей наполнялъ собой, казалось, все необъятное, молчаливое и свѣтлое пространство. „Боже, какая ночь, какая чудная ночь! — думалъ графъ, вдыхая въ себя пахучую свѣжесть сада. — Чего-то жалко. Какъ будто недоволенъ и собой, и другими, и всею жизнью недоволенъ. А славная, милая дѣвочка! Можетъ-быть она точно огорчилась...“ Тутъ мечты его перемѣшались, онъ воображалъ себя въ этомъ саду вмѣстѣ съ уѣздною барышней, въ различныхъ, самыхъ странныхъ положеніяхъ; потомъ роль барышни заняла его любезная Мина. „Экой я дуракъ! Надо было просто ее схватить за талію и поцѣловать“. И съ этимъ раскаяніемъ графъ вернулся въ комнату.

Корнетъ не спалъ еще. Онъ тотчасъ повернулся на постели лицомъ къ графу.

— Ты не спишь?—спросилъ графъ.

— Нѣтъ.

— Разсказать тебѣ, что было?

— Ну?

— Нѣтъ, лучше не разсказывать... или разскажу. Подожми ноги.

И графъ, махнувъ уже мысленно рукой на прозѣванную имъ интрижку, съ оживленною улыбкой подсѣлъ на постель товарища.

— Можешь себѣ представить, что вѣдь барышня эта мнѣ назначила rendez-vous!

— Что ты говоришь?—вскрикнулъ Полозовъ, вскакивая съ постели.

— Ну, слушай.

— Да какъ же, когда же? Не можетъ быть!

— А вотъ, пока вы считали преферансъ, она мнѣ сказала, что будетъ ночью сидѣть у окна и что въ окно можно влѣзть. Вотъ что значитъ практическій человѣкъ! Покуда вы тамъ со старухой считали, я и это дѣльце обдѣлалъ. Да вѣдь ты слышалъ, она при тебѣ даже сказала, что она будетъ сидѣть нынче у окна, на прудъ смотрѣть?

— Да, это она такъ сказала.

— Вотъ то-то я не знаю, нечаянно, или нѣтъ она это сказала. Можетъ-быть и точно, она еще не хотѣла сразу, только было похоже на то. Вышла-то страшная штука. Я дуракомъ совсѣмъ поступилъ!—прибавилъ онъ, презрительно улыбаясь на себя.

— Да что же, гдѣ ты былъ?

Графъ, исключая своихъ нерѣшительныхъ неоднократныхъ подступовъ, разсказалъ все, какъ было.

— Я самъ испортилъ: надо было смѣлѣе. Закричала и убѣжала отъ окошка.

— Такъ она закричала и убѣжала?—сказалъ корнетъ съ неловкою улыбкой, отвѣчая на улыбку графа, имѣвшую на него такое долгое и сильное вліяніе.

— Да. Ну, теперь спать пора!

Корнетъ повернулся опять спиной къ двери и молча полежалъ минутъ десять. Богъ знаетъ, что̀ дѣлалось у него въ душѣ; но когда онъ повернулся снова, лицо его выражало страданіе и рѣшительность.

— Графъ Турбинъ!—сказалъ онъ прерывистымъ голосомъ.

— Что ты, бредишь или нѣтъ? — спокойно отозвался графъ.—Что, корнетъ Полозовъ?

— Графъ Турбинъ, вы—подлецъ!—крикнулъ Полозовъ и вскочилъ съ постели.

XVI.

На другой день эскадронъ выступилъ. Офицеры не видали хозяевъ и не простились съ ними. Между собой они тоже не говорили. По приходѣ на первую дневку, предположено было драться. Но ротмистръ Шульцъ, добрый товарищъ, отличнѣйшій ѣздокъ, любимый всѣми въ полку и выбранный графомъ въ секунданты, такъ успѣлъ уладить это дѣло, что не только не дрались, но никто въ полку не зналъ объ этомъ обстоятельствѣ, и даже Турбинъ и Полозовъ, хотя не въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ, но остались на „ты“ и встрѣчались за обѣдами и за партіями.

Графъ, исключая своихъ нерѣшительныхъ неодобрительныхъ поступковъ, разсказалъ все, какъ было.

— Я самъ испортилъ: надо было смѣлѣе. Закричала и убѣжала отъ окошка.

— Такъ она закричала и убѣжала?—сказалъ корнетъ съ неловкою улыбкой, отвѣчая на улыбку графа, имѣвшую на него такое долгое и сильное вліяніе.

— Да. Ну, теперь спать пора.

Корнетъ повернулся опять спиной къ двери и молча полежалъ минутъ десять. Богъ знаетъ, что дѣлалось у него въ душѣ; но когда онъ повернулся снова, лицо его выражало страданіе и рѣшительность.

— Графъ Турбинъ!—сказалъ онъ прерывистымъ голосомъ.

— Что ты, бредишь или нѣтъ?—спокойно отозвался графъ.—Что, корнетъ Полозовъ?

— Графъ Турбинъ, вы—подлецъ!—крикнулъ Полозовъ и вскочилъ съ постели.

XVI.

На другой день эскадронъ выступилъ. Офицеры не видали хозяевъ и не простились съ ними. Между собой они тоже не говорили. По прибытіи на первую дневку предположено было драться. Но ротмистръ Шульцъ, добрый товарищъ, отличный ѣздокъ, любимый всѣми въ полку и выбранный графомъ въ секунданты, такъ успѣлъ уладить это дѣло, что не только не дрались, но никто въ полку не зналъ объ этомъ обстоятельствѣ, и даже Турбинъ и Полозовъ, хотя не въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ, но остались на „ты" и встрѣчались за обѣдами и за партіями.

ТРИ СМЕРТИ.

РАЗСКАЗЪ

(1859 года).

ТРИ СМЕРТИ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Была осень. По большой дорогѣ скорою рысью ѣхали два экипажа. Въ передней каретѣ сидѣли двѣ женщины. Одна была госпожа, худая и блѣдная. Другая—горничная, глянцевито-румяная и полная. Короткіе сухіе волоса выбивались изъ-подъ полинявшей шляпки, красная рука въ прорванной перчаткѣ порывисто поправляла ихъ. Высокая грудь, покрытая ковровымъ платкомъ, дышала здоровьемъ; быстрые черные глаза то слѣдили черезъ окно за убѣгающими полями, то робко взглядывали на госпожу, то безпокойно окидывали углы кареты. Передъ носомъ горничной качалась привѣшанная къ сѣткѣ барынина шляпка, на колѣняхъ ея лежалъ щенокъ, ноги ея поднимались отъ шкатулокъ, стоявшихъ на полу, и чуть слышно подбарабанивали по нимъ подъ звукъ тряски рессоръ и побрякиванья стеколъ.

Сложивъ руки на колѣняхъ и закрывъ глаза, госпожа слабо покачивалась на подушкахъ, заложенныхъ ей за спину,

й, слегка наморщившись, внутренно покашливала. На головѣ ея былъ бѣлый ночной чепчикъ и голубая косыночка, завязанная на нѣжной, блѣдной шеѣ. Прямой рядъ, уходя подъ чепчикъ, раздѣлялъ русые, чрезвычайно плоскіе напомаженные волосы, и было что-то сухое, мертвенное въ бѣлизнѣ кожи этого просторнаго ряда. Вялая, нѣсколько желтоватая кожа не плотно обтягивала тонкія и красивыя очертанія лица и краснѣлась на щекахъ и скулахъ. Губы были сухи и не спокойны, рѣдкія рѣсницы не курчавились, а дорожный суконный капотъ дѣлалъ прямыя складки на впалой груди. Несмотря на то, что глаза были закрыты, лицо госпожи выражало усталость, раздраженіе и привычное страданіе.

Лакей, облокотившись на свое кресло, дремалъ на козлахъ; почтовый ямщикъ, покрикивая бойко, гналъ крупную потную четверку, изрѣдка оглядываясь на другаго ямщика, покрикивавшаго сзади въ коляскѣ. Параллельные широкіе слѣды шинъ ровно и шибко стлались по известковой грязи дороги. Небо было сѣро и холодно, сырая мгла сыпалась на поля и дорогу. Въ каретѣ было душно и пахло одеколономъ и пылью. Больная потянула назадъ голову и медленно открыла глаза. Большіе глаза были блестящи и прекраснаго темнаго цвѣта.

— Опять,—сказала она, нервически отталкивая красивою худощавою рукой конецъ салопа горничной, чуть-чуть прикасавшійся къ ея ногѣ, и ротъ ея болѣзненно изогнулся. Матреша подобрала обѣими руками салопъ, приподнялась на сильныхъ ногахъ и сѣла дальше. Свѣжее лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ. Прекрасные темные глаза больной жадно слѣдили за движеніями горничной. Госпожа уперлась обѣими руками о сидѣнье и такъ же хотѣла приподняться,

чтобы подсѣсть выше, но силы отказали ей. Ротъ ея изогнулся и все лицо ея исказилось выраженіемъ безсильной злой ироніи. „Хоть бы ты помогла мнѣ!...“ „Ахъ, не нужно! Я сама могу, только не клади за меня свои какіе-то мѣшки, сдѣлай милость!...“ „Да ужъ не трогай лучше, коли ты не умѣешь!“ Госпожа закрыла глаза и, снова быстро поднявъ вѣки, взглянула на горничную. Матреша, глядя на нее, кусала нижнюю красную губу. Тяжелый вздохъ поднялся изъ груди больной, но вздохъ, не кончившись, превратился въ кашель. Она отвернулась, сморщилась и обѣими руками схватилась за грудь. Когда кашель прошелъ, она снова закрыла глаза и продолжала сидѣть неподвижно. Карета и коляска въѣхали въ деревню. Матреша высунула толстую руку изъ-подъ платка и перекрестилась.

— Что̀ это?—спросила госпожа.

— Станція, сударыня.

— Что-жъ ты крестишься, я спрашиваю?

— Церковь, сударыня.

Больная повернулась къ окну и стала медленно креститься, глядя во всѣ большіе глаза на большую деревенскую церковь, которую объѣзжала карета больной.

Карета и коляска вмѣстѣ остановились у станціи. Изъ коляски вышли мужъ больной женщины и докторъ и подошли къ каретѣ.

— Какъ вы себя чувствуете?—спросилъ докторъ, щупая пульсъ.

— Ну, какъ ты, мой другъ, не устала?—спросилъ мужъ по-французски.—Не хочешь ли выдти?

Матреша, подобравъ узелки, жалась въ уголъ, чтобы не мѣшать разговаривать.

— Ничего, то же самое,—отвѣчала больная.—Я не выйду.

Мужъ, постоявъ немного, вошелъ въ станціонный домъ. Матреша, выскочивъ изъ кареты, на цыпочкахъ побѣжала по грязи въ ворота.

— Коли мнѣ плохо, это не резонъ, чтобы вамъ не завтракать, — слегка улыбаясь, сказала больная доктору, который стоялъ у окна.

„Никому имъ до меня дѣла нѣтъ... — прибавила она про себя, какъ только докторъ, тихимъ шагомъ отойдя отъ нея, рысью взбѣжалъ на ступени станціи. — Имъ хорошо, такъ и все равно. О, Боже мой!"

— Ну, чтò, Эдуардъ Ивановичъ?—сказалъ мужъ, встрѣчая доктора и съ веселою улыбкой потирая руки: — я велѣлъ погребецъ принести, вы какъ думаете насчетъ этого?

— Можно,—отвѣчалъ докторъ.

— Ну, что она? — со вздохомъ спросилъ мужъ, понижая голосъ и поднимая брови.

— Я говорилъ, она не можетъ доѣхать не только до Италіи, до Москвы дай Богъ. Особенно по этой погодѣ.

— Такъ что-жъ дѣлать? Ахъ, Боже мой, Боже мой!—Мужъ закрылъ глаза рукою. — Подай сюда!—прибавилъ онъ человѣку, вносившему погребецъ.

— Оставаться надо было, — пожавъ плечами, отвѣчалъ докторъ.

— Да скажите, что же я могъ сдѣлать?—возразилъ мужъ.— Вѣдь я употребилъ все, чтобъ удержать ее: я говорилъ и о средствахъ, и о дѣтяхъ, которыхъ мы должны оставить, и о моихъ дѣлахъ, — она ничего слышать не хочетъ. Она дѣлаетъ планы о жизни за границей, какъ бы здоровая. А сказать ей объ ея положеніи, вѣдь, это значило бы убить ее.

— Да она уже убита, вамъ надо знать это, Василій Дмитричъ. Человѣкъ не можетъ жить, когда у него нѣтъ легкихъ, а легкія опять вырости не могутъ. Грустно, тяжело, но что-жъ дѣлать? Наше и ваше дѣло только въ томъ, чтобы конецъ ея былъ сколь возможно спокоенъ. Тутъ духовникъ нуженъ.

— Ахъ, Боже мой, да вы поймите мое положеніе, напоминая ей о послѣдней волѣ!... Пусть будетъ, что̀ будетъ, а я не скажу ей этого. Вѣдь вы знаете, какъ она добра...

— Все-таки попробуйте уговорить ее остаться до зимняго пути,—сказалъ докторъ, значительно покачивая головой,—а то дорогой можетъ быть худо...

— Аксюша, а Аксюша!—визжала смотрительская дочь, накинувъ на голову кацавейку и топчась на грязномъ заднемъ крыльцѣ,—пойдемъ Ширкинскую барыню посмотримъ: говорятъ, отъ грудной болѣзни за границу везутъ. Я никогда еще не видала, какія въ чахоткѣ бываютъ.

Аксюша выскочила на порогъ, и обѣ, схватившись за руки, побѣжали за ворота. Уменьшивъ шагъ, онѣ прошли мимо кареты и заглянули въ опущенное окно. Больная повернула къ нимъ голову, но, замѣтивъ ихъ любопытство, нахмурилась и отвернулась.

— Ма-а-тушки,—сказала смотрительская дочь, быстро оборачивая голову:—какая была красавица чудная, нынче что стало? Страшно даже. Видѣла, видѣла, Аксюша?

— Да, какая худая!—поддакивала Аксюша.—Пойдемъ еще посмотримъ, будто къ колодцу. Вишь, отвернулась, а я еще не видѣла. Какъ жалко, Маша!

— Да и грязь же какая!—отвѣчала Маша, и обѣ побѣжали назадъ въ ворота.

„Видно я страшна стала,—думала больная.—Только бы поскорѣй, поскорѣй за границу, тамъ я скоро поправлюсь“.

— Что, какъ ты, мой другъ?—сказалъ мужъ, подходя къ каретѣ и прожевывая кусокъ.

„Все одинъ и тотъ же вопросъ,—подумала больная,—а самъ ѣстъ!“

— Ничего,—пропустила она сквозь зубы.

— Знаешь ли, мой другъ, я боюсь, тебѣ хуже будетъ отъ дороги въ эту погоду, и Эдуардъ Иванычъ то же говоритъ. Не вернуться ли намъ?

Она сердито молчала.

— Погода поправится, можетъ-быть путь установится, и тебѣ бы лучше стало: мы бы и поѣхали всѣ вмѣстѣ.

— Извини меня. Ежели бы я давно тебя не слушала, я бы была теперь въ Берлинѣ и была бы совсѣмъ здорова.

— Что-жъ дѣлать, мой ангелъ, невозможно было, ты знаешь! А теперь, ежели бы ты осталась на мѣсяцъ, ты бы славно поправилась, я бы кончилъ дѣла, и дѣтей бы мы взяли...

— Дѣти здоровы, а я нѣтъ.

— Да вѣдь пойми, мой другъ, что съ этою погодой, ежели тебѣ сдѣлается хуже дорогой... тогда, по крайней мѣрѣ, дома.

— Что-жъ что дома?... Умереть дома?—вспыльчиво отвѣчала больная. Но слово *умереть* видимо испугало ее,—она умоляюще и вопросительно посмотрѣла на мужа. Онъ опустилъ глаза и молчалъ. Ротъ больной вдругъ дѣтски изогнулся, и слезы полились изъ ея глазъ. Мужъ закрылъ лицо платкомъ и молча отошелъ отъ кареты.

„Нѣтъ, я поѣду,—сказала больная, поднявъ глаза къ

небу, сложила руки и стала шептать несвязныя слова.— Боже мой, за что же?"—говорила она, и слезы лились сильнѣе. Она долго и горячо молилась, но въ груди такъ же было больно и тѣсно; въ небѣ, въ поляхъ и по дорогѣ было такъ же сѣро и пасмурно; и та же осенняя мгла, ни чаще, ни рѣже, а все такъ же сыпалась на грязь дороги, на крыши, на карету и на тулупы ямщиковъ, которые, переговариваясь сильными, веселыми голосами, мазали и закладывали карету...

. .

II.

Карета была заложена; но ямщикъ мѣшкалъ,—онъ зашелъ въ ямскую избу. Въ избѣ было жарко, душно, темно и тяжело, пахло жильемъ, печенымъ хлѣбомъ, капустой и овчиной. Нѣсколько человѣкъ ямщиковъ было въ горницѣ, кухарка возилась у печи, на печи въ овчинахъ лежалъ больной.

— Дядя Хвёдоръ, а дядя Хвёдоръ!—сказалъ молодой парень, ямщикъ, въ тулупѣ и съ кнутомъ за поясомъ, входя въ комнату и обращаясь къ больному.

— Ты чаво, шабала, Ѳедьку спрашиваешь?—отозвался одинъ изъ ямщиковъ:—вишь, тебя въ карету ждутъ.

— Хочу сапогъ попросить, свои избилъ,—отвѣчалъ парень, вскидывая волосами и оправляя рукавицы за поясомъ.—Аль спитъ? А, дядя Хвёдоръ?—повторилъ онъ, подходя къ печи.

— Чаво?—послышался слабый голосъ, и рыжее худое лицо нагнулось съ печи. Широкая, исхудалая и поблѣднѣвшая рука, покрытая волосами, натягивала армякъ на острое плечо въ грязной рубахѣ.—Дай испить, братъ, ты чаво?

Парень подалъ ковшикъ съ водой.

— Да что, Ѳедя,—сказалъ онъ, переминаясь,—тебѣ, чай, сапогъ новыхъ не надо теперь, отдай мнѣ,—ходить чай не будешь?

Больной, припавъ усталою головой къ глянцевитому ковшу и мокая рѣдкіе, отвисшіе усы въ темной водѣ, слабо и жадно пилъ. Спутанная борода его была не чиста; впалые, тусклые глаза съ трудомъ поднялись на лицо парня. Отставъ отъ воды, онъ хотѣлъ поднять руку, чтобъ отереть мокрыя губы, но не могъ, и отерся о рукавъ армяка. Молча и тяжело дыша носомъ, онъ смотрѣлъ прямо въ глаза парню, сбираясь съ силами.

— Може ты кому пообѣщалъ уже?—сказалъ парень,—такъ даромъ. Главное дѣло, мокреть на дворѣ, а мнѣ съ работой ѣхать, я и подумалъ себѣ, дай у Ѳедьки сапогъ попрошу,— ему, чай, не надо. Може тебѣ самому надобны, ты скажи?...

Въ груди больнаго что-то стало переливаться и бурчать; онъ перегнулся и сталъ давиться горловымъ, неразрѣшавшимся кашлемъ.

— Ужъ гдѣ надобны!—неожиданно сердито, на всю избу, затрещала кухарка:—второй мѣсяцъ съ печи не слѣзаетъ! Вишь надрывается, даже у самой внутренность болитъ, какъ слышишь только. Гдѣ ему сапоги надобны? Въ новыхъ сапогахъ хоронить не станутъ... А ужъ давно пора, прости Господи согрѣшеніе! Вишь надрывается. Либо перевесть его что-ль въ избу въ другую, или куда! Такія больницы, слышь, въ городу есть; а то развѣ дѣло—занялъ весь уголъ, да и шабашъ? Нѣтъ тебѣ простору никакого. А тоже чистоту спрашиваютъ!

— Эй, Серёга, иди садись, господа ждутъ!—крикнулъ въ дверь почтовый староста.

Серёга хотѣлъ уйти, не дождавшись отвѣта, но больной

глазами во время кашля давалъ ему знать, что хочетъ отвѣтить.

— Ты сапоги возьми, Серёга,—сказалъ онъ, подавивъ кашель и отдохнувъ немного.—Только, слышь, камень купи, какъ помру,—хрипя прибавилъ онъ.

— Спасибо, дядя! Такъ я возьму, а камень, ей-ей, куплю.

— Вотъ, ребята, слышали?—могъ выговорить еще больной и снова перегнулся внизъ и сталъ давиться.

— Ладно, слышали,—сказалъ одинъ изъ ямщиковъ.—Иди, Серёга, садись, а то вонъ опять староста бѣжитъ. Барыня вишь Ширкинская больная.

Серёга живо скинулъ свои прорванные, несоразмѣрно большіе, сапоги и швырнулъ подъ лавку. Новые сапоги дяди Ѳедора пришлись какъ разъ по ногамъ, и Серёга, поглядывая на нихъ, вышелъ къ каретѣ.

— Экъ сапоги важные! Дай помажу,—сказалъ ямщикъ съ помазкомъ въ рукѣ, въ то время, какъ Серёга, влѣзая на козлы, подбиралъ возжи.—Даромъ отдалъ?

— Аль завидно?—отвѣчалъ Серёга, приподнимаясь и подвертывая около ногъ полы армяка.—Пущай! Эхъ вы, любезныя!—крикнулъ онъ на лошадей, взмахнулъ кнутикомъ, и карета и коляска съ своими сѣдоками, чемоданами и важами, скрываясь въ сѣромъ осеннемъ туманѣ, шибко покатились по мокрой дорогѣ.

Больной ямщикъ остался въ душной избѣ на печи, и, не выкашлявшись, черезъ силу перевернулся на другой бокъ и затихъ.

Въ избѣ до вечера приходили, уходили, обѣдали,—больнаго было не слышно. Передъ ночью кухарка влѣзла на печь и черезъ его ноги достала тулупъ.

— Ты на меня не серчай, Настасья,—проговорилъ больной,—скоро опростаю уголъ-то твой.

— Ладно, ладно, что-жъ, ничаво,—пробормотала Настасья.—Да что у тебя болитъ-то, дядя, ты скажи?

— Все нутро изныло. Богъ его знаетъ что̀.

— Небось, и глотка болитъ, какъ кашляешь?

— Вездѣ больно. Смерть моя пришла—вотъ что! Охъ-охъ-охъ...—простоналъ больной.

— Ты ноги-то укрой вотъ такъ,—сказала Настасья, по дорогѣ натягивая на него армякъ и слѣзая съ печи.

Ночью въ избѣ слабо свѣтилъ ночникъ. Настасья и человѣкъ десять ямщиковъ съ громкимъ храпомъ спали на полу и по лавкамъ. Одинъ больной слабо кряхтѣлъ, кашлялъ и ворочался на печи. Къ утру онъ затихъ совершенно.

— Чудно что-то я нынче во снѣ видѣла, — говорила кухарка, въ полусвѣтѣ потягиваясь на другое утро.—Вижу, я, будто дядя Хвёдоръ съ печи слѣзъ и пошелъ дрова рубить. Дай, говоритъ, Настя, я тебѣ подсоблю; а я ему говорю: куда ужъ тебѣ дрова рубить? А онъ какъ схватитъ топоръ, да почнетъ рубить, такъ шибко, шибко, только щепки летятъ. Что-жъ, я говорю, ты вѣдь боленъ былъ? Нѣтъ, говоритъ, я здоровъ, да какъ замахнется, на меня страхъ и нашелъ. Какъ я закричу... и проснулась.—Ужъ не померъ ли?... Дядя Хвёдоръ, а дядя!

Ѳедоръ не откликался.

— И то не померъ ли? Пойти посмотрѣть,— сказалъ одинъ изъ проснувшихся ямщиковъ.

Свисшая съ печи худая рука, покрытая рыжеватыми волосами, была холодна и блѣдна.

— Пойти смотрителю сказать. Кажись, померъ,—сказалъ ямщикъ.

Родныхъ у Ѳедора не было,—онъ былъ дальній. На другой день его похоронили на новомъ кладбищѣ за рощей, и Настасья нѣсколько дней разсказывала всѣмъ про сонъ, который она видѣла, и про то, что она первая хватилась дяди Ѳедора.

III.

Пришла весна. По мокрымъ улицамъ города, между навозными льдинками, журчали торопливые ручьи; цвѣта̀ одеждъ и звуки говора движущагося народа были ярки. Въ садикахъ за заборами пухнули почки деревьевъ, и вѣтки ихъ чуть слышно покачивались отъ свѣжаго вѣтра. Вездѣ лились и капали прозрачныя капли... Воробьи нескладно подпискивали и подпархивали на своихъ маленькихъ крыльяхъ. На солнечной сторонѣ, на заборахъ, домахъ и деревьяхъ, все двигалось и блестѣло. Радостно, молодо было и на небѣ, и на землѣ, и въ сердцѣ человѣка.

На одной изъ главныхъ улицъ, передъ большимъ барскимъ домомъ, была постлана свѣжая солома; въ домѣ была та самая умирающая больная, которая спѣшила за границу.

У затворенныхъ дверей комнаты стояли: мужъ больной и пожилая женщина. На диванѣ сидѣлъ священникъ, опустивъ глаза и держа что-то завернутымъ въ эпитрахили. Въ углу, въ вольтеровскомъ креслѣ, лежала старушка, мать больной, и горько плакала. Подлѣ нея горничная держала на рукѣ чистый носовой платокъ, дожидаясь, чтобы старушка спросила его; другая чѣмъ-то терла виски старушки и дула ей подъ чепчикъ въ сѣдую голову.

— Ну, Христосъ съ вами, мой другъ,—говорилъ мужъ пожилой женщинѣ, стоявшей съ нимъ у двери,—она такое имѣетъ довѣріе къ вамъ, вы такъ умѣете говорить съ ней; уговорите ее хорошенько, голубушка, идите же.—Онъ хотѣлъ уже отворить ей дверь, но кузина удержала его, приложила нѣсколько разъ платокъ къ глазамъ и встряхнула головой.

— Вотъ теперь, кажется, я не заплакана,—сказала она и, сама отворивъ дверь, прошла въ нее.

Мужъ былъ въ сильномъ волненіи и казался совершенно растерянъ. Онъ направился было къ старушкѣ, но, не дойдя нѣсколько шаговъ, повернулся, прошелъ по комнатѣ и подошелъ къ священнику. Священникъ посмотрѣлъ на него, поднялъ брови къ небу и вздохнулъ. Густая съ просѣдью бородка тоже поднялась кверху и опустилась.

— Боже мой, Боже мой!—сказалъ мужъ.

— Что̀ дѣлать?—вздыхая, сказалъ священникъ, и снова брови и бородка его поднялись кверху и опустились.

— И матушка тутъ!—почти съ отчаяніемъ сказалъ мужъ.—Она не вынесетъ этого! Вѣдь такъ любитъ, такъ любитъ ее, какъ она... я не знаю. Хоть бы вы, батюшка, попытались успокоить ее и уговорить уйти отсюда.

Священникъ всталъ и подошелъ къ старушкѣ.

— Точно-съ, материнское сердце никто оцѣнить не можетъ,—сказалъ онъ,—однако Богъ милосердъ.

Лицо старушки вдругъ все стало подергиваться, и съ ней сдѣлалась истерическая икота.

— Богъ милосердъ,—продолжалъ священникъ, когда она успокоилась немного.—Я вамъ доложу, въ моемъ приходѣ былъ одинъ больной много хуже Марьи Дмитріевны, и что же?—простой мѣщанинъ травами вылѣчилъ въ короткое время.

И даже мѣщанинъ этотъ самый теперь въ Москвѣ. Я говорилъ Василію Дмитріевичу—можно бы испытать. По крайности, утѣшенье для больной бы было. Для Бога все возможно.

— Нѣтъ, ужъ ей не жить!—проговорила старушка.—Чѣмъ бы меня, а ее Богъ беретъ.—И истерическая икота усилилась такъ, что чувства оставили ее.

Мужъ больной закрылъ лицо руками и выбѣжалъ изъ комнаты.

Въ коррилорѣ первое лицо, встрѣтившее его, былъ шестилѣтній мальчикъ, во весь духъ догонявшій младшую дѣвочку.

— Что-жъ, дѣтей-то не прикажете къ мамашѣ сводить?—спросила няня.

— Нѣтъ, она не хочетъ ихъ видѣть. Это разстроитъ ее.

Мальчикъ остановился на минуту, пристально всматриваясь въ лицо отца, и вдругъ подбрыкнулъ ногой и съ веселымъ крикомъ побѣжалъ дальше.

— Это она будто бы вороная, папаша!—прокричалъ мальчикъ, указывая на сестру.

Между тѣмъ, въ другой комнатѣ, кузина сидѣла подлѣ больной и искусно веденнымъ разговоромъ старалась приготовить ее къ мысли о смерти. Докторъ у другаго окна мѣшалъ питье.

Больная, въ бѣломъ капотѣ, вся обложенная подушками, сидѣла на постели и молча смотрѣла на кузину.

— Ахъ, мой другъ,—сказала она, неожиданно перебивая ее,—не приготовляйте меня! Не считайте меня за дитя. Я христіанка. Я все знаю. Я знаю, что мнѣ жить не долго; я знаю, что ежели бы мужъ мой раньше послушалъ меня, я бы

была въ Италіи и можетъ-быть,—даже навѣрно, — была бы здорова. Это всё ему говорили. Но что-жъ дѣлать, видно Богу было такъ угодно. На всѣхъ насъ много грѣховъ, я знаю это; но надѣюсь на милость Бога, всѣмъ простится, должно-быть всѣмъ простится. Я стараюсь понять себя. И на мнѣ было много грѣховъ, мой другъ. Но за то сколько я выстрадала! Я старалась сносить съ терпѣніемъ свои страданія...

— Такъ позвать батюшку, мой другъ? Вамъ будетъ еще легче, причастившись,—сказала кузина.

Больная нагнула голову въ знакъ согласія.

— Боже, прости меня грѣшную!—прошептала она.

Кузина вышла и мигнула батюшкѣ.

— Это ангелъ!—сказала она мужу, со слезами на глазахъ. Мужъ заплакалъ, священникъ прошелъ въ дверь, старушка все еще была безъ памяти, и въ первой комнатѣ стало совершенно тихо. Черезъ пять минутъ священникъ вышелъ изъ двери и, снявъ эпитрахиль, оправилъ волосы.

— Слава Богу, онѣ спокойнѣе теперь,—сказалъ онъ:— желаютъ васъ видѣть.

Кузина и мужъ вышли. Больная тихо плакала, глядя на образъ.

— Поздравляю тебя, мой другъ!—сказалъ мужъ.

— Благодарствуй... Какъ мнѣ теперь хорошо стало, какую непонятную сладость я испытываю!—говорила больная, и легкая улыбка играла на ея тонкихъ губахъ.—Какъ Богъ милостивъ, не правда ли?... Онъ милостивъ и всемогущъ!—И она снова съ жадною мольбой смотрѣла полными слезъ глазами на образъ.

Потомъ вдругъ какъ будто что-то вспомнилось ей. Она знаками подозвала къ себѣ мужа.

— Ты никогда не хочешь сдѣлать, что̀ я прошу...—сказала она слабымъ и недовольнымъ голосомъ.

Мужъ, вытянувъ шею, покорно слушалъ ее.

— Что, мой другъ?

— Сколько разъ я говорила, что эти доктора ничего не знаютъ. Есть простыя лѣкарки, онѣ вылѣчиваютъ... Вотъ батюшка говорилъ... мѣщанинъ... Пошли!

— За кѣмъ, мой другъ?

— Боже мой, ничего не хочетъ понимать!...—И больная сморщилась и закрыла глаза.

Докторъ, подойдя къ ней, взялъ ее за руку. Пульсъ замѣтно бился слабѣе и слабѣе. Онъ мигнулъ мужу. Больная замѣтила этотъ жестъ и испуганно оглянулась. Кузина отвернулась и заплакала.

— Не плачь, не мучь себя и меня,—говорила больная:—это отнимаетъ у меня послѣднее спокойствіе.

— Ты ангелъ!—сказала кузина, цѣлуя ея руку.

— Нѣтъ, сюда поцѣлуй,—только мертвыхъ цѣлуютъ въ руку... Боже мой, Боже мой!

Въ тотъ же вечеръ больная уже была тѣло, и тѣло въ гробу стояло въ залѣ большаго дома. Въ большой комнатѣ съ затворенными дверями сидѣлъ одинъ дьячокъ и въ носъ, мѣрнымъ голосомъ, читалъ пѣсни Давида. Яркій восковой свѣтъ съ высокихъ серебряныхъ посвѣчниковъ падалъ на блѣдный лобъ усопшей, на тяжелыя восковыя руки и окаменѣлыя складки покрова, страшно поднимающагося на колѣняхъ и пальцахъ ногъ. Дьячокъ, не понимая своихъ словъ, мѣрно читалъ, и въ тихой комнатѣ странно звучали и замирали слова. Изрѣдка изъ дальней комнаты долетали звуки дѣтскихъ голосовъ и ихъ топота.

„Сокроешь лице Твое — смущаются, гласилъ Псалтырь, возмешь отъ нихъ духъ — умираютъ и въ прахъ свой возвращаются. Пошлешь духъ Твой—созидаются и обновляютъ лицо земли. Да будетъ Господу слава во вѣки".

Лицо усопшей было строго и величаво. Ни въ чистомъ холодномъ лбѣ, ни въ твердо сложенныхъ устахъ ничто не двигалось. Она вся была вниманіе. Но понимала ли она хоть теперь великія слова эти?

IV.

Черезъ мѣсяцъ, надъ могилой усопшей воздвиглась каменная часовня. Надъ могилой ямщика все еще не было камня, и только свѣтло-зеленая трава пробивалась надъ бугоркомъ, служившимъ единственнымъ признакомъ прошедшаго существованія человѣка.

— А грѣхъ тебѣ будетъ, Серёга,—говорила разъ кухарка на станціи, — коли ты Хвёдору камня не купишь. То говорилъ—зима, зима, а нынче что-жъ слова не держишь? Вѣдь при мнѣ было. Онъ ужъ приходилъ къ тебѣ разъ просить; не купишь,—еще разъ придетъ, душить станетъ.

— Да что, я развѣ отрекаюсь?—отвѣчалъ Серёга:—я камень куплю, какъ сказалъ, куплю, въ полтора цѣлковыхъ куплю. Я не забылъ, да вѣдь провезть надо. Какъ случай въ городъ будетъ, такъ и куплю.

— Ты бы хошь крестъ поставилъ, вотъ что! — отозвался старый ямщикъ:—а то впрямь дурно. Сапоги-то носишь.

— Гдѣ его возьмешь, крестъ-то?... Изъ полѣна не вытешешь.

— Что говоришь-то—изъ полѣна не вытешешь? Возьми топоръ, да въ рощу пораньше сходи, вотъ и вытешешь.

Ясенку ли, что ли, срубишь, вотъ и голубецъ будетъ. А то пойди еще объѣздчика пой водкой... За всякою дрянью поить не наготовишься. Вонъ я намедни вагу сломалъ, новую вырубилъ важную,—никто слова не сказалъ.

Раннимъ утромъ, чуть зорька, Серёга взялъ топоръ и пошелъ въ рощу.

На всемъ лежалъ холодный матовый покровъ еще падавшей, не освѣщенной солнцемъ росы. Востокъ незамѣтно яснѣлъ, отражая свой слабый свѣтъ на подернутомъ тонкими тучами сводѣ неба. Ни одна травка внизу, ни одинъ листъ на верхней вѣткѣ дерева не шевелились. Только изрѣдка слышавшіеся звуки крыльевъ въ чащѣ деревьевъ, или шелеста по землѣ, нарушали тишину лѣса. Вдругъ странный, чуждый природѣ, звукъ разнесся и замеръ на опушкѣ лѣса. Но снова послышался звукъ, и равномѣрно сталъ повторяться внизу около ствола одного изъ неподвижныхъ деревьевъ. Одна изъ макушъ необычайно затрепетала, сочные листья ея зашептали что-то и малиновка, сидѣвшая на одной изъ вѣтвей ея, со свистомъ перепорхнула два раза, и, подергивая хвостикомъ, сѣла на другое дерево.

Топоръ низомъ звучалъ глуше и глуше, сочныя бѣлыя щепки летѣли на росистую траву, и легкій трескъ послышался изъ-за ударовъ. Дерево вздрогнуло всѣмъ тѣломъ, погнулось и быстро выпрямилось, испуганно колеблясь на своемъ корнѣ. На мгновеніе все затихло, но снова погнулось дерево, послышался трескъ въ его стволѣ, и, ломая сучья и спустивъ вѣтви, оно рухнулось макушкой на сырую землю. Звуки топора и шаговъ затихли. Малиновка свистнула и вспорхнула выше. Вѣтка, которую она зацѣпила своими крыльями, покачалась нѣсколько времени и замерла, какъ и дру-

гія, со всѣми своими листьями. Деревья еще радостнѣе красовались на новомъ просторѣ своими неподвижными вѣтвями.

Первые лучи солнца, пробивъ сквозившую тучу, блеснули въ небѣ и побѣжали по землѣ и небу. Туманъ волнами сталъ переливаться въ лощинахъ, роса, блестя, заиграла на зелени, прозрачныя побѣлѣвшія тучки, спѣша, разбѣгались по синѣвшему своду. Птицы гомозились въ чащѣ и, какъ потерянныя, щебетали что-то счастливое; сочные листья радостно и спокойно шептались на вершинахъ, и вѣтви живыхъ деревьевъ медленно, величаво зашевелились надъ мертвымъ, поникшимъ деревомъ.

КАВКАЗСКАЯ ПОВѢСТЬ 1852 ГОДА.

КАЗАКИ

(1861 года).

КАЗАКИ.

КАВКАЗСКАЯ ПОВѢСТЬ

1852 года.

Все затихло въ Москвѣ. Рѣдко, рѣдко гдѣ слышится визгъ колесъ по зимней улицѣ. Въ окнахъ огней ужъ нѣтъ, и фонари потухли. Отъ церквей разносятся звуки колоколовъ и, колыхаясь надъ спящимъ городомъ, напоминаютъ объ утрѣ. На улицахъ пусто. Рѣдко гдѣ промѣситъ узкими полозьями песокъ со снѣгомъ ночной извощикъ и, перебравшись на другой уголъ, заснетъ, дожидаясь сѣдока. Пройдетъ старушка въ церковь, гдѣ ужъ, отражаясь въ золотыхъ окладахъ, красно и рѣдко горятъ несимметрично разставленныя восковыя свѣчи. Рабочій народъ ужъ поднимается послѣ долгой зимней ночи и идетъ на работы.

А у господъ еще вечеръ.

Въ одномъ изъ оконъ Шевалье, изъ-подъ затворенной ставни, противозаконно свѣтится огонь. У подъѣзда стоятъ карета, сани и извощики, стѣснившись задками. Почтовая тройка стоитъ тутъ же. Дворникъ, закутавшись и сжавшись, точно прячется за уголъ дома.

„И чего переливаютъ изъ пустаго въ порожнее?—думаетъ лакей, съ осунувшимся лицомъ сидя въ передней.—И все на мое дежурство!“ Изъ сосѣдней свѣтлой комнатки слышатся голоса трехъ ужинающихъ молодыхъ людей. Они сидятъ въ комнатѣ около стола, на которомъ стоятъ остатки ужина и вина. Одинъ, маленькій, чистенькій, худой и дурной, сидитъ и смотритъ на отъѣзжающаго добрыми, усталыми глазами. Другой, высокій, лежитъ подлѣ уставленнаго пустыми бутылками стола и играетъ ключикомъ часовъ. Третій, въ новенькомъ полушубкѣ, ходитъ по комнатѣ и, изрѣдка останавливаясь, щелкаетъ миндаль въ довольно толстыхъ и сильныхъ, но съ отчищенными ногтями пальцахъ, и все чему-то улыбается; глаза и лицо его горятъ. Онъ говоритъ съ жаромъ и съ жестами; но видно, что онъ не находитъ словъ, и всѣ слова, которыя ему приходятъ, кажутся недостаточными, чтобы выразить все, что̀ подступило ему къ сердцу. Онъ безпрестанно улыбается.

— Теперь можно все сказать!—говоритъ отъѣзжающій.— Я не то что оправдываюсь, но мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты по крайней мѣрѣ понялъ меня, какъ я себя понимаю, а не такъ, какъ пошлость смотритъ на это дѣло. Ты говоришь, что я виноватъ передъ ней,—обращается онъ къ тому, который добрыми глазами смотритъ на него.

— Да, виноватъ,—отвѣчаетъ маленькій и дурной, и кажется, что еще больше доброты и усталости выражается въ его взглядѣ.

— Я знаю, отчего ты это говоришь,—продолжаетъ отъѣзжающій.—Быть любимымъ, по-твоему, такое же счастіе, какъ любить, и довольно на всю жизнь, если разъ достигъ его.

— Да, очень довольно, душа моя! Больше, чѣмъ нужно,

подтверждаетъ маленькій и дурной, открывая и закрывая глаза.

— Но отчего-жъ не любить и самому?—говоритъ отъѣзжающій, задумывается и, какъ будто съ сожалѣніемъ, смотритъ на пріятеля.—Отчего не любить? Не любится... Нѣтъ, любимымъ быть—несчастіе,—несчастіе, когда чувствуешь, что виноватъ, потому что не даешь того же и не можешь дать. Ахъ, Боже мой!—онъ махнулъ рукой:—вѣдь еслибъ это все дѣлалось разумно, а то навыворотъ какъ-то, не по-нашему, а по-своему все это дѣлается. Вѣдь я какъ будто укралъ это чувство. И ты такъ думаешь; не отказывайся,—ты долженъ это думать. А повѣришь ли, изъ всѣхъ глупостей и гадостей, которыхъ я много успѣлъ надѣлать въ жизни, это одна, въ которой я не раскаиваюсь и не могу раскаиваться. Ни сначала, ни послѣ я не лгалъ ни передъ собой, ни передъ нею. Мнѣ казалось, что наконецъ-то вотъ я полюбилъ, а потомъ увидалъ, что это была невольная ложь, что такъ любить нельзя, и не могъ идти далѣе; а она пошла... Развѣ я виноватъ въ томъ, что не могъ? Что же мнѣ было дѣлать?

— Ну, да теперь кончено!—сказалъ пріятель, закуривая сигару, чтобы разогнать сонъ.—Одно только: ты еще не любилъ и не знаешь, что̀ такое любить.

Тотъ, который былъ въ полушубкѣ, хотѣлъ опять сказать что-то и схватилъ себя за голову. Но не высказывалось то, что̀ онъ хотѣлъ сказать,

— Не любилъ!... Да, правда, не любилъ. Да есть же во мнѣ желаніе любить, сильнѣе котораго нельзя имѣть желанія! Да, опять, и есть ли такая любовь? Все остается что-то недоконченное. Ну, да что говорить! Напуталъ, напу-

талъ я себѣ въ жизни! Но теперь все кончено, ты правъ. И я чувствую, что начинается новая жизнь.

— Въ которой ты опять напутаешь,—сказалъ лежавшій на диванѣ и игравшій ключикомъ часовъ; но отъѣзжающій не слыхалъ его.

— Мнѣ и грустно, и радъ я, что ѣду,—продолжалъ онъ.— Отчего грустно, я не знаю.

И отъѣзжающій сталъ говорить объ одномъ себѣ, не замѣчая того, что другимъ не было это такъ интересно, какъ ему. Человѣкъ никогда не бываетъ такимъ эгоистомъ, какъ въ минуту душевнаго восторга. Ему кажется, что нѣтъ на свѣтѣ въ эту минуту ничего прекраснѣе и интереснѣе его самого.

— Дмитрій Андреевичъ, ямщикъ ждать не хочетъ!—сказалъ вошедшій молодой дворовый человѣкъ въ шубѣ и обвязанный шарфомъ.—Съ двѣнадцатаго часа лошади, а теперь четыре.

Дмитрій Андреевичъ посмотрѣлъ на своего Ванюшу. Въ его обвязанномъ шарфѣ, въ его валеныхъ сапогахъ, въ его заспанномъ лицѣ ему послышался голосъ другой жизни, призывавшей его,—жизни трудовъ, лишеній, дѣятельности.

— И въ самомъ дѣлѣ, прощай!—сказалъ онъ, ища на себѣ незастегнутаго крючка.

Несмотря на совѣты дать еще на водку ямщику, онъ надѣлъ шапку и сталъ по серединѣ комнаты. Они расцѣловались разъ, два раза, остановились и потомъ поцѣловались третій разъ. Тотъ, который былъ въ полушубкѣ, подошелъ къ столу, выпилъ стоявшій на столѣ бокалъ, взялъ за руку маленькаго и дурнаго и покраснѣлъ.

— Нѣтъ, все-таки скажу... Надо и можно быть откро-

веннымъ съ тобой, потому что я тебя люблю... Ты вѣдь любишь ее,—я всегда это думалъ,—да?

— Да,—отвѣчалъ пріятель, еще кротче улыбаясь.

— И можетъ-быть...

— Пожалуйте, свѣчи тушить приказано!—сказалъ заспанный лакей, слушавшій послѣдній разговоръ и соображавшій, почему это господа всегда говорятъ все одно и то же.—Счетъ за кѣмъ записать прикажете, за вами-съ?—прибавилъ онъ, обращаясь къ высокому, впередъ зная, къ кому обратиться.

— За мной,—сказалъ высокій.—Сколько?

— Двадцать шесть рублей.

Высокій задумался на мгновенье, но ничего не сказалъ и положилъ счетъ въ карманъ.

А у двухъ разговаривающихъ шло свое.

— Прощай, ты отличный малый!—сказалъ господинъ маленькій и дурной съ кроткими глазами.

Слезы навернулись на глаза обоимъ. Они вышли на крыльцо.

— Ахъ, да!—сказалъ отъѣзжающій, краснѣя и обращаясь къ высокому:—счетъ Шевалье ты устроишь, и тогда напиши мнѣ.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ высокій, надѣвая перчатки.—Какъ я тебѣ завидую!—прибавилъ онъ совершенно неожиданно, когда они вышли на крыльцо.

Отъѣзжающій сѣлъ въ сани, закутался въ шубу и сказалъ: „Ну, что-жъ, поѣдемъ!“ и даже подвинулся въ саняхъ, чтобы дать мѣсто тому, который сказалъ, что ему завидуетъ; голосъ его дрожалъ.

Провожавшій сказалъ: „Прощай, Митя, дай тебѣ Богъ...“ Онъ ничего не желалъ, кромѣ только того, чтобы тотъ уѣхалъ поскорѣе, и потому не могъ договорить, чего онъ желалъ.

Они помолчали. Еще разъ сказалъ кто-то „прощай“.

Кто-то сказалъ: „пошелъ!“—и ямщикъ тронулъ.

— Елизаръ, подавай!—крикнулъ одинъ изъ провожавшихъ.

Извощики и кучеръ зашевелились, зачмокали и задергали возжами. Замерзшая карета завизжала по снѣгу.

— Славный малый этотъ Оленинъ!—сказалъ одинъ изъ провожавшихъ.—Но что за охота ѣхать на Кавказъ и юнкеромъ? Я бы полтинника не взялъ... Ты будешь завтра обѣдать въ клубѣ?

— Буду.

И провожавшіе разъѣхались.

Отъѣзжавшему казалось тепло, жарко отъ шубы. Онъ сѣлъ на дно саней, распахнулся, и ямская взъерошенная тройка потащилась изъ темной улицы въ улицу, мимо какихъ-то невиданныхъ имъ домовъ. Оленину казалось, что только отъѣзжающіе ѣздятъ по этимъ улицамъ. Кругомъ было темно, безмолвно, уныло, а въ душѣ было такъ полно воспоминаній, любви, сожалѣній и пріятныхъ давившихъ слезъ...

II.

„Люблю! Очень люблю! Славные! Хорошо!“—твердилъ онъ, и ему хотѣлось плакать. Но отчего ему хотѣлось плакать? Кто были славные? Кого онъ очень любилъ?—Онъ не зналъ хорошенько. Иногда онъ вглядывался въ какой-нибудь домъ и удивлялся, зачѣмъ онъ такъ странно выстроенъ; иногда удивлялся, зачѣмъ ямщикъ и Ванюша, которые такъ чужды ему, находятся такъ близко отъ него и вмѣстѣ съ нимъ трясутся и покачиваются отъ порыва пристяжныхъ, натягивающихъ мерзлыя постромки, и снова говорилъ: „славные, люблю“, и разъ даже сказалъ: „какъ хватитъ,—отлично!“ и самъ уди-

вился, кчему онъ это сказалъ, и спросилъ себя: „Ужъ не пьянъ ли я?“ Правда, онъ выпилъ на свою долю бутылки двѣ вина, но не одно вино производило это дѣйствіе на Оленина. Ему вспоминались всѣ задушевныя, какъ ему казалось, слова дружбы, стыдливо, какъ будто нечаянно, высказанныя ему передъ отъѣздомъ. Вспоминались пожатія рукъ, взгляды, молчанія, звукъ голоса, сказавшаго: *прощай, Митя!*—когда онъ уже сидѣлъ въ саняхъ. Вспоминалась своя собственная рѣшительная откровенность. И все это для него имѣло трогательное значеніе. Передъ отъѣздомъ не только друзья, родные, не только равнодушные, но несимпатичные, недоброжелательные люди—всѣ какъ будто вдругъ сговорились сильнѣе полюбить его, простить, какъ передъ исповѣдью или смертью. „Можетъ-быть мнѣ не вернуться съ Кавказа“, думалъ онъ. И ему казалось, что онъ любитъ своихъ друзей и еще любитъ кого-то. И ему было жалко себя. Но не любовь къ друзьямъ такъ размягчила и подняла его душу, что онъ не удерживалъ безсмысленныхъ словъ, которыя говорились сами собой, и не любовь къ женщинѣ (онъ никогда еще не любилъ) привела его въ это состояніе. Любовь въ самому себѣ, горячая, полная надеждъ, молодая любовь ко всему, что̀ только было хорошаго въ его душѣ (а ему казалось теперь, что только одно хорошее было въ немъ), заставляла его плакать и бормотать несвязныя слова.

Оленинъ былъ юноша, нигдѣ не кончившій курса, нигдѣ не служившій (только числившійся въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ), промотавшій половину своего состоянія и до двадцати-четырехъ лѣтъ не избравшій еще себѣ никакой карьеры и никогда ничего не дѣлавшій. Онъ былъ то, что̀ называется „молодой человѣкъ“ въ московскомъ обществѣ.

Въ восемнадцать лѣтъ Оленинъ былъ такъ свободенъ, какъ только бывали свободны русскіе богатые молодые люди сороковыхъ годовъ, съ молодыхъ лѣтъ оставшіеся безъ родителей. Для него не было никакихъ ни физическихъ, ни моральныхъ оковъ; онъ все могъ сдѣлать, и ничего ему не нужно было, и ничто его не связывало. У него не было ни семьи, ни отечества, ни вѣры, ни нужды. Онъ ни во что не вѣрилъ и ничего не признавалъ. Но, не признавая ничего, онъ не только не былъ мрачнымъ, скучающимъ и резонирующимъ юношей, а, напротивъ, увлекался постоянно. Онъ рѣшилъ, что любви нѣтъ, и всякій разъ присутствіе молодой и красивой женщины заставляло его замирать. Онъ давно зналъ, что почести и званіе—вздоръ, но чувствовалъ невольно удовольствіе, когда на балѣ подходилъ къ нему князь Сергій и говорилъ ласковыя рѣчи. Но отдавался онъ всѣмъ своимъ увлеченіямъ лишь настолько, насколько они не связывали его. Какъ только, отдавшись одному стремленію, онъ начиналъ чуять приближеніе труда и борьбы, мелочной борьбы съ жизнью, онъ инстинктивно торопился оторваться отъ чувства или дѣла и возстановить свою свободу. Такъ онъ начиналъ свѣтскую жизнь, службу, хозяйство, музыку, которой одно время думалъ посвятить себя, и даже любовь къ женщинамъ, въ которую онъ не вѣрилъ. Онъ раздумывалъ надъ тѣмъ, куда положить всю эту силу молодости, только разъ въ жизни бывающую въ человѣкѣ: на искусство ли, на науку ли, на любовь ли въ женщинѣ,—или на практическую дѣятельность, на силу ума, сердца, образованія, — тотъ не повторяющійся порывъ, ту на одинъ разъ данную человѣку власть сдѣлать изъ себя все, что онъ хочетъ, и, какъ ему кажется, и изъ всего міра—все, что̀ ему

хочется. Правда, бываютъ люди, лишенные это порыва, которые, сразу входя въ жизнь, надѣваютъ на себя первый попавшійся хомутъ и честно работаютъ въ немъ до конца жизни. Но Оленинъ слишкомъ сильно сознавалъ въ себѣ присутствіе этого всемогущаго бога молодости, эту способность превратиться въ одно желаніе, въ одну мысль,—способность захотѣть и сдѣлать, броситься головой внизъ въ бездонную пропасть, не зная за что, не зная зачѣмъ. Онъ носилъ въ себѣ это сознаніе, былъ гордъ имъ и, самъ не зная этого, былъ счастливъ имъ. Онъ любилъ до сихъ поръ только себя одного, и не могъ не любить, потому что ждалъ отъ себя одного хорошаго и не успѣлъ еще разочароваться въ самомъ себѣ. Уѣзжая изъ Москвы, онъ находился въ томъ счастливомъ молодомъ настроеніи духа, когда, сознавъ прежнія ошибки, юноша вдругъ скажетъ себѣ, что все это было не то, что все прежнее было случайно и незначительно, что онъ прежде не хотѣлъ жить *хорошенько*, но что теперь, съ выѣздомъ его изъ Москвы, начинается новая жизнь, въ которой уже не будетъ больше тѣхъ ошибокъ, не будетъ раскаянія, а навѣрное будетъ одно счастіе.

Какъ всегда бываетъ въ дальней дорогѣ, на первыхъ двухъ-трехъ станціяхъ воображеніе остается на томъ мѣстѣ, откуда ѣдешь, а потомъ вдругъ, съ первымъ утромъ, встрѣченнымъ въ дорогѣ, переносится къ цѣли путешествія, и тамъ уже строитъ зàмки будущаго. Такъ случилось и съ Оленинымъ.

Выѣхавъ за городъ и оглядѣвъ снѣжныя поля, онъ порадовался тому, что онъ одинъ среди этихъ полей, завернулся въ шубу, опустился на дно саней, успокоился и задремалъ. Прощанье съ пріятелями растрогало его, и ему стала вспо-

минаться вся послѣдняя зима, проведенная имъ въ Москвѣ, и образы этого прошедшаго, перебиваемые неясными мыслями и упреками, стали непрошенно возникать въ его воображеніи.

Ему вспомнился этотъ провожавшій его пріятель и его отношенія къ дѣвушкѣ, о которой они говорили. Дѣвушка эта была богата. „Какимъ образомъ онъ могъ любить ее, несмотря на то, что она меня любила?—думалъ онъ, и нехорошія подозрѣнія пришли ему въ голову.—Много есть нечестности въ людяхъ, какъ подумаешь. А отчего-жъ я еще не любилъ въ самомъ дѣлѣ?—представился ему вопросъ.—Всѣ говорятъ мнѣ, что я не любилъ. Неужеля я нравственный уродъ?“ И онъ сталъ вспоминать свои увлеченія. Вспомнилъ онъ первое время своей свѣтской жизни и сестру одного изъ своихъ пріятелей, съ которою онъ проводилъ вечера, за столомъ при лампѣ, освѣщавшей ея тонкіе пальцы за работой и низъ красиваго тонкаго лица; и вспомнились ему эти разговоры, тянувшіеся какъ „живъ-живъ курилка“, и общая неловкость, и стѣсненіе, и постоянное чувство возмущенія противъ этой натянутости. Какой-то голосъ все говорилъ: *не то, не то!*—и, точно, вышло не то. Потомъ вспомнился ему балъ и мазурка съ красивою Д. „Какъ я былъ влюбленъ въ эту ночь, какъ былъ счастливъ! И какъ мнѣ больно и досадно было, когда я на другой день утромъ проснулся и почувствовалъ, что я свободенъ! Что же она, любовь, не приходитъ, не вяжетъ меня по рукамъ и по ногамъ?—думалъ онъ.—Нѣтъ, нѣтъ любви! Сосѣдка барыня, говорившая одинакоко мнѣ, и Дубровину, и предводителю, что любитъ звѣзды, была также *не то*“. И вотъ ему вспоминается его хозяйственная дѣятельность въ деревнѣ, и опять не на

чемъ съ радостью остановиться въ этихъ воспоминаніяхъ. „Долго они будутъ говорить о моемъ отъѣздѣ?“ приходитъ ему въ голову. Но кто это они, онъ не знаетъ и вслѣдъ за этимъ приходитъ ему мысль, заставляющая его морщиться и произносить неясные звуки: это—воспоминаніе о мосье Капелѣ и 678 рубляхъ, которые онъ остался долженъ портному, и онъ вспоминаетъ слова, которыми онъ упрашивалъ портнаго подождать еще годъ, и выраженіе недоумѣнія и покорности судьбѣ, появившееся на лицѣ портнаго. „Ахъ, Боже мой, Боже мой!“ повторяетъ онъ, щурясь и стараясь отогнать несносную мысль. „Однако она меня, несмотря на то, любила,—думаетъ онъ о дѣвушкѣ, про которую шла рѣчь при прощаньи.—Да, коли я бы на ней женился, у меня бы не было долговъ, а теперь я остался долженъ Васильеву“. И представляется ему послѣдній вечеръ игры съ г. Васильевымъ въ клубѣ, куда онъ поѣхалъ прямо отъ нея, и вспоминаются униженныя просьбы играть еще, и его холодные отказы. „Годъ экономіи, и все это будетъ заплачено, и чортъ ихъ возьми!...“ Но, несмотря на эту увѣренность, онъ снова начинаетъ считать оставшіеся долги, ихъ сроки и предполагаемое время уплаты. „А вѣдь я еще остался долженъ Морелю, кромѣ Шевалье“, вспомнилось ему; и представляется вся ночь, въ которую онъ ему задолжалъ столько. Это была попойка съ цыганами, которую затѣяли пріѣзжіе изъ Петербурга: Сашка Б***, флигель-адъютантъ, и князь Д***, и этотъ важный старикъ... „И почему они такъ довольны собой, эти господа,—подумалъ онъ,—и на какомъ основаніи составляютъ они особый кружокъ, въ которомъ, по ихъ мнѣнію, другимъ очень лестно участвовать? Неужели за то, что они флигель-адъютанты? Вѣдь это ужасно, какими глупыми и подлыми

они считаютъ другихъ! Я показалъ имъ, напротивъ, что нисколько не желаю сближаться съ ними. Однако, я думаю, Андрей управляющій очень былъ бы озадаченъ, что я на *ты* съ такимъ господиномъ, какъ Сашка Б***, полковникомъ и флигель-адъютантомъ... Да и никто не выпилъ больше меня въ этотъ вечеръ; я выучилъ цыганъ новой пѣснѣ, и всѣ слушали. Хоть много глупостей я дѣлалъ, а все-таки я очень, очень хорошій молодой человѣкъ", думаетъ онъ.

Утро застало Оленина на третьей станціи. Онъ напился чаю, переложилъ съ Ванюшей самъ узлы и чемоданы, и усѣлся между ними благоразумно, прямо и аккуратно, зная, гдѣ что у него находится: гдѣ деньги и сколько ихъ, гдѣ видъ, подорожная и шоссейная росписка,—и все это ему показалось такъ практично устроено, что стало весело, и дальняя дорога представилась въ видѣ продолжительной прогулки.

Въ продолженіе утра и середины дня онъ весь былъ погруженъ въ ариѳметическіе расчеты: сколько онъ проѣхалъ верстъ, сколько остается до первой станціи, сколько до перваго города, до обѣда, до чая, до Ставрополя, и какую часть всей дороги составляетъ проѣханное. При этомъ онъ расчитывалъ тоже: сколько у него денегъ, сколько останется, сколько нужно для уплаты всѣхъ долговъ и какую часть всего дохода будетъ онъ проживать въ мѣсяцъ. Къ вечеру, напившись чаю, онъ расчитывалъ, что до Ставрополя оставалось $^{7}/_{11}$ всей дороги, долговъ всего оставалось на семь мѣсяцевъ экономіи и на $^{1}/_{8}$ всего состоянія,—и, успокоившись, онъ укутался, спустился въ сани и снова задремалъ. Воображеніе его теперь уже было въ будущемъ, на Кавказѣ. Всѣ мечты о будущемъ соединились съ образами Амалатъбековъ, черкешенокъ, горъ, обрывовъ, страшныхъ потоковъ

и опасностей. Все это представляется смутно, не ясно; но слава заманивая и смерть угрожая составляютъ интересъ этого будущаго. То съ необычайною храбростью и удивляющею всѣхъ силой онъ убиваетъ и покоряетъ безчисленное множество горцевъ; то онъ самъ горецъ и съ ними вмѣстѣ отстаиваетъ противъ русскихъ свою независимость. Какъ только представляются подробности, то въ подробностяхъ этихъ участвуютъ старыя московскія лица. Сашка Б*** тутъ вмѣстѣ съ русскими или съ горцами воюетъ противъ него. Даже, неизвѣстно какъ, портной мосье Капель принимаетъ участіе въ торжествѣ побѣдителя. Ежели при этомъ вспоминаются старыя униженія, слабости, ошибки, то воспоминаніе о нихъ только пріятно. Ясно, что тамъ, среди горъ, потоковъ, черкешенокъ и опасностей, эти ошибки не могутъ повторяться. Ужъ разъ исповѣдался въ нихъ передъ самимъ собой—и кончено. Есть еще одна, самая дорогая мечта, которая примѣшивалась ко всякой мысли молодаго человѣка о будущемъ: это—мечта о женщинѣ. И тамъ она, между горъ, представляется воображенію въ видѣ черкешенки-рабыни, съ стройнымъ станомъ, длинною косой и покорными глубокими глазами. Ему представляется въ горахъ уединенная хижина и у порога *она*, дожидающаяся его въ то время, какъ онъ, усталый, покрытый пылью, кровью, славой, возвращается къ ней, и ему чудятся ея поцѣлуи, ея плечи, ея сладкій голосъ, ея покорность. Она прелестна, но она необразованна, дика, груба. Въ длинные зимніе вечера онъ начинаетъ воспитывать ее. Она умна, понятлива, даровита и быстро усвоиваетъ себѣ всѣ необходимыя знанія. Отчего же, она очень легко можетъ выучить языки, читать произведенія французской литературы, понимать ихъ... *Notre Dame de Paris*,

напримѣръ, должно ей понравиться. Она можетъ и говорить по-французски. Въ гостиной она можетъ имѣть больше природнаго достоинства, чѣмъ дама самаго высшаго общества. Она можетъ пѣть, просто, сильно и страстно. „Ахъ, какой вздоръ!" говоритъ онъ самъ себѣ. А тутъ пріѣхали на какую-то станцію, и надо перелѣзать изъ саней въ сани и давать на водку. Но онъ снова ищетъ воображеніемъ того вздора, который онъ оставилъ, и ему представляются опять черкешенки, слава, возвращеніе въ Россію, флигель-адъютантство, прелестная жена. „Но вѣдь любви нѣтъ, говоритъ онъ самъ себѣ, почести—вздоръ. А шестьсотъ семьдесятъ восемь рублей?... А завоеванный край, давшій мнѣ больше богатства, чѣмъ мнѣ нужно на всю жизнь? Впрочемъ, не хорошо будетъ одному воспользоваться этимъ богатствомъ. Нужно раздать его. Кому только?—Шестьсотъ семьдесятъ восемь рублей Капелю, а тамъ видно будетъ..." И уже совсѣмъ смутныя видѣнія застилаютъ мысль, и только голосъ Ванюши и чувство прекращеннаго движенія нарушаютъ здоровый, молодой сонъ, и самъ не помня перелѣзаетъ онъ въ другія сани на новой станціи и ѣдетъ далѣе.

На другое утро—то же самое: тѣ же станціи, тѣ же чаи, тѣ же движущіеся крупы лошадей, тѣ же короткіе разговоры съ Ванюшей, тѣ же неясныя мечты и дремоты по вечерамъ и усталый, здоровый, молодой сонъ въ продолженіе ночи.

III.

Чѣмъ дальше уѣзжалъ Оленинъ отъ центра Россіи, тѣмъ дальше казались отъ него всѣ его воспоминанія; и чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ Кавказу, тѣмъ отраднѣе становилось

ему на душѣ. Уѣхать совсѣмъ и никогда не пріѣзжать назадъ, не показываться въ общество, приходило ему иногда въ голову. „А эти люди, которыхъ я здѣсь вижу,—*не люди*; никто изъ нихъ меня не знаетъ, и никто, никогда не можетъ быть въ Москвѣ въ томъ обществѣ, гдѣ я былъ, и узнать о моемъ прошедшемъ. И никто изъ того общества не узнаетъ, что̀ я дѣлалъ, живя между этими людьми“. И совершенно новое для него чувство свободы отъ всего прошедшаго охватывало его между этими грубыми существами, которыхъ онъ встрѣчалъ по дорогѣ и которыхъ не признавалъ людьми наравнѣ съ своими московскими знакомыми. Чѣмъ грубѣе былъ народъ, чѣмъ меньше было признаковъ цивилизаціи, тѣмъ свободнѣе онъ чувствовалъ себя. Ставрополь, чрезъ который онъ долженъ былъ проѣзжать, огорчилъ его. Вывѣски, даже французскія вывѣски, дамы въ колядкѣ, извощики, стоявшіе на площади, бульваръ и господинъ въ шинели и шляпѣ, проходившій по бульвару и оглядѣвшій проѣзжихъ,—больно подѣйствовали на него. „Можетъ-быть эти люди знаютъ кого-нибудь изъ моихъ знакомыхъ?“— и ему опять вспомнились клубъ, портной, карты, свѣтъ... Отъ Ставрополя за то все уже пошло удовлетворительно: дико и сверхъ того красиво и воинственно. И Оленину все становилось веселѣе и веселѣе. Всѣ казаки, ямщики, смотрителя—казались ему простыми существами, съ которыми ему можно было просто шутить, бесѣдовать, не соображая, кто къ какому разряду принадлежитъ. Всѣ принадлежали къ роду человѣческому, который былъ весь безсознательно милъ Оленину, и всѣ дружелюбно относились къ нему.

Еще въ Землѣ Войска Донскаго перемѣнили сани на телѣгу, а за Ставрополемъ уже стало такъ тепло, что Оленинъ

ѣхалъ безъ шубы. Была уже весна—неожиданная, веселая весна для Оленина. Ночью уже не пускали изъ станицъ и вечеромъ говорили, что опасно. Ванюша сталъ потрушивать, и ружье заряженное лежало на перекладной. Оленинъ сталъ еще веселѣе. На одной станціи смотритель разсказалъ, недавно случившееся, страшное убійство на дорогѣ. Стали встрѣчаться вооруженные люди. „Вотъ оно гдѣ начинается!“— говорилъ себѣ Оленинъ и все ждалъ вида снѣговыхъ горъ, про которыя много говорили ему. Одинъ разъ, передъ вечеромъ, ногаецъ ямщикъ плетью указалъ изъ-за тучъ на горы. Оленинъ съ жадностью сталъ вглядываться, но было пасмурно и облака до половины застилали горы. Оленину виднѣлось что-то сѣрое, бѣлое, курчавое, и какъ онъ ни старался, онъ не могъ найти ничего хорошаго въ видѣ горъ, про которыя онъ столько читалъ и слышалъ. Онъ подумалъ, что горы и облака имѣютъ совершенно одинаковый видъ и что особенная красота снѣговыхъ горъ, о которыхъ ему толковали, есть такая же выдумка, какъ музыка Баха и *любовь* къ женщинѣ, въ которыя онъ не вѣрилъ. И онъ пересталъ дожидаться горъ. Но на другой день, рано утромъ, онъ проснулся отъ свѣжести въ своей перекладной и равнодушно взглянулъ направо. Утро было совершенно ясное. Вдругъ онъ увидалъ, шагахъ въ двадцати отъ себя, какъ ему показалось въ первую минуту, чисто-бѣлыя громады съ ихъ нѣжными очертаніями и причудливую, отчетливую воздушную линію ихъ вершинъ и далекаго неба. И когда онъ понялъ всю даль между имъ и горами, и небомъ, всю громадность горъ, и когда почувствовалась ему вся безконечность этой красоты, онъ испугался, что это призракъ, сонъ. Онъ встряхнулся, чтобы проснуться. Горы были все тѣ же.

— Чтὸ это? Чтὸ это такое?—спросилъ онъ у ямщика.

— А горы,—отвѣчалъ равнодушно ногаецъ.

— И я тоже давно на нихъ смотрю,—сказалъ Ванюша:—вотъ хорошо-то! Дома не повѣрятъ.

На быстромъ движеніи тройки по ровной дорогѣ, горы, казалось, бѣжали по горизонту, блестя на восходящемъ солнцѣ своими розоватыми вершинами. Сначала горы только удивили Оленина, потомъ обрадовали; но потомъ, больше и больше вглядываясь въ эту, не изъ другихъ черныхъ горъ, но прямо изъ степи вырастающую и убѣгающую цѣпь снѣговыхъ горъ, онъ мало-по-малу началъ вникать въ эту красоту и *почувствовалъ* горы. Съ этой минуты все, чтὸ только онъ видѣлъ, все, чтὸ онъ думалъ, все, чтὸ онъ чувствовалъ, получало для него новый, строго величавый характеръ горъ. Всѣ московскія воспоминанія, стыдъ и раскаяніе, всѣ пошлыя мечты о Кавказѣ—всѣ исчезли и не возвращались болѣе. „Теперь началось“,—какъ будто сказалъ ему какой-то торжественный голосъ. И дорога, и вдали виднѣвшаяся черта Терека, и станицы, и народъ—все это ему казалось теперь уже не шуткой. Взглянетъ на небо—и вспомнитъ горы. Взглянетъ на себя, на Ванюшу—и опять горы. Вотъ ѣдутъ два казака верхомъ, и ружья въ чехлахъ равномѣрно поматываются у нихъ за спинами, и лошади ихъ перемѣшиваются гнѣдыми и сѣрыми ногами, а горы... За Терекомъ видѣнъ дымъ въ аулѣ, а горы... Солнце всходитъ и блещетъ на виднѣющемся изъ-за камыша Терекѣ, а горы... Изъ станицы ѣдетъ арба, женщины ходятъ красивыя, женщины молодыя, а горы... Абреки рыскаютъ въ степи, и я ѣду, ихъ не боюсь,—у меня ружье и сила, и молодость; а горы...

IV.

Вся часть Терской линіи, по которой расположены гребенскія станицы, около 80 верстъ длины, носитъ на себѣ одинаковый характеръ и по мѣстности, и по населенію. Терекъ, отдѣляющій казаковъ отъ горцевъ, течетъ мутно и быстро, но уже широко и спокойно, постоянно нанося сѣроватый песокъ на низкій, заросшій камышомъ, правый берегъ и подмывая обрывистый, хотя и не высокій, лѣвый берегъ съ его корнями столѣтнихъ дубовъ, гніющихъ чинаръ и молодаго подроста. По правому берегу расположены мирные, но еще безпокойные аулы; вдоль по лѣвому берегу, въ полуверстѣ отъ воды, на разстояніи семи и восьми верстъ одна отъ другой, расположены станицы. Встарину бо̀льшая часть этихъ станицъ была на самомъ берегу; но Терекъ, каждый годъ отклоняясь къ сѣверу отъ горъ, подмылъ ихъ, и теперь видны только густо-заросшія старыя городища, сады, груши, лычи и райны, переплетенныя ежевичникомъ и одичавшимъ виноградникомъ. Никто уже не живетъ тамъ, и только видны по песку слѣды оленей, бирюковъ *), зайцевъ и фазановъ, полюбившихъ эти мѣста. Отъ станицы до станицы идетъ дорога, прорубленная въ лѣсу на пушечный выстрѣлъ. По дорогѣ расположены кордоны, въ которыхъ сто̀ятъ казаки; между кордонами, на вышкахъ, находятся часовые. Только узкая, саженъ въ триста, полоса лѣсистой плодородной земли составляетъ владѣнія казаковъ. На сѣверъ отъ нихъ начинаются песчаные буруны Ногайской или Моздокской степи,

*) Волковъ.

идущей далеко на сѣверъ и сливающейся, Богъ знаетъ гдѣ, съ Трухменскими, Астраханскими и Киргизъ-Кайсацкими степями. На югъ за Терекомъ—Большая Чечня, Кочколосовскій хребетъ, Черныя горы, еще какой-то хребетъ и, наконецъ, снѣжныя горы, которыя только видны, но въ которыхъ никто никогда еще не былъ. Въ этой-то плодородной, лѣсистой и богатой растительностью полосѣ живетъ съ незапамятныхъ временъ воинственное, красивое и богатое, старовѣрческое, русское населеніе, называемое гребенскими казаками.

Очень, очень давно, предки ихъ, старовѣры, бѣжали изъ Россіи и поселились за Терекомъ, между чеченцами на Гребнѣ, первомъ хребтѣ лѣсистыхъ горъ Большой Чечни. Живя между чеченцами, казаки перероднились съ ними и усволи себѣ обычаи, образъ жизни и нравы горцевъ; но удержали и тамъ, во всей прежней чистотѣ, русскій языкъ и старую вѣру. Преданіе, еще до сихъ поръ свѣжее между казаками, говоритъ, что царь Иванъ Грозный пріѣзжалъ на Терекъ, вызывалъ съ Гребня къ своему лицу стариковъ, дарилъ имъ землю по сю сторону рѣки, увѣщевалъ жить въ дружбѣ и обѣщалъ не принуждать ихъ ни къ подданству, ни къ перемѣнѣ вѣры. Еще до сихъ поръ казацкіе роды считаются родствомъ съ чеченскими, и любовь къ свободѣ, праздности, грабежу и войнѣ составляетъ главныя черты ихъ характера. Вліяніе Россіи выражается только съ невыгодной стороны—стѣсненіемъ въ выборахъ, снятіемъ колоколовъ и войсками, которыя стоятъ и проходятъ тамъ. Казакъ, по влеченію, менѣе ненавидитъ джигита-горца, который убилъ его брата, чѣмъ солдата, который стоитъ у него, чтобы защищать его станицу, но который закурилъ табакомъ его хату. Онъ уважаетъ врага-горца, но презираетъ чужаго для него и угнетателя солдата. Соб-

ственно русскій мужикъ для казака есть какое-то чуждое, дикое и презрѣнное существо, котораго обращикъ онъ видалъ въ заходящихъ торгашахъ и переселенцахъ малороссіянахъ, которыхъ казаки презрительно называютъ шаповалами. Щегольство въ одеждѣ состоитъ въ подражаніи черкесу. Лучшее оружіе добывается отъ горца, лучшія лошади покупаются и крадутся у нихъ же. Молодецъ казакъ щеголяетъ знаніемъ татарскаго языка и, разгулявшись, даже съ своимъ братомъ говоритъ по-татарски. Несмотря на то, этотъ христіанскій народецъ, закинутый въ уголокъ земли, окруженный полудикими магометанскими племенами и солдатами, считаетъ себя на высокой степени развитія и признаетъ человѣкомъ только одного казака; на все же остальное смотритъ съ презрѣніемъ. Казакъ бо́льшую часть времени проводитъ на кордонахъ, въ походахъ, на охотѣ или рыбной ловлѣ. Онъ почти никогда не работаетъ дома. Пребываніе его въ станицѣ есть исключеніе изъ правила, и тогда онъ *гуляетъ*. Вино у казаковъ у всѣхъ свое, и пьянство есть не столько общая всѣмъ склонность, сколько обрядъ, неисполненіе котораго сочлось бы за отступничество. На женщину казакъ смотритъ какъ на орудіе своего благосостоянія; дѣвкѣ только позволяетъ гулять, бабу же заставляетъ съ молодости и до глубокой старости работать для себя, и смотритъ на женщину съ восточнымъ требованіемъ покорности и труда. Вслѣдствіе такого взгляда, женщина, усиленно развиваясь и физически и нравственно, хотя и покоряясь наружно, получаетъ, какъ вообще на Востокѣ, безъ сравненія большее, чѣмъ на Западѣ, вліяніе и вѣсъ въ домашнемъ быту. Удаленіе ея отъ общественной жизни и привычка къ мужской тяжелой работѣ даютъ ей тѣмъ большій вѣсъ и силу

въ домашнемъ быту. Казакъ, который при постороннихъ считаетъ неприличнымъ ласково или праздно говорить съ своею бабой, невольно чувствуетъ ея превосходство, оставаясь съ ней съ глазу на глазъ. Весь домъ, все имущество, все хозяйство пріобрѣтено ею и держится только ея трудами и заботами. Хотя онъ и твердо убѣжденъ, что трудъ постыденъ для казака и приличенъ только работнику ногайцу и женщинѣ, онъ смутно чувствуетъ, что все, чѣмъ онъ пользуется и называетъ своимъ, есть произведеніе этого труда, и что во власти женщины, матери или жены, которую онъ считаетъ своею холопкой, лишить его всего, чѣмъ онъ пользуется. Кромѣ того, постоянный мужской, тяжелый трудъ и заботы, переданныя ей на руки, дали особенно самостоятельный, мужественный характеръ гребенской женщинѣ и поразительно развили въ ней физическую силу, здравый смыслъ, рѣшительность и стойкость характера. Женщины большею частью и сильнѣе, и умнѣе, и развитѣе, и красивѣе казаковъ. Красота гребенской женщины особенно поразительна соединеніемъ самаго чистаго типа черкесскаго лица съ широкимъ и могучимъ сложеніемъ сѣверной женщины. Казачки носятъ одежду черкескую: татарскую рубаху, бешметъ и чувяки, но платки завязываютъ по-русски. Щегольство, чистота и изящество въ одеждѣ и убранствѣ хатъ составляютъ привычку и необходимость ихъ жизни. Въ отношеніяхъ къ мужчинамъ женщины, и особенно дѣвки, пользуются совершенною свободой. Станица Новомлинская считалась корнемъ гребенскаго казачества. Въ ней, болѣе чѣмъ въ другихъ, сохранились нравы старыхъ гребенцовъ, и женщины этой станицы изстари славились своею красотой по всему Кавказу. Средства жизни казаковъ составляютъ виноградные и фруктовые

сады, бахчи съ арбузами и тыквами, рыбная ловля, охота, посѣвы кукурузы и проса и военная добыча.

Новомлинская станица стоитъ въ трехъ верстахъ отъ Терека, отдѣляясь отъ него густымъ лѣсомъ. Съ одной стороны дороги, проходящей черезъ станицу, рѣка; съ другой— зеленѣютъ виноградные, фруктовые сады и виднѣются песчаные буруны (наносные пески) Ногайской степи. Станица обнесена землянымъ валомъ и колючимъ терновникомъ. Выѣзжаютъ изъ станицы и въѣзжаютъ въ нее высокими, на столбахъ, воротами, съ небольшою, крытою камышомъ, крышкой, около которыхъ стоитъ на деревянномъ лафетѣ пушка, уродливая, сто лѣтъ не стрѣлявшая, когда-то отбитая казаками. Казакъ въ формѣ, въ шапкѣ и ружьѣ, иногда стоитъ, иногда не стоитъ на часахъ у воротъ; иногда дѣлаетъ, иногда не дѣлаетъ фрунтъ проходящему офицеру. Подъ крышкой воротъ, на бѣлой дощечкѣ, черною краской написано: домовъ 266, мужскаго пола душъ 897, женскаго пола 1012. Дома казаковъ всѣ подняты на столбахъ отъ земли на аршинъ и болѣе, опрятно покрыты камышомъ, съ высокими князьками. Всѣ—ежели не новы, то прямы, чисты, съ разнообразными высокими крылечками, и не прилѣплены другъ къ другу, а просторно и живописно расположены широкими улицами и переулками. Передъ свѣтлыми, большими окнами многихъ домовъ, за огородками, поднимаются выше хатъ темнозеленыя райны, нѣжныя свѣтлолиственныя акаціи съ бѣлыми душистыми цвѣтами, и тутъ же нагло блестящіе желтые подсолнухи и вьющіяся лозы травянокъ и винограда. На широкой площади виднѣются три лавочки съ краснымъ товаромъ, сѣмячкомъ, стручками и пряниками; и за высокою оградой, изъ-за ряда старыхъ райнъ, виднѣется, длиннѣе и выше

всѣхъ другихъ, домъ полковаго командира со створчатыми окнами. Народа, особенно лѣтомъ, всегда мало виднѣется въ будни по улицамъ станицы. Казаки на службѣ: на кордонахъ и въ походѣ; старики на охотѣ, рыбной ловлѣ или съ бабами на работѣ въ садахъ и огородахъ. Только совсѣмъ старые, малые и больные остаются дома.

V.

Былъ тотъ особенный вечеръ, какой бываетъ только на Кавказѣ. Солнце зашло за горы, но было еще свѣтло. Заря охватила треть неба, и на свѣтѣ зари рѣзко отдѣлялись бѣломатовыя громады горъ. Воздухъ былъ рѣдокъ, неподвиженъ и звученъ. Длинная, въ нѣсколько верстъ, тѣнь ложилась отъ горъ на степи. Въ степи, за рѣкой, по дорогамъ—вездѣ было пусто. Ежели рѣдко-рѣдко гдѣ покажутся верховые, то уже казаки съ кордона и чеченцы изъ аула съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрятъ на верховыхъ и стараются догадаться, кто могутъ быть эти недобрые люди. Какъ вечеръ, такъ люди, изъ страха другъ передъ другомъ, жмутся къ жильямъ, и только звѣрь и птица, не боясь человѣка, свободно рыщутъ по этой пустынѣ. Изъ садовъ спѣшатъ съ веселымъ говоромъ, до захожденія солнца, казачки, привязывавшія плети. И въ садахъ становится пусто, какъ и во всей окрестности; но станица въ эту пору вечера особенно оживляется. Со всѣхъ сторонъ подвигается—пѣшкомъ, верхомъ и на скрипучихъ арбахъ—народъ къ станицѣ. Дѣвки въ подоткнутыхъ рубахахъ, съ хворостинами, весело болтая, бѣгутъ къ воротамъ на встрѣчу скотинѣ, которая толпится въ облакѣ пыли и комаровъ, приведенныхъ ею за собой изъ степи. Сытыя коровы и буйволицы разбредаются по улицамъ, и ка-

зачки въ цвѣтныхъ бешметахъ снуютъ между ними. Слышенъ ихъ рѣзкій говоръ, веселый смѣхъ и визги, перебиваемые ревомъ скотины. Тамъ казакъ, въ оружіи, верхомъ, выпросившійся съ кордона, подъѣзжаетъ къ хатѣ и, перегибаясь къ окну, постукиваетъ въ него, и вслѣдъ за стукомъ показывается красивая, молодая голова казачки, и слышатся улыбающіяся ласковыя рѣчи. Тамъ скуластый, оборванный работникъ ногаецъ, пріѣхавъ съ камышомъ изъ степи, поворачиваетъ скрипящую арбу на чистомъ широкомъ дворѣ эсаула, скидаетъ ярмо съ мотающихъ головами быковъ и перекликается по-татарски съ хозяиномъ. Около лужи, занимающей почти всю улицу и мимо которой столько лѣтъ проходятъ люди, съ трудомъ лѣпясь по заборамъ, пробирается босая казачка съ вязанкой дровъ за спиной, высоко поднимая рубаху надъ бѣлыми ногами, и возвращающійся казакъ-охотникъ шутя кричитъ: „выше подними, срамница!"—и цѣлится въ нее; казачка опускаетъ рубаху и роняетъ дрова. Старикъ казакъ, съ засученными штанами и раскрытою сѣдою грудью, возвращаясь съ рыбной ловли, несетъ черезъ плечо въ *санеткѣ* *) еще бьющихся серебристыхъ шамаекъ и, чтобы ближе пройти, лѣзетъ черезъ проломанный заборъ сосѣда и отдираетъ отъ забора зацѣпившійся зипунъ. Тамъ баба тащитъ сухой сукъ, и слышатся удары топора за угломъ. Визжатъ казачата, гоняющіе кубари на улицахъ вездѣ, гдѣ вышло ровное мѣсто. Черезъ заборы, чтобы не обходить, перелѣзаютъ бабы. Изо всѣхъ трубъ поднимается душистый дымъ кизяка. На каждомъ дворѣ слышится усиленная хлопотня, предшествующая тишинѣ ночи.

*) Наметка.

Бабука Улитка, жена хорунжаго и школьнаго учителя, также какъ и другія, вышла къ воротамъ своего двора и ожидаетъ скотину, которую по улицѣ гонитъ ея дѣвка Марьянка. Она не успѣла еще отворить плетня, какъ громадная буйволица, провожаемая комарами, мыча, проламывается сквозь ворота; за ней медленно идутъ сытыя коровы, большими глазами признавая хозяйку и хвостомъ мѣрно хлеща себя по бокамъ. Стройная красавица Марьянка проходитъ въ ворота, и бросая хворостину, закидываетъ плетень и со всѣхъ рѣзвыхъ ногъ бросается разбивать и загонять на дворѣ скотину. „Разуйся, чортова дѣвка!—кричитъ мать:—чуняки-то *) всѣ истоптала“. Марьяна нисколько не оскорбляется названіемъ чортовой дѣвки, принимаетъ эти слова за ласку и весело продолжаетъ свое дѣло. Лицо Марьяны закрыто обвязаннымъ платкомъ; на ней розовая рубаха и зеленый бешметъ. Она скрывается подъ навѣсомъ двора, вслѣдъ за жирною крупною скотиной, и только слышится изъ клѣти ея голосъ, нѣжно уговаривающій буйволицу: „Не постоитъ! Эка ты! Ну тебя, ну матушка!...“ Вскорѣ приходитъ дѣвка съ старухой изъ закуты въ *избушку* **), и обѣ несутъ два большіе горшка молока—подой нынѣшняго дня. Изъ глиняной трубы избушки скоро поднимается дымъ кизяка, молоко передѣлывается въ каймакъ; дѣвка разжигаетъ огонь, а старуха выходитъ къ воротамъ. Сумерки охватили уже станицу. По всему воздуху разлитъ запахъ овоща, скотины и душистаго дыма кизяка. У воротъ и по улицамъ вездѣ перебѣгаютъ

*) Чуняки—обувь.

**) Избушкой у казаковъ называется низенькій, холодный срубецъ, гдѣ кипятится и сберегается молочный скопъ.

казачки, несущія въ рукахъ зажженныя тряпки. На дворѣ слышны пыхтѣнье и спокойная жвачка опроставшейся скотины, и только женскіе и дѣтскіе голоса перекликаются по дворамъ и улицамъ. Въ будни рѣдко когда заслышится мужской пьяный голосъ.

Одна изъ казачекъ, старая, высокая, мужественная женщина, съ противоположнаго двора, подходитъ къ бабукѣ Улиткѣ просить огня; въ рукѣ у нея тряпка.

— Что, бабука, убрались?—говоритъ она.

— Дѣвка топитъ. Аль огоньку надо? — говоритъ бабука Улитка, гордая тѣмъ, что можетъ услужить.

Обѣ казачки идутъ въ хату; грубыя руки, не привыкшія къ мелкимъ предметамъ, съ дрожаніемъ сдираютъ крышку съ драгоцѣнной коробочки со спичками, которыя составляютъ рѣдкость на Кавказѣ. Пришедшая мужественная казачка садится на приступокъ съ очевиднымъ намѣреніемъ поболтать.

— Что, твой-то, мать, въ школѣ?—спрашиваетъ пришедшая.

— Все ребятъ учитъ, мать. Писалъ, къ празднику будетъ,— говоритъ хорунжиха.

— Человѣкъ умный вѣдь; въ пользу все.

— Извѣстно, въ пользу.

— А мой Лукаша на кордонѣ, а домой не пускаютъ,— говоритъ пришедшая, несмотря на то, что хорунжиха давно это знаетъ. Ей нужно поговорить про своего Лукашу, котораго она только собрала въ казаки и котораго хочетъ женить на Марьянѣ, хорунжевой дочери.

— На кордонѣ и стоитъ?

— Стоитъ, мать. Съ праздника не бывалъ. Намедни съ Ѳомушкинымъ рубахи послала. Говоритъ: ничего, начальство

одобряетъ. У нихъ, баитъ, опять абрековъ ищутъ. Лукашка, говоритъ, веселъ, ничего.

— Ну, и слава Богу,—говоритъ хорунжиха.—Урванъ, одно слово.

Лукашка прозванъ *урваномъ* за молодечество, за то, что казаченка вытащилъ изъ воды, *урвалъ*. И хорунжиха помянула про это, чтобы съ своей стороны сказать пріятное Лукашкиной матери.

— Благодарю Бога, мать, сынъ хорошій; молодецъ, всѣ одобряютъ,—говоритъ Лукашкина мать.—Только бы женить его, и померла бы спокойно.

— Что-жъ, дѣвокъ мало ли по станицѣ?—отвѣчаетъ хитрая хорунжиха, корявыми руками старательно надѣвая крышку на коробочку со спичками.

— Много, мать, много,—замѣчаетъ Лукашкина мать и качаетъ головой:—твоя дѣвка, Марьянушка-то, твоя вотъ дѣвка, такъ по полку поискать.

Хорунжиха знаетъ намѣреніе Лукашкиной матери, и хотя Лукашка ей кажется хорошимъ казакомъ, она отклоняется отъ этого разговора, во-первыхъ потому, что она—хорунжиха и богачка, а Лукашка—сынъ простаго казака, сирота, во-вторыхъ потому, что не хочется ей скоро разстаться съ дочерью. Главное же потому, что приличіе того требуетъ.

— Что-жъ, Марьянушка подростетъ, также дѣвка будетъ,—говоритъ она сдержанно и скромно.

— Пришлю сватовъ, пришлю, дай сады уберемъ, твоей милости кланяться придемъ,—говоритъ Лукашкина мать.—Ильѣ Васильевичу кланяться придемъ.

— Что Илясъ!—гордо говоритъ хорунжиха:—со мной говорить надо. На все свое время.

Лукашкина мать, по строгому лицу хорунжихи, видитъ, что дальше говорить неудобно, зажигаетъ спичкой тряпку и, приподнимаясь, говоритъ:—не оставь, мать, попомни эти слова. Пойду, топить надо,—прибавляетъ она.

Переходя черезъ улицу и размахивая въ вытянутой рукѣ зажженную тряпку, она встрѣчаетъ Марьяну, которая кланяется ей.

„Краля дѣвка, работница дѣвка!—думаетъ она, глядя на красавицу. — Куда ей рости! Замужъ пора, да въ хорошій домъ, замужъ за Лукашку“.

У бабуки же Улитки своя забота, и она, какъ сидѣла на порогѣ, такъ и остается и о чемъ-то трудно думаетъ, до тѣхъ поръ, пока дѣвка не позвала ее.

VI.

Мужское населеніе станицы живетъ въ походахъ и на кордонахъ, или постахъ, какъ называютъ казаки. Тотъ самый Лукашка *урванъ*, про котораго говорили старухи въ станицѣ, передъ вечеромъ стоялъ на вышкѣ Нижне-Протоцкаго поста. Нижне-Протоцкій постъ—на самомъ берегу Терека. Облокотившись на перильца вышки, онъ щурясь поглядывалъ то на даль за Терекомъ, то внизъ на товарищей казаковъ, и изрѣдка заговаривалъ съ ними. Солнце уже приближалось къ снѣговому хребту, бѣлѣвшему надъ курчавыми облаками. Облака, волнуясь у его подошвы, принимали болѣе и болѣе темныя тѣни. Въ воздухѣ разливалась вечерняя прозрачность. Изъ заросшаго дикаго лѣса тянуло свѣжестью, но около поста еще было жарко. Голоса разговаривавшихъ казаковъ звучнѣе раздавались и стояли въ воздухѣ. Корич-

невый быстрый Терекъ отчетливѣй отдѣлялся отъ неподвижныхъ береговъ всею своею подвигающеюся массой. Онъ начиналъ сбывать, и кое-гдѣ мокрый песокъ бурѣлъ на берегахъ и на отмеляхъ. Прямо противъ кордона, на томъ берегу, все было пусто; только низкіе, безконечные и пустынные камыши тянулись до самыхъ горъ. Немного въ сторонѣ виднѣлись на низкомъ берегу глиняные дома, плоскія крыши и воронко-образныя трубы чеченскаго аула. Зоркіе глаза казака, стоявшаго на вышкѣ, слѣдили въ вечернемъ дыму мирнаго аула за движущимися фигурами издалека виднѣвшихся чеченокъ, въ синихъ и красныхъ одеждахъ.

Несмотря на то, что казаки каждый часъ ожидали переправы и нападенія *абрековъ* *) съ татарской стороны, особенно въ маѣ мѣсяцѣ, когда лѣсъ по Тереку такъ густъ, что пѣшему трудно пролѣзть чрезъ него, а рѣка такъ мелка, что кое-гдѣ можно переѣзжать ее въ бродъ, и, несмотря на то, что дня два тому назадъ *прибѣгалъ* отъ полковаго командира казакъ **) съ *цыдулкой* ***), въ которой значилось, что, по полученнымъ черезъ лазутчиковъ свѣдѣніямъ, партія въ восемь человѣкъ намѣрена переправиться черезъ Терекъ, и потому предписывается наблюдать особую осторожность,— на кордонѣ не соблюдалось особенной осторожности. Казаки, какъ дома, безъ осѣдланныхъ лошадей, безъ оружія занимались кто рыбною ловлей, кто пьянствомъ, кто охотой. Только лошадь дежурнаго, осѣдланная, ходила въ треногѣ по тернамъ около лѣса, и только часовой казакъ былъ въ

*) Абрекомъ называется немирной чеченецъ, съ цѣлью воровства или грабежа переправившійся на русскую сторону Терека.

**) Прибѣгалъ значитъ на казачьемъ нарѣчіи пріѣзжалъ верхомъ.

***) Цыдулой называется циркуляръ, разсылаемый по постамъ.

черкескѣ, при ружьѣ и шашкѣ. Урядникъ, высокій худощавый казакъ, съ чрезвычайно длинною спиной и маленькими ногами и руками, въ одномъ разстегнутомъ бешметѣ, сидѣлъ на завалинѣ избы и съ выраженіемъ начальнической лѣни и скуки, закрывъ глаза, переваливалъ голову съ руки на руку. Пожилой казакъ, съ широкою, сѣдоватою, черною бородой, въ одной подпоясанной чернымъ ремнемъ рубахѣ, лежалъ у самой воды и лѣниво смотрѣлъ на однообразный, бурлившій и заворачивающій Терекъ. Другіе, также измученные жаромъ, полураздѣтые, кто полоскалъ бѣлье въ Терекѣ, кто вязалъ уздечку, кто лежалъ на землѣ, мурлыкая пѣсню на горячемъ пескѣ берега. Одинъ изъ казаковъ, съ худымъ и черно-загорѣлымъ лицомъ, видимо мертвецки пьяный, лежалъ навзничь у одной изъ стѣнъ избы, часа два тому назадъ бывшей въ тѣни, но на которую теперь прямо падали жгучіе косые лучи.

Лукашка, стоявшій на вышкѣ, былъ высокій, красивый малый, лѣтъ двадцати, очень похожій на мать. Лицо и все сложеніе его, несмотря на угловатость молодости, выражали большую физическую и нравственную силу. Несмотря на то, что онъ недавно былъ *собранъ* въ строевые, по широкому выраженію его лица и спокойной увѣренности позы, видно было, что онъ уже успѣлъ принять свойственную казакамъ и вообще людямъ, постоянно носящимъ оружіе, воинственную и нѣсколько гордую осанку, что онъ казакъ и знаетъ себѣ цѣну не ниже настоящей. Широкая черкеска была коегдѣ порвана, шапка была заломлена назадъ, по-чеченски, ноговицы спущены ниже колѣнъ. Одежда его была не богатая, но она сидѣла на немъ съ тою особою казацкою щеголеватостью, которая состоитъ въ подраженіи чеченскимъ джигитамъ. На настоящемъ джигитѣ все всегда широко, оборвано,

небрежно; одно оружіе богато. Но надѣто, подпоясано и пригнано это оборванное платье и оружіе однимъ извѣстнымъ образомъ, который дается не каждому и который сразу бросается въ глаза казаку или горцу. Лукашка имѣлъ этотъ видъ джигита. Заложивъ руки за шашку и щуря глаза, онъ все вглядывался въ дальній аулъ. Порознь черты лица его были не хороши, но, взглянувъ сразу на его статное сложеніе, чернобровое, умное лицо, всякій невольно сказалъ бы: „молодецъ малый!“

— Бабъ-то, бабъ-то въ аулѣ что̀ высыпало!—сказалъ онъ рѣзкимъ голосомъ, лѣниво раскрывая яркіе бѣлые зубы и не обращаясь ни къ кому въ особенности.

Назарка, лежавшій внизу, тотчасъ же торопливо поднялъ голову и замѣтилъ:

— За водой должно идутъ.

— Изъ ружья бы пугнуть,—сказалъ Лукашка, посмѣиваясь:—то-то бы переполошились!

— Не донесетъ.

— Вона! Мое черезъ перенесетъ. Вотъ дай срокъ, ихъ праздникъ будетъ, пойду къ Гирей-хану въ гости, бузу *) пить,—сказалъ Лукашка, сердито отмахиваясь отъ липнувшихъ къ нему комаровъ.

Шорохъ въ чащѣ обратилъ вниманіе казаковъ. Пестрый лягавый ублюдокъ, отыскивая слѣдъ и усиленно махая облѣзлымъ хвостомъ, подбѣгалъ къ кордону. Лукашка узналъ собаку сосѣда-охотника, дяди Ерошки, и вслѣдъ за ней разглядѣлъ въ чащѣ подвигавшуюся фигуру самого охотника.

Дядя Ерошка былъ огромнаго роста казакъ, съ сѣдою, какъ

*) Татарское пиво изъ пшена.

лупъ, широкою бородой и такими широкими плечами и грудью, что въ лѣсу, гдѣ не съ кѣмъ было сравнить его, онъ казался не высокимъ,—такъ соразмѣрны были всѣ его сильные члены. На немъ былъ оборванный подоткнутый зипунъ, на ногахъ обвязанныя веревочками по онучамъ оленьи *поршни* *) и на головѣ растрепанная бѣлая шапчонка. За спиной онъ несъ черезъ одно плечо *кобылку* **) и мѣшокъ съ курочкой и копчикомъ, для приманки ястреба; черезъ другое плечо онъ несъ на ремнѣ дикую убитую кошку; на спинѣ, за поясомъ, заткнуты были мѣшочекъ съ пулями, порохомъ и хлѣбомъ, конскій хвостъ, чтобъ отмахиваться отъ комаровъ, большой кинжалъ съ прорванными ножнами, испачканными старою кровью, и два убитые фазана. Взглянувъ на кордонъ, онъ остановился.

— Гей, Лямъ!—крикнулъ онъ на собаку такимъ заливистымъ басомъ, что далеко въ лѣсу отозвалось эхо, и, перекинувъ на плечо огромное пистонное ружье, называемое у казаковъ *флинтой*, приподнялъ шапку.

— Здорово дневали, добрые люди! Гей!—обратился онъ къ казакамъ тѣмъ же сильнымъ и веселымъ голосомъ, безъ всякаго усилія, но такъ громко, какъ будто кричалъ кому-нибудь на другую сторону рѣки.

— Здорово, дядя, здорово!—весело отозвались съ разныхъ сторонъ молодые голоса казаковъ.

— Что видали, сказывай?—прокричалъ дядя Ерошка, отирая рукавомъ черкески потъ съ краснаго широкаго лица.

— Слышь, дядя, какой ястребъ во-тутъ на чинарѣ живетъ! Какъ вечеръ, такъ и вьется,—сказалъ Назарка, подмигивая глазомъ и подергивая плечомъ и ногою.

*) Обувь изъ невыдѣланной кожи, надѣваемая только размоченная.

**) Орудіе для того, чтобы подкрадываться подъ фазановъ.

— Ну ты!—недовѣрчиво сказалъ старикъ.

— Право, дядя, ты *посиди* *),—подтвердилъ Назарка, посмѣиваясь.

Казаки засмѣялись.

Шутникъ не видалъ никакого ястреба; но у молодыхъ казаковъ на кордонѣ давно вошло въ обычай дразнить и обманывать дядю Ерошку всякій разъ, какъ онъ приходилъ къ нимъ.

— Э, муракъ, только брехать...—проговорилъ Лукашка съ вышки на Назарку.

Назарка тотчасъ же замолкъ.

— Надо *посидѣть. Посижу*,—отозвался старикъ, къ великому удовольствію всѣхъ казаковъ.—А свиней видали?

— Легко ли, свиней смотрѣть!—сказалъ урядникъ, очень довольный случаю развлечься, переваливаясь и обѣими руками почесывая свою длинную спину.—Тутъ абрековъ ловить, а не свиней надо. Ты ничего не слыхалъ, дядя, а?—прибавилъ онъ, безъ причины щурясь и открывая бѣлые сплошные зубы.

— Абрековъ-то?—проговорилъ старикъ:—нѣ, не слыхалъ. А что, чихирь есть? Дай испить, добрый человѣкъ. Измаялся, право. Я тебѣ, вотъ дай срокъ, свѣжинки принесу, право принесу. Поднеси!—прибавилъ онъ.

— Ты, что-жъ, *посидѣть*, что ли, хочешь?—спросилъ урядникъ, какъ будто не разслышавъ, что̀ сказалъ тотъ.

— Хотѣлъ ночку *посидѣть*,—отвѣчалъ дядя Ерошка:—може къ празднику, дастъ Богъ, и *замордую* что; тогда и тебѣ дамъ, право!

*) Посидѣть значитъ караулить звѣря.

— Дядя! Ау, дядя!—рѣзко крикнулъ сверху Лука, обращая на себя вниманіе, и всѣ казаки оглянулись на Лукашку.— Ты къ верхнему протоку сходи, тамъ табунъ важный ходитъ. Я не вру, пра! Намеднись нашъ казакъ одного стрѣлилъ. Правду говорю,—прибавилъ онъ, поправляя за спиной винтовку и такимъ голосомъ, что видно было, что онъ не смѣется.

— Э, Лукашка Урванъ здѣсь!—сказалъ старикъ, взглядывая кверху.—Кое мѣсто стрѣлилъ?

— А ты и не видалъ! Маленькій видно,—сказалъ Лукашка.—У самой канавы, дядя,—прибавилъ онъ серьезно, встряхивая головой.—Шли мы такъ-то по канавѣ, какъ онъ затрещитъ, а у меня ружье въ чехлѣ было. Иляска какъ *лопнетъ*... *). Да я тебѣ покажу, дядя, кое мѣсто,—не далече. Вотъ дай срокъ. Я, братъ, всѣ его дорожки знаю... Дядя Мосевъ!—прибавилъ онъ рѣшительно и почти повелительно уряднику:—пора смѣнять,—и, подобравъ ружье, не дожидаясь приказанія, сталъ сходить съ вышки.

— Сходи!—сказалъ уже послѣ урядникъ, оглядываясь вокругъ себя.—Твои часы, что ли, Гурка? Иди! И то ловокъ сталъ Лукашка твой,—прибавилъ урядникъ, обращаясь къ старику: — все, какъ ты, ходитъ, дома не посидитъ; намедни убилъ одного.

VII.

Солнце уже скрылось, и ночныя тѣни быстро надвинулись со стороны лѣса. Казаки кончили свои занятія около кордона и собирались къ ужину въ избу. Только старикъ, все еще ожидая ястреба и подергивая привязаннаго за ногу коп-

*) Лопнетъ—выстрѣлитъ, на казачьемъ языкѣ.

чика, оставался подъ чинарой. Ястребъ сидѣлъ на деревѣ, но не спускался на курочку. Лукашка неторопливо улаживалъ, въ самой чащѣ терновъ, на фазаньей тропкѣ, петли для ловли фазановъ и пѣлъ одну пѣсню за другою. Несмотря на высокій ростъ и большія руки, видно было, что всякая работа, крупная и мелкая, спорилась въ рукахъ Лукашки.

— Гей, Лука!—послышался ему, недалеко изъ чащи, пронзительно звучный голосъ Назарки.—Казаки ужинать пошли!

Назарка съ живымъ фазаномъ подъ мышкой, продираясь черезъ терны, вылѣзъ на тропинку.

— О!—сказалъ Лукашка замолкая:—гдѣ пѣтуха-то взялъ? Должно мой пружекъ... *)

Назарка былъ однихъ лѣтъ съ Лукашкой и тоже съ весны только поступилъ въ строевые.

Онъ былъ малый некрасивый, худенькій, мозглявый, съ визгливымъ голосомъ, который такъ и звенѣлъ въ ушахъ. Они были сосѣди и товарищи съ Лукою. Лукашка сидѣлъ по-татарски на травѣ и улаживалъ петли.

— Не знаю чей, должно твой.

— За ямой, что-ль, у чинары? Мой и есть, вчера поставилъ.

Лукашка всталъ и посмотрѣлъ пойманнаго фазана. Погладивъ рукой по темносизой головѣ, которую пѣтухъ испуганно вытягивалъ, закатывая глаза, онъ взялъ его въ руки.

— Нынче пилавъ сдѣлаемъ; ты поди зарѣжь да ощипи.

— Что-жъ, сами съѣдимъ, или урядинку отдать?

— Будетъ съ него!

— Боюсь я ихъ рѣзать,—сказалъ Назарка.

— Давай сюда.

*) Силки, которые ставятъ для ловли фазановъ.

Лукашка досталъ ножичекъ изъ-подъ кинжала и быстро дернулъ имъ. Пѣтухъ встрепенулся, но не успѣлъ расправить крылья, какъ уже окровавленная голова загнулась и забилась.

— Вотъ такъ-то дѣлай!—проговорилъ Лукашка, бросая пѣтуха.—Жирный пилавъ будетъ.

Назарка вздрогнулъ, глядя на пѣтуха.

— А слышь, Лука, опять насъ въ *секретъ* пошлетъ чортъ-то,—прибавилъ онъ, поднимая фазана и подъ чортомъ разумѣя урядника.—Ѳомушкина за чихиремъ услалъ, его чередъ былъ. Котору ночь ходимъ! Только на насъ и выѣзжаетъ.

Лукашка, посвистывая, пошелъ по кордону.

— Захвати бичевку-то!—крикнулъ онъ.

Назарка повиновался.

— Я ему нынче скажу, право скажу,—продолжалъ Назарка.—Скажемъ: не пойдемъ, измучились,—да и все тутъ! Скажи, право, онъ тебя послушаетъ. А то что это!

— Во, нашелъ о чемъ толковать!—сказалъ Лукашка, видимо думая о другомъ.—Дряни-то! Добро бы изъ станицы на ночь выгонялъ, обидно бы было. Тамъ погуляешь, а тутъ что? Что на кордонѣ, что въ секретѣ—все одно. Эко ты!...

— А въ станицу придешь?

— На праздникъ пойду.

— Сказывалъ Гурка, что твоя Дунайка съ Ѳомушкинымъ гуляетъ,—вдругъ сказалъ Назарка.

— А чортъ съ ней!—отвѣчалъ Лукашка, оскаливая сплошные бѣлые зубы, но не смѣясь.—Развѣ я другой не найду?

— Какъ сказывалъ Гурка-то: пришелъ, говоритъ, онъ къ ней, а мужа нѣтъ. Ѳомушкинъ сидитъ, пирогъ ѣстъ. Онъ посидѣлъ, да и пошелъ; подъ окномъ слышитъ, она и го-

воритъ: „Ушелъ чортъ-то... Что, родной, пирожка не ѣшь? А спать, говоритъ, домой не ходи“. А онъ и говоритъ изъ-подъ окна: „славно“.

— Врешь?

— Право, ей-Богу.

Лукашка помолчалъ.—А другаго нашла, чортъ съ ней! Дѣвокъ мало-ли? Она мнѣ и то постыла.

— Вотъ ты чортъ какой!—сказалъ Назарка.—Ты бы къ Марьянкѣ хорунжиной подъѣхалъ. Что, она ни съ кѣмъ не гуляетъ?

Лукашка нахмурился.—Что Марьянка? Все одно!—сказалъ онъ.

— Да, вотъ, сунься-ка...

— А что ты думаешь? Да мало ли ихъ по станицѣ?

И Лукашка опять засвисталъ и пошелъ по кордону, обрывая листья съ сучьевъ. Проходя по кустамъ, онъ вдругъ остановился, замѣтивъ гладкое деревцо, вынулъ изъ-подъ кинжала ножикъ и вырѣзалъ.—„То-то шомполъ будетъ!“—сказалъ онъ, свистя въ воздухѣ прутомъ.

Казаки сидѣли за ужиномъ въ мазаныхъ сѣняхъ кордона, на земляномъ полу, вокругъ низкаго татарскаго столика, когда рѣчь зашла о чередѣ въ *секретъ*.

— Кому-жъ нынче идти?—крикнулъ одинъ изъ казаковъ, обращаясь къ уряднику въ отворенную дверь хаты.

— Да кому идти?—отозвался урядникъ.—Дядя Бурлакъ ходилъ, Ѳомушкинъ ходилъ,—сказалъ онъ не совсѣмъ увѣренно.—Идите вы, что ли? Ты да Назаръ,—обратился онъ къ Лукѣ,—да Ергушовъ пойдетъ; авось проспался.

— Ты-то не просыпаешься, такъ ему какъ же!—сказалъ Назарка вполголоса.

Казаки засмѣялись.

Ергушовъ былъ тотъ самый казакъ, который пьяный спалъ у избы. Онъ только-что, протирая глаза, ввалился въ сѣни.

Лукашка въ это время, вставъ, справлялъ ружье.

— Да скорѣй идите! Поужинайте и идите,—сказалъ урядникъ. И, не ожидая выраженія согласія, урядникъ затворилъ дверь, видимо мало надѣясь на послушаніе казаковъ.— Кабы не приказано было, я бы не послалъ, а то, гляди, сотникъ набѣжитъ. И то, говорятъ, восемь человѣкъ абрековъ переправилось.

— Что-жъ, идти надо,—говорилъ Ергушовъ:—порядокъ! Нельзя, время такое. Я говорю, идти надо.

Лукашка между тѣмъ, держа обѣими руками передо ртомъ большой кусокъ фазана и поглядывая то на урядника, то на Назарку, казалось, былъ совершенно равнодушенъ къ тому, что́ происходило, и смѣялся надъ обоими. Казаки еще не успѣли убраться въ секретъ, когда дядя Ерошка, до ночи напрасно просидѣвшій подъ чинарой, вошелъ въ темныя сѣни.

— Ну, ребята,—загудѣлъ въ низкихъ сѣняхъ его басъ, покрывавшій всѣ голоса,—вотъ и я съ вами пойду. Вы на чеченцевъ, а я на свиней *сидѣть* буду.

VIII.

Было уже совсѣмъ темно, когда дядя Ерошка и трое казаковъ съ кордона, въ буркахъ и съ ружьями за плечами, прошли вдоль по Тереку на мѣсто, назначенное для секрета. Назарка вовсе не хотѣлъ идти, но Лука крикнулъ на него, и они живо собрались. Пройдя молча нѣсколько шаговъ, казаки свернули съ канавы и по чуть-замѣтной тропинкѣ въ

камышахъ подошли къ Тереку. У берега лежало толстое черное бревно, выкинутое водой, и камышъ вокругъ бревна былъ свѣжо примятъ.

— Здѣсь, что-ль, *сидѣть?*—сказалъ Назарка.

— А то чего-жъ?—сказалъ Лукашка:—садись здѣсь, а я живо приду, только дядѣ укажу.

— Самое тутъ хорошее мѣсто: насъ не видать, а намъ видно,—сказалъ Ергушовъ,—тутъ и сидѣть; самое первое мѣсто!

Назарка съ Ергушовымъ, разостлавъ бурки, расположились за бревномъ, а Лукашка пошелъ дальше съ дядей Ерошкой.

— Вотъ тутъ не далече, дядя,—сказалъ Лукашка, не слышно ступая впереди старика:—я укажу, гдѣ прошли. Я, братъ, одинъ знаю.

— Укажь. Ты—молодецъ, Урванъ,—также шепотомъ отвѣчалъ старикъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Лукашка остановился, нагнулся надъ лужицей и свистнулъ.—Вотъ гдѣ пить прошли, видишь, что-ль?—чуть слышно сказалъ онъ, указывая на свѣжій слѣдъ.

— Спаси тебя Христосъ,—отвѣчалъ старикъ:—*карга* за канавой въ *котлубани* *) будетъ,—прибавилъ онъ.—Я посижу, а ты ступай.

Лукашка вскинулъ выше бурку и одинъ пошелъ назадъ по берегу, быстро поглядывая то налѣво, на стѣну камышей, то на Терекъ, бурлившій подлѣ подъ берегомъ. „Вѣдь тоже караулитъ, или ползетъ гдѣ-нибудь“, подумалъ онъ про чеченца. Вдругъ сильный шорохъ и плесканье въ водѣ заста-

*) „Котлубанью“ называется яма, иногда просто лужа, въ которой мажется кабанъ, натирая себѣ „калганъ“, толстую хрящевую шкуру.

вили его вздрогнуть и схватиться за винтовку: изъ-подъ берега, отдуваясь, выскочилъ кабанъ, и черная фигура, отдѣлившись на мгновеніе отъ глянцевитой поверхности воды, скрылась въ камышахъ. Лука быстро выхватилъ ружье, приложился, но не успѣлъ выстрѣлить,—кабанъ уже скрылся въ чащѣ. Плюнувъ съ досады, онъ пошелъ дальше. Подходя къ мѣсту секрета, онъ снова пріостановился и слегка свистнулъ. Свистокъ откликнулся, и онъ подошелъ къ товарищамъ.

Назарка, свернувшись, уже спалъ. Ергушовъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, и немного посторонился, чтобы дать мѣсто Лукашкѣ.

— Какъ сидѣть весело, право мѣсто хорошее!—сказалъ онъ.—Проводилъ?

— Указалъ,—отвѣчалъ Лукашка, разстилая бурку.—А сейчасъ какого здороваго кабана у самой воды стронулъ! Должно тотъ самый! Ты небось слышалъ, какъ затрещалъ?

— Слышалъ, какъ затрещалъ звѣрь,—я сейчасъ узналъ, что звѣрь. Такъ и думаю: Лукашка звѣря спугнулъ,—сказалъ Ергушовъ, завертываясь въ бурку.—Я теперь засну,—прибавилъ онъ:—ты разбуди послѣ пѣтуховъ, потому порядокъ надо. Я засну, поспимъ; а тамъ ты заснешь, я посижу,—такъ-то.

— Я и спать, спасибо, не хочу,—отвѣтилъ Лукашка.

Ночь была темная, теплая и безвѣтренная. Только съ одной стороны небосклона свѣтились звѣзды; другая и бо́льшая часть неба, отъ горъ, была заволочена одною большою тучей. Черная туча, сливаясь съ горами, безъ вѣтра, медленно подвигалась дальше и дальше, рѣзко отдѣляясь своими изогнутыми краями отъ глубокаго звѣзднаго неба. Только впереди казаку виднѣлся Терекъ и даль; сзади и съ боковъ

его окружала стѣна камышей. Камыши изрѣдка, какъ будто безъ причины, начинали колебаться и шуршать другъ о друга. Снизу колеблющіяся махалки казались пушистыми вѣтвями деревьевъ на свѣтломъ краю неба. У самыхъ ногъ спереди былъ берегъ, подъ которымъ бурлилъ потокъ. Дальше глянцевитая, движущаяся масса коричневой воды однообразно рябила около отмелей и берега. Еще дальше—и вода, и берегъ, и туча—все сливалось въ непроницаемый мракъ. По поверхности воды тянулись черныя тѣни, которыя привычный глазъ казака признавалъ за проносимыя сверху каряги. Только изрѣдка зарница, отражаясь въ водѣ, какъ въ черномъ зеркалѣ, обозначала черту противоположнаго отлогаго берега. Равномѣрные ночные звуки, шуршанье камышинъ, храпѣнье казаковъ, жужжанье комаровъ и теченіе воды прерывались изрѣдка то дальнимъ выстрѣломъ, то бульканьемъ отвалившагося берега, то всплескомъ большой рыбы, то трескомъ звѣря по дикому, заросшему лѣсу. Разъ сова пролетѣла вдоль по Тереку, задѣвая ровно черезъ два взмаха крыломъ о крыло. Надъ самою головой казаковъ она поворотила къ лѣсу и, подлетая къ дереву, не черезъ разъ, а ужъ съ каждымъ взмахомъ задѣвала крыломъ о крыло, и потомъ долго копошилась, усаживаясь на старой чинарѣ. При всякомъ такомъ неожиданномъ звукѣ слухъ не спавшаго казака усиленно напрягался, глаза щурились и онъ неторопливо ощупывалъ винтовку.

Прошла большая часть ночи. Черная туча, протянувшись на западъ изъ-за своихъ разорванныхъ краевъ, открыла чистое звѣздное небо, и перевернутый золотистый рогъ мѣсяца красно засвѣтился надъ горами. Стало прохватывать холодомъ. Назарка проснулся, поговорилъ и опять заснулъ. Лукашка соскучился, всталъ, досталъ ножикъ изъ-подъ кинжала

и началъ строгать палочку на шомполъ. Въ головѣ его бродили мысли о томъ, какъ тамъ въ горахъ живутъ чеченцы, какъ ходятъ молодцы на эту сторону, какъ не боятся они казаковъ и какъ могутъ переправиться въ другомъ мѣстѣ. И онъ высовывался и глядѣлъ вдоль рѣки, но ничего не было видно. Изрѣдка поглядывая на рѣку и дальній берегъ, слабо отдѣлявшійся отъ воды при робкомъ свѣтѣ мѣсяца, онъ уже пересталъ думать о чеченцахъ и только ждалъ времени будить товарищей и идти въ станицу. Въ станицѣ ему представлялась Дунька, его *душенька*, какъ называютъ казаки любовницъ, и онъ съ досадой думалъ о ней. Признаки утра: серебристый туманъ забѣлѣлъ надъ водой и молодые орлы, не далеко отъ него, пронзительно засвистали и захлопали крыльями. Наконецъ, вскрикъ перваго пѣтуха донесся далеко изъ станицы, вслѣдъ затѣмъ другой протяжный пѣтушиный крикъ, на который отозвались другіе голоса.

„Пора будить“, подумалъ Лукашка, кончивъ шомполъ и почувствовавъ, что глаза его отяжелѣли. Обернувшись къ товарищамъ, онъ разглядѣлъ, кому какія принадлежали ноги; но вдругъ ему показалось, что плеснуло что-то на той сторонѣ Терека, и онъ еще разъ оглянулся на свѣтлѣющій горизонтъ горъ, подъ перевернутымъ серпомъ, на черту того берега, на Терекъ и на отчетливо виднѣвшіяся теперь плывущія по нёмъ карчи. Ему показалось, что онъ движется, а Терекъ съ карчами неподвиженъ; но это продолжалось только мгновеніе. Онъ опять сталъ вглядываться. Одна большая черная карча съ сукомъ особенно обратила его вниманіе. Какъ-то странно, не перекачиваясь и не крутясь, плыла эта карча по самой серединѣ. Ему даже показалось, что она плыла не по теченію, а перебивала Терекъ на отмель. Лу-

кашка, вытянувъ шею, началъ пристально слѣдить за ней. Карча подплыла къ мели, остановилась и странно зашевелилась. Лукашкѣ замерещилось, что показалась рука изъ подъ карчи. „Вотъ какъ абрека одинъ убью!“—подумалъ онъ, схватился за ружье, нетороппливо, но быстро разставилъ подсошки, положилъ на нихъ ружье, не слышно, придержавъ, взвелъ курокъ и, притаивъ дыханіе, сталъ цѣлиться, все всматриваясь. „Будить не стану“, думалъ онъ. Однако сердце застучало у него въ груди такъ сильно, что онъ остановился и прислушался. Карча вдругъ бултыхнула и снова поплыла, перебивая воду, къ нашему берегу. „Не пропустить бы!“ подумалъ онъ, и вотъ, при слабомъ свѣтѣ мѣсяца, ему мелькнула татарская голова впереди карчи. Онъ навелъ ружьемъ прямо на голову. Она ему показалась совсѣмъ близко, на концѣ ствола. Онъ глянулъ черезъ. „Онъ и есть, абрекъ“, подумалъ онъ радостно и, вдругъ порывисто вскочивъ на колѣна, снова провелъ ружьемъ, высмотрѣлъ цѣль, которая чуть виднѣлась на концѣ длинной винтовки, и по казачьей, съ дѣтства усвоенной, привычкѣ проговоривъ: „Отцу и Сыну“,—пожалъ шишечку спуска. Блеснувшая молнія на мгновеніе освѣтила камыши и воду. Рѣзкій, отрывистый звукъ выстрѣла разнесся по рѣкѣ и гдѣ-то далеко перешелъ въ грохотъ. Карча уже поплыла не поперекъ рѣки, а внизъ по теченію, крутясь и колыхаясь.

— Держи, я говорю! — закричалъ Ергушовъ, ощупывая винтовку и приподнимаясь изъ-за чурбака.

— Молчи, чортъ! — стиснувъ зубы, прошепталъ на него Лука:—абреки!

— Кого стрѣлилъ? — спрашивалъ Назарка: — кого стрѣлилъ, Лукашка?

Лукашка ничего не отвѣчалъ. Онъ заряжалъ ружье и слѣдилъ за уплывающею карчей. Не подалеку остановилась она на отмели, и изъ-за нея показалось что-то большое, покачиваясь на водѣ.

— Чего стрѣлилъ? Что не сказываешь?—повторили казаки.

— Абреки, сказываютъ тебѣ!—повторилъ Лука.

— Будетъ брехать-то! Али такъ вышло ружье-то?...

— Абрека убилъ, вотъ что стрѣлилъ! — проговорилъ сорвавшимся отъ волненія голосомъ Лукашка, вскакивая на ноги. —Человѣкъ плылъ... — сказалъ онъ, указывая на отмель.—Я его убилъ. Глянь-ка сюда.

— Будетъ врать-то,—повторилъ Ергушовъ, протирая глаза.

— Чего будетъ? Вотъ гляди! Гляди сюда, — сказалъ Лукашка, схватывая его за плечи и пригибая къ себѣ съ такою силой, что Ергушовъ охнулъ.

Ергушовъ посмотрѣлъ по тому направленію, куда указывалъ Лука, и, разсмотрѣвъ тѣло, вдругъ перемѣнилъ тонъ.

— Эна! Я тебѣ говорю, другіе будутъ, вѣрно тебѣ говорю,—сказалъ онъ тихо и сталъ осматривать ружье.—Это передовой плылъ; либо ужъ здѣсь, либо не далече на той сторонѣ; я тебѣ вѣрно говорю!

Лукашка распоясался и сталъ скидавать черкеску.

— Куда ты, дуракъ?—крикнулъ Ергушовъ:—сунься только, ни за что пропадешь, я тебѣ вѣрно говорю. Коли убилъ, не уйдетъ. Дай на труску порошку подсыпать. У тебя есть? Назаръ! ты ступай живо на кордонъ, да не по берегу ходи,—убьютъ, вѣрно говорю!

— Такъ я одинъ и пошелъ! Ступай самъ,—сказалъ сердито Назарка.

Лукашка, снявъ черкеску, подошелъ къ берегу.

— Не лазай, говорятъ!—проговорилъ Ергушовъ, подсыпая порохъ на полку ружья.—Вишь, не шелохнется, ужъ я вижу. До утра не далече, дай съ кордона прибѣгутъ. Ступай, Назаръ,—эка робѣешь! Не робѣй, я говорю.

— Лука, а Лука,—говорилъ Назарка:—да ты скажи, какъ убилъ.

Лука раздумалъ тотчасъ же лѣзть въ воду.

— Ступайте на кордонъ живо, а я посижу. Да казакамъ велите въ разъѣздъ послать. Коли на этой сторонѣ... ловить надо.

— Я говорю: уйдутъ,—сказалъ Ергушовъ, поднимаясь,—ловить надо, вѣрно!

И Ергушовъ съ Назаркой встали и, перекрестившись, пошли къ кордону, но не берегомъ, а ломясь черезъ терны и пролѣзая на лѣсную дорожку.

— Ну, смотри, Лука, не шелохнись,—проговорилъ Ергушовъ,—а то тоже здѣсь срѣжутъ тебя. Ты смотри не зѣвай, я говорю,

— Иди, знаю, — проговорилъ Лука и, осмотрѣвъ ружье, сѣлъ опять за чурбанъ.

Лукашка сидѣлъ одинъ, смотрѣлъ на отмель и прислушивался, не слыхать ли казаковъ; но до кордона было далеко, а его мучило нетерпѣніе: онъ такъ и думалъ, что вотъ уйдутъ тѣ абреки, которые шли съ убитымъ. Какъ на кабана, который ушелъ вечеромъ, досадно было ему на абрековъ, которые уйдутъ теперь. Онъ поглядывалъ то вокругъ себя, то на тотъ берегъ, ожидая, вотъ-вотъ, увидать еще человѣка, и, приладивъ подсошки, готовъ былъ стрѣлять. О томъ, чтобъ его убили, ему и въ голову не приходило.

IX.

Уже начинало свѣтать. Все чеченское тѣло, остановившееся и чуть колыхавшееся на отмели, было теперь ясно видно. Вдругъ, не вдалекѣ отъ казака, затрещалъ камышъ, послышались шаги и зашевелились махалки камыша. Казакъ взвелъ на второй взводъ и проговорилъ: „Отцу и Сыну“.— Вслѣдъ за щелканьемъ курка шаги затихли.

— Гей, казаки, дядю не убей! — послышался спокойный басъ, и, раздвигая камыши, дядя Ерошка вплоть подошелъ къ нему.

— Чуть-чуть не убилъ тебя, ей-Богу!—сказалъ Лукашка.

— Что стрѣлилъ?—спросилъ старикъ.

Звучный голосъ старика, раздавшійся въ лѣсу и внизъ по рѣкѣ, вдругъ уничтожилъ ночную тишину и таинственность, окружавшую казака. Какъ будто вдругъ свѣтлѣй и виднѣй стало.

— Ты вотъ ничего не видалъ, дядя, а я убилъ звѣря,— сказалъ Лукашка, спуская курокъ и вставая неестественно спокойно.

Старикъ, уже не спуская съ глазъ, смотрѣлъ на ясно теперь бѣлѣвшуюся спину, около которой рябилъ Терекъ.

— Съ карчей на спинѣ плылъ. Я его и высмотрѣлъ... Глянь-ко сюда... Во! Въ порткахъ синихъ, ружье никакъ... Видишь, что-ль?—говорилъ Лука.

— Чего не видать!—съ сердцемъ сказалъ старикъ, и что-то серьезное и строгое выразилось въ лицѣ старика.—Джигита убилъ,—сказалъ онъ какъ будто съ сожалѣніемъ.

— Сидѣлъ такъ-то я, гляжу, что чернѣетъ съ той сто-

роны? Я еще тамъ его высмотрѣлъ, точно человѣкъ подошелъ и упалъ. Что за диво! А карча, здоровая карча плыветъ, да не вдоль плыветъ, а поперекъ перебиваетъ. Глядь, изъ-подъ нея голова показывается. Что за чудо? Повелъ я, изъ камыша-то мнѣ и не видно; привсталъ, а онъ услыхалъ вѣрно, бестія, да на отмель и выползъ, оглядываетъ. Врешь, думаю, не уйдешь. Только выползъ, оглядываетъ (охъ, глотку завалило чѣмъ-то!), я ружье изготовилъ, не шелохнусь, выжидаю. Постоялъ, постоялъ, опять и поплылъ, да какъ наплылъ на мѣсяцъ, то такъ ажъ спина видна. „Отцу и Сыну и Святому Духу...“ Глядь изъ-за дыма, а онъ и барахтается. Застоналъ, али почудилось мнѣ. Ну, слава Тебѣ Господи, думаю, убилъ! А какъ на отмель вынесло, все наружу стало: хочетъ встать, да и нѣтъ силы-то. Побился, побился и легъ. Чисто, все видать. Вишь, не шелохнется, должно издохъ. Казаки на кордонъ побѣжали, какъ бы другіе не ушли.

— Такъ и поймалъ!—сказалъ старикъ.—Далече, братъ, теперь!...—И онъ опять печально покачалъ головою. Въ это время, пѣшіе и конные казаки съ громкимъ говоромъ и трескомъ сучьевъ послышались по берегу.

— Ведутъ каюкъ, что ли?—крикнулъ Лука.

— Молодецъ, Лука! Тащи на берегъ!—кричалъ одинъ изъ казаковъ.

Лукашка, не дожидаясь каюка, сталъ раздѣваться, не спуская глазъ съ добычи.

— Погоди, каюкъ Назарка ведетъ,—кричалъ урядникъ.

— Дуракъ! живой, можетъ, — притворился... Кинжалъ возьми!—прокричалъ другой казакъ.

— Толкуй!—крикнулъ Лука, скидавая портки. Онъ живо раздѣлся, перекрестился и, подпрыгнувъ, со всплескомъ вско-

чилъ въ воду, обмокнулся и, въ размашку кидая бѣлыми руками и высоко поднимая спину изъ воды и отдувая поперекъ теченія, сталъ перебивать Терекъ къ отмели. Толпа казаковъ звонко, въ нѣсколько голосовъ, говорила на берегу. Трое конныхъ поѣхали въ объѣздъ. Каюкъ показался изъ-за поворота. Лукашка поднялся на отмели, нагнулся надъ тѣломъ, ворохнулъ его раза два. „Какъ есть мертвый!“—прокричалъ оттуда рѣзкій голосъ Луки.

Чеченецъ былъ убитъ въ голову. На немъ были синія портки, рубаха, черкеска, ружье и кинжалъ, привязанные на спину. Сверхъ всего былъ привязанъ большой сукъ, который и обманулъ сначала Лукашку.

— Вотъ такъ сазанъ попался!—сказалъ одинъ изъ собравшихся кружковъ казаковъ, въ то время, какъ вытащенное изъ каюка чеченское тѣло, приминая траву, легло на берегъ.

— Да и желтый же какой!—сказалъ другой.

— Гдѣ искать поѣхали наши? Они, небось, всѣ на той сторонѣ. Кабы не передовой былъ, такъ не такъ бы плылъ. Одному зачѣмъ плыть?—сказалъ третій.

— То-то ловкій должно, впередъ всѣхъ выискался. Самый, видно, джигитъ!—насмѣшливо сказалъ Лукашка, выжимая мокрое платье у берега и безпрестанно вздрагивая.— Борода крашена, подстрижена.

— И зипунъ въ мѣшечкѣ на спину приладилъ. Оно и плыть ему легче отъ него,—сказалъ кто-то.

— Слышишь, Лукашка!—сказалъ урядникъ, державшій въ рукахъ кинжалъ и ружье, снятые съ убитаго.—Ты кинжалъ себѣ возьми и зипунъ возьми, а за ружье, приди, я тебѣ три *монета* дамъ. Вишь оно и съ свищомъ,—прибавилъ онъ, пуская духъ въ дуло:—такъ мнѣ на память лестно.

Лукашка ничего не отвѣчалъ,—ему видимо досадно было это попрошайничество; но онъ зналъ, что этого не миновать.

— Вишь, чортъ какой! — сказалъ онъ хмурясь и бросая на земь чеченскій зипунъ:—хошь бы зипунъ хорошій былъ, а то байгушъ.

— Годится за дровами ходить,—сказалъ другой казакъ.

— Мосевъ! я домой схожу,—сказалъ Лукашка, видимо ужъ забывъ свою досаду и желая употребить въ пользу подарокъ начальнику.

— Иди, что-жъ!

— Оттащи его за кордонъ, ребята!—обратился урядникъ къ казакамъ, все осматривая ружье. — Да шалашикъ отъ солнца надъ нимъ сдѣлать надо. Може изъ горъ выкупать будутъ.

— Еще не жарко,—сказалъ кто-то.

— А чакалка изорветъ? Это развѣ хорошо? — замѣтилъ одинъ изъ казаковъ.

— Караулъ поставимъ, а то выкупать придутъ: не хорошо, коли порветъ.

— Ну, Лукашка, какъ хочешь, ведро ребятамъ поставишь,—прибавилъ урядникъ весело.

— Ужъ какъ водится,—подхватили казаки.—Вишь счастье Богъ далъ, ничего не видамши, абрека убилъ!

— Покупай кинжалъ и зипунъ. Давай денегъ больше. И портки продамъ, Богъ съ тобой,—говорилъ Лука!—Мнѣ не налѣзутъ: поджарый, чортъ, былъ.

Одинъ казакъ купилъ зипунъ за *монетъ*. За кинжалъ далъ другой два ведра.

— Пей, ребята, ведро ставлю!—сказалъ Лука:—самъ изъ станицы привезу.

— А портки дѣвкамъ на платки изрѣжь, – сказалъ Назарка.

Казаки загрохотали.

— Будетъ вамъ смѣяться!—повторилъ урядникъ:—оттащи тѣло-то. Что пакость такую у избы положили?...

— Что стали? Тащи его сюда, ребята!—повелительно крикнулъ Лукашка казакамъ, которые неохотно брались за тѣло, и казаки исполнили его приказаніе, точно онъ былъ начальникъ. Протащивъ тѣло нѣсколько шаговъ, казаки опустили ноги, которыя, безжизненно вздрогнувъ, опустились, и, разступившись, постояли молча нѣсколько времени. Назарка подошелъ къ тѣлу и поправилъ подвернувшуюся голову такъ, чтобы видѣть кровавую круглую рану надъ вискомъ и лицо убитаго. „Вишь замѣтку какую сдѣлалъ: въ самые мозги!—проговорилъ онъ.—Не пропадетъ, хозяева узнаютъ!“ Никто ничего не отвѣтилъ, и снова тихій ангелъ пролетѣлъ надъ казаками.

Солнце уже поднялось и раздробленными лучами освѣщало росистую зелень. Терекъ бурлилъ неподалеку въ проснувшемся лѣсу; встрѣчая утро, со всѣхъ сторонъ перекликались фазаны. Казаки молча и неподвижно стояли вокругъ убитаго и смотрѣли на него. Коричневое тѣло, въ однѣхъ потемнѣвшихъ, мокрыхъ, синихъ порткахъ, стянутыхъ пояскомъ на впаломъ животѣ, было стройно и красиво. Мускулистыя руки лежали прямо, вдоль реберъ. Синеватая, свѣжевыбритая круглая голова, съ запекшеюся раной съ боку, была откинута. Гладкій, загорѣлый лобъ рѣзко отдѣлялся отъ бритаго мѣста. Стеклянно-открытые глаза, съ низко остановившимися зрачками, смотрѣли вверхъ, казалось, мимо всего. На тонкихъ губахъ, растянутыхъ въ краяхъ и выставлявшихся изъ-за красныхъ подстриженныхъ усовъ, каза-

лось, остановилась добродушная, тонкая усмѣшка. На маленькихъ кистяхъ рукъ, поросшихъ рыжими волосами, пальцы были загнуты внутрь и ногти выкрашены краснымъ. Лукашка все еще не одѣвался, онъ былъ мокръ, шея его была краснѣе и глаза его блестѣли больше обыкновеннаго; широкія скулы вздрагивали; отъ бѣлаго, здороваго тѣла шелъ чуть замѣтный паръ на утреннемъ свѣжемъ воздухѣ.

— Тоже человѣкъ былъ!—проговорилъ онъ, видимо любуясь мертвецомъ.

— Да, попался бы ему, спуска бы не далъ!—отозвался одинъ изъ казаковъ.

Тихій ангелъ отлетѣлъ. Казаки зашевелились, заговорили. Двое пошли рубить кусты для шалаша. Другіе побрели къ кордону. Лука съ Назаркой побѣжали собираться въ станицу.

Спустя полчаса, черезъ густой лѣсъ, отдѣлявшій Терекъ отъ станицы, Лукашка съ Назаркой почти бѣгомъ шли домой, не переставая разговаривать.

— Ты ей не сказывай, смотри, что я прислалъ; а поди посмотри, мужъ дома, что ли?—говорилъ Лука рѣзкимъ голосомъ.

— А я къ Ямкѣ зайду: погуляемъ, что ли?—спрашивалъ покорный Назаръ.

— Ужъ когда же гулять-то, что не нонѣ,—отвѣчалъ Лука.

Придя въ станицу, казаки выпили и завалились спать до вечера.

X.

На третій день послѣ описаннаго событія двѣ роты Кавказскаго пѣхотнаго полка пришли стоять въ Новомлинскую станицу. Отряженный ротный обозъ уже стоялъ на площади.

Кашевары, вырывъ яму и притащивъ съ разныхъ дворовъ плохо лежавшія чурки, уже варили кашу. Фельдфебеля расчитывали людей. Фурштаты забивали колья для коновязи. Квартирьеры, какъ домашніе люди, сновали по улицамъ и переулкамъ, указывая квартиры офицерамъ и солдатамъ. Тутъ были зеленые ящики, выстроенные во фрунтъ. Тутъ были артельныя повозки и лошади. Тутъ были котлы, въ которыхъ варилась каша. Тутъ былъ и капитанъ, и поручикъ, и Онисимъ Михайловичъ фельдфебель. И находилось все это въ той самой станицѣ, гдѣ, слышно было, приказано стоять ротамъ; слѣдовательно, роты были дома. Зачѣмъ стоять тутъ? Кто такіе это казаки? Нравится ли имъ, что будутъ стоять у нихъ? Раскольники они, или нѣтъ?—До этого нѣтъ дѣла. Распущенные отъ расчета, изнуренные и запыленные солдаты, шумно и безпорядочно, какъ усаживающійся рой, разсыпаются по площадямъ и улицамъ: рѣшительно не замѣчая нерасположенія казаковъ, по двое, по трое, съ веселымъ говоромъ и позвякивая ружьями, входятъ въ хаты, развѣшиваютъ амуницію, разбираютъ мѣшечки и пошучиваютъ съ бабами. Къ любимому солдатскому мѣсту, къ кашѣ, собирается большая группа, и, съ трубочками въ зубахъ, солдатики, поглядывая то на дымъ, незамѣтно поднимающійся въ жаркое небо и сгущающійся въ вышинѣ, какъ бѣлое облако, то на огонь костра, какъ расплавленное стекло дрожащій въ чистомъ воздухѣ, острятъ и потѣшаются надъ казаками и казачками за то, что они живутъ совсѣмъ не такъ, какъ русскіе. По всѣмъ дворамъ виднѣются солдаты, и слышенъ ихъ хохотъ, слышны ожесточенные и пронзительные крики казачекъ, защищающихъ свои дома, не дающихъ воды и посуды. Мальчишки и дѣвчонки, прижимаясь къ матерямъ

и другъ другу, съ испуганнымъ удивленіемъ слѣдятъ за всѣми движеніями невиданныхъ еще ими армейскихъ и на почтительномъ разстояніи бѣгаютъ за ними. Старые казаки выходятъ изъ хатъ, садятся на завалинкахъ и мрачно и молчаливо смотрятъ на хлопотню солдатъ, какъ будто махнувъ рукой на все и не понимая, что изъ этого можетъ выдти.

Оленину, который уже три мѣсяца какъ былъ зачисленъ юнкеромъ въ Кавказскій полкъ, была отведена квартира въ одномъ изъ лучшихъ домовъ въ станицѣ, у хорунжаго Ильи Васильевича, то-есть у бабуки Улиты.

— Что это будетъ такое, Дмитрій Андреевичъ?—говорилъ запыхавшійся Ванюша Оленину, который верхомъ, въ черкескѣ, на купленномъ въ Грозной кабардинцѣ, весело, послѣ пятичасоваго перехода, въѣзжалъ на дворъ отведенной квартиры.

— А что, Иванъ Васильевичъ?—спросилъ онъ, поддабривая лошадь и весело глядя на вспотѣвшаго, со спутанными волосами и разстроеннымъ лицомъ, Ванюшу, который пріѣхалъ съ обозомъ и разбиралъ вещи.

Оленинъ на видъ казался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Вмѣсто бритыхъ скулъ, у него были молодые усы и бородка. Вмѣсто истасканнаго ночною жизнью желтоватаго лица,—на щекахъ, на лбу, за ушами, былъ красный, здоровый загаръ. Вмѣсто чистаго, новаго, чернаго фрака, была бѣлая, грязная, съ широкими складками черкеска и оружіе. Вмѣсто свѣжихъ крахмальнымъ воротничковъ, красный воротъ канаусоваго бешмета, который стягивалъ загорѣлую шею. Онъ былъ одѣтъ по-черкески, но плохо; всякій узналъ бы въ немъ русскаго, а не джигита. Все было такъ, да не такъ. Несмотря на то, вся наружность его дышала здоровьемъ, веселостью и самодовольствомъ.

— Вамъ вотъ смѣшно,—сказалъ Ванюша,—а вы подите-ка сами поговорите съ этимъ народомъ: не даютъ тебѣ хода, да и шабашъ. Сло́ва—такъ и того не добьешься.—Ванюша сердито бросилъ къ порогу желѣзное ведро.—Не русскіе какіе-то.

— Да ты бы станичнаго начальника спросилъ?

— Да вѣдь я ихъ мѣстоположенія не знаю,—обиженно отвѣчалъ Ванюша.

— Кто-жъ тебя такъ обижаетъ?—спросилъ Оленинъ, оглядываясь кругомъ.

— Чортъ ихъ знаетъ... Тьфу! Хозяина настоящаго нѣту, на какую-то *кригу* *), говорятъ, пошелъ, а старуха такая дьяволъ, что упаси Господи!—отвѣчалъ Ванюша, хватаясь за голову.—Какъ тутъ жить будетъ, я ужъ не знаю. Хуже татаръ, ей-Богу, даромъ что тоже христіане считаются. На что татаринъ—и тотъ благороднѣй. „На кригу пошелъ...“ Какую кригу выдумали, неизвѣстно!—заключилъ Ванюша и отвернулся.

— Что, не такъ, какъ у насъ на дворнѣ?—сказалъ Оленинъ, подтрунивая и не слѣзая съ лошади.

— Лошадь-то пожалуйте,—сказалъ Ванюша, видимо озадаченный новымъ для него порядкомъ, но покоряясь своей судьбѣ.

— Такъ татаринъ благороднѣе... а, Ванюша?—повторилъ Оленинъ, слѣзая съ лошади и хлопая по сѣдлу.

— Да вотъ вы смѣйтесь тутъ, вамъ смѣшно!—проговорилъ Ванюша сердитымъ голосомъ.

— Постой, не сердись, Иванъ Васильичъ,—отвѣчалъ Оле-

*) „Кригой“ называется мѣсто у берега, огороженное плетнемъ для ловли рыбы.

нинъ, продолжая улыбаться.— Дай вотъ я пойду къ хозяевамъ,—посмотри, все улажу. Еще какъ заживемъ славно! Ты не волнуйся только.

Ванюша не отвѣчалъ, а только, прищуривъ глаза, презрительно посмотрѣлъ вслѣдъ барину и покачалъ головой. Ванюша смотрѣлъ на Оленина только какъ на барина, а Оленинъ смотрѣлъ на Ванюшу только какъ на слугу. И они оба очень удивились бы, ежели бы кто-нибудь сказалъ имъ, что они друзья. А они были друзья, сами того не зная. Ванюша былъ взятъ въ домъ одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ, когда и Оленину было столько же. Когда Оленину было пятнадцать лѣтъ, онъ одно время занимался обученіемъ Ванюши и выучилъ читать по-французски, чѣмъ Ванюша премного гордился. И теперь Ванюша, въ минуты хорошаго расположенія духа, отпускалъ французскія слова и при этомъ всегда глупо смѣялся.

Оленинъ взбѣжалъ на крыльцо хаты и толкнулъ дверь въ сѣни. Марьянка, въ одной розовой рубахѣ, какъ обыкновенно дома ходятъ казачки, испуганно отскочила отъ двери и, прижавшись къ стѣнѣ, закрыла нижнюю часть лица широкимъ рукавомъ татарской рубахи. Отворивъ дальше дверь, Оленинъ увидалъ въ полусвѣтѣ всю высокую и стройную фигуру молодой казачки. Съ быстрымъ и жаднымъ любопытствомъ молодости, онъ невольно замѣтилъ сильныя и дѣвственныя формы, обозначавшіяся подъ тонкою ситцевою рубахой, и прекрасные черные глаза, съ дѣтскимъ ужасомъ и дикимъ любопытствомъ устремленные на него. „Вонъ она!—подумалъ Оленинъ. —Да еще много такихъ будетъ“, вслѣдъ затѣмъ пришло ему въ голову, и онъ отворилъ другую дверь въ хату. Старая бабука Улитка, также въ одной рубахѣ, согнувшись, задомъ къ нему, выметала полъ.

— Здравствуй, матушка! Вотъ я о квартирѣ пришелъ...— началъ онъ.

Казачка, не разгибаясь, обернула къ нему строгое, но еще красивое лицо.

— Что пришелъ? Насмѣяться хочешь, а? Я-те насмѣюсь, черная на тебя немочь! — закричала она, искоса глядя на пришедшаго изъ-подъ насупленныхъ бровей.

Оленинъ сначала думалъ, что изнуренное храброе кавказское воинство, котораго онъ былъ членомъ, будетъ принято вездѣ, особенно казаками, товарищами по войнѣ, съ радостью, и потому такой пріемъ озадачилъ его. Не смущаясь однако, онъ хотѣлъ объяснить, что онъ намѣренъ платить за квартиру, но старуха не дала договорить ему.

— Чего пришелъ? Каку надо болячку, скобленое твое рыло? Вотъ, дай срокъ, хозяинъ придетъ, онъ тебѣ покажетъ мѣсто... Не нужно мнѣ твоихъ денегъ поганыхъ. Легко ли, не видали! Табачищемъ домъ загадитъ, да деньгами платить хочетъ. Эку болячку не видали! Разстрѣли тебѣ въ животы, сердце!...—пронзительно кричала она, перебивая Оленина.

„Видно Ванюша правъ!—подумалъ Оленинъ:—татаринъ благороднѣе“, и, провожаемый бранью бабуки Улитки, вышелъ изъ хаты. Въ то время, какъ онъ выходилъ, Марьяна, какъ была въ одной розовой рубахѣ, но уже до самыхъ глазъ повязанная бѣлымъ платкомъ, неожиданно шмыгнула мимо него изъ сѣней. Быстро постукивая по сходцамъ босыми ногами, она сбѣжала съ крыльца, пріостановилась, порывисто оглянулась смѣющимися глазами на молодаго человѣка, и скрылась за угломъ хаты.

Твердая, молодая походка, дикій взглядъ блестящихъ глазъ изъ-подъ бѣлаго платка и стройность сильнаго сложенія кра-

савицы еща сильнѣе поразили теперь Оленина. „Должно быть она“, подумалъ онъ и, еще менѣе думая о квартирѣ и все оглядываясь на Марьянку, подошелъ къ Ванюшѣ.

— Вишь и дѣвка такая же дикая!—сказалъ Ванюша, еще возившійся у повозки, но нѣсколько развеселившійся:—ровно кобылка табунная. *Лафамъ!*—прибавилъ онъ громкимъ и торжественнымъ голосомъ и захохоталъ.

XI.

Къ вечеру хозяинъ вернулся съ рыбной ловли и, узнавъ, что ему будутъ платить за квартиру, усмирилъ свою бабу и удовлетворилъ требованіямъ Ванюши.

На новой квартирѣ все устроилось. Хозяева перешли въ теплую, а юнкеру, за три *монета* въ мѣсяцъ, отдали холодную хату. Оленинъ поѣлъ и заснулъ. Проснувшись передъ вечеромъ, онъ умылся, обчистился, пообѣдалъ и, закуривъ папироску, сѣлъ у окна, выходившаго на улицу. Жаръ свалилъ. Косая тѣнь хаты, съ вырѣзнымъ князькомъ, стлалась черезъ пыльную улицу, загибаясь даже на низу другаго дома. Камышевая крутая крыша противоположнаго дома блестѣла въ лучахъ спускающагося солнца. Воздухъ свѣжѣлъ. Въ станицѣ было тихо. Солдаты размѣстились и попритихли. Стадо еще не пригоняли, и народъ еще не возвращался съ работъ.

Квартира Оленина была почти на краю станицы. Изрѣдка, гдѣ-то далеко за Терекомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, изъ которыхъ пришелъ Оленинъ, раздавались глухіе выстрѣлы,—въ Чечнѣ или на Кумыцкой плоскости. Оленину было очень хорошо послѣ трехмѣсячной бивачной жизни. На умытомъ лицѣ онъ чувствовалъ свѣжесть, на сильномъ тѣлѣ—непривычную послѣ

похода чистоту, во всѣхъ отдохнувшихъ членахъ — спокойствіе и силу. Въ душѣ у него тоже было свѣжо и ясно. Онъ вспоминалъ походъ, минувшую опасность. Вспоминалъ, что въ опасности онъ велъ себя хорошо, что онъ не хуже другихъ и принятъ въ товарищество храбрыхъ кавказцевъ. Московскія воспоминанія ужъ были Богъ знаетъ гдѣ. Старая жизнь была стерта, и началась новая, совсѣмъ новая жизнь, въ которой еще не было ошибокъ. Онъ могъ здѣсь, какъ новый человѣкъ между новыми людьми, заслужить новое хорошее о себѣ мнѣніе. Онъ испытывалъ молодое чувство безпричинной радости жизни, и, посматривая то въ окно на мальчишекъ, гонявшихъ кубари въ тѣни около дома, то въ свою новую прибранную квартирку, думалъ о томъ, какъ онъ пріятно устроится въ этой новой для него станичной жизни. Посматривалъ онъ еще на горы и небо, и ко всѣмъ его воспоминаніямъ и мечтамъ примѣшивалось строгое чувство величавой природы. Жизнь его началась не такъ, какъ онъ ожидалъ, уѣзжая изъ Москвы, но неожиданно хорошо. Горы, горы, горы чуялись во всемъ, что онъ думалъ и чувствовалъ.

— Сучку поцѣловалъ, кувшинъ облизалъ!... Дядя Ерошка сучку поцѣловалъ!—закричали вдругъ казачата, гонявшіе кубари подъ окномъ, обращаясь къ проулку.—Сучку поцѣловалъ! Кинжалъ пропилъ!—кричали мальчишки, тѣснясь и отступая.

Крики эти обращались къ дядѣ Ерошкѣ, который, съ ружьемъ за плечами и фазанами за поясомъ, возвращался съ охоты.

— Мой грѣхъ, ребята, мой грѣхъ!—приговаривалъ онъ, бойко размахивая руками и поглядывая въ окна хатъ по обѣ стороны улицы.—Сучку пропилъ, мой грѣхъ!—повторилъ онъ, видимо сердясь, но притворяясь, что ему все равно.

Оленина удивило обращеніе мальчишекъ со старымъ охотникомъ, а еще болѣе поразило выразительное, умное лицо и сила сложенія человѣка, котораго называли дядей Ерошкой.

— Дѣдушка! Казакъ!—обратился онъ къ нему.—Подойди-ка сюда.

Старикъ взглянулъ въ окно и остановился.

— Здравствуй, добрый человѣкъ,—сказалъ онъ, приподнимая надъ коротко-обстриженною головой свою шапочку.

— Здравствуй, добрый человѣкъ,—отвѣчалъ Оленинъ,—Что́ это тебѣ мальчишки кричатъ?

Дядя Ерошка подошелъ къ окну.

— А дразнятъ меня, старика. Это ничего. Я люблю. Пускай радуются надъ дядей,—сказалъ онъ съ тѣми твердыми пѣвучими интонаціями, съ которыми говорятъ старые и почтенные люди.—Ты начальникъ армейскихъ, что ли?

— Нѣтъ, я юнкеръ. А гдѣ это фазановъ убилъ?—спросилъ Оленинъ.

— Въ лѣсу три курочки замордовалъ,—отвѣчалъ старикъ, поворачивая къ окну свою широкую спину, на которой, заткнутыя головками за поясомъ, пятная кровью черкеску, висѣли три фазанки.—Али ты не видывалъ?—спросилъ онъ.—Коли хочешь, возьми себѣ парочку. На!—И онъ подалъ въ окно двухъ фазановъ.—А что, ты охотникъ?—спросилъ онъ.

— Охотникъ. Я въ походѣ самъ убилъ четырехъ.

— Четырехъ? Много!—насмѣшливо сказалъ старикъ.—А пьяница ты? Чихирь пьешь?

— Отчего-жъ? И выпить люблю.

— Э, да ты, я вижу, молодецъ! Мы съ тобой кунаки будемъ,—сказалъ дядя Ерошка.

— Заходи,—сказалъ Оленинъ.—Вотъ и чихирю выпьемъ.

— И то зайти,—сказалъ старикъ.—Фазановъ-то возьми.

По лицу старика видно было, что юнкеръ понравился ему, и онъ сейчасъ понялъ, что у юнкера можно даромъ выпить и потому можно подарить ему пару фазановъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ дверяхъ хаты, показалась фигура дяди Ерошки. Тутъ только Оленинъ замѣтилъ всю громадность и силу сложенія этого человѣка, несмотря на то, что красно-коричневое лицо его, съ совершенно бѣлою окладистою бородой, было все изрыто старческими, могучими трудовыми морщинами. Мышцы ногъ, рукъ и плечъ были такъ полны и бочковаты, какъ бываютъ только у молодаго человѣка. На головѣ его, изъ-подъ короткихъ волосъ, видны были глубокіе, зажившіе шрамы. Жилистая, толстая шея была, какъ у быка, покрыта клѣтчатыми складками. Корявыя руки были сбиты и исцарапаны. Онъ легко и ловко перешагнулъ черезъ порогъ, освободился отъ ружья, поставилъ его въ уголъ, быстрымъ взглядомъ окинулъ и оцѣнилъ сложенные въ хатѣ пожитки и вывернутыми ногами въ поршняхъ, не топая, вышелъ на середину комнаты. Съ нимъ вмѣстѣ проникъ въ комнату сильный, но не непріятно смѣшанный запахъ чихирю, водки, пороху и запекшейся крови.

Дядя Ерошка поклонился образамъ, расправилъ бороду и, подойдя къ Оленину, подалъ ему свою черную толстую руку.

— *Кошкильды*!—сказалъ онъ.—Это по-татарски значитъ: здравія желаемъ; миръ вамъ, по-ихнему.

— *Кошкильды!* Я знаю,—отвѣчалъ Оленинъ, подавая ему руку.

— Э, не знаешь, не знаешь порядковъ... Дуракъ!—сказалъ дядя Ерошка, укоризненно качая головой.—Коли тебѣ *кош-*

кильды говорятъ, ты скажи: *алла рази бо сунъ*, спаси Богъ. Такъ-то, отецъ мой, а не *кошкильды*! Я тебя всему научу. Такъ-то былъ у насъ Илья Моисеичъ, вашъ, русскій, такъ мы съ нимъ кунаки были. Молодецъ былъ. Пьяница, воръ, охотникъ,—ужъ какой охотникъ! Я его всему научилъ.

— Чему-жъ ты меня научишь?—спросилъ Оленинъ, все болѣе и болѣе заинтересовываясь старикомъ.

— На охоту тебя поведу, рыбу ловить научу, чеченцовъ покажу, душеньку хочешь—и ту доставлю. Вотъ я какой человѣкъ! Я шутникъ!—И старикъ засмѣялся.—Я сяду, отецъ мой, я усталъ. Карга?—прибавилъ онъ вопросительно.

— А карга что̀ значитъ?—спросилъ Оленинъ.

— А это значитъ: *хорошо* по-грузински. А я такъ говорю, поговорка моя, слово любимое: карга, карга, такъ и говорю, значитъ *шутю*. Да что, отецъ мой, чихирю-то вели поднесть. Солдатъ драбантъ есть у тебя, есть? Иванъ!—закричалъ старикъ.— Вѣдь у васъ что ни солдатъ—то Иванъ. Твой Иванъ, что ли?

— И то, Иванъ. Ванюша! возьми пожалуйста у хозяевъ чихиря и принеси сюда.

— Все одно, что̀ Ванюша, что̀ Иванъ. Отчего у васъ, у солдатъ, все Иваны? Иванъ!—повторилъ старикъ,—ты спроси, батюшка, изъ начатой бочки. У нихъ первый чихирь въ станицѣ. Да больше тридцати копѣекъ за осьмуху, смотри, не давай, а то она, вѣдьма, рада... Нашъ народъ анаѳемскій, глупый народъ,—продолжалъ дядя Ерошка довѣрчивымъ тономъ, когда Ванюша вышелъ:—они васъ не за людей считаютъ. Ты для нихъ хуже татарина. Мірскіе, молъ, русскіе. А по-моему хоть ты и солдатъ, а все человѣкъ, тоже душу въ себѣ имѣешь. Такъ ли я сужу? Илья Моисеичъ солдатъ

былъ, а какой золото человѣкъ былъ! Такъ ли, отецъ мой? За то-то меня наши и не любятъ; а мнѣ все равно. Я человѣкъ веселый, я всѣхъ люблю, я Ерошка,—такъ-то, отецъ мой!

И старикъ ласково потрепалъ по плечу молодаго человѣка.

XII.

Ванюша, между тѣмъ, успѣвшій уладить свое хозяйство и даже обрившійся у ротнаго цирюльника и выпустившій панталоны изъ сапогъ, въ знакъ того, что рота стоитъ на просторныхъ квартирахъ, находился въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. Онъ внимательно, но не доброжелательно посмотрѣлъ на Ерошку, какъ на дикаго невиданнаго звѣря, покачалъ головой на запачканный имъ полъ и, взявъ изъ-подъ лавки двѣ пустыя бутылки, отправился къ хозяевамъ.

— Здравствуйте, любезненькія,—сказалъ онъ, рѣшившись быть особенно кроткимъ.—Баринъ велѣлъ чихирю купить; налейте, добряшки.

Старуха ничего не отвѣтила. Дѣвка, стоя передъ маленькимъ татарскимъ зеркальцемъ, убирала платкомъ голову; она молча оглянулась на Ванюшу.

— Я деньги заплачу, почтенныя,—сказалъ Ванюша, потряхивая въ карманѣ мѣдными.—Вы будьте добрыя, и мы добрые будемъ, такъ-то лучше,—прибавилъ онъ.

— Много ли?—отрывисто спросила старуха.

— Осьмушку.

— Поди, родная, нацѣди имъ,—сказала бабука Улита, обращаясь къ дочери.—Изъ начатой налей, желанная.

Дѣвка взяла ключи и графинъ и вмѣстѣ съ Ванюшей вышла изъ хаты.

— Скажи пожалуйста, кто это такая женщина?—спросилъ офицеръ, указывая на Марьянку, которая въ это время проходила мимо окна.

Старикъ подмигнулъ и толкнулъ логтемъ молодаго человѣка.

— Постой,—проговорилъ онъ и высунулся въ окно.—Кхм! Кхм!—закашлялъ и замычалъ онъ. — Марьянушка! А, нянюка Марьявка? Полюби меня, душенька!... Я шутникъ,—прибавилъ онъ шепотомъ, обращаясь къ Оленину.

Дѣвка, не оборачивая головы, ровно и сильно размахивая руками, шла мимо окна тою особенною, щеголеватою, молодецкою походкой, которою ходятъ казачки. Она только медленно повела на старика своими черными, отѣненными глазами.

— Полюби меня, будешь счастливая!—закричалъ Ерошка и, подмигивая, вопросительно взглянулъ на юнкера.—Я молодецъ, я шутникъ,—прибавилъ онъ.—Королева дѣвка, а?

— Красавица,—сказалъ Оленинъ.—Позови ее сюда.

— Ни, ни!—проговорилъ старикъ.—Эту сватаютъ за Лукашку. Лука—казакъ молодецъ, джигитъ, намеднись абрека убилъ. Я тебѣ лучше найду. Такую добуду, что вся въ шелку, да въ серебрѣ ходить будетъ. Ужъ сказалъ—сдѣлаю, красавицу достану!

— Старикъ, а что̀ говоришь,—сказалъ Оленинъ: — вѣдь это грѣхъ?

— Грѣхъ? Гдѣ грѣхъ?—рѣшительно отвѣчалъ старикъ.—На хорошую дѣвку поглядѣть грѣхъ? Погулять съ ней грѣхъ? Али любить ее грѣхъ? Это у васъ такъ?... Нѣтъ, отецъ мой, это не грѣхъ, а спасенье! Богъ тебя сдѣлалъ, Богъ и дѣвку сдѣлалъ. Все онъ, батюшка, сдѣлалъ. Такъ на хорошую дѣвку смотрѣть не грѣхъ. На то она сдѣлана, чтобъ ее любить, да на нее радоваться. Такъ-то я сужу, добрый человѣкъ!

Пройдя черезъ дворъ и войдя въ темную, прохладную клѣть, заставленную бочками, Марьяна съ привычною молитвою подошла къ бочкѣ и опустила въ нее ливеръ. Ванюша, стоя въ дверяхъ, улыбался, глядя на нее. Ему ужасно смѣшно казалось, что на ней одна рубаха, обтянута сзади и поддернута спереди, и еще смѣшнѣе то, что на шеѣ висѣли полтинники. Онъ подумалъ, что это не по-русски и что у нихъ, въ дворнѣ, то-то смѣху было бы, кабы такую дѣвку увидали. „*Ла филь, комъ сестре бье* для разнообразія,—думалъ онъ,—скажу теперь барину".

— Что зазастилъ-то чортъ!—вдругъ крикнула дѣвка.— Подалъ бы графинъ-то.

Нацѣдивъ полный графинъ холоднымъ краснымъ виномъ Марьяна подала его Ванюшѣ.

— Мамукѣ деньги отдай,—сказала она, отталкивая руку Ванюши съ деньгами.

Ванюша усмѣхнулся.

— Отчего вы такія сердитыя, миленькія?—сказалъ онъ, добродушно переминаясь въ то время, какъ дѣвка закрывала бочку.

Она засмѣялась.

— А вы развѣ добрые?

— Мы съ господиномъ очень добрые,—убѣдительно отвѣчалъ Ванюша.—Мы такіе добрые, что гдѣ ни жили, вездѣ намъ хозяева наши благодарны оставались. Потому благородный человѣкъ.

Дѣвка пріостановилась, слушая.

— А что, онъ женатый, твой панъ-то?—спросила она.

— Нѣтъ! Нашъ баринъ молодой и не женатый. Потому

господа благородные никогда молоды жениться не могутъ,— поучительно возразилъ Ванюша.

— Легко ли! Какой буйволъ разъѣлся, а жениться молодъ! Онъ у васъ у всѣхъ начальникъ?—спросила она.

— Господинъ мой—юнкеръ, значитъ еще не офицеръ. А званіе-то имѣетъ себѣ больше генерала — большаго лица, Потому что не только нашъ полковникъ, а самъ царь его знаетъ,—гордо объяснилъ Ванюша.—Мы не такіе, какъ другая армейская голь, а нашъ папенька самъ сенаторъ; тысячу, больше, душъ мужиковъ себѣ имѣлъ, и намъ по тысячѣ присылаютъ. Потому насъ всегда и любятъ. А то, пожалуй, и капитанъ, да денегъ нѣтъ. Что проку-то?...

— Иди, запру,—прервала дѣвка.

Ванюша принесъ вино и объявилъ Оленину, что *ла филь се тре жули*, и тотчасъ же съ глупымъ хохотомъ ушелъ.

XIII.

Между тѣмъ на площади пробили зорю. Народъ возвратился съ работъ. Въ воротахъ замычало стадо, толпясь въ пыльномъ золотистомъ облакѣ. И дѣвки, и бабы засуетились по улицамъ и дворамъ, убирая скотину. Солнце скрылось совсѣмъ за далекимъ снѣжнымъ хребтомъ. Одна голубоватая тѣнь разостлалась по землѣ и небу. Надъ потемнѣвшими садами чуть-замѣтно зажглись звѣзды, и звуки понемногу затихали въ станицѣ. Убравъ скотину, казачки выходили на углы улицъ и, пощелкивая сѣмя, усаживались на завалинкахъ. Къ одному изъ такихъ кружковъ, подоивъ двухъ коровъ и буйволицу, присоединилась и Марьянка.

Кружокъ состоялъ изъ нѣсколькихъ бабъ и дѣвокъ съ однимъ старымъ казакомъ.

Рѣчь шла объ убитомъ абрекѣ. Казакъ разсказывалъ, бабы распрашивали.

— А награда, я чай, большая ему будетъ?—говорила казачка.

— А то какже? Баютъ, крестъ вышлютъ.

— Мосевъ и то хотѣлъ его обидѣть. Ружье отнялъ, да начальство въ Кизлярѣ узнало.

— То-то подлая душа, Мосевъ-то!

— Сказывали, пришелъ Лукашка-то,—сказала одна дѣвка.

— У Ямки (Ямка была холостая распутная казачка, державшая шинокъ) съ Назаркой гуляютъ. Сказываютъ, полведра выпили.

— Эко Урвану счастье!—сказалъ кто-то.—Прямо что Урванъ. Да что, малый хорошъ, куда ловокъ! Справедливый малый. Такой же отецъ былъ, батяка Кирьякъ; въ отца весь. Какъ его убили, вся станица по немъ выла. — Вонъ они идутъ никакъ,—продолжала говорившая, указывая на казаковъ, подвигавшихся къ нимъ по улицѣ.—Ергушовъ-то поспѣлъ съ ними... Вишь пьяница!

Лукашка съ Назаркой и Ергушовымъ, выпивъ полведра, шли къ дѣвкамъ. Они всѣ трое, въ особенности старый казакъ, были краснѣе обыкновеннаго. Ергушовъ пошатывался и все, громко смѣясь, толкалъ подъ бока Назарку.

— Что, скурехи, пѣсенъ не играете!—крикнулъ онъ на дѣвокъ.—Я говорю, играйте на наше гулянье.

— Здорово дневали? Здорово дневали?—послышались привѣтствія.

— Что играть, развѣ праздникъ?—сказала баба.—Ты надулся и играй.

Ергушовъ захохоталъ и толкнулъ Назарку:

— Играй ты, что-ль! И я заиграю; я ловокъ, я говорю.

— Что, красавицы, заснули?—сказалъ Назарка.—Мы съ кордона *помолить* *) пришли. Вотъ Лукашку *помолили*.

Лукашка, подойдя къ кружку, медленно приподнялъ папаху и остановился противъ дѣвокъ. Широкія скулы и шея были у него красны. Онъ стоялъ и говорилъ тихо, степенно; но въ этой медленности и степенности движенія было больше оживленности и силы, чѣмъ въ болтовнѣ и суетнѣ Назарки. Онъ напоминалъ разыгравшагося жеребца, который, взвивъ хвостъ и фыркнувъ, остановился какъ вкопанный всѣми ногами. Лукашка тихо стоялъ передъ дѣвками; глаза его смѣялись; онъ говорилъ мало, поглядывая то на пьяныхъ товарищей, то на дѣвокъ. Когда Марьяна подошла къ углу, онъ ровнымъ, неторопливымъ движеніемъ приподнялъ папаху, посторонился и снова сталъ противъ нея, слегка отставивъ ногу, заложивъ большіе пальцы за поясъ и поигрывая кинжаломъ. Марьяна, въ отвѣтъ на его поклонъ, медленно нагнула голову, усѣлась на завалинкѣ и достала изъ-за пазухи сѣмя. Лукашка, не спуская глазъ, смотрѣлъ на Марьяну и, щелкая сѣмя, поплевывалъ. Всѣ затихли, когда подошла Марьяна.

— Что же, надолго пришли?—спросила казачка, прерывая молчанье.

— До утра,—степенно отвѣчалъ Лукашка.

— Да что-жъ, дай Богъ тебѣ интересъ хорошій,—сказалъ казакъ:—я радъ, сейчасъ говорилъ.

— И я говорю,—подхватилъ пьяный Ергушовъ смѣясь.—

*) „Помолить“ на казачьемъ языкѣ значитъ за виномъ поздравить кого-нибудь или пожелать счастья; вообще употребляется въ смыслѣ выпить.

Гостей-то что!—прибавилъ онъ, указывая на проходившаго солдата.—Водка хороша солдатская, люблю!

— Трехъ дьяволовъ къ намъ пригнали,—сказала одна изъ казачекъ. —Ужъ дѣдука въ станичное ходилъ: да ничего, баютъ, сдѣлать нельзя.

— Ага! Аль горе узнала?—сказалъ Ергушовъ.

— Табачищемъ закурили небось?—спросила другая казачка.—Да кури на дворѣ, сколько хошь, а въ хату не пустимъ. Хошь станичный приходи, не *пустю!* Обокрадутъ еще. Вишь онъ, небось, чортовъ сынъ, къ себѣ не поставилъ, станичный-то!

— Не любишь?—опять сказалъ Ергушовъ.

— А то, баютъ еще, дѣвкамъ постелю стлать велѣно для солдатовъ и чихиремъ съ медомъ поить,—сказалъ Назарка, отставляя ногу, какъ Лукашка, и такъ же, какъ онъ, сбивая на затылокъ папаху.

Ергушовъ разразился хохотомъ и, ухвативъ, обнялъ дѣвку, которая ближе сидѣла къ нему.

— Вѣрно, говорю.

— Ну, смола!—запищала дѣвка,—бабѣ скажу.

— Говори!—закричалъ онъ.—И впрямь, Назарка правду баитъ: цыдула была, вѣдь онъ грамотный. Вѣрно.—И онъ принялся обнимать другую дѣвку по порядку.

— Что присталъ, сволочь? — смѣясь запищала румяная круглолицая Устенька, замахиваясь на него.

Казакъ посторонился и чуть не упалъ.

— Вишь, говорятъ, у дѣвокъ силы нѣту: убила было совсѣмъ.

— Ну, смола, чортъ тебя принесъ съ кордону, —проговорила Устенька и, отвернувшись отъ него, снова фыркнула со

смѣху.—Проспалъ было абрека-то? Вотъ онъ бы тебя срѣзалъ, и лучше-бъ было.

— Завыла бы небось!—засмѣялся Назарка.

— Такъ тебѣ и завою!

— Вишь, ей и горя нѣтъ. Завыла бы, Назарка, а?—говорилъ Ергушовъ.

Лукашка все время молча глядѣлъ на Марьянку. Взглядъ его видимо смущалъ дѣвку.

— А что, Марьянка, слышь, начальника у васъ поставили?—сказалъ онъ, подвигаясь къ ней.

Марьянка, какъ всегда, не сразу отвѣчала и медленно подняла глаза на казаковъ. Лукашка смѣялся глазами, какъ будто что-то особенное, независимое отъ разговора, происходило въ это время между нимъ и дѣвкой.

— Да, имъ хорошо, какъ двѣ хаты есть,—вмѣшалась за Марьяну старуха:—а вотъ къ Ѳомушкинымъ тоже ихняго начальника отвели, такъ, баютъ, весь уголъ добромъ загородилъ, а съ своею семьей дѣваться некуда. Слыхано ли дѣло, цѣлую орду въ станицу пригнали! Что будешь дѣлать?—сказала она.—И каку черну немочь они тутъ работать будутъ!

— Сказываютъ, мостъ на Тереку строить будутъ, — сказала одна дѣвка.

— А мнѣ сказывали,—промолвилъ Назарка, подходя къ Устенькѣ,—яму рыть будутъ, дѣвокъ сажать за то, что ребятъ молодыхъ не любятъ.—И опять онъ сдѣлалъ любимое колѣнцо, вслѣдъ за которымъ всѣ захохотали, а Ергушовъ тотчасъ же сталъ обнимать старую казачку, пропустивъ Марьянку, слѣдовавшую по порядку.

— Что-жъ Марьянку не обнимаешь? Всѣхъ бы по порядку,—сказалъ Назарка.

— Нѣ, моя старая слаще,—кричалъ казакъ, цѣлуя отбивавшуюся старуху.

— Задушитъ,—кричала она смѣясь.

Мѣрный топотъ шаговъ на концѣ улицы прервалъ хохотъ. Три солдата въ шинеляхъ, съ ружьями на плечо, шли въ ногу на смѣну къ ротному ящику. Ефрейторъ, старый кавалеръ, сердито глянувъ на казаковъ, провелъ солдатъ такъ, что Лукашка съ Назаркой, стоявшіе на самой дорогѣ, должны были посторониться. Назарка отступилъ, но Лукашка, только прищурившись, оборотилъ голову и широкую спину и не тронулся съ мѣста.

— Люди стоятъ, обойди,—проговорилъ онъ, только искоса и презрительно кивнувъ на солдатъ.

Солдаты молча прошли мимо, мѣрно отбивая шагъ по пыльной дорогѣ.

Марьяна засмѣялась и за ней всѣ дѣвки.

— Эки нарядные ребята!—сказалъ Назарка.—Ровно уставщики длиннополые,—и онъ промаршировалъ по дорогѣ, передразнивая ихъ.

Всѣ опять разразились хохотомъ.

Лукашка медленно подошелъ къ Марьянѣ.

— А начальникъ у васъ гдѣ стоитъ?—спросилъ онъ.

Марьяна подумала.

— Въ новую хату пустили,—сказала она.

— Что, онъ старый или молодой?—спросилъ Лукашка, подсаживаясь къ дѣвкѣ.

— А я развѣ спрашивала? — отвѣчала дѣвка. — За чихиремъ ему ходила, видѣла, съ дядей Ерошкой въ окнѣ сидитъ, рыжій какой-то. А добра цѣлую арбу полну привезли.

И она опустила глаза.

— Ужъ какъ я радъ, что пришлось съ кордона выпроситься!—сказалъ Лукашка, ближе пододвигаясь на завалинкѣ къ дѣвкѣ и все глядя ей въ глаза.

— Что-жъ, надолго пришелъ?—спросила Марьяна, слегка улыбаясь.

— До утра. Дай сѣмечекъ, — прибавилъ онъ, протягивая руку.

Марьяна совсѣмъ улыбнулась и открыла воротъ рубахи.

— Всѣ не бери,—сказала она.

— Право, все о тебѣ скучился, ей-Богу, — сказалъ сдержанно, спокойнымъ шепотомъ Лука, доставая сѣмечки изъ-за пазухи дѣвки, и, еще ближе пригнувшись къ ней, сталъ шепотомъ говорить что-то, смѣясь глазами.

— Не приду, сказано!—вдругъ громко сказала Марьяна, отклоняясь отъ него...

— Право... что я тебѣ сказать хотѣлъ,—прошепталъ Лукашка:—ей-Богу! Приходи, Машенька.

Марьяна отрицательно покачала головой, но улыбалась.

— Нянюка Марьянка! А, нянюка! Мамука ужинать зоветъ,—прокричалъ, подбѣгая къ казачкамъ, меленькій братъ Марьяны.

— Сейчасъ приду!—отвѣчала дѣвка.—Ты иди, батюшка, иди одинъ,—сейчасъ приду.

Лукашка всталъ и приподнялъ папаху.

— Видно и мнѣ домой пойти, дѣло-то лучше будетъ,—сказалъ онъ, притворяясь небрежнымъ, но едва сдерживая улыбку, и скрылся за угломъ дома.

Между тѣмъ ночь уже совсѣмъ опустилась надъ станицею. Яркія звѣзды высыпали на темномъ небѣ. По улицамъ было

темно и пусто. Назарка остался съ казачками на завалинкѣ, и слышался ихъ хохотъ, а Лукашка, отойдя тихимъ шагомъ отъ дѣвокъ, какъ кошка пригнулся и вдругъ неслышно побѣжалъ, придерживая мотавшійся кинжалъ,—не домой, а по направленію къ дому хорунжаго. Пробѣжавъ двѣ улицы и завернувъ въ переулокъ, онъ подобралъ черкеску и сѣлъ на земь въ тѣни забора. „Ишь хорунжиха,—думалъ онъ про Марьяну,—и не пошутитъ, чортъ! Дай срокъ...“

Шаги приближавшейся женщины развлекли его. Онъ сталъ прислушиваться и засмѣялся самъ съ собою. Марьяна, опустивъ голову, шла скорыми и ровными шагами прямо на него, постукивая хворостиной по кольямъ забора. Лукашка приподнялся. Марьянка вздрогнула и пріостановилась.

— Вишь, чортъ проклятый! Напугалъ меня. Не пошелъ же домой?—сказала она и громко засмѣялась.

Лукашка обнялъ одною рукой дѣвку, а другою взялъ ее за лицо.—Что я тебѣ сказать хотѣлъ... ей-Богу!...—голосъ его дрожалъ и прерывался.

— Каки разговоры нашелъ по ночамъ!—отвѣчала Марьяна.—Мамука ждетъ, а ты къ своей душенькѣ поди.

И освободившись отъ его руки, она отбѣжала нѣсколько шаговъ. Дойдя до плетня своего двора, она остановилась и оборотилась къ казаку, который бѣжалъ съ ней рядомъ, продолжая уговаривать ее подождать на часокъ.

— Ну, что сказать хотѣлъ, полуночникъ?—И она опять засмѣялась.

— Ты не смѣйся надо мной, Марьяна, ей-Богу! Что-жъ, что у меня душенька есть? А чортъ ее возьми! Только слово скажи, ужъ такъ любить буду,—что хошь, то и сдѣлаю. Вонъ они!...—и онъ погремѣлъ деньгами въ карманѣ.—Теперь за-

живемъ. Люди радуются, а я что? Не вижу отъ тебя радости никакой, Марьянушка!

Дѣвка ничего не отвѣчала, стояла передъ нимъ и быстрыми движеніями пальцевъ на мелкіе куски ломала хворостинку.

Лукашка вдругъ стиснулъ кулаки и зубы.

— Да и что все ждать да ждать! Я ли тебя не люблю, матушка! Что ты хочешь надо мной дѣлать?—вдругъ сказалъ онъ, злобно хмурясь, и схватилъ ее за обѣ руки.

Марьяна не измѣнила спокойнаго выраженія лица и голоса.

— Ты не куражься, Лукашка, а слушай ты мои слова,—отвѣчала она, не вырывая рукъ, но отдаляя отъ себя казака.— Извѣстно, я дѣвка, а ты меня слушай. Воля не моя, а коли ты меня любишь, я тебѣ вотъ что скажу... Ты руки-то пусти, я сама скажу... Замужъ пойду, а глупости отъ меня никакой не дождешься,—сказала Марьяна, не отворачивая лица.

— Что замужъ пойдешь? Замужъ — не наша власть. Ты сама полюби, Марьянушка,—говорилъ Лукашка, вдругъ изъ мрачнаго и рьянаго сдѣлавшись опять кроткимъ, покорнымъ и нѣжнымъ, улыбаясь и близко глядя въ ея глаза.

Марьяна прижалась къ нему и крѣпко поцѣловала его въ губы.

— Братецъ! — прошептала она, порывисто прижимая его къ себѣ. Потомъ вдругъ, вырвавшись, побѣжала и, не оборачиваясь, повернула въ ворота своего дома.

Несмотря на просьбы казака подождать еще минутку, послушать, что онъ ей скажетъ, Марьяна не останавливалась.

— Иди, увидятъ!—проговорила она.—Вотъ и то, кажись, постоялецъ нашъ, чортъ, по двору ходитъ.

„Хорунжиха,—думалъ себѣ Лукашка,—замужъ пойдетъ... Замужъ само собой, а ты полюби меня“.

Онъ засталъ Назарку у Ямки и, съ нимъ вмѣстѣ погулявъ, пошелъ къ Дуняшкѣ и, несмотря на ея невѣрность, ночевалъ у нея.

XIV.

Дѣйствительно, Оленинъ ходилъ по двору въ то время, какъ Марьяна прошла въ ворота, и слышалъ, какъ она сказала: „постоялецъ-то, чортъ, ходитъ“. Весь этотъ вечеръ провелъ онъ съ дядей Ерошкой на крыльцѣ своей новой квартиры. Онъ велѣлъ вынести столъ, самоваръ, вино, зажженую свѣчу, и за стаканомъ чая и сигарой слушалъ разсказы старика, усѣвшагося у его ногъ на приступочкѣ. Несмотря на то, что воздухъ былъ тихъ, свѣча плыла и огонь метался въ разныя стороны, освѣщая то столбикъ крылечка, то столъ и посуду, то бѣлую, стриженую голову старика. Ночныя бабочки вились и, сыпля пыль съ крылышекъ, бились по столу и въ стаканахъ, то влетали въ огонь свѣчи, то исчезали въ черномъ воздухѣ, внѣ освѣщеннаго круга. Оленинъ выпилъ съ Ерошкой вдвоемъ пять бутылокъ чихиря. Ерошка всякій разъ, наливая стаканы, подносилъ одинъ Оленину, здороваясь съ нимъ, и говорилъ безъ устали. Онъ разсказывалъ про старое житье казаковъ, про своего батюшку *широкаго*, который одинъ, на спинѣ, приносилъ кабанью тушу въ десять пудовъ и выпивалъ въ одинъ присѣстъ два ведра чихирю. Разсказалъ про свое времячко и своего *няню* *) Гирчика, съ которымъ онъ изъ-за Терека во время чумы бурки переправлялъ. Разсказалъ про охоту, на которой онъ въ одно утро двухъ оленей убилъ. Разсказалъ про свою *душеньку*,

*) „Няней“ называется въ прямомъ смыслѣ всегда старшая сестра, а въ переносномъ „няней“ называется другъ.

которая за нимъ по ночамъ на кордонъ бѣгала. И все это такъ краснорѣчиво и живописно разсказывалось, что Оленинъ не замѣчалъ, какъ проходило время.

— Такъ-то, отецъ ты мой,—говорилъ онъ,—не зналъ ты меня въ мое золотое времячко, я бы тебѣ все показалъ. Нынче Ерошка кувшинъ облизалъ, а то Ерошка по всему полку гремѣлъ. У кого первый конь, у кого шашка Гурда *), къ кому выпить пойти, съ кѣмъ погулять? Кого въ горы послать, Ахметъ-хана убить?—Все Ерошка. Кого дѣвки любятъ?—Все Ерошка отвѣчалъ. Потому что я настоящій джигитъ былъ. Пьяница, воръ, табуны въ горахъ отбивалъ, пѣсенникъ,—на всѣ руки былъ. Нынче ужъ и казаковъ такихъ нѣту. Глядѣть скверно. Отъ земли вотъ (Ерошка указалъ на аршинъ отъ земли), сапоги дурацкіе надѣнетъ, все на нихъ смотритъ, только и радости. Или пьянъ надуется,—да и напьется не какъ человѣкъ, а такъ что-то. А я кто былъ?—Я былъ Ерошка воръ; меня, мало по станицамъ, въ горахъ-то знали. Кунаки-князья пріѣзжали. Я бывало со всѣми кунакъ. Татаринъ—татаринъ, армяшка—армяшка, солдатъ—солдатъ, офицеръ—офицеръ. Мнѣ все равно, только бы пьяница былъ. Ты, говоритъ, очиститься долженъ отъ міра сообщенья: съ солдатомъ не пей, съ татариномъ не ѣшь.

— Кто это говоритъ?—спросилъ Оленинъ.

— А уставщики наши... А муллу или кадія татарскаго послушай. Онъ говоритъ: „вы невѣрные гяуры, зачѣмъ свинью ѣдите?“ Значитъ, всякій свой законъ держитъ. А по-моему все одно. Все Богъ сдѣлалъ на радость человѣку. Ни въ чемъ грѣха нѣтъ. Хоть съ звѣря примѣръ возьми. Онъ и

*) Шашки и кинжалы, дороже всего цѣнимые на Кавказѣ, называются по мастеру—Гурда.

въ татарскомъ камышѣ, и въ нашемъ живетъ. Куда придетъ, тамъ и домъ. Что́ Богъ далъ, то и лопаетъ. А наши говорятъ, что за это будемъ сковороды лизать. Я такъ думаю, что все одна фальшь,—прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Что́ фальшь?—спросилъ Оленинъ.

— Да что̀ уставщики говорятъ. У насъ, отецъ мой, въ Червленой, войсковой старшина—кунакъ мнѣ былъ. Молодецъ былъ, какъ и я, такой же. Убили его въ Чечняхъ. Такъ онъ говорилъ, что это все уставщики изъ своей головы выдумываютъ. Сдохнешь, говоритъ, трава выростетъ на могилкѣ, вотъ и все (старикъ засмѣялся). Отчаянный былъ!

— А сколько тебѣ лѣтъ?—спросилъ Оленинъ.

— А Богъ е знаетъ! Годовъ семьдесятъ есть. Какъ у васъ царица была, я ужъ не махонькій былъ. Вотъ ты и считай, много ли будетъ. Годовъ семьдесятъ будетъ?

— Будетъ. А ты еще молодецъ.

— Что-жъ, благодарю Бога, я здоровъ, всѣмъ здоровъ; только баба вѣдьма испортила...

— Какъ?

— Да такъ испортила...

— Такъ, какъ умрешь, трава выростетъ?—повторилъ Оленинъ.

Ерошка видимо не хотѣлъ ясно выразить свою мысль. Онъ помолчалъ немного.

— А ты какъ думалъ? Пей!—закричалъ онъ, улыбаясь и поднося вино.

XV.

— Такъ о чемъ бишь я говорилъ?—продолжалъ онъ, припоминая.—Такъ вотъ я какой человѣкъ! Я—охотникъ. Про-

тивъ меня другаго охотника по полку нѣту. Я тебѣ всякаго звѣря, всяку птицу найду и укажу, и чтò и гдѣ—все знаю. У меня и собаки есть, и два ружья есть, и сѣти, и кобылка, и ястребъ,—все есть, благодарю Бога. Коли ты настоящій охотникъ, не хвастаешь, я тебѣ все покажу. Я какой человѣкъ! Слѣдъ найду,—ужъ я его знаю, звѣря, и знаю, гдѣ ему лечь и куда пить или валяться придетъ. Лопазикъ *) сдѣлаю и сижу ночь, караулю. Что дома-то сидѣть! Только нагрѣшишь, пьянъ надуешься. Еще бабы тутъ придутъ—тары да бары, мальчишки кричатъ; угоришь еще. То ли дѣло, на зорькѣ выйдешь, мѣстечко выберешь, камышъ прижмешь, сядешь и сидишь, добрый молодецъ, дожидаешься. Все-то ты знаешь, чтò въ лѣсу дѣлается. На небо взглянешь—звѣздочки ходятъ, разсматриваешь по нимъ, глядя, времени много ли. Кругомъ поглядишь—лѣсъ шелыхается, все ждешь, вотъ-вотъ затрещитъ, придетъ кабанъ мазаться. Слушаешь, какъ тамъ орлы молодые запищатъ, пѣтухи ли въ станицѣ откликнутся, или гуси. Гуси—такъ до полночи значитъ. И все это я знаю. А то какъ ружье гдѣ далече ударитъ, мысли придутъ. Подумаешь: кто это стрѣлилъ? Казакъ, также какъ я, звѣря выждалъ, и попалъ ли онъ его, или такъ только испортилъ, и пойдетъ сердечный по камышу кровь мазать такъ, даромъ. Не люблю,—охъ, не люблю! Зачѣмъ звѣря испортилъ? Дуракъ, дуракъ! Или думаешь себѣ: „можетъ абрекъ какого глупаго казаченка убилъ". Все это въ головѣ у тебя ходитъ. А то разъ сидѣлъ на водѣ, смотрю, зыбка съ верху плыветъ. Вовсе цѣлая, только край отломанъ. То-

*) „Лопазикъ" называется мѣсто для сидѣнья на столбахъ или деревьяхъ.

то мысли пришли! Чья такая зыбка? Должно, думаю, ваши черти солдаты въ аулъ пришли, чеченокъ побрали, ребеночка убилъ какой чортъ: взялъ за ножки, да объ уголъ. Развѣ не дѣлаютъ такъ-то? Эхъ, души нѣтъ въ людяхъ!... И такія мысли пришли, жалко стало. Думаю: зыбку бросили и бабу угнали, домъ сожгли, а джигитъ взялъ ружье, на нашу сторону пошелъ грабить. Все сидишь, думаешь. Да какъ заслышишь, по чащѣ табунокъ ломится, такъ и застучитъ въ тебѣ что̀. Матушки, подойдите! Обнюхаетъ, думаешь себѣ; сидишь, не дрогнешься, а сердце: дунъ, дунъ, дунъ! Такъ тебя и подкидываетъ. Нынче весной такъ-то подошелъ табунъ важный, зачернѣлся. „Отцу и Сыну...“ ужъ хотѣлъ стрѣлить,—какъ она фыркнетъ на своихъ поросятъ! „Бѣда, молъ, дѣтки: человѣкъ сидитъ“, и затрещали всѣ прочь по кустамъ. Такъ бы, кажется, зубомъ съѣлъ ее.

— Какъ же это свинья поросятамъ сказала, что человѣкъ сидитъ?—спросилъ Оленинъ.

— А ты какъ думалъ? Ты думалъ, онъ дуракъ, звѣрь-то? Нѣтъ, онъ умнѣй человѣка, даромъ что свинья называется. Онъ все знаетъ. Хоть то въ примѣръ возьми: человѣкъ по слѣду пройдетъ, не замѣтитъ, а свинья какъ наткнется на твой слѣдъ, такъ сейчасъ отдуетъ и прочь; значитъ умъ въ ней есть, что ты свою вонь не чувствуешь, а она слышитъ. Да и то сказать: ты ее убить хочешь, а она по лѣсу живая гулять хочетъ. У тебя такой законъ, а у нея такой законъ. Она—свинья, а все она не хуже тебя, такая же тварь Божія. Эхъ-ма! Глупъ человѣкъ, глупъ, глупъ человѣкъ!—повторилъ нѣсколько разъ старикъ и, опустивъ голову, задумался.

Оленинъ тоже задумался и, спустившись съ крыльца, заложивъ руки за спину, молча сталъ ходить по двору.

Очнувшись, Ерошка поднялъ голову и началъ пристально всматриваться въ ночныхъ бабочекъ, которыя вились надъ колыхавшимся огнемъ свѣчи и попадали въ него.

— Дура, дура! — заговорилъ онъ. — Куда летишь? Дура, дура!—Онъ приподнялся и своими толстыми пальцами сталъ отгонять бабочекъ. — Сгоришь, дурочка! Вотъ сюда лети, мѣста много,—приговаривалъ онъ нѣжнымъ голосомъ, стараясь своими толстыми пальцами учтиво поймать её за крылышки и выпустить.—Сама себя губишь, а я тебя жалѣю.

Онъ долго сидѣлъ, болтая и попивая изъ бутылки. А Оленинъ ходилъ взадъ и впередъ по двору. Вдругъ шепотъ за воротами поразилъ его. Невольно притаивъ дыханіе, онъ разслышалъ женскій смѣхъ, мужской голосъ и звукъ поцѣлуя. Нарочно шурша по травѣ ногами, онъ отошелъ на другую сторону двора. Но черезъ нѣсколько времени плетень затрещалъ. Казакъ, въ темной черкескѣ и бѣломъ *курпеѣ* на папахѣ (это былъ Лука), прошелъ вдоль забора, а высокая женщина въ бѣломъ платкѣ прошла мимо Оленина. Ни мнѣ до тебя, ни тебѣ до меня нѣтъ никакого дѣла, казалось, сказала ему рѣшительная походка Марьянки. Онъ проводилъ ее глазами до крыльца хозяйской хаты и замѣтилъ даже черезъ окно, какъ она сняла платокъ и сѣла на лавку. И вдругъ чувство тоски одиночества, какихъ-то неясныхъ желаній и надеждъ и какой-то къ кому-то зависти охватило душу молодаго человѣка.

Послѣдніе огни потухли въ хатахъ. Послѣдніе звуки затихли въ станицѣ. И плетни, и бѣлѣвшая на дворахъ скотина, и крыши домовъ, и стройныя раины—все, казалось, спало здоровымъ, тихимъ, трудовымъ сномъ. Только звенящіе непрерывные звуки лягушекъ долетали изъ сырой дали

до напряженнаго слуха. На востокѣ звѣзды становились рѣже и, казалось, расплывались въ усиливавшемся свѣтѣ. Надъ головой онѣ высыпали все глубже и чаще. Старикъ, облокотивъ голову на руку, задремалъ. Пѣтухъ вскрикнулъ на противоположномъ дворѣ. А Оленинъ все ходилъ и ходилъ, о чемъ-то думая. Звукъ пѣсни въ нѣсколько голосовъ долетѣлъ до его слуха. Онъ подошелъ къ забору и сталъ прислушиваться. Молодые голоса казаковъ заливались веселою пѣснью, и изо всѣхъ рѣзкою силой выдавался одинъ молодой голосъ.

— Это, знаешь, кто поетъ?—сказалъ старикъ, очнувшись.— Это Лукашка джигитъ. Онъ чеченца убилъ; то-то и радуется. И чему радуется?... Дуракъ, дуракъ!

— А ты убивалъ людей?—спросилъ Оленинъ.

Старикъ вдругъ поднялся на оба локтя и близко придвинулъ свое лицо къ лицу Оленина.

— Чортъ!—закричалъ онъ на него: —что̀ спрашиваешь? Говорить не надо. Душу загубить мудрено,—охъ, мудрено! Прощай, отецъ мой: и сытъ и пьянъ,—сказалъ онъ вставая.— Завтра на охоту приходить?

— Приходи.

— Смотри, раньше вставать, а проспишь—штрафъ.

— Небось, раньше тебя встану,—отвѣчалъ Оленинъ.

Старикъ вышелъ. Пѣсня замолкла. Послышались шаги и веселый говоръ. Немного погодя, раздалась опять пѣсня, но дальше, и громкій голосъ Ерошки присоединился къ прежнимъ голосамъ. „Что̀ за люди, что̀ за жизнь!“ подумалъ Оленинъ, вздохнувъ, и одинъ вернулся въ свою хату.

XVI.

Дядя Ерошка былъ заштатный и одинокій казакъ; жена его, лѣтъ двадцать тому назадъ, выкрестившись въ православныя, сбѣжала отъ него и вышла замужъ за русскаго фельдфебеля; дѣтей у него не было. Онъ не хвасталъ, разсказывая про себя, что былъ встарину первый молодецъ въ станицѣ. Его всѣ знали по полку за его старинное молодечество. Не одно убійство и чеченцевъ, и русскихъ было у него на душѣ. Онъ и въ горы ходилъ, и у русскихъ воровалъ, и въ острогѣ два раза сидѣлъ. Бо́льшая часть его жизни проходила на охотѣ и въ лѣсу, гдѣ онъ питался по суткамъ однимъ кускомъ хлѣба и ничего не пилъ кромѣ воды. За то въ станицѣ онъ гулялъ съ утра до вечера. Вернувшись отъ Оленина, онъ заснулъ часа па два и, еще до свѣта проснувшись, лежалъ на своей кровати и обсуживалъ человѣка, котораго онъ вчера узналъ. *Простота* Оленина очень понравилась ему (простота въ томъ смыслѣ, что ему не жалѣли вина). И самъ Оленинъ понравился ему. Онъ удивлялся, почему русскіе всѣ *просты* и богаты, и отчего они ничего не знаютъ, а всѣ ученые. Онъ обдумалъ самъ съ собою и эти вопросы, и то, чего бы выпросить себѣ у Оленина. Хата дяди Ерошки была довольно большая и не старая, но замѣтно было въ ней отсутствіе женщины. Вопреки обычной заботливости казаковъ о чистотѣ, горница вся была загажена и въ величайшемъ безпорядкѣ. На столѣ были брошены окровавленный зипунъ, половина сдобной лепешки и рядомъ съ ней ощипанная и разорванная галка для прикармливанія ястреба. На лавкахъ, разбросанные, лежали поршни, ружье,

кинжалъ, мѣшочекъ, мокрое платье и тряпки. Въ углу, въ кадушкѣ съ грязною, вонючею водой, размокали другіе поршни; тутъ же стояли винтовка и кобылка. На полу была брошена сѣть, нѣсколько убитыхъ фазановъ, а около стола гуляла, постукивая по грязному полу, привязанная за ногу курочка. Въ нетопленной печкѣ стоялъ черепочекъ, наполненный какою-то молочною жидкостью. На печкѣ визжалъ копчикъ, старавшійся сорваться съ веревки, и линялый ястребъ смирно сидѣлъ на краю, искоса поглядывая на курочку и изрѣзка справо налѣво перегибая голову. Самъ дядя Ерошка лежалъ навзничь на коротенькой кровати, устроенной между стѣной и печкой, въ одной рубашкѣ, и, задравъ сильныя ноги на печку, колупалъ толстымъ пальцемъ струпья на рукахъ, исцарапанныхъ ястребомъ, котораго онъ вынашивалъ безъ перчатки. Во всей комнатѣ, и особенно около самого старика, воздухъ былъ пропитанъ тѣмъ сильнымъ, не непріятнымъ, смѣшаннымъ запахомъ, который сопутствовалъ старику.

— *Уйде*-ма, дядя? (то-есть: дома, дядя?)—послышался ему изъ окна рѣзкій голосъ, который онъ тотчасъ призналъ за голосъ сосѣда Лукашки.

— *Уйде*, *уйде*, *уйде!*... Дома, заходи!—закричалъ старикъ.— Сосѣдъ Марка, Лука Марка, что къ дядѣ пришелъ? Аль на кордонъ?

Ястребъ встрепенулся отъ крика хозяина и захлопалъ крыльями, порываясь на своей привязи.

Старикъ любилъ Лукашку и лишь одного его исключалъ изъ презрѣнія ко всему молодому поколѣнію казаковъ. Кромѣ того, Лукашка и его мать, какъ сосѣди, нерѣдко давали старику вина, каймачку и т. п. изъ хозяйственныхъ произве-

деній, которыхъ не было у Ерошки. Дядя Ерошка, всю жизнь свою увлекавшійся, всегда практически объяснялъ свои побужденія: „Что-жъ, люди достаточные,—говорилъ онъ самъ себѣ.—Я имъ свѣжинки дамъ, курочку, а и они дядю не забываютъ: пирожка, лепешки принесутъ другой разъ“.

— Здорово, Марка! Я тебѣ радъ,—весело прокричалъ старикъ, и быстрымъ движеніемъ скинувъ босыя ноги съ кровати, вскочилъ, сдѣлалъ шага два по скрипучему полу, посмотрѣлъ на свои вывернутыя ноги, и вдругъ ему смѣшно стало на свои ноги: онъ усмѣхнулся, топнулъ разъ босою пяткой, еще разъ, и сдѣлалъ *выходку*.—Ловко, что-ль?—спросилъ онъ, блестя маленькими глазками. Лукашка чуть усмѣхнулся.—Что, аль на кордонъ?—спросилъ старикъ.

— Тебѣ чихирю принесъ, дядя, чтó на кордонѣ обѣщалъ.

— Спаси тебя Христосъ,—проговорилъ старикъ, поднялъ валявшіеся на полу чамбары и бешметъ, надѣлъ ихъ, затянулъ ремнемъ, полилъ воды изъ черепка на руки, отеръ ихъ о старыя чамбары, кусочкомъ гребешка расправилъ бороду и сталъ передъ Лукашкой.—Готовъ!—сказалъ онъ.

Лукашка досталъ чапуру, отеръ, налилъ вина и, сѣвъ на скамейку, поднесъ дядѣ.

— Будь здоровъ, Отцу и Сыну!—сказалъ старикъ, съ торжественностью принимая вино.—Чтобы тебѣ получить чтò желаешь, чтобы тебѣ молодцомъ быть, крестъ выслужить!

Лукашка тоже съ молитвой отпилъ вина и поставилъ его на столъ. Старикъ всталъ, принесъ сушеную рыбу, положилъ на порогъ, разбилъ ее палкой, чтобъ она была мягче, и, положивъ ее своими заскорузлыми руками на свою единственную синюю тарелку, подалъ на столъ.

— У меня все есть, и закуска есть, благодарю Бога!—

сказалъ онъ гордо. — Ну, что Мосевъ? — спросилъ старикъ.

Лукашка разсказалъ, какъ урядникъ отнялъ у него ружье, видимо желая знать мнѣніе старика.

— За ружьемъ не стой,—сказалъ старикъ:—ружья не дашь, награды не будетъ.

— Да что, дядя, какая награда, говорятъ, малолѣтку *)? А ружье важное, крымское, восемьдесятъ монетъ стóитъ.

— Э, брось! Такъ-то я заспорилъ съ сотникомъ: коня у меня просилъ. Дай, говоритъ, коня, въ хорунжіе представлю. Я не далъ, такъ и не вышло.

— Да что, дядя, вотъ коня купить надо, а баютъ, за рѣкой меньше пятидесяти монетовъ не возьмешь. Матушка вина еще не продала.

— Эхъ! мы не тужили,—сказалъ старикъ:—когда дядя Ерошка въ твои годы былъ, онъ ужъ табуны у ногайцевъ воровалъ, да за Терекъ перегонялъ. Бывало важнаго коня за штофъ водки али за бурку отдаешь.

— Что же дешево отдавалъ?—сказалъ Лукашка.

— Дуракъ, дуракъ, Марка!—презрительно сказалъ старикъ.—Нельзя: на то воруешь, чтобы не скупымъ быть. А вы, я чай, и не видали, какъ коней-то гоняютъ? Что молчишь?

— Да что говорить, дядя?—сказалъ Лукашка.—Не такіе видно мы люди.

— Дуракъ, дуракъ, Марка!... Не такіе люди!—отвѣчалъ старикъ, передразнивая молодаго казака.—Не тотъ я былъ казакъ въ твои годы.

*) Малолѣтками называются казаки, не начавшіе еще дѣйствительной конной службы.

— Да что же?—спросилъ Лукашка.

Старикъ презрительно покачалъ головой.

— Дядя Ерошка *простъ* былъ, ничего не жалѣлъ. За то у меня вся Чечня кунаки были. Пріѣдетъ ко мнѣ какой кунакъ, водкой пьянаго напою, ублажу, съ собой спать уложу; а къ нему поѣду—подарокъ, *пешкешъ*, свезу. Такъ-то люди дѣлаютъ, а не то, что какъ теперь: только и забавы у ребятъ, что сѣмя грызутъ, да шелуху плюютъ!—презрительно заключилъ старикъ, представляя въ лицахъ, какъ грызутъ сѣмя и плюютъ шелуху нынѣшніе казаки.

— Это я знаю,—сказалъ Лукашка:—это такъ!

— Хочешь быть молодцомъ, такъ будь джигитъ, а не мужикъ. А то и мужикъ лошадь купитъ, денежки отвалитъ и лошадь возьметъ.

Они помолчали.

— Да вѣдь и такъ скучно, дядя, въ станицѣ или на кордонѣ, а разгуляться поѣхать некуда. Все народъ робкій. Вотъ хоть бы Назаръ. Намедни въ аулѣ были, такъ Гирей-ханъ въ Ногаи звалъ за конями,—никто не поѣхалъ; а одному какъ же?

— А дядя что? Ты думаешь я засохъ?... Нѣтъ, я не засохъ. Давай коня, сейчасъ въ Ногаи поѣду.

— Что пустое говорить?—сказалъ Лука.—Ты скажи, какъ съ Гирей-ханомъ быть? Говоритъ, только проведи коня до Терека, а тамъ хоть косякъ цѣлый давай, мѣсто найду... Вѣдь тоже гололобый, вѣрить мудрено.

— Гирей-хану вѣрить можно, его весь родъ—люди хорошіе; его отецъ вѣрный кунакъ былъ. Только слушай дядю, я тебя худу не научу: вели ему клятву взять, тогда вѣрно будетъ; а поѣдешь съ нимъ, все пистолетъ наготовѣ держи.

Пуще всего, какъ лошадей дѣлить станешь. Разъ меня такъ-то убилъ было одинъ чеченецъ; я съ него просилъ по десяти монетовъ за лошадь. Вѣрить—вѣрь, а безъ ружья спать не ложись.

Лукашка внимательно слушалъ старика.

— Что, дядя, сказывали, у тебя разрывъ-трава есть?— молвилъ онъ, помолчавъ.

— Разрыва нѣтъ, а тебя научу, такъ и быть: малый хорошъ, старика не забываешь... Научить, что-ль?

— Научи, дядя.

— Черепаху знаешь? Вѣдь она—чортъ, черепаха-то.

— Какъ не знать!

— Найди ты ея гнѣздо и оплети плетешокъ кругомъ, чтобъ ей пройти нельзя. Вотъ она придетъ, покружитъ и сейчасъ назадъ,—найдетъ разрывъ-траву, принесетъ, плетень разоритъ. Вотъ ты и поспѣвай на другое утро и смотри: гдѣ разломано, тутъ и разрывъ-трава лежитъ. Бери и неси куда хочешь. Не будетъ тебѣ ни замка, ни закладки.

— Да ты пыталъ, что-ль, дядя?

— Пытать не пыталъ, а сказывали хорошіе люди. У меня только и заговора было, что прочту „здравствуитя", какъ на коня садиться. Никто не убилъ.

— Какая такая „здравствуитя", дядя?

— А ты не знаешь? Эхъ, народъ! То-то, дядю спроси. Ну, слухай, говори за мной:

Здравствуитя живучи въ Сіони
Се царь твой.
Мы сядемъ на кони.
Софоніе вопіе.
Захаріе глаголе.

Отче Мандрыче
Человѣко-вѣко-любче.

— Вѣко-вѣко-любче,—повторилъ старикъ. — Знаешь? Ну, скажи!

Лукашка засмѣялся.

— Да что, дядя, развѣ отъ этого тебя не убили? Може такъ?

— Умны стали вы! Ты все выучи, да скажи. Отъ того худа не будетъ. Ну, пропѣлъ „Мандрыче", да и правъ,—и старикъ самъ засмѣялся.—А ты въ Ногаи, Лука, не ѣзди, вотъ что!

— А что?

— Не то время, не тотъ вы народъ,—дермо-казаки вы стали! Да и русскихъ вонъ что нагнали! Засудятъ. Право, брось. Куда вамъ! Вотъ мы съ Гирчикомъ бывало...

И старикъ началъ было разсказывать свои безконечныя исторіи. Но Лукашка глянулъ въ окно.

— Вовсе свѣтло, дядя,—перебилъ онъ его.—Пора, заходи когда.

— Спаси Христосъ. А я къ армейскому пойду,—пообѣщалъ на охоту свести. Человѣкъ хорошъ, кажись.

XVII.

Отъ Ерошки Лукашка зашелъ домой. Когда онъ вернулся, сырой росистый туманъ поднялся отъ земли и окуталъ станицу. Невидная скотина начинала шевелиться съ разныхъ концовъ. Чаще и напряженнѣе перекликались пѣтухи. Въ воздухѣ становилось прозрачно, и народъ начиналъ подни-

маться. Подойдя вплоть, Лукашка разсмотрѣлъ мокрый отъ тумана заборъ своего двора, крылечко хаты и отворенную клѣть. На дворѣ слышался въ туманѣ звукъ топора по дровамъ. Лукашка прошелъ въ хату. Мать его встала и, стоя передъ печью, бросала въ нее дрова. На кровати еще спала сестра дѣвочка.

— Что̀, Лукаша, нагулялся? — сказала мать тихо. — Гдѣ былъ ночь-то?

— Въ станицѣ былъ,—неохотно отвѣчалъ сынъ, доставая винтовку изъ чехла и осматривая ее.

Мать покачала головой.

Подсыпавъ пороху на полку, Лукашка досталъ мѣшочекъ, вынулъ нѣсколько пустыхъ хозырей и сталъ насыпать заряды, тщательно затыкая ихъ пулькой, завернутою въ тряпочкѣ. Повыдергавъ зубомъ заткнутые хозыри и осмотрѣвъ ихъ, онъ положилъ мѣшочекъ.

— А что, матушка, я тебѣ говорилъ торбы починить: починила, что ли?—сказалъ онъ.

— Какже, нѣмая чинила что-то вечоръ. Аль пора на кордонъ-то? Не видала я тебя вовсе.

— Вотъ только уберусь, и идти надо,—отвѣчалъ Лукашка, увязывая порохъ.—А нѣмая гдѣ? Аль вышла?

— Должно, дрова рубитъ. Все о тебѣ сокрушалась. Ужъ не увижу, говоритъ, я его вовсе. Такъ-то на лицо рукой покажетъ, щелкнетъ, да къ сердцу и прижметъ руки,—жалко, молъ. Пойти позвать, что-ль? Объ абрекѣ-то все поняла.

— Позови, — сказалъ Лукашка. — Да сало тамъ у меня было, принеси сюда. Шашку смазать надо.

Старуха вышла и черезъ нѣсколько минутъ, по скрипящимъ сходцамъ, вошла въ хату нѣмая сестра Лукашки. Она

была шестью годами старше брата и чрезвычайно была бы похожа на него, еслибы не общее всѣмъ глухо-нѣмымъ тупое и грубо-перемѣнчивое лицо. Одежду ея составляла грубая рубаха въ заплатахъ; ноги были босы и испачканы; на головѣ старый синій платокъ. Шея, руки и лицо были жилисты, какъ у мужика. Видно было и по одеждѣ, и по всему, что она постоянно несла трудную мужскую работу. Она внесла вязанку дровъ и бросила у печи. Потомъ подошла къ брату, съ радостною улыбкой, сморщившею все ея лицо, тронула его за плечо и начала руками, лицомъ и всѣмъ тѣломъ дѣлать ему быстрые знаки.

— Хорошо, хорошо, молодецъ Степка!—отвѣчалъ братъ, кивая головой.—Все припасла, починила, молодецъ! Вотъ тебѣ за то!—доставъ изъ кармана два пряника, онъ подалъ ей.

Лицо нѣмой покраснѣло, и она дико загудѣла отъ радости. Схвативъ пряники, она еще быстрѣе стала дѣлать знаки, часто указывая на одну сторону и проводя толстымъ пальцемъ по бровямъ и лицу. Лукашка понималъ ее, и все кивалъ, слегка улыбаясь. Она говорила, что братъ дѣвкамъ давалъ бы закуски, говорила, что дѣвки его любятъ, и что одна дѣвка Марьянка лучше всѣхъ и та любитъ его. Марьянку она обозначала, указывая быстро на сторону ея двора, на свои брови, лицо, чмокая и качая головой. „Любитъ!“ показывала она, прижимая руку къ груди, цѣлуя свою руку и будто обнимая что-то. Мать вернулась въ хату и узнавъ, о чемъ говорила нѣмая, улыбнулась и покачала головой. Нѣмая показала ей пряники и снова прогудѣла отъ радости.

— Я Улитѣ говорила намедни, что сватать пришлю,—сказала мать:—приняла мои слова хорошо.

Лукашка молча посмотрѣлъ на мать.

— Да что, матушка, вино надо везть,—коня нужно.

— Повезу, когда время будетъ; бочки справлю,—сказала мать, видимо не желая, чтобы сынъ вмѣшивался въ хозяйственныя дѣла. — Ты какъ пойдешь, — сказала старуха сыну, — такъ возьми въ сѣняхъ мѣшочекъ. У людей заняла, тебѣ на кордонъ припасла. Али въ *саквы* *) положить?

— Ладно, — отвѣчалъ Лукашка. — А коли изъ-за рѣки Гирей-ханъ пріѣдетъ, ты его на кордонъ пришли, а то теперь долго не отпустятъ. До него дѣло есть.

Онъ сталъ собираться.

— Пришлю, Лукашка, пришлю. Что-жъ, у Ямки все и гуляли стало?—сказала старуха.—То-то я ночью вставала къ скотинѣ, слушала, ровно твой голосъ пѣсни игралъ.

Лукашка не отвѣчалъ, вышелъ въ сѣни, перекинувъ черезъ плечо сумки, подоткнулъ зипунъ, взялъ ружье и остановился на порогѣ.

— Прощай, матушка!—сказалъ онъ матери, припирая за собой ворота.—Ты боченокъ съ Назаркой пришли,—ребятамъ обѣщался; онъ зайдетъ.

— Спаси тебя Христосъ, Лукашка, Богъ съ тобой! Пришлю, изъ новой бочки пришлю,—отвѣчала старуха, подходя къ забору.—Да слушай что̀,—прибавила она перегнувшись черезъ заборъ.

Казакъ остановился.

— Ты здѣсь погулялъ,—ну, слава Богу!—какъ молодому человѣку не веселиться? Ну, и Богъ счастье далъ. Это хорошо. А тамъ-то ужъ смотри, сынокъ, не того... Пуще

*) „Саквами“ называются переметныя сумки, которыя казаки возятъ за сѣдлами.

всего начальника ублажай,—нельзя! А я вина продамъ, денегъ припасу коня купить и дѣвку высватаю.

— Ладно, ладно!—отвѣчалъ сынъ, хмурясь.

Нѣмая крикнула, чтобъ обратить на себя его вниманіе. Показала голову и руку, что значило бритая голова, чеченецъ. Потомъ, нахмуривъ брови, показала видъ, что прицѣливается изъ ружья, вскрикнула и запѣла скоро, качая головой. Она говорила, чтобы Лукашка еще убилъ чеченца.

Лукашка понялъ, усмѣхнулся и скорыми, легкими шагами, придерживая ружье за спиной подъ буркой, скрылся въ густомъ туманѣ.

Молча постоявъ у воротъ, старуха вернулась въ избушку и тотчасъ же принялась за работу.

XVIII.

Лукашка пошелъ на кордонъ, а дядя Ерошка въ то же время свистнулъ собакъ и, перелѣзши черезъ плетень, задами обошелъ до квартиры Оленина (идя на охоту, онъ не любилъ встрѣчаться съ бабами). Оленинъ еще спалъ, и даже Ванюша, проснувшись, но еще не вставая, поглядывалъ вокругъ себя и соображалъ, пора или не пора, когда дядя Ерошка, съ ружьемъ за плечами и во всемъ охотничьемъ уборѣ, отворилъ дверь.

— Палокъ!—закричалъ онъ своимъ густымъ голосомъ.— Тревога! Чеченцы пришли!... Иванъ! самоваръ барину ставь. А ты вставай, живо!—закричалъ старикъ.—Такъ-то у насъ, добрый человѣкъ! Вотъ ужъ и дѣвки встали. Въ окно глянька, глянька, за водой идетъ, а ты спишь.

Оленинъ проснулся и вскочилъ. И такъ свѣжо, весело ему стало при видѣ старика и звукѣ его голоса.

— Живо, живо!... Ванюша!—закричалъ онъ.

— Такъ-то ты на охоту ходишь? Люди завтракать, а ты спишь? Лямъ! Куда?—крикнулъ онъ на собаку.

— Ружье-то готово, что-ль?—кричалъ старикъ, точно цѣлая толпа народа была въ избѣ.

— Ну, провинился, нечего дѣлать. Порохъ, Ванюша, пыжи!—говорилъ Оленинъ.

— Штрафъ!—кричалъ старикъ.

— *Дю те вулеву?*—говорилъ Ванюша, ухмыляясь.

— Ты не нашъ, не по-нашему лопочешь, чортъ! — кричалъ на него старикъ, оскаливая корешки своихъ зубовъ.

— Для перваго раза прощается,—шутилъ Оленинъ, натягивая большіе сапоги.

— Прощается для перваго раза,—отвѣчалъ Ерошка:—а въ другой разъ проспишь, ведро чихиря штрафу. Какъ обогрѣется, не застанешь оленя-то.

— Да хоть и застанешь, такъ онъ умнѣй насъ,—сказалъ Оленинъ, повторяя слова старика, сказанныя вечеромъ:— его не обманешь.

— Да ты смѣйся! Вотъ убей, тогда поговори. Ну, живо! Смотри, вонъ и хозяинъ къ тебѣ идетъ,—сказалъ Ерошка, глядѣвшій въ окно.—Вишь убрался, новый зипунъ надѣлъ, чтобы ты видѣлъ, что онъ офицеръ есть. Эхъ, народъ, народъ!

Дѣйствительно, Ванюша объявилъ, что хозяинъ желаетъ видѣть барина.

— *Ларжанъ*,—сказалъ онъ глубокомысленно, предупреждая барина о значеніи визита хорунжаго. Вслѣдъ затѣмъ самъ хорунжій, въ новой черкескѣ, съ офицерскими погона-

ми на плечахъ, въ чищенныхъ сапогахъ, — рѣдкость у казаковъ, — съ улыбкой на лицѣ, раскачиваясь, вошелъ въ комнату и поздравилъ съ праздникомъ.

Хорунжій, Илья Васильевичъ, былъ казакъ *образованный*, побывавшій въ Россіи, школьный учитель и, главное, *благородный*. Онъ хотѣлъ казаться *благороднымъ*; но невольно, подъ напущеннымъ на себя уродливымъ лоскомъ вертлявости, самоувѣренности и безобразной рѣчи, чувствовался тотъ же дядя Ерошка. Это видно было и по его загорѣлому лицу, и по рукамъ, и по красноватому носу. Оленинъ попросилъ его садиться.

— Здравствуй, батюшка Илья Васильевичъ! — сказалъ Ерошка, вставая и, какъ казалось Оленину, иронически низко кланяясь.

— Здорово, дядя! Ужъ ты тутъ? — отвѣчалъ хорунжій, небрежно кивая ему головой.

Хорунжій былъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ сѣдою, клинообразною бородкой, сухой, тонкій и красивый, еще очень свѣжій для своихъ сорока лѣтъ. Придя къ Оленину, онъ видимо боялся, чтобъ его не приняли за обыкновеннаго казака, и желалъ дать ему сразу почувствовать свое значеніе.

— Это нашъ *Нимвродъ египетскій*,—сказалъ онъ, съ самодовольною улыбкой обращаясь къ Оленину и указывая на старика.—*Ловецъ предъ господиномъ*. Первый у насъ на всякія руки. Изволили ужъ узнать?

Дядя Ерошка, глядя на свои ноги, обутыя въ мокрыя поршни, задумчиво покачивалъ головой, какъ бы удивляясь ловкости и учености хорунжаго, и повторялъ про себя: „*Нимродъ гицкій!* Чего не выдумаетъ?“

— Да, вотъ, на охоту хотимъ идти,—сказалъ Оленинъ.

— Такъ-съ точно,—замѣтилъ хорунжій:—а у меня дѣльце есть къ вамъ.

— Что прикажете?

— Какъ вы есть благородный человѣкъ,—началъ хорунжій,—и какъ я себя могу понимать, что мы тоже имѣемъ званіе офицера, и потому постепенно можемъ всегда страктоваться, какъ и всѣ благородные люди... (Онъ пріостановился и съ улыбкой взглянулъ на старика и офицера.) Но ежели бы вы имѣли желаніе, по согласію моему, такъ какъ моя жена есть женщина глупая въ нашемъ сословіи, не могла въ настоящее время вполнѣ вразумить ваши слова вчерашняго числа. Потому квартира моя для полковаго адъютанта могла ходить безъ конюшни за шесть монетовъ, а задаромъ я всегда, какъ благородный человѣкъ, могу удалить отъ себя. А такъ какъ вамъ желается, то я, какъ самъ офицерскаго званія, могу во всемъ согласиться лично съ вами, и, какъ житель здѣшняго края, не то какъ бы по нашему обычаю, а во всемъ могу соблюсти условія...

— Чисто говоритъ,—пробормоталъ старикъ.

Хорунжій говорилъ еще долго въ томъ же родѣ. Изо всего этого Оленинъ не безъ нѣкотораго труда могъ понять желаніе хорунжаго брать по шести рублей серебромъ за квартиру въ мѣсяцъ. Онъ съ охотою согласился и предложилъ своему гостю стаканъ чаю. Хорунжій отказался.

— По нашему глупому обряду,—сказалъ онъ,—мы считаемъ какъ бы за грѣхъ употреблять изъ мірскаго стакана. Оно хотя, по образованію моему, я бы могъ понимать, но жена моя по слабости человѣческія...

— Что-жъ, прикажете чаю?

— Ежели позволите, я свой стаканъ принесу, *особливый*,—

отвѣчалъ хорунжій и вышелъ на крыльцо.—Стаканъ подай!—крикнулъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась, и загорѣлая молодая рука, въ розовомъ рукавѣ, высунулась со стаканомъ изъ двери. Хорунжій подошелъ, взялъ стаканъ и пошепталъ что-то съ дочерью. Оленинъ налилъ чаю хорунжему въ *особливый*, Ерошкѣ въ *мірской* стаканъ.

— Однако, не желаю васъ задерживать,—сказалъ хорунжій, обжигаясь и допивая свой стаканъ.—Я какъ есть тоже имѣю сильную охоту до рыбной ловли и здѣсь только на побывкѣ, какъ бы на рекріаціи отъ должности. Тоже имѣю желаніе испытать счастіе, не попадутся ли на мою долю *дары Терека*. Надѣюсь, вы и меня посѣтите когда-нибудь испить *родительскаго*, по нашему станичному обычаю,—прибавилъ онъ.

Хорунжій откланялся, пожалъ руку Оленину и вышелъ. Покуда собирался Оленинъ, онъ слышалъ повелительный и толковый голосъ хорунжаго, отдававшаго приказанія домашнимъ. А черезъ нѣсколько минутъ Оленинъ видѣлъ, какъ хорунжій, въ засученныхъ до колѣнъ штанахъ и въ оборванномъ бешметѣ, съ сѣтью на плечѣ, прошелъ мимо его окна.

— Плутъ же!—сказалъ дядя Ерошка, допивавшій свой чай изъ мірскаго стакана.—Что же, неужели ты такъ и будешь платить шесть монетовъ? Слыхано ли дѣло? Лучшую хату въ станицѣ за два монета отдадутъ. Эка бестія! Да я тебѣ свою за три монета отдамъ.

— Нѣтъ, ужъ я здѣсь останусь,—сказалъ Оленинъ.

— Шесть монетовъ!... Видно деньги-то дурашныя. Э-эхъ!—отвѣчалъ старикъ.—Чихирю дай, Иванъ!

Закусивъ и выпивъ водки на дорогу, Оленинъ со старикомъ вышли вмѣстѣ на улицу часу въ восьмомъ утра.

Въ воротахъ они наткнулись на запряженную арбу. Обвязанная до глазъ бѣлымъ платкомъ, въ бешметѣ сверхъ рубахи, въ сапогахъ и съ длинною хворостиной въ рукахъ, Марьяна тащила быковъ за привязанную къ ихъ рогамъ веревку.

— Мамушка,—проговорилъ старикъ, дѣлая видъ, что хочетъ схватить ее.

Марьянка замахнулась на него хворостиной и весело взглянула на обоихъ своими прекрасными глазами.

Оленину сдѣлалось еще веселѣе.

— Ну, идемъ, идемъ!—сказалъ онъ, вскидывая ружье на плечо и чувствуя на себѣ взглядъ дѣвки.

— Ги, ги!—прозвучалъ за нимъ голосъ Марьяны, и вслѣдъ за тѣмъ заскрипѣла тронувшаяся арба.

Покуда дорога шла задами станицы, по выгонамъ, Ерошка разговаривалъ. Онъ не могъ забыть хорунжаго и все бранилъ его.

— Да за что же ты такъ сердишься на него?—спросилъ Оленинъ.

— Скупой! Не люблю,—отвѣчалъ старикъ.—Издохнетъ, все останется. Для кого копитъ? Два дома построилъ. Садъ другой у брата оттягалъ. Вѣдь тоже и по бумажнымъ дѣламъ какая собака! Изъ другихъ станицъ пріѣзжаютъ къ нему бумаги писать. Какъ напишетъ, такъ какъ разъ и выйдетъ. Въ самый разъ сдѣлаетъ. Да кому копить-то? Всего одинъ мальчишка, да дѣвка; замужъ отдастъ, никого не будетъ.

— Такъ на приданое и копитъ,—сказалъ Оленинъ.

— Какое приданое? Дѣвку берутъ, дѣвка важная. Да вѣдь такой чортъ, что и отдать-то еще за богатаго хочетъ. Калымъ большой содрать хочетъ. Лука есть казакъ, сосѣдъ мнѣ

и племянникъ, молодецъ малый, что̀ чеченца убилъ, давно ужъ сватаетъ; такъ все не отдаетъ. То, другое, да третье; дѣвка молода, говоритъ. А я знаю, что думаетъ. Хочетъ, чтобы покланялись. Нынче что сраму было за дѣвку за эту. А все Лукашкѣ высватаютъ. Потому первый казакъ въ станицѣ, джигитъ, абрека убилъ, крестъ дадутъ.

— А что это? Я вчера какъ по двору ходилъ, видѣлъ, дѣвка хозяйская съ какимъ-то казакомъ цѣловалась,—сказалъ Оленинъ.

— Хвастаешь!—крикнулъ старикъ, останавливаясь.

— Ей-Богу!—сказалъ Оленинъ.

— Баба чортъ,—раздумывая сказалъ Ерошка.—А какой казакъ?

— Я не видалъ какой.

— Ну, купрей какой на шапкѣ, бѣлый?

— Да.

— А зипунъ красный? Съ тебя, такой же?

— Нѣтъ, побольше.

— Онъ и есть!—Ерошка захохоталъ.—Онъ и есть, Марка мой. Онъ, Лукашка. Я его Марка зову, *шутю*. Онъ самый! Люблю! Такой-то и я былъ, отецъ мой. Что на нихъ смотрѣть-то? Бывало съ матерью, съ невѣсткой спитъ *душенька*-то моя, а я все влѣзу. Бывало, жила она высоко; мать вѣдьма была, чортъ: страсть не любила меня. Приду бывало съ *няней* (другъ значитъ), Гирчикомъ звали. Приду подъ окно, ему на плечи взлѣзу, окно подниму, да и ощариваю. Она тутъ на лавкѣ спала. Разъ такъ-то взбудилъ ее. Она какъ взахается! Меня не узнала. Кто это? А мнѣ говорить нельзя. Ужъ было мать заворошилась. Я шапку снялъ, да въ мурло ей и сунулъ: такъ сразу узнала по рубцу, что на

шапкѣ былъ. Выскочила. Бывало, ничего-то не нужно. И каймаку тебѣ, и винограду, всего натащитъ,—прибавилъ Ерошка, объяснявшій все практически.—Да не одна была. Житье бывало.

— А теперь что-жъ?

— А вотъ пойдемъ за собакой, фазана на дерево посадимъ, тогда стрѣляй.

— Ты бы за Марьянкой поволочился?

— Ты смотри на собакъ-то. Вечеромъ докажу,—сказалъ старикъ, указывая на своего любимца Ляма.

Они замолкли.

Пройдя шаговъ сто въ разговорахъ, старикъ опять остановился и указалъ на хворостинку, которая лежала черезъ дорогу.

— Ты это что думаешь?—сказалъ онъ.—Ты думаешь это такъ? Нѣтъ. Эта палка дурно лежитъ.

— Чѣмъ же дурно?

Онъ усмѣхнулся.

— Ничего не знаешь. Ты слушай меня. Когда такъ палка лежитъ, ты черезъ нее не шагай, а или обойди, или скинь такъ-то съ дороги, да молитву прочти: „Отцу и Сыну и Святому Духу", и иди съ Богомъ. Ничего не сдѣлаетъ. Такъ-то старики еще меня учили.

— Ну, что̀ за вздоръ!—сказалъ Оленинъ.—Ты разскажи лучше про Марьяну. Что-жъ, она гуляетъ съ Лукашкой?

— Шш... теперь молчи,—опять шепотомъ прервалъ старикъ этотъ разговоръ:—только слушай. Кругомъ вотъ лѣсомъ пойдемъ.

И старикъ, неслышно ступая въ своихъ поршняхъ, пошелъ впередъ по узкой дорожкѣ, входившей въ густой, ди-

кій, заросшій лѣсъ. Онъ нѣсколько разъ, морщась, оглядывался на Оленина, который шуршалъ и стучалъ своими большими сапогами и, неосторожно неся ружье, нѣсколько разъ цѣплялъ за вѣтви деревьевъ, разросшихся по дорогѣ.

— Не шуми, тише иди, солдатъ!—сердито шепотомъ говорилъ онъ ему.

Чувствовалось въ воздухѣ, что солнце встало. Туманъ расходился, но еще закрывалъ вершины лѣса. Лѣсъ казался страшно высокимъ. При каждомъ шагѣ впередъ мѣстность измѣнялась. Что̀ казалось деревомъ, то оказывалось кустомъ; камышинка казалась деревомъ.

XIX.

Туманъ частью поднимался, открывая мокрыя камышевыя крыши, частью превращался въ росу, увлажая дорогу и траву около заборовъ. Дымъ вездѣ валилъ изъ трубъ. Народъ выходилъ изъ станицъ—кто на работу, кто на рѣку, кто на кордоны. Охотники шли рядомъ по сырой, поросшей травою дорогѣ. Собаки, махая хвостами и оглядываясь на хозяина, бѣжали по сторонамъ. Миріады комаровъ вились въ воздухѣ и преслѣдовали охотниковъ, покрывая ихъ спины, глаза и руки. Пахло травой и лѣсною сыростью. Оленинъ безпрестанно оглядывался на арбу, въ которой сидѣла Марьянка и хворостиной подгоняла быковъ. Было тихо. Звуки станицы, слышные прежде, теперь уже не доходили до охотниковъ; только собаки трещали по living тернамъ, изрѣдка откликались птицы. Оленинъ зналъ, что въ лѣсу опасно, что абреки всегда скрываются въ этихъ мѣстахъ. Онъ зналъ тоже, что въ лѣсу для пѣшехода ружье есть сильная защита. Не то, чтобъ ему

было страшно, но онъ чувствовалъ, что другому на его мѣстѣ могло быть страшно, и съ особеннымъ напряженіемъ вглядываясь въ туманный, сырой лѣсъ, вслушиваясь въ рѣдкіе слабые звуки, перехватывалъ ружье и испытывалъ пріятное и новое для него чувство. Дядя Ерошка, идя впереди, при каждой лужѣ, на которой были двойчатые слѣды звѣря, останавливался и, внимательно разглядывая, указывалъ ихъ Оленину. Онъ почти не говорилъ; только изрѣдка и шепотомъ дѣлалъ свои замѣчанія. Дорога, по которой они шли, была когда-то проѣзжена арбой и давно заросла травой. Карагачевый и чинаровый лѣсъ съ обѣихъ сторонъ былъ такъ густъ и заросъ, что ничего нельзя было видѣть черезъ него. Почти каждое дерево было обвито сверху до низу дикимъ виноградникомъ; внизу густо росъ темный терновникъ. Каждая маленькая полянка вся заросла ежевичникомъ и камышомъ съ сѣрыми колеблющимися махалками. Мѣстами большія звѣриныя и маленькія, какъ тунели, фазаньи тропы сходили съ дороги въ чащу лѣса. Сила растительности этого, непробитаго скотомъ, лѣса на каждомъ шагу поражала Оленина, который не видалъ еще ничего подобнаго. Этотъ лѣсъ, опасность, старикъ съ своимъ таинственнымъ шепотомъ, Марьянка съ своимъ мужественнымъ стройнымъ станомъ и горы—все это казалось сномъ Оленину.

— Фазана посадилъ,—прошепталъ старикъ, оглядываясь и надвигая себѣ на лицо шапку. — Мурло-то закрой: фазанъ!—Онъ сердито махнулъ на Оленина и полѣзъ дальше, почти на четвереинькахъ.—Мурла человѣчьяго не любитъ.

Оленинъ еще былъ сзади, когда старикъ остановился и сталъ оглядывать дерево. Пѣтухъ *тордокнулъ* съ дерева на собаку, лаявшую на него, и Оленинъ увидалъ фазана. Но

въ то же время раздался выстрѣлъ, какъ изъ пушки, изъ здоровеннаго ружья Ерошки, и пѣтухъ вспорхнулъ, теряя перья, и упалъ на земь. Подходя къ старику, Оленинъ спугнулъ другаго. Выпроставъ ружье, онъ повелъ и ударилъ. Фазанъ взвился коломъ къ верху и потомъ, какъ камень, цѣпляясь за вѣтки, упалъ въ чащу.

— Молодецъ!—смѣясь, прокричалъ старикъ, не умѣвшій стрѣлять въ летъ.

Подобравъ фазановъ, они пошли дальше. Оленинъ, возбужденный движеніемъ и похвалой, все заговаривалъ со старикомъ.

— Стой! сюда пойдемъ, — перебилъ его старикъ:—вчера тутъ оленій слѣдъ видалъ.

Свернувъ въ чащу и пройдя шаговъ триста, они выбрались на поляну, поросшую камышомъ и мѣстами залитую водой. Оленинъ все отставалъ отъ стараго охотника, и дядя Ерошка, шагахъ въ двадцати впереди его, нагнулся, значительно кивая и махая ему рукой. Добравшись до него, Оленинъ увидалъ слѣдъ ноги человѣка, на который ему указывалъ старикъ.

— Видишь?

— Вижу. Что-жъ?—сказалъ Оленинъ, стараясь говорить какъ можно спокойнѣе:—человѣка слѣдъ.

Невольно въ головѣ его мелькнула мысль о Куперовомъ Патфайндерѣ и абрекахъ, а глядя на таинственность, съ которою шелъ старикъ, онъ не рѣшался спросить и былъ въ сомнѣніи, опасность или охота причиняли эту таинственность?

— Нѣ, это мой слѣдъ,—просто отвѣтилъ старикъ и указалъ траву, подъ которою былъ видѣнъ чуть замѣтный слѣдъ звѣря.

Старикъ пошелъ дальше. Оленинъ не отставалъ отъ него. Пройдя шаговъ двадцать и спускаясь къ низу, они пришли въ чащу къ разлапистой грушѣ, подъ которою земля была черна и оставался свѣжій звѣриный пометъ.

Обвитое виноградникомъ мѣсто было похоже на крытую уютную бесѣдку, темную и прохладную.

— Утромъ тутъ былъ,—вздохнувъ сказалъ старикъ:—видать, логово отпотѣло, свѣжо.

Вдругъ страшный трескъ послышался въ лѣсу, шагахъ въ десяти отъ нихъ. Оба вздрогнули и схватились за ружья, но ничего не видно было; только слышно было, какъ ломались сучья. Равномѣрный, быстрый топотъ галопа послышался на мгновенье, изъ треска перешелъ въ гулъ, все дальше, дальше, шире и шире разносившійся по тихому лѣсу. Что-то какъ бы оборвалось въ сердцѣ Оленина. Онъ тщетно всматривался въ зеленую чащу и, наконецъ, оглянулся на старика. Дядя Ерошка, прижавъ ружье къ груди, стоялъ неподвижно; шапка его была сбита назадъ, глаза горѣли необыкновеннымъ блескомъ и открытый ротъ, изъ котораго злобно выставлялись съѣденные желтые зубы, замеръ въ своемъ положеніи.

— Рогаль! — проговорилъ онъ. И отчаянно бросивъ на земь ружье, сталъ дергать себя за сѣдую бороду. — Тутъ стоялъ! Съ дорожки подойти бы... Дуракъ, дуракъ!—и онъ злобно ухватилъ себя за бороду.—Дуракъ, свинья!—твердилъ онъ, больно дергая себя за бороду. Надъ лѣсомъ въ туманѣ какъ будто пролетало что-то; все дальше и дальше, шире и шире гудѣлъ бѣгъ поднятаго оленя.

Ужъ сумерками Оленинъ вернулся со старикомъ, усталый, голодный и сильный. Обѣдъ былъ готовъ. Онъ поѣлъ, вы-

пилъ со старикомъ, такъ что ему стало тепло и весело, и вышелъ на крылечко. Опять передъ глазами подымались горы на закатѣ. Опять старикъ разсказывалъ свои безконечныя исторіи про охоту, про абрековъ, про душенекъ, про беззаботное, удалое житье. Опять Марьяна красавица входила, выходила и переходила черезъ дворъ. Подъ рубахой обозначалось могучее, дѣвственное тѣло красавицы.

XX.

На другой день Оленинъ безъ старика пошелъ одинъ на то мѣсто, гдѣ онъ со старикомъ спугнулъ оленя. Чѣмъ обходить въ ворота, онъ перелѣзъ, какъ и всѣ дѣлали въ станицѣ, черезъ ограду колючекъ. И еще не успѣлъ отодрать колючекъ, зацѣпившихся ему за черкеску, какъ собака его, побѣжавшая впередъ, подняла уже двухъ фазановъ. Только что онъ вошелъ въ терны, какъ стали, что ни шагъ, подниматься фазаны. (Старикъ не показалъ ему вчера этого мѣста, чтобы приберечь его для охоты съ кобылкой.) Оленинъ убилъ пять штукъ фазановъ изъ двѣнадцати выстрѣловъ и, лазя за ними по тернамъ, измучился такъ, что потъ лилъ съ него градомъ. Онъ отозвалъ собаку, спустилъ курки, положилъ пули на дробь и, отмахиваясь отъ комаровъ рукавами черкески, тихонько пошелъ ко вчерашнему мѣсту. Однако нельзя было удержать собаку, на самой дорогѣ набѣгавшей на слѣды, и онъ убилъ еще пару фазановъ, такъ что, задержавшись за ними, онъ только къ полудню сталъ узнавать вчерашнее мѣсто.

День былъ совершенно ясный, тихій, жаркій. Утренняя свѣжесть даже въ лѣсу пересохла, и миріады комаровъ буквально облѣпляли лицо, спину и руки. Собака сдѣлалась сивою изъ черной; спина ея вся была покрыта комарами.

Черкеска, черезъ которую они пропускали свои жала, стала такою же. Оленинъ готовъ былъ бѣжать отъ комаровъ; ему ужъ казалось, что лѣтомъ и жить нельзя въ станицѣ. Онъ уже шелъ домой; но вспомнивъ, что живутъ же люди, рѣшился вытерпѣть и сталъ отдавать себя на съѣденіе. И, странное дѣло, къ полудню это ощущеніе стало ему даже пріятно. Ему показалось даже, что ежели бы не было этой окружающей его со всѣхъ сторонъ комариной атмосферы, этого комаринаго тѣста, которое подъ рукой размазывалось по потному лицу, и этого безпокойнаго зуда по всему тѣлу, то здѣшній лѣсъ потерялъ бы для него свой характеръ и свою прелесть. Эти миріады насѣкомыхъ такъ шли къ этой дикой, до безобразія богатой растительности, къ этой безднѣ звѣрей и птицъ, наполняющихъ лѣсъ, къ этой темной зелени, къ этому пахучему, жаркому воздуху, къ этимъ канавкамъ мутной воды, вездѣ просасывающейся изъ Терека и бульбукающей гдѣ-нибудь подъ нависшими листьями, что ему стало пріятно именно то, что̀ прежде казалось ужаснымъ и нестерпимымъ. Обойдя то мѣсто, гдѣ вчера онъ нашелъ звѣря, и ничего не встрѣтивъ, онъ захотѣлъ отдохнуть. Солнце стояло прямо надъ лѣсомъ и безпрестанно, въ отвѣсъ, доставало ему спину и голову, когда онъ выходилъ на поляну или на дорогу. Семь тяжелыхъ фазановъ до боли оттягивали ему поясницу. Онъ отыскалъ вчерашніе слѣды оленя, подобрался подъ кустъ въ чащу, въ то самое мѣсто, гдѣ вчера лежалъ олень, и улегся у его логова. Онъ осмотрѣлъ кругомъ себя темную зелень, осмотрѣлъ потное мѣсто, вчерашній пометъ, отпечатокъ колѣней оленя, клочокъ чернозема, оторванный оленемъ, и свои вчерашніе слѣды. Ему было прохладно, уютно; ни о чемъ онъ не думалъ, ничего

не желалъ. И вдругъ на него нашло такое странное чувство безпричиннаго счастія и любви ко всему, что онъ, по старой дѣтской привычкѣ, сталъ креститься и благодарить кого-то. Ему вдругъ съ особенною ясностью пришло въ голову, что вотъ я, Дмитрій Оленинъ, такое особенное отъ всѣхъ существо, лежу теперь одинъ, Богъ знаетъ гдѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ олень,—старый олень, красивый, никогда можетъ-быть не видавшій человѣка,—и въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ никогда никто изъ людей не сидѣлъ и того не думалъ. „Сижу, а вокругъ меня стоятъ молодыя и старыя деревья, и одно изъ нихъ обвито плетями дикаго винограда; около меня копошатся фазаны, выгоняя другъ друга, и чуютъ можетъ-быть убитыхъ братьевъ“. Онъ пощупалъ своихъ фазановъ, осмотрѣлъ ихъ и отеръ тепло-окровавленную руку о черкеску. „Чуютъ, можетъ-быть, чакалки, и съ недовольными лицами пробираются въ другую сторону; около меня, пролетая между листьями, которые кажутся имъ огромными островами, стоятъ въ воздухѣ и жужжатъ комары; одинъ, два, три, четыре, сто, тысяча, милліонъ комаровъ, и всѣ они что-нибудь и зачѣмъ-нибудь жужжатъ около меня, и каждый изъ нихъ такой же особенный отъ всѣхъ Дмитрій Оленинъ, какъ и я самъ“. Ему ясно представилось, что̀ думаютъ и жужжатъ комары. „Сюда, сюда, ребята! Вотъ кого можно ѣсть“, жужжатъ они и облѣпляютъ его. И ему ясно стало, что онъ нисколько не русскій дворянинъ, членъ московскаго общества, другъ и родня того-то и того-то, а просто такой же комаръ, или такой же фазанъ, или олень, какъ и тѣ, которые живутъ теперь вокругъ него. „Такъ же, какъ они, какъ дядя Ерошка, поживу, умру. И правду онъ говоритъ: только трава выростетъ“.

„Да что же, что трава выростетъ?—думалъ онъ дальше.— Все надо жить, надо быть счастливымъ, потому что я только одного желаю—счастія. Все равно, что бы я ни былъ: такой же звѣрь, какъ и всѣ, на которомъ трава выростетъ, и больше ничего, или я рамка, въ которой вставилась часть единаго Божества,—все-таки надо жить наилучшимъ образомъ. Какъ же надо жить, чтобы быть счастливымъ, и отчего я не былъ счастливъ прежде?“ И онъ сталъ вспоминать свою прошедшую жизнь, и ему стало гадко на самого себя. Онъ самъ представился себѣ такимъ требовательнымъ эгоистомъ, тогда какъ въ сущности ему для себя ничего не было нужно. И все онъ смотрѣлъ вокругъ себя на просвѣчивающую зелень, на спускающееся солнце и ясное небо, и чувствовалъ все себя такимъ же счастливымъ, какъ и прежде. „Отчего я счастливъ, и зачѣмъ я жилъ прежде?—подумалъ онъ.—Какъ я былъ требователенъ для себя, какъ придумывалъ, и ничего не сдѣлалъ себѣ, кромѣ стыда и горя! А вотъ какъ мнѣ ничего не нужно для счастія!“ И вокругъ ему какъ будто открылся новый свѣтъ. „Счастіе вотъ что,—сказалъ онъ самъ себѣ:—счастіе въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастія; стало-быть она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то-есть отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастія незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены несмотря на внѣшнія условія, какія?—Любовь, самоотверженіе!“ Онъ такъ обрадовался и взволновался, открывъ эту, какъ ему казалось, новую истину, что вскочилъ и въ нетерпѣніи

сталъ искать, для кого бы ему поскорѣе пожертвовать собой, кому бы сдѣлать добро, кого бы любить. „Вѣдь ничего для себя не нужно,—все думалъ онъ,—отчего же не жить для другихъ?“ Онъ взялъ ружье и, съ намѣреніемъ скорѣе вернуться домой, чтобъ обдумать все это и найти случай сдѣлать добро, вышелъ изъ чащи. Выбравшись на поляну, онъ оглянулся: солнца уже не было видно за вершинами деревьевъ; становилось прохладнѣе, и мѣстность показалась ему совершенно незнакома и не похожа на ту, которая окружала станицу. Все вдругъ перемѣнилось—и погода, и характеръ лѣса: небо заволакивало тучами, вѣтеръ шумѣлъ въ вершинахъ деревьевъ, кругомъ виднѣлись только камышъ и перестоялый, поломанный лѣсъ. Онъ сталъ кликать собаку, которая отбѣжала отъ него за какимъ-то звѣремъ, и голосъ его отозвался ему пустынно. И вдругъ ему стало страшно жутко. Онъ сталъ трусить. Пришли въ голову абреки, убійства, про которыя ему разсказывали, и онъ ждалъ, вотъ-вотъ выскочитъ изъ каждаго куста чеченецъ, и ему придется защищать жизнь и... умирать или трусить. Онъ вспомнилъ и о Богѣ, и о будущей жизни, такъ, какъ не вспоминалъ этого давно. А кругомъ была та же мрачная, строгая, дикая природа. „И стòитъ ли того, чтобы жить для себя,—думалъ онъ,—когда вотъ-вотъ умрешь, и умрешь, не сдѣлавъ ничего добраго, и такъ, что никто не узнаетъ?“ Онъ пошелъ по тому направленію, гдѣ предполагалъ станицу. Объ охотѣ онъ уже не думалъ, чувствовалъ убійственную усталось и особенно внимательно, почти съ ужасомъ, оглядывалъ каждый кустъ и дерево, ожидая ежеминутно разсчета съ жизнью. Покружившись довольно долго, онъ выбрался на канаву, по которой текла песчаная, холодная вода изъ Терека, и, чтобы

больше не плутать, рѣшился пойти по ней. Онъ шелъ, самъ не зная куда выведетъ его канава. Вдругъ сзади его затрещали камыши. Онъ вздрогнулъ и схватился за ружье. Ему стало стыдно за себя,—зарьявшая собака, тяжело дыша, бросилась въ холодную воду канавы и стала лакать ее.

Онъ напился вмѣстѣ съ нею и пошелъ по тому направленію, куда она тянула, полагая, что она его выведетъ въ станицу. Но, несмотря на товарищество собаки, вокругъ ему все казалось еще мрачнѣе. Лѣсъ темнѣлъ, вѣтеръ сильнѣе и сильнѣе разыгрывался въ вершинахъ старыхъ поломанныхъ деревьевъ. Какія-то большія птицы съ визгомъ вились около гнѣздъ этихъ деревьевъ. Растительность становилась бѣднѣе, чаще попадался шушукающій камышъ и голыя песчаныя полянки, избитыя звѣриными слѣдами. Къ гулу вѣтра присоединился еще какой-то невеселый, однообразный гулъ. Вообще на душѣ становилось пасмурно. Онъ ощупалъ сзади фазановъ и одного не нашелъ. Фазанъ оторвался и пропалъ, и только окровавленная шейка и головка торчали за поясомъ. Ему стало такъ страшно, какъ никогда. Онъ сталъ молиться Богу, и одного только боялся, что умретъ, не сдѣлавъ ничего добраго, хорошаго; а ему такъ хотѣлось жить, жить, чтобы совершить подвигъ самоотверженія.

XXI.

Вдругъ какъ солнце просіяло въ его душѣ. Онъ услыхалъ звуки русскаго говора, услыхалъ быстрое и равномѣрное теченіе Терека и, шага черезъ два, передъ нимъ открылась коричневая, продвигающаяся поверхность рѣки, съ бурымъ, мокрымъ пескомъ на берегахъ и отмеляхъ, дальняя степь, вышка кордона, отдѣлявшаяся надъ водой, осѣдланная ло-

шадь, въ треноги ходившая по тернамъ, и горы. Красное солнце вышло въ мгновеніе изъ - за тучи и послѣдними лучами весело блеснуло вдоль по рѣкѣ, по камышамъ, на вышку и на казаковъ, собравшихся кучкой, между которыми Лукашка невольно, своею бодрою фигурой, обратилъ вниманіе Оленина.

Оленинъ почувствовалъ себя опять, безъ всякой видимой причины, совершенно счастливымъ. Онъ зашелъ въ Нижне-Протоцкій постъ, на Терекѣ, противъ мирнаго аула на той сторонѣ. Онъ поздоровался съ казаками, но, еще не найдя предлога сдѣлать кому-либо добро, вошелъ въ избу. И въ избѣ не представилось случая. Казаки приняли его холодно. Онъ вошелъ въ мазанку и закурилъ папиросу. Казаки мало обратили вниманія на Оленина, во-первыхъ, за то, что онъ курилъ папиросу, во - вторыхъ, отъ того, что у нихъ было другое развлеченіе въ этотъ вечеръ. Изъ горъ пріѣхали съ лазутчикомъ немирные чеченцы, родные убитаго абрека, выкупать тѣло. Ждали изъ станицы казачье начальство. Братъ убитаго, высокій, стройный, съ подстриженною и выкрашенною красною бородой, несмотря на то, что былъ въ оборваннѣйшей черкескѣ и папахѣ, былъ спокоенъ и величавъ, какъ царь. Онъ былъ очень похожъ лицомъ на убитаго абрека. Никого онъ не удостоивалъ взглядомъ, ни разу не взглянулъ на убитаго, и, сидя въ тѣни на корточкахъ, только сплевывалъ, куря трубочку, и изрѣдка издавалъ нѣсколько повелительныхъ гортанныхъ звуковъ, которымъ почтительно внималъ его спутникъ. Видно было, что это джигитъ, который ужъ не разъ видалъ русскихъ совсѣмъ въ другихъ условіяхъ, и что теперь ничто въ русскихъ не только не удивляло, но и не занимало его. Оленинъ подошелъ было къ

убитому и сталъ смотрѣть на него, но братъ, спокойно-презрительно взглянувъ выше бровей на Оленина, отрывисто и сердито сказалъ что-то. Лазутчикъ поспѣшилъ закрыть черкеской лицо убитаго. Оленина поразили величественность и строгость выраженія на лицѣ джигита; онъ заговорилъ было съ нимъ, спрашивая, изъ какого онъ аула, но чеченецъ чуть глянулъ на него, презрительно сплюнулъ и отвернулся. Оленинъ такъ удивился тому, что горецъ не интересовался имъ, что равнодушіе его объяснилъ себѣ только глупостью или непониманіемъ языка. Онъ обратился къ его товарищу. Товарищъ, лазутчикъ и переводчикъ, былъ такой же оборванный, но черный, а не рыжій, вертлявый, съ бѣлѣйшими зубами и сверкающими черными глазами. Лазутчикъ охотно вступилъ въ разговоръ и попросилъ папиросу.

— Ихъ пять братьевъ,—разсказывалъ лазутчикъ на своемъ ломаномъ, полурусскомъ языкѣ: — вотъ ужъ это третьяго брата русскіе бьютъ, только два остались; онъ—джигитъ, очень джигитъ!—говорилъ лазутчикъ, указывая на чеченца.— Когда убили Ахмедъ-хана (такъ звали убитаго абрека), онъ на той сторонѣ въ камышахъ сидѣлъ; онъ все видѣлъ, какъ его въ каюкъ клали и какъ на берегъ привезли. Онъ до ночи сидѣлъ; хотѣлъ старика застрѣлить, да другіе не пустили.

Лукашка подошелъ къ разговаривающимъ и подсѣлъ.

— А изъ какого аула?—спросилъ онъ.

— Вонъ, въ тѣхъ горахъ,—отвѣчалъ лазутчикъ, указывая за Терекъ, въ голубоватое туманное ущелье: — Суюкъ-су знаешь? Верстъ десять за нимъ будетъ.

— Въ Суюкъ-су Гирей-хана знаешь?—спросилъ Лукашка, видимо гордясь этимъ знакомствомъ:—кунакъ мнѣ.

— Сосѣдъ мнѣ,—отвѣчалъ лазутчикъ.

— Молодецъ! — и Лукашка, видимо очень заинтересованный, заговорилъ по-татарски съ переводчикомъ.

Скоро пріѣхали верхомъ сотникъ и станичный со свитою двухъ казаковъ. Сотникъ, изъ новыхъ казачьихъ офицеровъ, поздоровался съ казаками; но ему не крикнулъ никто въ отвѣтъ, какъ армейскіе: „здравія желаемъ, ваше благородіе!“ и только кое-кто отвѣтилъ простымъ поклономъ. Нѣкоторые, и Лукашка въ томъ числѣ, встали и вытянулись. Урядникъ донесъ, что на посту все обстоитъ благополучно. Все это смѣшно показалось Оленину; точно эти казаки играли въ солдаты. Но форменность скоро перешла въ простыя отношенія; и сотникъ, который былъ такой же ловкій казакъ, какъ и другіе, сталъ бойко говорить по-татарски съ переводчикомъ. Написали какую-то бумагу, отдали ее лазутчику, у него взяли деньги и приступили къ тѣлу.

— Гавриловъ, Лука, который у васъ?—проговорилъ сотникъ. Лукашка снялъ шапку и подошелъ.

— О тебѣ я послалъ рапортъ полковому. Что выйдетъ, не знаю: я написалъ къ кресту,—въ урядники рано. Ты грамотенъ?

— Никакъ нѣтъ.

— А какой молодецъ изъ себя! — сказалъ сотникъ, продолжая играть въ начальника.—Накройся. Онъ чьихъ Гавриловыхъ?... Широкаго, что-ль?

— Племянникъ,—отвѣчалъ урядникъ.

— Знаю, знаю. Ну, берись, подсоби имъ, — обратился онъ къ казакамъ.

Лукашкино лицо такъ и свѣтилось радостью и казалось красивѣе обыкновеннаго. Отойдя отъ урядника и накрывшись, онъ снова подсѣлъ къ Оленину.

Когда тѣло отнесено было въ каюкъ, чеченецъ-братъ подошелъ къ берегу. Казаки невольно разступились, чтобы дать ему дорогу. Онъ сильною ногой оттолкнулся отъ берега и вскочилъ въ лодку. Тутъ онъ въ первый разъ, какъ Оленинъ замѣтилъ, быстрымъ взглядомъ окинулъ всѣхъ казаковъ, и опять что-то отрывисто спросилъ у товарища. Товарищъ отвѣтилъ что-то и указалъ на Лукашку. Чеченецъ взглянулъ на него и, медленно отвернувшись, сталъ смотрѣть на тотъ берегъ. Не ненависть, а холодное презрѣніе выразилось въ этомъ взглядѣ. Онъ еще сказалъ что-то.

— Что онъ сказалъ?—спросилъ Оленинъ у вертляваго переводчика.

— Твоя наша бьетъ, наша ваша коробчитъ. Все одна хурда мурда,—сказалъ лазутчикъ, видимо обманывая, засмѣялся, оскаливая свои бѣлые зубы и вскочилъ въ каюкъ.

Братъ убитаго сидѣлъ, не шевелясь, и пристально глядѣлъ на тотъ берегъ. Онъ такъ ненавидѣлъ и презиралъ, что ему даже любопытнаго ничего тутъ не было. Лазутчикъ, стоя на концѣ каюка, перенося весло то на ту, то на другую сторону, ловко правилъ и говорилъ безъ умолку. Наискось перебивая теченіе, каюкъ становился меньше и меньше, голоса долетали чуть слышно, и наконецъ, въ глазахъ, они пристали къ тому берегу, гдѣ стояли ихъ лошади. Тамъ они вынесли тѣло. Несмотря на то, что шарахалась лошадь, положили его черезъ сѣдло, сѣли на коней и шагомъ поѣхали по дорогѣ мимо аула, изъ котораго толпа народа вышла смотрѣть на нихъ. Казаки же на этой сторонѣ были чрезвычайно довольны и веселы. Со всѣхъ сторонъ слышались смѣхъ и шуточки. Сотникъ со станичнымъ пошли угоститься въ мазанку. Лукашка, съ веселымъ лицомъ, которому тщет-

но старался онъ придать степенный видъ, сидѣлъ подлѣ Оленипа, опершись локтями на колѣни и строгая палочку.

— Что это вы курите?—сказалъ онъ, какъ будто съ любопытствомъ:—развѣ хорошо?

Онъ видимо сказалъ это только потому, что замѣчалъ, что Оленину неловко и что онъ одинокъ среди казаковъ.

— Такъ привыкъ,—отвѣчалъ Оленинъ;—а что?

— Гм... Коли бы нашъ братъ курить сталъ—бѣда! Вонъ вѣдь не далеко горы-то,—сказалъ Лукашка, указывая въ ущелье,—а не доѣдешь!... Какъ же вы домой одни пойдете, темно? Я васъ провожу, коли хотите,—сказалъ Лукашка:—вы попросите у урядника.

„Какой молодецъ!“ подумалъ Оленинъ, глядя на веселое лицо казака. Онъ вспомнилъ про Марьянку и про поцѣлуй, который онъ подслушалъ за воротами, и ему стало жалко Лукашку, жалко его необразованіе. „Что за вздоръ и путаница,—думалъ онъ:—человѣкъ убилъ другаго—и счастливъ, доволенъ, какъ будто сдѣлалъ самое прекрасное дѣло. Неужели ничто не говоритъ ему, что тутъ нѣтъ причины для большой радости,—что счастіе не въ томъ, чтобъ убивать, а въ томъ, чтобы жертвовать собой?“

— Ну, не попадайся ему теперь, братъ,—сказалъ одинъ изъ казаковъ, провожавшихъ каюкъ, обращаясь къ Лукашкѣ:—слыхалъ, какъ про тебя спросилъ?

Лукашка поднялъ голову.

— Крестникъ-то?—сказалъ Лукашка, разумѣя подъ этимъ словомъ чеченца.

— Крестникъ-то не встанетъ, а рыжій, братецъ-то крестовый.

— Пускай Бога молитъ, что самъ цѣлъ ушелъ,—сказалъ Лукашка, смѣясь.

— Чему-жъ ты радуешься?—сказалъ Оленинъ Лукашкѣ.— Какъ бы твоего брата убили, развѣ бы ты радовался?

Глаза казака смѣялись, глядя на Оленина. Онъ, казалось, понялъ все, что тотъ хотѣлъ сказать ему, но стоялъ выше такихъ соображеній.

— А что-жъ? И не безъ того! Развѣ нашего брата не бьютъ?

XXII.

Сотникъ со станичнымъ уѣхали; а Оленинъ, для того, чтобы сдѣлать удовольствіе Лукашкѣ и чтобы не идти одному по темному лѣсу, попросилъ отпустить Лукашку, и урядникъ отпустилъ его. Оленинъ думалъ, что Лукашкѣ хочется видѣть Марьянку, и вообще былъ радъ товариществу такого пріятнаго на видъ и разговорчиваго казака. Лукашка и Марьянка невольно соединялись въ его воображеніи, и онъ находилъ удовольствіе думать о нихъ. „Онъ любитъ Марьяну,— думалъ себѣ Оленинъ,—а я бы могъ любить ее“. И какое-то сильное, новое для него чувство умиленія овладѣвало имъ въ то время, какъ они шли домой по темному лѣсу. Лукашкѣ тоже было весело на душѣ. Что-то похожее на любовь чувствовалось между этими двумя столь различными молодыми людьми. Всякій разъ, какъ они взглядывали другъ на друга, имъ хотѣлось смѣяться.

— Тебѣ въ какія ворота?—спросилъ Оленинъ.

— Въ среднія. Да я васъ провожу до болота. Тамъ ужъ вы не бойтесь ничего.

Оленинъ засмѣялся.

— Да развѣ я боюсь? Ступай назадъ, благодарствую. Я одинъ дойду.

— Ничего! А мнѣ что-жъ дѣлать? Какъ вамъ не бояться? И мы боимся,—сказалъ Лукашка, тоже смѣясь и успокоивая его самолюбіе.

— Ты ко кнѣ зайди. Поговоримъ, выпьемъ, а утромъ ступай.

— Развѣ я мѣста не найду, гдѣ ночку ночевать?—засмѣялся Лукашка,—да урядникъ просилъ придти.

— Я вчера слышалъ, ты пѣсни пѣлъ, и еще тебя видѣлъ.

— Всѣ люди ..—И Лука покачалъ головой.

— Что, ты женишься, правда?—спросилъ Оленинъ.

— Матушка женить хочетъ. Да еще и коня нѣтъ.

— Ты не строевой?

— Гдѣ-жъ? Только собрался. Еще коня нѣтъ, а раздобыться негдѣ. Оттого и не женятъ.

— А сколько конь стóитъ?

— Торговали намедни одного за рѣкой, такъ шестьдесятъ монетовъ не берутъ, а конь ногайскій.

— Пойдешь ты ко мнѣ въ драбанты (въ походѣ драбантъ есть нѣчто въ родѣ вѣстоваго, которыхъ давали офицерамъ)? Я тебя выхлопочу и коня тебѣ подарю,—вдругъ сказалъ Оленинъ.—Право. У меня два, мнѣ не нужно.

— Какъ не нужно?—смѣясь сказалъ Лукашка.—Что вамъ дарить? Мы разживемся, Богъ дастъ.

— Право! Или не пойдешь въ драбанты?—сказалъ Оленинъ, радуясь тому, что ему пришло въ голову подарить коня Лукашкѣ. Ему однако отчего-то неловко и совѣстно было. Онъ искалъ и не зналъ, что сказать.

Лукашка первый прервалъ молчаніе.

— Что, у васъ въ Россіи домъ есть свой?—спросилъ онъ.

Оленинъ не могъ удержаться, чтобы не разсказать, что у него не только одинъ домъ, но и нѣсколько домовъ есть.

— Хорошій домъ? больше нашихъ?—добродушно спросилъ Лукашка.

— Много больше, въ десять разъ, въ три яруса,—разсказывалъ Оленинъ.

— А кони есть такіе, какъ у насъ?

— У меня сто головъ лошадей, да по триста, по четыреста рублей,—только не такія, какъ ваши. Серебромъ триста! Рысистыя, знаешь... А все я здѣшнихъ лучше люблю.

— Что-жъ, вы сюда пріѣхали волей, или неволей?—спросилъ Лукашка, все будто посмѣиваясь.—Вотъ вы гдѣ заплутались,—прибавилъ онъ, указывая на дорожку, мимо которой они проходили:—вамъ бы надо вправо.

— Такъ, по своей охотѣ,—отвѣчалъ Оленинъ:—хотѣлось посмотрѣть ваши мѣста, въ походахъ походить.

— Сходилъ бы въ походъ нынче,—сказалъ Лука.—Ишь, чакалки воютъ,—прибавилъ онъ, прислушиваясь.

— Да, что тебѣ не страшно, что ты человѣка убилъ?—спросилъ Оленинъ.

— Чего-жъ бояться?... А сходилъ бы въ походъ!—повторилъ Лукашка.—Такъ мнѣ хочется, такъ мнѣ хочется...

— Можетъ-быть пойдемъ вмѣстѣ. Наша рота пойдетъ передъ праздникомъ и ваша сотня тоже.

— И охота вамъ сюда ѣхать! Домъ есть, кони есть и холопы есть. Я бы гулялъ да гулялъ. Что, вы чинъ какой имѣете?

— Я юнкеръ, а теперь представленъ.

— Ну, коли не хвастаете, что житье у васъ такое, я изъ дому никуда бы не уѣхалъ. Да я и такъ никуда бы не уѣхалъ. Хорошо у насъ жить?

— Да, очень хорошо,—сказалъ Оленинъ.

Ужъ было совсѣмъ темно, когда они, разговаривая такимъ

образомъ, подходили къ станицѣ. Еще ихъ окружалъ темный мракъ лѣса. Вѣтеръ высоко гудѣлъ въ вершинахъ. Чакалки, казалось, подлѣ нихъ вдругъ завывали, хохотали и плакали; а впереди, въ станицѣ, уже слышался женскій говоръ, лай собакъ, ясно обозначались профили хатъ, свѣтились огни и тянуло запахомъ, особеннымъ запахомъ дыма кизяка. Такъ и чувствовалось Оленину, особенно въ этотъ вечеръ, что тутъ въ станицѣ его домъ, его семья, все его счастіе, и что никогда нигдѣ онъ не жилъ и жить не будетъ такъ счастливо, какъ въ этой станицѣ. Онъ такъ любилъ всѣхъ, и особенно Лукашку, въ этотъ вечеръ! Придя домой, Оленинъ, къ великому удивленію Лукашки, самъ вывелъ изъ клѣти, купленную имъ въ Грозной,—не ту, на которой онъ всегда ѣздилъ,—но другую, не дурную, хотя и не молодую лошадь, и отдалъ ему.

— За что вамъ меня дарить?—сказалъ Лукашка:—я вамъ еще не услужилъ ничѣмъ.

— Право, мнѣ ничего не стòитъ,—отвѣчалъ Оленинъ:—возьми! И ты мнѣ подаришь что... Вотъ и въ походъ пойдемъ.

Лука смутился.

— Ну, что-жъ это? Развѣ конь малаго стòитъ?—говорилъ онъ, не глядя на лошадь.

— Возьми же, возьми! Коли ты не возьмешь, ты меня обидишь. Ванюша, отведи къ нему сѣраго.

Лукашка взялъ за поводъ.

— Ну, благодарствую. Вотъ, не думано, не гадано.

Оленинъ былъ счастливъ, какъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ.

— Привяжи ее здѣсь. Она хорошая лошадь, я въ Грозной купилъ, и скачетъ лихо. Ванюша, дай намъ чихирю. Пойдемъ въ хату.

Подали вино. Лукашка сѣлъ и взялъ чепуру.

— Богъ дастъ, и я вамъ отслужу,—сказалъ онъ, допивая вино.—Какъ звать-то тебя?

— Дмитрій Андреичъ.

— Ну, Митрій Андреичъ, спаси тебя Богъ! Кунаки будемъ. Теперь приходи къ намъ когда. Хоть и не богатые мы люди, а все кунаки, угостимъ. Я и матушкѣ прикажу; коли чего нужно, каймаку или винограду... А коли на кордонъ придешь, я тебѣ слуга,—на охоту, за рѣку ли, куда хочешь. Вотъ намедни не зналъ, какого кабана убилъ! Такъ по казакамъ роздалъ, а то бы тебѣ принесъ.

— Хорошо, благодарствуй. Ты ее только не запрягай, а то она не ѣздила.

— Какъ коня запрягать! А вотъ еще я тебѣ скажу, —понизивъ голову, сказалъ Лукашка:—коли хочешь, мнѣ кунакъ есть, Гирей-ханъ; звалъ на дорогу засѣсть, гдѣ изъ горъ ѣздятъ; такъ вмѣстѣ поѣдемъ, ужъ я тебя не выдамъ, твой мюридъ буду.

— Поѣдемъ, поѣдемъ когда-нибудь!

Лукашка, казалось, совершенно успокоился и понялъ отношенія Оленина къ нему. Его спокойствіе и простота обращенія удивили Оленина и были даже немного непріятны ему. Они долго бесѣдовали, и уже поздно Лукашка, не пьяный (онъ никогда не бывалъ пьянъ), но много выпивши, пожавъ Оленину руку, вышелъ отъ него.

Оленинъ выглянулъ въ окно посмотрѣть, что̀ онъ будетъ дѣлать, выйдя отъ него. Лукашка шелъ тихо, опустивъ голову внизъ. Потомъ, выведя коня за ворота, вдругъ встряхнулъ головой, какъ кошка вскочилъ на него, перекинулъ поводъ недоуздка и, гикнувъ, закатился вдоль по улицѣ. Оле-

нинъ думалъ, что онъ пойдетъ подѣлиться своею радостью съ Марьянкой; но, несмотря на то, что Лука этого не сдѣлалъ, ему было такъ хорошо на душѣ, какъ никогда въ мірѣ. Онъ, какъ мальчикъ, радовался и не могъ удержаться, чтобы не разсказать Ванюшѣ не только то, что онъ подарилъ лошадь Лукѣ, но и зачѣмъ подарилъ, и всю свою новую теорію счастія. Ванюша не одобрилъ этой теоріи и объявилъ, что *ларжанъ ильньяпа*, и потому все это пустяки.

Лукашка забѣжалъ домой, соскочилъ съ коня и отдалъ его матери, наказавъ пустить его въ казачій табунъ; самъ же онъ въ ту же ночь долженъ былъ вернуться на кордонъ. Нѣмая взялась свести коня и знаками показывала, что она, какъ увидитъ человѣка, который подарилъ лошадь, такъ и поклонится ему въ ноги. Старуха только покачала головой на разсказъ сына и въ душѣ порѣшила, что Лукашка укралъ лошадь, и потому приказала нѣмой вести коня въ табунъ еще до свѣта.

Лукашка пошелъ одинъ на кордонъ и все раздумывалъ о поступкѣ Оленина. Хотя конь и не хорошъ былъ, по его мнѣнію, однако стоилъ по крайней мѣрѣ сорокъ *монетовъ*, и Лукашка былъ очень радъ подарку. Но зачѣмъ былъ сдѣланъ этотъ подарокъ, этого онъ не могъ понять, и потому не испытывалъ ни малѣйшаго чувства благодарности. Напротивъ, въ головѣ его бродили неясныя подозрѣнія въ дурныхъ умыслахъ юнкера. Въ чемъ состояли эти умыслы, онъ не могъ дать себѣ отчета, но и допустить мысль, что такъ, ни за что, по добротѣ, незнакомый человѣкъ подарилъ ему лошадь въ сорокъ *монетовъ*, ему казалось невозможно. Коли бы пьяный былъ, тогда бы еще понятно было: хотѣлъ покуражиться. Но юнкеръ былъ трезвъ, а потому вѣрно хотѣлъ

подкупить его на какое-нибудь дурное дѣло. „Ну, да врешь!— думалъ Лукашка:—конь-то у меня, а тамъ видно будетъ. Я самъ малый не промахъ. Еще кто кого проведетъ, посмотримъ!“ думалъ онъ, испытывая потребность быть на-сторо̀жѣ противъ Оленина и потому возбуждая въ себѣ къ нему недоброжелательное чувство. Онъ никому не разсказывалъ, какъ ему достался конь. Однимъ говорилъ, что купилъ; отъ другихъ отдѣлывался уклончивымъ отвѣтомъ. Однако въ станицѣ скоро узнали правду. Мать Лукашки, Марьяна, Илья Васильевичъ и другіе казаки, узнавшіе о безпричинномъ подаркѣ Оленина, пришли въ недоумѣніе и стали опасаться юнкера. Несмотря на такія опасенія, поступокъ этотъ возбудилъ въ нихъ большое уваженіе къ *простотѣ* и богатству Оленина.

— Слышь, Лукашкѣ коня въ пятьдесятъ монетовъ бросилъ юнкирь-то, что̀ у Ильи Васильевича стоитъ,—говорилъ одинъ.—Богачъ!

— Слыхалъ,—отвѣчалъ другой глубокомысленно.—Должно услужилъ ему. Поглядимъ, поглядимъ, что изъ него будетъ? Эко Урвану счастіе!

— Экой народъ продувной изъ юнкирей, бѣда!—говорилъ третій.—Какъ разъ подожжетъ, или что̀...

XXIII.

Жизнь Оленина шла однообразно, ровно. Съ начальствомъ и товарищами онъ имѣлъ мало дѣла. Положеніе богатаго юнкера на Кавказѣ особенно выгодно въ этомъ отношеніи. На работы и на ученіе его не посылали. За экспедицію онъ былъ представленъ въ офицеры, а до того времени его остав-

ляли въ покоѣ. Офицеры считали его аристократомъ и потому держали себя въ отношеніи къ нему съ достоинствомъ. Картежная игра и офицерскіе кутежи съ пѣсенниками, которые онъ испыталъ въ отрядѣ, казались ему непривлекательными, и онъ, съ своей стороны, тоже удалялся офицерскаго общества и офицерской жизни въ станицѣ. Офицерская жизнь въ станицахъ давно уже имѣетъ свой опредѣленный складъ. Какъ каждый юнкеръ или офицеръ въ крѣпости регулярно пьетъ портеръ, играетъ въ штосъ, толкуетъ о наградахъ за экспедиціи, такъ въ станицѣ регулярно пьетъ съ хозяевами чихирь, угощаетъ дѣвокъ закусками и медомъ, волочится за казачками, въ которыхъ влюбляется, иногда и женится. Оленинъ жилъ всегда своеобразно и имѣлъ безсознательное отвращеніе къ битымъ дорожкамъ. И здѣсь также не пошелъ онъ по избитой колеѣ жизни кавказскаго офицера.

Само собою сдѣлалось, что онъ просыпался вмѣстѣ со свѣтомъ. Напившись чаю и полюбовавшись съ своего крылечка на горы, на утро и на Марьянку, онъ надѣвалъ оборванный зипунъ изъ воловьей шкуры, размоченную обувь, называемую поршнями, подпоясывалъ кинжалъ, бралъ ружье, мѣшечекъ съ закуской и табакомъ, звалъ за собой собаку и отправлялся часу въ шестомъ утра въ лѣсъ за станицу. Часу въ седьмомъ вечера онъ возвращался усталымъ, голоднымъ, съ пятью-шестью фазанами за поясомъ, иногда со звѣремъ, съ нетронутымъ мѣшечкомъ, въ которомъ лежали закуска и папиросы. Ежели бы мысли въ головѣ лежали такъ же, какъ папиросы въ мѣшкѣ, то можно было бы видѣть, что за всѣ эти четырнадцать часовъ ни одна мысль не пошевелилась въ немъ. Онъ приходилъ домой морально свѣжій, сильный и совершенно счастливый. Онъ не могъ бы сказать, о чемъ онъ думалъ

все это время: не то мысли, не то воспоминанія, не то мечты бродили въ его головѣ,—бродили отрывки всего этого. Опомнится, спроситъ: о чемъ онъ думаетъ?—и застаетъ себя или казакомъ, работающимъ въ садахъ съ казачкою женою, или абрекомъ въ горахъ, или кабаномъ, убѣгающимъ отъ себя же самого. И все прислушивается, вглядывается и ждетъ фазана, кабана или оленя.

Вечеромъ ужъ непремѣнно у него сидитъ дядя Ерошка. Ванюша приноситъ осьмуху чихиря, и они тихо бесѣдуютъ, напиваются и оба довольные расходятся спать. На-завтра опять охота, опять здоровая усталость, опять за бесѣдой такъ же напиваются, и опять счастливы. Иногда въ праздникъ, или въ день отдыха, онъ цѣлый день проводитъ дома. Тогда главнымъ занятіемъ была Марьянка, за каждымъ движеніемъ которой, самъ того не замѣчая, онъ жадно слѣдилъ изъ своихъ оконъ или съ своего крыльца. Онъ смотрѣлъ на Марьянку и любилъ ее (какъ ему казалось) такъ же, какъ любилъ красоту горъ и неба, и не думалъ входить ни въ какія отношенія къ ней. Ему казалось, что между нимъ и ею не можетъ существовать ни тѣхъ отношеній, которыя возможны между ею и казакомъ Лукашкой, ни еще менѣе тѣхъ, которыя возможны между богатымъ офицеромъ и казачкой дѣвкой. Ему казалось, что ежели бы онъ попытался сдѣлать то, что̀ дѣлали его товарищи, то онъ бы промѣнялъ свое полное наслажденіе, созерцаніе, на бездну мученій, разочарованій и раскаяній. Притомъ же въ отношеніи къ этой женщинѣ онъ уже сдѣлалъ подвигъ самоотверженія, доставившій ему столько наслажденія; а главное, почему-то онъ боялся Марьянки и ни за что бы не рѣшился сказать ей слово шуточной любви.

Однажды лѣтомъ Оленинъ не пошелъ на охоту и сидѣлъ дома. Совершенно неожиданно вошелъ къ нему его московскій знакомый, очень молодой человѣкъ, котораго онъ встрѣчалъ въ свѣтѣ:

— Ахъ, mon cher, мой дорогой, какъ я обрадовался, узнавъ, что вы здѣсь!—началъ онъ на московско-французскомъ языкѣ и такъ продолжалъ, пересыпая свою рѣчь французскими словами.—Мнѣ говорятъ: „Оленинъ". Какой Оленинъ? Я такъ обрадовался... Вотъ привела судьба свидѣться. Ну, какъ вы, что, зачѣмъ?

И князь Бѣлецкій разсказалъ всю свою исторію: какъ онъ поступилъ на-время въ этотъ полкъ, какъ главнокомандующій звалъ его въ адъютанты и какъ онъ послѣ похода поступилъ къ нему, несмотря на то, что вовсе этимъ не интересуется.

— Служа здѣсь, въ этой трущобѣ, надо по крайней мѣрѣ сдѣлать карьеру... крестъ... чинъ... въ гвардію переведутъ. Все это необходимо, хоть не для меня, но для родныхъ, для знакомыхъ. Князь меня принялъ очень хорошо; онъ очень порядочный человѣкъ,—говорилъ Бѣлецкій, не умолкая.—За экспедицію представленъ къ Аннѣ. А теперь проживу здѣсь до похода. Здѣсь отлично. Какія женщины!... Ну, а вы какъ живете? Мнѣ говорилъ нашъ капитанъ—знаете, Старцевъ: доброе, глупое существо?—онъ говорилъ, что вы ужаснымъ дикаремъ живете, ни съ кѣмъ не видитесь. Я понимаю, что вамъ не хочется сближаться со здѣшними офицерами. Я радъ, теперь мы съ вами будетъ видѣться. Я тутъ остановился у урядника. Какая тамъ дѣвочка, Устенька! Я вамъ скажу, прелесть!

И еще и еще сыпались французскія и русскія слова изъ

того міра, который, какъ думалъ Оленинъ, былъ покинутъ имъ навсегда. Общее мнѣніе о Бѣлецкомъ было то, что онъ милый и добродушный малый. Можетъ-быть онъ и дѣйствительно былъ такой; но Оленину онъ показался, несмотря на его добродушное, хорошенькое лицо, чрезвычайно непріятенъ. Такъ и пахнуло отъ него всею тою гадостью, отъ которой онъ отрекся. Досаднѣе же всего ему было то, что онъ не могъ, рѣшительно не былъ въ силахъ рѣзко оттолкнуть отъ себя этого человѣка изъ того міра, какъ будто этотъ старый, бывшій его міръ имѣлъ на него неотразимыя права. Онъ злился на Бѣлецкаго и на себя и противъ своей воли вставлялъ французскія фразы въ свой разговоръ, интересовался главнокомандующимъ и московскими знакомыми и на основаніи того, что они оба, въ казачьей станицѣ, говорили на французскомъ діалектѣ, съ презрѣніемъ относился о товарищахъ-офицерахъ, о казакахъ, и дружески обошелся съ Бѣлецкимъ, обѣщаясь бывать у него и приглашая заходить къ нему. Самъ Оленинъ однако не ходилъ къ Бѣлецкому. Ванюша одобрилъ Бѣлецкаго, сказавъ, что это настоящій баринъ.

Бѣлецкій сразу вошелъ въ обычную жизнь богатаго кавказскаго офицера въ станицѣ. На глазахъ Оленина, онъ въ одинъ мѣсяцъ сталъ какъ бы старожиломъ станицы: онъ подпаивалъ стариковъ, дѣлалъ вечеринки и самъ ходилъ на вечеринки къ дѣвкамъ, хвастался побѣдами и даже дошелъ до того, что дѣвки и бабы прозвали его почему-то дѣдушкой, а казаки, ясно опредѣлявшіе себѣ этого человѣка, любившаго вино и женщинъ, привыкли къ нему и даже полюбили его больше, чѣмъ Оленина, который былъ для нихъ загадкой.

XXIV.

Было 5 часовъ утра. Ванюша раздувалъ голенищемъ самоваръ на крыльцѣ хаты. Оленинъ уже уѣхалъ верхомъ купаться на Терекъ. (Онъ недавно выдумалъ себѣ новое удовольствіе—купать въ Терекѣ лошадь.) Хозяйка была въ своей *избушкѣ*, изъ трубы которой поднимался черный густой дымъ растапливавшейся печи; дѣвка въ клѣти доила буйволицу. „Не постоитъ, проклятая!“—слышался оттуда ея нетерпѣливый голосъ, и вслѣдъ затѣмъ раздавался равномѣрный звукъ доенія. На улицѣ, около дома, послышался бойкій шагъ лошади, и Оленинъ *охлепью*, на красивомъ, невысохшемъ, глянцевито-мокромъ, темно-сѣромъ конѣ, подъѣхалъ къ воротамъ. Красивая голова Марьяны, повязанная однимъ краснымъ платкомъ (называемымъ сорочкой), высунулась изъ клѣти и снова скрылась. На Оленинѣ была красная канаусовая рубаха, бѣлая черкеска, стянутая ремнемъ съ кинжаломъ, и высокая шапка. Онъ нѣсколько изысканно сидѣлъ на мокрой спинѣ сытой лошади и, придерживая ружье за спиной, нагнулся, чтобъ отворить ворота. Волоса его еще были мокры, лицо сіяло молодостью и здоровьемъ. Онъ думалъ, что онъ хорошъ, ловокъ и похожъ на джигита; но это было несправедливо. На взглядъ всякаго опытнаго кавказца онъ все-таки былъ солдатъ. Замѣтивъ высунувшуюся голову дѣвки, онъ особенно бойко пригнулся, откинулъ плетень воротъ и, поддержавъ поводья, взмахнувъ плетью, въѣхалъ на дворъ. „Готовъ чай, Ванюша?“—крикнулъ онъ весело, не глядя на дверь клѣтки; онъ съ удовольствіемъ чувствовалъ, какъ, поджимая задъ, попрашивая поводья и содрогаясь каж-

дымъ мускуломъ, красивый конь, готовый со всѣхъ ногъ перескочить черезъ заборъ, отбивалъ шагъ по засохшей глинѣ двора. „*Се пре!*" отвѣчалъ Ванюша. Оленину казалось, что красивая голова Марьяны все еще смотритъ изъ клѣти, но онъ не оглянулся на нее. Соскочивъ съ лошади, Оленинъ зацѣпилъ ружьемъ за крылечко, сдѣлалъ неловкое движенiе и испуганно оглянулся на клѣть, въ которой никого не было видно, а слышались тѣ же равномѣрные звуки доенья.

Войдя въ хату, онъ черезъ нѣсколько времени вышелъ оттуда на крылечко и, съ книгой и трубкой за стаканомъ чаю, усѣлся въ сторонѣ, не облитой еще косыми лучами утра. Онъ никуда не сбирался до обѣда въ этотъ день и намѣревался писать давно откладывавшiяся письма; но почему-то жалко было ему оставить свое мѣстечко на крыльцѣ и, какъ въ тюрьму, не хотѣлось вернуться въ хату. Хозяйка вытопила печь, дѣвка угнала скотину и, вернувшись, стала собирать и лѣпить кизяки по забору. Оленинъ читалъ, но ничего не понималъ изъ того, что было написано въ раскрытой передъ нимъ книгѣ. Онъ безпрестанно отрывалъ отъ нея глаза и смотрѣлъ на двигавшуюся передъ нимъ сильную молодую женщину. Заходила ли эта женщина въ сырую утреннюю тѣнь, падавшую отъ дома, выходила ли она на средину двора, освѣщеннаго радостнымъ молодымъ свѣтомъ, и вся стройная фигура ея въ яркой одеждѣ блистала на солнцѣ и клала черную тѣнь,—онъ одинаково боялся потерять хоть одно изъ ея движенiй. Его радовало видѣть, какъ свободно и грацiозно сгибался ея станъ; какъ розовая рубаха, составлявшая всю ея одежду, драпировалась на груди и вдоль стройныхъ ногъ; какъ выпрямлялся ея станъ, и подъ ея стянутою рубахой твердо обозначались черты дышащей груди;

какъ узкая ступня, обутая въ красныя, старыя черевики, не перемѣняя формы, становилась на землю; какъ сильныя руки, съ засученными рукавами, напрягая мускулы, будто сердито бросали лопатой, и какъ глубокіе черные глаза взглядывали иногда на него. Хотя и хмурились тонкія брови, но въ глазахъ выражалось удовольствіе и чувство своей красоты.

— Что, Оленинъ, ужъ вы давно встали?—сказалъ Бѣлецкій, въ кавказскомъ офицерскомъ сюртукѣ, входя на дворъ и обращаясь къ Оленину.

— А, Бѣлецкій!—отозвался Оленинъ, протягивая руку.— Какъ вы такъ рано?

— Что дѣлать! Выгнали. У меня нынче балъ. Марьяна, ты вѣдь придешь къ Устенькѣ?—обратился онъ къ дѣвкѣ.

Оленинъ удивился, какъ могъ Бѣлецкій такъ просто обращаться къ этой женщинѣ. Но Марьяна, какъ будто не слыхавъ, нагнула голову и, перекинувъ на плечо лопату, своею бойкою мужскою походкой пошла къ избушкѣ.

— Стыдится, нянюка, стыдится,—проговорилъ ей вслѣдъ Бѣлецкій:—васъ стыдится,—и, весело улыбаясь, взбѣжалъ на крыльцо.

— Какъ балъ у васъ? Кто васъ выгналъ?

— У Устеньки, у моей хозяйки, балъ, и вы приглашены. Балъ, то-есть пирогъ и собраніе дѣвокъ.

— Да что-жъ мы будемъ дѣлать?

Бѣлецкій хитро улыбнулся и, подмигнувъ, показалъ головой на *избушку*, въ которой скрылась Марьяна.

Оленинъ пожалъ плечами и покраснѣлъ.

— Ей-Богу, вы странный человѣкъ!—сказалъ онъ.

— Ну, разсказывайте!...

Оленинъ нахмурился. Бѣлецкій замѣтилъ это и искательно улыбнулся.

— Да какже, помилуйте, — сказалъ онъ, — живете въ одномъ домѣ... и такая славная дѣвка, отличная дѣвочка, совершенная красавица!...

— Удивительная красавица! Я не видывалъ такихъ женщинъ,—сказалъ Оленинъ.

— Ну, такъ что же?—совершенно ничего не понимая, спросилъ Бѣлецкій.

— Оно можетъ-быть странно,—отвѣчалъ Оленинъ,—но отчего же мнѣ не говорить того, что есть? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу здѣсь, для меня какъ будто не существуетъ женщинъ. И такъ хорошо, право! Ну, да и что можетъ быть общаго между нами и этими женщинами? Ерошка—другое дѣло; съ нимъ у насъ общая страсть—охота.

— Ну, вотъ, что общаго!... А что́ общаго между мной и Амаліей Ивановной?—То же самое. Скажете, что грязненьки онѣ,—ну, это другое дѣло... A la guerre, comme à la guerre!

— Да я Амалій Ивановнъ не зналъ и никогда не умѣлъ съ ними обращаться,—отвѣчалъ Оленинъ.—Но тѣхъ нельзя уважать, а этихъ я уважаю.

— Ну, и уважайте,—кто-жъ вамъ мѣшаетъ?

Оленинъ не отвѣчалъ. Ему видимо хотѣлось договорить то, что онъ началъ. Оно было ему слишкомъ къ сердцу.

— Я знаю, что я составляю исключеніе...—Онъ видимо былъ смущенъ.—Но жизнь моя устроилась такъ, что я не вижу не только никакой потребности измѣнять свои правила, но я бы не могъ жить здѣсь,—не говорю уже жить такъ счастливо, какъ живу,—ежели бы я жилъ по-вашему. И потомъ я совсѣмъ другаго ищу, другое вижу въ нихъ, чѣмъ вы-

Бѣлецкій недовѣрчиво поднялъ брови.

— Все-таки приходите ко мнѣ вечеркомъ, и Марьяна будетъ, я васъ познакомлю. Приходите пожалуйста! Ну, скучно будетъ, вы уйдете. Придете?

— Я бы пришелъ; но, по правдѣ вамъ скажу, я боюсь серьёзно увлечься.

— О-о-о! — закричалъ Бѣлецкій.—Приходите только, я васъ успокою. Придете?... Честное слово?

— Я бы пришелъ, но право я не понимаю, что̀ мы будемъ дѣлать, какую роль мы будемъ играть?

— Пожалуйста, я васъ прошу! Придете?

— Да, приду можетъ-быть,—сказалъ Оленинъ.

— Помилуйте, прелестныя женщины какъ нигдѣ, и жить монахомъ... что̀ за охота? Изъ чего портить себѣ жизнь и не пользоваться тѣмъ, что есть? Слышали вы, наша рота въ Воздвиженскую пойдетъ?

— Едва ли. Мнѣ говорили, что 8-я рота пойдетъ,—сказалъ Оленинъ.

— Нѣтъ, я получилъ письмо отъ адъютанта. Онъ пишетъ, что князь самъ будетъ въ походѣ. Я радъ, мы съ нимъ увидимся. Ужъ мнѣ начинаетъ надоѣдать здѣсь.

— Говорятъ, что въ набѣгъ скоро.

— Не слыхалъ; а слыхалъ, что Криновицыну за набѣгъ-то Анна вышла. Онъ ждалъ поручика,—сказалъ Бѣлецкій, смѣясь.—Вотъ попался-то! Онъ въ штабъ поѣхалъ.

Стало смеркаться, и Оленинъ началъ думать о вечеринкѣ. Приглашеніе мучило его. Ему хотѣлось идти, но странно, дико и немного страшно было подумать о томъ, что тамъ будетъ. Онъ зналъ, что ни казаковъ, ни старухъ, никого, кромѣ дѣвокъ, не должно быть тамъ. Что такое будетъ?

Какъ вести себя? Что говорить? Что онѣ будутъ говорить? Какія отношенія между нимъ и этими дикими казачьими дѣвками? Бѣлецкій разсказывалъ про такія странныя, циническія и вмѣстѣ строгія отношенія... Ему странно было думать, что онъ будетъ тамъ въ одной хатѣ съ Марьяной и, можетъ-быть, ему придется говорить съ ней. Ему это казалось невозможнымъ, когда онъ вспоминалъ ея величавую осанку. Бѣлецкій же разсказывалъ, что все это такъ просто. „Неужели Бѣлецкій и съ Марьяной будетъ такъ же обращаться? Это интересно,—думалъ онъ.—Нѣтъ, лучше не ходить. Все это гадко, пошло, а главное—ни къ чему". Но опять его мучилъ вопросъ: какъ все это будетъ? И его какъ будто связывало данное слово. Онъ пошелъ, не рѣшившись ни на что, но дошелъ до Бѣлецкаго и вошелъ къ нему.

Хата, въ которой жилъ Бѣлецкій, была такая же, какъ и хата Оленина. Она стояла на столбахъ въ два аршина отъ земли и состояла изъ двухъ комнатъ. Въ первой, въ которую вошелъ Оленинъ по крутой лѣсенкѣ, лежали пуховики, ковры, одѣяла, подушки на казачій манеръ, красиво и изящно прибранныя другъ къ другу у одной лицевой стѣны. Тутъ же, на боковыхъ стѣнахъ, висѣли мѣдные тазы и оружіе; подъ лавкой лежали арбузы и тыквы. Во второй комнатѣ была большая печь, столъ, лавки и старовѣрческія иконы. Здѣсь помѣщался Бѣлецкій съ своею складною кроватью вьючными чемоданами, съ коврикомъ, на которомъ висѣло оружіе, и съ разставленными на столѣ туалетными вещицами и портретами. Шелковый халатъ былъ брошенъ на лавкѣ. Самъ Бѣлецкій, хорошенькій, чистенькій, лежалъ въ одномъ бѣльѣ на кровати и читалъ *Les trois mousquetaires*.

Бѣлецкій вскочилъ.

— Вотъ видите, какъ я устроился! Славно? Ну, хорошо, что пришли. Ужъ у нихъ идетъ работа страшная. Вы знаете, изъ чего дѣлается пирогъ? Изъ тѣста съ свининой и виноградомъ. Да не въ томъ сила. Посмотрите-ка что тамъ кипитъ!

Дѣйствительно, выглянувъ въ окно, они увидѣли необыкновенную суетню въ хозяйской хатѣ. Дѣвки то съ тѣмъ, то съ другимъ выбѣгали изъ сѣней и вбѣгали обратно.

— Скоро ли?—крикнулъ Бѣлецкій.

— Сейчасъ! Аль проголодался, дѣдушка?—и изъ хаты послышался звонкій хохотъ.

Устенька, пухленькая, румяненькая, хорошенькая, съ засученными рукавами, вбѣжала въ хату Бѣлецкаго за тарелками.

— Ну, ты! Вотъ тарелки разобью,—завизжала она на Бѣлецкаго.—Ты бы шелъ подсоблять,—прокричала она, смѣясь, на Оленина.—Да *закусокъ*-то *) дѣвкамъ припаси.

— А Марьянка пришла?—спросилъ Бѣлецкій.

— А то какъ же? Она тѣста принесла.

— Вы знаете ли,—сказалъ Бѣлецкій,—что ежели бы одѣть эту Устеньку, да подчистить, похолить немножко, она была бы лучше всѣхъ нашихъ красавицъ. Видѣли вы казачку Борщеву? Она вышла замужъ за полковника. Прелесть какая dignité! Откуда что взялось...

— Я не видалъ Борщевой, а по-мнѣ лучше этого наряда ничего быть не можетъ.

— Ахъ, я такъ умѣю примириться со всякою жизнью!—сказалъ Бѣлецкій, весело вздыхая: — пойду, посмотрю, что̀ у нихъ.—Онъ накинулъ халатъ и побѣжалъ.—А вы озаботьтесь закусками!—крикнулъ онъ.

Оленинъ послалъ деньщика за пряниками и медомъ; и

*) Закусками называются пряники и конфекты.

такъ ему вдругъ гадко показалось давать деньги, будто онъ подкупалъ кого-то, что онъ ничего опредѣленнаго не отвѣтилъ на вопросъ деньщика: „сколько купить мятныхъ, сколько медовыхъ“.

— Какъ знаешь.

— На всѣ-съ?—значительно спросилъ старый солдатъ.— Мятные дороже. По шестнадцати продавали.

— На всѣ, на всѣ! —сказалъ Оленинъ и сѣлъ къ окну, самъ удивляясь, почему у него сердце стучало такъ, какъ будто онъ на что-то важное и нехорошее готовился.

Онъ слышалъ, какъ въ дѣвичьей хатѣ поднялся крикъ и визгъ, когда вошелъ туда Бѣлецкій, и черезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ, какъ съ визгомъ, возней и смѣхомъ онъ выскочилъ оттуда и сбѣжалъ съ лѣсенки.

— Выгнали!—сказалъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Устенька вошла въ хату и торжественно пригласила гостей, объявивъ, что все готово.

Когда они вошли въ хату, все дѣйствительно было готово, и Устенька оправляла пуховики въ стѣнѣ. На столѣ, накрытомъ несоразмѣрно малою салфеткой, стоялъ графинъ съ чихиремъ и сушеная рыба. Въ хатѣ пахло тѣстомъ и виноградомъ. Человѣкъ шесть дѣвокъ, въ нарядныхъ бешметахъ и необвязанныя платками, какъ обыкновенно, жались въ углу за печкою, шептались, смѣялись и фыркали.

— Просимъ покорно моего ангела *помолитъ*, — сказала Устенька, приглашая гостей къ столу.

Оленинъ въ толпѣ дѣвокъ, которыя всѣ безъ исключенія были красивы, разсмотрѣлъ Марьянку, и ему больно и досадно стало, что онъ сходится съ нею въ такихъ пошлыхъ и неловкихъ условіяхъ. Онъ чувствовалъ себя глупымъ и

неловкимъ и рѣшился дѣлать то же, что дѣлалъ Бѣлецкій. Бѣлецкій нѣсколько торжественно, но самоувѣренно и развязно подошелъ къ столу, выпилъ стаканъ вина за здоровье Устеньки и пригласилъ другихъ сдѣлать то же. Устенька объявила, что дѣвки не пьютъ.

— Съ медомъ бы можно, — сказалъ чей-то голосъ изъ толпы дѣвокъ.

Кликнули деньщика, только-что вернувшагося изъ лавочки съ медомъ и закусками. Деньщикъ, изъ-подлобья, не то съ завистью, не то съ презрѣніемъ, оглядѣвъ *гулявшихъ*, по его мнѣнію, господъ, старательно и добросовѣстно передалъ завернутые въ сѣрую бумагу кусокъ меда и пряники и сталъ было распространяться о цѣнѣ и сдачѣ, но Бѣлецкій прогналъ его.

Размѣшавъ медъ въ налитыхъ стаканахъ чихиря и роскошно раскинувъ три фунта пряниковъ по столу, Бѣлецкій вытащилъ дѣвокъ силой изъ ихъ угла, усадилъ за столъ и принялся одѣлять ихъ пряниками. Оленинъ невольно замѣтилъ, какъ загорѣлая, но небольшая рука Марьянки захватила два круглые мятные и одинъ коричневый пряникъ, не зная, что̀ съ ними дѣлать. Бесѣда шла неловкая и непріятная, несмотря на развязность Устеньки и Бѣлецкаго и желаніе ихъ развеселить компанію. Оленинъ мялся, придумывалъ, что бы сказать, чувствовалъ, что внушаетъ любопытство, можетъ-быть вызываетъ насмѣшку и сообщаетъ другимъ свою застѣнчивость. Онъ краснѣлъ, и ему казалось, что въ особенности Марьянѣ было неловко. „Вѣрно они ждутъ, что мы дадимъ имъ денегъ?—думалъ онъ.—Какъ это мы будемъ давать? И какъ бы поскорѣе дать и уйти!“

XXV.

— Какже ты своего постояльца не знаешь? — сказалъ Бѣлецкій, обращаясь къ Марьянкѣ.

— Какъ же его знать, когда къ намъ никогда не ходитъ?—сказала Марьяна, взглянувъ на Оленина.

Оленинъ испугался чего-то, вспыхнулъ и, самъ не зная, что говорить, сказалъ:

— Я твоей матери боюсь. Она меня такъ разбранила въ первый разъ, какъ я зашелъ къ вамъ.

Марьянка захохотала.

— А ты и испугался?—сказала она, взглянула на него и отвернулась.

Тутъ въ первый разъ Оленинъ увидалъ все лицо красавицы, а прежде онъ видалъ ее обвязанною до глазъ платкомъ. Не даромъ она считалась первою красавицей въ станицѣ. Устенька была хорошенькая дѣвочка, маленькая, полненькая, румяная, съ веселыми карими глазками, съ вѣчною улыбкой на красныхъ губкахъ, вѣчно смѣющаяся и болтающая. Марьяна, напротивъ, была отнюдь не *хорошенькая*, но *красавица!* Черты ея лица могли показаться слишкомъ мужественными и почти грубыми, ежели бы не этотъ большой стройный ростъ и могучая грудь и плечи, а главное—ежели бы не это строгое и вмѣстѣ нѣжное выраженіе длинныхъ черныхъ глазъ, окруженныхъ темною тѣнью подъ черными бровями, и ласковое выраженіе рта и улыбки. Она улыбалась рѣдко, но за то ея улыбка всегда поражала. Отъ нея вѣяло дѣвственною силой и здоровьемъ. Всѣ дѣвки были красивы, но и сами онѣ, и Бѣлецкій, и деньщикъ, вошедшій съ пряниками, всѣ невольно смотрѣли на Марьяну и, обращаясь

къ дѣвкамъ, обращались къ ней. Она гордою и веселою царицей казалась между другими.

Бѣлецкій, стараясь поддерживать приличіе вечеринки, не переставая болталъ, заставлялъ дѣвокъ подносить чихирь, возился съ ними и безпрестанно дѣлалъ Оленину неприличныя замѣчанія по-французски о красотѣ Марьянки, называя ее „ваша“, *la votre*, и приглашая его дѣлать то же, что онъ самъ. Оленину становилось тяжеле и тяжеле. Онъ придумалъ предлогъ, чтобы выйти и убѣжать, когда Бѣлецкій провозгласилъ, что именинница Устенька должна подносить чихирь съ поцѣлуями. Она согласилась, но съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ ей на тарелку клали деньги, какъ это дѣлается на свадьбахъ. „И чортъ меня занесъ на эту отвратительную пирушку!“ сказалъ про себя Оленинъ и, вставъ, хотѣлъ уйти.

— Куда вы?

— Я пойду табакъ принесу,—сказалъ онъ, намѣреваясь бѣжать. Но Бѣлецкій ухватилъ его за руку.

— У меня есть деньги,—сказалъ онъ ему по-французски.

„Нельзя уйти,—тутъ надо платить“, подумалъ Оленинъ, и ему стало такъ досадно на свою неловкость. „Неужели я не могу то же дѣлать, что̀ и Бѣлецкій? Не надо было идти; но разъ пришелъ, не надо портить ихъ удовольствія. Надо пить по-казацки“, и взявъ чапуру (деревянную чашку, вмѣщающую въ себѣ стакановъ восемь), налилъ вина и выпилъ почти всю. Дѣвки съ недоумѣніемъ и почти съ испугомъ смотрѣли на него, когда онъ пилъ. Это имъ казалось странно и неприлично. Устенька поднесла имъ еще по стакану и поцѣловалась съ обоими.—Вотъ, дѣвки, загуляемъ,—сказала она, встряхивая на тарелкѣ четыре *монета*, которые положили они.

Оленину уже не было неловко. Онъ разговорился.

— Ну, теперь ты, Марьяна, поднеси съ поцѣлуемъ,— сказалъ Бѣлецкій, схватывая ее за руку.

— Да я тебя такъ поцѣлую!—сказала она, шутя замахиваясь на него.

— Дѣдушку и безъ денегъ поцѣловать можно,—подхватила другая дѣвка.

— Вотъ умница!—сказалъ Бѣлецкій и поцѣловалъ отбивавшуюся дѣвку.—Нѣтъ, ты поднеси!—настаивалъ Бѣлецкій, обращаясь къ Марьянѣ,—постояльцу поднеси.

И взявъ ее за руку, онъ подвелъ ее къ лавкѣ и посадилъ рядомъ съ Оленинымъ.

— Какова красавица!—сказалъ онъ, поворачивая ея голову въ профиль.

Марьяна не отбивалась, а гордо улыбаясь, повела на Оленина своими длинными глазами.

— Красавица-дѣвка,—повторилъ Бѣлецкій.

„Какова я красавица!“ повторилъ, казалось, взглядъ Марьяны. Оленинъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлалъ, обнялъ Марьяну и хотѣлъ поцѣловать ее. Она вдругъ вырвалась, столкнула съ ногъ Бѣлецкаго и крышку со стола и отскочила къ печи. Начался крикъ, хохотъ. Бѣлецкій шепталъ что-то дѣвкамъ, и вдругъ всѣ онѣ выбѣжали изъ избы въ сѣни и заперли дверь.

— За что же ты Бѣлецкаго поцѣловала, а меня не хочешь?—спросилъ Оленинъ.

— А такъ, не хочу, и все,—отвѣчала она, вздергивая нижнею губой и бровью.—Онъ дѣдушка,—прибавила она, улыбаясь. Она подошла къ двери и стала стучать въ нее.— Что заперлись, черти?

— Что-жъ, пускай они тамъ, а мы здѣсь,—сказалъ Оленинъ, приближаясь къ ней.

Она нахмурилась и строго отвела его отъ себя рукой. И вновь такъ величественно хороша показалась она Оленину, что онъ опомнился, и ему стыдно стало за то, что онъ дѣлаетъ. Онъ подошелъ къ двери и сталъ дергать ее.

— Бѣлецкій, отоприте,—что за глупыя шутки?

Марьяна опять засмѣялась своимъ свѣтлымъ, счастливымъ смѣхомъ.

— Ай, боишься меня?—сказала она.

— Да вѣдь ты такая же сердитая, какъ мать.

— А ты бы больше съ Ерошкой сидѣлъ, такъ тебя дѣвки за это и любить бы стали...—И она улыбалась, глядя прямо и близко въ его глаза.

Онъ не зналъ что говорить.

— А еслибъ я къ вамъ ходилъ?...—сказалъ онъ нечаянно.

— Другое бы было,—проговорила она, встряхнувъ головой.

Въ это время Бѣлецкій, толкнувъ, отворилъ дверь, и Марьяна отскочила отъ Оленина, такъ что бедромъ ударилась о его ногу.

„Все пустяки, что̀ я прежде думалъ: и любовь, и самоотверженіе, и Лукашка. Одно есть счастіе: кто счастливъ, тотъ и правъ“, мелькнуло въ головѣ Оленина, и съ неожиданною для себя силой онъ схватилъ и поцѣловалъ красавицу Марьянку въ високъ и щеку. Марьяна не разсердилась, а только громко захохотала и выбѣжала къ другимъ дѣвкамъ.

Вечеринка тѣмъ и кончилась. Старуха, Устенькина мать, вернувшись съ работы, разругала и разогнала всѣхъ дѣвокъ.

XXVI.

„Да, думалъ Оленинъ, возвращаясь домой, стоило бы мнѣ немного дать себѣ поводья, я бы могъ безумно влюбиться въ эту казачку“. Онъ легъ спать съ этими мыслями, но думалъ, что все это пройдетъ и онъ вернется къ старой жизни.

Но старая жизнь не вернулась. Отношенія его къ Марьянкѣ стали другія. Стѣна, раздѣлявшая ихъ прежде, была разрушена. Оленинъ уже здоровался съ нею каждый разъ, какъ встрѣчался.

Хозяинъ, пріѣхавъ получить деньги за квартиру и узнавъ о богатствѣ и щедрости Оленина, пригласилъ его къ себѣ. Старуха ласково принимала его, и, со дня вечеринки, Оленинъ часто по вечерамъ заходилъ къ хозяевамъ и сиживалъ у нихъ до ночи. Онъ, казалось, по-старому продолжалъ жить въ станицѣ, но въ душѣ у него все перевернулось. День онъ проводилъ въ лѣсу, а часовъ въ восемь, какъ смеркалось, заходилъ къ хозяевамъ, одинъ или съ дядей Ерошкой. Хозяева ужъ такъ привыкли къ нему, что удивлялись, когда его не было. Платилъ онъ за вино хорошо, и человѣкъ былъ смирный. Ванюша приносилъ ему чай; онъ садился въ уголъ къ печи; старуха, не стѣсняясь, дѣлала свое дѣло, и они бесѣдовали за чаемъ и за чихиремъ о казачьихъ дѣлахъ, о сосѣдяхъ, о Россіи, про которую Оленинъ разсказывалъ, а они распрашивали. Иногда онъ бралъ книгу и читалъ про себя. Марьяна, какъ дикая коза, поджавъ ноги, сидѣла на печи или въ темномъ углу. Она не принимала участія въ разговорѣ, но Оленинъ видѣлъ ея глаза, лицо, слышалъ ея движеніе, пощелкиваніе сѣмечекъ и чувствовалъ, что она слушаетъ всѣмъ существомъ своимъ, когда онъ говорилъ, и

чувствовалъ ея присутствіе, когда онъ молча читалъ. Иногда ему казалось, что ея глаза устремлены на него и, встрѣчаясь съ ихъ блескомъ, онъ невольно замолкалъ и смотрѣлъ на нее. Тогда она сейчасъ же пряталась, а онъ, притворяясь, что очень занятъ разговоромъ со старухой, прислушивался къ ея дыханію, ко всѣмъ ея движеніямъ, и снова дожидался ея взгляда. При другихъ она была большею частью весела и ласкова съ нимъ, а наединѣ дика и груба. Иногда онъ приходилъ къ нимъ, когда Марьяна еще не возвращалась съ улицы: вдругъ заслышатся ея сильные шаги и мелькнетъ въ отворенной двери ея голубая ситцевая рубаха. Выйдетъ она на середину хаты, увидитъ его—и глаза ея чуть замѣтно ласково улыбнутся, и ему станетъ весело и страшно.

Онъ ничего не искалъ, не желалъ отъ нея, а съ каждымъ днемъ ея присутствіе становилось для него все болѣе и болѣе необходимостью.

Оленинъ такъ вжился въ станичную жизнь, что прошедшее показалось ему чѣмъ-то совершенно чуждымъ, а будущее, особенно внѣ того міра, въ которомъ онъ жилъ, вовсе не занимало его. Получая письма изъ дома, отъ родныхъ и пріятелей, онъ оскорблялся тѣмъ, что о немъ видимо сокрушались, какъ о погибшемъ человѣкѣ, тогда какъ онъ, въ своей станицѣ, считалъ погибшими всѣхъ тѣхъ, кто не велъ такую жизнь, какъ онъ. Онъ былъ убѣжденъ, что никогда не будетъ раскаиваться въ томъ, что оторвался отъ прежней жизни и такъ уединенно и своеобразно устроился въ своей станицѣ. Въ походахъ, въ крѣпостяхъ, ему было хорошо; но только здѣсь, только изъ-подъ крылышка дяди Ерошки, изъ своего лѣса, изъ своей хаты на краю станицы, и въ особенности при воспоминаніи о Марьянѣ и Лукашкѣ,

ему ясна казалась вся та ложь, въ которой онъ жилъ прежде и которая уже и тамъ возмущала его, а теперь стала ему невыразимо гадка и смѣшна. Онъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя здѣсь болѣе и болѣе свободнымъ и болѣе человѣкомъ. Совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ воображалъ, представился ему Кавказъ. Онъ не нашелъ здѣсь ничего похожаго на всѣ свои мечты и на всѣ слышанныя и читанныя имъ описанія Кавказа. „Никакихъ здѣсь нѣтъ бурокъ, стремнинъ, Амалатъ-бековъ, героевъ и злодѣевъ,—думалъ онъ:—люди живутъ, какъ живетъ природа; умираютъ, родятся, совокупляются, опять родятся, дерутся, пьютъ, ѣдятъ, радуются, и опять умираютъ, и никакихъ условій, исключая тѣхъ неизмѣнныхъ, которыя положила природа солнцу, травѣ, звѣрю, дереву. Другихъ законовъ у нихъ нѣтъ...“ И оттого люди эти, въ сравненіи съ нимъ самимъ, казались ему прекрасны, сильны, свободны, и, глядя на нихъ, ему становилось стыдно и грустно за себя. Часто ему серьезно приходила мысль бросить все, приписаться въ казаки, купить избу, скотину, жениться на казачкѣ, — только не на Марьянѣ, которую онъ уступалъ Лукашкѣ, — и жить съ дядей Ерошкой, ходить съ нимъ на охоту и на рыбную ловлю, а съ казаками въ походы. „Что-жъ я не дѣлаю этого? Чего-жъ я жду?—спрашивалъ онъ себя. И онъ подбивалъ себя, онъ стыдилъ себя:— Или я боюсь сдѣлать то, что самъ нахожу разумнымъ и справедливымъ? Развѣ желаніе быть простымъ казакомъ, жить близко къ природѣ, никому не дѣлать вреда, а еще дѣлать добро людямъ, развѣ мечтать объ этомъ глупѣе, чѣмъ мечтать о томъ, о чемъ я мечталъ прежде,—быть, напримѣръ, министромъ, быть полковымъ командиромъ?“ Но какой-то голосъ говорилъ ему, чтобъ онъ подождалъ и не рѣшался. Его

удерживало смутное сознаніе, что онъ можетъ жить вполнѣ жизнью Ерошки и Лукашки, потому что у него есть другое счастіе, — его удерживала мысль о томъ, что счастіе состоитъ въ самоотверженіи. Поступокъ его съ Лукашкой не переставалъ радовать его. Онъ постоянно искалъ случая жертвовать собою для другихъ, но случаи эти не представлялись. Иногда онъ забывалъ этотъ вновь открытый имъ рецептъ счастія и считалъ себя способнымъ слиться съ жизнью дяди Ерошки; но потомъ вдругъ опоминался, тотчасъ же хватался за мысль сознательнаго самоотверженія и, на основаніи ея, спокойно и гордо смотрѣлъ на всѣхъ людей и на чужое счастіе.

XXVII.

Лукашка, передъ уборкой винограда, верхомъ заѣхалъ къ Оленину. Онъ еще болѣе смотрѣлъ молодцомъ, чѣмъ обыкновенно.

— Ну, что же, ты женишься?—спросилъ Оленинъ, весело встрѣчая его.

Лукашка не отвѣчалъ прямо.

— Вотъ коня вашего промѣнялъ за рѣкой. Ужъ и конь! Кабардинскій ловъ-тавро *). Я охотникъ.

Они осмотрѣли новаго коня, проджигитовали по двору. Конь дѣйствительно былъ необыкновенно хорошъ: гнѣдой, широкій и длинный меринъ съ глянцевитою шерстью, пушистымъ хвостомъ и нѣжною, тонкою, породистою гривой и холкой. Онъ былъ сытъ такъ, что на спинѣ его *только спать ложись*, какъ выразился Лукашка. Копыта, глазъ,

*) Тавро—заводъ кабардинскихъ лошадей. Лова считается однимъ изъ лучшихъ на Кавказѣ.

оскалъ—все это было изящно и рѣзко выражено, какъ бываетъ только у лошадей самой чистой крови. Оленинъ не могъ не любоваться конемъ. Онъ еще не встрѣчалъ на Кавказѣ такого красавца.

— А ѣзда-то,—говорилъ Лукашка, трепля его по шеѣ,— проѣздъ какой! А умный,—такъ и бѣгаетъ за хозяиномъ!

— Много придачи далъ?—спрашивалъ Оленинъ.

— Да не считалъ,—улыбаясь, отвѣчалъ Лукашка:—отъ кунака досталъ.

— Чудо, красавица лошадь! Что возьмешь за не?—спросилъ Оленинъ.

— Давали полтараста монетовъ, а вамъ такъ отдамъ,— сказалъ Лукашка весело.—Только скажите, отдамъ. Разсѣдлаю и бери. Мнѣ какого-нибудь давай служить.

— Нѣтъ, ни за что.

— Ну, такъ вотъ я вамъ *пешкешъ* привезъ,—и Лукашка распоясался и снялъ одинъ изъ двухъ кинжаловъ, которые висѣли у него на ремнѣ.—За рѣкой досталъ.

— Ну, спасибо.

— А виноградъ матушка обѣщала сама принесть.

— Не нужно, еще сочтемся. Вѣдь я не стану же давать тебѣ деньги за кинжалъ.

— Какъ можно, кунаки! Меня такъ-то за рѣкой Гирей-ханъ привелъ въ саклю, говоритъ: выбирай любое. Вотъ я эту шашку и взялъ. Такой у насъ законъ.

Они вошли въ хату и выпили.

— Что-жъ, ты поживешь здѣсь?—спросилъ Оленинъ.

— Нѣтъ, я проститься пришелъ. Меня теперь съ кордона услали въ сотню за Терекомъ. Нынче ѣду съ Назаромъ, съ товарищемъ.

— А свадьба когда же?

— Вотъ скоро прiѣду, сговоръ будетъ, да и опять на службу,—неохотно отвѣчалъ Лука.

— Какъ же такъ невѣсту не увидишь?

— Да такъ же!... Что на нее смотрѣть-то? Вы какъ въ походѣ будете, спросите у насъ въ сотнѣ Лукашку Широкаго. И кабановъ тамъ что! Я двухъ убилъ. Я васъ свожу... Ну, прощай! Спаси тебя Христосъ.

Лукашка сѣлъ на коня и, не заѣхавъ къ Марьянкѣ, выѣхалъ, джигитуя, на улицу, гдѣ уже ждалъ его Назарка.

— А что, не заѣдемъ?—спросилъ Назарка, подмигивая на ту сторону, гдѣ жила Ямка.

— Вона̀!—сказалъ Лукашка.—На̀, веди къ ней коня, а коли я долго не приду, ты коню сѣна дай. Къ утру все въ сотнѣ буду.

— Что, юнкирь не подарилъ чего еще?

— Нѣ! Спасибо, отдарилъ его кинжаломъ, а то коня было просить сталъ,—сказалъ Лукашка, слѣзая съ лошади и отдавая ее Назаркѣ.

Подъ самымъ окномъ Оленина шмыгнулъ онъ на дворъ и подошелъ къ окну хозяйской хаты. Было ужъ совсѣмъ темно. Марьянка въ одной рубахѣ чесала косу, собираясь спать.

— Это я,—прошепталъ казакъ.

Лицо Марьянки было строго равнодушно; но оно вдругъ ожило, какъ только она услыхала свое имя. Она подняла окно и испуганно и радостно высунулась въ него.

— Чего?... Чего надо?—заговорила она.

— Отложи,—проговорилъ Лукашка.—Пусти меня на минуточку. Ужъ какъ наскучило мнѣ, страсть!

Онъ въ окно обнялъ ея голову и поцѣловалъ.

— Право, отложи!

— Что говоришь пустое! Сказано, не пущу. Что-жъ, надолго?

Онъ не отвѣчалъ и только цѣловалъ ее. И она не спрашивала больше.

— Вишь, и обнять-то въ окно не достанешь хорошенько,— сказалъ Лукашка.

— Марьянушка!—послышался голосъ старухи:—съ кѣмъ ты?

Лукашка скинулъ шапку, чтобы по ней не примѣтили его, и присѣлъ подъ окно.

— Иди скорѣй!—прошептала Марьяна.

— Лукашка заходилъ, — отвѣчала она матери: — батяку спрашивалъ.

— Что-жъ, пошли его сюда.

— Ушелъ; говоритъ: некогда.

Дѣйствительно, Лукашка быстрыми шагами, согнувшись, выбѣжалъ подъ окнами на дворъ и побѣжалъ къ Ямкѣ; только одинъ Оленинъ и видѣлъ его. Выпивъ чапуры двѣ чихиря, они выѣхали съ Назаркой за станицу. Ночь была теплая, темная и тихая. Они ѣхали молча, только слышались шаги коней. Лукашка запѣлъ было пѣсню про казака Мингаля, но, не допѣвъ перваго стиха, затихъ и обратился къ Назаркѣ:

— Вѣдь не пустила,—сказалъ онъ.

— О?—отозвался Назарка.—Я зналъ, что не пуститъ. Что мнѣ Ямка сказывала: юнкирь къ нимъ ходить сталъ. Дядя Ерошка хвасталъ, что онъ съ юнкира флинту за Марьянку взялъ.

— Брешетъ онъ, чортъ!—сердито сказалъ Лукашка:—не такая дѣвка. А то я ему старому чорту бока-то отомну,—и онъ запѣлъ свою любимую пѣсню.

Изъ села было Измайлова,
Изъ любимаго садочка сударева,

Тамъ ясенъ соколъ изъ садичка вы[illegible]
За нимъ скоро выѣзживалъ младъ охотничекъ,
Манилъ онъ яснаго сокола на праву руку.
Отвѣтъ держитъ ясенъ соколъ:
„Не умѣлъ ты меня держать въ золотой клѣткѣ
И на правой рукѣ не умѣлъ держать,
Теперь я полечу на сине море;
Убью я себѣ бѣлаго лебедя,
Наклююсь я мяса сладкаго, лебединаго“.

XXVIII.

У хозяевъ былъ сговоръ. Лукашка пріѣхалъ въ станицу, но не зашелъ къ Оленину. И Оленинъ не пошелъ на сговоръ по приглашенію хорунжаго. Ему было грустно, какъ не было еще ни разу съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ станицѣ. Онъ видѣлъ, какъ Лукашка, нарядный, съ матерью прошелъ передъ вечеромъ къ хозяевамъ, и его мучила мысль: за что Лукашка такъ холоденъ къ нему? Оленинъ заперся въ свою хату и сталъ писать свой дневникъ.

„Много я передумалъ и много измѣнился въ это послѣднее время,—писалъ Оленинъ,—и дошелъ до того, что написано въ азбукѣ. Для того, чтобы быть счастливымъ, надо одно—любить, и любить съ самоотверженіемъ, любить всѣхъ и все, раскидывать на всѣ стороны паутину любви: кто попадется, того и брать. Такъ я поймалъ Ванюшу, дядю Ерошку, Лукашку и Марьянку“.

Въ то время, какъ Оленинъ дописывалъ это, къ нему вошелъ дядя Ерошка.

Ерошка былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Надняхъ, зайдя къ нему вечеромъ, Оленинъ засталъ его на

двор[illegible] ...ою тушей, которую онъ, съ счастливымъ и гордымъ лицомъ, ловко снималъ маленькимъ ножичкомъ. Собаки, и между ними любимецъ Лямъ, лежали около и слегка помахивали хвостами, глядя на его дѣло. Мальчишки съ уваженіемъ смотрѣли на него черезъ заборъ и даже не дразнили, какъ обыкновенно. Бабы сосѣдки, вообще не слишкомъ ласковыя къ нему, здоровались съ нимъ и несли ему кто чихиря кувшинчикъ, кто каймаку, кто мучицы. На другое утро Ерошка сидѣлъ у себя въ клѣти, весь въ крови, и отпускалъ по фунтамъ свѣжину: кому за деньги, кому за вино. На лицѣ его написано было: „Богъ далъ счастья, убилъ звѣря; теперь дядя нуженъ сталъ“. Вслѣдствіе этого, разумѣется, онъ запилъ и, не выходя изъ станицы, пилъ уже четвертый день. Кромѣ того, онъ пилъ на сговорѣ.

Дядя Ерошка пришелъ изъ хозяйской хаты къ Оленину мертвецки пьяный, съ краснымъ лицомъ, растрепанною бородой, но въ новомъ красномъ бешметѣ, обшитомъ галунами, и съ балалайкой изъ травянки, которую онъ принесъ изъ-за рѣки. Онъ давно уже обѣщалъ Оленину это удовольствіе и былъ въ духѣ. Увидавъ, что Оленинъ пишетъ, онъ огорчился.

— Пиши, пиши, отецъ мой,—сказалъ онъ шепотомъ, какъ будто предполагая, что какой-нибудь духъ сидитъ между нимъ и бумагой, и, боясь спугнуть его, безъ шума, потихоньку, сѣлъ на полъ. Когда дядя Ерошка бывалъ пьянъ, любимое положеніе его бывало на полу. Оленинъ оглянулся, велѣлъ подать вина и продолжалъ писать. Ерошкѣ было скучно пить одному; ему хотѣлось говорить.

— У хозяевъ на сговорѣ былъ. Да что, швиньи!... Не хочу! Пришелъ къ тебѣ.

— А балалайка откуда у тебя?—спросилъ Оленинъ и продолжалъ писать.

— За рѣкой былъ, отецъ мой, балалайку досталъ,— сказалъ онъ такъ же тихо.—Я мастеръ играть: татарскую, казацкую, господскую, солдатскую,—какую хошь.

Оленинъ еще разъ взглянулъ на него, усмѣхнулся и продолжалъ писать.

Улыбка эта ободрила старика.

— Ну, брось, отецъ ты мой, брось!—сказалъ онъ вдругъ рѣшительно.—Ну, обидѣли тебя,—брось ихъ, плюнь! Ну, что пишешь, пишешь,—что толку?

И онъ передразнивалъ Оленина, постукивая своими толстыми пальцами по полу и изогнувъ свою толстую рожу въ презрительную гримасу.

— Что кляузы писать? Гуляй лучше, будешь молодецъ!

О писаніи въ его головѣ не умѣщалось другаго понятія, кромѣ какъ о вредной кляузѣ.

Оленинъ расхохотался. Ерошка тоже. Онъ вскочилъ съ пола и принялся показывать свое искусство въ игрѣ на балалайкѣ и пѣть татарскія пѣсни.

— Что писать, добрый человѣкъ! Ты вотъ послушай лучше, я тебѣ спою. Сдохнешь, тогда пѣсни не услышишь. Гуляй!

Сначала онъ спѣлъ своего сочиненія пѣсню съ припляскою:

А ди-ди-ди-ди-ди-ли,
А гдѣ его видѣли?
На базарѣ въ лавкѣ,
Продаетъ булавки.

Потомъ онъ спѣлъ пѣсню, которой научилъ его бывшій его фельдфебель:

Въ понедѣльникъ я влюбился,
Весь авторникъ прострадалъ,
Въ середу въ любви открылся,
Въ четвертокъ отвѣту ждалъ.
Въ пятницу пришло рѣшенье
Чтобъ не ждать мнѣ утѣшенья,
А во свѣтлую субботу
Жисть окончить предпринялъ;
Но, храня души спасенье,
Я раздумалъ въ воскресенье.

И опять:

А ди-ди-ди-ди-ди-ли,
А гдѣ его видѣли?

Потомъ, подмигивая, подергивая плечами и выплясывая, спѣлъ:

Поцѣлую, обойму,
Алой лентой перевью,
Надёженькой назову.
Надёженька ты моя,
Вѣрно-ль любишь ты меня?

И такъ разгулялся, что, лихо подыгрывая, сдѣлалъ молодецкую выходку и пошелъ одинъ плясать по комнатѣ.

Пѣсни: *ди-ди-ли* и тому подобныя, *господскія*, онъ спѣлъ только для Оленина; но потомъ, выпивъ еще стакана три чихиря, онъ вспомнилъ старину и запѣлъ настоящія казацкія и татарскія пѣсни. Въ серединѣ одной любимой его пѣсни голосъ его вдругъ задрожалъ, и онъ замолкъ, только продолжая бренчать по струнамъ балайки.

— Ахъ, другъ ты мой!—сказалъ онъ.

Оленинъ оглянулся на странный звукъ его голоса: ста-

рикъ плакалъ. Слезы стояли въ его глазахъ, и одна текла по щекѣ.

— Прошло ты мое времячко, не воротишься!—всхлипывая проговорилъ онъ и замолкъ.—Пей, что не пьешь?—вдругъ крикнулъ онъ своимъ оглушающимъ голосомъ, не отирая слезъ.

Особенно трогательна была для него одна тавлинская пѣсня. Словъ въ ней было мало, но вся прелесть ея заключалась въ печальномъ припѣвѣ: „Ай-дай-далалай!“ Ерошка перевелъ слова пѣсни: „Молодецъ погналъ баранту изъ аула въ горы, русскіе пришли, зажгли аулъ, всѣхъ мужчинъ перебили, всѣхъ бабъ въ плѣнъ побрали. Молодецъ пришелъ изъ горъ: гдѣ былъ аулъ, тамъ пустое мѣсто; матери нѣтъ, братьевъ нѣтъ, дома нѣтъ; одно дерево осталось. Молодецъ сѣлъ подъ дерево и заплакалъ. Одинъ, какъ ты, одинъ остался, и запѣлъ молодецъ: ай-дай-далалай!“ И этотъ завывающій, за душу хватающій припѣвъ старикъ повторилъ нѣсколько разъ.

Допѣвая послѣдній припѣвъ, Ерошка схватилъ вдругъ со стѣны ружье, торопливо выбѣжалъ на дворъ и выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ вверхъ. И опять еще печальнѣе запѣлъ: „Ай-дай-далалай... а а“—и замолкъ.

Оленинъ, выйдя за нимъ на крыльцо, молча глядѣлъ въ темное, звѣздное небо и по тому направленію, гдѣ блеснули выстрѣлы. Въ домѣ у хозяевъ были огни, слышались голоса. На дворѣ дѣвки толпились у крыльца и оконъ и перебѣгали изъ *избушки* въ сѣни. Нѣсколько казаковъ выскочили изъ сѣней и не выдержали, загикали, вторя окончанію пѣсни и выстрѣламъ дяди Ерошки.

— Что-жъ ты не на сговорѣ?—спросилъ Оленинъ.

— Богъ съ ними, Богъ съ ними!—проговорилъ старикъ,

котораго видимо чѣмъ-нибудь тамъ обидѣли.—Не люблю, не люблю... Эхъ, народъ! Пойдемъ въ хату! Они сами по себѣ, а мы сами по себѣ гуляемъ.

Оленинъ вернулся въ хату.

— А что, Лукашка веселъ? Не зайдетъ онъ ко мнѣ?—спросилъ онъ.

— Что, Лукашка! Ему наврали, что я тебѣ дѣвку подвожу,—сказалъ старикъ шепотомъ.—А что дѣвка?—будетъ наша, коли захотимъ: денегъ дай больше—и наша! Я тебѣ сдѣлаю, право.

— Нѣтъ, дядя, деньги ничего не сдѣлаютъ, коли не любитъ. Лучше не говори про это.

— Нелюбимы мы съ тобой, сироты!—вдругъ сказалъ дядя Ерошка и опять заплакалъ.

Оленинъ выпилъ болѣе обыкновеннаго, слушая разсказы старика. „Такъ, вотъ, теперь Лукашка мой счастливъ", думалъ онъ; но ему было грустно. Старикъ напился въ этотъ вечеръ до того, что повалился на полъ, и Ванюша долженъ былъ призвать себѣ на помощь солдатъ и, отплевываясь, вытащилъ его. Онъ былъ такъ озлобленъ на старика за его дурное поведеніе, что уже ничего не сказалъ по-французски.

XXIX.

Былъ августъ мѣсяцъ. Нѣсколько дней сряду не было ни облачка на небѣ; солнце пекло невыносимо и съ утра дулъ теплый вѣтеръ, поднимая въ бурунахъ и по дорогѣ облака горячаго песку и разнося его по воздуху, черезъ камыши, деревья и станицы. Трава и листья на деревьяхъ были покрыты пылью; дороги и солончаки были обнажены и звучно-

тверды. Вода давно сбыла въ Терекѣ и быстро сбѣгала и сохла по канавамъ. Въ прудѣ, около станицы, оголялись истоптанные скотиной иловатые берега пруда, и цѣлый день слышны были въ водѣ всплески и крики дѣвокъ и мальчишекъ. Въ степи уже засыхали буруны и камыши, и скотина, мыча, днемъ убѣгала въ поля. Звѣрь откочевывалъ въ дальніе камыши и въ горы за Терекъ. Комары и мошки тучами стояли надъ низами и станицами. Снѣговыя горы закрывались сѣрымъ туманомъ. Воздухъ былъ рѣдокъ и смраденъ. Абреки, слышно было, переправились черезъ обмелѣвшую рѣку и рыскали по сю сторону. Солнце каждый вечеръ садилось въ горячее красное зарево. Было время самое рабочее. Все населеніе станицы кишѣло на арбузныхъ бахчахъ и въ виноградникахъ. Сады глухо заросли вьющеюся зеленью и прохладною густою тѣнью. Вездѣ чернѣли изъ-за широкихъ просвѣчивающихъ листьевъ спѣлыя тяжелыя кисти. По пыльной дорогѣ, ведущей къ садамъ, тянулись скрипучія арбы, вéрхомъ наложенныя чернымъ виноградомъ. На пыльной дорогѣ, измятыя колесами, валялись кисти. Мальчишки и дѣвчонки, въ испачканныхъ виноградномъ сокомъ рубашонкахъ, съ кистями въ рукахъ и во рту, бѣгали за матерями. На дорогѣ безпрестанно попадались оборванные работники, неся на сильныхъ плечахъ плетушки винограда. Обвязанныя до глазъ платками *мамуки* вели быковъ, запряженныхъ въ высоконаложенныя виноградомъ арбы. Солдаты, встрѣчая арбу, просили у казачекъ винограда, и казачка, на ходу влѣзая на арбу, брала охабку винограда и сыпала ее въ полу солдата. На нѣкоторыхъ дворахъ уже жали виноградъ. Запахъ чапры наполнялъ воздухъ. Кровяныя красныя корыта виднѣлись подъ навѣсами и ногайцы работники,

съ засученными ногами и окрашенными икрами, виднѣлись по дворамъ. Свиньи, фыркая, лопали выжимки и валялись въ нихъ. Плоскія крыши *избушекъ* были сплошь уложены черными янтарными кистями, которыя вяли на солнцѣ. Вороны и сороки, подбирая зерна, жались около крышъ и перепархивали съ мѣста на мѣсто.

Плоды годовыхъ трудовъ весело собирались, и нынѣшній годъ плоды были необычайно обильны и хороши.

Въ тѣнистыхъ зеленыхъ садахъ, среди моря виноградника, со всѣхъ сторонъ слышались смѣхъ, пѣсни, веселье, женскіе голоса, и мелькали яркія цвѣтныя одежды женщинъ.

Въ самый полдень Марьяна сидѣла въ своемъ саду, въ тѣни персиковаго дерева, и изъ-подъ отпряженной арбы вынимала обѣдъ для своего семейства. Противъ нея, на разостланной попонѣ, сидѣлъ хорунжій, вернувшійся изъ школы, и мылъ руки изъ кувшинчика. Мальчишка, ея братъ, только-что прибѣжавшій изъ пруда, отираясь рукавами, безпокойно поглядывалъ на сестру и мать, въ ожиданіи обѣда, и тяжело переводилъ дыханіе. Старуха мать, засучивъ сильныя загорѣлыя руки, раскладывала виноградъ, сушеную рыбу, каймакъ и хлѣбъ на низенькомъ кругломъ татарскомъ столикѣ. Хорунжій, отеревъ руки, снялъ шапку, перекрестился и придвинулся къ столу. Мальчишка схватился за кувшинъ и жадно принялся пить. Мать и дочь, поджавъ ноги, сѣли къ столу. И въ тѣни пекло невыносимо. Въ воздухѣ надъ садомъ стоялъ смрадъ. Теплый сильный вѣтеръ, проходившій сквозь вѣтви, не приносилъ прохлады, а только однообразно гнулъ вершины разсыпанныхъ по садамъ грушевыхъ, персиковыхъ и тутовыхъ деревьевъ. Хорунжій, еще разъ помолившись, досталъ изъ-за спины закрытый виноградным листомъ кув-

шинчикъ съ чихиремъ и, выпивъ изъ горлышка, подалъ старухѣ. Хорунжій былъ въ одной рубахѣ, разстегнутой на шеѣ и открывавшей мускулистую, мохнатую грудь. Тонкое, хитрое лицо его было весело. Ни въ позѣ, ни въ говорѣ его не проглядывало его обычной политичности; онъ былъ веселъ и натураленъ.

— А къ вечеру кончимъ за *лапазомъ* край?—сказалъ онъ, утирая мокрую бороду.

— Уберемся,—отвѣчала старуха,—только бы погода не задержала. Дёмкины еще половины не убрали,—прибавила она.—Одна Устенька работаетъ, убивается.

— Гдѣ же имъ!—гордо сказалъ старикъ.

— На, испей Марьянушка!—сказала старуха, подавая кувшинъ дѣвкѣ.—Вотъ, Богъ дастъ, будетъ чѣмъ свадьбу сыграть,—сказала старуха.

— Дѣло впереди,—сказалъ хорунжій, слегка нахмурившись.

Дѣвка опустила голову.

— Да что-жъ не говорить?—сказала старуха:—дѣло покончили, ужъ и время не далече.

— Не загадывай,—опять сказалъ хорунжій.—Теперь убираться надо.

— Видалъ коня-то новаго у Лукашки?—спросила старуха.—Что Митрій-то Андреичъ подарилъ, того ужъ нѣтъ: онъ вымѣнялъ.

— Нѣтъ, не видалъ. А говорилъ я съ холопомъ постояльцевымъ нынче,—сказалъ хорунжій:—говоритъ, опять получилъ тысячу рублей.

— Богачъ, одно слово,—подтвердила старуха.

Все семейство было весело и довольно.

Работа подвигалась успѣшно. Винограду было больше, и онъ былъ лучше, чѣмъ они сами ожидали.

Марьяна, пообѣдавъ, подложила быкамъ травы, свернула свой бешметъ подъ голову и легла подъ арбой на примятую, сочную траву. На ней была одна красная *сорочка*, то-есть шелковый платокъ на головѣ, и голубая, полинялая ситцевая рубаха; но ей было невыносимо жарко. Лицо ея горѣло, ноги не находили мѣста, глаза были подернуты влагой сна и усталости; губы невольно открывались и грудь дышала тяжело и высоко.

Рабочая пора уже началась двѣ недѣли тому назадъ, и тяжелая, непрестанная работа занимала всю жизнь молодой дѣвки. Раннимъ утромъ, на зарѣ, она вскакивала, обмывала лицо холодною водой, укутывалась платкомъ и босикомъ бѣжала къ скотинѣ. Наскоро обувалась, надѣвала бешметъ и, взявъ въ узелокъ хлѣба, запрягала быковъ и на цѣлый день уѣзжала въ сады. Тамъ только часокъ отдыхала, рѣзала, таскала плетушки, и вечеромъ, веселая и не усталая, таща быковъ за веревку и погоняя ихъ длинною хворостиной, возвращалась въ станицу. Убравъ скотину сумерками, захвативъ сѣмечекъ въ широкій рукавъ рубахи, она выходила на уголъ посмѣяться съ дѣвками. Но только потухала заря, она уже шла въ хату и, поужинавъ въ темной *избушкѣ* съ отцомъ, матерью и братишкой, беззаботная, здоровая, входила въ хату, садилась на печь и въ полудремотѣ слушала разговоры постояльца. Какъ только онъ уходилъ, она бросалась на постель и до утра засыпала непробуднымъ, спокойнымъ сномъ. На другой день было то же. Лукашку она не видала съ самаго дня сговора и спокойно ждала времени свадьбы. Къ по-

стояльцу она привыкла и съ удовольствіемъ чувствовала на себѣ его пристальные взгляды.

XXX.

Несмотря на то, что отъ жару некуда было дѣваться, что комары роями вились въ прохладной тѣни арбы и что мальчишка, ворочаясь, толкалъ ее, Марьяна натянула себѣ на голову платокъ и ужъ засыпала, какъ вдругъ Устенька, сосѣдка, прибѣжала къ ней и, нырнувъ подъ арбу, легла съ ней рядомъ.

— Ну, спать, дѣвки, спать!—говорила Устенька, укладываясь подъ арбой. — Стой!—сказала она, вскакивая:—такъ не ладно.

Она вскочила, нарвала зеленыхъ вѣтокъ и съ двухъ сторонъ привѣсила къ колесамъ арбы, еще сверху накинувъ бешметомъ.

— Ты пусти!—закричала она мальчишкѣ, подлѣзая опять подъ арбу:—развѣ казакамъ мѣсто съ дѣвками? Ступай!

Оставшись подъ арбой одна съ подругой, Устенька вдругъ обхватила ее обѣими руками и, прижимаясь къ ней, начала цѣловать Марьяну въ щеки и шею.

— Миленькій, братецъ! — приговаривала она, заливаясь своимъ тоненькимъ, отчетливымъ смѣхомъ.

— Видишь, у *дѣдушки* научилась, — отвѣчала Марьяна отбиваясь.—Ну, брось!

И онѣ обѣ такъ расхохотались, что мать крикнула на нихъ.

— Аль завидно?—шепотомъ сказала Устенька.

— Что врешь! Давай спать. Ну, зачѣмъ пришла?

Но Устенька не унималась.

— А что̀ я тебѣ скажу, такъ ну!

Марьяна приподнялась на локоть и поправила сбившійся платокъ.

— Ну, что̀ скажешь?

— Про твоего постояльца я что̀ знаю!

— Нечего знать,—отвѣчала Марьяна.

— Ахъ, ты плутъ дѣвка!—сказала Устенька, толкая ее локтемъ и смѣясь: — ничего не разскажешь. Ходитъ къ вамъ?

— Ходитъ. Такъ что-жъ? — сказала Марьяна и вдругъ покраснѣла.

— Вотъ я дѣвка простая, я всѣмъ разскажу. Что̀ мнѣ прятаться?—говорила Устенька, и веселое, румяное лицо приняло задумчивое выраженіе. — Развѣ я кому дурно дѣлаю? Люблю его, да и все тутъ.

— Дѣдушку-то, что-ль?

— Ну, да.

— А грѣхъ?—возразила Марьяна.

— Ахъ, Машенька! Когда же и гулять, какъ не на дѣвичьей волѣ? За казака пойду, рожать стану, нужду узнаю. Вотъ ты поди замужъ за Лукашку, тогда и въ мысль радость не пойдетъ, дѣти пойдутъ да работа.

— Что-жъ? Другимъ и замужемъ жить хорошо. Все равно!—спокойно отвѣчала Марьяна.

— Да ты разскажи хоть разъ, что у васъ съ Лукашкой было?

— Да что̀ было? Сваталъ. Батюшка на годъ отложилъ; а нынче сговорили, осенью отдадутъ.

— Да онъ что̀ тебѣ говорилъ?

Марьяна улыбнулась.

— Извѣстно, что говорилъ. Говорилъ, что любитъ. Все просилъ въ сады съ нимъ пойти.

— Вишь смола какой! Вѣдь ты не пошла, чай? А онъ какой теперь молодецъ сталъ, первый джигитъ! Все и въ сотнѣ гуляетъ. Намеднись пріѣзжалъ нашъ Кирка, говорилъ: коня какого вымѣнялъ! А все, чай, по тебѣ скучаетъ. А еще что онъ говорилъ?—спросила Марьяну Устенька.

— Все тебѣ знать надо...—засмѣялась Марьяна.—Разъ на конѣ ночью пріѣхалъ къ окну, пьяный. Просился.

— Что-жъ, не пустила?

— А то пустить?! Я разъ слово сказала—и будетъ! Твердо, какъ камень,—серьезно отвѣчала Марьяна.

— А молодецъ! Только захоти, никакая дѣвка имъ не побрезгаетъ.

— Пускай къ другимъ ходитъ,—гордо отвѣтила Марьяна.

— Не жалѣешь ты его?

— Жалѣю, а глупости не сдѣлаю,—это дурно.

Устенька вдругъ упала головой на грудь подругѣ, обхватила ее руками и вся затряслась отъ давившаго ее смѣха.

— Глупая ты, дура!—проговорила она запыхавшись,—счастія себѣ не хочешь,—и опять принялась щекотать Марьяну.

— Ай, брось!—говорила Марьяна, вскрикивая сквозь смѣхъ.—Лазутку раздавила.

— Вишь, черти, разыгрались, не умаялись!—послышался опять изъ-за арбы сонный голосъ старухи.

— Счастія не хочешь,—повторила Устенька шепотомъ и привставая.—А счастлива ты, ей-Богу! Какъ тебя любятъ! Ты корявая такая, а тебя любятъ. Эхъ, кабы я да на твоемъ мѣстѣ была, я бы постояльца какъ окрутила! Посмотрѣла я на него, какъ у насъ были, такъ кажется и съѣлъ бы онъ тебя глазами. Мой *дѣдушка*—и тотъ чего мнѣ не на-

давалъ! А вашъ, слышь, изъ русскихъ богачъ первый. Его деньщикъ сказывалъ, что у нихъ свои холопы есть.

Марьяна привстала и, задумавшись, улыбнулась.

— Что онъ мнѣ разъ сказалъ, постоялецъ-то,—проговорила она, перекусывая травинку.—Говоритъ: я бы хотѣлъ казакомъ Лукашкой быть, или твоимъ братишкой, Лазуткой... Къ чему это онъ такъ сказалъ?

— А такъ вретъ, что на умъ взбрело,—отвѣчала Устенька.—Мой чего не говоритъ! Точно порченый!

Марьяна бросилась головой на свернутый бешметъ, кинула руку на плечо Устенькѣ и закрыла глаза.

— Нынче хотѣлъ въ сады работать придти; его батюшка звалъ,—проговорила она, помолчавъ немного, и заснула.

XXXI.

Солнце вышло уже изъ-за груши, отѣнявшей арбу, и косыми лучами, даже сквозь вѣтви, переплетенныя Устенькой, жгло лица дѣвокъ, спавшихъ подъ арбой. Марьяна проснулась и стала убираться платкомъ. Оглядѣвшись кругомъ, она увидала за грушей постояльца, который, съ ружьемъ на плечѣ, стоялъ и разговаривалъ съ ея отцомъ. Она толнула Устеньку и молча, улыбнувшись, указала ей на него.

— Вчера я ходилъ, ни одного не нашелъ,—говорилъ Оленинъ, безпокойно поглядывая кругомъ и изъ-за вѣтокъ не видя Марьяны.

— А вы вонъ къ тому краю, прямо по циркулю пройдите, тамъ въ заброшенномъ саду, пустыремъ прозывается, всегда зайцы находятся,—сказалъ хорунжій, тотчасъ измѣняя свой языкъ.

— Легко ли въ рабочую пору ходить зайцевъ искать!

Приходили бы лучше намъ подсобить, съ дѣвками поработали бы,—сказала весело старуха.—Ну, дѣвки, вставать!—крикнула она.

Марьяна и Устенька шептались и едва удерживались отъ смѣха подъ арбой.

Съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что Оленинъ подарилъ коня въ пятьдесятъ *монетовъ* Лукашкѣ, хозяева его стали ласковѣе; особенно хорунжій, казалось, видѣлъ съ удовольствіемъ его сближеніе съ дочерью.

— Да я не умѣю работать,—сказалъ Оленинъ, стараясь не смотрѣть сквозь зеленыя вѣтви подъ арбой, гдѣ онъ замѣтилъ голубую рубаху и красный платокъ Марьяны.

— Приходи, шепталокъ дамъ,—сказала старуха.

— По казачьей гостепріимной старинѣ, одна старушечья глупость,—сказалъ хорунжій, объясняя и какъ бы исправляя слова старухи:—въ Россіи, я думаю, не только шепталокъ, сколько ананасныхъ вареній и моченій кушали въ свое удовольствіе.

— Такъ въ заброшенномъ саду есть?—спросилъ Оленинъ:—я схожу.—И, бросивъ быстрый взглядъ сквозь зеленыя вѣтви, онъ приподнялъ папаху и скрылся между правильными зелеными рядами виноградника.

Уже солнце спряталось за оградой садовъ и раздробленными лучами блестѣло сквозь прозрачные листья, когда Оленинъ вернулся въ садъ къ своимъ хозяевамъ. Вѣтеръ стихалъ, и свѣжая прохлада начинала распространяться въ виноградникахъ. Еще издалека какимъ-то инстинктомъ Оленинъ узналъ голубую рубаху Марьяны сквозь ряды лозъ, и, обрывая ягоды, подошелъ къ ней. Зарьявшая собака тоже иногда схватывала слюнявымъ ртомъ низко висѣвшую кисть. Рас-

краснѣвшись, засучивъ рукава и опустивъ платокъ ниже подбородка, Марьяна быстро срѣзала тяжелыя кисти и складывала ихъ въ плетушку. Не выпуская изъ рукъ плети, которую она держала, она остановилась, ласково улыбнулась и снова принялась за работу. Оленинъ приблизился и перекинулъ ружье на плечи, чтобъ освободить руки. „А твои гдѣ? Богъ помочь! Ты одна?“ хотѣлъ онъ сказать, но ничего не сказалъ и только приподнялъ папаху. Ему было неловко наединѣ съ Марьянкой, но онъ, какъ будто нарочно мучая себя, подошелъ къ ней.

— Ты этакъ бабъ изъ ружья застрѣлишь,—сказала Марьяна.

— Нѣтъ, я не стрѣляю.

Они оба помолчали.

— Ты бы подсобилъ.

Онъ досталъ ножичекъ и сталъ молча рѣзать. Доставъ снизу изъ-подъ листьевъ тяжелую, фунта въ три, сплошную кисть, въ которой всѣ ягоды сплющились одна на другую, не находя себѣ мѣста, онъ показалъ ее Марьянѣ.

— Всѣ рѣзать? Эта не зелена?

— Давай сюда.

Руки ихъ столкнулись. Оленинъ взялъ ея руку, а она, улыбаясь, глядѣла на него.

— Что, ты скоро замужъ выйдешь?—сказалъ онъ.

Она, не отвѣчая, отвернулась и повела на него своими строгими глазами.

— Что, ты любишь Лукашку?

— А тебѣ что?

— Мнѣ завидно.

— Легко ли!

— Право, ты такая красавица!

И ему вдругъ стало страшно совѣстно за то, что онъ сказалъ. Такъ пошло, казалось ему, звучали его слова. Онъ вспыхнулъ, растерялся и взялъ ее за обѣ руки.

— Какая ни есть, да не про тебя! Что смѣяться-то?...— отвѣчала Марьяна, но взглядъ ея говорилъ, какъ твердо она знала, что онъ не смѣялся.

— Какъ смѣяться? Ежели бы ты знала, какъ я...— Слова звучали еще пошлѣе, еще не согласнѣе съ тѣмъ, что онъ чувствовалъ; но онъ продолжалъ:—Я не знаю, что готовъ для тебя сдѣлать...

— Отстань, смола!

Но ея лицо, ея блестящіе глаза, ея высокая грудь, стройныя ноги говорили совсѣмъ другое. Ему казалось, что она понимала, какъ было пошло все, что онъ говорилъ ей, но стояла выше такихъ соображеній; ему казалось, что она давно знала все то, что онъ хотѣлъ и не умѣлъ сказать ей, но хотѣла послушать, какъ онъ это скажетъ ей. „И какъ ей не знать,—думалъ онъ,—когда онъ хотѣлъ сказать ей лишь только все то, что она сама была? Но она не хотѣла понимать, не хотѣла отвѣчать“, думалъ онъ.

— Ау!—вдругъ послышался не далеко за виноградникомъ голосокъ Устеньки и ея тонкій смѣхъ.—Приходи, Митрій Андреичъ, мнѣ подсоблять! Я одна...—прокричала она Оленину, высовывая изъ-за листьевъ свое круглое наивное личико.

Оленинъ ничего не отвѣчалъ и не двигался съ мѣста.

Марьяна продолжала рѣзать, но безпрестанно взглядывала на постояльца. Онъ началъ было говорить что-то, но остановился, вздернулъ плечами и, вскинувъ ружье, скорыми шагами пошелъ изъ сада.

XXXII.

Раза два онъ останавливался, прислушиваясь къ звонкому смѣху Марьяны и Устеньки, которыя, сойдясь вмѣстѣ, кричали что-то. Цѣлый вечеръ Оленинъ проходилъ въ лѣсу на охотѣ. Ничего не убивъ, онъ вернулся ужъ сумерками. Пройдя по двору, онъ замѣтилъ отворенную въ хозяйской *избушкѣ* дверь и виднѣвшуюся изъ нея голубую рубаху. Онъ особенно громко кликнулъ Ванюшу, чтобы дать знать о своемъ приходѣ, и сѣлъ на крыльцѣ на обычное мѣсто. Хозяева уже вернулись изъ садовъ; они вышли изъ *избушки*, прошли въ свою хату и не позвали его къ себѣ. Марьяна два раза выходила за ворота. Одинъ разъ, въ полусвѣтѣ, ему показалось, что она оглянулась на него. Онъ жадно слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, но не рѣшился подойти къ ней. Когда она скрылась въ хатѣ, онъ сошелъ съ крыльца и началъ ходить по двору. Но Марьяна уже не выходила. Цѣлую ночь Оленинъ провелъ безъ сна на дворѣ, прислушиваясь къ каждому звуку въ хозяйской хатѣ. Онъ слышалъ, какъ съ вечера они говорили, какъ ужинали, какъ вытаскивали пуховики и укладывались спать; слышалъ, какъ чему-то засмѣялась Марьяна; слышалъ потомъ, какъ все затихло. Хорунжій переговаривалъ что-то шепотомъ со старухой и кто-то дышалъ. Онъ зашелъ въ свою хату. Ванюша, не раздѣваясь, спалъ. Оленинъ позавидовалъ ему и опять принялся ходить по двору, все ожидая чего-то, но никто не выходилъ, никто не шевелился; только слышалось равномѣрное дыханіе трехъ человѣкъ. Онъ зналъ дыханіе Марьяны и все слушалъ его, и слушалъ стукъ своего сердца. Въ станицѣ все

затихло, поздній мѣсяцъ взошелъ и стала виднѣе скотина, пыхтѣвшая по дворамъ, ложившаяся и медленно встававшая. Оленинъ со злобой спрашивалъ себя: „чего мнѣ нужно?“ и не могъ оторваться отъ своей ночи. Вдругъ ясно послышались ему шаги и скрипъ половицы въ хозяйской хатѣ. Онъ бросился къ дверямъ; но опять ничего не было слышно, кромѣ равномѣрнаго дыханія, и опять на дворѣ, послѣ тяжелаго вздоха, поворачивалась буйволица, вставая на переднія колѣни, потомъ на всѣ ноги, взмахивала хвостомъ, и равномѣрно шлепало что-то по сухой глинѣ двора, и опять со вздохомъ укладывалась она въ мѣсячной мглѣ... Онъ спрашивалъ себя: „что̀ мнѣ дѣлать?“ и рѣшительно собирался идти спать; но опять послышались звуки, и въ воображеніи его возникалъ образъ Марьянки, выходившей на эту мѣсячную туманную ночь, и опять онъ бросался къ окну, и опять слышалъ шаги. Уже передъ свѣтомъ подошелъ онъ къ окну, толкнулъ въ ставень, перебѣжалъ къ двери, и дѣйствительно заслышался вздохъ Марьянки и шаги. Онъ взялся за щеколду и постучалъ. Босые, осторожные шаги, чуть скрипя половицами, приближались къ двери. Зашевелилась щеколда, скрипнула дверь, пахнуло запахомъ душицы и тыквы, и на порогѣ показалась вся фигура Марьянки. Онъ видѣлъ ее только мгновеніе при мѣсячномъ свѣтѣ. Она захлопнула дверь и, что-то прошептавъ, побѣжала легкими шагами назадъ. Оленинъ сталъ стучать слегка,—ничто не отзывалось. Онъ перебѣжалъ къ окну и сталъ слушать. Вдругъ рѣзкій визгливый мужской голосъ поразилъ его.

— Славно!—сказалъ не высокій казачонокъ, въ бѣлой папахѣ, близко подходя со двора къ Оленину: — я видѣлъ, славно!

Оленинъ узналъ Назарку и молчалъ, не зная что̀ дѣлать и говорить.

— Славно! Вотъ я въ станичное пойду, докажу и отцу скажу. Вишь хорунжиха какая! Ей одного мало!

— Чего ты отъ меня хочешь, что̀ тебѣ надо?—выговорилъ Оленинъ.

— Ничего, я только въ станичномъ скажу.

Назарка говорилъ очень громко, видимо нарочно.

— Вишь ловкій *юнкиръ* какой!

Оленинъ дрожалъ и блѣднѣлъ.

— Поди сюда, сюда!

Онъ сильно ухватилъ его за руку и отвелъ его къ своей хатѣ.

— Вѣдь ничего не было, она меня не пустила, и я ничего... Она честная!...

— Ну, тамъ разбирать...—сказалъ Назарка.

— Да я все равно тебѣ дамъ... Вотъ постой!...

Назарка замолчалъ. Оленинъ вбѣжалъ въ свою хату и вынесъ казаку десять рублей.

— Вѣдь ничего не было; да все равно, я виноватъ, вотъ я и даю! Только ради Бога, чтобы никто не зналъ! Да ничего не было...

— Счастливо оставаться,—смѣясь сказалъ Назарка и вышелъ.

Назарка пріѣзжалъ въ эту ночь въ станицу по порученію Лукашки приготовить мѣсто для краденой лошади, и, проходя домой по улицѣ, заслышалъ звуки шаговъ. Онъ вернулся на другое утро въ сотню и, хвастаясь, разсказалъ товарищу, какъ онъ ловко добылъ десять *монетовъ*. На другое утро Оленинъ видѣлся съ хозяевами, и никто ничего не зналъ.

Съ Марьяной онъ не говорилъ, и она только посмѣивалась, глядя на него. Ночь онъ опять провелъ безъ сна, тщетно бродя по двору. Слѣдующій день онъ нарочно провелъ на охотѣ, и вечеромъ, чтобы бѣжать отъ себя, ушелъ къ Бѣлецкому. Онъ боялся себя и далъ себѣ слово не заходить больше къ хозяевамъ. На слѣдующую ночь разбудилъ Оленина фельдфебель. Рота тотчасъ же выступала въ набѣгъ. Оленинъ обрадовался этому случаю и думалъ не вернуться уже болѣе въ станицу.

Набѣгъ продолжался четыре дня. Начальникъ пожелалъ видѣть Оленина, съ которымъ онъ былъ въ родствѣ, и предложилъ ему остаться въ штабѣ. Оленинъ отказался. Онъ не могъ жить безъ своей станицы и просился домой. За набѣгъ ему повѣсили солдатскій крестъ, котораго онъ такъ желалъ прежде. Теперь же онъ былъ совершенно равнодушенъ къ этому кресту и еще болѣе равнодушенъ къ представленію въ офицеры, которое все еще не выходило. Онъ безъ оказіи проѣхалъ съ Ванюшей на линію и нѣсколькими часами опередилъ свою роту. Оленинъ весь вечеръ провелъ на крыльцѣ, глядя на Марьяну. Всю ночь онъ опять, безъ цѣли, безъ мысли, ходилъ по двору.

XXXIII.

На другое утро Оленинъ проснулся поздно. Хозяевъ уже не было. Онъ не пошелъ на охоту, и то брался за книгу, то выходилъ на крыльцо и опять входилъ въ хату и ложился на постель. Ванюша думалъ, что онъ боленъ. Передъ вечеромъ Оленинъ рѣшительно всталъ, принялся писать, и писалъ до поздней ночи. Онъ написалъ письмо, но не послалъ

его, потому что никто все-таки бы не понялъ того, что̀ онъ хотѣлъ сказать, да и не зачѣмъ кому бы то ни было понимать это, кромѣ самого Оленина. Вотъ что онъ писалъ:

„Мнѣ пишутъ изъ Россіи письма соболѣзнованія; боятся, что я погибну, зарывшись въ этой глуши. Говорятъ про меня: онъ загрубѣетъ, отъ всего отстанетъ, станетъ пить, и еще, чего добраго, женится на казачкѣ. Не даромъ, говорятъ, Ермоловъ сказалъ: кто десять лѣтъ прослужитъ на Кавказѣ, тотъ либо сопьется съ кругу, либо женится на распутной женщинѣ. Какъ страшно! Въ самомъ дѣлѣ, не погубить бы мнѣ себя, тогда какъ на мою долю могло бы выпасть великое счастіе стать мужемъ графини Б***, камергеромъ или дворянскимъ предводителемъ. Какъ вы мнѣ всѣ гадки и жалки! Вы не знаете, что такое счастіе и что такое жизнь! Надо разъ испытать жизнь во всей ея безъискуственной красотѣ. Надо видѣть и понимать, что̀ я каждый день вижу передъ собой: вѣчные неприступные снѣга горъ и величавую женщину въ той первобытной красотѣ, въ которой должна была выйти первая женщина изъ рукъ своего Творца, и тогда ясно станетъ, кто себя губитъ, кто живетъ въ правдѣ или во лжи, вы или я. Коли бы вы знали, какъ мнѣ мерзки и жалки вы въ вашемъ обольщеніи! Какъ только представится мнѣ, вмѣсто моей хаты, моего лѣса и моей любви, эти гостиныя, эти женщины, съ припомаженными волосами, надъ подсунутыми чужими буклями, эти неестественно шевелящіяся губки, эти спрятанные и изуродованные слабые члены и этотъ лепетъ гостиныхъ, обязанный быть разговоромъ и не имѣющій никакихъ правъ на это,— мнѣ становится невыносимо гадко. Представляются мнѣ эти тупыя лица, эти богатыя невѣсты съ выраженіемъ лица, го-

ворящимъ: „ничего, можно, подходи, хоть я и богатая невѣста“; эти усаживанья и пересаживанья, это наглое сводничанье паръ и эта вѣчная сплетня, притворство; эти правила—кому руку, кому кивокъ, кому разговоръ, и, наконецъ, эта вѣчная скука въ крови, переходящая отъ поколѣнія къ поколѣнію (и все сознательно, съ убѣжденіемъ въ необходимости). Поймите одно, или повѣрьте одному: надо видѣть и понять, что̀ такое правда и красота, и въ прахъ разлетится, все, что вы говорите и думаете, всѣ ваши желанія счастія и за меня и за себя. Счастіе—это быть съ природой, видѣть ее, говорить съ ней. „Еще онъ, избави Боже, женится на простой казачкѣ и совсѣмъ пропадетъ для свѣта“, воображаю, говорятъ они обо мнѣ съ истиннымъ состраданіемъ. А я только одного и жела́ю,—совсѣмъ пропасть въ вашемъ смыслѣ,—желаю жениться на простой казачкѣ и не смѣю этого, потому что это было бы верхъ счастія, котораго я недостоинъ.

„Три мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ увидалъ казачку Марьяну. Понятія и предразсудки того міра, изъ котораго я вышелъ, еще были свѣжи во мнѣ. Я тогда не вѣрилъ, что могу полюбить эту женщину. Я любовался ею, какъ красотою горъ и неба, и не могъ не любоваться ею, потому что она прекрасна, какъ и онѣ. Потомъ я почувствовалъ, что созерцаніе этой красоты сдѣлалось необходимостью въ моей жизни, и я сталъ спрашивать себя: не люблю ли я ее; но ничего похожаго на то, какъ я воображалъ это чувство, я не нашелъ въ себѣ. Это было чувство не похожее ни на тоску одиночества и желаніе супружества, ни на платоническую, ни еще менѣе на плотскую любовь, которую я испытывалъ. Мнѣ нужно было видѣть, слышать

ее, знать, что она близко, и я бывалъ не то что счастливъ, а спокоенъ. Послѣ вечеринки, на которой я былъ вмѣстѣ съ нею и прикоснулся къ ней, я почувствовалъ, что между мной и этою женщиной существуетъ неразрывная, хотя и не признанная связь, противъ которой нельзя бороться. Но я еще боролся; я говорилъ себѣ: неужели можно любить женщину, которая никогда не пойметъ задушевныхъ интересовъ моей жизни? Неужели можно любить женщину за одну красоту, любить женщину-статую?—спрашивалъ я себя, а уже любилъ ее, хотя еще не вѣрилъ своему чувству.

„Послѣ вечеринки, на которой я въ первый разъ говорилъ съ ней, наши отношенія измѣнились. Прежде она была для меня чуждымъ, но величавымъ предметомъ внѣшней природы,—послѣ вечеринки она стала для меня человѣкомъ. Я сталъ встрѣчать ее, говорить съ нею, ходить иногда на работы къ ея отцу и по цѣлымъ вечерамъ просиживать у нихъ. И въ этихъ близкихъ сношеніяхъ она осталась въ моихъ глазахъ все столь же чистою, неприступною и величавою. Она на все и всегда отвѣчала одинаково—спокойно, гордо и весело-равнодушно. Иногда она была ласкова, но большею частью каждый взглядъ, каждое слово, каждое движеніе ея выражали это равнодушіе,—не презрительное, но подавляющее и чарующее. Каждый день, съ притворною улыбкой на губахъ, я старался поддѣлаться подъ что-то и съ мукой страсти и желаній въ сердцѣ шуточно заговаривалъ съ ней. Она видѣла, что я притворяюсь, но прямо, весело и просто смотрѣла на меня. Мнѣ стало невыносимо это положеніе. Я хотѣлъ не лгать передъ ней и хотѣлъ сказать все, что̀ я думаю, что̀ я чувствую. Я былъ особенно раздраженъ; это было въ садахъ. Я сталъ говорить ей о своей любви такими

словами, которыя мнѣ стыдно вспомнить. Стыдно вспомнить потому, что я не долженъ былъ смѣть говорить ей этого, потому что она неизмѣримо выше стояла этихъ словъ и того чувства, которое я хотѣлъ ими выразить. Я замолчалъ, и съ этого дня мое положеніе сдѣлалось невыносимо. Я не хотѣлъ унижаться, оставаясь въ прежнихъ шуточныхъ отношеніяхъ, и чувствовалъ, что я не доросъ до прямыхъ и простыхъ отношеній къ ней. Я съ отчаяніемъ спрашивалъ себя: что же мнѣ дѣлать? Въ нелѣпыхъ мечтахъ я воображалъ ее то своею любовницей, то своею женой, и съ отвращеніемъ отталкивалъ и ту и другую мысль. Сдѣлать ее дѣвкой было бы ужасно. Это было бы убійство. Сдѣлать ее барыней, женою Дмитрія Андреевича Оленина, какъ одну изъ здѣшнихъ казачекъ, на которой женился нашъ офицеръ, было бы еще хуже. Вотъ ежели бы я могъ сдѣлаться казакомъ, Лукашкой, красть табуны, напиваться чихирю, заливаться пѣснями, убивать людей и пьянымъ влѣзать къ ней въ окно на ночку, безъ мысли о томъ, кто я и зачѣмъ я, тогда бы другое дѣло,—тогда бы мы могли понять другъ друга, тогда бы я могъ быть счастливъ. Я пробовалъ отдаваться этой жизни, и еще сильнѣе чувствовалъ свою слабость, свою изломанность. Я не могъ забыть себя и своего сложнаго, не гармоническаго, уродливаго прошедшаго. И мое будущее представляется мнѣ еще безнадежнѣе. Каждый день передо мною далекія снѣжныя горы и эта величавая, счастливая женщина. И не для меня единственно возможное на свѣтѣ счастіе, не для меня эта женщина. Самое ужасное и самое сладкое въ моемъ положеніи то, что я чувствую, что я понимаю ее, а она никогда не пойметъ меня. Она не пойметъ, и не потому, что она ниже меня,—напротивъ, она не должна понимать

меня. Она счастлива; она, какъ природа, ровна, спокойна и сама въ себѣ. А я—исковерканное, слабое существо—хочу, чтобъ она поняла мое уродство и мои мученія! Ночи я не спалъ, и безъ всякой цѣли проводилъ подъ ея окнами, и не отдавалъ отчета себѣ въ томъ, что со мною было. 18-го числа наша рота ходила въ набѣгъ. Я три дня провелъ внѣ станицы. Мнѣ было грустно, и все равно. Въ отрядѣ пѣсни, карты, попойки, толки о наградахъ — мнѣ были противнѣе обыкновеннаго. Я нынче вернулся домой, увидалъ ее, свою хату, дядю Ерошку, снѣговыя горы съ своего крылечка, и такое сильное новое чувство радости охватило меня, что я все понялъ. Я люблю эту женщину настоящею любовью, въ первый и единственный разъ моей жизни. Я знаю, что̀ со мной... Я не боюсь унизиться своимъ чувствомъ, не стыжусь своей любви,—я гордъ ею... Я не виноватъ, что я полюбилъ. Это сдѣлалось противъ моей воли. Я спасался отъ своей любви въ самоотверженіи, я выдумывалъ себѣ радость въ любви казака Лукашки съ Марьянкой и только раздражалъ свою любовь и ревность. Это не идеальная, такъ-называемая возвышенная любовь, которую я испытывалъ прежде; не то чувство влеченія, въ которомъ любуешься на свою любовь, чувствуешь въ себѣ источникъ своего чувства и все дѣлаешь самъ. Я испытывалъ и это. Это еще меньшее желаніе наслажденія; это что-то другое. Можетъ-быть я въ ней люблю природу, олицетвореніе всего прекраснаго природы; но я не имѣю своей воли, а черезъ меня любитъ ее какая-то стихійная сила, весь міръ Божій, вся природа вдавливаетъ любовь эту въ мою душу и говоритъ: люби. Я люблю ее не умомъ, не воображеніемъ, а всѣмъ существомъ моимъ. Любя ее, я чувствую себя нераздѣльною частью

всего счастливаго Божьяго міра. Я писалъ прежде о своихъ новыхъ убѣжденіяхъ, которыя вынесъ изъ своей одинокой жизни; но никто не можетъ знать, какимъ трудомъ выработались они во мнѣ, съ какою радостью сознаъ я ихъ и увидалъ новый, открытый путь въ жизни. Дороже этихъ убѣжденій ничего во мнѣ не было... Ну... пришла любовь, и ихъ нѣтъ теперь, нѣтъ и сожалѣнія о нихъ! Даже понять, что я могъ дорожить такимъ одностороннимъ, холоднымъ, умственнымъ настроеніемъ, для меня трудно. Пришла красота и въ прахъ разсѣяла всю египетскую жизненную внутреннюю работу. И сожалѣнія нѣтъ объ исчезнувшемъ! Самоотверженіе—все это вздоръ, дичь. Это все гордость, убѣжище отъ заслуженнаго несчастія, спасеніе отъ зависти къ чужому счастію. Жить для другихъ, дѣлать добро... зачѣмъ?—когда въ душѣ моей одна любовь къ себѣ и одно желаніе — любить ее и жить съ нею, ея жизнью. Не для другихъ, не для Лукашки я теперь желаю счастія. Я не люблю теперь этихъ другихъ. Прежде я бы сказалъ себѣ, что это дурно. Я бы мучился вопросами: что будетъ съ ней, со мной, съ Лукашкой? Теперь мнѣ все равно. Я живу не самъ по себѣ, но есть что-то сильнѣе меня, руководящее мною. Я мучаюсь; но прежде я былъ мертвъ, а теперь только я живу. Нынче я пойду къ нимъ и все скажу ей".

XXXIV.

Написавъ это письмо, Оленинъ поздно вечеромъ пошелъ къ хозяевамъ. Старуха сидѣла на лавкѣ за печью и сучила коконы. Марьяна съ непокрытыми волосами шила у свѣчи. Увидавъ Оленина, она вскочила, взяла платокъ и подошла къ печи.

— Что-жъ, посиди съ нами, Марьянушка,—сказала мать.

— Нѣ, я простоголовая.—И она вскочила на печь.

Оленину видно было только ея колѣно и стройная спущенная нога. Онъ угощалъ старуху чаемъ. Старуха угостила гостя каймакомъ, за которымъ посылала Марьяну. Но, поставивъ тарелку на столъ, Марьяна опять вскочила на печь, и Оленинъ чувствовалъ только ея глаза. Они разговорились о хозяйствѣ. Бабука Улита расходилась и пришла въ восторгъ гостепріимства. Она принесла Оленину моченаго винограду, лепешку съ виноградомъ, лучшаго вина, и съ тѣмъ особеннымъ, простонароднымъ грубымъ и гордымъ гостепріимствомъ, которое бываетъ только у людей физическими трудами добывающихъ свой хлѣбъ, принялась угощать Оленина. Старуха, которая сначала такъ поразила Оленина своею грубостью, теперь часто трогала его своею простою нѣжностью въ отношеніи къ дочери.

— Да, что Бога гнѣвить, батюшка! Все у насъ есть, слава Богу, и чихирю нажали, и насолили, и продадимъ бочки три винограду, и пить останется. Ты уходить-то погоди. Гулять съ тобой будемъ на свадьбѣ.

— А когда свадьба?—спросилъ Оленинъ, чувствуя, какъ вся кровь вдругъ хлынула ему къ лицу и сердце неровно и мучительно забилось.

За печью зашевелилось и послышалось щелканье сѣмечка.

— Да что, надо бы на той недѣлѣ сыграть. Мы готовы,— отвѣчала старуха просто, спокойно, какъ будто Оленина не было и нѣтъ на свѣтѣ.—Я все для Марьянушки собрала и припасла. Мы хорошо отдадимъ. Да вотъ немного не ладно: Лукашка-то нашъ что-то ужъ загулялъ очень. Вовсе загулялъ, шалитъ! Намедни пріѣзжалъ казакъ изъ сотни, сказывалъ, что онъ въ Ногаи ѣздилъ.

— Какъ бы не попался,—сказалъ Оленинъ.

— И я говорю: ты, Лукашка, не шали. Ну, молодой человѣкъ, извѣстно, куражится. Да вѣдь на все время есть. Ну, отбилъ, укралъ, абрека убилъ, молодецъ! Ну, и смирно бы пожилъ. А то ужъ вовсе скверно.

— Да, я его раза два видѣлъ въ отрядѣ, онъ все гуляетъ. Еще лошадь продалъ,—сказалъ Оленинъ и оглянулся на печь.

Большіе черные глаза блестѣли на него строго и недружелюбно. Ему стало совѣстно за то, что̀ онъ сказалъ.

— Что-жъ! Онъ никому худа не дѣлаетъ,—вдругъ сказала Марьяна.—На свои деньги гуляетъ,—и, спустивъ ноги, она соскочила съ печи и вышла, сильно хлопнувъ дверью.

Оленинъ слѣдилъ за пей глазами, покуда она была въ хатѣ; потомъ смотрѣлъ на дверь, ждалъ и не понималъ ничего, что ему говорила бабука Улита. Черезъ нѣсколько минутъ вошли гости: старикъ, братъ бабуки Улиты съ дядей Ерошкой, и вслѣдъ за ними Марьяна съ Устенькой.

— Здорово дневали?—пропищала Устенька.—Все гуляешь?—обратилась Устенька къ Оленину.

— Да, гуляю,—отвѣчалъ онъ, и ему отчего-то стыдно стало и неловко.

Онъ хотѣлъ уйти и не могъ. Молчать ему тоже казалось невозможно. Старикъ помогъ ему: онъ попросилъ выпить, и они выпили. Потомъ Оленинъ выпилъ съ Ерошкой. Потомъ еще съ другимъ казакомъ. Потомъ еще съ Ерошкой. И чѣмъ больше пилъ Оленинъ, тѣмъ тяжеле становилось ему на сердцѣ. Но старики разгулялись. Дѣвки обѣ засѣли на печку и шушукали, глядя на нихъ, а они пили до вечера. Оленинъ ничего не говорилъ и пилъ больше всѣхъ. Казаки что-то

кричали. Старуха выгоняла ихъ вонъ и не давала больше чихиря. Дѣвки смѣялись надъ дядей Ерошкой, и ужъ было часовъ десять, когда всѣ вышли на крыльцо. Старики сами назвались идти догуливать ночь у Оленина. Устенька побѣжала домой. Ерошка повелъ казака къ Ванюшѣ. Старуха пошла прибирать въ *избушкѣ*, Марьяна оставалась одна въ хатѣ. Оленинъ чувствовалъ себя свѣжимъ и бодрымъ, какъ-будто онъ сейчасъ проснулся. Онъ все замѣчалъ и, пропустивъ впередъ стариковъ, вернулся въ хату: Марьяна укладывалась спать. Онъ подошелъ къ ней, хотѣлъ ей сказать что-то, но голосъ оборвался у него. Она сѣла на постель, подобрала подъ себя ноги, отодвинулась отъ него въ самый уголъ и молча, испуганнымъ, дикимъ взглядомъ, смотрѣла на него. Она видимо боялась его. Оленинъ чувствовалъ это. Ему стало жалко и совѣстно за себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ гордое удовольствіе, что возбуждаетъ въ ней хоть это чувство.

— Марьяна!—сказалъ онъ:—неужели ты никогда не сжалишься надо мной? Я не знаю, какъ я люблю тебя.

Она отодвинулась еще дальше.

— Вишь вино-то что говоритъ... Ничего тебѣ не будетъ!

— Нѣтъ не вино. Не выходи за Лукашку. Я женюсь на тебѣ. „Что же это я говорю?—подумалъ онъ въ то самое время, какъ выговаривалъ эти слова. Скажу ли я то же завтра?—Скажу, навѣрно скажу и теперь повторю!“ отвѣтилъ ему внутренній голосъ.

— Пойдешь за меня?

Она серьёзно посмотрѣла на него, и испугъ ея какъ будто прошелъ.

— Марьяна! я съ ума сойду. Я не свой. Что ты велишь,

то и сдѣлаю, — и безумно-нѣжныя слова говорились сами собой.

— Ну, что брешешь!—прервала она его, вдругъ схвативъ за руку, которую онъ протягивалъ къ ней. Но она не отталкивала его руки, а крѣпко сжала ее своими сильными, жесткими пальцами.—Развѣ господа на мамукахъ женятся? Иди!

— Да пойдешь ли? Я все...

— А Лукашку куда дѣнемъ?—сказала она смѣясь.

Онъ вырвалъ у нея руку, которую она держала, и сильно обнялъ ея молодое тѣло. Но она, какъ лань, вскочила, спрыгнула босыми ногами и выбѣжала на крыльцо. Оленинъ опомнился и ужаснулся на себя. Онъ опять показался самъ себѣ невыразимо гадокъ въ сравненіи съ нею. Но, ни минуты не раскаиваясь въ томъ, что̀ онъ сказалъ, онъ пошелъ домой и, не взглянувъ на пившихъ у него стариковъ, легъ и заснулъ такимъ крѣпкимъ сномъ, какимъ давно не спалъ.

XXXV.

На другой день былъ праздникъ. Вечеромъ весь народъ, блестя на заходящемъ солнцѣ праздничнымъ нарядомъ, былъ на улицѣ. Вина было нажато больше обыкновеннаго. Народъ освободился отъ трудовъ. Казаки черезъ мѣсяцъ сбирались въ походъ, и во многихъ семействахъ готовились свадьбы.

На площади, передъ станичнымъ правленіемъ и около двухъ лавочекъ,—одной съ закусками и сѣмечками, другой съ платками и ситцами,—больше всего стояло народа. На завалинкѣ дома правленія сидѣли и стояли старики, въ сѣрыхъ и черныхъ степенныхъ зипунахъ, безъ галуновъ и украшеній. Старики спокойно, мѣрными голосами, бесѣдовали между

собой объ урожаяхъ и молодыхъ ребятахъ, объ общественныхъ дѣлахъ и о старинѣ, величаво и равнодушно поглядывая на молодое поколѣніе. Проходя мимо ихъ, бабы и дѣвки пріостанавливались и опускали головы. Молодые казаки почтительно уменьшали шагъ и, снимая папахи, держали ихъ нѣкоторое время предъ головою. Старики замолкали. Кто строго, кто ласково, осматривали они проходящихъ, медленно снимали и снова надѣвали папахи.

Казачки еще не начинали водить хороводы, а собравшись кружками въ яркоцвѣтныхъ бешметахъ и бѣлыхъ платкахъ, обвязывающихъ голову и глаза, сидѣли на землѣ и завалинкахъ хатъ, въ тѣни отъ косыхъ лучей солнца, и звонко болтали и смѣялись. Мальчишки и дѣвчонки играли въ лапту, зажигая мячъ высоко въ ясное небо, и съ крикомъ и пискомъ бѣгали по площади. Дѣвочки-подростки на другомъ углѣ площади уже водили хороводы и тоненькими, несмѣлыми голосами пищали пѣсню. Писаря, льготные и вернувшіеся на праздникъ молодые ребята, въ нарядныхъ бѣлыхъ и новыхъ красныхъ черкескахъ, обшитыхъ галунами, съ праздничными, веселыми лицами, по двое, по трое, взявшись рука съ рукой, ходили отъ одного кружка бабъ и дѣвокъ къ другому и, останавливаясь, шутили и заигрывали съ казачками. Армянинъ-лавочникъ, въ синей черкескѣ тонкаго сукна съ галунами, стоялъ у отворенной двери, въ которую виднѣлись ярусы свернутыхъ цвѣтныхъ платковъ, и, съ гордостью восточнаго торговца и сознаніемъ своей важности, ожидалъ покупателей. Два краснобородые, босые чеченца, пришедшіе изъ-за Терека полюбоваться на праздникъ, сидѣли на корточкахъ у дома своего знакомца и, небрежно покуривая изъ маленькихъ трубочекъ и поплёвывая, перекиды-

вались, глядя на народъ, быстрыми гортанными звуками. Изрѣдка непраздничный солдатъ, въ старой шинели, торопливо проходилъ между пестрыми группами по площади. Коегдѣ уже слышались пьяныя пѣсни загулявшихъ казаковъ. Всѣ хаты были заперты, крылечки съ вечера вымыты. Даже старухи были на улицѣ. По сухимъ улицамъ, вездѣ, въ пыли, подъ ногами, валялась щелуха арбузныхъ и тыквенныхъ сѣмечекъ. Въ воздухѣ было тепло и неподвижно, въ ясномъ небѣ голубо и прозрачно. Бѣло-матовый хребетъ горъ, виднѣвшійся изъ-за крышъ, казался близокъ и розовѣлъ въ лучахъ заходящаго солнца. Изрѣдка, съ зарѣчной стороны, доносился дальній гулъ пушечнаго выстрѣла. Но надъ станицей, сливаясь, носились разнообразные веселые, праздничные звуки.

Оленинъ все утро ходилъ по двору, ожидая увидать Марьяну. Но она, убравшись, пошла къ обѣднѣ въ часовню; потомъ то сидѣла на завалинкѣ съ дѣвками, щелкая сѣмя, то съ товарками же забѣгала домой, и весело, ласково взглядывала на постояльца. Оленинъ боялся заговаривать съ ней шутливо и при другихъ. Онъ хотѣлъ договорить ей вчерашнее и добиться отъ нея рѣшительнаго отвѣта. Онъ ждалъ опять такой же минуты, какъ вчера вечеромъ; но минута не приходила, а оставаться въ такомъ нерѣшительномъ положеніи онъ не чувствовалъ въ себѣ болѣе силы. Она вышла опять на улицу и, немного погодя, самъ не зная куда, пошелъ и онъ за нею. Онъ миновалъ уголъ, гдѣ она сидѣла, блестя своимъ атласнымъ голубымъ бешметомъ, и съ болью сердца услыхалъ за собою дѣвичій хохотъ.

Хата Бѣлецкаго была на площади. Оленинъ, проходя мимо ея, услыхалъ голосъ Бѣлецкаго: „Заходите!“—и зашелъ.

Поговоривъ, они оба сѣли къ окну. Скоро къ нимъ присоединился Ерошка, въ новомъ бешметѣ, и усѣлся подлѣ нихъ на полъ.

— Вотъ это аристократическая кучка,—говорилъ Бѣлецкій, указывая папироской на пеструю группу на углу и улыбаясь.—И моя тамъ, видите, въ красномъ. Это обновка.—Что же хороводы не начинаются?—прокричалъ Бѣлецкій, выглядывая изъ окна.—Вотъ погодите, какъ смеркнется, и мы пойдемъ. Потомъ позовемъ ихъ къ Устенькѣ; надо имъ балъ задать.

— И я приду къ Устенькѣ,—сказалъ Оленинъ рѣшительно.—Марьяна будетъ?

— Будетъ, приходите,—сказалъ Бѣлецкій, нисколько не удивляясь.—А вѣдь очень красиво?—прибавилъ онъ, указывая на пестрыя толпы.

— Да, очень!—поддакнулъ Оленинъ, стараясь казаться равнодушнымъ.—На такихъ праздникахъ,—прибавилъ онъ,—меня всегда удивляетъ, отчего такъ, вслѣдствіе того, что нынче, напримѣръ, пятнадцатое число, вдругъ всѣ люди стали довольны и веселы? На всемъ виденъ праздникъ. И глаза, и лица, и голоса, и движенія, и одежда, и воздухъ, и солнце—все праздничное. А у насъ уже нѣтъ праздниковъ!

— Да,—сказалъ Бѣлецкій, не любившій такихъ разсужденій.—А ты что не пьешь, старикъ?—обратился онъ къ Ерошкѣ.

Ерошка мигнулъ Оленину на Бѣлецкаго.

— Да что, онъ гордый, кунакъ-то твой!

Бѣлецкій поднялъ стаканъ.

— *Алла бирды!*—сказалъ онъ и выпилъ. (*Алла бирды*, значитъ: Богъ далъ; это обыкновенное привѣтствіе, употребляемое кавказцами, когда пьютъ вмѣстѣ.)

— *Сау булъ* (будь здоровъ)!—сказалъ Ерошка, улыбаясь, и выпилъ свой стаканъ.—Ты говоришь праздникъ!—сказалъ онъ Оленину, поднимаясь и глядя въ окно.—Это что за праздникъ! Ты бы посмотрѣлъ, какъ встарину гуляли! Бабы выйдутъ, бывало, одѣнутся въ сарафаны, галунами обшиты. Грудь всю золотыми въ два ряда обвѣшаютъ. На головѣ кокошники золотые носили. Какъ пройдетъ, такъ фр! фр!... шумъ подымется. Каждая баба какъ княгиня была. Бывало выйдутъ, табунъ цѣлый, заиграютъ пѣсни, такъ стонъ стоитъ; всю ночь гуляютъ. А казаки бочки выкатятъ на дворъ, засядутъ, всю ночь, до разсвѣта пьютъ. А то схватятся рукой съ рукой, пойдутъ по станицѣ лавой. Кого встрѣтятъ, съ собой забираютъ, да отъ одного къ другому и ходятъ. Другой разъ три дня гуляютъ. Батюшка бывало придетъ,—еще я помню, красный, распухнетъ весь, безъ шапки, все растеряетъ, придетъ и ляжетъ. Матушка ужъ знаетъ бывало: свѣжей икры и чихирю ему принесетъ опохмѣлиться, а сама бѣжитъ по станицѣ шапку его искать. Такъ двое сутокъ спитъ. Вотъ какіе люди были, а нынче что̀!

— Ну, а дѣвки-то въ сарафанахъ какъ же? Однѣ гуляли?—спросилъ Бѣлецкій.

— Да, однѣ. Придутъ бывало казаки, или верхомъ сядутъ, скажутъ: пойдемъ хороводы разбивать!—и поѣдутъ, а дѣвки дубье возьмутъ. На масляницѣ, бывало, какъ разлетится какой молодецъ, а онѣ бьютъ, лошадь бьютъ, его бьютъ. Прорветъ стѣну, подхватитъ какую любитъ и увезетъ. Матушка, душенька!...—ужъ какъ хочетъ любитъ. Да и дѣвки-жъ были, королевны!

XXXVI.

Въ это время изъ боковой улицы выѣхали на площадь два всадника. Одинъ изъ нихъ былъ Назарка, другой Лукашка. Лукашка сидѣлъ нѣсколько бокомъ на своемъ сытомъ гнѣдомъ кабардинцѣ, легко ступавшемъ по жесткой дорогѣ и подкидывавшемъ красивою головой съ глянцевитою тонкою холкой. Ловко прилаженное ружье въ чехлѣ, пистолетъ за спиной и свернутая за сѣдломъ бурка доказывали, что Лукашка ѣхалъ не изъ мирнаго и ближняго мѣста. Въ его боковой щегольской посадкѣ, въ небрежномъ движеніи руки, похлопывавшей чуть слышно плетью подъ брюхо лошади, и особенно въ его блестящихъ черныхъ глазахъ, смотрѣвшихъ, гордо прищуриваясь, вокругъ, выражались сознаніе силы и самонадѣянность молодости. Видали молодца?—казалось говорили его глаза, поглядывая по сторонамъ. Статная лошадь съ серебрянымъ наборомъ, сбруя и оружіе и самъ красивый казакъ—обратили на себя вниманіе всего народа, бывшаго на площади. Назарка, худощавый и малорослый, былъ одѣтъ гораздо хуже Лукашки. Проѣзжая мимо стариковъ, Лукашка пріостановился и приподнялъ бѣлую курчавую папаху надъ стриженою черною головой.

— Что̀, много ль ногайскихъ коней угналъ?—сказалъ худенькій старичокъ съ нахмуреннымъ, мрачнымъ взглядомъ.

— А ты небось считалъ, дѣдука, что спрашиваешь?—отвѣчалъ Лукашка, отворачиваясь.

— То-то, парня-то съ собой напрасно водишь,—проговорилъ старикъ еще мрачнѣе.

— Вишь, чортъ, все знаетъ!—проговорилъ про себя Лу-

кашка, и лицо его приняло озабоченное выраженіе; но взглянувъ на уголъ, гдѣ стояло много казачекъ, онъ повернулъ къ нимъ лошадь.

— Здорово дневали, дѣвки!—крикнулъ онъ сильнымъ заливистымъ голосомъ, вдругъ останавливая лошадь.—Состарѣлись безъ меня, вѣдьмы!—И онъ засмѣялся.

— Здорово, Лукашка, здорово, батяка!—послышались веселые голоса.—Денегъ много привезъ?... Закусокъ купи дѣвкамъ-то!... Надолго пріѣхалъ?... И то давно не видали.

— Съ Назаркой на ночку погулять прилетѣли,—отвѣчалъ Лукашка, замахиваясь плетью на лошадь и наѣзжая на дѣвокъ.

— И то Марьянка ужъ забыла тебя совсѣмъ,—пропищала Устенька, толкая локтемъ Марьяну и заливаясь тонкимъ смѣхомъ.

Марьяна отодвинулась отъ лошади и, закинувъ назадъ голову, блестящими большими глазами спокойно взглянула на казака.

— И то давно не бывалъ! Что лошадью топчешь-то?—сказала она сухо и отвернулась.

Лукашка казался особенно веселъ. Лицо его сіяло удалью и радостью. Холодный отвѣтъ Марьяны видимо поразилъ его. Онъ вдругъ нахмурилъ брови.

— Становись въ стремя, въ горы увезу, мамочка!—вдругъ крикнулъ онъ, какъ бы разгоняя дурныя мысли и джигитуя между дѣвокъ. Онъ нагнулся къ Марьянѣ.—Поцѣлую, ужъ такъ поцѣлую, что ну!...

Марьяна встрѣтилась съ нимъ глазами и вдругъ покраснѣла. Она отступила.

— Ну, тебя совсѣмъ! Ноги отдавишь,—сказала она и, опу-

стивъ голову, посмотрѣла на свои стройныя ноги, обтянутыя голубыми чулками со стрѣлками, въ красныхъ, новыхъ чувякахъ, обшитыхъ узенькимъ серебрянымъ галуномъ.

Лукашка обратился къ Устенькѣ, а Марьяна сѣла рядомъ съ казачкой, державшею на рукахъ ребенка. Ребенокъ потянулся къ дѣвкѣ и пухленькою ручонкой ухватился за нитку монистовъ, висѣвшихъ на ея голубомъ бешметѣ. Марьяна нагнулась къ нему и искоса поглядѣла на Лукашку. Лукашка въ это время доставалъ изъ-подъ черкески, изъ кармана чернаго бешмета, узелокъ съ закусками и сѣмечками.

— На всѣхъ жертвую,—сказалъ онъ, передавая узелокъ Устенькѣ, и съ улыбкой глянулъ на Марьянку.

Снова замѣшательство выразилось на лицѣ дѣвки. Прекрасные глаза подернулись какъ туманомъ. Она спустила платокъ ниже губъ и вдругъ, припавъ головой къ бѣлому личику ребенка, державшаго ее за монисты, начала жадно цѣловать его. Ребенокъ упирался ручонками въ высокую грудь дѣвки и кричалъ, открывая беззубый ротикъ.

— Что душишь парнишку-то?—сказала мать ребенка, отнимая его у ней и разстегивая бешметъ, чтобы дать ему груди.—Лучше бы съ парнемъ здоровкалась.

— Только коня уберу, придемъ съ Назаркой, цѣлую ночь гулять будемъ,—сказалъ Лукашка, хлопнувъ плетью лошадь, и поѣхалъ прочь отъ дѣвокъ.

Свернувъ въ боковую улицу, съ Назаркой вмѣстѣ, они подъѣхали къ двумъ стоявшимъ рядомъ хатамъ.

— Дорвались, братъ! Скорѣй приходи!—крикнулъ Лукашка товарищу, слѣзая у сосѣдняго двора и осторожно проводя коня въ плетеныя ворота своего двора.—Здорово, Степка!—обратится онъ къ нѣмой, которая, тоже празднично разря-

женная, шла съ улицы, чтобы принять коня. И онъ знаками показалъ ей, чтобъ она поставила коня къ сѣну и не разсѣдлывала его.

Нѣмая загудѣла, зачмокала, указывая на коня, и поцѣловала его въ носъ. Это значило, что она любитъ коня и что конь хорошъ.

— Здорово, матушка! Что, аль на улицу еще не выходила?—прокричалъ Лукашка, поддерживая ружье и поднимаясь на крыльцо.

Старуха-мать отворила ему дверь.

— Вотъ не ждала, не гадала!—сказала старуха.—А Кирка сказывалъ, ты не будешь.

— Принеси чихирьку, поди матушка. Ко мнѣ Назарка придетъ, *праздникъ помолимъ*.

— Сейчасъ, Лукаша, сейчасъ! — отвѣчала старуха. — Бабы-то наши гуляютъ. Я чай и наша нѣмая ушла.

И захвативъ ключи, она торопливо пошла въ *избушку*.

Назарка, убравъ своего коня и снявъ ружье, вошелъ къ Лукашкѣ.

XXXVII.

— Будь здоровъ,—говорилъ Лукашка, принимая отъ матери полную чашку чихиря и осторожно поднося ее къ пагнутой головѣ.

— Вишь дѣло-то! — сказалъ Назарка. —Дѣдука Бурлакъ что сказалъ: „много ли коней укралъ?" Видно знаетъ.

— Колдунъ!—коротко отвѣчалъ Лукашка.—Да это что!—прибавилъ онъ, встряхнувъ головой:—ужъ они за рѣкой. Ищи!

— Все не ладно.

— А что̀ не ладно?... Снеси чихирю ему завтра. Такъ-то дѣлать надо, и ничего не будетъ. Теперь гулять. Пей!—крикнулъ Лукашка тѣмъ самымъ голосомъ, какимъ старикъ Ерошка произносилъ это слово.—На улицу гулять пойдемъ, къ дѣвкамъ. Ты сходи меду возьми, или я нѣмую пошлю. До утра гулять будемъ.

Назарка улыбался.

— Что-жъ, долго побудемъ?—сказалъ онъ.

— Дай погуляемъ. Бѣги за водкой! На̀ деньги!

Назарка послушно побѣжалъ къ Ямкѣ.

Дядя Ерошка и Ергушовъ, какъ хищныя птицы, пронюхавъ, гдѣ гулянье, оба пьяные, одинъ за другимъ ввалились въ хату.

— Давай еще полведра! — крикнулъ Лукашка матери въ отвѣтъ на ихъ здоровканье.

— Ну, сказывай, чортъ, гдѣ укралъ? — прокричалъ дядя Ерошка.—Молодецъ! Люблю!

— То-то люблю...—отвѣчалъ смѣясь Лукашка.—Дѣвкамъ закуски отъ юнкирей носишь. Эхъ, старый!...

— Неправда, вотъ и неправда!... Эхъ, Марка!—Старикъ расхохотался.—Ужъ какъ просилъ меня чортъ энтотъ! Поди, говоритъ, похлопочи. Флинту давалъ. Нѣтъ, Богъ съ нимъ! Я бы обдѣлалъ, да тебя жалѣю. Ну, сказывай, гдѣ былъ?—И старикъ заговорилъ по-татарски.

Лукашка бойко отвѣчалъ ему.

Ергушовъ, плохо знавшій по-татарски, лишь изрѣдка вставлялъ русскія слова.

— Я говорю, коней угналъ. Я твердо знаю,—поддакивалъ онъ.

— Поѣхали мы съ Гирейкой,—разсказывалъ Лукашка. (Что

онъ Гирей-хана называлъ Гирейкой, въ томъ было замѣтное для казаковъ молодечество.)... За рѣкой все храбрился, что онъ всю степь знаетъ, прямо приведетъ, а выѣхали, ночь темная,—спутался мой Гирейка, сталъ елозить, а все толку нѣтъ. Не найдетъ аула, да и шабашъ. Правѣй мы видно взяли. Почитай до полуночи искали. Ужъ спасибо собаки завыли.

— Дураки!—сказалъ дядя Ерошка.—Такъ-то мы, бывало, спутаемся ночью въ степи,—чортъ ихъ разберетъ! Выѣду, бывало, на бугоръ, завою по-бирючиному, вотъ такъ-то! (Онъ сложилъ руки у рта и завылъ, будто стадо волковъ, въ одну ноту.)... Какъ разъ собаки откликнутся. Ну, досказывай. Ну, что-жъ, нашли?

— Живо обработали! Назарку было поймали нагайки-бабы, пра!

— Да, поймали,—обиженно сказалъ вернувшійся Назарка.

— Выѣхали, опять Гирейка спутался, вовсе было завелъ въ буруны. Такъ вотъ все кажетъ, что къ Тереку, а вовсе прочь ѣдемъ.

— А ты по звѣздамъ бы смотрѣлъ,—сказалъ дядя Ерошка.

— И я говорю,—подхватилъ Ергушовъ.

— Да, смотри тутъ, какъ темно все. Ужъ я бился, бился... Поймалъ кобылу одну, оброталъ, а своего коня пустилъ: думаю, выведетъ. Такъ что же ты думаешь? Какъ фыркнетъ, фыркнетъ, да носомъ по земи... Выскакалъ впередъ, такъ прямо въ станицу и вывелъ. И то спасибо. Ужъ свѣтло вовсе стало, только успѣли въ лѣсу коней схоронить. Нагимъ изъ-за рѣки пріѣхалъ, взялъ.

Ергушовъ покачалъ головой.

— Я и говорю: ловко! А много-ль?

— Всѣ тутъ!—сказалъ Лукашка, хлопая по карману.

Старуха въ это время вошла въ избу. Лукашка не договорилъ.

— Пей!—прокричалъ онъ.

— Такъ-то мы, съ Гирчикомъ, разъ поздно поѣхали...—началъ Ерошка.

— Ну, тебя не переслушаешь!—сказалъ Лукашка.—А я пойду.—И, допивъ вино изъ чапурки и затянувъ туже ремень пояса, Лукашка вышелъ на улицу...

XXXVIII.

Ужъ было темно, когда Лукашка вышелъ на улицу. Осенняя ночь была свѣжа и безвѣтренна. Полный золотой мѣсяцъ выплывалъ изъ-за черныхъ райнъ, поднимавшихся на одной сторонѣ площади. Изъ трубъ *избушекъ* шелъ дымъ и, сливаясь съ туманомъ, стлался надъ станицею. Въ окнахъ кое-гдѣ свѣтились огни. Запахъ кизяка, чапры и тумана былъ разлитъ въ воздухѣ. Говоръ, смѣхъ, пѣсни и щелканье сѣмечекъ звучали такъ же смѣшанно, но отчетливѣе, чѣмъ днемъ. Бѣлые платки и папахи кучками виднѣлись въ темнотѣ около заборовъ и домовъ.

На площади, противъ отворенной и освѣщенной двери лавки, чернѣется и бѣлѣется толпа казаковъ и дѣвокъ, и слышатся громкія пѣсни, смѣхъ и говоръ. Схватившись рука съ рукой, дѣвки кружатся, плавно выступая на пыльной площади. Худощавая и самая некрасивая изъ дѣвокъ запѣваетъ:

Изъ-за лѣсику лѣсу темнаго,
Ай да люли!
Изъ за садику саду зеленаго
Вотъ и шли-прошли два молодца,

Два молодца, да оба холосты.
Они шли-пошли, да становилися.
Они становилися, разбранилися.
Выходила къ нимъ красна дѣвица,
Выходила къ нимъ, говорила имъ:
Вотъ кому-нибудь изъ васъ достануся.
Доставалася да парню бѣлому,
Парню бѣлому, бѣлокурому.
Онъ бере-беретъ за праву руку,
Онъ веде-ведетъ да вдоль по кругу,
Всѣмъ товарищамъ порасхвастался:
Какова, братцы, хозяюшка!

Старухи стоятъ около, прислушиваясь къ пѣснямъ. Мальчишки и дѣвчонки бѣгаютъ кругомъ въ темнотѣ, догоняя другъ друга. Казаки стоятъ кругомъ, затрогивая проходящихъ дѣвокъ, изрѣдка разрывая хороводъ и входя въ него. По темную сторону двери лавки стоятъ Бѣлецкій и Оленинъ въ черкескахъ и папахахъ, и не казачьимъ говоромъ, не громко, но слышно разговариваютъ между собой, чувствуя, что обращаютъ на себя вниманіе. Рядомъ въ хороводѣ ходятъ толстенькая Устенька, въ красномъ бешметѣ, и величавая фигура Марьяны, въ новой рубахѣ и бешметѣ. Оленинъ съ Бѣлецкимъ разговаривали о томъ, какъ бы имъ отбить отъ хоровода Марьянку съ Устенькой. Бѣлецкій думалъ, что Оленинъ хотѣлъ только повеселиться, а Оленинъ ждалъ рѣшенія своей участи. Онъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ нынче же видѣть Марьяну одну, сказать ей все и спросить ее, можетъ ли и хочетъ ли она быть его женою. Несмотря на то, что вопросъ этотъ давно былъ рѣшенъ для него отрицательно, онъ надѣялся, что будетъ въ силахъ разсказать ей все, что̀ чувствуетъ, и что она пойметъ его.

— Что вы мнѣ раньше не сказали?—говорилъ Бѣлецкій:— я бы вамъ устроилъ черезъ Устеньку. Вы такой странный!...

— Что дѣлать!... Когда-нибудь, очень скоро, я вамъ все скажу. Теперь только, ради Бога, устройте, чтобъ она пришла къ Устенькѣ.

— Хорошо. Это легко... Что же, ты парню бѣлому достанешься, Марьянка, а? а не Лукашкѣ?—сказалъ Бѣлецкій, для приличія обращаясь сначала къ Марьянкѣ, и, не дождавшись отвѣта, онъ подошелъ къ Устенькѣ и началъ просить ее привесть съ собою Марьяну. Не успѣлъ онъ договорить, какъ запѣвала заиграла другую пѣсню, и дѣвки потянули другъ дружку. Онѣ пѣли:

Какъ за садомъ, за садомъ,
Ходилъ, гулялъ молодецъ
Вдоль улицы въ конецъ.
Онъ во первый разъ иде,
Машетъ правою рукой,
Во другой онъ разъ иде,
Машетъ шляпой пуховой,
А во третій разъ иде,
Останавливается,—
Останавливается, переправливается.
„Я хотѣлъ къ тебѣ пойти,
Тебѣ милой попенять:
Отчего же, моя милая,
Ты не идешь въ садъ гулять?
Али ты, моя милая,
Мною чванишься?
Опосля, моя милая,
Успокоишься.
Зашлю сватать, буду сватать,
Беру замужъ за себя,
Будешь плакать отъ меня“.

Ужъ я знала, что сказать,
И не смѣла отвѣчать,—
Я не смѣла отвѣчать,
Выходила въ садъ гулять.
Прихожу я въ зеленъ садъ,
Дружку кланялась.
А я, дѣвица, поклонъ
И платочекъ изъ рукъ вонъ.
„Изволь, милая, принять,
Во бѣлыя руки взять.
Во бѣлы руки бери,
Меня дѣвица люби.
Я не знаю, какъ мнѣ быть,
Чѣмъ мнѣ милую дарить...
Подарю своей милой
Большой шалевой платокъ,
Я за этотъ за платокъ
Поцѣлую разъ пятокъ".

Лукашка съ Назаркой, разорвавъ хороводъ, пошли ходить между дѣвками. Лукашка подтягивалъ рѣзкимъ подголоскомъ и, размахивая руками, ходилъ по серединѣ хоровода. „Что же, выходи какая!"—проговорилъ онъ. Дѣвки толкали Марьянку; она не хотѣла выйти. Изъ-за пѣсни слышался тонкій смѣхъ, удары, поцѣлуи, шепотъ.

Проходя мимо Оленина, Лукашка ласково кивнулъ ему головой.

— Митрій Андреичъ! И ты пришелъ посмотрѣть?—сказалъ онъ.

— Да,—рѣшительно и сухо отвѣчалъ Оленинъ.

Бѣлецкій наклонился на ухо Устенькѣ и сказалъ ей что-то. Она хотѣла отвѣтить, но не успѣла, а проходя во второй разъ, сказала:

— Хорошо, придемъ.

— И Марьяна тоже?

Оленинъ нагнулся къ Марьянѣ.

— Придешь? Пожалуйста, хоть на минуту,—мнѣ нужно поговорить съ тобой.

— Дѣвки придутъ, и я приду.

— Скажешь мнѣ, что я просилъ?—спросилъ онъ опять, нагибаясь къ ней.—Ты нынче весела.

Она ужъ уходила отъ него. Онъ пошелъ за ней.

— Скажешь?

— Чего сказать?

— Что я третьяго дня спрашивалъ,—сказалъ Оленинъ, нагибаясь къ ея уху.—Пойдешь за меня?

Марьяна подумала.

— Скажу,—отвѣчала она,—нынче скажу.

И въ темнотѣ глаза ея весело и ласково блеснули на молодаго человѣка.

Онъ все шелъ за ней. Ему радостно было наклоняться къ ней поближе.

Но Лукашка, продолжая пѣть, дернулъ ее сильно за руку и вырвалъ изъ хоровода на середину. Оленинъ, успѣвъ только проговорить: „приходи же къ Устенькѣ", отошелъ къ своему товарищу. Пѣсня кончилась. Лукашка обтеръ губы, Марьянка тоже, и они поцѣловались. „Нѣтъ, разъ пятокъ!" говорилъ Лукашка. Говоръ, смѣхъ, бѣготня замѣнили плавное движеніе и плавные звуки. Лукашка, который казался уже сильно выпивши, сталъ одѣлять дѣвокъ *закусками*.

— На всѣхъ жертвую!—говорилъ онъ съ гордымъ, комически-трогательнымъ самодовольствомъ.—А кто къ солдатамъ гулять, выходи изъ хоровода вонъ!—прибавилъ онъ вдругъ, злобно глянувъ на Оленина.

Дѣвки хватали у него закуски и, смѣясь, отбивали другъ у друга. Бѣлецкій и Оленинъ отошли къ сторонѣ.

Лукашка, какъ бы стыдясь своей щедрости, снявъ папаху и отирая лобъ рукавомъ, подошелъ къ Марьянкѣ и Устенькѣ.

— *Али ты, моя милая, мною чванишься?*—повторилъ онъ слова пѣсни, которую только-что пѣли, и, обращаясь къ Марьяннкѣ:—*мною чванишься?*—еще повторилъ онъ сердито.—*Пойдешь замужъ, будешь плакать отъ меня*,—прибавилъ онъ, обнимая вмѣстѣ Устеньку и Марьянку.

Устенька вырвалась и, размахнувшись, ударила его по спинѣ такъ, что руку себѣ ушибла.

— Что-жъ, станете еще водить?—спросилъ онъ.

— Какъ дѣвки хотятъ,—отвѣчала Устенька,—а я домой пойду, и Марьянка хотѣла къ намъ придти.

Казакъ, продолжая обнимать Марьяну, отвелъ ее отъ толпы къ темному углу дома.

— Не ходи, Машенька,—сказалъ онъ,—послѣдній разъ погуляемъ. Иди домой, я къ тебѣ приду.

— Чего мнѣ дома дѣлать? На то праздникъ, чтобы гулять. Къ Устенькѣ пойду,—сказала Марьяна.

— Вѣдь все равно женюсь.

— Ладно,—сказала Марьяна,—тамъ видно будетъ.

— Что-жъ, пойдешь?—строго сказалъ Лукашка и, прижавъ ее къ себѣ, поцѣловалъ въ щеку.

— Ну, брось! Что присталъ?—И Марьяна, вырвавшись, отошла отъ него.

— Эхъ, дѣвка, худо будетъ!—укоризненно сказалъ Лукашка, остановившись и качая головой.—*Будешь плакать отъ меня*...—и, отвернувшись отъ нея, крикнулъ на дѣвокъ:—Играй, что-ль!

Марьянку какъ будто испугало и разсердило то, что онъ сказалъ. Она остановилась.

— Что худо будетъ?

— А то.

— А что?

— А то, что съ постояльцемъ-солдатомъ гуляешь, за то и меня разлюбила.

— Захотѣла—разлюбила. Ты мнѣ не отецъ, не мать. Чего хочешь? Кого захочу, того и люблю.

— Такъ, такъ...—сказалъ Лукашка:—помни-жъ!—Онъ подошелъ къ лавкѣ.—Дѣвки!—крикнулъ онъ,—что стали? Еще хороводъ играйте! Назарка, бѣги, чихиря неси!

— Что-жъ, придутъ онѣ?—спрашивалъ Оленинъ у Бѣлецкаго.

— Сейчасъ придутъ,—отвѣчалъ Бѣлецкій.—Пойдемте, надо приготовить балъ.

XXXIX.

Уже поздно ночью Оленинъ вышелъ изъ хаты Бѣлецкаго вслѣдъ за Марьяной и Устенькой. Бѣлый платокъ дѣвки бѣлѣлся въ темной улицѣ. Мѣсяцъ, золотясь, спускался къ степи. Серебристый туманъ стоялъ надъ станицей. Все было тихо, огней нигдѣ не было, только слышались шаги удалявщихся женщинъ. Сердце Оленина билось сильно. Разгорѣвшееся лицо освѣжалось на сыромъ воздухѣ. Онъ взглянулъ на небо, оглянулся на хату, изъ которой вышелъ; въ ней потухла свѣча, и онъ снова сталъ всматриваться въ удалявшуюся тѣнь женщинъ. Бѣлый платокъ скрылся въ туманѣ. Ему было страшно оставаться одному,—онъ такъ былъ счастливъ. Онъ соскочилъ съ крыльца и побѣжалъ за дѣвками.

— Ну, тебя! Увидитъ кто...—сказала Устенька.

— Ничего!

Оленинъ подбѣжалъ къ Марьянѣ и обнялъ ее.

Марьяна не отбивалась.

— Не нацѣловались!—сказала Устенька.— Женишься, тогда цѣлуй, а теперь погоди.

— Прощай, Марьяна, завтра я приду къ твоему отцу, самъ скажу. Ты не говори.

— Что мнѣ говорить!—отвѣчала Марьяна.

Обѣ дѣвки побѣжали. Оленинъ пошелъ одинъ, вспоминая все, что было. Онъ цѣлый вечеръ провелъ съ ней вдвоемъ въ углу, около печки. Устенька ни на минуту не выходила изъ хаты и возилась съ другими дѣвками и Бѣлецкимъ. Оленинъ шепотомъ говорилъ съ Марьянкой.

— Пойдешь за меня?—спрашивалъ онъ ее.

— Обманешь, не возьмешь,—отвѣчала она весело и спокойно.

— А любишь ли ты меня, скажи ради Бога?

— Отчего же тебя не любить, ты не кривой!—отвѣчала Марьяна, смѣясь и сжимая въ своихъ жесткихъ рукахъ его руки. — Какія у тебя руки бѣ-лыя, бѣ-лыя, мягкія, какъ каймакъ,—сказала она.

— Я не шучу. Ты скажи, пойдешь ли?

— Отчего не пойти, коли батюшка отдастъ?

— Помни-жъ, я съ ума сойду, ежели ты меня обманешь. Завтра я скажу твоей матери и отцу, сватать приду.

Марьяна вдругъ расхохоталась.

— Что ты?

— Такъ, смѣшно.

— Вѣрно! Я куплю садъ, домъ, запишусь въ казаки...

— Смотри, тогда другихъ бабъ не люби. Я на это сердитая.

Оленинъ съ наслажденіемъ повторялъ въ воображеніи всѣ эти слова. При этихъ воспоминаніяхъ то становилось ему больно, то духъ захватывало отъ счастія. Больно ему было, потому что она все такъ же была спокойна, говоря съ нимъ, какъ и всегда. Ее нисколько, казалось, не волновало это новое положеніе. Она какъ будто не вѣрила ему и не думала о будущемъ. Ему казалось, что она его любила только въ минуту настоящаго и что будущаго для нея не было съ нимъ. Счастливъ же онъ былъ потому, что всѣ ея слова казались ему правдой и она соглашалась принадлежать ему. „Да,—говорилъ онъ самъ себѣ,—только тогда мы поймемъ другъ друга, когда она вся будетъ моею. Для такой любви нѣтъ словъ, а нужна жизнь, цѣлая жизнь. Завтра все объяснится. Я не могу такъ жить больше, завтра я все скажу ея отцу, Бѣлецкому, всей станицѣ...

Лукашка послѣ двухъ безсонныхъ ночей такъ много выпилъ на праздникѣ, что свалился въ первый разъ съ ногъ, и спалъ у Ямки.

XL.

На другой день Оленинъ проснулся раньше обыкновеннаго, и въ первое мгновеніе пробужденія ему пришла мысль о томъ, что̀ предстоитъ ему, и онъ съ радостью вспомнилъ ея поцѣлуи, пожатіе жесткихъ рукъ и ея слова: „какія у тебя руки бѣлыя!“ Онъ вскочилъ и хотѣлъ тотчасъ же идти къ хозяевамъ и просить руки Марьяны. Солнце еще не вставало, и Оленину показалось, что на улицѣ было необыкновенное волненіе: ходили, верхомъ ѣздили и говорили. Онъ накинулъ на себя черкеску и выскочилъ на крыльцо. Хозяева еще не вставали. Пять человѣкъ казаковъ ѣхали вер-

хомъ и о чемъ-то шумно разговаривали. Впереди всѣхъ, на своемъ широкомъ кабардинцѣ, ѣхалъ Лукашка. Казаки всѣ говорили, кричали: ничего хорошенько разобрать было нельзя.

— Къ верхнему посту выѣзжай!—кричалъ одинъ.

— Сѣдлай и догоняй живѣе!—говорилъ другой.

— Съ тѣхъ воротъ ближе выѣзжать.

— Толкуй тутъ!—кричалъ Лукашка:—въ среднія ворота ѣхать надо.

— И то оттуда ближе,—говорилъ одинъ изъ казаковъ, запыленный и на потной лошади. Лице у Лукашки было красное, опухшее отъ вчерашней попойки; папаха была сдвинута на затылокъ. Онъ кричалъ повелительно, будто былъ начальникъ.

— Что такое? Куда?—спросилъ Оленинъ, съ трудомъ обращая на себя вниманіе казаковъ.

— Абрековъ ловить ѣдемъ, засѣли въ бурунахъ. Сейчасъ ѣдемъ, да все народу мало.

И казаки, продолжая кричать и собираться, проѣхали дальше по улицѣ. Оленину пришло въ голову, что не хорошо будетъ, если онъ не поѣдетъ; притомъ онъ думалъ рано вернуться. Онъ одѣлся, зарядилъ пулями ружье, вскочилъ на кое-какъ осѣдланную Ванюшей лошадь и догналъ казаковъ на выѣздѣ изъ станицы. Казаки, спѣшившись, стояли кружкомъ и, наливая чихирю изъ привезеннаго бочонка въ деревянную чапуру, подносили другъ другу и *молили* свою поѣздку. Между ними былъ и молодой франтъ хорунжій, случайно находившійся въ станицѣ и принявшій начальство надъ собравшимися девятью казаками. Собравшіеся казаки все были рядовые, и хотя хорунжій принималъ начальническій видъ, всѣ слушались только Лукашку. На Оленина казаки

не обращали никакого вниманія. И когда всѣ сѣли на лошадей и поѣхали и Оленинъ подъѣхалъ къ хорунжему и сталъ распрашивать, въ чемъ дѣло, то хорунжій, обыкновенно ласковый, относился къ нему съ высоты своего величія. Насилу, насилу Оленинъ могъ добиться отъ него, въ чемъ дѣло. Объѣздъ, посланный для розыска абрековъ, засталъ нѣсколько горцевъ, верстъ за восемь отъ станицы, въ бурунахъ. Абреки засѣли въ ямѣ, стрѣляли и грозили, что не отдадутся живыми. Урядникъ, бывшій въ объѣздѣ съ двумя казаками, остался тамъ караулить ихъ и прислалъ одного казака въ станицу звать другихъ на помощь.

Солнце только-что начинало подниматься. Верстахъ въ трехъ отъ станицы со всѣхъ сторонъ оказалась степь, и ничего не было видно, кромѣ однообразной, печальной, сухой равнины, съ испещреннымъ слѣдами скотины пескомъ, съ поблекшею кое-гдѣ травой, съ низкими камышами въ лощинахъ, съ рѣдкими, чуть проторенными дорожками и съ нагайскими кочевьями, далеко-далеко виднѣвшимися на горизонтѣ. Во всемъ поражало отсутствіе тѣни и суровый тонъ мѣстности. Солнце всходитъ и заходитъ всегда красно въ степи. Когда бываетъ вѣтеръ, то вѣтеръ переноситъ цѣлыя горы песку. Когда тихо, какъ было въ это утро, то тишина, не нарушаемая ни движеніемъ, ни звукомъ, особенно поразительна. Въ это утро въ степи было тихо, пасмурно, несмотря на то, что солнце поднялось; было какъ-то особенно пустынно и мягко. Воздухъ не шелохнулся; только и слышно было, какъ ступали лошади и пофыркивали; да и этотъ звукъ раздавался слабо и тотчасъ же замиралъ. Казаки ѣхали большею частью молча. Оружіе на казакѣ всегда прилажено такъ, чтобъ оно не звенѣло и не бренчало. Бренчащее оружіе—

величайшій срамъ для казака. Два казака изъ станицы догнали ихъ по дорогѣ и перекинулись двумя-тремя словами. Подъ Лукашкой не то спотыкнулась, не то зацѣпилась за траву и затoропилась лошадь. Это—дурная примѣта у казаковъ. Казаки оглянулись и торопливо отвернулись, стараясь не обращать вниманія на это обстоятельство, имѣвшее особенную важность въ настоящую минуту. Лукашка вздернулъ поводья, строго нахмурился, стиснулъ зубы и взмахнулъ плетью надъ головой. Добрый кабардинецъ засѣменилъ всѣми ногами вдругъ, не зная, на какую ступить и какъ бы желая на крыльяхъ подняться къ верху; но Лукашка разъ огрѣлъ его плетью по сытымъ бокамъ, огрѣлъ другой, третій, — и кабардинецъ, оскаливъ зубы и распустивъ хвостъ, фыркая, заходилъ на заднихъ ногахъ и на нѣсколько шаговъ отдѣлился отъ кучи казаковъ.

— Эхъ добра лошадь!—сказалъ хорунжій.

Что̀ значитъ добра *лошадь*, а не *конь*?—Это означало особенную похвалу коню.

— Левъ конь!—подтвердилъ одинъ изъ старшихъ казаковъ.

— Казаки молча ѣхали то шагомъ, то рысцой, и только одно это обстоятельство прервало на мгновеніе тишину и торжественность ихъ движенія.

По всей степи, верстъ на восемь дороги, они встрѣтили живаго только одну нагайскую кибитку, которая, будучи поставлена на арбу, медленно двигалась въ верстѣ отъ нихъ. Это былъ нагаецъ, переѣзжавшій съ своимъ семействомъ съ одного кочевья на другое. Еще встрѣтили они въ одной лощинѣ двухъ оборванныхъ, скуластыхъ нагайскихъ женщинъ, которыя, съ плетушками за спинами, собирали въ нихъ для кизяка навозъ отъ ходившей по степи скотины. Хорунжій,

плохо говорившій по-кумыцки, сталъ что-то распрашивать у нагаекъ; но онѣ не понимали его и, видимо робѣя, переглядывались между собой.

Подъѣхалъ Лукашка, остановилъ лошадь, бойко произнесъ обычное привѣтствіе, и нагайки видимо обрадовались и заговорили съ нимъ свободно, какъ съ своимъ братомъ.

— *Ай-ай, копъ абрекъ*!—говорили онѣ жалобно, указывая руками по тому направленію, куда ѣхали казаки. Оленинъ понялъ, что онѣ говорили: „много абрековъ“.

Никогда не видавшій подобныхъ дѣлъ, имѣвшій о нихъ понятіе только по разсказамъ дяди Ерошки, Оленинъ хотѣлъ не отставать отъ казаковъ и все видѣть. Онъ любовался на казаковъ, приглядывался ко всему, прислушивался и дѣлалъ свои наблюденія. Хотя онъ и взялъ съ собою шашку и заряженное ружье, но, замѣтивъ, какъ казаки чуждались его, онъ рѣшился не принимать никакого участія въ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, храбрость его была уже доказана въ отрядѣ, а главное потому, что теперь онъ былъ очень счастливъ.

Вдругъ вдалекѣ послышался выстрѣлъ.

Хорунжій взволновался и сталъ дѣлать распоряженія, какъ казакамъ раздѣлиться и съ которой стороны подъѣзжать. Но казаки, видимо, не обращали никакого вниманія на эти распоряженія, слушали только то, что̀ говорилъ Лукашка, и смотрѣли только на него. Въ лицѣ и фигурѣ Луки выражалось спокойствіе и торжественность. Онъ велъ проѣздомъ своего кабардинца, за которымъ не поспѣвали шагомъ другія лошади, и щурясь все вглядывался впередъ.

— Вонъ конный ѣдетъ!—сказалъ онъ, сдерживая лошадь и выравниваясь съ другими.

Оленинъ смотрѣлъ во всѣ глаза, но ничего не видѣлъ. Казаки скоро различили двухъ конныхъ, и спокойнымъ шагомъ поѣхали прямо на нихъ.

— Это абреки?—спросилъ Оленинъ.

Казаки ничего не отвѣчали на вопросъ, который былъ безсмыслицей въ ихъ глазахъ. Абреки были бы дураки, еслибы переправились на эту сторону съ лошадьми.

— Вонъ машетъ батяка Ротька никакъ,—сказалъ Лукашка, указывая на двухъ конныхъ, которые виднѣлись уже ясно.—Вонъ къ намъ поѣхалъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ ясно стало, что конные были объѣздные казаки, и урядникъ подъѣхалъ къ Лукѣ.

XLI.

— Далече?—только спросилъ Лукашка.

Въ это самое время шагахъ въ тридцати послышался короткій выстрѣлъ. Урядникъ слегка улыбнулся.

— Нашъ Гурка въ нихъ палитъ,—сказалъ онъ, указывая головой по направленію выстрѣла.

Проѣхавъ еще нѣсколько шаговъ, они увидали Гурку, сидѣвшаго за песчанымъ бугромъ и заряжавшаго ружье. Гурка отъ скуки перестрѣливался съ абреками, сидѣвшими за другимъ песчанымъ бугромъ. Пулька просвистѣла оттуда.

Хорунжій былъ блѣденъ и путался. Лукашка слѣзъ съ лошади, кинулъ ее казаку и пошелъ къ Гуркѣ. Оленинъ, сдѣлавъ то же самое и согнувшись, пошелъ за нимъ. Только-что они подошли къ стрѣлявшему казаку, какъ двѣ пули просвистѣли надъ ними. Лукашка, смѣясь, оглянулся на Оленина и пригнулся.

— Еще застрѣлятъ тебя, Андреичъ,—сказалъ онъ.—Ступай-ка лучше прочь,—тебѣ тутъ не дѣло...

Но Оленину хотѣлось непремѣнно посмотрѣть абрековъ.

Изъ-за бугра увидалъ онъ, шагахъ въ двухъ стахъ, шапки и ружья. Вдругъ показался дымокъ оттуда, свистнула еще пулька. Абреки сидѣли подъ горой въ болотѣ. Оленина поразило мѣсто, въ которомъ они сидѣли. Мѣсто было такое же, какъ и вся степь; но тѣмъ, что абреки сидѣли въ этомъ мѣстѣ, оно какъ будто вдругъ отдѣлилось отъ всего остальнаго и ознаменовалось чѣмъ-то. Оно ему показалось даже именно тѣмъ самымъ мѣстомъ, въ которомъ должны были сидѣть абреки. Лукашка вернулся къ лошади, и Оленинъ пошелъ за нимъ.

— Надо арбу взять съ сѣномъ,—сказалъ Лука,—а то перебьютъ. Вонъ за бугромъ стоитъ нагайская арба съ сѣномъ.

Хорунжій выслушалъ его, и урядникъ согласился. Возъ сѣна былъ привезенъ, и казаки, укрываясь имъ, принялись выдвигать на себѣ сѣно. Оленинъ взъѣхалъ на бугоръ, съ котораго ему было все видно. Возъ сѣна двигался; казаки жались за нимъ. Казаки двигались; чеченцы,—ихъ было девять человѣкъ,—сидѣли рядомъ, колѣно съ колѣнами, и не стрѣляли.

Все было тихо. Вдругъ, со стороны чеченцевъ, раздались странные звуки заунывной пѣсни, похожей на *ай-дай-да-ла-лай* дяди Ерошки. Чеченцы знали, что имъ не уйти, и, чтобъ избавиться отъ искушенія бѣжать, они связались ремнями, колѣно съ колѣномъ, приготовили ружья и запѣли предсмертную пѣсню.

Казаки съ возомъ сѣна подходили все ближе и ближе, и Оленинъ ежеминутно ждалъ выстрѣловъ; но тишина нару-

шалась только заунывною пѣснью абрековъ. Вдругъ пѣсня прекратилась, раздался короткій выстрѣлъ, пулька шлепнулась о гряду телѣги, послышались чеченскія ругательства и взвизги. Выстрѣлъ раздавался за выстрѣломъ и пулька за пулькой шлепала по возу. Казаки не стрѣляли и были не дальше пяти шаговъ.

Прошло еще мгновеніе, и казаки съ гикомъ выскочили съ обѣихъ сторонъ воза. Лукашка былъ спереди. Оленинъ слышалъ лишь нѣсколько выстрѣловъ, крикъ и стонъ. Онъ видѣлъ дымъ и кровь, какъ ему показалось. Бросивъ лошадь и не помня себя, онъ побѣжалъ къ казакамъ. Ужасъ застлалъ ему глаза. Онъ ничего не разобралъ, но понялъ только, что все кончилось. Лукашка, блѣдный какъ платокъ, держалъ за руки раненаго чеченца и кричалъ: „Не бей его! Живаго возьму!“ Чеченецъ былъ тотъ самый красный, братъ убитаго абрека, который пріѣзжалъ за тѣломъ. Лукашка крутилъ ему руки. Вдругъ чеченецъ вырвался и выстрѣлилъ изъ пистолета. Лукашка упалъ. На животѣ у него показалась кровь. Онъ вскочилъ, но опять упалъ, ругаясь по-русски и по-татарски. Крови на немъ и подъ нимъ становилось больше и больше. Казаки подошли къ нему и стали распоясывать. Одинъ изъ нихъ, Назарка, прежде, чѣмъ взяться за него, долго не могъ вложить шашку въ ножны, попадая не тою стороной. Лезвіе шашки было въ крови.

Чеченцы, рыжіе, съ стрижеными усами, лежали убитые и изрубленные. Одинъ только, знакомый, весь израненный, тотъ самый, который выстрѣлилъ въ Лукашку, былъ живъ. Онъ, точно подстрѣленный ястребъ, весь въ крови (изъ-подъ праваго глаза текла у него кровь), стиснувъ зубы, блѣдный и мрачный, раздраженными огромными глазами озираясь во всѣ

стороны, сидѣлъ на корточкахъ и держалъ кинжалъ, готовясь еще защищаться. Хорунжій подошелъ къ нему и бокомъ, какъ будто обходя его, быстрымъ движеніемъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ ухо. Чеченецъ рванулся, но не успѣлъ и упалъ.

Казаки, запыхавшись, растаскивали убитыхъ и снимали съ нихъ оружіе. Каждый изъ этихъ рыжихъ чеченцевъ былъ человѣкъ, у каждаго было свое особенное выраженіе. Лукашку понесли къ арбѣ. Онъ все бранился по-русски и по-татарски.

— Врешь, руками задушу! Отъ моихъ рукъ не уйдешь! *Анна сени!*— кричалъ онъ порываясь.— Скоро онъ замолкъ отъ слабости.

Оленинъ уѣхалъ домой. Вечеромъ ему сказали, что Лукушка при смерти, но что татаринъ изъ-за рѣки взялся лѣчить его травами.

Тѣла стаскали къ станичному правленію. Бабы и мальчишки торопились смотрѣть на нихъ.

Оленинъ вернулся сумерками и долго не могъ опомниться отъ всего, что видѣлъ; но къ ночи опять нахлынули на него вчерашнія воспоминанія; онъ выглянулъ въ окно; Марьяна ходила изъ дома въ клѣть, убираясь по хозяйству. Мать ушла на виноградникъ. Отецъ былъ въ правленіи. Оленинъ не дождался, пока она совсѣмъ убралась, и пошелъ къ ней. Она была въ хатѣ и стояла спиной къ нему. Оленинъ думалъ, что она стыдится.

— Марьяна, — сказалъ онъ, — а Марьяна! Можно войти къ тебѣ?

Вдругъ она обернулась. На глазахъ ея были чуть замѣтныя слезы. На лицѣ была красивая печаль. Она посмотрѣла молча и величаво.

Оленинъ повторилъ:

— Марьяна, я пришелъ...

— Оставь!—сказала она. Лицо ея не измѣнилось, но слезы полились у нея изъ глазъ.

— О чемъ ты? Что̀ ты?

— Что?—повторила она грубымъ и жестокимъ голосомъ.— Казаковъ перебили, вотъ что!

— Лукашку?—сказалъ Оленинъ.

— Уйди!... Чего тебѣ надо?

— Марьяна!—сказалъ Оленинъ, подходя къ ней.

— Никогда ничего тебѣ отъ меня не будетъ!

— Марьяна, не говори!—умолялъ Оленинъ.

— Уйди, постылый!—крикула дѣвка, топнула ногой и угрожающе подвинулась къ нему. И такое отвращеніе, презрѣніе и злоба выразились на лицѣ ея, что Оленинъ вдругъ понялъ, что ему нечего надѣяться, и что̀ онъ прежде думалъ о неприступности этой женщины, была несомнѣнная правда.

Оленинъ ничего не сказалъ ей и выбѣжалъ изъ хаты.

XLII.

Вернувшись домой, онъ часа два неподвижно лежалъ на постели, потомъ отправился къ ротному командиру и отпросился въ штабъ. Не простившись ни съ кѣмъ и черезъ Ванюшу расплатившись съ хозяевами, онъ собрался ѣхать въ крѣпость, гдѣ стоялъ полкъ. Одинъ дядя Ерошка провожалъ его. Они выпили, еще выпили, и еще выпили. Такъ же, какъ во время его проводовъ изъ Москвы, ямская тройка стояла у подъѣзда. Но Оленинъ уже не считался, какъ тогда, самъ съ собою и не говорилъ себѣ, что все, что̀ онъ думалъ и

дѣлалъ здѣсь, было *не то*. Онъ ужъ не обѣщалъ себѣ новой жизни. Онъ любилъ Марьяну больше, чѣмъ прежде, и зналъ теперь, что никогда не можетъ быть любимъ ею.

— Ну, прощай, отецъ мой,—говорилъ дядя Ерошка.—Пойдешь въ походъ, будь умнѣй, меня старика послушай. Когда придется быть въ набѣгѣ или гдѣ (вѣдь я старый волкъ, всего видѣлъ), да коли стрѣляютъ, ты въ кучу не ходи, гдѣ народу много. А то, все, какъ вашъ братъ оробѣетъ, такъ къ народу и жмется, думаетъ веселѣй въ народѣ. А тутъ хуже всего: по народу-то и цѣлятъ. Я все бывало отъ народа подальше, одинъ и хожу: вотъ ни разу меня и не ранили. А чего не видалъ на своемъ вѣку?

— А въ спинѣ-то у тебя пуля сидитъ,—сказалъ Ванюша, убиравшійся въ комнатѣ.

— Это казаки баловались,—отвѣчалъ Ерошка.

— Какъ казаки?—спросилъ Оленинъ.

— Да такъ! Пили. Ваняка Ситкинъ казакъ былъ, разгулялся, да какъ бацнетъ, прямо мнѣ въ это мѣсто изъ пистолета и угодилъ.

— Что-жъ, больно было? — спросилъ Оленъ. — Ванюша, скоро ли?—прибавилъ онъ.

— Эхъ, куда спѣшишь, дай разскажу... Да какъ треснулъ онъ меня, пуля кость-то не пробила, тутъ и осталась. Я и говорю: ты вѣдь меня убилъ, братецъ мой, а? Что ты со мной сдѣлалъ? Я съ тобой такъ не разстанусь. Ты мнѣ ведро поставишь.

— Что-жъ, больно было?—опять спросилъ Оленинъ, почти не слушая разсказа.

— Дай доскажу. Ведро поставилъ. Выпили. А кровь все льетъ. Всю избу прилилъ кровью-то. Дѣдука Бурлакъ и го-

ворить: „Вѣдь малый-то издохнетъ. Давай еще штофъ сладкой, а то мы тебя засудимъ". Притащили еще. Дули-дули...

— Да что-жъ, больно ли было тебѣ?—опять спросилъ Оленинъ.

— Какое больно! Не перебивай,—не люблю. Дай доскажу. Дули-дули, гуляли до утра, такъ и заснулъ на печи пьяный. Утромъ проснулся, не разогнешься никакъ.

— Очень больно было?—повторилъ Оленинъ, полагая, что теперь онъ добился наконецъ отвѣта на свой вопросъ.

— Развѣ я тебѣ говорю, что больно? Не больно, а разогнуться нельзя, ходить не давало.

— Ну, и зажило?—сказалъ Оленинъ, даже не смѣясь,—такъ ему было тяжело на сердцѣ.

— Зажило, да пулька все тутъ. Вотъ пощупай.—И онъ, заворотивъ рубаху, показалъ здоровенную спину, на которой около кости каталась пулька.

— Вишь ты, такъ и катается,—говорилъ онъ, видимо утѣшаясь этою пулькой, какъ игрушкой.—Вотъ къ заду перекатилась.

— Что, будетъ ли живъ Лукашка?—спросилъ Оленинъ.

— А Богъ его знаетъ! Дохтура нѣтъ. Поѣхали.

— Откуда же привезутъ, изъ Грозной?—спросилъ Оленинъ.

— Нѣ, отецъ мой, вашихъ-то, русскихъ, я бы давно перевѣшалъ, кабы царь былъ. Только рѣзать и умѣютъ. Такъ-то нашего казака Баклашева не человѣкомъ сдѣлали, ногу отрѣзали. Стало дураки! На что теперь Баклашевъ годится?... Нѣтъ, отецъ мой, въ горахъ дохтура̀ есть настоящіе. Такъ-то Ворчика, *няню* моего, въ походѣ ранили въ это мѣсто, въ грудь, такъ дохтура̀ ваши отказались, а изъ горъ пріѣхалъ Саибъ, вылѣчилъ. Травы, отецъ мой, знаютъ.

— Ну, полно вздоръ говорить,—сказалъ Оленинъ.—Я лучше изъ штаба лѣкаря пришлю.

— Вздоръ?—передразнилъ старикъ.—Дуракъ, дуракъ!... Вздоръ... Лѣкаря пришлю! Да кабы ваши лѣчили, такъ казаки да чеченцы къ вамъ бы лѣчиться ѣздили, а то ваши офицеры, да полковники изъ горъ дохтуровъ выписываютъ. У васъ фальчь, одна все фальчь.

Оленинъ не сталъ отвѣчать. Онъ слишкомъ былъ согласенъ, что все было фальчь въ томъ мірѣ, въ которомъ онъ жилъ и въ который возвращался.

— Что-жъ Лукашка? Ты былъ у него?—спросилъ онъ.

— Да лежитъ какъ мертвый. Не ѣстъ, не пьетъ, только водку и принимаетъ душа. Ну, водку пьетъ, ничего. А то жаль малаго. Хорошъ малый былъ, джигитъ, какъ я. Такъто я умиралъ разъ: ужъ выли старухи, выли. Жаръ въ головѣ стоялъ. Подъ святые меня сперли. Такъ-то лежу, а надо мной на печкѣ все такіе, вотъ такіе маленькіе барабанщики все, да такъ-то отжариваютъ зорю! Крикну на нихъ, они еще пуще отдираютъ. (Старикъ засмѣялся.) Привели ко мнѣ бабы уставщика, хоронить меня хотѣли, баютъ: онъ *мірщился*, съ бабами гулялъ, души губилъ, скоромился, въ балалайку игралъ. Покайся, говорятъ. Я и сталъ каяться. Грѣшенъ, говорю. Что̀ ни скажетъ попъ, а я говорю все: грѣшенъ. Онъ про балалайку спрашивать сталъ. Гдѣ-жъ она, проклятая, говоритъ, у тебя? Ты покажь, да ее разбей. А я говорю, у меня и нѣтъ ея. А самъ ее въ *избушкѣ* въ сѣть запряталъ; знаю, что не найдутъ. Такъ и бросили меня. Такъ отдохъ же! Какъ пошелъ въ балалайку чесать... Такъ что, бишь, я говорилъ?...—продолжалъ онъ.—Ты меня слушай, отъ народа-то подальше ходи, а то такъ, дурно убьютъ. Я тебя

жалѣю, право. Ты пьяница, я тебя люблю. А то ваша братья все на бугры ѣздить любятъ. Такъ-то у насъ одинъ жилъ, изъ Россіи пріѣхалъ, все на бугоръ ѣздилъ, какъ-то чудно *холкомъ* бугоръ называлъ. Какъ завидитъ бугорокъ, такъ и поскачетъ. Поскакалъ такъ-то разъ. Выскакалъ и радъ. А чеченецъ его стрѣлилъ, да и убилъ. Эхъ, ловко съ подсошекъ стрѣляютъ чеченцы! Ловчѣй меня есть. Не люблю, какъ такъ дурно убьютъ. Смотрю я, бывало, на солдатъ на вашихъ, дивлюся. То-то глупость! Идутъ сердечные всѣ въ кучѣ, да еще красные воротники нашьютъ. Тутъ какъ не попасть! Убьютъ одного,— упадетъ, поволокутъ сердечнаго; другой пойдетъ... То-то глупость!—повторилъ старикъ, покачивая головой.—Что бы въ стороны разойтись, да по одному? Такъ честно и иди. Вѣдь онъ тебя не узнаетъ. Такъ-то ты дѣлай.

— Ну, спасибо. Прощай, дядя! Богъ дастъ, увидимся,— сказалъ Оленинъ, вставая и направляясь къ сѣнямъ.

Старикъ сидѣлъ на полу и не вставалъ.

— Такъ развѣ прощаются? Дуракъ, дуракъ!—заговорилъ онъ. — Эхъ-ма, какой народъ сталъ! Компанію водили, водили годъ цѣлый: прощай, да и ушелъ. Вѣдь я тебя люблю, я тебя какъ жалѣю! Такой ты горькій, все одинъ, все одинъ. Нелюдимый ты какой-то! Другой разъ не сплю, подумаю о тебѣ, такъ-то жалѣю. Какъ пѣсня поется:

„Мудрено, родимый братецъ,
На чужой сторонкѣ жить“.

Такъ-то и ты.

— Ну, прощай!—сказалъ опять Оленинъ.

Старикъ всталъ и подалъ ему руку. Оленинъ пожалъ ее и хотѣлъ идти.

— Мурло-то, мурло-то давай сюда!

Старикъ взялъ его обѣими толстыми руками за голову, поцѣловалъ три раза мокрыми усами и губами и заплакалъ.

— Я тебя люблю,—прощай!

Оленинъ сѣлъ въ телѣгу.

— Что-жъ, такъ и уѣзжаешь? Хоть подари что на память, отецъ мой. Флинту-то подари. Куды тебѣ двѣ?—говорилъ старикъ, всхлипывая отъ искреннихъ слезъ.

Оленинъ досталъ ружье и отдалъ ему.

— Что̀ передавали этому старику! — ворчалъ Ванюша:— все мало. Попрошайка старый! Все необстоятельный народъ,—проговорилъ онъ, увертываясь въ пальто и усаживаясь на передкѣ.

— Молчи, швинья! — крикнулъ старикъ, смѣясь.—Вишь, скупой.

Марьяна вышла изъ клѣти, равнодушно взглянула на тройку и, поклонившись, прошла въ хату.

— *Ла филь!*—сказалъ Ванюша, подмигнувъ, и глупо захохоталъ.

— Пошелъ!—сердито крикнулъ Оленинъ.

— Прощай, отецъ! Прощай, буду помнить тебя!—кричалъ Ерошка.

Оленинъ оглянулся. Дядя Ерошка разговаривалъ съ Марьянкой, видимо, о своихъ дѣлахъ, и ни старикъ, ни дѣвка не смотрѣли на него.

ДЕКАБРИСТЫ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАДУМАННАГО РОМАНА

(1863—1878 г.).

ДЕКАБРИСТЫ *).

РОМАНЪ.

I.

Это было недавно, въ царствованіе Александра II, въ наше время цивилизаціи, прогресса, *вопросовъ*, возрожденія Россіи и т. д. и т. д. Въ то время, когда побѣдоносное русское войско возвращалось изъ сданнаго непріятелю Севастополя, когда вся Россія торжествовала уничтоженіе Черноморскаго флота и бѣлокаменная Москва встрѣчала и поздравляла съ этимъ счастливымъ событіемъ остатки экипажей этого флота, подносила имъ добрую русскую чарку водки и, по доброму русскому обычаю, хлѣбъ-соль, и кланялась въ

*) Печатаемыя здѣсь три главы романа подъ заглавіемъ „Декабристы“ были написаны еще прежде, чѣмъ авторъ принялся за „Войну и миръ“. Въ то время онъ задумывалъ романъ, котораго главными дѣйствующими лицами должны быть декабристы, но не написалъ его, потому что, стараясь возсоздать время декабристовъ, онъ невольно переходилъ мыслью къ предыдущему времени, къ прошлому своихъ героевъ. Постепенно передъ авторомъ раскрывались все глубже и глубже источники тѣхъ явленій, которыя онъ задумывалъ описать: семья, воспитаніе, общественныя условія

ноги; это было въ то время, когда Россія, въ лицѣ дальновидныхъ дѣвственницъ-политиковъ, оплакивала разрушеніе мечтаній о молебнѣ въ Софійскомъ соборѣ и чувствительнѣйшую для отечества потерю двухъ великихъ людей, погибшихъ во время войны (одного, увлекшагося желаніемъ какъ можно скорѣе отслужить молебенъ въ упомянутомъ соборѣ и павшаго въ поляхъ Валахіи, но за то и оставившаго въ тѣхъ же поляхъ два эскадрона гусаръ, и другаго, не оцѣненнаго человѣка, раздававшаго чай, чужія деньги и простыни раненымъ и не кравшаго ни того, ни другаго); въ то время, когда со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ отросляхъ человѣческой дѣятельности въ Россіи, какъ грибы, выростали великіе люди—полководцы, администраторы, экономисты, писатели, ораторы и просто великіе люди, безъ особаго призванія и цѣли. Въ то время, когда на юбилеѣ московскаго актера, упроченное тостомъ, явилось общественное мнѣніе, начавшее карать всѣхъ преступниковъ; когда грозныя коммиссіи изъ Петербурга поскакали на югъ ловить, обличать и казнить коммиссаріатскихъ злодѣевъ; когда во всѣхъ городахъ задавали съ рѣчами обѣды севастопольскимъ героямъ и имъ же, съ оторванными руками и ногами, подавали трынки, встрѣчая ихъ на мостахъ и дорогахъ. Въ то время, когда ора-

и проч. избранныхъ имъ лицъ; наконецъ онъ остановился на времени войнъ съ Наполеономъ, которое и изобразилъ въ „Войнѣ и мирѣ". Въ концѣ этого романа видны уже признаки того возбужденія, которое отразилось въ событіяхъ 14-го декабря 1825 года.

Впослѣдствіи авторъ вновь принимался за „Декабристовъ" и написалъ два другія, печатаемыя теперь, начала (въ концѣ статьи).

Таково происхожденіе предлагаемыхъ отрывковъ романа, которому, повидимому, не суждено быть написаннымъ. (*Изд*).

торскіе таланты такъ быстро развились въ народѣ, что одинъ цѣловальникъ вездѣ и при всякомъ случаѣ писалъ, и печаталъ, и наизусть сказывалъ на обѣдахъ рѣчи столь сильныя, что блюстители порядка должны были вообще принять укротительныя мѣры противъ краснорѣчія цѣловальника; когда въ самомъ англійскомъ клубѣ отвели особую комнату для обсужденія общественныхъ дѣлъ; когда появились журналы подъ самыми разнообразными знаменами, — журналы, развивающіе европейскія начала на европейской почвѣ, но съ русскимъ міросозерцаніемъ, и журналы исключительно на русской почвѣ, развивающіе русскія начала, однако съ европейскимъ міросозерцаніемъ; когда появилось вдругъ столько журналовъ, что казалось всѣ названія были исчерпаны: и „Вѣстникъ“, и „Слово“, и „Бесѣда“, и „Наблюдатель“, и „Звѣзда“, и „Орелъ“, и много другихъ, — и несмотря на то, все являлись еще новыя и новыя названія; въ то время, когда появились плеяды писателей, мыслителей, доказывавшихъ, что наука бываетъ народна, и не бываетъ народна, и бываетъ не народная и т. д., и плеяды писателей, художниковъ, описывающихъ рощу и восходъ солнца, и грозу, и любовь русской дѣвицы, и лѣнь одного чиновника, и дурное поведеніе многихъ чиновниковъ; въ то время, когда со всѣхъ сторонъ появились *вопросы* (какъ называли въ 56-мъ году всѣ тѣ стеченія обстоятельствъ, въ которыхъ никто не могъ добиться толку), — явились вопросы кадетскихъ корпусовъ, университетовъ, цензуры, изустнаго судопроизводства, финансовый, банковый, полицейскій, эманципаціонный и много другихъ, — всѣ старались отыскивать еще новые вопросы, всѣ пытались разрѣшать ихъ: писали, читали, говорили, готовили проекты, все хотѣли исправить, уничтожить, перемѣнить, и всѣ россіяне, какъ одинъ человѣкъ, находились въ неописанномъ

восторгѣ. Состояніе, два раза повторившееся для Россіи въ XIX-мъ столѣтіи: въ первый разъ, когда въ 12-мъ году мы отшлёпали Наполеона I, и во второй разъ, когда въ 56-мъ году насъ отшлёпалъ Наполеонъ III. Великое, незабвенное время возрожденія русскаго народа!... Какъ тотъ французъ, который говорилъ, что тотъ не жилъ вовсе, кто не жилъ въ великую французскую революцію, такъ и я смѣю сказать, что кто не жилъ въ 56-мъ году въ Россіи, тотъ не знаетъ, что такое жизнь. Пишущій эти строки не только жилъ въ это время, но былъ однимъ изъ дѣятелей того времени. Мало того, что онъ самъ нѣсколько недѣль сидѣлъ въ одномъ изъ блиндажей Севастополя, онъ написалъ о Крымской войнѣ сочиненіе, пріобрѣтшее ему великую славу, въ которомъ онъ ясно и подробно изобразилъ, какъ стрѣляли солдаты съ бастіоновъ изъ ружей, какъ перевязывали на перевязочномъ пунктѣ перевязками и хоронили на кладбищѣ въ землю. Совершивъ эти подвиги, пишущій эти строки прибылъ въ центръ государства, въ ракетное заведеніе, гдѣ и пожалъ лавры своихъ подвиговъ. Онъ видѣлъ восторгъ обѣихъ столицъ и всего народа и на себѣ испыталъ, какъ Россія умѣетъ вознаграждать истинныя заслуги. Сильные міра сего всѣ искали его знакомства, жали ему руки, предлагали ему обѣды, настоятельно приглашали его къ себѣ и для того, чтобъ узнать отъ него подробности войны, разсказывали ему свои чувствованія. Поэтому, пишущій эти строки можетъ оцѣнить то великое, незабвенное время. Но не въ томъ дѣло....

Въ это самое время два возка и сани стояли у подъѣзда лучшей московской гостиницы. Молодой человѣкъ вбѣжалъ въ двери узнать о квартирѣ. Старикъ сидѣлъ въ возкѣ съ двумя дамами и говорилъ о томъ, каковъ былъ Кузнецкій

Мостъ при французѣ. Это было продолженіе разговора, начавшагося при въѣздѣ въ Москву, и теперь старикъ съ бѣлою бородой, въ распахнутой шубѣ, спокойно продолжалъ свою бесѣду въ возкѣ, такъ, какъ будто онъ намѣревался ночевать въ немъ. Жена и дочь слушали, но поглядывали на дверь не безъ нетерпѣнія. Молодой человѣкъ вышелъ изъ двери со швейцаромъ и нумернымъ.

— Ну, что, Сергѣй?—спросила мать, выставляя на свѣтъ фонаря свое изнуренное лицо.

Потому ли, что это была его привычка, или для того, чтобы швейцаръ не принялъ его по полушубку за лакея, Сергѣй отвѣтилъ по-французски, что есть комнаты, и отворилъ дверцы. Старикъ взглянулъ на мгновенье на сына и снова обратился въ тёмную глубь возка, какъ будто остальное до него не касалось:

— Театра еще не было.

— Пьеръ!—сказала жена, подбирая салопъ; но онъ продолжалъ:

— Madame Шальме была на Тверской...

Въ глубинѣ возка раздался молодой, звонкій смѣхъ.

— Папа, выходи, ты такъ заговорился!

Старикъ какъ будто теперь только хватился, что они пріѣхали, и оглянулся.

— Выходи же!

Онъ надвинулъ шапку и покорно полѣзъ изъ двери. Швейцаръ принялъ его подъ руку, но убѣдившись, что старикъ еще очень хорошо ходитъ, онъ тотчасъ же предложилъ свои услуги дамѣ. Наталья Николаевна, жена, и по собольему салопу, и по тому, какъ долго вылѣзала, и по тому, какъ тяжело легла ему на руку, и по тому, какъ прямо, не огляды-

ваясь, опершись на руку сына, пошла на крыльцо, показалась ему очень значительною. Барышню отъ дѣвушекъ, которыя повылѣзли изъ другаго возка, онъ даже не отличилъ,—такъ же, какъ и онѣ, она несла узелокъ и трубку и шла сзади. Только по смѣху и тому, что она назвала старика отцомъ, онъ узналъ ее.

— Не туда, папа, направо,—сказала она, останавливая его за рукавъ тулупа,—направо.

И на лѣстницѣ, изъ-за стука шаговъ, дверей и тяжелаго дыханія пожилой дамы, раздался тотъ же смѣхъ, который слышался въ возкѣ, который, когда кто слышалъ, непремѣнно думалъ: вотъ славно смѣется, завидно даже.

Сынъ, Сергѣй, занимался устройствомъ всѣхъ матеріальныхъ условій въ дорогѣ, и занимался этимъ хотя и безъ знанія, но со свойственною 25-ти годамъ энергіей и самоудовлетворяющею дѣятельностью. Разъ двадцать, по крайней мѣрѣ, и, кажется, безъ особенно важныхъ причинъ, онъ въ одномъ пальто сбѣжалъ внизъ къ санямъ и вбѣжалъ опять наверхъ, подрагивая отъ холода и черезъ двѣ-три ступеньки шагая своими молодыми, длинными ногами. Наталья Николаевна просила его не простудиться, но онъ увѣрялъ, что ничего, и все отдавалъ приказанія, хлопалъ дверьми, ходилъ, и когда, казалось, ужъ дѣло стояло за одними слугами и мужиками, онъ нѣсколько разъ обошелъ всѣ комнаты, выходя изъ гостиной въ одну дверь и входя въ другую, и все отыскивалъ, что̀ бы еще сдѣлать.

— Что-жъ, папа, поѣдешь въ баню?... Узнать?—спросилъ онъ.

Папа находился въ задумчивости и, казалось, вовсе не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, гдѣ онъ находился. Онъ не

скоро отвѣтилъ. Онъ слышалъ слова и не понималъ. Вдругъ онъ понялъ.

— Да, да, да! Узнай пожалуйста, у Каменнаго моста.

Глава семейства торопливымъ, взволнованнымъ шагомъ обошелъ комнаты и сѣлъ на кресло.

— Ну, теперь надо рѣшить, что дѣлать, устроиваться,— сказалъ онъ.—Помогайте, дѣти, живо! Молодцами таскайте, устанавливайте, а завтра пошлемъ записочку и Серёжу къ сестрѣ Марьѣ Ивановнѣ, къ Никитинымъ, или сами поѣдемъ. Такъ, Наташа?... А теперь устроиваться.

—Завтра—воскресенье. Надѣюсь, прежде всего ты поѣдешь къ обѣднѣ, Pierre?—сказала жена, на колѣняхъ стоя передъ сундукомъ и отпирая его.

—И то воскресенье! Непремѣнно всѣ поѣдемъ въ Успенскій соборъ. Этимъ начнется наше возвращеніе. Боже мой! когда я вспомню тотъ день, когда я въ послѣдній разъ былъ въ Успенскомъ соборѣ, помнишь, Наташа? Но не въ томъ дѣло.

И глава семейства быстро всталъ съ кресла, на которое только-что сѣлъ.

— А теперь надо устроиваться.

И онъ, ничего не дѣлая, ходилъ изъ одной комнаты въ другую.

— Что-жъ, будемъ чай пить, или устала, хочешь отдохнуть?

— Да, да,—отвѣчала жена, доставая что-то изъ сундука:—вѣдь ты хотѣлъ въ баню.

— Да... въ мое время были у Каменнаго моста. Серёжа, поди же узнай, есть ли еще бани у Каменнаго моста. Вотъ эту комнату займу я съ Серёжей. Серёжа! хорошо тебѣ тутъ будетъ?—Но Серёжа пошелъ узнать о баняхъ.

— Нѣтъ, все не хорошо!—продолжалъ онъ:—у тебя не будетъ хода прямо въ гостиную. Какъ ты думаешь, Наташа?

— Ты успокойся, Pierre, все это устроится, — отвѣчала Наташа изъ другой комнаты, въ которую мужики вносили вещи. Но Pierre находился подъ вліяніемъ восторженнаго состоянія, произведеннаго пріѣздомъ на мѣсто.

— Ты, смотри, Серёжины вещи не смѣшай! Вотъ его лыжи бросили въ гостиной.—И онъ самъ поднялъ ихъ и особенно осторожно, какъ будто отъ этого зависѣлъ весь будущій порядокъ помѣщенья, поставилъ ихъ къ притолкѣ и прижалъ къ ней. Но лыжи не приклеились, и только-что Pierre отошелъ отъ нихъ, съ грохотомъ упали поперекъ двери. Наталья Николаевна поморщилась и вздрогнула, но, увидавъ причину паденія, сказала:

— Соня, подними, мой другъ.

— Подними, мой другъ,—повторилъ мужъ,—а я пойду къ хозяину, иначе не устроитесь: надо съ нимъ обо всёмъ переговорить.

— Лучше за нимъ послать, Pierre. Зачѣмъ ты безпокоишься?

Pierre согласился.

— Соня, позови этого,—какъ бишь? M-r Cavalier,—пожалуйста; скажи, что мы хотимъ обо всемъ переговорить.

— Шевалье, папа,—сказала Соня и приготовилась идти.

Наталья Николаевна, которая тихимъ голосомъ приказывала, тихими шагами ходила изъ комнаты въ комнату то съ ящикомъ, то съ трубкой, то съ подушкой и незамѣтно разставляла изъ горы поклажи все на свое мѣсто, успѣла, проходя мимо Сони, шепнуть:

— Не ходи сама, пошли человѣка.

Покуда человѣкъ ходилъ за хозяиномъ, Pierre употребилъ свой досугъ на то, чтобы, подъ предлогомъ содѣйствія своей супругѣ, смять ей какую-то одежду, и на то, чтобы споткнуться на опорожненный ящикъ. Удержавшись рукой за стѣну, декабристъ съ улыбкой оглянулся. Жена, казалось, была такъ занята, что не замѣтила; но Соня глядѣла на него такими смѣющимися глазами, что, казалось, ожидала позволенія посмѣяться. Онъ охотно далъ ей это позволеніе, разсмѣявшись самъ такимъ добродушнымъ смѣхомъ, что всѣ бывшіе въ комнатѣ, отъ жены до дѣвушки и мужика, разсмѣялись. Этотъ смѣхъ еще болѣе воодушевилъ старца; онъ нашелъ, что диванъ въ комнатѣ жены и дочери стоитъ для нихъ неудобно, несмотря на то, что онѣ утверждали противное, прося его успокоиться. Въ то самое время, какъ онъ собственноручно пытался съ мужикомъ перетащить эту мебель, вошелъ въ комнату хозяинъ французъ.

— Вы меня спрашивали?—сказалъ хозяинъ строго и въ доказательство своего ежели не презрѣнія, то равнодушія, досталъ медленно свой платокъ, медленно развернулъ и медленно высморкался.

— Да, мой любезный другъ,—сказалъ Петръ Ивановичъ, наступая на него:—вотъ видите ли, мы сами не знаемъ, сколько здѣсь пробудемъ, я и жена моя...—и Петръ Ивановичъ, имѣвшій слабость въ каждомъ человѣкѣ видѣть ближняго, началъ разсказывать свои обстоятельства и планы.

Г-нъ Chevalier не раздѣлялъ такого взгляда на людей и не интересовался свѣдѣніями, сообщенными Петромъ Ивановичемъ, но хорошій французскій языкъ, которымъ говорилъ Петръ Ивановичъ (французскій языкъ, какъ извѣстно, есть

нѣчто въ родѣ чина въ Россіи), и барскіе пріемы заставили его повысить нѣсколько мнѣніе о новопріѣзжихъ.

— Чѣмъ могу я служить вамъ?—спросилъ онъ.

Вопросъ этотъ не затруднилъ Петра Ивановича. Онъ выразилъ желаніе имѣть комнаты, чай, самоваръ, ужинъ, обѣдъ, пищу для прислуги,—однимъ словомъ, тѣ вещи, для которыхъ и существуютъ гостиницы, и когда г-нъ Chevalier, удивленный наивностью старичка, полагавшаго должно-быть, что онъ находится въ Трухменской степи, или полагавшаго, что всѣ эти вещи ему будутъ отпускаться даромъ, объявилъ, что все это можно имѣть, Петръ Ивановичъ пришелъ въ восторженное состояніе.

— Вотъ это прекрасно, очень хорошо! Такъ мы и устроимъ. Ну, такъ пожалуйста...—Но ему стало совѣстно все говорить о себѣ, и онъ сталъ распрашивать г-на Chevalier о его семействѣ и дѣлахъ. Сергѣй Петровичъ, вернувшись въ комнату, казалось, не одобрялъ обращенія своего батюшки; онъ замѣчалъ неудовольствіе хозяина и напомнилъ о банѣ. Но Петръ Ивановичъ былъ заинтересованъ вопросомъ о томъ, какъ могла французская гостиница идти въ Москвѣ въ 56 году и какъ проводила свое время m-me Chevalier. Наконецъ, самъ хозяинъ поклонился и спросилъ, не прикажутъ ли чего?

— Будемъ пить чай, Наташа, да?... Такъ чаю, пожалуйста, а мы еще поговоримъ съ вами, мой любезный monsieur. Какой славный человѣкъ!

— А въ баню, папа?

— Ахъ, да... Такъ не надобно чаю.—Такъ что единственный результатъ бесѣды съ новопріѣзжимъ былъ отнятъ у хозяина. За то Петръ Ивановичъ былъ теперь гордъ и счастливъ своимъ устройствомъ. Ямщики, пришедшіе просить на

водку, разстроили его было тѣмъ, что у Серёжи не было мелочи, и Петръ Ивановичъ хотѣлъ было опять посылать за хозяиномъ, но счастливая мысль, что не ему одному надо быть веселымъ этотъ вечеръ, вывела его изъ затрудненія. Онъ взялъ двѣ трехрублевыя бумажки и, вжавъ въ руку одному ямщику одну бумажку, сказалъ: „вотъ вамъ" (Петръ Ивановичъ имѣлъ привычку говорить „*вы*" всѣмъ безъ исключенія, кромѣ членовъ своего семейства), „а вотъ вамъ", сказалъ онъ, передавая другому ямщику бумажку изъ ладони въ ладонь, вродѣ того, какъ это дѣлаютъ платя докторамъ за визитъ. Послѣ обдѣлки всѣхъ этихъ дѣлъ его повезли въ баню.

Соня, какъ сидѣла на диванѣ, подставила руку подъ голову и засмѣялась.

— Ахъ, какъ хорошо, мама! Ахъ, какъ хорошо!—Потомъ она положила ноги на диванъ, повытянулась, поправилась и такъ и заснула крѣпкимъ неслышнымъ сномъ здоровой 18-тилѣтней дѣвушки, послѣ $1^1/_2$ мѣсяцевъ дороги. Наталья Николаевна, все еще разбиравшаяся въ своей спальнѣ, услыхала вѣрно своимъ материнскимъ ухомъ, что Соня не шевелятся, и вышла взглянуть. Она взяла подушку и, поднявъ своею большою, бѣлою рукой раскраснѣвшуюся, спутанную голову дѣвушки, положила ее на подушку. Соня глубоко, глубоко вздохнула, повела плечами и положила свою голову на подушку, не сказавъ mersi, какъ будто это само собой такъ сдѣлалось.

— Не на ту, не на ту, Гавриловна, Катя!—тотчасъ же заговорила Наталья Николаевна, обращаясь къ дѣвушкамъ, стлавшимъ постель, и одною рукой, какъ будто мимоходомъ, оправляя взбившіеся волосы дочери. Не останавливаясь и не

торопясь, Наталья Николаевна убиралась, и къ пріѣзду мужа и сына все было готово: сундуковъ ужъ не было въ комнатахъ; въ спальнѣ Пьера все было такъ же, какъ было десятки лѣтъ въ Иркутскѣ: халатъ, трубка, табакерка, вода съ сахаромъ, Евангеліе, которое онъ читалъ на ночь, и даже образокъ прилипъ какъ-то надъ кроватью на пышныхъ обояхъ комнатъ Шевалье, который не употреблялъ этого украшенія, но которое явилось въ этотъ вечеръ во всѣхъ комнатахъ 3-го отдѣленія гостиницы.

Наталья Николаевна, убравшись, оправила свои, несмотря на дорогу, чистые воротнички и рукавчики, причесалась и сѣла противъ стола. Ея прекрасные черные глаза устремились куда-то далеко; она смотрѣла и отдыхала. Она, казалось, отдыхала не отъ одного раскладыванья, не отъ одной дороги, не отъ однихъ тяжелыхъ годовъ, — она отдыхала, казалось, отъ цѣлой жизни, и та даль, въ которую она смотрѣла, на которой представлялись ей живыя, любимыя лица, и былъ тотъ отдыхъ, котораго она желала. Былъ ли это подвигъ любви, который она совершила для своего мужа,—та ли любовь, которую она пережила къ дѣтямъ, когда они были малы, была ли это тяжелая потеря, или это была особенность ея характера, только всякій, взглянувъ на эту женщину, долженъ былъ понять, что отъ нея ждать нечего, что она уже давно когда-то положила всю себя въ жизнь и что ничего отъ нея не осталось. Осталось достойное уваженія что-то прекрасное и грустное, какъ воспоминаніе, какъ лунный свѣтъ. Нельзя было себѣ представить ее иначе, какъ окруженную почтеніемъ и всѣми удобствами жизни. Чтобъ она когда-нибудь была голодна и ѣла бы жадно, или чтобы на ней было грязное бѣлье, или чтобъ она споткнулась,

или забыла бы высморкаться,—этого не могло съ ней случиться. Это было физически невозможно. Отчего это такъ было — не знаю, но всякое ея движеніе было величавость, грація, милость для всѣхъ тѣхъ, которые могли пользоваться ея видомъ...

Sie pflegen weben
Himmlische Rosen ins irdische Leben...

Она знала этотъ стихъ и любила его, но не руководилась имъ. Вся натура ея была выраженіемъ этой мысли, вся жизнь ея была однимъ этимъ безсознательнымъ вплетаніемъ невидимыхъ розъ въ жизнь всѣхъ людей, съ которыми она встрѣчалась. Она поѣхала за мужемъ въ Сибирь только потому, что она его любила; она не думала о томъ, что она можетъ сдѣлать для него, и невольно дѣлала все. Стлала ему постель, укладывала его вещи, готовила обѣдъ и чай, а главное—была всегда тамъ, гдѣ онъ былъ, и больше счастія ни одна женщина не могла бы дать своему мужу.

Въ гостиной кипѣлъ самоваръ на кругломъ столѣ. Передъ нимъ сидѣла Наталья Николаевна. Соня морщилась и улыбалась подъ рукой матери, щекотавшей ее, когда отецъ и сынъ, со сморщенными оконечностями пальцевъ и лоснящимися щеками и лбами (у отца особенно блестѣла лысина), съ распушившимися бѣлыми и черными волосами и сіяющими лицами, вошли въ комнату.

— Свѣтлѣе стало, какъ вы вошли,—сказала Наталья Николаевна.—Батюшки, какъ бѣлъ!—Она говорила это десятки лѣтъ каждую субботу, и каждую субботу Пьеръ испытывалъ при этомъ застѣнчивость и удовольствіе. Они сѣли за столъ.

Запахло чаемъ, трубкой; заговорили голоса родителей, дѣтей и слугъ, которые въ той же комнатѣ получили свои чашки. Вспоминали смѣшное, случившееся дорогой, восхищались прической Сони, смѣялись.—Географически всѣ они были перенесены за 5.000 верстъ, въ совсѣмъ другую, чуждую среду, но нравственно они этотъ вечеръ еще были дома, тѣми же самыми, какими сдѣлала ихъ особенная, долгая, уединенная семейная жизнь. Того ужъ не будетъ завтра. Петръ Ивановичъ подсѣлъ къ самовару и закурилъ свою трубку. Онъ не веселъ былъ.

— Ну, вотъ мы и пріѣхали,—сказалъ онъ,—и я радъ, что мы нынче никого не увидимъ: этотъ вечеръ еще послѣдній проведемъ въ семействѣ.—И онъ запилъ эти слова большимъ глоткомъ чаю.

— Отчего же послѣдній, Пьеръ?

— Отчего?—Оттого, что орлята выучились летать, имъ самимъ нужно вить свои гнѣзда, и отсюда они полетятъ каждый въ свою сторону...

— Вотъ пустяки! — сказала Соня, принимая у него стаканъ и улыбаясь, какъ она всему улыбалась:—старое гнѣздо отлично!

— Старое гнѣздо—печальное гнѣздо! Старикъ не умѣлъ свить его,—онъ попалъ въ клѣтку, въ клѣткѣ вывелъ дѣтей и выпустили его тогда, какъ ужъ крылья его плохо носить стали. Нѣтъ, орлятамъ надо свить себѣ гнѣздо выше, счастливѣе, ближе къ солнцу... Затѣмъ они его дѣти, чтобы примѣръ послужилъ имъ... А старый, пока не ослѣпнетъ, будетъ глядѣть, а ослѣпнетъ, будетъ слушать... Налей рому!... Еще, еще... Довольно!

— Посмотримъ, кто кого оставитъ...—отвѣчала Соня, бѣгло

взглянувъ на мать, какъ будто ей совѣстно было говорить при ней.—Посмотримъ, кто кого оставитъ,—продолжала она.—За себя я не боюсь и за Серёжу тоже...—(Серёжа ходилъ по комнатѣ и размышлялъ о томъ, какъ ему завтра заказать платье: самому пойти, или послать за портнымъ; его не интересовалъ разговоръ Сони съ отцомъ.) Соня засмѣялась.

— Что ты, что?—спросилъ отецъ.

— Ты моложе насъ, папа. Гораздо, право,—сказала она и опять засмѣялась.

— Каково! — сказалъ старикъ, и строгія морщины его сложились въ нѣжную и вмѣстѣ презрительную улыбку.

Наталья Николаевна наклонилась изъ-за самовара, который мѣшалъ ей видѣть мужа.

— Правда Сонина. Тебѣ все еще 16-ть лѣтъ, Пьеръ. Серёжа моложе чувствами, но душой ты моложе его. Что онъ сдѣлаетъ, я могу предвидѣть, но ты еще можешь удивить меня.

Сознавался ли онъ въ справедливости этого замѣчанія, или, польщенный имъ, онъ не зналъ что̀ отвѣчать, старикъ молча курилъ, запивалъ чаемъ и только блестѣлъ глазами. Серёжа же, съ свойственнымъ эгоизмомъ молодости, теперь только заинтересованный тѣмъ, что̀ сказали о немъ, вступилъ въ разговоръ и подтвердилъ то, что онъ дѣйствительно старъ, что пріѣздъ въ Москву и новая жизнь, которая открывается передъ нимъ, нисколько не радуютъ его, что онъ спокойно обдумываетъ и предусматриваетъ будущее.

— Все-таки послѣдній вечеръ, — повторилъ Петръ Ивановичъ.—Завтра ужъ того не будетъ.

И онъ еще подлилъ себѣ рому. И долго онъ еще сидѣлъ за чайнымъ столомъ съ такимъ видомъ, какъ будто многое ему хотѣлось сказать, да некому было слушать. Онъ подви-

нулъ было къ себѣ ромъ, но дочь потихоньку унесла бутылку.

II.

Когда г. Шевалье, ходившій на верхъ устраивать гостей, вернувшись къ себѣ, сообщилъ замѣчанія насчетъ новопріѣзжихъ своей подругѣ жизни въ кружевахъ и шелковомъ платьѣ, сидѣвшей, по парижскому манеру, за конторкой, въ той же комнатѣ сидѣло нѣсколько привычныхъ посѣтителей заведенія. Серёжа, бывши внизу, замѣтилъ эту комнату и ея посѣтителей. Вы, вѣрно, тоже замѣтили ее, ежели бывали въ Москвѣ.

Ежели вы скромный мужчина, не знающій Москвы, опоздали на званый обѣдъ, ошиблись расчетомъ, что гостепріимные москвичи васъ позовутъ обѣдать и васъ не позвали, или просто хотите пообѣдать въ лучшей гостиницѣ, вы входите въ лакейскую. Три или четыре лакея вскакиваютъ, одинъ изъ нихъ снимаетъ съ васъ шубу и поздравляетъ съ новымъ годомъ, съ масляницей, съ пріѣздомъ, или просто замѣчаетъ, что давно вы не бывали, хоть вы и никогда не бывали въ этомъ заведеніи. Вы входите и первый бросается вамъ въ глаза накрытый столъ, уставленный, какъ вамъ въ первую минуту кажется, безчисленнымъ количествомъ аппетитныхъ яствъ. Но это только оптическій обманъ, ибо на этомъ столѣ большую часть мѣста занимаютъ въ перьяхъ фазаны, морскіе раки неваренные, коробочки съ духами, помадой и стклянки съ косметиками и конфектами. Только съ краюшка, поискавъ хорошенько, вы найдете водку и кусокъ хлѣба съ масломъ и рыбкой, подъ проволочнымъ колпакомъ отъ мухъ, совершенно безполезнымъ въ Москвѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ, но за

то точно такимъ же, какіе употребляются въ Парижѣ. Далѣе, за столомъ вы видите впереди себя комнату, въ которой за конторкой сидитъ француженка, весьма противной наружности, но въ чистѣйшихъ рукавчикахъ и въ прелестнѣйшемъ модномъ платьѣ. Подлѣ француженки вамъ представится разстегнутый офицеръ, закусывающій водку, статскій, читающій газету, и чьи-нибудь военныя или статскія ноги, лежащія на бархатномъ стулѣ, и послышатся французскій говоръ и болѣе или менѣе искренній, громкій хохотъ. Ежели вамъ захочется знать, что дѣлается въ этой комнатѣ, то я бы совѣтовалъ не входить въ нее, а только заглянуть, какъ-будто проходя мимо, чтобы взять тартинку. Иначе вамъ не поздоровится отъ вопросительнаго молчанія и взглядовъ, которые устремятъ на васъ привычные обитатели комнаты, и вѣроятно вы, поджавши хвостъ, поспѣшите къ одному изъ столовъ въ большую залу или зимній садъ. Въ этомъ вамъ никто не помѣшаетъ. Эти столы для всѣхъ, и тамъ въ одиночествѣ можете называть Дея гарсономъ и заказывать трюфелей, сколько вамъ угодно. Комната же съ француженкой существуетъ для избранной, *золотой* московской молодежи, и попасть въ число избранныхъ не такъ легко, какъ вамъ кажется.

Г. Шевалье, возвратившись въ эту комнату, сказалъ супругѣ, что господинъ изъ Сибири скученъ, но за то сынъ и дочь такіе молодцы, какихъ только въ Сибири можно выкормить.

— Вы бы посмотрѣли на дочь, что это за розанчикъ!

— О, онъ любитъ свѣженькихъ женщинъ, этотъ старикъ,— сказалъ одинъ изъ гостей, курившій сигару. (Разговоръ, разумѣется, происходилъ на французскомъ языкѣ, но я пере-

даю его по-русски, что̀ и постоянно буду дѣлать въ продолженіе этой исторіи.)

— О, очень люблю!—отвѣчалъ г. Шевалье.—Женщины—моя страсть. Вы не вѣрите?

— Слышите, m-me Chevalier?—закричалъ толстый казацкій офицеръ, который былъ много долженъ въ заведеньи и любилъ бесѣдовать съ хозяиномъ.

— Да вотъ онъ раздѣляетъ мой вкусъ, — сказалъ Chevalier, потрепавъ толстяка по эполетѣ.

— И точно хороша эта сибирячка?

Chevalier сложилъ свои пальцы и поцѣловалъ ихъ.

Вслѣдъ за тѣмъ между посѣтителями разговоръ сдѣлался конфиденціальный и очень веселый. Дѣло шло о толстякѣ; онъ улыбаясь слушалъ то, что про него разсказывали.

— Можно ли имѣть такіе превратные вкусы!—закричалъ одинъ сквозь смѣхъ. — M-me Clarisse! вы знаете, Струговъ изъ женщинъ лучше всего любитъ куриныя ляжки.

Хотя и не понимая соли этого замѣчанія, m-me Clarisse залилась изъ-за конторки смѣхомъ настолько серебристымъ, насколько позволяли ей дурные зубы и преклонныя лѣта.

— Сибирская барышня навела его на такія мысли!—и всѣ еще больше расхохотались. Самъ m-r Chevalier помиралъ со смѣху, приговаривая: „Ce vieux coquin!“ — и трепя по головѣ и плечамъ казацкаго офицера.

— Да кто они, эти сибиряки: заводчики, или купцы?—спросилъ одинъ изъ господъ во время затиханія смѣха.

— Никитъ! спрашивайтъ у господа, которые пріѣхалъ, подорожній,—сказалъ m-r Chevalier.

„Мы, Александръ, Самодержецъ...—началъ было читать

m-r Chevalier принесенную подорожную, но казацкій офицеръ вырвалъ у него бумагу, и лицо его вдругъ выразило удивленіе.

— Ну, угадайте, кто это?—сказалъ онъ.—И всѣ вы хоть по слухамъ знаете.

— Ну, какъ же угадать, покажи. Ну, Абдель Кадеръ... Ха-ха-ха... Ну, Каліостро... Ну, Петръ III... Ха-ха-ха-ха!

— Ну, прочти же!

Казацкій офицеръ развернулъ бумагу, прочелъ: бывшій Князь Петръ Ивановичъ и одну изъ тѣхъ русскихъ фамилій, которую всякій знаетъ и всякій произноситъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ и удовольствіемъ, ежели говоритъ о лицѣ, носящемъ эту фамилію, какъ о лицѣ близкомъ, или знакомомъ. Мы будемъ называть его Лабазовымъ. Казацкій офицеръ смутно помнилъ, что этотъ Петръ Лабазовъ былъ чѣмъ-то знаменитымъ въ 25-мъ году и что онъ былъ сосланъ въ каторжную работу,—но чѣмъ онъ былъ знаменитъ, онъ не зналъ хорошенько. Другіе же никто и этого не знали и отвѣтили: „А, да, извѣстный“,—точно такъ же, какъ бы они сказали: „какъ же, извѣстный!“—про Шекспира, который написалъ „Энеиду“. Больше же они узнали его потому, что толстякъ объяснилъ имъ, что онъ братъ князя Ивана, дядя Чикиныхъ, графини Прукъ,—ну, извѣстный...

— Вѣдь онъ долженъ быть очень богатъ, коли онъ братъ князя Ивана,—замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ:—ежели ему возвратили состояніе? Нѣкоторымъ возвратили.

— Сколько ихъ наѣхало теперь, этихъ сосланныхъ!—замѣтилъ другой.—Право, ихъ меньше, кажется, было сослано, чѣмъ вернулось... Да, Жикинскій, разскажи-ка эту исторію

за 18-е число!—обратился онъ къ офицеру стрѣлковаго полка, слывшаго за мастера разсказывать.—Ну, разскажи же!

— Во-первыхъ, это истинная правда и случилось здѣсь, у Шевалье, въ большой залѣ. Приходятъ человѣка три декабристовъ обѣдать. Сидятъ у одного стола, ѣдятъ, пьютъ, разговариваютъ. Только напротивъ ихъ усѣлся господинъ почтенной наружности, такихъ же лѣтъ, и все прислушивается, какъ они про Сибирь что-нибудь скажутъ. Только онъ что-то спросилъ, слово за слово—разговорились, оказывается, что онъ тоже изъ Сибири.

— И Нерчинскъ знаете?

— Какже, я жилъ тамъ.

— И Татьяну Ивановну знаете?

— Какъ же не знать!

— Позвольте спросить, вы тоже сосланы были?

— Да, имѣлъ несчастіе пострадать... А вы?

— Мы всѣ сосланные 14-го декабря. Странно, что мы васъ не знаемъ, ежели вы тоже за 14-е. Позвольте узнать вашу фамилію?

— Өедоровъ.

— Тоже за 14-е?

— Нѣтъ, я за 18-е.

— Какъ за 18-е?

— За 18-е сентября, за золотые часы. Былъ оклеветанъ, будто укралъ, и пострадалъ невинно.

Всѣ покатились со смѣха, исключая разсказщика, который съ пресерьёзнымъ лицомъ оглядывая въ лоскъ положенныхъ слушателей, божился, что это была истинная исторія.

Скоро послѣ разсказа одинъ изъ золотыхъ молодыхъ лю-

дей всталъ и поѣхалъ въ клубъ. Пройдясь по заламъ, уставленнымъ столами со старичками, играющими въ ералашъ, повернувшись въ инфернальной, гдѣ ужъ знаменитый „Пучинъ“ началъ свою партію противъ „компаніи“, постоявъ нѣсколько времени у одного изъ билліардовъ, около котораго, хватаясь за бортъ, сѣменилъ важный старичокъ и елееле попадалъ въ свой шаръ, и, заглянувъ въ библіотеку, гдѣ какой-то генералъ степенно читалъ черезъ очки, далеко держа отъ себя газету, и записанный юноша, стараясь не шумѣть, пересматривалъ подъ рядъ всѣ журналы, золотой молодой человѣкъ подсѣлъ на диванъ въ билліардной къ играющимъ въ табельку, такимъ же, какъ онъ, позолоченнымъ молодымъ людямъ. Былъ обѣденный день и было много господъ, всегда посѣщающихъ клубъ. Въ числѣ ихъ былъ Иванъ Вавиловичъ Пахтинъ. Это былъ мужчина лѣтъ 40, средняго роста, бѣлый, полный, съ широкими плечами и тазомъ, съ голою головой и глянцевитымъ, счастливымъ, выбритымъ лицомъ. Онъ не игралъ въ табельку, но такъ подсѣлъ къ князю. Д., съ которымъ онъ былъ на *ты*, и не отказался отъ стакана шампанскаго, которое ему предложили. Онъ такъ хорошо помѣстился, послѣ обѣда, незамѣтно распустивъ сзади гульфикъ, что казалось бы вѣкъ просидѣлъ такъ, покуривая сигару, запивая шампанское и чувствуя близкое присутствіе князей и графовъ, министерскихъ дѣтей. Извѣстіе о пріѣздѣ Лабазовыхъ нарушило его спокойствіе.

— Куда ты, Пахтинъ?—сказалъ министерскій сынъ, замѣтивъ между игрой, что Пахтинъ привсталъ, одернулъ жилетъ и большимъ глоткомъ допилъ шампанское.

— Сѣверниковъ просилъ,—сказалъ Пахтинъ, чувствуя какое-то безпокойство въ ногахъ.—Что же, поѣдешь?...

— „Анастасья, Анастасья, отворяй-ка ворота“...—Это была извѣстная въ ходу цыганская пѣсня.

— Можетъ быть. А ты?

— Куда мнѣ, женатому старику!

— Ну!...

Пахтинъ, улыбаясь, пошелъ въ стеклянную залу къ Сѣверникову. Онъ любилъ, чтобы послѣднее слово, имъ сказанное, была шуточка. И теперь такъ вышло.

— Что, какъ здоровье графини?—спросилъ онъ, подходя къ Сѣверникову, который вовсе не звалъ его, но которому, по нѣкоторымъ соображеніямъ Пахтина, нужнѣе всѣхъ было узнать о пріѣздѣ Лабазовыхъ. Сѣверниковъ былъ немножко замѣшанъ въ 14-мъ числѣ и пріятель со всѣми декабристами. Здоровье графини было гораздо лучше, и Пахтинъ былъ очень радъ этому.

— А вы не знаете, Лабазовъ пріѣхалъ нынче, у Шевалье остановился?

— Что вы говорите!... Вѣдь мы старые пріятели. Какъ я радъ, какъ я радъ! Постарѣлъ, я думаю, бѣдняга? Его жена писала моей женѣ...

Но Сѣверниковъ не досказалъ, что̀ она писала, потому что его партнёры, разыгрывавшіе безкозырную, сдѣлали что-то не такъ. Говоря съ Иваномъ Павловичемъ, онъ все косился на нихъ, но теперь вдругъ бросился всѣмъ туловищемъ на столъ и, стуча по немъ руками, доказалъ, что надо было играть съ семерки. Иванъ Павловичъ всталъ и, подойдя къ другому столу, сообщилъ между разговоромъ другому почтенному человѣку свою новость, опять всталъ и у третьяго стола сдѣлалъ то же. Почтенные люди всѣ были очень, очень рады возвращенію Лабазова, такъ что, опять вернув-

шись въ билліардную, Иванъ Павловичъ, сначала сомнѣвавшійся, нужно или нѣтъ радоваться возвращенію Лабазова, уже болѣе не употреблялъ введенія о балѣ, статьѣ „Вѣстника“, здоровьѣ и погодѣ, а прямо приступалъ ко всѣмъ съ восторженнымъ объясненіемъ о благополучномъ возвращеніи знаменитаго декабриста.

Старичокъ, все еще тщетно пытавшійся ткнуть кіемъ въ своего бѣлаго шара, долженъ былъ, по мнѣнію Пахтина, быть очень обрадованъ извѣстіемъ. Онъ подошелъ къ нему. „Хорошо по игрываете, ваше высокопревосходительство?“ сказалъ онъ въ то время, какъ старичокъ сунулъ свой кій въ красный жилетъ маркёра, означая этимъ желаніе помѣлить.

„Ваше высокопревосходительство“ было сказано совсѣмъ не такъ, какъ вы думаете, изъ подобострастія (нѣтъ, это не мода въ 56-мъ году). Иванъ Павловичъ называлъ просто по имени и отчеству этого старичка, а это было сказано частью какъ шутка надъ тѣми, кто такъ говоритъ, частью, чтобъ дать знать, что мы знаемъ, съ кѣмъ говоримъ, и все-таки рѣзвимся немножко и взаправду; вообще это было очень тонко.

— Сейчасъ узналъ—Петръ Лабазовъ пріѣхалъ. Прямо изъ Сибири пріѣхалъ, со всѣмъ семействомъ.—Эти слова Пахтинъ произнесъ въ то самое время, какъ старичокъ опять промахнулся въ своего шара,—такое ему несчастіе было.

— Ежели онъ пріѣхалъ такимъ же взбалмошнымъ, какимъ поѣхалъ, такъ нечему радоваться!—угрюмо сказалъ старичокъ, раздраженный своей непонятною неудачей.

Этотъ отзывъ смутилъ Ивана Павловича,—онъ опять не зналъ, слѣдовало ли или нѣтъ радоваться пріѣзду Лабазова; и чтобъ окончательно разрѣшить свои сомнѣнія, онъ напра-

вилъ шаги свои въ комнату, гдѣ собирались умные люди разговаривать и знали значеніе и цѣну всякой вещи, и все знали однимъ словомъ. Иванъ Павловичъ былъ въ тѣхъ же пріятныхъ отношеніяхъ съ посѣтителями умной комнаты, какъ и съ золоченою молодежью и сановитыми особами. Правда, у него не было своего особаго мѣста въ умной комнатѣ, но никто не удивился, когда онъ вошелъ и сѣлъ на диванъ. Рѣчь шла о томъ, въ какомъ году и по какому случаю произошла ссора между двумя русскими журналистами. Выждавъ минуту молчанья, Иванъ Павловичъ сообщилъ свою новость не такъ, какъ радость, не такъ, какъ незначущее событіе, а такъ, какъ будто къ разговору. Но тотчасъ по тому, какъ „умные" (я употребляю „умные" какъ прозваніе посѣтителей умной комнаты) приняли его новость и стали обсуживать ее,—тотчасъ Иванъ Павловичъ понялъ, что сюда-то именно и слѣдовала эта новость, и здѣсь только она получитъ такую обработку, что можно будетъ везти ее дальше и savoir, à quoi s'en tenir.

— Только Лабазова недоставало, — сказалъ одинъ изъ „умныхъ".—Теперь изъ живыхъ декабристовъ всѣ вернулись въ Россію.

— Онъ былъ одинъ изъ стаи славныхъ...—сказалъ Пахтинъ еще выпытывающимъ тономъ, готовый на то, чтобъ эту цитату сдѣлать шуточной и серьезной.

— Какже, Лабазовъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей того времени,—началъ „умный".—Въ 1819 году онъ былъ прапорщикомъ Семеновскаго полка и былъ посланъ за границу съ депешами къ герцогу З. Потомъ онъ вернулся и въ 24 году былъ принятъ въ первую масонскую ложу. Всѣ тогдашніе масоны собирались у Д. и у него. Вѣдь онъ

очень богатъ былъ. Князь Ж., Өедоръ Д., Иванъ П.—это были его ближайшіе друзья. И тутъ дядя его князь Виссаріонъ, чтобъ удалить молодаго человѣка отъ этого общества, перевезъ его въ Москву.

— Извините, Николай Степановичъ!—перебилъ другой „умный":—мнѣ кажется, что это было въ 23 году, потому что Виссаріонъ Лабазовъ назначенъ былъ командиромъ 3-го корпуса въ 24 году и былъ въ Варшавѣ. Онъ приглашалъ его къ себѣ въ адъютанты и послѣ отказа ужъ перевелъ его. Впрочемъ, извините, я васъ перебилъ.

— Ахъ, нѣтъ, сдѣлайте одолженіе!

— Нѣтъ, пожалуйста!

— Нѣтъ, сдѣлайте одолженіе, вы должны это знать лучше меня, и притомъ память ваша и знанія достаточно доказаны здѣсь.

— Въ Москвѣ онъ противъ желанія дяди вышелъ въ отставку,—продолжалъ тотъ, чья память и знанія были доказаны,—и тамъ вокругъ него образовалось второе общество, котораго онъ былъ родоначальникомъ и сердцемъ, ежели можно такъ выразиться. Онъ былъ богатъ, хорошъ собой, уменъ, образованъ; любезенъ, говорятъ, былъ удивительно. Мнѣ еще тетка говаривала, что она не знавала человѣка обворожительнѣе его. И тутъ-то онъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до бунта, женился на Кринской.

— Дочь Николая Кринскаго... тотъ, что̀ при Бородино... ну, извѣстный!—перебилъ кто-то.

— Ну, да. Ея-то огромное состояніе у него осталось теперь, а его собственное, родовое, перешло меньшому брату князю Ивану, который теперь оберъ-гофъ-кафермейстеръ (онъ назвалъ что-то въ этомъ родѣ) и былъ министромъ.

— Лучше всего его поступокъ съ братомъ!—продолжалъ разскащикъ. — Когда его взяли, то одно, чтò онъ успѣлъ уничтожить, это—письма и бумаги брата.

— Развѣ братъ былъ замѣшанъ?

Разскащикъ не отвѣчалъ: „да", но сжалъ губы и мигнулъ значительно.

— Потомъ на всѣхъ допросахъ Петръ Лабазовъ постоянно отпирался во всемъ, чтò касалось брата, и за это пострадалъ больше другихъ. Но чтò лучше всего, что князь Иванъ получилъ все имѣніе и ни одного гроша не послалъ брату.

— Говорили, что Петръ Лабазовъ самъ отказался,—замѣтилъ одинъ изъ слушателей.

— Да, но отказался только потому, что князь Иванъ передъ коронаціей писалъ ему и извинялся, что ежели бы не онъ взялъ, то имѣніе конфисковали бы, а что у него дѣти и долги, и что теперь онъ не въ состояніи возвратить ничего. Петръ Лабазовъ отвѣчалъ двумя строками: „Ни я, ни наслѣдники мои не имѣемъ и не хотимъ имѣть никакихъ правъ на закономъ вамъ присвоенное имѣніе". И больше ничего. Каково?... И князь Иванъ проглотилъ и съ восторгомъ заперъ этотъ документъ съ векселями въ шкатулку и никому не показывалъ.

Одна изъ особенностей умной комнаты состояла въ томъ, что посѣтители ея знали, когда хотѣли знать, все, что дѣлалось на свѣтѣ, какъ бы тайно оно ни происходило.

— Впрочемъ, это вопросъ,—сказалъ новый собесѣдникъ,—справедливо ли было отнять отъ дѣтей князя Ивана состояніе, при которомъ они выросли и были воспитаны и на которое полагали, что имѣли право?

Разговоръ такимъ образомъ былъ перенесенъ въ отвлеченную сферу, не интересовавшую Пахтина.

Онъ почувствовалъ необходимость свѣжимъ людямъ сообщить новость, всталъ и медленно, заговаривая направо и налѣво, пошелъ по заламъ. Одинъ изъ его сослуживцевъ остановилъ его, чтобы сообщить новость о пріѣздѣ Лабазовыхъ.

— Кто же этого не знаетъ?—отвѣчалъ Иванъ Павловичъ, спокойно улыбаясь, и направился къ выходу. Новость уже совершила свой кругъ и опять возвращалась къ нему.

Въ клубѣ было больше нечего дѣлать; онъ отправился на вечеръ. Это былъ не званый вечеръ, а салонъ, въ которомъ принимали каждый день. Было человѣкъ 8 дамъ и одинъ старый полковникъ, и всѣмъ было ужасно скучно. Уже одна твердая походка и улыбающееся лицо Пахтина развеселили дамъ и дѣвицъ. Новость же была тѣмъ болѣе кстати, что въ салонѣ была старая графиня Фуксъ съ дочерью. Когда Пахтинъ разсказалъ почти слово въ слово все, что онъ слышалъ въ умной комнатѣ, m-me Фуксъ, покачивая головой и удивляясь своей старости, стала вспоминать, какъ она выѣзжала вмѣстѣ съ Наташей Кринской, теперешней Лабазовой.

— Ея замужство очень романтическая исторія, и все это было на моихъ глазахъ. Наташа была почти обручена съ Мятлинымъ, который послѣ былъ убитъ на дуэли съ Дёбра. Только въ это время пріѣзжаетъ въ Москву князь Петръ, влюбляется въ нее и дѣлаетъ предложеніе. Только отецъ, которому очень хотѣлось Мятлина (и вообще Лабазова боялись, какъ масона),—отецъ отказалъ. Только молодой человѣкъ продолжаетъ ее видѣть на балахъ, вездѣ, сдружается съ Мятлинымъ, проситъ его отказаться. Мятлинъ согла-

шается, и онъ ее уговариваетъ бѣжать. Она тоже соглашается, но послѣднее раскаянье (разговоръ происходилъ по-французски)—она идетъ къ отцу и говоритъ, что все готово къ бѣгству и что она могла его оставить, но надѣется на его великодушіе. И въ самомъ дѣлѣ, отецъ простилъ ее,—всѣ за нее просили,—и далъ согласіе. Вотъ такъ и сдѣлалась эта свадьба, и веселая была свадьба! Кто изъ насъ думалъ, что черезъ годъ она поѣдетъ за нимъ въ Сибирь,—она, единственная дочь, самая богатая, самая красивая тогдашняго времени. Императоръ Александръ всегда замѣчалъ ее на балахъ, сколько разъ танцовалъ съ ней. У графини Г. былъ bal costumé, какъ теперь помню, и она была неаполитанкой, удивительно хороша! Онъ всегда, пріѣзжая въ Москву, спрашивалъ: que fait la belle Napolitaine? И вдругъ эта женщина, въ такомъ положеніи (она дорогой родила), ни минуты не задумалась, ничего не приготовила, не собрала вещи, и какъ была, когда его взяли, такъ и поѣхала за нимъ за 5.000 верстъ.

— О, удивительная женщина!—сказала хозяйка.

— И онъ, и она это рѣдкіе люди были,—сказала еще другая дама.—Мнѣ говорили,—не знаю, правда ли,—что въ Сибири вездѣ, гдѣ они работали въ рудникахъ, или какъ это называется, такъ это колодники, которые съ ними были, исправлялись отъ нихъ.

— Да она никогда не работала въ рудникахъ,—поправилъ Пахтинъ.

Что значитъ 56-й годъ! Три года тому назадъ никто не думалъ о Лабазовыхъ, и ежели вспоминали о нихъ, то съ тѣмъ безотчетнымъ чувствомъ страха, съ которымъ говорятъ о новоумершихъ; теперь же какъ живо вспоминались всѣ преж-

нія отношенія, всѣ прекрасныя качества, и каждая изъ дамъ ужъ придумывала планъ, какъ бы получить монополію на Лабозовыхъ и ими угащивать другихъ гостей.

— Сынъ и дочь пріѣхали съ ними,—сказалъ Пахтинъ.

— Ежели только они такъ же хороши, какъ была мать...—сказала графиня Фуксъ.—Впрочемъ, и отецъ былъ очень, очень хорошъ.

— Какъ они могли воспитать тамъ своихъ дѣтей?—сказала хозяйка дома.

— Говорятъ, прекрасно. Говорятъ, молодой человѣкъ такъ хорошъ, любезенъ, образованъ, какъ будто выросъ въ Парижѣ.

— Я предсказываю большой успѣхъ молодой особѣ,—сказала одна некрасивая дѣвица.—Всѣ эти сибирскія дамы имѣютъ что-то очень пріятно-тривьяльное, но которое очень нравится.

— Да, да,—сказала другая дѣвица.

— Вотъ еще богатая невѣста прибавилась! —сказала третья дѣвица.

Старый полковникъ нѣмецкаго происхожденія, три года тому назадъ пріѣхавшій въ Москву, чтобы жениться на богатой, рѣшилъ—какъ можно скорѣе, пока молодежь еще не знаетъ, представиться и сдѣлать предложеніе. Дѣвицы и дамы почти то же самое думали насчетъ сибирскаго молодаго человѣка. „Должно-быть это-то и есть мой суженый“, подумала дѣвица, тщетно выѣзжающая уже 8-й годъ. „Должно-быть къ лучшему было, что этотъ глупый кавалергардъ такъ и не сдѣлалъ мнѣ предложенія. Я бы вѣрно была несчастлива“. „Ну, опять пожелтѣютъ всѣ отъ злости, когда еще этотъ въ меня влюбится“, подумала молодая и красивая дама. Говорятъ о провинціализмѣ маленькихъ городовъ,—нѣтъ ху-

же провинціализма высшаго общества. Тамъ нѣтъ новыхъ лицъ, но общество готово принять всякія новыя лица, ежсли бы они явились; здѣсь же рѣдко, рѣдко, какъ теперь Лабазовы, признаны принадлежащими къ кругу и приняты, и сенсація, производимая этими новыми лицами, сильнѣе, чѣмъ въ уѣздномъ городѣ.

III.

— Москва-то, Москва-то, матушка бѣлокаменная!—сказалъ Петръ Ивановичъ, протирая утромъ глаза и прислушиваясь къ звону колоколовъ, стоявшему надъ Газетнымъ переулкомъ. Ничто такъ живо не воскрешаетъ прошедшаго, какъ звуки, и эти колокольные московскіе звуки, соединенные съ видомъ бѣлой стѣны изъ окна и стукомъ колесъ, такъ живо напомнили ему не только ту Москву, которую онъ зналъ 35 лѣтъ тому назадъ, но и ту Москву съ Кремлемъ, теремами, Иванами и т. д., которую онъ носилъ въ своемъ сердцѣ,—что онъ почувствовалъ дѣтскую радость того, что онъ—русскій и что онъ въ Москвѣ.

Явился бухарскій халатъ, распахнутый на широкой груди въ ситцевой рубашкѣ, трубка съ янтаремъ, лакей съ тихими пріемами, чай, запахъ табаку, громкій, порывистый, мужской голосъ послышался въ комнатахъ Шевалье, утренніе поцѣлуи раздались, и голоса дочери и сына, и декабристъ былъ такъ же дома, какъ въ Иркутскѣ и какъ бы онъ былъ въ Нью-Йоркѣ и Парижѣ. Какъ бы мнѣ ни хотѣлось представить моимъ читателямъ декабрскаго героя выше всѣхъ слабостей, ради истины долженъ признаться, что Петръ Ивановичъ особенно тщательно брился, чесался и смотрѣлся въ зеркало. Платьемъ, которое было сшито не слишкомъ хо-

рошо въ Сибири, онъ былъ недоволенъ, и раза два то разстегнулъ, то застегнулъ сюртучокъ. Наталья же Николаевна вошла въ гостиную, шумя чернымъ муаровымъ платьемъ, съ такими рукавчиками и лентами на чепцѣ, что хотя все это было не по самой послѣдней модѣ, но такъ придумано, что не только не было ridicule, но, напротивъ, distingué. На это у дамъ есть особенное, шестое, чувство и проницательность ни съ чѣмъ несравнимая. Соня тоже была такъ пристроена, что хотя все было на два года сзади моды, но ни въ чемъ упрекнуть нельзя было. На матери темно и просто, на дочери свѣтло и весело. Серёжа только проснулся, и онѣ однѣ поѣхали къ обѣднѣ. Отецъ съ матерью сѣли сзади, дочь сѣла напротивъ. Василій сѣлъ на козлы, и извощичья карета повезла ихъ въ Кремль. Когда они вошли, дамы оправили платья, и Петръ Ивановичъ взялъ подъ руку свою Наталью Николаевну и, закинувъ голову назадъ, пошелъ къ дверямъ церкви. Многіе—и купцы, и офицеры, и всякій народъ—не могли узнать, что̀ это за люди. Кто это—давно, давно загорѣлый и не отошедшій старичокъ съ крупными, прямыми, рабочими морщинами особеннаго склада,—такого склада, какого не бываютъ морщины, пріобрѣтенныя въ англійскомъ клубѣ,—съ бѣлыми какъ снѣгъ волосами и бородой, съ добрымъ и гордымъ взглядомъ и энергическими движеніями? Кто эта высокая дама съ значительною поступью и усталыми, померкшими, большими и прекрасными глазами? Кто эта дѣвушка—свѣжая, стройная, сильная, и не модная, и не робкая? Купцы—не купцы, нѣмцы—не нѣмцы, господа—тоже такихъ не бываетъ, а важные люди. Такъ думали тѣ, которые видѣли ихъ въ церкви, и почему-то скорѣе и охотнѣе давали имъ дорогу и мѣсто, чѣмъ мужчинамъ въ густыхъ эпо-

лѣтахъ. Петръ Ивановичъ держалъ себя такъ же величаво, какъ и при входѣ, и молился спокойно, сдержанно, не забываясь. Наталья Николаевна плавно становилась на колѣни, вынимала платокъ и много плакала во время иже-херувимской. Соня какъ будто дѣлала надъ собой усиліе, чтобы молиться. Не шло къ ней моленіе, но она не оглядывалась и крестилась прилежно.

Серёжа остался дома частью отъ того, что проспалъ, частью отъ того, что онъ не любилъ стоять обѣдни; у него ноги отекали, и онъ никакъ не могъ понять, отчего пройти на лыжахъ верстъ 40 ему ничего не стоило, а простоять 12 Евангелій было для него величайшее физическое мученье; главное же отъ того, что онъ чувствовалъ, что ему нужнѣе всего было новое платье. Онъ одѣлся и пошелъ на Кузнецкій Мостъ. Денегъ у него было довольно. Отецъ сдѣлалъ себѣ правиломъ съ тѣхъ поръ, какъ сыну минуло 21 годъ, давать ему денегъ сколько захочетъ. Отъ него зависѣло оставить отца и мать совершенно безъ денегъ.

Какъ мнѣ жалко этихъ 250 руб. денегъ, даромъ истраченныхъ въ магазинѣ готоваго платья Кунца! Каждый изъ этихъ господъ, встрѣчавшихъ Серёжу, охотно бы научилъ его и за счастіе бы почелъ съ нимъ вмѣстѣ пойти заказать ему; но, какъ всегда бываетъ, онъ былъ одинокъ посреди толпы и, пробираясь въ фуражкѣ по Кузнецкому Мосту, не поглядывая на магазины, онъ дошелъ до конца, отворилъ двери и вышелъ оттуда въ коричневомъ полуфракѣ, въ узкомъ (а носили широкіе), въ черныхъ панталонахъ широкихъ (а носили узкіе) и въ атласномъ съ цвѣточками жилетѣ, который ни одинъ изъ господъ, бывшихъ у Шевалье въ особой, не позволилъ бы надѣть своему лакею. И еще много чего купилъ Серёжа. За

то Кунцъ въ недоумѣніе пришелъ отъ тонкой таліи молодаго человѣка и, какъ онъ это говорилъ всѣмъ, объяснилъ, что подобной онъ никогда не видѣлъ. Серёжа зналъ, что у него талія хороша, но похвала посторонняго человѣка, какъ Кунца, очень польстила ему. Онъ вышелъ безъ 250 р., но одѣтъ былъ очень дурно,—такъ дурно, что платье его черезъ два дня перешло во владѣніе Василья и навсегда осталось непріятнымъ воспоминаніемъ для Серёжи. Дома онъ сошелъ внизъ и сѣлъ въ большой комнатѣ, тоже посматривая въ завѣтную, и спросилъ себѣ завтракать такихъ странныхъ кушаній, что слуга даже посмѣялся на кухнѣ. Но все-таки онъ спросилъ журналъ и сдѣлалъ какъ будто читаетъ его. Когда же слуга, обнадеженный неопытностью юноши, началъ было спрашивать его, то Серёжа сказалъ: „ступай на свое мѣсто!"—и покраснѣлъ. Но сказалъ такъ гордо, что тотъ послушался. Мать, отецъ и дочь, возвратившись домой, нашли тоже его платье отличнымъ.

Помните ли вы это радостное чувство дѣтства, когда въ ваши именины васъ принарядили, повезли къ обѣднѣ и вы, возвратившись съ праздникомъ на платьѣ, на лицѣ и въ душѣ, нашли дома гостей и игрушки? Вы знаете, что нынче нѣтъ классовъ, что большіе даже празднуютъ, что нынче для цѣлаго дома день исключенія и удовольствій; вы знаете, что вы одни причиной этого торжества, и что, чтò бы вы ни сдѣлали, вамъ простятъ, и вамъ странно, что люди на улицахъ не празднуютъ такъ же, какъ ваши домашніе, и звуки слышнѣе, и цвѣта ярче,—однимъ словомъ, именинное чувство. Такого рода чувство испыталъ Петръ Ивановичъ, возвратившись изъ церкви.

Вчерашнія хлопоты Пахтина не пропали даромъ: вмѣсто

игрушекъ Петръ Ивановичъ нашелъ дома уже нѣсколько визитныхъ карточекъ значительныхъ москвичей, считавшихъ въ 56-мъ году своею непремѣнною обязанностью оказать всевозможное вниманіе знаменитому изгнаннику, котораго они не хотѣли бы видѣть ни за что на свѣтѣ три года тому назадъ. Въ глазахъ Шевалье, швейцара и людей гостиницы появленіе каретъ, спрашивающихъ Петра Ивановича, въ одно утро удесятерило ихъ уваженіе и услужливость. Все это были именинные подарки для Петра Ивановича. Какъ ни испытанъ жизнію, какъ ни уменъ человѣкъ, выраженія уваженія отъ людей, уважаемыхъ большимъ числомъ людей, всегда пріятны. Петру Ивановичу было весело на душѣ, когда Шевалье, изгибаясь, предлагалъ перемѣнить отдѣленіе и просилъ приказывать все, что будетъ угодно, и увѣрялъ, что онъ за счастіе почитаетъ посѣщеніе Петра Ивановича, и когда онъ, пересматривая карточки и опять бросая ихъ въ вазу, называлъ имена графа С., князя Д. и т. д., Наталья Николаевна сказала, что она никого не принимаетъ и сейчасъ поѣдетъ къ Марьѣ Ивановнѣ, на что Петръ Ивановичъ согласился, хотя ему хотѣлось бы поговорить со многими изъ пріѣзжавшихъ. Только одинъ изъ визитовъ успѣлъ проскочить до запрета. Это былъ Пахтинъ. Ежели бы спросить этого человѣка, для чего онъ съ Пречистенки пріѣхалъ въ Газетный переулокъ, то онъ никакого бы не могъ дать предлога, исключая того, что онъ любитъ все новое и занимательное, и потому пріѣхалъ посмотрѣть на Петра Ивановича какъ на рѣдкость. Казалось бы, надо заробѣть, съ такимъ единственнымъ резономъ пріѣзжая къ незнакомому человѣку. Оказалось напротивъ. Петръ Ивановичъ, и его сынъ, и Софья Петровна смутились. Наталья Николаевна была слиш-

комъ grande dame, чтобъ отъ чего бы то ни было смущаться. Утомленный взглядъ ея прекрасныхъ, черныхъ глазъ спокойно спустился на Пахтина. Пахтинъ же былъ свѣжъ, самодоволенъ и весело любезенъ, какъ всегда. Онъ былъ другъ Марьи Ивановны.

— А!—сказала Наталья Николаевна.

— Не другъ,—лѣта наши, но она всегда была добра ко мнѣ.—Пахтинъ былъ давнишній поклонникъ Петра Ивановича, онъ зналъ его товарищей.—Онъ надѣялся, что можетъ быть полезенъ пріѣзжимъ. Онъ вчера бы еще явился, но не успѣлъ, и проситъ извинить его.—И онъ сѣлъ и говорилъ долго.

— Да, скажу вамъ, много я нашелъ перемѣнъ въ Россіи съ тѣхъ поръ,—сказалъ Петръ Ивановичъ, отвѣчая на вопросъ.

Какъ только Петръ Ивановичъ сталъ говорить, надо было видѣть, съ какимъ почтительнымъ вниманіемъ Пахтинъ получалъ каждое слово, вылетавшее изъ устъ значительнаго старца, и какъ за каждою фразой, иногда словомъ, Пахтинъ кивкомъ, улыбкой или движеніемъ глазъ давалъ чувствовать, что онъ получилъ и принялъ достопамятную для него фразу или слово. Усталый взглядъ одобрилъ этотъ маневръ. Сергѣй Петровичъ, казалось, боялся, что рѣчь батюшки не будетъ значительна, соотвѣтственно вниманію слушателя. Софья Петровна, напротивъ, улыбнулась той незамѣтною, самодовольною улыбкой, которою улыбаются люди, подмѣтившіе смѣшную сторону человѣка. Ей показалось, что отъ этого нечего ждать, что это „шюшка“,—такъ они съ братомъ называли извѣстный сортъ людей. Петръ Ивановичъ объяснилъ, что онъ въ своемъ путешествіи замѣтилъ огромныя перемѣны, которыя радовали его.

— Нѣтъ сравненія, какъ народъ — крестьянинъ — сталъ выше, стало больше сознанія достоинства въ немъ,—говорилъ онъ, какъ бы протверживая старыя фразы.—А я долженъ сказать, что народъ болѣе всего меня занимаетъ и занималъ. Я того мнѣнія, что сила Россіи—не въ насъ, а въ народѣ. — Петръ Ивановичъ развивалъ со свойственнымъ ему жаромъ свои болѣе или менѣе оригинальныя мысли насчетъ многихъ важныхъ предметовъ. Намъ придется еще слышать ихъ въ болѣе полномъ видѣ. Пахтинъ таялъ отъ наслажденія и былъ совершенно согласенъ со всѣмъ.

— Вамъ непремѣнно надо познакомиться съ Аксаковыми. Вы позволите мнѣ ихъ представить вамъ, князь? Вы знаете, ему разрѣшили теперь его изданіе? Говорятъ, завтра выйдетъ первый нумеръ. Я читалъ также его удивительную статью о послѣдовательности теоріи науки въ абстрактности: чрезвычайно интересно. Еще тамъ статья — исторія Сербіи въ XI вѣкѣ, этого знаменитаго воеводы Карбавонца, тоже очень интересна. Вообще, огромный шагъ.

— А, такъ...—сказалъ Петръ Ивановичъ. Но его видимо не занимали всѣ эти извѣстія, онъ даже не зналъ именъ и заслугъ тѣхъ людей, которыхъ, какъ всѣмъ извѣстныхъ, называлъ Пахтинъ. Наталья Николаевна же, не отрицая необходимости знанія всѣхъ этихъ людей и условій, въ оправданіе мужа замѣтила, что Pierre поздно очень получалъ журналы, но онъ слишкомъ много читаетъ.

— Папа, мы поѣдемъ къ тётѣ?—сказала Соня входя.

— Поѣдемъ, но надо позавтракать. Не хотите ли чего-нибудь?

Пахтинъ, разумѣется, отказался, но Петръ Ивановичъ съ свойственнымъ вообще русскому, и особенно ему, гостепріимствомъ настоялъ на томъ, чтобы Пахтинъ поѣлъ и выпилъ.

Самъ же онъ выпилъ рюмку водки и стаканъ бордо. Пахтинъ замѣтилъ, что когда онъ наливалъ вино, Наталья Николаевна отвернулась нечаянно отъ стакана, а сынъ посмотрѣлъ особенно на руки отца. Послѣ вина Петръ Ивановичъ на вопросы Пахтина о томъ, какое его мнѣніе о новой литературѣ, о новомъ направленіи, о войнѣ, о мирѣ (Пахтинъ умѣлъ самые разнородные предметы соединить въ одинъ безтолковый, но гладкій разговоръ),—на эти вопросы Петръ Ивановичъ сразу отвѣтилъ одною общею profession de foi, и вино ли, или предметъ разговора, но онъ такъ разгорячился, что слезы выступили у него на глазахъ, и что Пахтинъ пришелъ въ восторгъ и тоже прослезился, и не стѣсняясь выразилъ свое убѣжденіе, что Петръ Ивановичъ теперь впереди всѣхъ передовыхъ людей и долженъ стать главой всѣхъ партій. Глаза Петра Ивановича разгорѣлись,—онъ вѣрилъ тому, что̀ ему говорилъ Пахтинъ,—и онъ долго бы еще говорилъ, ежели бы Софья Петровна не поинтриговала у Натальи Николаевны, чтобы она надѣла мантилью и не пришла бы сама поднять Петра Ивановича. Онъ налилъ было себѣ остальное вино, но Софья Петровна выпила его.

— Что-жъ ты это?

— Я не пила еще, papa, pardon.—Онъ улыбнулся.

— Ну, поѣдемъ къ Марьѣ Ивановнѣ. Вы насъ извините, m-r Пахтинъ.—И Петръ Ивановичъ вышелъ, неся высоко голову. Въ сѣняхъ встрѣтился еще генералъ, пріѣхавшій съ визитомъ къ старому знакомому. Они 35 лѣтъ не видались. Генералъ былъ уже безъ зубовъ и плѣшивый.

— А ты какъ еще свѣжъ!—сказалъ онъ.—Видно Сибирь лучше Петербурга. Это твои?... Представь меня. Какой молодецъ сынъ-то!... Такъ завтра обѣдать?

— Да, да, непремѣнно.

На крыльцѣ встрѣтился знаменитый Чихаевъ, тоже старый знакомый.

— Какъ же вы узнали, что я пріѣхалъ?

— Стыдно бы было Москвѣ, ежели бы она не знала; стыдно, что у заставы васъ не встрѣтили. Гдѣ вы обѣдаете? Должно-быть у сестры Марьи Ивановны? Ну, и прекрасно, я тоже пріѣду.

Петръ Ивановичъ всегда имѣлъ видъ человѣка гордаго для тѣхъ, кто не могъ разобрать сквозь эту внѣшность выраженіе несказанной доброты и впечатлительности; теперь же даже Наталья Николаевна любовалась его непривычною величавостью, и Софья Петровна улыбалась глазами, поглядывая на него. Они пріѣхали къ Марьѣ Ивановнѣ. Марья Ивановна была крестная мать Петра Ивановича и старше его 10-ю годами; она была старая дѣва.

Исторію ея, почему она не вышла замужъ и какъ она жила свою молодость, я разскажу когда-нибудь послѣ.

Она жила въ Москвѣ 40 лѣтъ безвыѣздно. Не было въ ней ни большаго ума, ни большаго богатства, и связями она не дорожила,—напротивъ; но и не было человѣка, который бы не уважалъ ее. Она была такъ увѣрена, что всѣ должны уважать ее, что всѣ ее уважали. Бывали изъ университета молодые либералы, которые не признавали за ней власти, но эти господа фрондировали только въ ея отсутствіи. Стоило ей войти въ гостиную своей царскою поступью, заговорить своей спокойною рѣчью, улыбнуться своей ласковою улыбкой, и они были покорены. Общество ея было—всѣ. Она смотрѣла на Москву и обращалась съ ней какъ съ своими домашними. Бывали у ней друзья больше

изъ молодежи и мужчинъ умныхъ,—женщинъ она не любила. Были у ней тоже и приживалки, и приживальщики, которыхъ, вмѣстѣ съ венгеркой и генералами, въ одно общее презрѣніе почему-то вмѣстѣ включила наша литература; но Марья Ивановна считала, что проигравшемуся Скопину и прогнанной мужемъ Бѣшевой лучше жить у нея, чѣмъ въ нищетѣ, и держала ихъ. Но два сильныя чувства въ теперешней жизни Марьи Ивановны были ея два брата: Петръ Ивановичъ былъ ея идоломъ, князь Иванъ былъ ея ненавистью. Она не знала, что Петръ Ивановичъ пріѣхалъ, была у обѣдни, и теперь только отпила кофе. Московскій викарій, Бѣшева и Скопинъ сидѣли около стола. Марья Ивановна разсказывала имъ про молодаго графа В., сына П. З., который вернулся изъ Севастополя и въ котораго она была влюблена. (У нея безпрерывно бывали пассіи.) Нынче онъ долженъ былъ обѣдать у нея. Викарій всталъ и раскланялся. Марья Ивановна не удерживала его,—она была вольнодумка въ этомъ отношеніи; она была набожна, но не любила монаховъ, смѣялась надъ барынями, бѣгающими за монахами, и говорила смѣло, что, по ея мнѣнію, монахи такіе же люди, какъ мы грѣшные, и что можно спастись въ міру лучше, чѣмъ въ монастырѣ.

— Не велите никого принимать, мой другъ, — сказала она,—я Пьеру напишу; не понимаю, что онъ не ѣдетъ. Вѣрно Наталья Николаевна больна.

Марья Ивановна была того убѣжденія, что Наталья Николаевна не любила и была врагомъ ея. Она не могла простить ей того, что не она, сестра, отдала ему свое имѣнье и поѣхала съ нимъ въ Сибирь, а Наталья Николаевна, и что братъ рѣшительно отказалъ ей въ этомъ, когда она собира-

лась ѣхать. Послѣ 35 лѣтъ она начинала вѣрить иногда брату, что Наталья Николаевна лучшая жена въ мірѣ и его ангелъ-хранитель была, но она завидовала, и ей все казалось, что она дурная женщина.

Она встала, прошлась по залѣ и хотѣла идти въ кабинетъ, какъ дверь отворилась и сморщенное, сѣденькое лицо Бѣшевой, выражавшее радостный ужасъ, выставилось въ двери.

— Марья Ивановна, приготовьтесь!—сказала она.

— Письмо?

— Нѣтъ, больше...—Но не успѣла она сказать, какъ въ передней послышался громкій мужской голосъ:

— Да гдѣ она? Поди ты, Наташа.

— Онъ!—проговорила Марья Ивановна и большими, твердыми шагами пошла къ брату. Она встрѣтила ихъ какъ-будто вчерашняго дня съ ними видѣлась.

— Когда ты пріѣхалъ? Гдѣ остановились? Въ чемъ же вы, въ каретѣ?—Вотъ какіе вопросы дѣлала Марья Ивановна, проходя съ ними въ гостиную, не слушая отвѣтовъ и глядя большими глазами то на одного, то на другаго. Бѣшева удивилась этому спокойствію, равнодушію даже, и не одобряла его. Они всѣ улыбались. Разговоръ замолкъ. Марья Ивановна молча, серьезно смотрѣла на брата.

— Какъ вы?—сказалъ Петръ Ивановичъ, взявъ ее за руку и улыбаясь.—Петръ Ивановичъ говорилъ „вы", а она говорила ему „ты". Марья Ивановна еще разъ взглянула на сѣдую бороду, на плѣшивую голову, на зубы, на морщины, на глаза, на загорѣлое лицо—и все это узнала.

— Вотъ моя Соня!

Но она не оглянулась.

— Какой ты дур...—голосъ ея оборвался, она схватила сво-

ими бѣлыми, большими руками его плѣшивую голову. Какой ты „дуракъ“, она хотѣла сказать, „что не приготовилъ меня...“ — но плечи и грудь задрожали, старческое лицо покривилось и она зарыдала, все прижимая къ груди плѣшивую голову и повторяя: „какой-ты ду...ракъ, что меня не приготовилъ...“

Петръ Ивановичъ не казался себѣ уже такимъ великимъ человѣкомъ, не казался такъ важенъ, какъ у крыльца Шевалье. Задомъ онъ сидѣлъ на креслѣ, но голова его была въ рукахъ сестры, носъ прижимался къ ея корсету, и въ носу щекотало, волосы были спутаны, и слезы были въ глазахъ. Но ему было хорошо. — Когда прошелъ этотъ порывъ радостныхъ слезъ, Марья Ивановна поняла, повѣрила тому, что̀ случилось, и стала оглядывать всѣхъ. Но еще нѣсколько разъ во время дня, какъ только она вспомнитъ, какой онъ былъ, какая она была тогда и какіе теперь, и все живо такъ встанетъ передъ воображеніемъ: тогдашнія несчастія, тогдашнія радости и тогдашнія любови,—на нее находило, и она опять вставала и повторяла:

— Какой ты дуракъ, Петрушка, дуракъ какой, что меня не приготовилъ! Зачѣмъ вы не ко мнѣ прямо пріѣхали? Я бы васъ помѣстила,—говорила Марья Ивановна.—По крайней мѣрѣ, вы обѣдаете? Тебѣ не скучно будетъ у меня, Сергѣй? У меня обѣдаетъ молодой севастополецъ, молодецъ. А Николая Михайловича сына ты не знаешь? Онъ—писатель, что-то хорошее тамъ написалъ. Я не читала, но хвалятъ, и онъ милый малый, я и его позову. Чихаевъ хотѣлъ тоже пріѣхать. Ну, этотъ—болтунъ, я его не люблю. Онъ уже былъ у тебя? А Никиту видѣлъ? Ну, да это все вздоръ. Что̀ ты намѣренъ дѣлать? Что вы, ваше здоровье, Натали? Куда этого молодца, эту красавицу?

Но разговоръ все не клеился.

Передъ обѣдомъ Наталья Николаевна съ дѣтьми поѣхали къ старой теткѣ, братъ съ сестрой остались вдвоемъ, и онъ сталъ разсказывать свои планы.

— Соня большая, ее надо вывозить; стало, мы будемъ жить въ Москвѣ,—сказала Марья Ивановна.

— Ни за что!

— Серёжѣ надо служить.

— Ни за что!

— Все такой же съумасшедшій!...—Но она все такъ же любила съумасшедшаго.

— Надо сидѣть здѣсь, потомъ ѣхать въ деревню и дѣтямъ показать все.

— Мое правило не вмѣшиваться въ семейныя дѣла,—говорила Марья Ивановна, успокоившись отъ волненія,—и не давать совѣтовъ. Молодому человѣку надо служить, это я всегда думала и думаю. А теперь больше, чѣмъ когда-нибудь. Ты не знаешь, что такое теперь, Петруша, эта молодежь. Я ихъ всѣхъ знаю. Вонъ князя Дмитрія сынъ совсѣмъ пропалъ. Да и сами виноваты! Я вѣдь никого не боюсь, я—старуха. А не хорошо!—И она начала говорить про правительство. Она была недовольна имъ за излишнюю свободу, которая давалась всему.

— Одно хорошее сдѣлали, что васъ выпустили. Это хорошо.

Петруша сталъ было защищать, но съ Марьей Ивановной было не то, что̀ съ Пахтинымъ, — ему было не сговорить. Она разгорячилась.

— Ну, что защищать? Тебѣ ли защищать? Ты все такой же, я вижу, безумный.

Петръ Ивановичъ замолчалъ съ улыбочкой, показывавшею, что онъ не сдается, но что спорить съ Марьей Ивановной онъ не хочетъ.

— Ты улыбаешься? Это мы знаемъ. Ты со мной, съ бабой, спорить не хочешь,—сказала она весело и ласково, и такъ тонко, умно глядя на брата, какъ нельзя было ожидать отъ ея старческаго, съ крупными чертами, лица.—Да не соспоришь, дружокъ! Вѣдь седьмой десятокъ доживаю. Тоже не дурой прожила, кое-что видѣла и поняла. Книжекъ вашихъ не читала, да и читать не буду. Въ книжкахъ—вздоръ!

— Ну, какъ вамъ мои ребята нравятся... Серёжа?—сказалъ Петръ Ивановичъ съ тою же улыбкой.

— Ну, ну!—грозясь на него отвѣтила сестра.—На дѣтей-то не переводи, объ этомъ поговоримъ. А я тебѣ вотъ что хотѣла сказать. Ты вѣдь безумный, такъ и остался, я по глазамъ вижу. Теперь тебя на рукахъ носить станутъ. Такая мода. Вы теперь всѣ въ модѣ. Да, да, я по глазамъ вижу, что ты такой же безумный, какъ и былъ,—прибавила она, отвѣчая на его улыбку.—Удаляйся ты, Христомъ Богомъ тебя прошу, отъ всѣхъ этихъ либераловъ нынѣшнихъ; Богъ ихъ знаетъ, что̀ они тамъ ворочаются. Только все это хорошо не кончится. А правительство наше теперь молчитъ, а потомъ придется показать ноготки, попомни мое слово. Я боюсь, чтобы ты опять не замѣшался. Брось это,—все пустяки. У тебя дѣти.

— Видно вы не знаете теперь меня, Марья Ивановна,—сказалъ братъ.

— Ну, хорошо, хорошо, ужъ тамъ видно будетъ, я ли тебя не знаю, или ты самъ себя не знаешь. Только я сказала, что̀ у меня на душѣ было: послушаешь меня,—хоро-

шо. Вотъ теперь и о Серёжѣ поговоримъ. Какой онъ у тебя? „Онъ мнѣ не очень понравился“, хотѣла было сказать она, но сказала только:—Онъ на мать похожъ, двѣ капли воды. Вотъ Соня твоя такъ мнѣ очень понравилась, очень... Милое такое что-то, открытое. Милая!... Гдѣ она, Сонюшка?... Да, я и забыла.

— Да какъ вамъ сказать?... Соня-то будетъ хорошая жена и хорошая мать, но Серёжа мой уменъ, очень уменъ, этого никто не отниметъ. Учился прекрасно, немножко лѣнивъ. Къ естественнымъ наукамъ онъ большую охоту имѣлъ. Мы были счастливы,—у насъ былъ славный, славный учитель. Ему здѣсь хочется въ университетъ... послушать лекціи естественныхъ наукъ, химіи...

Марья Ивановна почти не слушала, какъ только братъ началъ объ естественныхъ наукахъ. Ей какъ будто вдругъ грустно стало, въ особенности, когда дѣло дошло до химіи. Она глубоко вздохнула и отвѣчала прямо на тотъ рядъ мыслей, которые вызвали въ ней естественныя науки...

— Кабы ты зналъ, какъ мнѣ ихъ жалко, Петруша!—сказала она съ искренней и тихой, покорною печалью.—Такъ жалко, такъ жалко! Цѣлая жизнь впереди. Чего еще они не натерпятся!

— Что же, надо надѣяться, что они проживутъ счастливѣе нашего.

— Дай Богъ, дай Богъ! Да жить-то тяжело, Петруша! Ты меня послушай въ одномъ, мой голубчикъ: не мудри ты! Какой ты дуракъ, Петруша,—ахъ, какой ты дуракъ! Однако мнѣ надо распорядиться. Народу-то я назвала, а чѣмъ я ихъ кормить буду?—Она всхлипнула, отвернулась и позвонила.

— Позвать Тараса!

— Все у васъ старикъ?—спросилъ братъ.

— Все онъ. Да что же, вѣдь онъ мальчишка въ сравненіи со мной.

Тарасъ былъ гнѣвенъ и чистъ, но взялся все дѣлать.

Скоро, пышащіе холодомъ и счастіемъ, вошли, шумя платьями, Наталья Николаевна и Соня; Серёжа остался за покупками.

— Дайте мнѣ на нее посмотрѣть!—Марья Ивановна руками взяла её за лицо. Наталья Николаевна разсказывала.

— Позвать Тараса!

— Все у васъ старики?—спросилъ братъ.

— Все они. Да что же, вѣдь онъ мальчишка въ сравненіи со мной.

Тарасъ былъ гнѣвенъ и золъ, но взялся все дѣлать.

Скоро, пышащіе холодомъ и счастіемъ, вошли, шумя платьями, Наталья Николаевна и Соня; Серёжа остался за покупками.

— Дайте мнѣ на нее посмотрѣть!—Марья Ивановна руками взяла её за лицо. Наталья Николаевна разсмѣялась.

ДВА ВАРІАНТА ПЕРВОЙ ГЛАВЫ.

I.

Спорное дѣло „о завладѣніи Пензенской губерніи, Краснослободскаго уѣзда, помѣщикомъ, отставнымъ гвардіи поручикомъ, Иваномъ Апыхтинымъ 4.000 десятинъ земли у сосѣднихъ казенныхъ крестьянъ села Излегощи“—было въ первой инстанціи, уѣздномъ судѣ, по ходатайству выборнаго отъ крестьянъ, Ивана Миронова, рѣшено въ пользу крестьянъ и огромная дача земли, частью подъ лѣсомъ, частью же подъ пашнями, расчищенными крѣпостными Апыхтина, поступила въ 1815-мъ году во владѣніе крестьянъ, и крестьяне въ 1816-мъ году посѣяли эту землю и сняли съ нея урожай. Выигрышъ этого неправильнаго дѣла крестьянами удивилъ всѣхъ сосѣдей и даже самихъ крестьянъ. Этотъ успѣхъ крестьянъ объяснялся только тѣмъ, что Иванъ Петровичъ Апыхтинъ, человѣкъ самый кроткій, смирный и не охотникъ судиться, увѣренный въ этомъ дѣлѣ въ своей правотѣ, не принялъ никакихъ мѣръ противъ дѣйствій крестьянъ. Иванъ же Мироновъ, повѣренный крестьянъ, сухой, горбоносый,

грамотный мужикъ, бывшій и головою, и ходившій сборщикомъ податей, собравъ съ мужиковъ по 50 копѣекъ съ души, умно распредѣлилъ эти деньги подарками и ловко велъ все дѣло. Но, тотчасъ послѣ рѣшенія уѣзднаго суда, Апыхтинъ, увидавъ опасность, далъ довѣренность ловкому дѣльцу, вольноотпущенному Ильѣ Митрофанову, который подалъ въ палату апелляцію на рѣшеніе уѣзднаго суда. Илья Митрофановъ такъ ловко велъ дѣло, что, несмотря на всѣ происки повѣреннаго крестьянъ Ивана Миронова, несмотря на значительные денежные подарки, розданные имъ членамъ палаты, дѣло въ губерніи было перерѣшено въ пользу помѣщика, и земля вновь должна была отойти отъ крестьянъ, о чемъ повѣренному ихъ и было объявлено. Повѣренный Иванъ Мироновъ объявилъ на сходкѣ крестьянамъ, что губернскіе господа потянули руку помѣщика и дѣло „все спутали", такъ что землю опять хотятъ отобрать, но что дѣло помѣщика не выгоритъ, потому что у него уже прошеніе въ сенатъ написано и есть такой человѣкъ, который обѣщалъ вѣрно въ сенатѣ все дѣло исправить, и что тогда ужъ землю навсегда закрѣпятъ за мужиками; только бы они теперь собрали еще по рублю съ души. Крестьяне рѣшили деньги собрать и опять поручить все дѣло Ивану Миронову. Собравъ деньги, Мироновъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Когда въ 1817-мъ году на страстной,—она приходилась поздно,—пришло время пахать, излегощинскіе мужики на сходкѣ стали толковать: пахать ли имъ въ нынѣшнемъ году спорную землю, и несмотря на то, что къ нимъ постомъ еще пріѣзжалъ отъ Апыхтина прикащикъ съ приказомъ не пахать земли и сходиться съ нимъ по согласію о посѣянной ржи на бывшей спорной землѣ, а теперь Апыхтинской,

мужики, именно потому, что у нихъ было посѣяно на спорной землѣ озимое и что Апыхтинъ, не желая ихъ обидѣть, хотѣлъ о немъ полюбовно съ ними сходиться, рѣшили спорную землю пахать и захватывать прежде всякой другой земли.

Въ самый тотъ день, какъ мужики выѣхали пахать на Берестовскую дачу, въ чистый четвергъ, Иванъ Петровичъ Апыхтинъ, говѣвшій на страстной недѣлѣ, причащался и поѣхалъ рано утромъ въ церковь села Излегощи, куда онъ былъ прихожанинъ, и тамъ, ничего не зная объ этомъ, дружелюбно бесѣдовалъ со старостой церковнымъ. Иванъ Петровичъ исповѣдался съ вечера и дома слушалъ всенощную; поутру самъ прочелъ правила и въ 8 часовъ выѣхалъ изъ дому. Къ обѣднѣ его ждали. Стоя въ алтарѣ, гдѣ онъ обыкновенно стаивалъ, Иванъ Петровичъ болѣе размышлялъ, чѣмъ молился, и былъ за то недоволенъ собою. Онъ, какъ и многіе люди того времени, да и всѣхъ временъ, чувствовалъ себя въ неясности относительно вѣры. Ему было уже за 50 лѣтъ, онъ никогда не пропускалъ исполненія обрядовъ, посѣщалъ церковь и говѣлъ разъ въ году; онъ, говоря съ своей единственною дочерью, наставлялъ ее въ правилахъ вѣры; но еслибъ его спросили, точно ли онъ вѣритъ, онъ бы не зналъ что̀ отвѣтить. И въ особенности нынче онъ чувствовалъ себя размягченнымъ и, стоя въ алтарѣ, вмѣсто того, чтобы молиться, думалъ о томъ, какъ странно все устроено на свѣтѣ: вотъ онъ уже почти старикъ, говѣетъ, можетъ-быть, сороковой разъ въ жизни, и вотъ онъ знаетъ, что всѣ, и домашніе его, и всѣ въ церкви, смотрятъ на него какъ на образецъ, берутъ примѣръ съ него, и онъ чувствуетъ себя обязаннымъ показывать этотъ примѣръ въ отношеніи религіи, а онъ самъ ничего не знаетъ, и вотъ-вотъ

ему ужъ умирать придется, а хоть убей его, онъ не знаетъ, правда ли то, въ чемъ онъ другимъ показываетъ примѣръ. И странно ему и то было, какъ всѣ считаютъ,—онъ это видѣлъ,—что старые люди тверды и знаютъ что̀ нужно и что̀ не нужно (такъ онъ всегда думалъ о старикахъ), а вотъ онъ старъ и—рѣшительно не знаетъ и такъ же легкомысленъ, какъ онъ былъ двадцати лѣтъ; но только прежде онъ не скрывалъ, а теперь скрываетъ это. Какъ въ дѣтствѣ ему приходило въ голову во время службы запѣть пѣтухомъ, такъ и теперь ему такія же глупости забѣгаютъ въ голову, а онъ, старикъ, степенно склоняется, прикасаясь старыми косточками руки къ плитамъ пола, и отецъ Василій видимо робѣетъ служить при немъ и возбуждаемъ къ усердію его усердіемъ. „А еслибъ они знали, какія глупости у меня въ головѣ бродятъ? Но грѣхъ, грѣхъ; надо молиться“, сказалъ онъ себѣ, когда началась служба, и, вслушиваясь въ смыслъ эктеніи, сталъ молиться. И дѣйствительно, скоро онъ перенесся чувствомъ въ молитву и сталъ вспоминать свои грѣхи и все, въ чемъ онъ каялся.

Благовидный старикъ, ровно шагая вывернутыми лаптями, съ густыми сѣдыми волосами, въ шубѣ съ новой бѣлою заплаткой на половинѣ спины, войдя въ алтарь, поклонился ему низко, встряхнулъ волосами и пошелъ за престолъ ставить свѣчи. Это былъ церковный староста, Иванъ Ѳедотовъ, одинъ изъ лучшихъ мужиковъ села Излегощи. Иванъ Петровичъ зналъ его. Видъ этого строгаго, твердаго лица навелъ Ивана Петровича на новый ходъ мыслей. Это былъ одинъ изъ тѣхъ мужиковъ, которые хотѣли отнять у него землю, и одинъ изъ лучшихъ, богатыхъ, семейныхъ хозяевъ, которымъ нужна была земля, которые умѣли съ ней

управиться и было чѣмъ. Его строгій видъ, его степенный поклонъ, его равномѣрная походка, аккуратность его одежды: онучи точно чулки облипали его ноги и оборочки симметрично скрещивались какъ на одной, такъ и на другой ногѣ,—весь его видъ какъ будто выражалъ укоръ, враждебность за землю.

„Да, вотъ я просилъ прощенія у жены, у Мани (дочери), у няни, у Володи камердинера, а вотъ у кого надо бы просить прощенія и простить“, подумалъ Иванъ Петровичъ и рѣшилъ попросить прощенія у Ивана Ѳедотова послѣ заутрени.

Такъ онъ и сдѣлалъ.

Въ церкви было мало народа. Народъ весь по обычаю отговѣлъ на первой и на четвертой недѣлѣ. Теперь же было только человѣкъ сорокъ мужиковъ и бабъ, не успѣвшихъ отговѣть раньше, нѣсколько старушекъ мужицкихъ, причетниковъ и дворовыхъ Апыхтинскихъ и богатыхъ сосѣдей Чернышевыхъ. Была тутъ старушка, родственница Чернышевыхъ, жившая у нихъ, и дьяконица вдова, сына которой Чернышевы, по своей добротѣ, воспитали и вывели въ люди и который служилъ теперь чиновникомъ въ сенатѣ. Между заутреней и обѣдней народу въ церкви оставалось еще меньше. Мужики и бабы вышли наружу. Оставались двѣ салопницы, сидя въ уголку, бесѣдовавшія между собой и поглядывавшія на Ивана Петровича съ видимымъ желаніемъ поздороваться съ нимъ и поговорить, и два лакея: его лакей въ ливреѣ и чернышевскій, пріѣхавшій со старушкой. Эти оба тоже о чемъ-то оживленно шептались въ то время, какъ Иванъ Петровичъ выходилъ изъ алтаря, и, тотчасъ же, увидавъ его,

замолкли. Еще была женщина въ высокой кичкѣ съ бисерными наличниками и бѣлой шубѣ, которою она прикрывая кричавшаго больнаго ребенка, старалась успокоить его, и еще сгорбленная старушка, тоже въ кичкѣ, но съ шерстяными наличниками и бѣлымъ платкомъ, завязаннымъ по-старушечьи, и въ сѣромъ чупрунѣ съ пѣтушками на спинѣ, которая, стоя на колѣняхъ по срединѣ церкви и обращаясь къ старому образу между рѣшетчатыхъ оконъ, на которомъ висѣло съ красными концами новое полотенце, молилась такъ усердно, торжественно и страстно, что нельзя было не обратить на нее вниманія. Не подходя еще къ старостѣ, который, стоя у шкапчика, переминалъ остатки свѣчъ въ комокъ воска, Иванъ Петровичъ остановился посмотрѣть на эту молящуюся старушку. Старуха молилась очень хорошо. Она стояла на колѣняхъ такъ прямо, какъ только можно было стоять прямо по направленію къ образу, всѣ члены ея были математически симметричны, ноги сзади упирались носками лаптей въ каменный полъ подъ однимъ и тѣмъ же угломъ, тѣло было загнуто назадъ, насколько позволялъ горбъ спины, руки совершенно правильно сложены на животѣ, голова закинута назадъ и лицо, съ выраженіемъ стыдливой жалостливости, сморщенное, съ тусклымъ взглядомъ, прямо обращено было къ иконѣ съ полотенцемъ. Постоявъ неподвижно въ такомъ положеніи минуту или меньше, но какое-то твердо опредѣленное время, она тяжело вздыхала и отнимала правую руку отъ живота, съ размахомъ заносила ее выше кички, дотрогивалась сложенными перстами до темени и такъ же широко клала крестъ на животъ и на плечи и, размахиваясь назадъ, опускала голову на правильно положенныя на землю руки и опять поднималась, и опять дѣлала то же.

„Вотъ молится,—подумалъ, глядя на нее, Иванъ Петровичъ,—не такъ, какъ мы грѣшные. Вотъ вѣра! Хоть я и знаю, что она молится на свой образокъ, или на свое полотенце, или свой уборъ на образѣ, какъ и всѣ они, но хорошо. Ну, что-жъ?—сказалъ онъ самъ себѣ,—у каждаго своя вѣра: она молится на образокъ, а я вотъ считаю нужнымъ попросить прощенья у мужика“.

И онъ направился къ старостѣ, невольно оглядывая церковь, чтобы знать, кто увидитъ его предполагаемый поступокъ, въ одно и то же время нравившійся ему и стыдившій его. Ему непріятно было, что старушки-салопницы, какъ онъ называлъ ихъ, увидятъ, но болѣе всего непріятно было, что увидитъ Мишка, его лакей; въ присутствіи Мишки,—онъ зналъ его бойкій, сметливый умъ,—онъ даже чувствовалъ, что не въ силахъ будетъ подойти къ Ивану Ѳедотову. И онъ поманилъ къ себѣ пальцемъ Мишку.

— Что прикажете?

— Поди, пожалуйста, братъ, принеси мнѣ коврикъ изъ коляски, а то сыро ногамъ.

— Слушаю-съ.

И когда Мишка ушелъ, Иванъ Петровичъ тотчасъ же подошелъ къ Ивану Ѳедотову. Иванъ Ѳедотовъ заробѣлъ, какъ точно виноватый, при приближеніи барина. Робость и торопливость движеній составляли странное противорѣчіе съ его строгимъ лицомъ и кудрявыми стальными волосами и бородой.

— Свѣчу прикажете десятикопѣечную?--заговорилъ онъ, поднимая конторку и вскидывая только изрѣдка своими большими, прекрасными глазами на барина.

— Нѣтъ, мнѣ не свѣча, Иванъ. А я прошу тебя про-

стить меня ради Христа, если я чѣмъ обидѣлъ. Простите ради Христа!—повторилъ Иванъ Петровичъ и низко поклонился.

Иванъ Ѳедотовъ совсѣмъ заробѣлъ, заторопился, но наконецъ понялъ, усмѣхнулся нѣжно:

— Богъ проститъ,—сказалъ онъ.—Обиды, кажется, отъ тебя не видали. Богъ проститъ, обиды не видали,—поспѣшно повторилъ онъ.

— Все-таки...

— Богъ проститъ, Иванъ Петровичъ... Такъ десятикопѣечныхъ двѣ?

— Да, двѣ.

„Вотъ ангелъ, точно что ангелъ. У мужика подлаго—и то прощенья проситъ. О, Господи, право ангелы,—заговорила дьяконица въ черномъ старомъ капотѣ и черномъ платкѣ. И точно, что мы понимать должны“.

— А, Парамоновна! — обратился къ ней Иванъ Петровичъ.—Что, аль говѣешь тоже? Прости тоже Христа ради.

— Богъ проститъ, батюшка, ангелъ ты мой, благодѣтель ты мой милостивый; дай ручку поцѣловать.

— Ну, полно, полно; ты знаешь, я не люблю, — сказалъ Иванъ Петровичъ, улыбаясь, и пошелъ въ алтарь.

Обѣдня, какъ и обыкновенно служилась въ Излегощинскомъ приходѣ, отошла скоро, тѣмъ болѣе, что причастниковъ было мало. Въ то время, какъ послѣ „Отче нашъ“ царскія двери закрылись, Иванъ Петровичъ выглянулъ въ сѣверныя двери, чтобы кликнуть Мишку снять шубу. Увидавъ его движеніе, священникъ сердито мигнулъ дьякону, дьяконъ выбѣжалъ почти, вызывая лакея Михаила. Иванъ Петровичъ былъ въ довольно хорошемъ расположеніи духа, но эти услуж-

ливость и выраженіе уваженія отъ священника, служившаго обѣдню, опять разстроили его; тонкія, изогнутыя, бритыя губы его изогнулись еще больше и добрые глаза засвѣтились насмѣшкой. „Точно я генералъ его“, подумалъ онъ, и тотчасъ же вспомнились ему слова нѣмца-гувернёра, котораго онъ разъ привелъ съ собою въ алтарь смотрѣть русскую службу, какъ этотъ нѣмецъ насмѣшилъ его и разсердилъ жену, сказавъ: „Der Pop war ganz böse, dass ich ihm Alles nachgesehen hatte“. Вспомнилось и то, какъ молодой турокъ отвѣчалъ, что Бога нѣтъ, потому что онъ съѣлъ послѣдній кусокъ. „А я причащаюсь“, подумалъ онъ и, нахмурившись, положилъ поклонъ. И снявъ медвѣжью шубу, въ одномъ синемъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами, въ бѣломъ высокомъ галстухѣ и жилетѣ и узкихъ панталонахъ, въ сапогахъ безъ каблуковъ, съ острыми носками, пошелъ своей тихою, скромною и легкою походкой прикладываться къ мѣстнымъ образамъ. И опять и тутъ онъ встрѣчалъ ту же угодливость другихъ причастниковъ, уступавшихъ ему мѣста.

„Какъ будто говорятъ: après vous s'il en reste“, думалъ онъ, бокомъ дѣлая земные поклоны съ тою же неловкостью, которая происходила отъ того, что надо было найти ту середину, при которой не было бы неуваженія и не было бы ханжества. Наконецъ двери отворились. Онъ прочелъ за священникомъ молитву, повторяя „яко разбойника“, ему завѣсили галстухъ воздухомъ, и онъ принялъ причастіе и теплоту въ древнемъ ковшечкѣ, положивъ новые двугривенные на древнія тарелочки; отслушалъ послѣднія молитвы, приложился ко кресту и, надѣвъ шубу, пошелъ изъ церкви, принимая поздравленія и испытывая пріятное чувство окончанія.

Выходя изъ церкви, онъ опять столкнулся съ Иваномъ Ѳедотовымъ.

— Спасибо, спасибо,—отвѣчалъ онъ на поздравленіе.— Что-жъ, скоро пахать?

— Ребята поѣхали, поѣхали ребята, — отвѣчалъ Иванъ Ѳедотовичъ, еще болѣе чѣмъ обыкновенно заробѣвши. Онъ предполагалъ, что Иванъ Петровичъ зналъ, куда поѣхали пахать излегощинскіе.—Пожалуй сыро. Сыро пожалуй. Время еще раннее. Раннее время.

Иванъ Петровичъ зашелъ къ памятнику отца и матери, поклонился и, подсаженный, сѣлъ въ коляску шестерикомъ съ форрейторомъ.

„Ну, слава Богу!“ сказалъ онъ себѣ, покачиваясь на мягкихъ, круглыхъ рессорахъ, глядя на весеннее небо съ расходившимися облаками, на обнаженную землю и бѣлыя пятна нестаявшаго снѣга, на туго закрученный хвостъ пристяжной, и вдыхая весенній свѣжій воздухъ, особенно пріятный послѣ воздуха церкви.

„Слава Богу, что причастился, и слава Богу, что можно табачку понюхать“. И онъ досталъ табакерку и долго держалъ табакъ въ щепоти, улыбаясь, и этою рукой, не распуская щепоть, приподнималъ шапку въ отвѣтъ на низкіе поклоны встрѣчавшагося народа, въ особенности бабъ, мывшихъ столы и лавки передъ дверьми, въ то время какъ коляска большою рысью крупнаго шестерика шлюпала и погромыхивала по грязи улицы села Излегощи.

Иванъ Петровичъ продержалъ щепоть съ табакомъ, предвкушая удовольствіе нюханья, не только вдоль всего села, но и до въѣзда, до дурнаго моста подъ горой, на который видимо не безъ заботы спускалъ кучеръ; онъ подобралъ

вожжи, усѣлся лучше и крикнулъ форрейтору держать на ледокъ. Когда объѣхали мостъ мимо, логомъ, и выѣхали изъ проломившагося льда и грязи, Иванъ Петровичъ, глядя на двухъ чибисовъ, поднявшихся въ логу, понюхалъ и, почувствовавъ свѣжесть, надѣлъ перчатку, закутался, утопилъ подбородокъ въ высокій галстухъ и сказалъ себѣ почти вслухъ: „славно", что̀ онъ тайно отъ всѣхъ самъ себѣ говорилъ, когда ему было хорошо.

Въ ночь выпалъ снѣжокъ, и когда Иванъ Петровичъ ѣхалъ еще въ церковь, снѣгъ не сошелъ, но былъ мягокъ; теперь же, хотя солнца все не было, снѣгъ ужъ весь съѣло сыростью и по большой дорогѣ, по которой надо было ѣхать три версты до поворота въ Чираково, только по прошлогодней травкѣ, параллельно росшей по проѣзженнымъ колеямъ, бѣлѣлся снѣжокъ; по черной же дорогѣ лошади шлепали по липкой грязи. Но добрымъ, своего завода, кормленнымъ крупнымъ лошадямъ ни по чемъ было влачить коляску, и она точно сама катилась и по травкѣ, гдѣ оставляла черные слѣды, и по грязи, нисколько не задерживаясь. Иванъ Петровичъ пріятно думалъ: онъ думалъ о домѣ, о женѣ и дочери. „Маша встрѣтитъ на крыльцѣ, и съ восторгомъ. Она будетъ видѣть во мнѣ такую святость. Странная, милая дѣвочка; только очень ужъ она все къ сердцу принимаетъ. И роль важности и знанія всего, что̀ дѣлается на этомъ свѣтѣ, которую я долженъ играть передъ нею, ужъ очень становится для меня серьёзна и смѣшна. Еслибъ она знала, что я ея боюсь", подумалъ онъ. „Ну, Като (жена) нынче вѣрно будетъ въ духѣ,—нарочно будетъ въ духѣ,—и день будетъ хорошій. Не такъ, какъ на прошлой недѣлѣ изъ-за прошкинскихъ бабъ. Удивительное существо! И какъ я боюсь ея!

Ну, что-жъ дѣлать, она сама не рада“. И онъ вспомнилъ знаменитый анекдотъ о теленкѣ,—какъ помѣщикъ, поссорившись съ женою, сѣлъ у окна и, увидавъ скачущаго теленка: „женилъ бы тебя!“ сказалъ помѣщикъ,—и опять улыбнулся, по своей привычкѣ разрѣшая всякое затрудненіе, недоразумѣніе, шуткою, большею частью, относившеюся къ нему самому.

На третьей верстѣ, у часовни, форрейторъ взялъ влѣво на проселокъ, и кучеръ крикнулъ на него за то, что такъ круто поворотилъ, что коренныхъ толкнуло дышломъ, и коляска покатилась почти всю дорогу подъ гору. Не доѣзжая дома, форрейторъ оглянулся на кучера и что-то указалъ; кучеръ оглянулся на лакея и указалъ. И всѣ они поглядывали въ одну сторону.

— Что̀ вы смотрите?—спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Гуси,—сказалъ Михайла.

— Гдѣ?...—Какъ ни щурился, онъ ничего не видѣлъ.

— Да вотъ они! Вонъ лѣсъ, а тамъ тучка, такъ въ промежку извольте смотрѣть.

Иванъ Петровичъ ничего не видѣлъ.

— Да ужъ пора! Нынче... *какъ бишъ?*—недѣлю не доѣздятъ до Благовѣщенія.

— Такъ точно.

— Ну, пошелъ!

У ложка̀ Мишка слѣзъ съ запятокъ и ощупалъ дорогу, опять взлѣзъ, и коляска благополучно въѣхала на плотину пруда въ саду, поднялась по аллеѣ, проѣхала погребъ, прачечную, съ которой капала вода, и ловко подкатила и стала у крыльца. Со двора только-что отъѣзжала бричка Чернышевыхъ. Изъ дома тотчасъ же выскочили люди: мрачный ста-

рикъ Данилычъ съ бакенбардами, Николай, братъ Михайлы, и мальчикъ Павлушка, а за ними дѣвочка съ черными, большими глазами и красными, голыми выше локтя, руками и такою же голою шеей.

— Марья Ивановна, Марья Ивановна!... куда вы? Вотъ мамаша обезпокоятся. Успѣете,—говорилъ сзади голосъ толстой Катерины.

Но дѣвочка не слушала ее. Какъ ожидалъ отецъ, она схватила его за руку и, глядя на него особеннымъ взглядомъ, точно со страхомъ спросила она:

— Ну, что, причастился, папенька?

— Причастился. Ты точно боялась, что я—такой грѣшникъ, что мнѣ не дадутъ причастія.

Дѣвочка видимо огорчилась шуткой отца въ такую торжественную минуту. Она вздохнула и, идя за нимъ, держала его руку и цѣловала.

— Кто это пріѣхалъ?

— Это молодой Чернышевъ. Онъ въ гостиной.

— Маменька встала? Что она?

— Маменькѣ нынче лучше. Она сидитъ внизу.

Въ проходной комнатѣ Ивана Петровича встрѣтили няня Евпраксея, прикащикъ Андрей Ивановичъ и землемѣръ, жившій, чтобъ отвести землю. Всѣ поздравляли Ивана Петровича. Въ гостиной сидѣли Луиза Карлова Тругони, десять лѣтъ другъ дома, гувернантка-эмигрантка и молодой человѣкъ, 16 лѣтъ, Чернышевъ, съ гувернеромъ французомъ.

II.

2-го августа 1817 года въ 6-мъ департаментѣ правительствующаго сената было рѣшено спорное дѣло о землѣ меж-

ду экономическими крестьянами села Излегощи и Чернышевымъ въ пользу крестьянъ и противъ Чернышева. Рѣшеніе это было неожиданнымъ и важныхъ несчастнымъ событіемъ для Чернышева. Дѣло это тянулось уже пять лѣтъ. Затѣянное повѣреннымъ богатаго трехтысячнаго села Излегощи, оно было выиграно въ уѣздномъ судѣ крестьянами, но когда, по совѣту купленнаго у князя Салтыкова двороваго человѣка, ходатая по дѣламъ, Ильи Митрофанова, князь Чернышевъ взялся за это дѣло въ губерніи, онъ его выигралъ и, сверхъ того, излегощинскіе крестьяне были наказаны тѣмъ, что шесть человѣкъ изъ нихъ, нагрубившихъ землемѣру, были посажены въ острогъ. Послѣ того князь Чернышевъ, по свойственной ему добродушной и веселой безпечности, совершенно успокоился, тѣмъ болѣе, что онъ твердо зналъ, что онъ никакою землей у крестьянъ не „завлаживалъ“, какъ было сказано въ прошеніи крестьянъ. Если была завлажена земля, то его отцомъ, а съ тѣхъ поръ прошло болѣе 40 лѣтъ. Онъ зналъ, что крестьяне села Излегощи и безъ этой земли живутъ хорошо, не нуждаются въ ней и съ нимъ живутъ хорошими сосѣдями, и не могъ понять, изъ чего они на него взбѣсились. Зналъ, что онъ никого не обижалъ и не хотѣлъ обижать, со всѣми всегда жилъ въ любви и только того и желалъ, и потому не вѣрилъ, чтобъ его хотѣли обидѣть; онъ ненавидѣлъ сутяжничество и потому не хлопоталъ въ сенатѣ, несмотря на совѣты и увѣщанія своего дѣльца, Ильи Митрофанова; пропустивъ срокъ апелляціи, онъ проигралъ дѣло въ сенатѣ, и такъ проигралъ его, что ему предстояло разореніе. Отъ него, по указу сената, не только отрѣзывалось пять тысячъ десятинъ земли, но, за неправильное владѣніе этою землей,

взыскивалось 107 тысячъ въ пользу крестьянъ. У князя Чернышева было восемь тысячъ душъ, но всѣ имѣнія были заложены, много было долговъ, и это рѣшеніе сената разоряло его со всѣмъ его большимъ семействомъ. У него были сынъ и пять дочерей. Онъ хватился, когда уже поздно было хлопотать въ сенатѣ. По словамъ Ильи Митрофанова, было одно спасеніе—подать прошеніе на Высочайшее имя и перевести дѣло въ государственный совѣтъ. Для этого нужно было лично просить кого-нибудь изъ министровъ или изъ членовъ совѣта и даже, еще бы лучше, самого Государя. Сообразивъ все это, князь Григорій Ивановичъ поднялся осенью 1817 года изъ своего любимаго Студенца, гдѣ онъ жилъ безвыѣздно, со всѣмъ семействомъ, въ Москву. Онъ ѣхалъ въ Москву, а не въ Петербургъ, потому что въ этотъ годъ осенью Государь, со всѣмъ Дворомъ, со всѣми высшими сановниками и съ частью гвардіи, въ которой служилъ и сынъ Григорія Ивановича, долженъ былъ прибыть въ Москву для закладки храма Спасителя въ память избавленія Россіи отъ нашествія французовъ.

Еще въ августѣ, тотчасъ же по полученіи ужаснаго извѣстія о рѣшеніи сената, князь Григорій Ивановичъ собрался въ Москву. Впередъ былъ посланъ дворецкій для приготовленія собственнаго дома на Арбатѣ, посланъ былъ обозъ съ мебелью, людьми, лошадьми, экипажами и провизіей. Въ сентябрѣ князь со всѣмъ семействомъ, на своихъ лошадяхъ въ семи экипажахъ, пріѣхалъ въ Москву и поселился въ своемъ домѣ. Родные, знакомые, пріѣзжіе изъ губерніи и изъ Петербурга стали собираться въ Москву въ сентябрѣ. Самая жизнь московская съ ея увеселеніями, пріѣздъ сына, выѣзды дочерей и успѣхъ старшей дочери Александры, од-

ной блондинки изъ всѣхъ черныхъ Чернышевыхъ, такъ заняли и развлекали князя, что онъ, несмотря на то, что проживалъ здѣсь, въ Москвѣ, то, что̀ можетъ-быть только и останется ему, когда онъ заплатитъ все,—забывалъ о дѣлѣ и тяготился и скучалъ, когда Илья Митрофановъ говорилъ о дѣлѣ, и ничего еще не предпринялъ для успѣха своего дѣла. Иванъ Мироновичъ Баушкинъ, главный повѣренный мужиковъ, съ такимъ рвеніемъ ведшій въ сенатѣ дѣло противъ князя, знавшій всѣ ходы и подходы къ секретарямъ и столоначальникамъ и такъ искусно распредѣлившій въ Петербургѣ собранные съ мужиковъ десять тысячъ рублей въ видѣ подарковъ, теперь тоже прекратилъ свою дѣятельность и вернулся въ село, гдѣ, на собранныя деньги въ свое награжденіе и на оставшіяся отъ подарковъ, купилъ рощу у сосѣдняго помѣщика и устроилъ въ ней избу-контору. Дѣло теперь въ высшей инстанціи было кончено и должно было идти само собою.

Изъ всѣхъ замѣшанныхъ въ это дѣло не могли его забыть только тѣ шесть мужиковъ, которые сидѣли седьмой мѣсяцъ въ острогѣ и ихъ оставшіяся безъ домохозяевъ семьи. Но дѣлать было нечего, они сидѣли въ краснослободскомъ острогѣ, а семьи ихъ старались управляться безъ нихъ. Просить некого было. И самъ Иванъ Мироновичъ говорилъ, что за это дѣло онъ взяться не можетъ, что это дѣло не мірское и не гражданское, а уголовное. Мужики сидѣли, и никто не хлопоталъ о нихъ, но одна семья Михаила Герасимовича, именно его старуха Тихоновна, не могла примириться съ мыслью, что ея золото, старикъ Герасимычъ, сидитъ съ бритою головой въ острогѣ. Тихоновна не могла оставаться спокойною. Она просила Мироныча

хлопотать; Миронычъ отказалъ ей. Тогда она рѣшила сама идти Богу молиться за старика. Она годъ тому назадъ уже обѣщалась идти къ угоднику и все, за недосугомъ и за нежеланіемъ поручить молодымъ невѣсткамъ хозяйство, откладывала до другаго года. Теперь, когда случилась бѣда—Герасимыча посадили въ острогъ, ей вспомнилось обѣщаніе; она махнула рукой на хозяйство и, вмѣстѣ съ дьяконицею ихъ села, собралась на богомолье. Сперва онѣ зашли въ уѣздъ къ старику, гдѣ онъ сидѣлъ въ острогѣ, снесли ему рубахи и оттуда черезъ губернскій городъ онѣ пошли къ Москвѣ. Дорогой Тихоновна разсказала свое горе, и дьяконица посовѣтовала ей просить Царя, который, какъ слышно, будетъ въ Пензѣ, разсказывая ей, какіе были случаи помилованія. Прійдя въ Пензу, странницы узнали, что въ Пензу уже пріѣхалъ—но не Царь, а царскій братъ, Великій Князь Николай Павловичъ. По выходѣ изъ собора въ Пензѣ, Тихоновна протѣснилась впередъ, пала на колѣни и стала просить за хозяина; Великій Князь былъ удивленъ, губернаторъ разсердился и старуху взяли въ часть; черезъ день ее выпустили, и Тихоновна пошла дальше къ Троицѣ. У Троицы Тихоновна отговѣла и исповѣдывалась у отца Паисія. На духу она разсказала ему свое горе и каялась въ томъ, что подавала прошеніе царскому брату. Отецъ Паисій сказалъ ей, что грѣха тутъ нѣтъ, и что въ правомъ дѣлѣ и Царя не грѣхъ просить, и отпустилъ ее. И въ Хотьковѣ она была у блаженной, и блаженная велѣла ей просить самого Царя. Тихоновна на обратномъ пути вмѣстѣ съ дьяконицей зашла въ Москву къ угодникамъ. Тутъ она узнала, что Царь въ Москвѣ, и Тихоновна подумала, что видно такъ Богъ велитъ просить Царя. Надо было только написать прошеніе.

Въ Москвѣ странницы пристали на постояломъ дворѣ. Онѣ попросились ночевать; ихъ пустили. Послѣ ужина дьяконица легла на печи, а Тихоновна, положивъ подъ голову котомку, легла на лавкѣ и заснула. На утро, еще до свѣта, Тихоновна встала, разбудила дьяконицу, и только дворникъ окликнулъ ее, когда она выходила на дворъ.

— Рано поднялась, баушка,—оговорилъ онъ ее!

— Пока дойдемъ, кормилецъ, и заутреня,—отвѣчала Тихоновна.

— Съ Богомъ, баушка!

— Спаси Христосъ, — сказала Тихоновна, и странницы пошли къ Кремлю.

Отстоявъ заутреню и обѣдню и приложившись къ святынямъ, старухи, съ трудомъ отыскивая дорогу, пришли къ двору Чернышевыхъ. Дьяконица сказала, что старая барыня крѣпко наказывала ей побывать и всѣхъ странныхъ принимаетъ. „Тамъ и человѣчка найдемъ насчетъ прошенія“, сказала дьяконица, и странницы пошли плутать по улицамъ, распрашивая дорогу. Дьяконица была разъ, да забыла. Раза два чуть не раздавили ихъ, кричали на нихъ, бранили ихъ; разъ полицейскій взялъ дьяконицу за плечи и толкнулъ, запрещая имъ идти по той улицѣ, по которой онѣ шли, и направляя ихъ въ лѣсъ переулковъ. Тихоновна не знала, что ихъ согнали съ Воздвиженки именно потому, что по этой улицѣ долженъ былъ ѣхать тотъ самый Царь, о которомъ она не переставая думала и которому намѣревалась написать и подать прошеніе.

Дьяконица, какъ всегда, шла тяжело и жалостно; Тихоновна, какъ обыкновенно, легко и бодро, шагами молодой женщины. У самыхъ воротъ странницы остановились. Дьяко-

ница не узнавала двора: стояла новая изба, которой не было прежде; но, оглядѣвъ колодезь съ насосами въ углу двора, дьяконица признала дворъ. Собаки залаяли и бросились на старухъ съ палками.

— Ничего, тетки, не тронутъ... У, вы, подлыя!—крикнулъ дворникъ на собакъ, замахиваясь метлою.—Вишь, сами деревенскія, а на деревенскихъ зарятся... Сюда обходи,—завязнешь. Не даетъ Богъ морозу.

Но дьяконица, заробѣвшая отъ собакъ, жалостно приговаривая, присѣла у воротъ на лавочку и просила дворника проводить. Тихоновна привычно поклонилась дворнику и, оперщись на клюку, разставивъ туго обтянутыя онучами ноги, остановилась подлѣ нея, какъ всегда, спокойно глядя передъ собою и ожидая подходившаго къ нимъ дворника.

— Вамъ кого?—спросилъ дворникъ.

— Али не призналъ, кормилецъ? Егоромъ звать никакъ?—сказала дьяконица. — Отъ угодниковъ, да вотъ зашли къ сіятельной.

— Излегощинскія?—сказалъ дворникъ,— стараго дьякона будете? Какже, ничего, ничего! Идите въ избу. У насъ принимаютъ, никому отказа нѣтъ. А эта чья же будетъ?

Онъ указалъ на Тихоновну.

— Излегощинская же, Герасимова, была Ѳадѣева: знаешь, я чай?—сказала Тихоновна.—Тоже излегощинская.

— Какже! Да что, сказывали, вашего въ острогъ, что ли, посадили?

Тихоновна ничего не отвѣтила, только вздохнула и подкинула сильнымъ движеніемъ на спину котомку и шубу.

Дьяконица распросила, дома ли старая барыня, и узнавъ, что дома, просила доложить ей. Потомъ спросила про сына,

который вышелъ въ чиновники и служилъ по милости князя въ Петербургѣ. Дворникъ ничего не умѣлъ ей отвѣтить и направилъ ихъ въ избу людскую по мосткамъ, шедшимъ черезъ дворъ. Старухи вошли въ избу, полную народомъ, женщинами, дѣтьми, старыми и молодыми, дворовыми, и помолились на передній уголъ. Дьяконицу тотчасъ же узнали прачка и горничная старой барыни и тотчасъ же обступили ее съ распросами, сняли съ нея котомку и усадили за столъ, предлагая ей закусить. Тихоновна, между тѣмъ, перекрестившись на образа и поздоровавшись со всѣми, стояла у двери, ожидая привѣта. У самой двери, у перваго окна сидѣлъ старикъ и шилъ сапоги.

— Садись, бабушка, что стоишь! Садись вотъ тутъ. Котомку-то сними,—сказалъ онъ.

— И такъ не повернешься, куда садиться-то... Проводи ее въ черную избу!—отозвалась какая-то женщина.

— Вотъ такъ мадамъ отъ Шальме!—сказалъ молодой лакей, указывая на пѣтушковъ на спинѣ зипуна Тихоновны: — и чулочки-то, и башмачки...

Онъ показывалъ на ея онучи и лапти—обновки для Москвы.

— Тебѣ бы, Параша, такія то.

— А въ черную, такъ въ черную! Пойдемъ, я тебя провожу.—И старикъ, воткнувъ шило, всталъ; но увидавъ дѣвчонку, крикнулъ ей, чтобъ она провела старушку въ черную избу.

Тихоновна не только не обратила вниманія на то, что говорили вокругъ нее и про нее, но не видала и не слыхала. Она, съ тѣхъ поръ какъ вышла изъ дому, была проникнута чувствомъ необходимости потрудиться для Бога и другимъ чувствомъ,—она сама не знала, когда западшимъ ей въ ду-

шу,—необходимости подать прошеніе. Уходя изъ чистой избы людской, она подошла къ дьяконицѣ и сказала, кланяясь:

— Объ дѣлѣ-то о моемъ, матушка Парамоновна, ты не забудь, ради Христа! Спроси, нѣтъ ли человѣчка...

— А это чего старухѣ надо?

— Да вотъ обида есть, прошеніе ей люди присовѣтовали Царю подать.

— Прямо къ Царю ее и весть!—сказалъ шутникъ лакей.

— Э, дура, вотъ дура-то неотесанная!—сказалъ старикъ-сапожникъ.—Вотъ возьму тебя колодкой отъутюжу,—не погляжу на твой фракъ,—узнаешь, какъ на старыхъ людей зубоскалить....

Лакей началъ браниться, но старикъ, не слушая его, увелъ Тихоновну въ черную.

Тихоновна рада была, что ее выгнали изъ приспѣшной и свели въ черную, кучерскую. Въ приспѣшной все было слишкомъ чисто и народъ все былъ чистый, и Тихоновнѣ было не по себѣ. Въ черной кучерской было похоже на крестьянскую избу, и Тихоновнѣ было вольнѣе. Черная была еловая, восьми-аршинная темная изба съ большою печью, съ нарами, полатями и, затоптаннымъ грязью, намощеннымъ новымъ поломъ. Въ избѣ въ то время, какъ вошла въ нее Тихоновна, была кухарка, бѣлая, румяная, жирная дворовая женщина, съ засученными рукавами ситцеваго платья, съ трудомъ передвигавшая ухватомъ горшокъ въ печи; потомъ молодой малый, кучеръ, учившійся на балалайкѣ, и старикъ съ небритою, мягкою бѣлою бородой, сидѣвшій на нарахъ съ босыми ногами и, держа мотокъ шелку въ губахъ, шившій что-то тонкое и хорошее; и лохматый черный молодой человѣкъ, въ рубашкѣ и синихъ штанахъ, съ грубымъ лицомъ, который,

жуя хлѣбъ, сидѣлъ на лавкѣ у печи, облокотивъ голову на обѣ, утвержденныя на колѣняхъ, руки.

Босая Настька, съ блестящими глазками, вбѣжала своими легкими, босыми ногами впередъ старухи, оторвала влипшую отъ пара дверь и пропищала своимъ тонкимъ голоскомъ:

— Тетушка Марина, Симонычъ вотъ старушку прислалъ, велитъ накормить. Онѣ съ нашей стороны, съ Парамоновной ходили къ угодникамъ. Парамоновну чаемъ поятъ, Власьевна за ней посылала...

Словоохотливая дѣвочка еще долго бы не остановилась говорить,—слова такъ и лились у нея и, видно, ей весело было слушать свой голосъ,—но запотѣвшая у печи Марина, не успѣвая все своротить, зацѣпившійся за подъ, горшокъ со щами, сердито крикнула на нее:

— Ну тебя совсѣмъ, будетъ болтать! Какую еще старуху кормить? Тутъ своихъ не накормишь... Прострѣли тебя!— крикнула она на горшокъ, который чуть не упалъ, сдвинувшись съ мѣста, за которое зацѣпился.

Но, успокоившись теперь насчетъ горшка, она оглянулась и, увидавъ благовидную Тихоновну съ ея котомкой и въ правильномъ деревенскомъ нарядѣ, кладущую кресты и низко кланяющуюся на передній уголъ, тотчасъ же устыдилась своихъ словъ и, какъ бы опомнившись отъ замучившихъ ее хлопотъ, хваталась за грудь, гдѣ, ниже ключицы, пуговки застегивали ея платье, и повѣрила, застегнуто ли оно, и хватилась за голову и подтянула сзади узелъ платка, покрывавшаго ея намасленную голову, и остановилась, упершись на ухватъ, дожидаясь привѣтствія благовидной старухи. Поклонившись послѣдній разъ низко Богу, Тихоновна обернулась и поклонилась на три стороны.

— Богъ помочь, здравствуйте!—сказала она.

— Милости просимъ, тётенька!—сказалъ портной.

— Спасибо, бабушка, снимай котомку. Вотъ сюда-то, вотъ! — сказала стряпуха, указывая на лавку, гдѣ сидѣлъ лохматый человѣкъ. — Посторопись, что-ли! Какъ застылъ, право!

Лохматый, еще сердитѣе нахмурившись, приподнялся, подвинулся и, продолжая жевать, не спускалъ глазъ со старухи. Молодой кучеръ поклонился и, переставъ играть, сталъ подвинчивать струны своей балалайки, глядя то на старуху, то на портнаго, не зная какъ обратиться со старухой: уважительно, какъ ему казалось, надо, потому что старуха была въ томъ самомъ нарядѣ, въ какомъ ходили его бабушка и мать дома (онъ былъ форрейторъ, взятый изъ мужиковъ), или подтрунивая, какъ ему хотѣлось и казалось сообразно съ его теперешнимъ положеніемъ, синею поддевкой и сапогами. Портной поджалъ одинъ глазъ и, казалось, улыбался, подтянувъ шелкъ во рту на одну сторону, и тоже смотрѣлъ. Марина взялась ставить другой горшокъ, но и занятая дѣломъ оглядывала старуху, какъ она бодро и ловко снимала котомку и, стараясь никого не зацѣпить, укладывала ее подъ лавку. Настька подбѣжала къ ней и помогла ей: вынула изъ-подъ лавки сапоги, мѣшавшіе котомкѣ.

— Дядюшка Панкратъ,—обратилась она къ угрюмому человѣку,—я сюда сапоги. Ничего?

— А чортъ ихъ дери, хоть въ печь брось!—сказалъ угрюмый человѣкъ, бросая ихъ въ другой уголъ.

— Вотъ умница, Настька!—сказалъ портной:—дорожнаго человѣка успокоить надо, такъ-то.

— Спаси Христосъ, дѣушка. Такъ ладно,—сказала Тихо-

новна.—Тебя только, миленькій, потревожили...—обратилась она къ Панкрату.

— Ничего,—сказалъ Панкратъ.

Тихоновна сѣла на лавку, снявъ зипунъ и бережно сложивъ его, и начала разуваться. Прежде она развязала оборочки, ею же самой нарочно для богомолья гладко ссученныя; потомъ размотала бережно поярковыя бѣлыя онучи и, бережно размявъ, сложила на котомку. Когда она разувала другую уже ногу, у неловкой Марины опять зацѣпился горшокъ и выплеснулся, и опять она стала бранить кого-то, цѣпляя ухватомъ.

— Видно выгорѣлъ подъ-то, дѣушка, надо бы подмазать,—сказала Тихоновна.

— Когда тутъ мазать! Не толченая труба... Двое хлѣбовъ въ день ставишь: одни вынимай, а другіе затѣвай.

По случаю жалобы Марины на хлѣбы и на выгорѣвшій подъ, портной заступился за порядки Чернышовскаго дома и разсказалъ, что пріѣхали вдругъ въ Москву, что всю избу построили въ три недѣли и печь склали, и что дворни до сотни человѣкъ, а всѣхъ кормить надо.

— Извѣстное дѣло, хлопоты, заведеніе большое, — подтвердила Тихоновна.

— Откуда Богъ несетъ, бабушка?—обратился портной.

И тотчасъ же Тихоновна, продолжая разуваться, разсказала, откуда она, куда ходила и какъ идетъ домой. Про прошеніе же она ничего не сказала. Разговоръ не прерывался. Портной узналъ все про старуху, а старуха все про неловкую красивую Марину, что ея мужъ—солдатъ, а она взята въ кухарки; что самъ портной шьетъ кафтаны выѣзднымъ кучерамъ, что дѣвчонка на побѣгушкахъ у ключницы,

сирота, а что мохнатый, угрюмый Панкратъ—въ прислугахъ у прикащика Ивана Васильевича. Панкратъ вышелъ изъ избы, хлопнувъ дверью; портной разсказалъ, что онъ и такъ грубый мужикъ, а нынче вовсе грубъ потому, что вчера онъ разбилъ у прикащика штучки на окошкахъ и его нынче сѣчь хотятъ на конюшнѣ. „Вотъ прiѣдетъ Иванъ Васильевичъ и поведутъ сѣчь. Кучеренокъ былъ, изъ деревенскихъ взятъ въ фолеторы, да выросъ, и теперь только ему и дѣла, что убирать лошадей, да на балалайкѣ отмачивать. Да не мастеръ...“

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

намѣрена, что хотится, упрямѣ Навѣдать — за прислугою у приказчика Ивана Васильевича. Напротивъ, Анюта иной разъ хлопнетъ дверью, нарочно расскажетъ, что съ нею такъ грубъ мужикъ, а иногда еще будто потому, что вотъ онъ ребенокъ, — прежнимъ бѣгала не сложилась и его иначе сама хотѣла не помнитъ. „Вотъ пріѣдетъ Иванъ Васильевичъ и покажетъ себя. Въ черновой бывъ, изъ хозяйскихъ вѣдомостей просить, да впросъ, и теперь только ему бы ли эта забота, [illegible] на бальнаго отдавать. Да и вмѣстѣ рѣшили.

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

ОГЛАВЛЕНІЕ

2-й части.

Утро помѣщика. Повѣсть. 3
Записки маркёра. Разсказъ. 75
Изъ записокъ князя Д. Нехлюдова. Люцернъ 101
Альбертъ. Разсказъ. 137
Два гусара. Повѣсть. 176
Три смерти. Разсказъ. 259
Казаки. Кавказская повѣсть 1852 года. 279
Декабристы: Отрывки изъ задуманнаго романа. 489
Два варіанта первой главы 537

15

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Tolstoj, Lev Nikolaevič,

Sočinenija grafa L. N. Tolstogo

Bd.: 2

1887

P.o.rel. 3527 y-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11679099-5